Н. Ф. ЩЕРБИНА

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Н. Ф. ЩЕРБИНА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья
И. Д. Гликмана

Составление, подготовка текста
и примечания Г. Я. Галаган

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1970

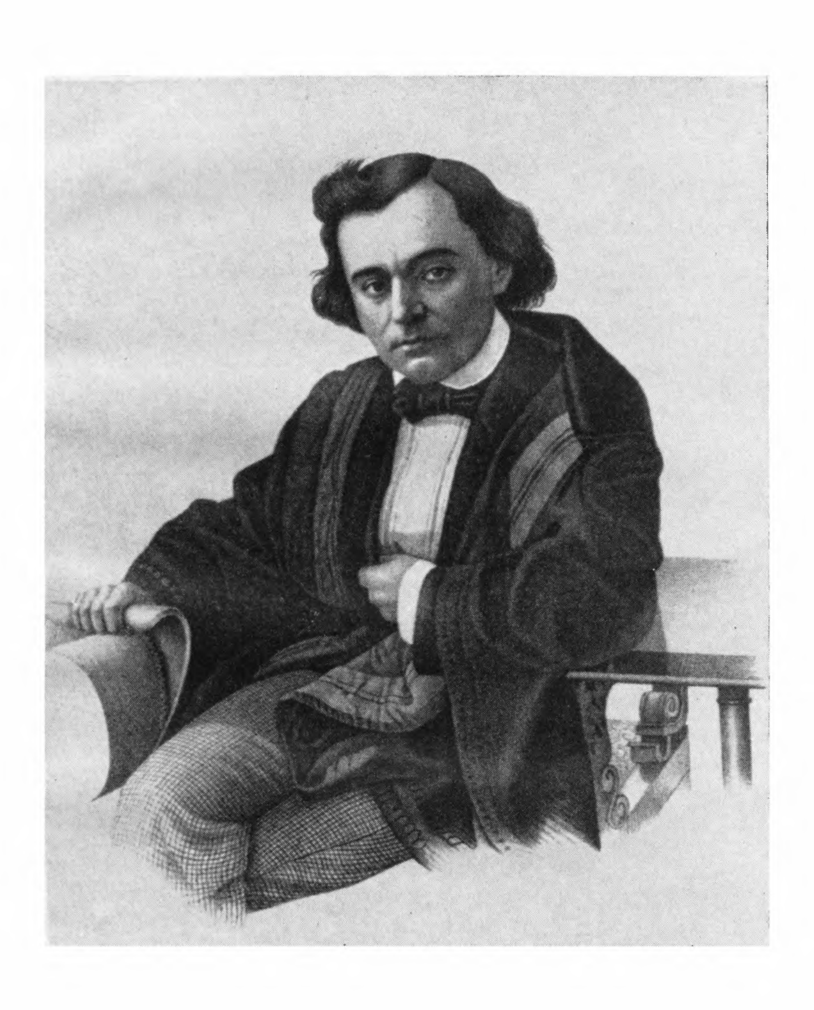
Р 1
Щ 64

Щербина Николай Федорович (1821—1869) — поэт, мало известный современному читателю. Между тем в середине прошлого века Щербина пользовался большой популярностью как автор антологических стихотворений, как лирик и эпиграмматист.

Художественное дарование Щербины было оценено такими его современниками, как Чернышевский, Некрасов, Тютчев.

«Собрание сочинений» Н. Ф. Щербины вышло почти сто лет тому назад (в 1873 г.). Настоящее издание является первым научным изданием Щербины, дающим возможность ознакомиться со всеми сторонами его поэтического творчества.

7-4-2
330-70

Н. Ф. ЩЕРБИНА

1

В середине прошлого века Щербина пользовался большой популярностью. Это не подлежит никакому сомнению. Козьма Прутков избрал его объектом своих остроумных пародий отчасти и потому, что он был хорошо известен читающей публике и вследствие этого сразу же узнаваем. Даже в резко шаржированном виде.

Козьма Прутков способствовал упрочению негативной славы Щербины, ибо с течением времени, когда имя поэта стало предаваться постепенному забвению, в памяти читателей продолжали звучать смешные прутковские строки, в которых пародийно запечатлена стилистика антологических стихотворений Щербины.

В наши дни иные исследователи склонны думать, что эти пародии более или менее исчерпывают собой сущность пародированного поэтического материала. Однако ничего подобного не приходило в голову критикам и поэтам в пятидесятых годах XIX столетия. Так, например, Дружинин и Чернышевский, Некрасов и Тютчев очень серьезно отнеслись к произведениям Щербины. Они, каждый по-своему, отметили его талант, сверкнувший на фоне массовой поэзии той эпохи.

Время, конечно, вносит свои поправки в суждения современников, и такие эпитеты, как «замечательный», «прекрасный» талант, примененные к Щербине Дружининым и Чернышевским, сейчас кажутся чрезмерными.

Небезупречная точность этих эпитетов уравновешивается другим: неповторимым (и труднодоступным для последующих поколений исследователей) ощущением того, в какой мере голос поэта был

созвучен настроениям и духовным потребностям общества и какое место он занимал в общем поэтическом хоре минувшей эпохи. Причем немаловажное значение имеет не только основной тон звучавшего голоса, но и те обертоны и нюансы, которые впоследствии бесследно размываются текущим временем. Оценивая дарование Щербины, Чернышевский принимал во внимание и личность поэта. Она ему представлялась недюжинной и многообещающей.

Словно предчувствуя близкую кончину, Щербина за несколько дней до смерти тщательно отредактировал ранее написанную автобиографическую заметку, ставшую основным источником наших о нем сведений. Выдержанная в бесстрастно-деловом тоне, она лишена подробностей внутренней жизни. В ней не слышно ни жалоб, ни сарказмов, которыми наполнены частные письма поэта. Долголетняя привычка скрывать свои мысли, выработанная под гнетом николаевского режима, сказалась в этой заметке, предназначенной, по всей вероятности, для печати. Она и была опубликована в предисловии к посмертному собранию сочинений Щербины, вышедшему в 1873 году.

Вот как начинается автобиография Николая Федоровича Щербины: «Я, Николай Щербина, происхожу, с отцовской стороны, из дворян Харьковской губернии, а с материнской — из дворян Войска Донского. Родился 2-го декабря 1821-го года в степном поместье матери своей Грузко-Еланинском (Миусского округа) в земле Войска Донского, находящемся в 60-ти верстах от города Таганрога. С 8-летнего возраста начал постоянно жить с родителями в Таганроге и обучался в тамошнем училище и гимназии».[1]

В Таганроге началась поэтическая деятельность Щербины; здесь родилась и окрепла его любовь «ко всему греческому», которую он пронес через всю жизнь. Для этого было немало причин. Мальчик рос в окружении греков, предки которых покинули свою родину, спасаясь от притеснений турецких завоевателей. Греческой эмигранткой была бабушка поэта, обосновавшаяся в Таганроге в царствование Екатерины II. Это обстоятельство, конечно, сыграло большую роль в формировании грекофильских настроений Щербины, считавшего себя связанным с любимой Элладой и духовно, и кровно.

Объясняя свою приверженность к греческой теме, Щербина в 1853 году писал А. Н. Майкову: «Я... взрос, слыша ежедневно

---

[1] Полное собрание сочинений Н. Ф. Щербины, СПб., 1873, с. 21.

звуки новогреческого языка... Родная (по матери) бабка моя была чистая гречанка из Мистры, что, кажется, в Лаконии или Мессинии, и я дитей воспитывался под преданиями и песнями ее родины. В нашем доме все служанки из малороссиянок говорили по-гречески и пели греческие песни».[1]

Большое впечатление на Щербину производили песни о подвигах клефтов — бесстрашных героев свободы, сражавшихся с турецкими пашами и беями. По-особому воспринимались рассказы о недавних событиях, связанных с греческим национально-освободительным движением, вспыхнувшим в 1821 году. И не случайно одним из первых произведений Щербины, опубликованных в печати, было стихотворение «Клефты».

В тринадцатилетнем возрасте он написал поэму «Сафо» (впоследствии уничтоженную); в его архиве сохранились две юношески незрелые драмы в духе неистового романтизма — «Осада Ипсары» и «Ксанфо», посвященные современной Греции. Таким образом, греческие стихотворения Щербины, создавшие ему известность, не были какой-то причудой «эллина из Таганрога», «полухохла и полугрека», как называли поэта некоторые его недоброжелатели; они были вызваны к жизни неподдельным и горячим увлечением греческой темой, истолкованной широко и разнообразно, вне узких границ антологического жанра.

Романтическая мечтательность сочеталась в характере юного Щербины с острым чувством юмора и иронией, с умением подмечать смешные стороны в окружающих людях. Эти свойства с возрастающей силой дадут о себе знать в сатирическом творчестве поэта. В гимназии его называли «Архилохом-насмешником» (об этом мы узнаем из цитированного выше письма к А. Н. Майкову). По-видимому, он гордился этим лестным прозвищем и, стремясь оправдать его, написал в гимназические годы не дошедшую до нас «комедию из русской жизни».

Когда Щербине исполнилось шестнадцать лет, он, как это явствует из автобиографической заметки, «поехал учиться, частным образом, в Москву». Летом 1839 года он подал «прошение о допущении ко вступительному экзамену» в Московский университет. Не совсем ясно, почему умного, начитанного, наделенного бесспорным литературным дарованием юношу в университет не приняли. Известно, что, по приезде в Москву, он близко познакомился с писателем А. Ф. Вельтманом и этнографом В. В. Пассеком (университетским

---

[1] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

товарищем А. И. Герцена). Оба они отнеслись к провинциалу из Таганрога с большой симпатией, почувствовав, вероятно, его незаурядность.

Татьяна Петровна Пассек в своих мемуарах утверждает, что «Вельтман и Вадим ⟨Пассек⟩ полюбили его, оценили его расцветавший талант и приняли в нем участие».[1] В чем оно выражалось — сказать трудно. Во всяком случае, этот первый период московской жизни оставил приятный след в душе Щербины. Примерно двадцать лет спустя он объяснял свою страстную любовь к Москве и тем обстоятельством, что «провел в ней два года первой юности».[2]

Осенью 1839 года Щербина переселился в Харьков. В это время материальные дела его родителей пришли в крайний упадок, и молодой дворянин, сын помещика, был обречен на полунищенское существование домашнего репетитора. Он «вынужден был выдержать экзамен на учителя и преподавать в деревнях у помещиков»,[3] — так с большой сдержанностью пишет о себе Щербина. Один из его харьковских приятелей В. М. Лазаревский не без горечи рассказывает об очень тяжелых лишениях, которые терпел поэт: «Да, бедность была безысходная: есть нечего, осунется сюртучок — надеть нечего».[4]

Однако желание получить высшее образование не покидало Щербину. В автобиографической заметке сказано — глухо и невнятно — о поступлении в Харьковский университет. В одной из версий этой заметки даются уточнения: «Поступил в университет по юридическому факультету, будучи душевно расположен к изучению общественных и политических наук, но курса не окончил».[5]

В обоих случаях автор не указывает даты поступления в университет. Это можно было бы объяснить его забывчивостью или рассеянностью. Но вот упомянутый В. М. Лазаревский начисто отрицает эти сведения, утверждая, что Щербина в Харьковском университете никогда не учился и что по этому поводу он сказал неправду в своей предсмертной записке. Лазаревский сочувственно и доброжелательно относился к Щербине, и вряд ли можно его заподозрить в клевете на покойного поэта. Он, например, сообщает, что Щербина вращался среди харьковских студентов, был их любимцем, его

---

[1] Т. П. Пассек, Из дальних лет, т. 2, М., 1963, с. 338.
[2] «Исторический вестник», 1891, № 1, с. 49.
[3] Полное собрание сочинений Н. Ф. Щербины, с. 22.
[4] «Русский библиофил», 1914, № 4-6, с. 24.
[5] Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

чуть ли не «на руках носили», но ему так и не удалось поступить в университет.[1]

Похоже на то, что Лазаревский был прав. Во всяком случае, в самом конце 1844 года двадцатитрехлетний Щербина только лишь мечтал о поступлении в университет. В письме к В. М. Лазаревскому от 10 декабря 1844 года излагается ближайший план жизни: «Выдержать экзамен в университет, тотчас же из него уволиться и приобрести, таким образом, 2-й разряд по воспитанию».[2]

Этот более чем скромный план составлен человеком, отчаянно борющимся за хлеб насущный. По-видимому, «2-й разряд по воспитанию» мог избавить его от ненавистного преподавания в помещичьих усадьбах и помочь устройству на службу. Щербина с мрачным юмором говорит в этом письме о самоубийстве: «тесные обстоятельства» вынуждают его думать о том, чтобы «произвольно покинуть эту прекрасную земную юдоль и променять ее на небытие».[3]

Зачем же понадобилось Щербине придумывать историю с университетом? Быть может, в нем заговорило болезненное самолюбие — одна из существенных особенностей его характера. Быть может, в нем пробудилось опасение за свою служебную репутацию. До какой степени он дорожил ею, свидетельствуют хотя бы строки из варианта автобиографии, как бы подтверждающие служебное рвение Щербины. И написаны они им на таком канцелярском языке, которому мог бы позавидовать любой титулярный советник: несмотря на то, что он (Щербина) «заболел тяжкою хроническою болезнию, но должность свою, однако, отправлял неукоснительно, как бы был совершенно здоровым».[4] Писались эти предсмертные строки в то время, когда Щербина служил в Главном управлении по делам печати, а до этого состоял рецензентом Академии наук для разбора сочинений на соискание уваровской премии. И вполне возможно, что положение обязывало упомянуть про университет.

---

[1] Характерно, что Н. О. Лернер, занимавшийся творчеством Щербины и опубликовавший воспоминания В. М. Лазаревского, принимает как должное это утверждение мемуариста. Но существует другая версия о том, что Щербина все-таки был студентом Харьковского университета (ср.: В. И. Срезневский, И. Е. Бецкий, издатель «Молодика», СПб., 1900, с. 14).

[2] «Русский библиофил», 1914, № 4-6, с. 11.

[3] Там же, с. 12.

[4] «Исторический вестник», 1891. № 1, с. 38.

2

Щербина, приехав в Харьков еще совсем неоперившимся юнцом, прожил в нем около десяти трудных лет. Его молодость была омрачена беспросветной нуждой, горечью отвергнутой любви и обманутых надежд, унижениями и оскорблениями, связанными с бедностью и неустроенностью. Эти испытания не сломили Щербину, но не прошли бесследно; они наложили печать на его характер — недоверчиво-мнительный, скрытный, желчный и легко ранимый. Все пережитое им в ранние годы обострило его чуткость не только к человеческому горю, но и к искомому человеческому счастью, ставшему предметом его «Греческих стихотворений».

Харьковское десятилетие (1839—1849) было для Щербины и жестокой школой жизни, и периодом интенсивного духовного роста. За это время он сложился как поэт и как личность с определенными общественными и эстетическими взглядами. Им были созданы произведения в антологическом роде, в жанре гражданской лирики и первые опыты в области сатиры. Эти три линии появлялись не в порядке последовательности, как принято считать, а возникли одновременно, образуя известное единство, в котором доминировала, однако, греческая тема. К ней Щербина пристрастился еще с детских лет; она прошла красной нитью через его творчество сороковых и первой половины пятидесятых годов. В этом не было ничего экстраординарного.

В антологическом роде писали многие поэты. Достаточно назвать сверстников Щербины — Майкова, Фета. Всем им не пришлось «возрождать забытый» жанр. Его разнообразные мотивы устойчиво звучали в русской поэзии начиная со времен Ломоносова, они приобрели большую художественную силу в стихах Батюшкова и Дельвига, в классических переводах Гнедича и Жуковского, в маленьких шедеврах Пушкина, созданных им в тридцатых годах и как бы предназначенных в качестве эстафеты для поэтов следующего десятилетия.

Антологический жанр — понятие не статическое. Он полон динамики, несмотря на кажущуюся «неподвижность» тематики и стилистических средств. В искусстве «подражания древним» каждое новое поколение «подражало» по-своему, сообразуясь с духом времени, его общим поэтическим уровнем, его умонастроениями и чувствованиями.

Следуя антологическим традициям русской и западноевропейской поэзии, Щербина отдавал себе отчет в том, что повторение давно сказанного неизбежно приводит поэта в тупик, обрекает его на

роль эпигона, пользующегося готовыми клише и сочиняющего «надоевшие вариации на старую тему».[1] По его убеждению, «подражания древним» несовместимы с обезличенной стилизацией (сколь бы искусна она ни была) и музейно-реставраторским принципом воспроизведения материала. Подражания «будут всегда интересными и новыми, если на них увидят печать самобытной личности поэта, если они согреты будут его пафосом».[2]

Этот бесспорно верный тезис закрепляется дальнейшими рассуждениями Щербины о том, что в основе его стихотворений лежат «мысли и чувства, которые может внушить греческий мир человеку нашего времени».[3]

Каков этот «греческий мир» в понимании Щербины?

Он воспринимал его под несомненным влиянием Винкельмана, Гете, Шиллера и Белинского. По собственному признанию поэта, он в юношеские годы «читал с жадностью, по преимуществу те статьи Белинского, где он касается греческого искусства и жизни».[4]

В 1841 году в «Отечественных записках» появилась статья Белинского о «Римских элегиях» Гете в переводе А. Н. Струговщикова (ее-то «читал с жадностью» Щербина, опубликовавший в том же году и в том же журнале свое стихотворение «Клефты»). В начале сороковых годов Белинский испытывал острый интерес к античности, и элегии Гете послужили поводом для написания обширной статьи. В ней, в частности, с большой энергией подчеркивается, что искусство греков отличается «характером общечеловеческим»,[5] а самая Греция «была по преимуществу страною человечественности»[6] — вот почему греческая тема не подвластна времени и сама по себе не может стать анахронизмом.

Ссылаясь на творчество Гете, Шиллера, Андре Шенье, Батюшкова и Пушкина, Белинский говорит о той живительной и плодотворной силе, которая таится в античности и для современных поэтов: «Тем более возможности для поэта погружаться в прекрасный мир Греции и выносить из него чудные видения, созданные в ее духе и форме».[7] В истолковании понятия красоты у греков Белинский

---

[1] «Греческие стихотворения Николая Щербины» (Послесловие), Одесса, 1850, с. 93.

[2] Там же, с. 92.

[3] Там же, с. 98.

[4] Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

[5] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 5, М., 1954, с. 232.

[6] Там же, с. 235.

[7] Там же.

исходит из того, что красота не безразлична к этике, напротив, она с ней связана теснейшим образом: «Красота родная сестра истине и нравственности».[1] Белинский отстаивает право поэта на внутреннее перевоплощение, дающее ему возможность смотреть на античный мир «глазами грека», сохраняя при этом свою индивидуальность человека другой нации и другой эпохи.

В 1842 году в «Отечественных записках» была опубликована статья Белинского о стихотворениях Аполлона Майкова, где снова с большим сочувствием говорится о «древнеклассической поэзии», ставшей «плодоносной почвой» для вдохновений поэта. Разбирая майковское стихотворение «Дориде», Белинский высмеивает «лицемерных моралистов», которые будут негодовать на шаловливую вольность этой вещи. Критик неоднократно возвращается к мысли о том, что чувственное и моральное у греков слиты воедино. Он сожалеет о том, что героическое и трагедийное начала, столь характерные для античного искусства, оказались за пределами сборника Аполлона Майкова.

Работы Белинского имели особое значение для Щербины потому, что в них он нашел импонирующую ему концепцию античности, созданную современником, живущим где-то рядом, прекрасно осведомленным о насущных общественных и эстетических проблемах эпохи. Кроме того, концепция русского критика во многом совпадала со взглядами упомянутых выше западноевропейских авторитетов прошлого века, которых поэт тоже глубоко почитал.

Греческая античность представлялась Щербине идеальным царством красоты и гармонии, в котором красота тождественна истине, а гармония выражена в цельности и гармоническом единстве человека. Непревзойденные эстетические ценности, созданные в этом царстве, обусловлены духом свободы и гуманности, вследствие чего они непреходящи и вечны. Преклонение перед античным миром в иных случаях находит свое выражение у Щербины в чрезмерной напряженности стиля, в экстатических заклинаниях «красотой». Такого рода форсированная интонация была уловлена чутким слухом Козьмы Пруткова и подвергнута пародии.

Щербина воспевал единство интересов общества и отдельно взятой личности. В этом он видел торжество греческого гуманизма. Вместе с тем он нередко разрушал эту гармонию диссонирующими нотами разлада между индивидуумом и государством. Одинокий герой, внутренне конфликтующий с общественными установлениями Афин, ищет успокоения на лоне вечной и справедливой природы.

---

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 5, с. 238.

Этим характерным романтическим мотивом Щербина вносит резкую модуляцию в общий благозвучный строй своего антологического цикла. Допуская противоречия, Щербина, таким образом, стремится придать изображаемой им картине черты психологической достоверности.

Подобной цели не ставил перед собой, например, Аполлон Майков. В стихотворении «Сомнение» он защищает право поэта верить и не верить «милым заблуждениям» сказочно-мифологической Греции. Фет также чуждается приема светотени или контраста. В такой вещи, как «Золотой век», он создает апофеоз баснословно счастливой, блаженной, аркадской жизни, в которой не могут иметь место какие бы то ни было противоречия.

Герой целого ряда антологических стихотворений Щербины наделен оптимизмом и горячим темпераментом. Он духовно и физически раскрепощен и совершенно свободен от принуждения и страха — исконных врагов человеческого счастья. Отчужденный от общества, которое к нему враждебно или нейтрально, он доверяет своим первым побуждениям — всегда добрым, не искаженным запретами и предрассудками.

В таком изображении наличествуют элементы романтической утопии, допускающей торжество личной свободы «единичного» человека, абстрагированного от реальных противоречий жизни:

Лежу я на поле широком
В венке из цветов полевых,
Забытый завистливым роком
И злобой сограждан моих. . .

(«Герой»)

Безоблачной радостью, порожденной чувством полной внутренней независимости, овеяны стихотворения «Миг», «В деревне», «Письмо».

Счастливы мы, что живем, что родились, друзья-человеки! . .
Горе нежившим и горе отжившим!

(«Миг»)

Щербина рисует привольную сельскую жизнь юноши-поэта, наслаждающегося не только творчеством на лоне природы, но и «крепительной влагою Вакха» и дарами «Афродиты-богини»:

Полною чашей восторги любви испиваю во мраке;
Тонут уста мои в жарких устах Левконои. . .

(«В деревне»)

В «Письме» герой, бежавший из шумных Афин, погружен в «магический сон, полный жизни, ума и свободы».

Лирического героя Щербины обуревает чувство красоты, которую он стремится познать и с упоением воспеть, причем эстетическое наслаждение независимо от рассудочно-дидактических задач, ибо оно нравственно в своей сути.

Красота воплощена в природе и в произведениях искусства. Она также персонифицируется в образе женщины, выступающей в фольклорной маске «пастушки», «вакханки», «нимфы».

Щербина переносит своего героя и предмет его страсти на пасторальный пейзаж, освещенный ярким полуденным солнцем или залитый лунным светом. Этот цветущий пейзаж «озвучивается» пением птиц и журчанием ручья.

В стихотворении «Купанье», проникнутом замечательной пластичностью и грацией, Щербина изображает юную купальщицу, внезапно возникшую у потока:

Вечером ясным она у потока стояла,
Моя прозрачные ножки во влаге жемчужной.

Поэт созерцает прекрасную незнакомку, чья совершенная красота вызывает у него восторженные строки, подобные застывшей музыке.

Н. К. Михайловский в рецензии на Полное собрание сочинений Щербины, вышедшее в 1873 году, приводит полностью это стихотворение, считая его «положительно превосходным». Однако он недоумевает по поводу того, что «такая неимоверная ясность, спокойствие и прозрачность» могли возникнуть в сороковых годах «среди всяческих стонов, раздвоенностей, болезненных криков и лихорадочной тревоги врачей». [1]

Суровый критик, испытавший эстетическое удовольствие от прочитанного стихотворения, тем не менее сильно сомневается в правомерности его появления, поскольку оно непосредственно не связано с общественной пользой. В противоположность Белинскому, он устанавливает водораздел между эстетическим и этическим, что противоречит всему замыслу антологического цикла Щербины. Анализируя стихотворение «В деревне», Михайловский идет еще дальше. С прямолинейностью в духе Писарева он утверждает, что поэт идеализирует в этой вещи быт и нравы русских помещиков-крепостников.

Лирический герой антологических стихотворений Щербины, как

---

[1] Н. К. Михайловский, Литературно-критические статьи, М., 1957, с. 50.

правило, лишен той «раздвоенности» людей сороковых годов, о которой говорит Михайловский. Ему свойственны цельность, непосредственность, избыток сил. Любовь к жизни гармонически сочетается в нем с любовью к искусству:

> Первый наш гимн мы споем жизнедавцу Зевесу,
> Гимн же второй Прометею за пламя искусства.
>
> *(«Ложе из лилий и роз приготовил тебе я. . .»)*

Поэт прославляет яркость и интенсивность чувства, недоступные так называемым «лишним людям» с их душевной усталостью и вялостью переживаний. А. В. Дружинин проницательно заметил, что Щербина в своих лучших антологических вещах сохраняет индивидуальность современного поэта, «независимого от древнего мира», колорит и атмосферу которого он мастерски изображает. [1]

Такие стихотворения, как «Фессалийская идиллия», «Свидание», «Скрываемая страсть», «В портике», «Стыдливость», «Ваятель и натурщица», «Просьба художника», «Ложе из лилий и роз приготовил тебе я. . .», «Вакханка», пронизаны простодушием и веселым лукавством, юношеским восторгом и неутолимой жаждой счастья.

Эти громко звучащие мотивы должны были найти живой отклик в сердцах современных читателей.

Щербина с гордостью писал, что его греческие стихотворения «нравятся по преимуществу людям непосредственным, женщинам, людям совершенно чуждым греческому миру, даже простым, неразвитым натурам вообще и молодости. . .» [2]

Н. А. Некрасов, чутко улавливавший умонастроения и запросы читателей, пригласил Щербину (после выхода в свет сборника его греческих стихотворений) сотрудничать в «Современнике». 24 июля 1850 года он писал ему: «Надо Вам сказать, что Ваша книжка как по достоинству своему, так и по успеху в публике — есть в настоящее время нечто исключительное». [3]

Быть может, Некрасов в порядке редакторской любезности допустил некоторое преувеличение, назвав маленький сборник греческих стихотворений явлением исключительным. Но с другой стороны, никто не принуждал его расточать такие похвалы дотоле неизвестному Щербине. Несомненно, что Некрасов и как редактор, и как

---

[1] См.: А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. 7, СПб., 1865, с. 20.

[2] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

[3] Н. А. Некрасов, Собрание сочинений в восьми томах, т. 8, М., 1967, с. 96.

поэт почувствовал художественную и общественную значимость этого сборника, пробудившего интерес широкой публики к русской поэзии, переживавшей в сороковых годах трудный период после смерти Лермонтова, после того, как умолкли поэты пушкинского поколения.

Антологические стихотворения Щербины с их культом радости и красоты, как бы отрешенные от реальной действительности, вместе с тем внутренне полемизируют с нею. Поэт не отожествляет себя со своим лирическим героем. У автора, по его словам, «больная душа» и «изрытое ранами сердце», которое кровоточит.

Поэтические мечтания Щербины контрастно противопоставлены его личности, жившей в антипоэтической, гнетущей атмосфере своей эпохи. Эта драматическая по своей сути двойственность была тонко постигнута Ф. И. Тютчевым, обратившимся к Щербине в 1857 году с замечательным стихотворным посланием. В нем, в частности, говорится:

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою,
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

На поэтическом языке Тютчева «вьюга снеговая» обозначает мертвящую неподвижность, скованность, безнадежность. Горькими жалобами на эту скованность проникнута гражданская лирика Щербины, однако в некоторых стихотворениях, посвященных античности, также можно услышать мотив утраченного счастья, погасшего света, выморочного наследства. Так, в 1842 году двадцатилетний поэт пишет стихотворение «Дар Прометея» с явной аллюзией на свою современность. Любимый герой Щербины — огненосец и человеколюбец Прометей — принес на землю «огонь самосозданья», но обессиленные люди оказались недостойными своего благодетеля. Они не смогли сохранить этот животворный свет; он стал меркнуть:

И бледен пламенник блестящий Прометея,
И стал уж он приметно догорать,
И мало сил у нас, и нет у нас елея
Божественный светильник поддержать.

В стихотворении «Эллада» (1846), перекликающемся с шиллеровскими «Богами Греции», поэт скорбит о судьбе «великой страны», неповторимо прекрасной и обвораживающей, но усопшей в своей нетленной красоте:

И видел я усыпанный цветами,
Рельефами покрытый саркофаг:
В них грации поникли головами,
И Аполлон, и вечно юный Вакх.

В горячем, по-юношески запальчивом ямбе «Таганрогским грекам» (1843) Щербина пишет о нынешних греках Таганрога — «пасынках Эллады», мелочных и своекорыстных, недостойных наследниках античного эллина, который был преисполнен «сознаньем гордым человека».

Достойными наследниками великих традиций греческой демократии и греческого эпоса были, по убеждению Щербины, инсургенты, вступившие в борьбу с турецкими завоевателями. Именно они воодушевлялись деяниями Фемистокла, подвигами богатырей эпических поэм и мифов. Об этом юный поэт писал в историко-литературном исследовании о новогреческих песнях, присовокупив к нему переводы (в прозе) песен героического и бытового жанров (опубликовано в 1843 году).

Горячий интерес к народной новогреческой поэзии, тонкое ощущение ее стиля проявились в балладе «После битвы» (1843). Ее тема связана с песнями лирико-героического плана (она была положена на музыку композитором А. Л. Гурилевым). Вот одна из строф этого стихотворения, из которой выросла популярная песня «Кочегар»:

Раскинулось небо широко,
Теряются волны вдали...
Отсюда уйдем мы далеко,
Подальше от грешной земли!

В духе новогреческого фольклора Щербина написал еще несколько стихотворений, из которых большими поэтическими достоинствами отличаются «Сила песни» (1843) и «Девушка у Харона» (1854).

В 1848 году Щербина создает оптимистическую «Песню Прометея», полемизируя со своей собственной концепцией, положенной в основу раннего стихотворения «Дар Прометея».

Герой мифа, исполненный благородной, жертвенной любви к человечеству, предстает в ореоле величия. Он бесстрашный богоборец и свободолюбец:

Я любимое чадо природы,
Я опасный соперник богов, —
И за дар благодатной свободы
Я поспорить с богами готов.

Мотивы разочарования в людях, осуждения их неустойчивости и слабости, звучавшие в «Даре Прометея», уступают место прославлению Человека, придающего красоту и смысл существования всей планете. Поэт устами гуманиста Прометея воспевает Человека, «повитого» нуждой и страданиями, но таящего в себе несметные силы, готового «добра семена дорогие... кровью обильной» полить для того, чтобы взошло «новое солнце свободы».

3

В письме к А. Н. Майкову по поводу своих греческих стихотворений Щербина, предвидя упреки критиков в эстетизме, отстаивал право поэта «окунуться в освежающие волны *чистой, безотносительной красоты*», ибо «кроме Руси чиновничьей, купеческой, помещичьей есть еще Русь мысли и чистой, безотносительной идеи искусства».[1] Вместе с тем он с не меньшей энергией подчеркивал свою приверженность к современности: «...для меня... *вчера* уже кажется старым, *так ⟨как⟩ я живу с современностью, горячо сочувствую всему современному*».[2]

Это утверждение не нуждается в особых доказательствах. Оно неоспоримо. Проблемы современной жизни глубоко волновали Щербину, а «чиновничья, купеческая, помещичья Русь» стала одним из объектов его сатиры.

В гражданской лирике Щербины отчетливо ощущается преемственность традиций Лермонтова. «Мрачное обаяние» его поэзии испытывал на себе и Аполлон Григорьев, которому принадлежит это определение, и другие поэты сороковых годов. Мотивы отрицания, протеста и страдания, звучащие в романтической лирике Лермонтова, были жадно восприняты такими разными индивидуальностями, как Огарев и Тургенев, как поэты-петрашевцы и Иван Аксаков. Лермонтовская непримиримость к окружающей действительности, его жгучие вопросы о смысле жизни, его безотрадный взгляд на судьбу своего поколения, растратившего высокие нравственные идеалы, были близки и сродни Щербине — младшему современнику великого поэта. Он не мог примириться с общественным злом, как это сделал, например, Аполлон Майков, ставший в середине пятидесятых годов песнопевцем Николая I.

Щербина мучительно переживал свое одиночество и бессилие перед лицом николаевского режима, разбившего вдребезги иллюзии

---

[1] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

[2] Там же.

и надежды, которыми он вместе со своими сверстниками был преисполнен в годы своего отрочества и юности. Поэт жаловался, негодовал и протестовал от имени целого поколения, духовно обездоленного и обкраденного. В стихотворениях на эту тему, написанных с неподдельной искренностью, Щербина раскрывал свое лирическое «я», за которым, однако, стоял объективный мир, ибо судьба поэта тесно связана с общественной жизнью, отображающейся в его творчестве. Не случайно читающая Россия чуть ли не наизусть знала такие стихотворения, как «Ямб», «Песня века», «Признание пророка».

Эти и им подобные вещи не воспринимались как дублирование того, что уже было сказано Лермонтовым, хотя сходство было явным. Влияние автора «Думы» было властным и могущественным. Оно обнаруживается не только в идейно-смысловой направленности гражданской лирики Щербины, но и в ее стилистике, интонации и в самом звучании стиха. В этом нет ничего удивительного. Такова участь второстепенных поэтов, формировавшихся под эгидой и под неотразимым воздействием гениального художника. Тем не менее в преемственности традиций есть различного рода притяжения и отталкивания. В стихотворениях Щербины на современную тему были услышаны новые ноты, скорбные и надтреснутые, напоминающие порою вопль; в них увидели новые краски, терпкие и режущие глаз. Все это было порождено новым десятилетием, тяжелые шаги которого гулко отзывались в душе и поэта, и читателя.

Так, например, в стихотворении «Болезни» (1845) встревоженный и мятущийся герой стремится поведать безмятежной природе (изображенной с тонким поэтическим чувством) свои горестные душевные тайны, но они облечены в подчеркнуто неэстетическую, физиологическую метафору:

Те тайны — гной от язв души моей.

В сильном, полном внутренней экспрессии стихотворении «Пустыня» (1847) трагическое одиночество воплощено в образе пустыни — мрачной, беззвучной, глухой, безответной: «На мой призыв никто не отзовется; здесь эхо умерло». Пустыня нарисована зловещими красками, как бы заимствованными из «Божественной Комедии» Данте:

Здесь небо медное не светит и не тмится,
В нем места нет надежде и мечте.

А вторая строка прямо перекликается с дантовской надписью над вратами ада.

В таких глубоко драматических стихотворениях Лермонтова, как «Листок» и «Выхожу один я на дорогу...», тоже воплощена тема

одиночества, но рядом с «Пустыней» Щербины они выглядят возвышенно-просветленными лирическими раздумьями. Речь, разумеется, идет не о мере таланта, а о разнице в мироощущении обоих поэтов.

В «Песне века» (1848), в целом маловыразительной и вялой по языку, однако, звучит — броско, пронзительно, надрывно — формула крайнего отчаяния:

Замолчи, мое сердце безумное,
Замолчи навсегда... иль разбейся!

Щербина, таким образом, как бы заранее ответил своему будущему рецензенту Н. К. Михайловскому, упрекавшему поэта за то, что тот сочинял радужные антологические стихи «среди всяческих стонов». Щербина, как мы видим, не остался глух к этим стонам, — он и сам стенал.

На заре своей поэтической деятельности Щербина пишет одновременно с жизнерадостной, улыбчатой «Фессалийской идиллией» «Современную вакхическую песню» (1843). Не озорную, веселую песню в духе Языкова, а современную, несовместимую с беззаботной радостью. Сохраняя песенный строй и ритм, Щербина насыщает стихотворение иронией и горечью. Такая сознательная деформация традиционной застольной песни заостряет ее главную обличительную мысль, лапидарно выраженную в запеве: «Сердце пламени полно... мы желаем лучшей доли, — лучшей доли не дано!»

В этом непримиримом противоречии есть печальная неизбежность, закрепленная трагическим опытом человечества: «И история от века не цепям ли обрекла и свободу человека, и высокие дела?» Однако поэт не хочет и не может примириться с такой увековеченной несправедливостью: «И невольно вылетает стих проклятия из уст».

Поэт с ожесточением жалуется на то, что его поколение было обмануто в своих лучших ожиданиях. Ему с детских лет твердили «о прекрасном и высоком», и оно стремилось к «доблестным делам». Но что получилось на самом деле? Реальная жизнь, «школьных истин невзлюбив», жестоко покарала за один лишь «порыв к высокому». Это не могло пройти бесследно. Вот почему в стихотворении с программным заглавием «Человек поколения» (1846) звучит заунывный, щемящий мотив усталости, апатии, душевной изнеможенности. Юный герой «Современной вакхической песни», состарившийся на три года, уже не способен ни проклинать, ни надеяться: «Нет в устах проклятья, в сердце нет молитвы». «Человеку поколения» контрастно противостоит публицистически острое «Оправдание» (1848), в котором Щербина берет под защиту свое поколение от «незаслуженного пре-

зренья». Оно, оказывается, полно внутренних сил, но эти силы подавлены и скованы:

...Суд не видит современный
Ни слез подавленных, ни мук,
Ни мысли с болью сокровенной,
Ни скованных судьбою рук...

Эту драму в полной мере поймет только потомство. Оно совлечет обманчивые внешние покровы, раскроет тайну мучительной двойной жизни, на которую было обречено целое поколение, и оправдает его «своим торжественным судом». Во второй части стихотворения, не свободной от тяжеловесной риторики, выражено убеждение, что на пути к грядущему счастью страдальцы сороковых годов «ступенью нужною легли».

Если Щербина был уверен в «оправдании» своих современников, то А. И. Герцен высказывал большие опасения на этот счет. В его дневнике за 11 сентября 1842 года имеется запись, удивительно созвучная стихам Щербины: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования, — а между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастие». [1]

В «Ямбе» (1848) развивается тема скованных душевных сил и погубленной молодости. Как и в других стихотворениях подобного рода, в нем отсутствует конкретный объект негодующей инвективы. Для Щербины важно назвать общественное зло и тем самым осудить его, а оно в данном случае заключается в подавлении рвущейся наружу свободной мысли,

Чье принужденное могильное молчание
Убило жизнь и молодость мою...

Поэт не знает, как преодолеть названное им зло, но он утешается тем, что его поколение несет «жизни крест», отвергая какие бы то ни было блага, купленные ценою страданий ближних. Об этом в финале стихотворения говорится горделиво, с библейским пафосом: «И мы не облеклись в виссон и в багряницы...»

Безотрадный взгляд на жизнь сочетается у Щербины с доверием к ней, с ее утверждением. В небольшом, условно говоря, философском стихотворении «Мысли о смерти», написанном в 1841 году — в тот период, когда двадцатидвухлетний поэт помышлял о само-

---

[1] А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 2, М., 1954, с. 226—227.

убийстве, — глухо звучат реминисценции из гамлетовского монолога «Быть или не быть?».

Щербина, подобно шекспировскому герою, убежден в том, что смерть избавляет от всех тягот, от «ложной жизни обольщения», но, в противоположность Гамлету, его не страшит «неведенье» о потустороннем мире, и не эти сомнения побуждают его переносить «ничтожность и волненья» бытия. Постигнув мыслью и сердцем ужас смерти, он приходит к заключению, «что быть отрадней, чем не быть!».

Однако такое решение не избавляет Щербину от множества «проклятых» вопросов. Он стремится к углубленному самоанализу, к познанию самого себя. Трудный процесс познания приводит его порой в смятение. Отзвуки этой душевной тревоги слышны в неопубликованном «Отрывке», написанном одновременно с «Мыслями о смерти»: «Дума о жизни волнует мне душу бесплодною грустью». Поэт задает себе вопросы: «Зачем я родился? .. Зачем я так сильно люблю иль зачем ненавижу?» Но эти и ряд других подобных вопросов остаются «безответными».

4

Нетрудно заметить, что в гражданской лирике сороковых годов Щербина, как правило, ограничивается раскрытием своего внутреннего мира, обуреваемого треволнениями, горестными эмоциями и размышлениями. Объективный мир остается за пределами лирической исповеди поэта.

Одним из редких исключений из этого правила является стихотворение «В обществе», датированное 1845 годом. Оно снабжено эпиграфом из Огюста Барбье — автора известных сатир и ямбов, посвященных июльской революции 1830 года. По справедливым словам А. И. Герцена, стих Барбье «режет, делает боль, будит нашу внутреннюю скорбь».[1]

И вот Щербина устами французского поэта стремится объяснить, что жесткость и резкость его поэтической речи обусловлены жестоким, железным веком, которым они порождены. Такое признание само по себе представляет несомненный интерес, хотя нельзя сказать, что эпиграф из Барбье совпадает с тональностью стихотворения «В обществе» (его, скорее, можно было соотнести с другими стихотворениями гражданского состава, о которых говорилось выше).

---

[1] А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 10, М., 1956, с. 79.

Стихотворение не достигает накала сатиры, но оно исполнено напористой энергии и острого юмора. Некоторые его пассажи звучат афористически; в них слышатся отдельные обороты и интонации из «Евгения Онегина» и «Горя от ума». Общество удручает поэта пустотой, духом сервилизма, трусостью, враждебностью к самостоятельно мыслящим людям, чьи суждения выходят за рамки благонамеренности. Щербина метко высмеивает и «неопасного остроумца», и осторожного, раболепствующего лжелиберала, который

С оглядкой бредит о свободе
И спорит шутовски о ней.

В обществе, изображенном Щербиной, больше всего боятся говорить о «зле насущном». Никто не хочет прослыть неблагонадежным, и от таких разговоров бегут, «как от чумы». А истинный поэт, по убеждению Щербины, не может уклоняться от осуждения «зла насущного»; он не имеет нравственного права искать мещанского благополучия и покоя.

Щербина разделял представление о поэте-пророке, которое было свойственно и деятелям декабристской литературы, и Пушкину, и Лермонтову. Общественная миссия поэта трудна и благородна, она требует стойкости, мужества, смелости. Этой идеей проникнуто «Признание пророка» (1845), созданное одновременно со стихотворением «В обществе» и направленное против его героев — носителей так называемого житейского «здравого смысла».

«Признание пророка» и по форме, и по содержанию тесно связано с лермонтовским «Пророком», который был только что опубликован в «Отечественных записках». Его высокий пафос, его огненная энергия и мощь произвели очень сильное впечатление на Щербину, создавшего свой вариант на тему Лермонтова.

Поэт-пророк у Щербины наделен атрибутами нищего странника с посохом в руке. Его израненные ноги ступают по «тернистой дороге» и «каменистой крутизне», перед ним расстилается традиционная пустыня. Однако Щербина по-своему варьирует и в известной мере осложняет лермонтовскую фабулу. «Роскошный город» (у Лермонтова «шумный град») не только насмехается над пророком; он зовет, манит и искушает его иной дорогой, — дорогой, усыпанной цветами. Щербина вносит момент внутреннего колебания и сомнения в поведение измученного странника: «В раздумьи долго я стоял». Такой фабульный поворот смягчает фанатическую исступленность героя; он наделяется психологически достоверной человеческой слабостью. Но после раздумий он «обольщеньям не поддался и прежний посох в руку взял». Колебания лишь укрепили его решимость;

Отыди, льстивый Сатана!
Мне доля высшая судьбою
В венце терновом суждена...

«Венец терновый» (лермонтовский пророк свою голову «посыпал пеплом») составляет предмет гордости поэта, и в конце стихотворения возникает знакомый по другим произведениям гражданской лирики мотив утешения и надежды: «путь угрюмый», по которому шествует пророк Щербины, станет радостным и счастливым для будущих поколений.

К «Признанию пророка» примыкает интересное стихотворение «Поэту», также написанное в 1845 году, в разгар работы над антологическим циклом. Стихотворение исполнено жажды деятельности и борьбы. Его первая строка звучит как призыв и заклинание: «О, не проси покоя у судьбы...» Подлинное художественное творчество, по мнению Щербины, несовместимо с пассивной созерцательностью. Нужная людям живая поэтическая мысль способна развиться только в действии: «Чтоб в действии твой дух перегорал». Для того чтобы добыть «перл» искусства, поэт должен погрузиться «в пучину треволнений», в гущу жизни с ее постоянными столкновениями добра и зла, света и «мрачного ненастья». Герой Щербины выступает в этом стихотворении и как философ-жизнелюбец, верящий в победоносную силу добра:

Для блага зло ниспослано судьбою —
Мы властны зло для блага победить...

В своих размышлениях об идейно-эстетических проблемах творчества Щербина исходил из того, что поэзия не терпит никаких ограничений, что ее тематический диапазон и средства выражения безграничны. Поэт может быть и пророком-трибуном, и певцом красоты.

В восьмистрочной миниатюре «Стих» (1845) Щербина с большим подъемом говорит о чудодейственных возможностях поэта. Он требует от него простоты и возвышенности; ему должны быть подвластны и проза жизни, и полет мечты. Поэтическая мысль должна быть мощной, «как длань Зевеса», чтобы обнять «весь безграничный мир». Однако заключительная строка неожиданно выводится из ряда антитез, на которых построено стихотворение, и все многообразие мира конкретизируется в произведениях искусства: «Чтоб в звуках зрели мы, прозрачных, как эфир, и мрамор Фидия и краски Апеллеса». В этой формуле прокламируется известный тезис романтиче-

ской эстетики о синтезе искусств, об их единстве, согласно которому поэтическое слово или музыка способны выразить в звуках художественную сущность скульптуры и живописи.

В оригинальном стихотворении «Творчество» (1846) Щербина поверяет читателю свои художнические тайны. Он отвергает традиционное романтическое представление о творчестве как об иррациональном акте, в котором господствуют стихийные эмоции, интуиция, «безумное вдохновение». Для Щербины исходным и решающим моментом творчества является интенсивное, крайне обостренное наблюдение над окружающим миром. Именно он внушает поэту, обладающему «всезрящею душою» или чувство «восторга», или чувство «сокрушенья». В эти «ни для кого не зримые мгновенья» возникает глубинный творческий процесс. А «свой стих возвышенный» поэт уже слагает «с холодным разумом».

Жизнь, вызывающая и «восторг», и «сокрушенья», является для Щербины главным источником искусства. Однако в стихотворении «Жизнь и искусство» (1847) эти два неразрывных понятия разорваны и противопоставлены друг другу в духе популярного изречения «Ars longa, vita brevis» («Искусство долговечно, жизнь коротка»). Этому афоризму, восходящему к греко-римской античности, нельзя, конечно, отказать в мудрости, но Щербина иллюстрирует, трактует его с чрезмерной многозначительностью и ригоризмом, вступая в противоречие с самим собой.

Влюбленный в искусство поэт провозглашает его нетленность, вечность, бессмертие, а жизнь коротка, быстротечна; ее радости иллюзорны и эфемерны, а ее горести и печали реальны. А если это так, то «смертный» должен проникнуться идеей абстрактного стоицизма и аскетизма («Будь непреклонен душой для мирских искушений»), догматически исповедуя суровую веру в искусство, за которую воздается:

Только в искусстве таится прямое блаженство,
Только в искусстве обещанный людям Элизий.

Эта финальная фраза, взятая вне общего контекста эстетических высказываний Щербины, стала одним из поводов, по которому ее автора причисляют к убежденным приверженцам теории «чистого искусства».

«Блаженство», о котором говорит Щербина, может быть достигнуто не только в служении искусству, но и в слиянии человека с природой. Вот почему молодой поэт стремился философски осмыслить вечную тему природы с позиций пантеизма. В 1844 году он писал

В. М. Лазаревскому: «Мне 23 года. Я, как следует порядочному мальчику, предан пантеистическому учению». [1]

Легкая ирония, сквозящая в этом признании, свидетельствует о том, что «учение» было воспринято из вторых рук, что пантеистические взгляды Щербины складывались под чужим влиянием, быть может под влиянием поэтов-любомудров, тем более что сборник Хомякова как раз вышел в 1844 году и в нем содержались стихотворения в жанре философской лирики. Щербина был увлечен идеей, коренящейся в натурфилософии Шеллинга, утверждающей общность природы и сознания. Эта идея легла в основу целого ряда стихотворений, впоследствии объединенных в цикл «Песни о природе».

Поэту, в понимании Щербины, доступны таинственные голоса природы, чья музыка пробуждает в нем смутные и едва уловимые чувства и высокий полет мысли. Одушевленная природа наделяется благой волей, она становится великой наставницей, дающей людям уроки бескорыстного добра и справедливости. Так, в стихотворении «Туча» (1846) поэт создает очень своеобразную контрастную параллель лермонтовским «Тучам». «Вечно холодные, вечно свободные» тучи, которым «чужды страдания», превращаются у Щербины в тучу, которая истощает себя и гибнет ради жаждущих детей «ей чуждого дольнего мира», она уподобляется Прометею, чьи страдания и «жребий высокий» тоже непонятны или чужды «долу».

В стихотворении «Notturno» (1846) обаятельная весенняя ночь, наполненная светом звезд, ароматным дыханием цветов, приглушенными мелодиями, непостижимой динамикой жизни, сливается с образом далекой возлюбленной, олицетворяет ее, делает ее осязаемо близкой. Герой ноктюрна стремится постичь тайну загадочной связи между одушевленным ночным пейзажем и своими глубоко интимными переживаниями. Он ощущает прелесть этой тайны, ввергающей его в тревожно-радостное изумление:

Что ж родного, скажи мне, сокрыто
В этой ночи и в звуках с тобою,
И какая струна у них слита
С моим сердцем, с моею судьбою?..

Размышления о мироздании и природе внушали Щербине оптимизм, веру в неистребимость жизни, в творческую силу познания.

---

[1] Цитирую по статье Р. Г. Магиной «„Песни о природе“ Н. Ф. Щербины». — «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», т. 248, М., 1966, с. 103.

Этому посвящены написанные в 1847—1848 годах стихотворения «Жизнь», «Чем я больше знаю. . .», «Счастье», «Наши очи малы. . .», «Когда в высокие минуты бытия. . .». Им, однако, не хватает ни свежести и глубины мысли, ни остроты поэтического зрения. В этих вещах конкретно-чувственное, художественное восприятие мира нередко уступает место риторике и иллюстрациям к заранее заданным тезисам.

В стихотворении под многозначительным заглавием «Жизнь» (ибо имеется в виду мировая жизнь) Щербина в приподнято-бодром, но внутренне бесстрастном тоне излагает ходовые понятия об атомистической теории мироздания, извечности и неразрушимости материи, непрестанном ее круговороте и обновлении. (В период изучения античной поэзии он мог об этом прочесть в философской поэме Лукреция «О природе вещей».) И вот Щербина с радостью неофита, открывшего давно открытое, восклицает:

Верю, я бессмертен!
В атомах вселенной
Я уж зарождался. . .
В божьей мысли жил я.

Его, например, нисколько не смущает наивное сочетание атеистической мысли о вечности вселенной с библейской формулой о «первых днях созданья».

В стихотворении «Человеку» (1848), не включенном в цикл песен о природе, но тематически связанном с ним, Щербина, разрабатывая тему единства человека и природы, вносит в нее гражданский мотив несовершенства человеческого общества. Оно выступает здесь как антипод природе. Щербина восхищается красотой, гармонией, цельностью, которые извечно существуют в природе; Щербина прославляет человека, поскольку он является ее высшим порождением, но общество, созданное людьми, проникнуто дисгармонией, смятением, разорванностью связей:

Единство царствует в природе бесконечной, —
В одной твоей семье смятенье, человек!

В этом стихотворении, не отличающемся особой оригинальностью, по крайней мере ощущается личность поэта, охваченного безрадостными мыслями о неустроенности современного ему мира и призывающего к его усовершенствованию.

Увлечение Щербины натурфилософской лирикой было довольно устойчивым и длительным; он писал в этом жанре, с разной степенью успеха, и в начале пятидесятых годов.

В первый (харьковский) период творчества Щербина создал и свои первые произведения в юмористическом жанре. Эти опыты, носившие спорадический характер, свидетельствуют тем не менее о том, что автор свободно пользовался приемами и красками буффонады. В 1841 году Щербина написал в прозе два «Аттестата», якобы выданные «студиозусам» харьковской и переяславльской семинарий. Язык этих мастерски стилизованных документов представляет собой комический сплав неуклюжих, варварски-напыщенных славянизмов с макаронической, семинарской латынью. Но сквозь гротеск и пародию «Аттестатов» проглядывает, однако, уродливый и страшный быт бурсы с его кулачным правом, палочной дисциплиной, надругательством над человеческим достоинством.

Щербина рисует двух «студиозусов» разных характеров и разных судеб. Аполлинарий Тропаревский — воплощение тупости, благонамеренности и раболепства. При встречах с префектом семинарии он «падал ниц, повергшись во прах, дондеже сей муж не скрывался от очес его». Заботясь об интересах казны, Аполлинарий съедал «запещного инсекта» (таракана) «купно с кашею».

Преуспевающему Тропаревскому противопоставлен Викентий Курильский, чем-то напоминающий философа Хому Брута. Но гоголевский герой был вполне патриархальным бурсаком, а Викентий Курильский переступил дозволенные границы, за что и был исключен из переяславльской семинарии. Помимо пристрастия к курению, «чревонеистовству», «праздношатанию», он был еще повинен в сочинении «мерзопакостных виршей». А за пределами «крепкостенной бурсы» Викентий общался с «лицедеями и скоморохами». Такое крамольное поведение приводило к тому, что он «многажды бием бе вервием по бедрам, батожием по чреслам, жезлом по раменам и дланию по ланитам».

В «Аттестате» воспроизводится стихотворная эпиграмма Викентия Курильского, построенная на грубоватой, но смешной игре слов и направленная против обжорства священнослужителей.

Элементами сатиры насыщено стихотворение «Таганрогским грекам» (1843), а в «Мадригалах», посвященных «кухарке профессора Куницына» («Как от тебя страстями пышет жарко, о аппетитная Куницына кухарка. . .»), и в «Песне семинариста» («Курс кончив элоквенции. . .»), написанных в 1845 году, царят непритязательный юмор и веселое балагурство.

5

В Харькове у Щербины, по всей вероятности, не было никаких шансов издать сборник стихотворений, хотя их немало накопилось в его авторском портфеле. Он решил попытать счастья в другом месте. В 1849 году, после десятилетнего пребывания в Харькове, Щербина покинул его и отправился в Одессу. Ему было 27 лет, а о нем знали немногие по тем публикациям, которые время от времени появлялись в «Отечественных записках», «Молодике», «Москвитянине».

В Одессе Щербина познакомился с Г. П. Данилевским, Я. П. Полонским и местным писателем О. А. Рабиновичем, оказавшим большое содействие в издании «Греческих стихотворений». Щербина бывал в доме Л. С. Пушкина, который показывал ему драгоценные реликвии — автографы своего брата. Однажды Лев Сергеевич представил его П. А. Вяземскому. Молодой поэт чем-то расположил к себе очень умного и скептически настроенного к новому поколению Вяземского. Т. П. Пассек писала в своих мемуарах об «оригинальном остроумии» Щербины. Г. П. Данилевский также уверял, что он был интересным собеседником, поражавшим остроумием и меткостью суждений. Надо думать, что это было замечено таким человеком, как Вяземский. Он не остался безразличным к Щербине; он запомнил его и несколько лет спустя принял к себе на службу в министерство народного просвещения.

Весной и летом 1849 года Щербина готовил к печати свой первый сборник. Из всего, что им было написано в разных жанрах, он предусмотрительно отобрал 36 антологических стихотворений, полагая, что цензура не обнаружит в них политической крамолы. Это было не совсем так. Одесского цензора всполошило каждое упоминание слова «свобода», тем не менее в августе 1849 года цензурное разрешение было получено. Щербина написал небольшое по размерам, но емкое по содержанию послесловие, в котором изложены его взгляды на греческую античность и художественные принципы ее трактовки современным поэтом. Этой хорошо аргументированной статьей он стремился предотвратить возможные кривотолки об архаичности антологического жанра, а также придать серьезную значимость выходящим в свет стихотворениям на греческую тему. С подобной же целью Щербина избрал в качестве эпиграфа к сборнику строфу из стихотворения Шиллера «Боги Греции». Эпиграф, взятый из знаменитого произведения великого поэта, должен был придать внутренний масштаб маленькому сборнику.

Книжка, вышедшая в начале 1850 года, была встречена, вопреки опасениям автора, с единодушным одобрением. Влиятельный и обладавший тонким вкусом критик Дружинин писал: «Мы смело причисляем Щербину к числу замечательных русских поэтов и даем ему одно из первых мест между теми из них, которые еще пишут в наше время».[1] Статья Дружинина была опубликована в «Современнике», и Некрасов как редактор журнала, можно думать, разделял мнение критика. Весь тираж сборника был быстро раскуплен. К Щербине пришла широкая известность. Он решил не задерживаться в Одессе и осенью 1850 года переехал в Москву.

Начался новый период его жизни. Став известным поэтом, Щербина все же не мог рассчитывать только на литературный заработок. Он поступил впервые на государственную службу помощником редактора «Московских губернских ведомостей». Служба избавила его от нищеты, но, по-видимому, обеспечивала недостаточно, иначе, вероятно, не было бы необходимости заниматься «преподаванием девицам из высшего тамошнего общества», как об этом сообщается в автобиографической заметке.

Щербина не приобрел себе друзей в писательской среде Москвы. Сотрудничая в журнале «Москвитянин», он держался особняком от его «молодой редакции», хотя в ней состоял Аполлон Григорьев, поэзия которого была в некоторой степени, в истолковании лермонтовских традиций, родственна ему, но Щербину не устраивали славянофильские воззрения Григорьева. Это послужило препятствием для сближения обоих поэтов.

Не дав себе труда поглубже познакомиться с литературной жизнью Москвы, Щербина выказывал к ней подчеркнутое безразличие, смешанное с пренебрежением, так как она, с его точки зрения, не заслуживала ни внимания, ни интереса. В письме к Г. П. Данилевскому от 29 ноября 1850 года он писал: «Вы хотите знать, какие новости в московской литературе? Я в ней человек совершенно посторонний, и считаю – наведываться о такой литературе для себя нисколько не интересным и бесполезным».[2]

Что это? Бравада молодого человека, принявшего позу гордого одиночки? Или непомерная амбиция поэта, вообразившего себя гением, высоко стоящим над толпой посредственностей? Щербина был достаточно умен, чтобы не думать так о своей особе. Дело обстояло не столь просто. У Щербины складывалось твердое убеждение, что

---

[1] А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. 7, с. 26.
[2] «Исторический вестник», 1891, № 1, с. 40.

большинство современных писателей, в отличие от Радищева, Карамзина, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, дискредитирует свое высокое призвание «благородных подвижников общественного долга» и превращается в «литературщиков». В одном из вариантов предисловия к своему «Соннику современной русской литературы» он выразил эту мысль с необычайной резкостью. Щербина писал о том, что он относился к писателям с искренней симпатией до тех пор, пока не узнал их лично. Это знакомство принесло ему самое горькое разочарование. Он воочию увидел непроходимую пропасть, лежащую между произведениями писателя и его одиозной личностью: «Читатель может себе представить, как это должно было болезненно подействовать на впечатлительное и любящее сердце». [1]

У Щербины было не только «впечатлительное сердце»; ему были свойственны и крайняя нетерпимость, и склонность к недифференцированным обобщениям. Он решил вообще не знаться с писателями, поскольку они в большинстве своем не кто иные, как «литературщики». Щербина не примкнул ни к каким общественным течениям и московским кружкам. К западникам он относился с некоторой долей скептицизма, а к славянофилам — с острой неприязнью.

Щербина считал себя человеколюбцем-правдоискателем, поборником и глашатаем справедливости, которая сама по себе восторжествует в будущем. Николаевский режим возмущал его не только деспотизмом, но и глумлением над правдой и справедливостью, бесстыдной, узаконенной ложью, которая насильственно насаждается через официальную прессу и рептильную литературу. Щербина приходил от этого в отчаяние. Он, по его собственным словам, заболевал «желчной лихорадкой при виде общего благоденствия и *торжествующей правды*, что можно постоянно читать в русских газетах, в отделе „внутренних известий“». [2] Беда еще усугубляется тем, что бесчестные выдумки о всеобщем «благоденствии и торжествующей правде» принимаются всерьез, ибо существует множество людей, «верящих в каждую печатную строчку и считающих все печатное за святое». [3] «Желчная лихорадка», о которой говорил Щербина, придавала его сатире особую терпкость. Но она была бесцензурной. В стихотворениях, предназначенных для печати, Щербина оставался верен основным темам предыдущего десятилетия.

---

[1] Полное собрание сочинений Н. Ф. Щербины, с. 423.
[2] Там же, с. 335.
[3] Там же, с. 424.

6

В произведениях, посвященных античности, по-прежнему ощущаются пластичность изображения, тщательная отделанность стиха, ясность и прозрачность формы.

Силой и бодростью веет от чеканных гекзаметров «Моей богини» (1851). Герой стихотворения, оптимистически взирающий на мир, воспринимает его в нерасторжимом единстве материального и духовного, морального и чувственного, прозы и поэзии. Неодухотворенное тело для него так же неприемлемо, как и бестелесный дух. Об этом он с большой убежденностью говорит своей возлюбленной Левконое.

Звонко и торжественно звучит приглашение к трапезе, нарисованной с цветовой изысканностью: «В сребреный кубок налей искрометную кровь винограда...» Но даже интимное пиршество становится осмысленным и полноценным, если оно одухотворено. Вот почему «сытные снеди» и «весельем кипящие вина» сочетаются на пирушке у Левконои с творениями «мудрого мужа Платона».

Однако в античные сюжеты целого ряда стихотворений вторгаются, более резко, чем в сороковых годах, современные психологические или социальные мотивы. Такой прием сознательного нарушения стилистического единства используется и в некоторых песнях о природе.

В интересном стихотворении «Скульптору» (1851) поэт, оказавшись в мастерской греческого ваятеля, восторгается статуями богов и героев. Прекрасные, сияющие, вечно юные, они вот-вот готовы сойти со своих пьедесталов, чтобы заключить в дружеские объятия поэта, воспрявшего духом от созерцания красоты. Но за этой мимолетной радостью притаилось безутешное горе человека-правдоискателя, мучительно страдающего от несправедливостей окружающей жизни. Поэт обращается к скульптору с трогательно простой просьбой — помолиться за него музам:

Им помолись за меня, — да пошлют мне покой и довольство
В душу больную, в изрытое ранами сердце.

Таким образом, сохраняя колорит и обстановку античного «сюжета», Щербина вносит в него резкую модуляцию на современный лад в соответствии с известным девизом Андре Шенье: «Используем античную форму для воплощения новых мыслей!» (Эта строка не случайно взята Щербиной в качестве эпиграфа к антологическому циклу.)

Герой стихотворения «Перед статуей Венеры Таврической» (1852) любуется богиней, заснувшей «мраморным сном» в расцвете своей

юности и красоты. Но герою, при всей утонченности его художественной натуры, недоступно полное эстетическое наслаждение, ибо оно отравлено горькими размышлениями о реальной жизни, которые не только не сливаются с лучезарным образом Венеры, но остро диссонируют с ним. Скульптор, изваявший статую, также наделяется раздвоенностью сознания. И его, оказывается, одолевали скорбные мысли о дисгармонии мира, но вместо, скажем, трагической маски, созвучной с его мироощущением, он создал гармоничный, «чарующий лик» Венеры. Художник тем самым выразил в своем творении дорогой для него идеал, который осуществится в будущем.

В дидактическом стихотворении «Девочки» (1853), написанном гекзаметром, изображается сценка между поэтом и маленькими девочками, которые просят его прочесть свои стихи. Это становится поводом для целой тирады, изложенной в форме внутреннего монолога, о трудной участи художника, несущего моральную ответственность за все человечество, за его безрадостное настоящее и светлое будущее (а вера в будущее является лейтмотивом подавляющего большинства произведений Щербины). Такая ответственность сопряжена с неизбежными страданиями, и ими обременен герой стихотворения. Обращаясь к беззаботно играющим детям, он мысленно восклицает: «Так не просите, чтоб я прочитал вам печальные песни!»

Совершенно иначе повернута эта тема в большом и несколько водянистом стихотворении «Волосы Береники», написанном по мотивам Катулла. У Щербины рассказ о фантастически-причудливой, «астрономической» судьбе Береники, жены Птоломея-Эвергета, скрещивается с размышлениями о проблемах современного художественного творчества. Опровергая свою собственную концепцию общественной миссии поэта, Щербина решительно объявляет себя певцом «любви и красоты», пренебрегающим всем временным и преходящим. «Горе дня и ложь людей» недостойны его «лиры»; зло не может стать предметом его поэзии: «Зло без образов таю». Десятки стихотворений, созданных Щербиной в сороковых и пятидесятых годах, противоречат этой фразе, исполненной притворства. Ее прямой смысл, взятый в контексте всего лирического отступления, состоящего из семи строф, сводится к тому, что тема общественного зла не нашла себе места в творчестве поэта. Она таится в его душе, не воплощаясь в стихи, не обретая художественной формы.

Еще более резко эта мысль выражена в стихотворении «Путешествие в Грецию» (1853). Щербина предстает в нем как «истый жрец» Красоты, не желающий иметь ничего общего с искусством

своей современности, так как оно «приковано к вседневности бесцветной» и лишено высоких идеалов. Взор поэта, затуманенный слезами умиления, обращен к античной Греции. Только там, «где облеклось в прекрасный образ чувство и истина нашла себе язык», он мог бы быть понят и оценен.

Сходное высказывание о «чистой, безотносительной красоте», влекущей Щербину, мы находим в письме к А. Н. Майкову от 1853 года. Следовательно, он действительно хотел бы временами отвернуться от «горя дня», но этому мешал рано пробудившийся интерес к реальной жизни, вызывавшей острое недовольство поэта. В стихотворении «Воспоминание», также датированном 1853 годом, Щербина с пафосом утверждает, что Греция внушила ему любовь к красоте и открыла глаза на жестокие противоречия окружающей действительности. Уже в юные годы он ощутил потребность откликнуться на них стихами:

Разлад души с общественным застоем,
С текущим днем тогда я ощущал;
Являться стала мысль то с холодом, то с зноем,
И первые стихи невольно я слагал.

В письме к А. И. Герцену, датированном апрелем 1861 года, Щербина без всяких обиняков заявляет о своем отрицательном отношении к теории «чистого искусства»: «Спешу оговориться: я не сторонник „искусства для искусства“, а я сторонник „искусства *для жизни*“».[1] Будет не лишним напомнить, что в этом признании нет ничего неожиданного. Еще в 1853 году в письме к Майкову Щербина в таком же духе формулировал свою горячую приверженность к темам современной жизни.

Образ поэта, нарисованный Щербиной в пятидесятых годах, варьируется в стихотворениях, носящих почти одинаковые заглавия («Поэт», 1852; «Поэту», 1855; «Поэтам», 1856). Они объединены идеей общественного служения, которая открыто декларируется в первом из этих стихотворений:

На служение мысли высокой,
На служение правде я взрос;
Но кинжал ее спрятал глубоко
Между веткою миртов и роз...

---

[1] «Литературное наследство», т. 62, М., 1955, с. 732.

И, в руке с этой веткой душистой,
Как Гармодий, я в мир выхожу, —
Красотой ее мирной и чистой
Я неправду и зло поражу.

Щербина называет своего героя «поэтом-гражданином», поражающим «неправду и зло» кинжалом «мысли высокой». Его радует «эта битва без крови и гнева», являющаяся исключительной привилегией человеколюбивого искусства. В юношеском стихотворении «Признание пророка» поэт носил на голове терновый венец, здесь он держит в руке розы в надежде на то, что можно без терний насаждать добро и справедливость.

Н. Г. Чернышевский с похвалой отозвался о первых строфах стихотворения, отличающихся, по его словам, стройностью и точностью образа, но критика покоробило идиллическое представление о роли поэзии. Оно, по его мнению, обусловлено теорией о том, что «античная манера требует невозмутимости духа, олимпийского спокойствия в самой борьбе... и вот, в угоду этой теории, г. Щербина прибавляет, что битва поэта с неправдою должна быть «без крови и гнева», и поучение его «без терний», — забывая, что даже на ветке роз, которою прикрыт его кинжал, есть шипы, иначе сказать терния, которые все-таки оцарапают до крови и рассердят, если он станет «поражать» этою веткою».[1]

Чернышевский бесспорно прав, рассеивая иллюзии Щербины насчет безобидной битвы со злом. Его носители очень «сердятся», когда их «поражает» поэт. Однако в художественной практике Щербины есть немало случаев, когда то или иное стихотворение, выдержанное в античной манере, начисто лишено «олимпийского спокойствия». Часто в такого рода произведениях бьется беспокойная мысль, и поэта нисколько не тревожит некоторый разлад между современным содержанием и традиционной античной формой. Такой прием Щербина считал художественно правомерным.

Античные атрибуты уступают место библейским в стихотворении «Поэту». Эпиграф, заимствованный из Библии, окрашивает всю вещь в религиозные тона (в общем несвойственные творчеству Щербины) и придает ей характер, претендующий на проповедь о высоком и важном призвании поэта:

О поэт! ты — совесть века,
Лучший сын земли родной,

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 4, М., 1948, с. 535—536.

Цвет роскошный человека,
Человек передовой.

В этой «проповеди» выспренность и искусственность языка сочетаются с казенно-прозаическими оборотами. Щербина предостерегает своих собратий от заблуждений и ошибок («Злу исходят фимиамы из кадила твоего»); он поучает их не склонять «к кумирам слуха» и творить «на погибель всех неправд». Эта общая фраза не расшифровывается и не конкретизируется.

С большим темпераментом написано стихотворение «Поэту». Оно насыщено горячим ораторским пафосом и энергией. В нем звучат и лермонтовские интонации, и торжественно-суровые формулы в духе Плещеева. В стихотворении господствуют властные, императивные формы речи, вызывающие ощущение напряженности и тревоги. Щербина призывает поэтов выступить «во всеоружии разящего стиха» против общественного зла. Для этой благородной цели они должны перестроить свои лиры, расстаться с миртами и розами и, подобно библейским пророкам, облачиться в рубище:

На погребальный лад настройте ваши лиры,
Благоухающий снимите свой венец,
Оденьтесь вретищем, — да дрогнут все кумиры
И капище и нечестивый жрец...

В этом стихотворении зло конкретизируется и предстает в различных воплощениях. Это: стяжатели, предавшиеся мамоне, литераторы, торгующие «вещим словом», лицемеры, прикрывающие «мерзость запустенья» личиной красоты, продажные судьи («На злато весится продажно суд неправый, он, лжи потворствуя, карает правоту»), эксплуататоры, расхищающие «сокровища народа, его труда тяжелого плоды».

«Сыны своекорыстья», против которых направлено стихотворение, неисцелимо больны: «Больного дерева они гнилые листья, растущего без тени и плодов», тем не менее Щербина надеется на то, что поэты, «обличая их постыдные деянья», могут способствовать их исцелению. Если карающая муза Некрасова питает «ненавистью грудь» («Блажен незло́бивый поэт...»), то муза Щербины исполнена «бичующей любви»:

Да разражается, как гром негодованья,
Над ними ямб бичующей любви.

Формула «бичующая любовь» скорее применима к стихотворениям, посвященным судьбе поколения «лишних людей» («Болезнь»,

«Солнцу», «Наш демон», «Тосты», «В альбом С. А. С...вой», «Смерть весны»).

Горькие сетования и жалобы, звучащие в стихотворении под характерным заглавием «Болезнь» («Мы счастливы не будем никогда, и нет в душе у нас задатков счастья... Мы брошены, как богатырь живой, в глубокий склеп удушливой могилы»), сменяются скорбно-мужественным тоном стихотворения ««Тосты» (1855). Оно написано через 12 лет после «Современной вакхической песни» и по-новому развивает ее тему. Повзрослевший герой, умудренный печальным жизненным опытом, убедился на деле, что «лучшей доли не дано». Он не склонен над этим иронизировать, так же как и обольщаться какими бы то ни было иллюзиями. Герой отвергает все тосты прекраснодушных мечтателей (к числу которых он некогда принадлежал), сознавая всю их призрачность. Красивые слова об истине, доблести, любви, всеобщем благе останутся несбыточными, так как за ними стоят безвольные, бездеятельные люди, воспитанные в духовном рабстве.

Мастерски написанное стихотворение построено на столкновении светлой вариационной темы тостов, как бы исполняемой хором, с мрачно-горделивой, лаконичной темной героя-солиста: «Нет! я не выпью из кубка рабов!» Этот шестикратно повторяющийся рефрен резко останавливает разбег куплетов, давая им одновременно толчок для дальнейшего движения:

«Пьем мы за истину, доблесть и знанье,
За человека святое призванье...
Пей же: твой кубок заздравный готов...»
— «Нет! я не выпью из кубка рабов!..»
и т. д.

Проблема поколения сороковых годов, поставленная в стихотворении «Наш демон» (1855), тесно связана с темой пушкинского «Демона». В самом заглавии и в тексте стихотворения подчеркивается его зависимость от Пушкина, у которого Щербина искал ответа на трудные вопросы. Не случайно автор отказался от первоначального названия «Наш гений», предпочитая не усложнять ассоциации, которые сами по себе напрашиваются. В первой половине стихотворения заимствования из «Демона» носят почти демонстративный характер:

у Пушкина: Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня...

у Щербины: Нас тайный Демон посетил:
Он в нас живет, играет нами...

у Пушкина: Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел...

у Щербины: В лучах добра и красоты
Порой он призраки находит,
Порывы мысли и страстей
Клеймя иронией своей...

Пушкин в заметке о «Демоне» писал: «В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия существенности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души». [1]

Щербина полагал, что его демон ведет прямую родословную от пушкинского демона, посетившего людей сороковых годов, когда они еще находились в «колыбели». Демонская «игра» оказалась пагубной из-за жестоких жизненных обстоятельств, сокрушивших надежды и идеалы юности:

Ведь наша мысль не стала делом,
А в нашем деле мысли нет...

«Противуречия существенности», о которых говорит Пушкин, двадцать лет спустя приобрели гораздо большую остроту — это и привело к чувству безнадежности, которым было охвачено поколение Щербины. Оно погрузилось в будничную повседневность, заглушая неосуществимые духовные потребности. Щербина без всяких прикрас, с реалистической достоверностью рисует прозаическую изнанку жизни, которая некогда беспочвенно идеализировалась:

И вот — трудившись без охоты,
Насущный хлеб спешим добыть,
Соснуть на отдыхе с работы,
Потребы духа усыпить...

Но поэт не может «усыпить потребы духа». Он непримиримо настроен к тому, что окружающий его мир опутан «лжи постыд-

---

[1] А. С. Пушкин, Стихотворения, Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1955, с. 786.

ными цепями и поруганным добром», что в нем «законно иль лукаво благоденствует порок» («В альбом С. А. С⟨онцо⟩вой», 1856). Этот извечный мотив социальной несправедливости, так ярко звучащий в мировой поэзии, является идейной основой маленькой поэмы «Бальные грезы» (1856). Однако ее обличительный замысел не нашел полноценного художественного решения.

Картина бала, нарисованная Щербиной, полна «общих мест», она лишена свежих красок и запоминающихся деталей. Одинокий, романтически настроенный герой противопоставлен внешне блестящей, но бездушной толпе. Покинутый своей вероломной подругой, герой погружается в «грезы». Он воображает себя лежащим в могиле, над которой «проносится метель». Этот несколько гиньольный эпизод понадобился поэту для того, чтобы еще резче подчеркнуть состояние неприкаянности и отчуждения, в котором пребывает герой. Из своей могильной сени он видит коснеющее в пороках общество, в котором логические закономерности существуют в деформированном и перевернутом виде: глупость правит разумом, дряхлая старость — цветущей молодостью, зло — добром:

И задыхается в вертепах нищеты
Всё полное надежд, добра и красоты.

Так как герой (в своих грезах) освободился от всех уз, связывающих его с жизнью, то он тем самым победил инерцию общепринятых, привычных понятий, представших перед ним в своей сущности, которая была до сих пор замаскирована Так, например, брильянты «красавиц молодых» ему теперь кажутся «застывшими слезами» тружениц. В веселой бальной музыке он слышит «скрип серпа и плач детей на ниве», а яркие огни бала поглотили «последний свет у слабых и меньших». Герой мечтает о том, чтобы громко излить свое негодование по поводу таких вопиющих несправедливостей:

О, если бы я мог нежданно к ним явиться,
Чтоб их веселие нарушил мой приход...

Но по зрелом размышлении он так и не появляется на враждебном ему «житейском пире». Гневная филиппика неожиданно завершается примирительным аккордом. По ходу сюжета с окончанием бала рассеиваются «грезы» героя. Он довольствуется тем, что «есть счастье и в труде, и в мысли, и в борьбе», хотя его полет к «доблестям» скован.

На примере «бальных грез» можно убедиться в том, что Чернышевский был совершенно прав, когда он писал, что в ямбах Щербины идея не находит себе адекватной художественной формы:

«Благородная мысль, одушевлявшая эти пьесы, живо вызывала сочувствие каждого порядочного человека. Но если мы подумаем о том, какое громкое одобрение заслужили пьесы с современным содержанием г. Бенедиктова, то не можем скрыть от себя, что поэт с таким талантом, как г. Щербина, касаясь живых идей, должен был бы возбудить гораздо больший восторг, — не можем защититься от мысли, что «Ямбы» г. Щербины, хотя и не были бессильны, но не производили того действия, какого должно было бы ожидать от пьес подобного содержания, писанных человеком истинно даровитым, каким невозможно не признавать г. Щербину».[1] Далее Чернышевский пишет: «Мысль каждого ямба — благородна, жива, современна; но она остается отвлеченною мыслью, не воплощаясь в поэтическом образе...»[2]

Конечно, было бы неверно распространять это суждение на всю гражданскую лирику Щербины; многие ее образцы исполнены художественной выразительности и силы, хотя они могли бы, как справедливо заметил Чернышевский, «возбудить гораздо больший восторг».

В другом месте своей статьи Чернышевский подчеркивает, что сочувствие Щербины «живым вопросам современности», его гуманность обусловлены развивающейся, духовно растущей индивидуальностью поэта: «Это развитие человека в поэте составляет великое преимущество г. Щербины перед многими...»[3]

Духом гуманности овеяно «жестокое» по выразительным средствам стихотворение «Битва» (1856). Оно тематически связано с кавказской войной. Правда, эта война не только не названа, но даже в известной мере закамуфлирована полусказочным, аллегорическим зачином стихотворения. Субъективный элемент придает этому произведению эмоциональность и горячность тона. Дело в том, что в 1856 году на кавказской войне погиб младший брат Щербины. Смерть юноши потрясла его, и он долго не мог опомниться от этой трагической для него утраты. В письме к Данилевскому от 25 сентября 1856 года Щербина писал: «Я ночь всю не спал, и такие страшные мысли и фантазии об убитом мальчике-брате пилили мое сердце и зажигали мозг».[4]

В «Битве» глашатай гуманности выступает под маской «вещего старца» — пророка, гонимого и преследуемого неразумной толпой,

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 4, с. 528.

[2] Там же, с. 537.

[3] Там же, с. 544.

[4] «Исторический вестник», 1891, № 1, с. 46.

которая не ведает, что творит. Ему подает руку юный поэт, и они вместе идут по тернистой дороге, через пустыню и безлюдные, мертвые степи, чтобы познать истину через страдание. Путники приходят в горы, где кипит вполне современная битва, без стрел и пращей. Исступленные люди убивают друг друга при помощи пушек, ружей, сабель и пик.

Щербина лишает нарисованное им сражение романтического ореола. Динамичный, сжатый, напряженный стих октав делает зримой и конкретной картину кровавой сечи. Некоторые ее эпизоды напоминают лермонтовский «Валерик»:

И, в бою смешавшись рукопашном,
Бились молча, но в молчаньи страшном.

(У Лермонтова: «Резались жестоко, как звери, молча, с грудью грудь».) Силой крайне возбужденной художественной фантазии Щербина насыщает панораму сражения устрашающими реалистическими подробностями, несвойственными традиционной батальной лирике. Поэт стремился к тому, чтобы война предстала во всем ее ужасе, — отсюда хруст костей, предсмертные судороги, разорванные человеческие тела, лужи крови, над которыми кружатся стаи мух. На этом зловещем фоне бегло возникают сцены «частной жизни», в которую вторглась безжалостная война. В зареве пожарищ виднеются силуэты людей, бегущих в горы, брошенные и потерянные дети, беспомощные старики, рыдающие матери.

Это зрелище бессмысленной жестокости вызывает у поэта скорбную мысль о тщетности человеческих стремлений, знаний, опыта, терпящих полный крах под напором зла, воплощенного в братоубийственных войнах. Глубокий лермонтовский упрек людям, звучащий в финале «Валерика» («Я думал: жалкий человек. Чего он хочет! ..»), перерастает здесь в чувство стыда и возмущения:

Я гляжу, — и мне подумать стыдно,
Что живем мы в варварское время,
Что поруган человек обидно,
Что гниет напрасно духа семя
В почве жизни жалкой и постыдной,
И за племенем проходит племя,
Только землю удобряя туком,
Чтоб росла из дедов пища внукам.

Но «вещий старец», давший предметный урок поэту, витавшему до сих пор в облаках, вселяет в него мужество и надежды. Стихотво-

рение завершается оптимистическим финалом, проникнутым утопической мечтой о счастливом будущем, когда истребительные войны превратятся в бескровные битвы за «правду жизни».

Такие концовки, неоднократно возникающие в стихотворениях Щербины гражданского состава, перекликаются по своему духу и по своей лексике с поэзией А. Н. Плещеева, в которой настойчиво звучит тема будущего счастья и всеобщей справедливости.

В пятидесятых годах наряду с гражданскими стихотворениями в творчестве Щербины появляются песни о природе, неравноценные по своим художественным достоинствам. Некоторые из них страдают принужденностью и рассудочностью и выглядят как иллюстрации к натурфилософским идеям о единстве мирозданья («Природа», «Симпатии», «Голоса ночи», «Утреннее впечатление»).

В произведениях этого цикла, проникнутых живым поэтическим чувством, природа изображается в органическом слиянии с лирическим героем и становится важным компонентом цельного художественного образа. Так, например, в стихотворении «Перед бурей» (1852) грозное дыхание надвигающегося урагана символически воплощает тему жизненных невзгод и катастроф. В стихотворениях «Лес» (1853) и «Уженье» (1854) яркие пейзажные зарисовки, изобилующие остро схваченными реалистическими деталями, сочетаются с пантеистическими медитациями героя.

Душевная чуткость и впечатлительность поэта, причудливость его восприятия природы отобразились в стихотворении «Ночь и день» (1854), родственном по своему настроению и Тютчеву, и Фету. Ночь смущает и тревожит таинственными видениями, «незримыми врагами», «тайным наваждением», а день приносит свет и радость бытия. Встретив «вожделенный день», поэт придает ему расширительно-аллегорический смысл. Он восклицает:

Люди созданы для света,
Людям сроден только свет!

Тема взаимоотношений природы и человека нашла оригинальное художественное решение в «Просьбе весны» (1854). Покидая землю, благодетельная весна завещает поэту все свои творческие силы и чары для того, чтобы он вместо нее приносил людям в «безрассветно-ненастное» время добро и красоту. Поэт-чародей даже способен «улучшить» и облагородить природу, «облеченную в образ и звук».

В «Нимфе Вьюги» (1856) нетрудно обнаружить краски, обороты, интонации, заимствованные из «Зимнего вечера», «Зимней дороги», «Бесов». Такая контаминация хрестоматийных пушкинских произве-

дений, связанных с темами вьюги и дороги, однако не исчерпывает собой содержание и форму стихотворения Щербины. Выразительно и динамично рисуя картину снежной бури, поэт вслед за Пушкиным придает ей отчетливо русский колорит. Тут и тройка («Истомленная от бега, тройка медленно бежит»), и березы, и «месяц бледный», и рыщущий по ночному полю волк. Сквозь метель слышатся завывания «ветра буйного» и «унылая» русская песня. Но этот колорит умышленно нарушается. В тревожную музыку вьюги вторгается личный мотив: поэту мерещатся образы античности, и вместо пушкинских бесов появляется мифологическая нимфа. Она возникает внезапно «сквозь прах сыпучий, сквозь лохмотья белых туч». Нимфа, олицетворяющая вьюгу, дана в движении, то головокружительно-быстром, то плавно-замедленном. Она принимает разные обличья, устрашает и обольщает:

Беломраморной рукою
Нимфа в даль меня манит,
И хохочет надо мною,
И рыдает, и грозит...

Чернышевский остроумно насмехался над этой нимфой: «Бедная нимфа, она так легко одета, что смертельно простудится, если вздумает явиться среди такой обстановки, когда и у старой ведьмы в овчинном тулупе стучат зубы во время сатанинской пляски».[1]

Щербина отлично знал, что нимфа может вызвать недоумение, но он был убежден в другом: в универсальной емкости образов античной Греции, способных поэтически выражать самые различные явления физического и духовного мира: «Вас питают и морозы бедной родины моей». Белоснежная нимфа, скачущая на белоснежном волке, вызывает в душе поэта лирические раздумья о своей юности с ее неосуществленными мечтаниями («Что развенчано судьбою, что в душе погребено»).

В завершающей строфе стихотворения греческая нимфа напевает по-русски «баюшки-баю», ниспосылая путнику-поэту мирный сон и покой. В этом, конечно, мало логики, но есть поэзия:

И дрема́ с высот слетает
Тихо на душу мою:
Нимфа Вьюги напевает
В поле «баюшки-баю».

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 4, с. 534.

7

В произведениях Щербины, опубликованных в журналах и отдельных изданиях, почти не слышно смеха, мастером которого он бесспорно был. Сравнительно безобидные юношеские опыты в юмористическом жанре перерастают в пятидесятых годах в сатиру. Однако Щербина не считал нужным маскировать ее, вуалировать эзоповскими аналогиями для того, чтобы она смогла миновать цензурные преграды. Сатира Щербины (в стихах и в прозе) ушла в подполье и распространялась в многочисленных списках, приобретших большую популярность.

В сатирической портретной галерее, созданной Щербиной, обширное место уделено литераторам. А. И. Герцен как-то писал, что «отвратительная тягость нашей эпохи тем ужаснее, что людям мыслящим приходится бороться не с одними людьми силы и власти, а еще с долею литераторов».[1] К этой «доле литераторов», несомненно, относились рептильные литераторы Булгарин, Греч, Борис Федоров, приобретшие печальную известность в эпоху Пушкина, но продолжавшие свою тлетворную деятельность и в середине века. Эти активные пособники николаевского режима были ненавистны Щербине, и он неоднократно клеймил их в своей сатире.

В начале пятидесятых годов в поле зрения Щербины попала и Авдотья Глинка, и он зло высмеял ее за ханжество и обскурантизм («Акафист блаженной и нищелюбивой Евдокии...»). В целой серии эпиграмм Щербина преследовал поэта-графомана Н. В. Сушкова. Перефразируя известные строки Шиллера (в переводе В. А. Жуковского) из «Торжества победителей», он пишет эпиграмму «Двойное горе» с подзаголовком «У гроба Гоголя»:

Слышим вопли, стон и клики
Лучших родины сынов:
«Умер Гоголь наш великий,
Жив и здравствует Сушков!»

Нередко объектом ожесточенных нападок Щербины делались его литературные противники, к числу которых он, например, отнес И. И. Панаева, выступавшего под псевдонимом «Новый поэт» и подвергшего критике антологический жанр. В двух стихотворениях («Физиология Нового поэта» и «Превращение Фаддея в Нового поэта»), датированных 1853 годом, Щербина дискредитирует Па-

[1] А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 2, с. 240.

наева как человека и критика. Опираясь на какие-то крупицы биографических фактов, он рисует донельзя окарикатуренную фигуру столичного бульвардье и щеголя, мелкого щелкопера, лгуна и хвастуна («Друг Ивана Хлестакова и Тряпичкин наших дней, пишет гимны в честь портного, брань на мыслящих людей»).

Во втором, еще более желчном и по-своему блестящем стихотворении звучит трагикомическая жалоба Фаддея Булгарина, превращенного богами (в духе «Метаморфоз» Овидия) в Панаева. Редактор «Северной пчелы» негодует по поводу того, что Панаев измельчил и опошлил его «монументальную» подлость:

Нечестивыми делами
Долгий век мой заклеймен,
И в Панаева богами
Я нежданно превращен:
На позор и на смех свету
В нем Булгарин измельчал,
Он на мелкую монету —
Подлость «Пчелки» разменял!..

Произведения в сатирическом роде, написанные Щербиной в сороковых и пятидесятых годах, были им объединены в «Альбом ипохондрика, или Собрание эпиграмм, ксений, ямбов и всякого сатирического ералаша и школьничества». Автор иногда раскаивался в необъективности и несправедливости некоторых своих эпиграмм, направленных против тех или иных литературных деятелей. В предисловии к сборнику он оправдывал себя тем, что даже ошибочные эпиграммы были «относительной правдой» его души, «хотя между правдой души и *объективной истиной* нередко бывает огромное расстояние».

Щербина погрешил против истины и повредил своему доброму имени, когда он в 1854 году ополчился на А. Н. Островского. Личные слабости драматурга были им раздуты до гипертрофированных размеров, и в результате получился пасквиль, варьированный в нескольких эпиграммах. Но, наряду с недостойными выходками против личности Островского, Щербина с большим полемическим жаром атаковал его идейно-художественные позиции, давшие о себе знать в пьесе «Бедность не порок». Сигналом для такой атаки послужило программное панегирическое стихотворение Аполлона Григорьева «Искусство и правда», посвященное этой комедии. В нем Островский назван «глашатаем правды новой», а Любим Торцов — носителем «истинно русского начала». Этот панегирик, напечатанный в «Москвитянине»,

вызвал громкую отповедь Щербины («После чтения одной Элегии-Оды-Сатиры. . .»).

Известно, что Чернышевский, имея в виду и «Бедность не порок», тоже сурово осудил Островского за «прикрашиванье того, что не может и не должно быть прикрашиваемо». Он призывал драматурга не слушать «восторженных и безотчетных похвал» Аполлона Григорьева, не увлекаться «стихотворными дифирамбами, в которых провозглашают его героем „Искусства и Правды“».[1]

Эти положения Чернышевского в какой-то степени близки по своему духу и смыслу стихотворению Щербины, но поэт придал своему высказыванию феноменально запальчивый характер. Все стихотворение написано с поистине яростным темпераментом, с неизбежными в таких случаях преувеличениями и передержками. Не зная никакого удержу своему негодованию, Щербина поносит Григорьева и его единомышленников по журналу «Москвитянин», именуя их безумцами и кликушами, которые бредят «татарской стариною». Он мечет громы и молнии против Островского, унижающего свой талант дружбой с «кликушами», идеализацией «купца-пропойцы», стремлением повернуть Россию вспять «ко дням Кошихина... с их ложью, дикостью и сквернами былыми».

Щербина объявляет себя врагом национальной ограниченности и приверженцем мировой культуры, чьи ценности должны быть разумно использованы: «Мы возродим в себе... все в человечестве добытое веками».

Для того чтобы представить себе стилистику и тональность всего стихотворения, достаточно воспроизвести его заключительный аккорд. Обращаясь с укоризной к Островскому, поэт восклицает:

Тебе сплели венок из листьев белены,
И пенник и дурман несут на твой треножник
Лишь «Москвитянина» безумные сыны
Да с кругу спившийся бессмысленный художник.

При всей небывалой резкости филиппики Щербины, в ее подтексте все же ощущается, что автор хорошо понимал художественное значение Островского, и именно поэтому он пользовался различного рода сатирическими гиперболами, выражающими тревогу о творческой судьбе молодого драматурга. Нападки на Островского, Григорьева, Погодина, Филиппова представляют собой некую пре-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 2, с. 240.

людию к той борьбе против славянофилов, которую Щербина развернет во второй половине пятидесятых годов.

В московский период жизни Щербины политическая тема нашла свое выражение в эпиграммах на Николая I и шефа жандармов Л. В. Дубельта. Он написал о царе сатирическое четверостишие в форме эпитафии под ироническим заглавием «Всеобщий благоприятель». В ней остро и лаконично сформулирована характеристика венценосного фельдфебеля, душителя свободной мысли, любителя военной муштры и шагистики:

Он меж холопями считался мудрецом
За то, что мысль давить была его отрада;
Он был фельдфебелем под царственным венцом
И балетмейстером военного парада.

Сподвижник Николая I Дубельт представлен в эпиграмме комическим Аттилой, при котором, однако, Россия превратилась в «сущий гроб» для всех лучших людей страны.

8

После пятилетнего пребывания в Москве Щербина, судя по некоторым его письмам, собирался обосноваться в Петербурге. Он тяготился служебной лямкой и одиночеством. Решение о переезде в столицу было окончательно принято в марте 1855 года, сразу же после смерти Николая I.

А. И. Герцен в «Былом и думах» очень живо передает то радостное возбуждение, которым он был охвачен, узнав о неожиданной кончине царя: «Несколько лет свалилось у меня с плеч долой, я это чувствовал... Смерть Николая удесятерила надежды и силы».[1] Нечто подобное переживали многие мыслящие люди России, возлагавшие большие надежды на Александра II, ожидавшие перемен к лучшему. Среди них был и Щербина. В Петербурге, как гласит автобиографическая заметка, он «поступил вновь на службу — по министерству народного просвещения — чиновником особых поручений при товарище министра, князе П. А. Вяземском, и был делопроизводителем одного еврейского ученого комитета».

Письма, датированные 1855 годом, свидетельствуют о перемен-

---

[1] А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 10, с. 361—362.

чивости настроений Щербины. Душевный подъем сменялся мрачной ипохондрией, упадком сил. В Петербурге он сдружился с маститым скульптором и гравером, графом Ф. П. Толстым, в доме которого бывал постоянно, тесно сблизился с известным карикатуристом Н. А. Степановым, поэтом и драматургом Л. А. Меем и по-прежнему поддерживал приятельские отношения с Г. П. Данилевским. По всей вероятности, Щербина встречался с Некрасовым, Тютчевым, Тургеневым и Чернышевским. В статье Чернышевского «О стихотворениях Н. Щербины» (1857) чувствуется, что критик лично знал Щербину, и при этом с хорошей стороны. П. А. Вяземский, сохраняя между собой и Щербиной солидную дистанцию, тем не менее оказывал ему некоторое покровительство. Так, например, он содействовал изданию его двухтомника.

К министерству народного просвещения, одним из руководителей которого был Вяземский, Щербина относился весьма критически. Он ядовито именовал его «департаментом народного помрачения», предвосхищая пародийно-сатирические формулы Салтыкова-Щедрина. Петербургская «весна», связанная с новым царствованием, оказалась для Щербины быстротечной и бесплодной. Очень скоро он убедился в том, что при Александре II никаких существенных перемен в общественной жизни не произошло. По-прежнему свирепствовала цензура, по-прежнему давила атмосфера страха. В 1856 году Щербина написал на титульном листе неизданного «Сонника современной русской литературы» шутливую, но многозначительную «справку»: «Издание сотое без перемен, как и все остальное в богоспасаемой России». Наивных и легковерных людей, говорящих о наступлении «новой эры», Щербина насмешливо окрестил «сеятелями в облаках умозрительной репы». Он весьма трезво смотрел на вещи и не тешил себя розовыми мечтами (достаточно вспомнить суровое стихотворение «Тосты», написанное в 1855 году). Лучшее будущее ему представлялось прекрасной утопией, которая осуществится невесть когда. А настоящее выглядело мрачно и враждебно.

Для мироощущения Щербины этих лет характерно его письмо к Г. П. Данилевскому от 25 сентября 1856 года из казенной Петропавловской больницы, куда он был помещен «по совершенно недостаточному состоянию средств к пользованию у себя на квартире», как гласит казенный документ, составленный департаментом министерства народного просвещения. В этом письме, проникнутом душевной болью и отчаянием, мы читаем такие строки: «Страшно лежать в казенной больнице, Григорий. Я думаю, что я сойду с ума... О, Григорий! Когда кончится подобное положение! А во-

пиющий голос попранных прав человеческих. Неужели мозг мой снесет все это... Страшно мне, Григорий».[1]

Примерно через год (12 июня 1857 года) он писал приятелю своей юности В. М. Лазаревскому: «Дайте мне, Василий Матвеевич, это время жить хоть какой-нибудь *надеждою* и *целью*; они так нужны для заглушения скорбей и ран души моей; они так необходимы для выхода из моего тяжелого положения».[2]

Щербину оскорбляло унижение человеческого достоинства, которым он очень дорожил. Он, например, строго отчитывал своего брата Ивана Федоровича за заискивание перед влиятельными лицами: «Да не пиши провинциально-холопских чиновнических писем с разными хамскими титулами... и унижениями, лестью».[3]

Сам он не умел и не хотел заискивать перед властями предержащими и не сказал по их адресу ни одного доброго слова. Больше того: по его мнению, делание карьеры в деспотическом государстве несовместимо с порядочностью и честью. Об этом прямо сказано в стихотворении «В альбом ребенка» (1857): «И да не будет опозорен твой фрак звездою иль крестом». Есть предположение, что оно посвящено сыну карикатуриста Н. А. Степанова. Если это так, то тем более трудно сомневаться в искренности поэта — друга семьи Степановых.

Щербину глубоко возмутили верноподданнические стихотворения А. Н. Майкова (поэтическое дарование которого он ценил), воспевающие Николая I и установленные им порядки. Он воспринял эти стихи как результат нравственного падения Майкова и ответил на них шестью убийственными эпиграммами, в которых самые бранные эпитеты («подлец», «хамелеон», «слабоумный», «льстивый раб») не казались ему бестактными или неуместными. Вот начало одной из этих эпиграмм:

Ты гимны воспевал «откинутой коляске»,
Лбу медному кадил и льстил ты медной каске;
Стремленье к вольности, гражданскую борьбу
Ты гнусно порицал, как немец Коцебу...

Щербина не мог простить Майкову и того, что, когда после смерти «меднолобого» Николая в моду вошел либерализм, тот прикинулся либералом, дискредитируя тем самым это понятие: «И вновь стал Майков либерал — с монаршего соизволенья».

---

[1] «Исторический вестник», 1891, № 1, с. 46.
[2] «Русский библиофил», 1914, № 4-6, с. 18.
[3] «Исторический вестник», 1891, № 1, с. 54.

В эпоху реформ конца пятидесятых годов Щербину волновала проблема: народ и самодержавие. Он был убежден в том, что между этими двумя силами лежит непроходимая пропасть, что монархическое государство в существе своем искони антинародно. Эта концепция выражена с беспощадным сарказмом в сатирическом стихотворении «Русская история» (1859). Непосредственным поводом для его написания послужила начавшаяся в 1858 году публикация фундаментального труда Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», подвергшегося, кстати сказать, критике со стороны Добролюбова.

Официально-монархическая трактовка темы побудила Щербину эпиграмматически развенчать и маститого историка и его венценосного героя. Сделано это в финале стихотворения:

Умерь же свой восторг и клики,
Устрялов, старый балагур:
Мы видим, — даже Петр Великий
Был гениальный самодур.

Но если, по логике Щербины, «даже» самый прославленный из русских царей был «самодуром», то что же можно сказать о других царях-самодурах, не обладавших гениальностью Петра? Ответ напрашивается сам по себе. В первой строфе «умный народ» (этой грибоедовской формулой Щербина пользуется и в других стихотворениях) противопоставляется его недостойным правителям, охарактеризованным как «шайка идиотов». Эта категорически звучащая антитеза закрепляется во втором четверостишии:

Насколько туп синклит державный,
Настолько даровит народ,
И это в Руси православной
Чрез всю историю идет...

В эпиграмме «Перед памятником Петру I-му в Петербурге» (1859) сатирически переосмысляется грозный и героический образ Петра. Щербина максимально заостряет один из мотивов пушкинской поэмы о Медном всаднике. «Стремясь вперед», он «растоптал народ наш бедный, растоптал простой народ». Поэт тем не менее далек от славянофильской идеализации допетровской Руси; никакого патриархального благолепия в ней не было и в помине. В эпиграмме «Реформа Петра I-го» (1860) утверждается мысль о том, что Петр заменил шпицрутеном «батог наш величавый». А батог был в ходу

от века и служил надежным орудием произвола, жертвой которого был не только «простой народ». В «Ответе грека на эпиграмму русских» (1859) Щербина, как бы от имени демократической Эллады, обращается к родовитым русским дворянам с горделиво-иронической насмешкой:

У вас — застенки, плети, клетки,
У нас — свобода дел и слов, —
И чем древнее ваши предки,
Тем больше съели батогов.

Среди тех, кто поддерживал и поддерживает режим застенков и плетей, Щербина называет и служителей церкви: «Опора всех возможных тронов, царелюбивые попы» препятствуют прогрессу, сковывают свободную мысль, своекорыстно пользуются невежеством народа.

Народ, по понятиям Щербины, — это угнетенный трудовой люд, создающий все материальные, а в своем поэтическом творчестве важные духовные ценности на земле. Щербина относился к нему с глубоким уважением, но без умиления и сусальности. Характерно, что, будучи собирателем и пропагандистом русской народной песни, он интересовался не столько обрядовыми или красочно-декоративными темами фольклора, сколько песнями нужды и протеста. По свидетельству Е. В. Гиппиуса, такие песни Щербина записывал в деревне и на крепостной фабрике в Звенигородском уезде Московской губернии.[1]

Трудовой народ Западной Европы, с которым Щербина познакомился во время своего заграничного путешествия 1861 года, также вызывал в нем живую симпатию. В своем путевом дневнике он энергично подчеркивал моральное превосходство «простого народа» над привилегированными классами: «Вообще промышленная буржуазия гнусна и во Франции, и в Англии; простой же народ везде хорош. . .»[2] Дворянина Щербину, совершенно свободного от сословных предрассудков, огорчило, что в парламентской Англии сословное неравенство столь же велико, как и в России, что оно властно укоренилось в народном сознании: «Странно, в этой свободной стране встречающиеся со мной люди из простонародья, как будто подобострастно, дают мне дорогу, по моему платью, вероятно. . . Неужели и у них существует понятие барин? О, tempora! О, mores!»[3]

---

[1] Подробнее см. об этом в «Литературном наследстве», т. 62.
[2] Полное собрание сочинений Н. Ф. Щербины, с. 376.
[3] Там же, с. 377.

Заступником народа, выразителем его интересов Щербина считал А. Н. Радищева, испытавшего на себе ужасы монархического самовластья, что придавало особо высокий смысл его деятельности. Знаменательно, что он принял горячее участие в издании биографии Радищева, написанной его сыном Павлом Александровичем.

Весной 1858 года Щербина договорился с журналом «Иллюстрация» о напечатании этой статьи с портретом автора «Путешествия из Петербурга в Москву», но пробиться через столичную цензуру не было никакой возможности. Щербина не опустил рук и принялся за редактирование биографии, сглаживая ее особо острые углы. Об этой вынужденной работе он откровенно сообщил П. А. Радищеву: «Соображаясь с настоящим состоянием цензуры и чисто литературными требованиями, я посидел над этой статьей, чтобы дать ей бóльшую возможность к напечатанию... Я послал ее в «Русский вестник», состоя с редакцией этого журнала в приятельских отношениях...» [1]

В декабре 1858 года биография Радищева была опубликована в «Русском вестнике». В ту пору журнал придерживался либерального направления, а московский цензор Н. Ф. фон Крузе оказался порядочным человеком. Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин обратились с благодарственным адресом к фон Крузе, который способствовал тому, что рукопись стала «общественным достоянием».

Щербина с большим сочувствием отнесся к намерению П. А. Радищева издать «Путешествие из Петербурга в Москву», но понимал нереальность этого плана. Он оказался прав: Александр II пожаловал Павлу Александровичу «в единовременное пособие сто рублей серебром», но не позволил печатать крамольную книгу. Эта история, случившаяся в 1859 году, крайне характерна для либерализма эпохи реформ. Новый царь действовал более деликатно, нежели его отец. Преподнося горькую пилюлю, он слегка ее позолотил или, в данном случае, посеребрил. Эту лицемерную двойственность правительственных кругов Щербина изобличил в афоризме, ставшем крылатым: «Мы — европейские слова и азиатские поступки».

Судьба Радищева напоминала Щербине судьбу Т. Г. Шевченко, которого он считал истинно народным поэтом среди всех своих современников. В день его смерти — 26 февраля 1861 года — взволнованный Щербина писал А. В. Дружинину: «Шевченко умер. Наш един-

---

[1] Цит. по книге: Д. С. Бабкин, А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность, М.—Л., 1966, с. 25.

ственный народный поэт в настоящее время. Довольно сказать народный поэт и многострадальный человек, и человек исключительный по душе и по современному значению в кругу наших лучших братий, которых почему-то называют меньшими братиями».[1]

9

Щербина решительно отказывал славянофилам в праве называться защитниками народа. Во второй половине пятидесятых годов он продолжал преследовать их в своих эпиграммах и сатирической прозе. Все они для него без разбора (от Погодина до братьев Аксаковых) — фальшивые народолюбцы. Немилосердно шаржируя реальный и сложный духовный облик славянофилов, он представляет их в качестве «спиртофилов».

Дом М. П. Погодина на Девичьем Поле становится в изображении Щербины пристанищем эрудированных юродивых, якобы пекущихся о постижении «народного духа». Они собираются к своему старейшине для того, чтобы «сладострастно нюхать нагольные тулупы, мужицкие онучи и бочки с пенником, с целию сознательно вынюхать оттуда эссенцию русского государственного и народного духа и букет древних доблестей» (Post scriptum к «Соннику современной русской литературы»).

Газеты и журналы славянофильского направления рассматривались Щербиной без всякой дифференциации, как рассадники обскурантизма, застоя и косности. Он поет веселую отходную «Москвитянину», закрытому в 1856 году («Москвитянин»), встречает уничтожающей насмешкой вновь созданный журнал «Русская беседа» с его «философией дьячка» («Русская беседа», 1857). Менее злую, но все же сардоническую встречу он оказывает газете «Молва» («Газета „Молва“», 1857; «Еще о „Молве“», 1857). В тонкой и изящной эпиграмме «Фон Крузе» (1859) он без сожаления констатирует запрещение еженедельника «Парус», издававшегося И. Аксаковым, хотя воздает должное цензору фон Крузе, который спел свою лебединую песню, пугая ястребов цензурного ведомства (фон Крузе был уволен в отставку).

Щербина злорадно потешался над научными изысканиями Погодина. Он приветствовал Чернышевского за резкую критику погодинской концепции происхождения Руси. В хлестком четверостишии

---

[1] «Письма к А. В. Дружинину». Летописи Государственного литературного музея, кн. 9, М., 1948, с. 358.

Щербина писал о Чернышевском: «Как истый росс, он больше бил: он трутню старому науки медовый месяц отравил».

Свою собственную позицию, враждебную славянофилам, свое отрицание их теорий Щербина выразил в сжатой и звучной формуле:

Я слишком русский человек,
Чтоб сделаться славянофилом.

«Консерваторы Девичьего Поля» нашли в сатире Щербины свою контрастную параллель в лице либералов, которых он называл «монтаньярами Вшивой горки». (Этот злой каламбур построен на основе того факта, что писательница графиня Е. В. Сальяс жила на Вшивой горке, mont по-французски — гора; и в ее салоне собирались московские либералы.) Щербина обвиняет их в пустозвонстве, притворном вольнодумстве, показной независимости, трусости и беспринципности. «Монтаньяры» умеют «искренно и с убеждением показывать в кармане кукиш (осторожно и благоразумно оглядываясь на все стороны) и усердно колотить язык об зубы; также самоотверженно храбриться и витийствовать в своей комнате и униженно побледнеть пред первым кварташкой; или иногда из отъявленного радикала превратиться в благоразумного консерватора при малейшем благосклонном внимании начальства и в видах какого-нибудь алтынного своекорыстия, что, впрочем, вообще в духе доблестных российских нравов и обычаев» (Post scriptum к «Соннику современной русской литературы»). Щербина, вероятно, дорожил этой характеристикой либералов, считая ее точной и справедливой; он почти буквально повторил ее в письме к А. И. Герцену в апреле 1861 года.

Само собой разумеется, что прогрессивные элементы славянофильства и либерализма остаются вне поля зрения Щербины, поскольку он выступал в обличительном жанре сатиры. Для дискредитации дореформенных либералов Щербина создает сатирическую формулу «Монархо-либерал» («Четверостишие», 1859), которая распространяется и на поэта Майкова, и на откупщика-миллионера Кокорева (разоблачению его деятельности Добролюбов посвятил в это время несколько статей, а впоследствии его помянет недобрым словом и Салтыков-Щедрин в «Убежище Монрепо»).

В эпиграмме «Кокоревский либерализм» (1859) Щербина воинственно открещивается от либералов, поскольку среди них красуются люди, подобные Кокореву:

Я не хочу быть либералом:
Ведь целовальник-либерал,

Дела покончивши с кружалом,
Либерализм на откуп взял...

В этой эпиграмме наносится предательский удар журналу «Искра», в котором Щербина сотрудничал. С точки зрения Щербины, издатели «Искры» совершили непростительную ошибку, взяв взаймы у «либерала» Кокорева деньги для ведения журнала. Однако эта мысль доводится им до абсурда, когда он утверждает, что «Искра» стала вследствие финансовой сделки с откупщиком «подкупленным журналом».

Беспринципная выходка против «Искры», которая кажется случайной, неким рикошетом от выстрела по Кокореву, на самом деле была не случайной, она предвещала одну из главных тем в сатире Щербины шестидесятых годов.

Щербина был очень высокого мнения о своей собственной миссии друга народа, ревнителя общественных интересов. Между тем, как он утверждал, к этому священному делу примазываются разного рода фальшивомонетчики, торгующие своим мнимым народолюбием. Обо всем этом сказано с горячим пафосом в письме к Герцену (апрель 1861 года): «...в литературе даже выгодно, денежно выгодно, страдать за угнетенных братий... Общественная струна, как неумолкаемый вопль, более всего звучит в моем сердце и отравляет мою жизнь, которая была мне веригами с младенчества и воспитала в народе и с народом».[1]

Отмена крепостного права была радостно встречена Щербиной. Он преисполнился веры в прекрасное будущее России, таящей в себе несметные силы и возможности. С таким светлым настроением Щербина отправился за границу — в Германию, Францию, Италию, Швейцарию, Англию. Он вез с собой, помимо собственного двухтомника, несколько сборников русских народных песен, аранжированных для голоса и фортепиано, надеясь познакомить с ними западноевропейскую публику (он души не чаял в этих песнях и сравнивал их чуть ли не с Шекспиром).

Будучи в Париже, Щербина послал А. И. Герцену в Лондон свои сочинения и цитированное выше письмо, не решаясь это сделать в России. И стихи, и письмо были восприняты Герценом с несомненным сочувствием, а их автор вызвал у него доверие и симпатию. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, содержание и дружеский тон ответных писем. Так, например, в одном из них, от 15 апреля 1861 года, говорится о польских событиях. Можно предположить, что Герцен был уверен в том, что его негодование по поводу

---

[1] «Литературное наследство», т. 62, с. 731—732.

«варшавской бойни» будет безоговорочно понято и разделено Щербиной, что он изъясняется с ним на одном языке, иначе не было бы смысла так писать; можно было ограничиться обычными любезностями. Герцен настойчиво приглашал Щербину навестить его в Лондоне.

Т. П. Пассек сообщала 3 июля 1861 года Щербине: «...об вас он <Герцен> говорит с большим уважением и расположением, желает видеть вас и сожалеет, что вас не нашел в Париже».[1] А снискать расположение Герцена было делом далеко не простым. Щербина гордился этим. В своих лаконичных «Путевых набросках...» он с явным чувством удовлетворения записывает: «От А. И. Герцена получил письмо в Париже и теперь получаю о нем известия».

Мы не знаем, состоялась ли лондонская встреча с редактором «Колокола», но характерно, что Щербина искал ее. Небезынтересно также отметить, что он встречался в Париже с политическим эмигрантом князем П. В. Долгоруким и получил от него в дар памфлет «Правда о России».

Во время путешествия, которое длилось около шести месяцев, Щербина вел дневник, кокетливо озаглавленный «Путевые наброски русского ленивца и ипохондрика» (он не желал расставаться с маской ипохондрика). В нем парадоксально сочетаются умные, тонкие наблюдения с плоским филистерством, истинная любовь к родине с квасным патриотизмом, рассудительность с докучным брюзжанием.

Проблема свободы личности — одна из центральных проблем в поэзии Щербины, но она предстала для него в новом ракурсе в первые недели после 19 февраля. Щербина искал ответа на вопрос о том, каким конкретным содержанием наполняется общее понятие «освобождение крестьян». Что обозначает свобода, предоставленная закабаленному народу? Эти размышления связываются с наблюдениями над народной жизнью в Англии. Щербина приходит к выводу, что при наличии богатых и бедных свобода является фикцией: «Где существуют нуждающиеся бедняки, там не может быть в сущности свободы; будет только свобода на бумаге да в словах». Свободой, по словам Щербины, пользуются лишь привилегированные сословия, у которых существует «интимная стачка против народа. Что ж тут народ сделает, — а ведь желудок бьет в набат». Однако, в отличие от России, в Англии все же существует «строгая законность», благами которой народ может в принципе пользоваться. Щербина несколько раз возвращается к мысли о том, что «везде простонародье лучше лавочников и буржуазии, решительно везде».

---

[1] Т. П. Пассек, Из дальних лет, т. 1, с. 19.

Впечатления о поездке по Франции и Италии отличаются верхоглядством, мелочностью и предубежденностью. Париж — «это город наглых мошенников и грабителей для путешественника-иностранца, и для русского в особенности». В Париже Щербине все не по душе. Там, например, цирюльники дерут два франка за бритье, но что еще ужаснее, за такую громадную сумму они бреют гораздо хуже, чем их петербургские коллеги. «Париж — это высота внешней цивилизации и варварство внутреннего мира».

В Неаполе Щербина возмущается «грубыми голосами здешних женщин» и находит, что голоса русских женщин более благозвучны. Ему пришлись по вкусу только лишь панорама Неаполя и произведения искусства в старинном монастыре св. Мартина.

В Помпее, 5 мая 1861 года, Щербина прощается со своими былыми античными увлечениями: «Да здравствует Русь, полная надежд, и безнадежный, но прекрасный древний мир!»

Критический и во многом предвзятый взгляд на жизнь Западной Европы стимулировал переоценку славянофильства, под знамена которого Щербина становится, вопреки его прежним, столь страстным нападкам на него. В июле 1861 года он записывает в путевом дневнике: «Поездка за границу окончательно утвердила меня в руссофильстве и славянофильстве». Что значит «окончательно»? Выходит, что этому предшествовал медленный, неуверенный поворот к новым позициям? Но такой сложный внутренний процесс не нашел никакого выражения в стихах и в прозе пятидесятых годов. Это неожиданное признание принадлежит к тем идейным зигзагам творческого пути Щербины, которые обусловлены неопределенностью, расплывчатостью, смутностью его мировоззрения, его политического идеала. Отсюда возникают противоречия, пронизывающие и лирику, и сатиру Щербины.

Самое энергичное отрицание «искусства для искусства» как принципа художественного творчества перемежается в ряде стихов — его безудержным прославлением. Полемизируя с самим собой, Щербина неожиданно объявлял чистый эстетизм панацеей от всех бед, подстерегающих художника в его бесплодных попытках исцелить неисцелимые общественные недуги. Настойчивые, ожесточенные атаки против славянофилов так же неожиданно завершаются тем, что он становится адептом их теорий, хотя и не оставивших сколько-нибудь заметного следа в его поэзии. Протест против общественного застоя и гнета, составляющий пафос гражданской лирики Щербины, сменяется охранительными, обскурантскими мотивами, господствующими в сатире шестидесятых годов.

Некоторые биографы — современники Щербины — озадаченные

его идейными метаниями, искали причину в болезненности поэта, в неуравновешенности его психики. Такого рода аргументы несостоятельны, ибо речь может идти не о патологическом случае, который ничего не объясняет, а о характерном явлении, порожденном конкретными историческими условиями определенной эпохи.

Идейный кризис Щербины социально обусловлен. Поэт отказался от своих «вольнолюбивых мечтаний» в обстановке резкого размежевания общественных сил, связанного с революционной ситуацией 1859—1861 годов. Перед лицом социальных катаклизмов непоследовательность, нетвердость Щербины привели его в конечном итоге в лагерь ярых противников освободительного движения. И он был отнюдь не одинок. Такую же метаморфозу пережили многие либералы в эпоху острой ломки социальных отношений.

Характерно, например, что в грозовой атмосфере шестидесятых годов Щербина примирился с доктриной славянофилов. Произошло это не потому, что он внезапно открыл в ней незамеченные ранее положительные тенденции, а потому что в новых обстоятельствах расхождения со славянофилами утратили свой накал; они уже мало что значили по сравнению с антагонистическим отношением к идеологам революционной демократии.

Будучи за границей, между мартом и августом 1861 года Щербина пишет цикл «Русские песни на чужбине». Они перекликаются с прозой «Путевых набросков...», проникнуты мучительной ностальгией, хотя поэт только что покинул родину и никто не принуждал его ехать за границу. Любые впечатления путешественника обязательно ассоциируются с аналогичными или контрастными картинами русской жизни.

Сумеречные настроения, господствующие во всем цикле, питаются одиночеством и внутренним отчуждением от неприемлемого для него мира. В залитой солнцем Италии, на вилле у Лаго Маджоре, он грезит русскими вьюгами:

О, как бы я хотел отсюда убежать
И к братьям кинуться в объятья со слезами,
Их небом пасмурным и вьюгами дышать...

(«В уединении»)

В Англии поэта утешают дожди, напоминающие русскую осень, льющую «елей на раны сердца»:

Убаюканный природой,
Грежу Русью наяву.

(«Лето на острове Уайт»)

Величественные горные пейзажи Швейцарии, преломляясь через встревоженное сознание поэта, приобретают угрюмый и гнетущий характер:

Все эти бездны да обвалы,
Снега, потоки, водопад
Да серые нагие скалы
Мне в душу холодно глядят...

(«Симплонская дорога»)

В этом ярко-выразительном пейзажном стихотворении тоже появляется мотив родины, призывающей поэта спуститься с альпийских вершин в «родимую клеть».

Чертами ретроградства и национальной ограниченности отмечено риторическое стихотворение «На острове». Поэт полемически противопоставляет «могучей и свободной» Англии, в которой все упорядочено, измерено и исчислено, — «юную Россию». В ней пока царят «хаос» и «безобразия», зато виднеется «свет над бездною». Этим библейским оборотом подчеркивается процесс сотворения нового мира, представителям которого старая Англия, прочная своими устоями и традициями, представляется чуждой и одиозной:

Но детям юного и бедного народа,
Случайно брошенным к тебе на берега,
Не по сердцу твоя угрюмая свобода, —
Нам жизнь твоя скучна, противна и узка...

Стихотворение «Гладиатору в Капитолии» построено на аллегории: статуя гладиатора, чья «выя» «веревкою обвита», ассоциируется в душе поэта с драматической судьбой «славянского народа», сражавшегося на арене истории ради чужих интересов. Мраморный гладиатор призывает живого славянского «богатыря» осознать свою мощь и обновить мир на началах справедливости:

Твоя рука, и песнь твоя, и слово
Способны мир собою освежить...

Славянофильские позиции, занятые Щербиной во время заграничного путешествия, нашли слабое отображение в его поэзии, если не считать вычурного и напыщенного стихотворения «Юношам — членам Славянского комитета», написанного совсем незадолго до смерти поэта.

10

Осенью 1861 года Щербина вернулся из-за границы в Петербург, где провел остаток своей недолгой жизни. Он скоропостижно скончался 10 апреля 1869 года, сорока семи лет от роду, «от задушения наростом в горле», как свидетельствует один из его биографов.

Творчество Щербины в шестидесятых годах ограничилось сатирическими произведениями на актуальные, по преимуществу политические темы. Поэт возымел претензию стать «летописцем» этой бурной эпохи, исполненной острых идейно-политических противоречий и конфликтов, «летописцем»-сатириком, глубоко пристрастным к повседневным явлениям, фактам общественной жизни, вот почему он назвал свой новый цикл ямбов, ксений и эпиграмм «Сатирической летописью».

Изобличая своих идейных противников, Щербина, по его убеждению, защищал народ, аллегорически изображенный им в облике гладиатора с петлей на шее. Этот тугой узел был расслаблен 19 февраля, но «злонамеренные силы» начали снова затягивать его. Эти силы, на взгляд Щербины, движутся в едином недифференцированном потоке, объединяющем правительственную бюрократию, либералов, нигилистов и революционных демократов. Все они вкупе стремятся нанести вред народу и стране.

Щербина чтил гражданский и человеческий подвиг Радищева и Рылеева; он понимал, хотя далеко не в полной мере, общественное значение Белинского, но глухая стена непонимания и вражды отделяла его от передовых людей шестидесятых годов. Они ему казались недостойными наследниками великих идей и дел, которые ими извращаются и пародируются. Эта нелепая мысль сформулирована в дневниковой записи от 24 декабря 1861 года: «Белинский своим талантом вызвал... неумышленные пародии... Добролюбова похоронили рядом с Белинским, и воздвигнут им один общий памятник, выходит к значению Белинского присоединили пародию на него». [1]

Вольнолюбцы прошлого окутаны красивой романтической дымкой; участники современного освободительного движения отталкивают своей реальностью. Щербина воспринимает их в двух аспектах: то как мрачных иконоборцев сокрушительной революции, то как духовных недорослей — смутьянов, носящих кличку нигилистов. И те, и другие не представляют серьезной опасности, так как не пользуются народной поддержкой, — такова логика Щербины.

---

[1] Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В 1855 году Щербина писал, что поэт — это «совесть века», а семь лет спустя он бессовестно упрекал в «шутовстве» узников Алексеевского равелина, оскверняющих своим присутствием (вследствие своего «шутовства») то «место, где страдал Рылеев», «где, окованный цепями, гаснул русский гражданин» («Алексеевский равелин»).

В стихотворении «Театральное известие» (ноябрь 1862 года), в противовес образу Рылеева, Щербина подвергает пародийно-гротескной перелицовке оппозиционных и либеральных деятелей пореформенной России. Он издевательски присваивает им комические псевдонимы (Репетилов, Хлестаков, Манилов, Дон Кихот) и включает в некую комедийно-театральную игру, которую они ведут для того, чтобы обрести популярность «мучеников» за свободу. Вот одна из строф этого стихотворения:

Репетилов за свободу
В стены крепости попал,
Хлестаков Иван народу
Кажет жизни идеал.

К числу репетиловых Щербина бесчестно причислил маркиза Н. А. Траверсе, арестованного за связь с издателями «Колокола». Французское и аристократическое происхождение узника дало повод Щербине непристойно зубоскалить над ним в эпиграмме «Политический узник Петербурга» (декабрь 1862 года).

В новогоднем стихотворении «Нынешние преступники» (1 января 1863 года) Щербина кощунственно подтрунивал над жертвами правительственного террора, разразившегося с особой силой летом 1862 года. В отличие от политических узников былых времен, заслуживающих уважения и сострадания, «нынешние преступники» (а среди них уже были Писарев и Чернышевский!) оказались в Петропавловской крепости якобы по недоразумению, ибо их бунтарство беспочвенно, а потому и безопасно.

Совсем недавно, в конце пятидесятых годов, Щербина не мог говорить о «роковом Третьем отделении» без отвращения или сарказма, а теперь он считает возможным дружески пожурить его за излишнее усердие:

Вы зачем их заключили
В стены крепости гранитной,
Где допросы им чинили
С важной строгостью и скрытно?

Щербина не испытывает к арестованным студентам ни злобы, ни ненависти (до этого он еще не опустился!). Он считает их за-

блудшими детьми, которых следует допрашивать не в крепости, а в «кондитерской Рабона»:

Им купить конфект по фунту
И отдать их все «воззванья», —
Пусть идут, взывая к бунту,
По Руси, без задержанья.

Щербина уверен в том, что народ не станет читать эти «воззванья» — отсюда снисходительно-шутливый тон стихотворения; он продиктован стремлением автора показать всю смехотворность борьбы против государства царя-освободителя. Однако существующая оппозиция является, с точки зрения Щербины, следствием несостоятельности, пагубной бездарности правительства или отдельных министерств:

Ты тупоумно, непристойно,
Проказа родины моей,
И оказалось ты достойно
Лишь оппозиции детей...

(«Министерству», 1862)

Щербина осыпал градом злых, проникнутых личной ненавистью эпиграмм либерально настроенного министра народного просвещения А. В. Головнина, который оказался, по его словам, «бездарнейшим министром и даровитым подлецом» («Головнин», 24 января 1865 года).

В «Сатирической летописи» Щербина неоднократно возвращается к своей давнишней идее о том, что на интересах народа спекулируют его своекорыстные и непрошеные «радетели». Этой проблеме посвящено, например, язвительное и меткое стихотворение «Про современное» (апрель 1862 года):

А народ, что пашет нивы,
И не знает, что он в моде
И как многие счастливы,
Беспокоясь о народе;
И не знают земледельцы,
Что за детские затеи
Блага земского радельцы
Попадают в Прометеи.

До 19 февраля на роль Прометеев претендовали, по убеждению поэта, главным образом славянофилы, а в шестидесятых годах —

демократы, либералы и земские деятели. «Сатирическая летопись» пестрит желчными эпиграммами на «фразистый произвол», выдаваемый за либерализм, на земские учреждения, ставшие средством наживы для филантропов-краснобаев. Их ораторские упражнения обходятся в огромные суммы денег, оплачиваемых народом («Он содержит филантропов, платит фразам о свободе»). Щербина не видит в реформах никакого положительного смысла. Они ему представляются бесплодными и пустопорожними. В эпиграмме «Теперь» (1867) об этом сказано со всей категоричностью:

Выбросили сор мы:
Вновь торим дорожку,
Делая реформы
Йз кулька в рогожку.

Происходит это потому, что реформы осуществляют «кретины в должности министра» и опасные вольнодумцы, отечественные, «доморощенные» Робеспьеры и Бабефы («Французская революция на русский лад», 1866).

После покушения Каракозова на Александра II охранительные тенденции в сатире Щербины приобрели особую устойчивость. В пятидесятых годах он зло иронизировал над бескрамольностью и монархической благонамеренностью «либералов», «радикалов» и «прогрессистов», а теперь они становятся в его глазах союзниками революционных элементов, подрывающих устои государства, вот почему либерально мыслящие чиновники превращаются под пером Щербины в «Робеспьеров и Бабефов»; он ужасно недоволен тем, что правительство не только терпит их, но относится к ним с благоволением. Даже императорский рескрипт от 13 мая 1866 года, направленный против «пагубных учений» и их носителей, кажется Щербине половинчатым: «Всех радикалов осуждая, он их оставил по местам» («Энциклика», июль 1866 года). За спиной автора такого рода эпиграмм как бы вырастает тень Расплюева, требовавшего, как известно, поголовной проверки «всех лиц... нет ли при них жал и ядов?»

Щербина придавал большое значение своей «Сатирической летописи». Он с добросовестной аккуратностью вносил в нее самые разнообразные факты текущей общественно-политической и литературной жизни. Он хихикал над журналом «Искра» и одновременно над ее издателем В. С. Курочкиным, переложившим на «щукинские нравы» французского поэта Беранже. Он злорадствовал по поводу ошибки Некрасова в истории с Муравьевым-вешателем. Он осыпал площадной бранью петербургского судью Г. В. Лермонтова за его

вольнодумство. Он клеймил акцизную реформу, прикрепившую крестьян «к повсеместным кабакам» («Заметка», 1868). Последняя эпиграмма написана за десять дней до смерти Щербины — 30 марта 1869 года. Она носит заглавие «Проект о кочевниках», и на ней лежит печать обскурантизма.

«Сатирическая летопись» проникнута духом отречения от идеалов гуманности и социальной справедливости, которые Щербина провозглашал в своей поэзии сороковых и пятидесятых годов. Нельзя без грусти читать ее, ибо она порой воспринимается как результат разрушения личности.

В 1857 году Чернышевский с удовлетворением отмечал «развитие человека в поэте» Щербине. Вряд ли он мог предположить ту глубокую деформацию, которую через несколько лет начнет претерпевать автор ямбов и элегий, вызывавших «сочувствие каждого порядочного человека». В переломную, бурную эпоху шестидесятых годов «человек в поэте» не выдержал испытания и рухнул.

«Сатирическая летопись» бросает тень на личность Щербины, но, конечно, не перечеркивает его творчества. Взятое в целом, оно представляет несомненный интерес и не должно остаться незамеченным в историческом процессе развития русской поэзии XIX века.

И. Гликман

СТИХОТВОРЕНИЯ

DONC IL FALLAIT, POUR QUE L'HUMANITÉ ARRIVÂT À LA COMPLÈTE HARMONIE DE SES FONCTIONS, QUE LA CHAIR ET LA MATIÈRE FUSSENT RÉHABILITÉES.

L. R.[1]

SUR DES PENSERS NOUVEAUX FAISONS DES VERS ANTIQUES.

André Chénier[2]

---

[1] Итак, чтобы человечество достигло полной гармонии в своих действиях, была необходима реабилитация плоти и материи. Л. Р. (франц.). — *Ред.*

[2] Будем творить современные стихи в античном духе. Андре Шенье (франц.). — *Ред.*

1. САПФО

Не могу, о мать родная,
В руки взять веретена,
Как, бывало, распевая,
В винограднике пряла я,
И пряла я не одна!

Он всегда бывал со мною,
Он готовил пряжу мне,
И пушистою щекою
На плечо мое с мольбою
Прилегал наедине...

Не могу, моя родная,
Бросить нити в челноке,
На ковре изображая,
Как царевна Навзикая
Моет пурпур на реке.

Не стучится гость желанный
В портик сада моего,
Не идет он, долгожданный...
Мой венок благоуханный
Вянет ночью без него.

Я давно с ним не сидела,
Вкруг него я не вилась,
И давно ему не пела,
Как беотянка Семела
Ложу Зевса отдалась;

А теперь я песнь иную,
Одинокая, пою,
Песню грустную такую,
Что я плачу и тоскую
В ночь бессонную мою.

Геспер всем приносит счастье
На серебряных лучах:
Яркий пламень сладострастья
Иль сердечное участье
Зажигает он в очах;

На покой зовет в ложницу
Мужа с юною женой,
Возвращает с поля жницу
И кудрявую ягницу
С луга влажного домой...

Я ж мечусь по изголовью,
И — мне грезится — звезда
Облилась и светит кровью;
Я одна с моей любовью
Благам Геспера чужда;

А его нетерпеливо
Ждет соперница моя, —
Но не с грацией стыдливой,
Не с уловкой прихотливой,
Как ждала когда-то я!

Не умеет так прекрасно
Грудь она полураскрыть,
И под ритм живой и страстный
(Как привыкла я всечасно)
Речь восторга говорить.

В пляске бешено-игривой
Незнакома тайна ей —
И небрежно и красиво
Бросить ветру для извива
Складки ту́ники своей.

Июль 1852

2. ЖЕНСКИЕ РЕЧИ

Говори, ни на миг не смолкая,
Бесконечно, мой друг, говори:
Нас заставит молчать, разлучая,
Суета восходящей зари!..

Уж от моря несется прохлада,
Уж бледнеет звезда за звездой,
И роса на кистя́х винограда, —
Мы расстанемся скоро с тобой!..

И ползут по колоннам туманы,
Поднимаясь клубами с ручья,
Раскрывают свой венчик лианы,
Просыпается песнь соловья...

Не убьем же напрасно минуты
Без восторженных мыслей и слов!
Не спеши торопливо ко сну ты:
Их так много, обманчивых снов!

Мне потребна в такие мгновенья
Та мелодия женских речей,
Что мне в душу вливает забвенье
Всех текущих безжизненных дней.

Поняла ты, что я негодую
От избытка широкой любви
На неправду и мелочь людскую, —
Примиренье ко мне призови!..

Но остались нам только мгновенья
До лучей повседневных зари...
Изливай мне на раны целенье:
Говори, говори, говори!

О мой друг! Так любовь угасает,
Мимолетная юности дочь,
Как пред нами теперь отлетает
Эта ночь, невозвратная ночь!

1853

3. ТЕНЬ

Ярко на пире веселом горели лампады;
Прелести жен полногрудых они освещали:
Юношам много заветной и тайной отрады
В тьме вожделенной бессонных ночей обещали.
Но пред одной красотою в смущеньи стоял я,
Чуждою власти Гимена и власти Киприды;
Весь созерцанье, безмолвно и жадно внимал я
Речи ее равнодушной и полной обиды.
Тень от лица моего трепеща упадала
На белизну ее груди упругой и снежной:
Грудь на волненьи своем мою тень колыхала, —
Будто колышется тучка на зыби прибрежной...

О, не беги от меня! О, побудь же со мною!..
Хоть на мгновенье продли мои сладкие муки!
Ты как раба оковала меня красотою...
Сжалься: к тебе простираю моленья и руки!
Пусть погостит у тебя хоть на груди прекрасной
Легкотрепещущей тени моей отраженье:
Правда ль, что было бы дерзко желать и напрасно
В сердце железном твоем промелькнуть
на мгновенье?..

Искры любви из тебя мне извлечь невозможно,
Но пред тобой бескорыстно склоняю колени,
Зная, что всякая страсть иль больна, или ложна,
Зная, что чувства — лишь мимобегущие тени.

1852

4. ИДИЛЛИЯ

О, не тронь ее, Аркас, молю я:
То в распуколках розовый куст...
Не спали же огнем поцелуя
Этой утренней свежести уст!

Ей природа и мать, и игрушка,
Для нее чуть блеснула весна...
Пусть же бегает вволю резвушка,
Пусть, болтая, хохочет она.

Еще ягода эта не спела, —
В ней и соков пурпуровых нет,
И на ту́нике девственно-белой
Лишь цветов да кустарников след.

Она с братом-малюткой играет,
У нее столько детских затей,
Что не видит она и не знает
Ни желаний твоих, ни страстей.

Перед нею дрожишь ты и млеешь,
И, краснея, смущаешься ты,
Что же детски любить не умеешь
Это детство ее красоты?

Жди: настанет пора золотая
И созреет желаемый плод;
Своей тяжестью ветку склоняя,
Он в корзину Киприды падет...

1851

5. ЮЖНАЯ НОЧЬ

На раздольи небес светит ярко луна,
И листки серебрятся олив;
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Жемчуго́м убирая залив.

Эта чудная ночь и темна, и светла,
И огонь разливает в крови;
Я мастику зажгла,
Я цветов нарвала:
Поспешай на свиданье любви!..

Эта ночь пролетит, и замолкнет волна
При сияньи бесстрастного дня,
И, заботой полна,
Буду я холодна:
Ты тогда не узнаешь меня!..

1843

6. ВЕНКИ

В толпе меж юношей прошел я незаметно,
И взор красавицы далек был от меня,
Тот взор, что для других светился так приветно,
Похожий на рассвет безоблачного дня...
И грустно стало мне, и свой венок поэта
Я сбросил с головы и в прахе растоптал:
Томимый завистью и страстию согретый,
Лишь Адонисова венка я пожелал...
И лавр воителя с гражданственной оливой
Без смысла, бледные, цвели передо мной,
Незамечаемы Кипридой горделивой...
Я обнаженною поникнул головой.

Но ожил снова я с зеленою весною,
И песни новые народу я сложил, —
То их гармонией, то негой и тоскою
Непобедимую нежданно победил...

И вот уж спит она, мне на руки склоняся,
Ее усталая прохлады просит грудь;
Пурпурная заря над морем разлилася,
Взирая на нее, не смею я дохнуть...
По складкам полога пробрался луч денницы,
Играя и скользя по груди молодой,
То золотом лился на длинные ресницы,
То тенью упадал под выпуклой красой, —
Тогда в душе моей желание иное,
Желанье новое я страстно ощущал
И недовольствие какое-то больное...
Опять я свой венок поэта изорвал,
И плакал как дитя, бессильно и напрасно,
Желая Фидия венок себе стяжать...
Я чувствовал тогда, что этот миг прекрасный
Лишь мрамор да резец способны передать.

1852

7. ЗАГОРЕВШАЯ ДЕВУШКА

Идиллия

Хлебородной нивы жницы!
Как сияют предо мной
В золотых волнах пшеницы
Ваши бронзовые лица
Загоревшею красой!

Вот, с корзиной винограда,
От подруг вдали, одна,
Этих волн земных наяда,
Дикой гордости полна...

И опущены ресницы
На загар ее ланит,
Закрывая блеск денницы
Черных глаз стыдливой жницы
И хариты из харит...

Солнце! ветер! вы счастливы:
След ваш виден на полях,
След любви на злаках нивы
И у девы горделивой
На щеках и на плечах.
Ваши страстные желанья
На лице у красоты
Пылом жаркого лобзанья —
Смуглым цветом разлиты, —
А мечты мои и грезы,
И бессонницы ночей,
И признания, и слезы
Без следа прошли у ней!..

Но, исполненный прохлады,
Ветер всех счастливей нас,
Что за ту́нику наяды,
Испивая все отрады,
Он пропархивал не раз;

Я ж ценой моей печали
Не осмелился б желать
И ремни ее сандалий
Раболепно завязать.

18 августа 1851

8. ПИР

На пурпу́рных мы ложах сидели,
Рассыпа́ли нам женщины ласки,
Ионийские песни мы пели
И милетские слушали сказки.
Уж не раз разносился в амфорах
Оживляющий сердце напиток,
И в немолчных шумел разговорах
Откровений веселых избыток;
И блистали светильники пира,
И туман благовоний носился...
Издали нам послышалась лира,
И серебряный голос разлился...

Колыхаяся в легких движеньях,
В полубеге или в полупляске,
Выступали под такт песнопенья
Плясуны, скоморохи и маски.
С ними мальчик явился прекрасный,
Будто Эрос — цитерский малютка:
Он то пел, то плясал он так страстно,
То шутил грациозною шуткой...

«Что ты спрятал на грудь под гиматий?..
Что так выпукла грудь молодая?..
Он, клянусь я, рожден для объятий...
Он бы твой был жених, Навзикая!..
Или спрятал ты кисть винограда?..
До тебя — призываю Зевеса! —
Красоты не видала Эллада,
Не писала рука Апеллеса!

Осязать ее просятся руки,
И желают глаза осязанья!..
Мне с тобою и Тантала муки,
И богов золотые желанья!»

«О неверный, холодный, жестокий!
Разлюбил ты свою Автоною...
Целый год я жила одинокой:
Целый век не видалась с тобою.
Я к толпе скоморохов пристала,
Не боялась глухой этой ночи...
Наконец-то тебя увидала! —
Не насмотрятся жадные очи,
Не налюбится сердце с тобою!
Я не мальчик... Сними мой гиматий:
Посмотри на свою Автоною...
Я хочу поцелуев, объятий!..»
. . . .

28 ноября 1850

9. ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Всё, сокрытое в недрах творенья,
Всё душе отвечает на зов:
Из земли возникают растенья,
Пробуждаются струны певцов...

И в груди так легко и отрадно!..
Бесконечно хотел бы я жить,
И, весной упиваяся жадно,
Я хотел бы лишь петь да любить!

И у лона жены русокудрой,
Молодой, полногрудой жены
Наслаждаться беседою мудрой,
Увенчавшись цветами весны.

На нее, как на образ природы,
Горячо и разумно взирать:

С нею воздух, светила и воды
Будут мыслью и страстью дышать...

Иль под говор ее тихострунный
Всё дремать, не смыкая очей,
Иль заснуть, и косой златорунной
Свои веки закрыть от лучей.

⟨1846⟩, 25 декабря 1850

10. ЖЕЛАНЬЕ

О, прости моему невниманью!..
Ты целуешь меня горячо —
Твоему я не вторю желанью,
Наклонившись к тебе на плечо...
Не смущай меня словом упрека,
Подозреньем ревнивым не мучь,
И поверь, что люблю я глубоко,
Что я чувством высок и могуч;
Но, любя ненасытно и страстно,
Когда сердце тобою полно,
Отгонять я стараюсь напрасно
Одну мысль и желанье одно!..
И — как это безумно желанье!.. —
Наслаждаясь твоей красотой,
Испивая весь нéктар лобзанья,
Я своей недоволен судьбой:
Я хочу тогда юности вечной,
И бессмертья хочу я тогда...
О, целуй же меня бесконечно:
Зацелуй мою грусть навсегда!..
Я в смешных изливаюсь проклятьях —
Гимном жизни ты их заглуши...
О, сжимай меня в страстных объятьях
И желанье мое задуши!

14 августа 1851

11. ГЕРОЙ

1

Лежу я на поле широком
В венке из цветов полевых,
Забытый завистливым роком
И злобой сограждан моих...

Как сладко на перси природы
Приникнуть усталой главой!
Здесь царствует гений свободы,
Сюда приютился покой...

Вот пчелы роятся над тмином,
Корзины плетут пастухи,
Белеют стада по долинам,
И пахарь поет у сохи.

Мне слышится песнь Теокрита
Сквозь грезы спокойного сна...
Здесь прошлая жизнь позабыта,
Здесь жизнь настоящим полна.

2

Заснул я в тени сикоморы,
Но видел ущелия скал,
На них опиралися горы,
Орел над горами летал,

И грозные тучи носились,
И буря ревела в горах,
И гибкою тростью клонились
Столетние дубы во прах...

И жаждал иной я свободы,
И жаждал иного венца
В объятиях бурной природы,
На лоне Зевеса-отца...

24 марта 1846

12. ВОЛОСЫ БЕРЕНИКИ[1]

(Посв⟨ящается⟩ кн. А. Д. О⟨боленской⟩)

Invita: o regina, tuo de vertice cessi,
Invita: adjuro teque tuumque caput.

Catullus[2]

1

Блещут новые светила
Краше всех светил ночных:
Их Киприда поместила
В хор созвездий золотых.

Превратили в звезды боги
Прядь волос земной жены;
Новым блеском их чертоги
В небесах озарены.

То любовь супруги страстной
Там бессмертием горит
И с эфира ночью ясной
Нам о страсти говорит...

Кто же любящая эта?..
Пусть все знают, что она
Птоломея-Эвергета
Русокудрая жена.

---

[1] Береника, жена Птоломея-Эвергета, отправлявшегося в Азию для завоеваний, дала обет богам отрезать свои волосы им в жертву, если муж ее возвратится победителем, что и исполнилось. Волосы были положены в храме Венеры-Зефириты; но жрецы сказали, что они ночью исчезли из храма, и Конон, знаменитый александрийский астроном, вероятно по наущению жрецов, объявил, что открытое им в это время новое созвездие — волосы Береники, превращенные богами в звезды, подобно венку Ариадны. В сочинениях Катулла находится прекрасное стихотворение «De coma Berenices». Ученые утверждают, что оно перевод из греческого поэта Каллимаха, воспевшего апотеозу волос своей грациозной царицы. Эта пьеса не дошла до нас в подлиннике.

[2] Против воли, о царица, мы ушли с твоего темени, против воли, клянемся тобой и твоей головой. Катулл (лат.). — *Ред.*

2

Я лежу ночной порою
У потока на траве,
Весь очами и душою
В лучезарной синеве.

Я на лоне мирной страсти,
Мысли сердца полон я;
Красоте в объятья власти
Отдана душа моя.

Вижу яркий образ всюду
И прекрасные черты...
Я всегда поэтом буду
И любви, и красоты!

Вам, художники другие,
Горе дня и ложь людей,
Вам — мечтания больные,
Стон и жалобы страстей!

То моя отвергла лира,
Что проходит с каждым днем,
Что изгонится из мира
Вечной правды торжеством...

Верьте, молча я страдаю,
И больней страдаю вас,
Сокрушаюсь, наблюдаю
Каждый жизни нашей час.

Но того, что недостойно,
Я искусству не даю,
И в душе горячкой знойной
Зло без образов таю.

Чтоб с разумною свободой
Предстоять пред красотой,
Пред всестройною природой,
Пред здоровою душой.

3

Речь веду я со звездами,
Говорю свои им сны
И любуюсь волосами
Эвергетовой жены...

И они с небес запели
Песню жалобы своей,
Их мелодии летели
С неба золотом лучей.

4

«Возлиянья и обеты
От земли несутся к нам,
Мы величием одеты,
Жены, девы и поэты
Причисляют нас к богам.

Нам в эфире неотрадно
Семизвездием сиять,
Где сияет Ариадна,
Упиваться славой жадно,
Фимиамы обонять.

С головы холодной сталью
Мы как жертвы снесены
Береникиной печалью,
И такой безмерной далью
От нее отделены...

О, зачем любим тобою
Муж-воитель Птоломей!..
Он достал себе войною
Пленниц с новою землею,
Но — ценой твоих кудрей...

Как ты руку погружала
В нашу мягкую волну,
Нас роскошно умащала,
Мелко в косы заплетала,
Отходившая ко сну!

Наполнялась вся палата
Благовонием от нас,
Оттеняли мы когда-то,
Лоснясь маслом аромата,
Снег чела и краски глаз...

Но преступною женою
Пред Искусством стала ты,
Разлучая нас с собою
И разбив своей рукою
Стройность женской красоты...

Преклони ж богов слезами,
Даром жертвы дорогой,
Чтоб с падучими звездами
Мы скатились волосами
Над твоею головой;

Чтобы мы не разделяли
В небе любящих друзей;
Чтоб, как прежде, заблистали
И светить бы рядом стали
Орион и Водолей».

1853

13. ВАКХАНКА

Ты жаркие страсти скрываешь
Под гордо-холодной осанкой:
Казаться Дианой желаешь,
Когда рождена ты вакханкой...
Не верю, что бурей желаний
В груди твоей сердце не бьется:
Я вижу, как жажда лобзаний
На губках зовет и смеется.
Восторги болезненно пышут
На этом румянце широком,
Из глаз они льются и дышут
Горячим дыханья потоком,
Трепещут в прерывистой речи,
В движеньи, руках и осанке,

И полные смуглые плечи
Тебе изменяют, вакханке...
Весеннею негою ночи
Притворству расставлены сети...
Давно говорят наши очи:
С тобой мы далёко не дети!..
Я смело раскрою объятья,
И знаю — ты примешь их жадно...
Как стану тебя целовать я,
Глядеть на тебя ненаглядно!..
. . . .
. . . .

1852

14. НЕВОЛЬНАЯ ВЕРА

Как я рад, что оставил акрополь!
Там лишь башни висят надо мной,
Да лепечет бестенная тополь,
Да летают щуры над стеной;
Мне и слышать и видеть докучно,
Как сова-мышеловка поет,
Как ворота скрипят однозвучно
И змея по цитерне ползет...
Но в лесу, но средь поля — иное...
Я не в силах, друзья, рассказать!..
Здесь отрадно воскресло былое,
Осенила меня благодать...
Здесь меня обнимает природа,
И всё тихо, покойно кругом...
Только слышишь: «Свобода, свобода!» —
Пролепечет листок с ветерком.
Медяница, повиснув на ветке,
Померанец лениво сосет.
Не боязя ни змея, ни сетки,
Соловей беззаботно поет.
Надо мною склонилась олива,
Льют прохладу с утеса ключи,
И горят разноцветным отливом
На волнах голубого залива
Заходящего солнца лучи,

И бросают развалин колонны
На холмы свою длинную тень,
И мою полусонную лень
Освежают росой анемоны...
Я всему здесь поверить готов,
В этом чудном жилище богов,
Подсмотрев, как клонились цианы,
Будто смятые ножкой Дианы,
Пробежавшей незримо на лов...

Я всему здесь поверить готов!

1844

15. СТЫДЛИВОСТЬ

Я лукаво смотрел на нее,
Говорил ей лукавые речи,
Пожирая глазами ее
Неприкрытые белые плечи.
Я ее не любил; но порой,
Когда, взор свой склоняя стыдливо,
Грудь и плечи дрожащей рукой
Одевала она торопливо
И краснела, и складки одежд
Так неловко она разбирала,
И, готовая пасть из-под вежд
На ресницу, слезинка дрожала,
И аттический звук ее слов,
Как на лире струна, прерывался,
Развязаться был пояс готов,
И нескоро камей замыкался, —
В этот миг все движенья ее
Как невольник безмолвно следил я,
И полно было сердце мое...
В этот миг беспредельно любил я!

1847

16. В ДЕРЕВНЕ

Как-то привольней дышать мне под этим живительным небом,
Как-то мне лучше живется в тиши деревенской:
Гаснут мечты честолюбья, тревожные сны улетают;
Мыслей о будущем нет, — настоящим я полон.
Будто младенец, прильнул я к широкому лону природы,
С нею живу, ее тайным веленьям послушный:
Музам я утро свое посвящаю, вставая с Авророй;
Знойного полдня часы провожу под наметом
Темнопрохладных дерев, и на ложе забывчивой неги
Сладко дремлю я, вкусивши здоровых и сытных
Блюд деревенских, облитых крепительной влагою Вакха.
Ночью я весь отдаюсь Афродите-богине:
Полною чашей восторги любви испиваю во мраке;
Тонут уста мои в жарких устах Левконои,
Руки по мрамору тела скользят, красоты ощущая
Гибкого стана и груди упругой и полной.

1847

17. КУПАНЬЕ

Вечером ясным она у потока стояла,
Мóя прозрачные ножки во влаге жемчужной;
Струйка воды их с любовью собой обвивала,
Тихо шипела и брызгала пеной воздушной...
Кто б любовался красавицей этой порою,
Как над потоком она, будто лотос, склонилась,
Змейкою стан изогнула, и белой ногою
Стала на черный обрывистый камень, и мылась,
Грудь наклонивши над зыбью зеркальной потока;
Кто б посмотрел на нее, облитую лучами,
Или увидел, как страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами
И, как о мрамор кристалл, разбивались, бледнея, —
Тот пожелал бы, клянусь я, чтоб в это мгновенье
В мрамор она превратилась, как мать — Ниобея,
Вечно б здесь мылась грядущим векам в наслажденье.

1847

18. ДЕТСКАЯ ИГРА

Дети резвятся, бросая свой маленький диск по дороге.
Личики светлы у них и румяны, под туникой ножки
Живо бегут, и, колеблясь зефиром, по мраморной шейке
Черные кудри струятся; смеются уста их и глазки.

Рады они и хохочут в безумном весельи, малютки:
Весело им, что кузнечику ножки они оборвали...
Прыгать с дороги в пшеницу уж больше не станет,
Дети себе рассуждают, смеяся от чистого сердца.

Чуждый товарищ, стоял я меж ними, и слезы смочили
Старые веки мои, и на сердце теплей становилось:
Детям завидовал я с умилением, полным отрады;
Годы седые хотелось мне сбросить и юностью милой
Снова зажить, и беспечно резвиться, как прежде
резвился.

Долго я грезил таким сновиденьем, когда ж
пробудился —
Стали мне милы прожитые лета, и дóроги стали
Жизнию опыт стяжанный и светоч высокого знанья...
Гордо венец свой колючий на лоб обнаженный,
Крона косою изрытый, опять я надвинул и молча
В путь свой собрался... но — стыдно признаться —
с печальною думой.

1846

19. ПЛАЧУЩЕЙ У ГРОБНИЦЫ

Что ты режешь для этой могилы
Благовонные пряди кудрей,
Перси, полные женственной силы,
Надрываешь рыданьем над ней!

К чему эти печальные платья,
К чему лик свой прекрасныйтерзать
И горячие жизни объятья
На безжизненный труп расточать!

Ты рвала дорогие одежды,
Красоту свою страшно кляла, —
Но еще впереди есть надежды,
Их могила не все унесла...

И что в ней тебе, в этой гробнице,
Безответной на звучный твой зов,
Тебе, пламенной страсти царице
И земному подобью богов!

Поспеши ей отдать возлиянья,
Ее плачем обычным почти,
Схорони там навеки страданья,
И от смерти ты к жизни иди,

Где ответ есть на радость и горе
В дуновеньи немом ветерка,
И в немолчно враждующем море,
И в роскошном дыханьи цветка...

Поспешай же творить возлиянья:
Слышишь, в городе хоры поют,
И поют, что мгновенно страданье,
Что от слез тебя песни зовут...

1847

20. ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Жарко блестящее солнце, помедли!.. Зачем оставляешь
Эти счастливые страны, всё ниже и ниже
По небу нашему ходишь: не так, как, бывало, весною
Прямо над нами горело, и долгое утро
С долгим сияющим днем выводило с собою из моря...
Иль тебе милы песчаные степи ливийцев!..
Будто бы лучше их медное небо, чем небо Эллады,
Где твои сестры-красавицы вечно сияют:
Кассиопея алмазная и Андромеда златая...
На небосводе ливийском Центавр или Гидра
Могут ли встретить тебя, как царя подобает, —
с любовью!
Не покидай нас, отрадно светящее солнце!

Вот уж и падают желтые листья с печальных растений,
И виноград уже блекнет и сок свой теряет,
Сыростью в воздухе пахнет, и изморозь утром на дёрне;
Ветер порывистый с воем тоскливым и свистом
Прах подымает клубами, иль с юга нам дождь нагоняет,
Иль того хуже, что пасмурно-серым и хмурым
Делает наше веселое небо...

О доброе солнце!
Ты хоть для милой моей погостило б подольше:
Скоро польются дожди, а там придут за ними морозы, —
Будет, бедняжка, она в епанчу шерстяную
Прятать лицо свое белое, носик, очертанный стройно,
Иль одевать непрозрачною, грубою тканью
Полно-лилейный, но зябкий, трепещущий в холоде локоть...
И не увижу я долго всех прелестей этих;
Негде притом и видаться нам будет в такое ненастье...
Не покидай нас, отрадно светящее солнце!
С нами останься, пока я в любви ей откроюсь:
Летом еще и в любви не успел я открыться...

1851

21. ДИФИРАМБЫ

1

Сладка мне любовь за волненья,
Чем движется сердце мое;
Люблю ее все опасенья,
Заботы и тайны ее!

Минутой запретного счастья
Хочу насладиться, как тать,
И в бурную пору ненастья
Подругу во тьме ожидать...

А этот прерывистый шепот,
Пожатье дрожащей руки,

Упрямство, и ласка, и ропот,
Уста на лилеях щеки,

И их поцелуи без звука,
И трепет боязни за звук,
К восторгам ведущая мука,
Покой, исходящий из мук,

Незримо летящее время
И каждый считаемый миг:
Не в них ли скрывается семя
И жизни, и песен моих?..

Не в них ли отрада забвенья
Вседневности грустной людей,
Что сердцу кует оскорбленья
Житейской неправдой своей?..

2

Наполним же звонкие чаши, Никоя,
Душистым наксосским вином!
Тебя ожидал с нетерпеньем давно я...
Возляжем на ложе вдвоем.

На это пурпурное шитое ложе
Мы бросимся жадно с тобой,
И пестро-златистая барсова кожа
Обнимет нас теплой волной!..

Пусть наши сердца загорятся, забьются,
Взволнуется юная кровь,
И крепко уста поцелуем замкнутся,
И вздохом раскроются вновь...

Мы будем, восторгов забывчивых полны,
В истоме и в сладкой борьбе,
И, слившись, две белые груди, как волны,
Взаимно утонут в себе...

Дай страсти, Киприда, дай больше мне страсти,
Восторгов и жара в крови,
Всего ж не предай одуряющей власти
Больной и безумной любви...

Но пусть я спокойно, светло и здорово
Предстану пред жертвенник муз, —
Да снова скрепится, да здравствует снова
Труда с наслажденьем союз!

20 августа 1850, 1852

22. СТАТУЕ ЕЛЕНЫ

Стою, как раб, пред дивным изваяньем,
Проникнутый немым очарованьем;
Едва дыша, взираю на черты
Возвышенной античной красоты.

Скажите мне, кто дерзкий тот художник,
Что божество с Олимпа к нам низвел,
Которому вселенная треножник
И блеск небес достойный ореол?..
Не тук тельцов, не светлый тук елея,
Обычный дар на алтаре твоем,
Но человек, восторгом пламенея,
Блаженствуя, приносится на нем...
Какой Парос твой мрамор возлелеял?
Кто Прометей, воздвигнувший твой лик,
Чтобы на всё он жизнию повеял,
Чтобы во всё магически проник?
Какая мысль чело его палила,
Как на тебя резец он свой вознес,
И как она его не сокрушила,
И над тобой он сколько пролил слез?..
Но долу ты свои склонила очи...
Не подымай, молю, их на меня! —
Под ними все сокрылись тайны ночи
И весь огонь тропического дня.
В них блещет всё прекрасное природы,

В них мир души с природою слиян,
В них озера недвижимые воды
И бурею изрытый океан...

Стою, как раб, пред дивным изваяньем,
Проникнутый немым очарованьем;
Едва дыша, взираю на черты
Возвышенной античной красоты.

19 июня 1846

23

Ложе из лилий и роз приготовил тебе я,
Розы и лилии эти покрыв живописно
Тканью пурпурной, обшитой кругом бахромою...
Бросься на мягкое свежедушистое ложе,
Бросься, как резвый ребенок, и детские речи
Смехом обычным своим прерывай грациозно.

Жарко тебе... Я достану воды из цитерны,
Я оболью тебя влагою Зевса прохладной...
Стану смотреть ненасытно, как струйки и капли
Будут по телу скользить, обвивая любовно
Стан твой и плечи и груди и всю тебя, нимфа!
Только условье одно предлагаю за это:
Вдруг вавилонских одежд, персепольских сандалий,
Тирских запястий — всех этих прикрас безобразных
Не надевай ты, пока не иссохнет на теле
Капля за каплей, которые выпьет сам воздух...
Да и к чему ж измочить дорогие одежды!..
Друг мой! Хочу посмотреть я глазами поэта,
Как отделяется выпукло тело от ложа,
Как этот пурпур волнистый отделится ярко
От белизны легкопенной скульптурного тела...

Душно тебе, — и я вижу, что хочешь облиться
Свежей водою, но только условие наше
Твердо держи... а не то — изорву я одежды

И, по колючим кустам разметавши запястья,
Брошу сандальи в ручей... Но не верь мне: шучу я...

В это мгновение смертный, тебя созерцая,
Как олимпийцы блаженные, станет блаженным...

О, хорошо нам!.. Не правда ли? Явор столетний
Сенью прохладной раскинулся густо над нами,
Так что едва пробивается солнце сквозь зелень;
Мягкое ложе; на нем возлежит афинянка,
Белые члены раскинув изящно, привольно,
Как ей удобней и как ей внушает природа.
Возле нас портик, а в портике видим картину
Славного мастера Аттики нашей прекрасной.
Солнце ее освещает так ясно, что видно
Даже отсюда всю строгость рисунка, заметны
Мелочи все и подробности все обстановки.
Статуи граций и муз у колонн разместились
И улыбаются нашему счастью оттуда...

Небо Эллады, как будто бы тая над нами,
Смотрит сквозь воздух пахучий на нас издалёка.
Это Эгейское море, слегка подымаясь,
Тихо поет про себя бесконечную песню...
Видится, плавает остров зеленый на море,
Будто зеленый корабль, и, нам кажется, хочет
К гавани нашей пристать и принесть нам в подарок
Сладкие фиги свои и миндаль с виноградом...

Вот, посмотри-ка на север: лиловые горы,
Беловершинные скалы и мрамор утесов...

Что же забыл про тебя я, о бог вечно юный,
Вакх-Дионис!.. Принесу поскорее амфору
С чистым фазосским вином, и с подругой немного
Выпьем мы, чтоб поддержались подольше веселость,
Живость в уме да и в теле приятная свежесть...

Нимфа, богиня, подруга, малютка, Никоя!
Чтобы дополнить еще наслаждение наше

Жизнью, искусством и всей красотою созданья,
Буду играть я на флейте лидийские песни,

Буду читать я творенья хиосского старца...
Но перед тем воздадим мы богам благодарность
За два равно нам любезные, сладкие дара:
Первый наш гимн мы споем жизнедавцу Зевесу,
Гимн же второй Прометею за пламя искусства.

11 июня 1851

24. ЭЛЛАДА

Окружена широкими морями,
Среди олив покоится она,
Развалина, покрытая гробами,
В ничтожестве великая страна.

Я с корабля сошел при блеске ночи,
При ропоте таинственном валов...
Горела грудь, в слезах кипели очи:
Я чувствовал присутствие богов...

И видел я усыпанный цветами,
Рельефами покрытый саркофаг:
В них грации поникли головами,
И Аполлон, и вечно юный Вакх.

А в гробе том красавица лежала
Нетленная, печальна, но ясна...
Казалося, она не умирала,
Казалося, бессмертной рождена...

И песнь ее носилась над могилой,
Когда уже замолкнули уста;
И всё вокруг собой животворила
Усопшая во гробе Красота.

20 апреля 1846

25. МИГ

Чудный был вечер весенний. Уж солнце в волнах потонуло,
Искрились тихие волны, и запад в последнем сияньи
Медленно гаснул над ними, и Геспер уже теплился ярко.
Робкой стопой среброногая дева Селена из тучки
В темно-лазурное поле небес выходила.

Всё было тихо, прохладно, темно и прозрачно под небом;
Небо с землей и с душой человека дышало одною
Сладкой гармонией, будто бы звучною грудью одною...
Счастливы мы, что живем, что родились, друзья-человеки!..
Горе нежившим и горе отжившим!

21 марта 1846

26. ДВА ТИТАНА

(Океан и Прометей)

Ты разли́лся бесконечно,
Крепкогрудый Океан,
Злое думающий вечно,
Вечно ропчущий Титан!
Власть твоя сильна от века,
И идет из рода в род,
Но пред мыслью человека
Побледнеет и падет...

Необузданная сила!..
Не склонюсь я перед ней:
Пусть гордится, как могила,
Что так много поглотила
Мощно мысливших людей!

Есть другой Титан могучий,
Твой соперник, Океан!
Ранен молнией гремучей,
На скале, покрытой тучей,
Зевсом скованный Титан.

У него живой любовью
Сердце страстное полно,
Истекающее кровью,
Крепко мыслию оно...
И не может Дий суровый
Навсегда, навек замкнуть
В некрушимые оковы
Адамантовую грудь!
Он, всемирной власти полный,
По валам твоим пройдет
И рукой своей об волны
Твой трезубец разобьет.

5 июня 1851

27. ЖЕНЩИНА

Идиллия

Он

В полдень скрываюсь отрадно
В широколиственной сени,
Воздух впивая прохладный
В сладкой, забывчивой лени.
Камень лежит красно-серый,
Мхом он оброс над потоком, —
Здесь я встречаюсь с Неэрой
Как-то всегда ненароком...
Где ты, желанная, где ты?
Страстно тебя призываю...
Песни мной все недопеты:
Их еще много я знаю.

Она

Сердце вещует мне что-то,
Бьется и дышит тревожно...
В нем ожиданья забота:
Сердцу не ждать невозможно!..
Я начала б с поцелуя...
Но не придет, не придет он!..
Всё ж сомневаюсь и жду я...
Слышится шелест... Ах! Вот он...

Он

Что ж далеки мы признанья,
Робким смущеньем объяты?
Полон я был ожиданья,
Встречи ль обычной ждала ты?..

Она

Матери ягод в кошницу
Здесь по пути набрала я,
В поле гоняя ягницу...
Здесь никого не ждала я.

1853

28. ГЕ́РМЕС-ПРИВРАТНИК

В портик меня пропусти благосклонно, всевидящий Ге́рмес,
Сторож дверей, неизменный покоя жильцов охранитель,
Хищников хитрый ловец, сберегатель богатых стяжаний,
Мирно меня пропусти в гинекей Каллигены прекрасной!..
Ге́рмес, не вор я ночной, но я раб Афродиты-богини,
Страстно любимой тобою сестры!.. Ничего не возьму я:
Даже и сердца, что билось когда-то в груди моей жаркой,
Что я оставил у ног Каллигены, с собой не возьму я...
Там, на пурпурном одре карфагенском, она ожидает
Часа свиданья, и треплет в досаде собачку, и будит
Спящих на арфе любимцев своих, голубей сицилийских,
Перлы срывает с прически, и мнет на груди воспаленной
Юные розы, и слушает что-то, и смотрит на двери.

Я не возьму ничего из хранимого дома тобою:
В нем я оставлю еще и надежды свои, и желанья,
Лучшие помыслы сердца, радости все и мученья...

Сжалившись, Ге́рмес кивнул головой благосклонно, и в портик
Робко взошел я... За мною послышался Ге́рмеса хохот.

2 апреля 1846

29. ВОСПОМИНАНИЕ

Люблю я край заброшенный и дикий,
Где вьется по скалам ползучий виноград
С побегами плюща, с кудрями повилики;
Там в сумерки прозрачные глядят
Таинственно-знакомые мне лики,
И грустен их красноречивый взгляд.

Всё, что меня с младенчества пленяло,
В чем видел я родство с моей душой,
Где сердце после бурь житейских отдыхало, —
О Греция, всё связано с тобой!
Мне дорого в тебе воспоминанье,
Как на заре открыл мои глаза
Внезапный луч начального сознанья,
И вырвалась болезненно слеза...
Разлад души с общественным застоем,
С текущим днем тогда я ощущал;
Являться стала мысль то с холодом, то с зноем,
И первые стихи невольно я слагал.

Прими же мой привет от любящего сына!..
Хоть ты рассеялась, как мимолетный сон,
И в край чужой пошла твоя Афина,
Покинув свой заветный Парфенон, —
Но мысль твоя не умерла с тобою
И завещала нам в наследье столько благ;
Века бегут от ней, как побежденный враг,
И юность говорит с завистливой тоскою —
Чтó наша жизнь пред смертию такою!

1853

30. СКРЫВАЕМАЯ СТРАСТЬ

Ты недоступна была, как богиня Диана,
Робкий мой взор ты встречала и гордо, и строго.
Я трепетал за себя, и любви я боялся...
Больно мне стало за чувство, высокое чувство,
Что ты сердечным приветом почтить не хотела.

Думы мои и мечтания страсти бесплодной,
Эти цветы, что взрастил я в бессонные ночи,
Ты, не заметив, прошла невниманьем жестоким.

Пальцы твои тетрахорда случайно коснулись —
Пламенем страстные звуки меня охватили
И разлились ароматом любви благовонной...
Звуки тебе изменили, и ты изменилась:
Взоры горели твои, и роскошные кудри
Падали мне на плечо, и уста дорогие
Слиться хотели, я видел, с моими устами.
Силился я отомстить тебе взглядом холодным,
Взглядом презрительно-гордым, как следует
мужу...
Но пред тобою невольно я пал в обожаньи,
Страстно целуя, моля о любви униженно.

15 декабря 1844

31. НА ЗАРЕ

Я не знаю другого моленья,
Не скажу я другого привета:
Сохрани на лице выраженье,
Что похоже на небо рассвета,
Полузрелых красот очертанье,
Полудетских речей лепетанье!

О сестра и подруга Авроры!
Не у ней ли румянец взяла ты,
Не у звезд ли похитила взоры,
Что таинственным светом богаты?..
Всё велениям жизни послушно —
Только ты к ним одна равнодушна.

На тебя я гляжу молодея...
Для меня ты богиня Природы,
И, здоровьем ее пламенея,
Ты полна ее детской свободы...
Ты и света, и тени сиянье,
И покой, и тревога желанья!

Эпизод «Одиссеи» читал я, —
Ты его полюбила и пела...
Но поэму когда б созерцал я
Твоего олимпийского тела —
Как художник, весь пыл наслажденья
Испытал бы я в эти мгновенья...

Отчего же стыдливости краской
Твои смуглые щеки покрыты
И за ласку не платишь мне лаской?..
Отвечай на призыв Афродиты,
На стремленья души молодые:
Да законы исполнятся Дия!

9 июня 1851

32. ТАНТАЛ

С трепетом юного сердца мучительно-сладким
Ждал я мгновенья, когда моя милая скажет
Слово «люблю», чтоб вкусить обаянье блаженства
Первому мне на земле далеко от Олимпа...

Дий всемогущий, каратель детей Прометея!
Дерзкому сыну его ты прости; он подумал:
«Дий не блажен, не изведав верховного блага,
Дий никогда не услышит в надзвездных чертогах
Музыки слова «люблю», чтобы музыкой этой
Вечно дышать в упоении вечных восторгов».

С трепетом юного сердца мучительно-сладким
Жду я мгновенья, когда моя милая скажет
Слово признанья в любви, вожделенное слово...
Катятся слезы, и сердце горит ожиданьем...
Слушаю сердцем и слухом: она говорит мне «люблю»...

Дий всемогущий, каратель детей Прометея!
Ты наказал меня: муки отца земнородных
Сносны пред мукой моею... Что коршун! что цепи!..
Знай, для любви и для счастья мне нужно бессмертья:

Вечности счастие просит, вечности требует жизнь...
Эта тяжелая мысль надо мной тяготеет,
Сердце грызет, как змея, отравляет блаженство...
Я не бессмертен, Зевес...
Но зачем я, Зевес, не бессмертен?..

1845

33. УЕДИНЕНЬЕ

Струями звонкими по роще разливаясь,
Мой слух лелеяли напевы соловья;
Проснулась лебедей прибрежная семья:
Она внимала им, задумчиво плескаясь
В немых волнах уснувшего ручья.
Одежды разметав, хиотка молодая
Пришла ко мне неслышною стопой;
Вздымалась грудь ее нагая,
И кудри сыпались каштановой волной.
На гибкий стан прозрачные покровы
Накинула красавица слегка,
Моей руки коснулася сурово
Ее дрожащая горячая рука...

Зачем следишь меня, хиотка молодая!
Несносен мне ревнивый твой укор:
Я здесь веду спокойный разговор
С природой мирною, певцу весны внимая,
И жаждет звуками и ветерком дохнуть
Пафосским пламенем истерзанная грудь...

1842

34. СВИДАНЬЕ

Страстно просил я бессмертных богов олимпийских
Дать мне минуту, одну лишь минуту свиданья
С чудно-прекрасною смертною девой. Настало
Это мгновенье. Увидев ее, у бессмертных
Начал просить я, чтоб миг вожделенный свиданья

В вечность продлили они. Красоту моей милой
Я созерцал и, как Тантал, всё жаждал и жаждал,
В очи ей глядя, лобзая, томяся и плача,
В очи глядеть ей, лобзать и томиться и плакать...

1844

35. ПИСЬМО

Я теперь не в Афинах, мой друг:
В беотийской деревне живу я.
Мне за ленью писать недосуг...
Не под портиком храма сижу я,
Не гляжу на кумиры богов,
Не гляжу на Зевксиса картины:
Я живу под наметом дубов,
Средь широкой цветущей долины;
Я забыл об истмийских венках,
Агоры́ мне волнения чужды;
Как до пыли у вас в городах,
Мне в народном избраньи нет нужды.
Будто в море, я весь погружен
В созерцанье безбрежной природы
И в какой-то магический сон,
Полный жизни, ума и свободы.
Здесь от речи отвыкли уста:
Только слухом живу я да зреньем...
Красота, красота, красота! —
Я одно лишь твержу с умиленьем.

1847

36. В ПОРТИКЕ

«Вспомни, Теано, ту пору, когда, утомившись
Жаром весеннего солнца и долгой прогулкой,
В портике сел отдохнуть я с тобою!..
Нам были видны оттуда и гермесов ряд бесконечный,
И агора́ с суетливой толпою, и храмы...
Вспомни, что ты говорила, гетера!»

«Пахнут чудесно твои умащенья, мой милый,
Слившись с моими, и я их впиваю

В трепете сладком, в забывчивой неге,
Лежа головкой на персях твоих млечно-пенных,
Близко устами к устам, и к очам недалёко...
Что же припомнить могу я в такие мгновенья! —
Нет ни грядущего, нет ни былого в блаженстве...
Не прерывай его: я так блаженна!..»

. . . .

7 февраля 1846

37. ТУНИКА И ПОЯС

Te, dea, te fugiunt venti, te nubilla coeli
Adventumque tuum; tibi suaves daedala tellus
Summittit flores! tibi rident aequora ponti
Placatumque nitet diffuso lumine coelum.

Lucretius [1]

В тот час, как из пены жемчужной
В волнах Красота родилась
И влажною грудью воздушно
Над морем она вознеслась,
Богиня, в боязни стыдливой,
Красы не скрывала своей
Под складкой одежды ревнивой,
И пояс не нужен был ей;
Прозрачные капли сияли,
Как перлы, у ней на грудях,
Недвижимо волны лежали,
И каждый они целовали
Богинею пройденный шаг.
Лилейной ступила ногою
На берег кремнистый она —
И берег покрылся травою,
Зыбучею, будто волна.
Как след, у нее под ногами
Мгновенно растились цветы,
И львы преклонялись главами,

---

[1] Ветры, богиня, бегут от тебя и тучи небесные от прихода твоего; искусная земля взращивает для тебя дивные цветы! морская гладь улыбается тебе, и спокойное небо сияет разлившимся светом. Лукреций (лат.). — *Ред.*

Не смея коснуться очами
Возникшей из вод Красоты.
На всё она детски взирала,
И мирно всё было пред ней:
Стыдливых смущений не знала
В красе безмятежной своей...

Но в сонме богов Афродита
Предстала богиней иной:
Властительной думой повита,
Блистающей гордой красой, —
И туника стан покрывала,
И пояс сжимал ее стан...
Богиня предчувствием знала,
Что дар всепобедный ей дан,
Что, мыслью сгорая одною,
Падут пред ее красотою
Дикарь безобразный Гефест,
Губитель Арей бессердечный
И Бахус, сей юноша вечный...
Ей нужны покровы и цест!

1847

38. ВАЯТЕЛЬ И НАТУРЩИЦА

Светлым, правдивым художника взором окинь, афинянка,
Статую эту... Я знаю, что ты согласишься со мною:
Скажешь, что прав он, художник, созданьем своим
недовольный...
Правда ль, богиню мою, как вакханку, одел я безвкусно,
Даже ее безобразно одел я? Гармонию линий
Чудного тела богини расстроили эти покровы?
Правда ль, неловко на сгиб ее легкого стана упали
Этих тяжелых одежд переломы, и в складках волнистых
Скрыта от взоров прекрасная выпуклость бедер
и лядвей?..
Кажется, будто собою насильно стеснили застежки
Вольное груди ее очертанье и будто сдержали
Пылкий, широкий размет чародейных движений
богини...

Грубые складки сокрыли досадно-ревнивою тенью
Лучшие перлы красы и высокого полные смысла...

Сбрось же, красавица, сбрось, умоляю, одежды и пояс!
Прелестям тела они безобразие, а не прикраса...
Что ты стыдишься напрасно!.. Оставь предрассудки
и мненья
Суетно-глупой толпы пред лицом человека-поэта!..
Что ты ему созерцать позволяешь лишь только отдельно
Части прекрасного тела... Зачем бы тебе не явиться
Творческим взорам его в наготе нестыдливой и чистой!..
Только порок лишь стыдится, скрываясь от ясного
света...
Иль тебе больно, что драхмой наемщицы бедной
Я заплатил за бесценность, твою красоту покупая?..
В жизни нам должно разумно мирить всё земное
с небесным,
Должно равно уважать нам потребы Олимпа и дола...
Разоблачись предо мною, и примешь ты плату
бессмертья,
Плату из всех дорогую...
О, как ты чиста непорочно!
Разоблачись! и я срежу со статуи этой одежды:
Первую мысль изменив — изваять красоту Афродиты,
Я изваяю, тебя созерцая, нагую Диану —
Девственность в блеске своей чистоты нестыдливой.

1847

39. ПЕСНЯ У ТЕНАРА

Не боялся б я власти Плутона,
И легко б мне проститься с землей!..
Без проклятья, без страха и стона
Я б оставил Коцит за собой,

Если б знал, что не духи, не тени
В безвозвратном Аиде живут,
Что со мною в подземные сени
Все земные желанья сойдут,

Что земной оболочкой прекрасной
Там очертаны прелести жен,
Что там юность горит неугасно
И луч жизни навеки зажжен...

1847

40. ПРОСЬБА ХУДОЖНИКА

О, не стыдись, не бойся, не красней
Своих одежд изорванных и бедных:
От пурпура и льна не будешь ты милей,
Не нужно лилии для персей темно-бледных...

Боишься ль ты, что я не полюблю
Твою красу под этой епанчою?..
О нет, дитя!.. Но я тебя молю
Художника восторженной мольбою:

Полна невинности, явись ты предо мной,
Чтоб не была ничем краса твоя покрыта,
Как вышла некогда богиня Афродита
Из пены волн, блистая наготой.

1847

41. EPICEDIUM[1]

Те ж соловьи и тот же сад,
С дерев несется аромат,
Мастика каплет, и мелис
Зазеленел, и разрослись
Моей заботою цветы;
Платана влажные листы
Прохладой сладкою манят,
Храня невидимых дриад
От зноя жаркою весной;

[1] Погребальная песня (лат.). — *Ред.*

Ручей студеною водой
В лучах как радуга горит,
Спадая звучно на гранит...
Всё то же небо, та ж весна,
Горячей юности полна,
Всё те же думы у людей, —
Лишь новая в душе моей,
Досель мне чуждая печаль...
И плакать хочется, и жаль
Тревожить воплем в мирный день
Мою возлюбленную тень.

Я буду плакать про себя,
И на холодного тебя
Польются пламенные слезы,
Как на листки увядшей розы
Напрасно падает роса...
Но теплая моя слеза
В холодном сумраке могилы
Не возмутит тебя, мой милый!

Доску надгробную твою
Плющом зеленым обовью,
Рассыплю пурпур я и злато,
Зажгу куренья аромата,
Венками розы молодой
Я кипарис украшу твой.
С себя сорву я украшенья:
Я буду вся печаль, моленье...
И проведу я ключ воды
К твоим стопам, чтоб утром ты
Смывал в струях прохладно-чистых
Могильный прах с кудрей волнистых...
А я, как сторож гробовой,
Как памятник перед тобой,
Я буду, преклонив колени,
Ждать появленья милой тени.

1843

42. АФРОДИТЕ-УРАНИИ

Доступно всё, что светло и высоко,
Моей душе, поникшей в пустоте;
К ничтожеству презренье в ней глубоко,
И беспредельно в ней служенье красоте.
В священном трепете восторга подхожу я
Пред жертвенник богини красоты,
Духовные плоды ей робко подношу я
И сердца чистого нетленные цветы.
Не благ себе просить предстал я пред богиней...
Нет! силою неведомой пред ней
Повержен я, как грешник пред святыней,
Чтоб на нее взирать в восторге, без речей!

17 июля 1846

43. СОФОКЛОВОЙ АНТИГОНЕ

Судил тебе рок непреклонный
Под бурями жизни расцвесть
И розы любви благовонной
Под своды Аида унесть...

И эти роскошные розы
У нас не распустятся вновь:
Росили их жгучие слезы
И грела не наша любовь.

Зачем ты взяла их с собою!
Но мы недостойны любви:
Мы бросили грязью земною
На чистые розы твои,

И стали мы жадной толпою
Лобзать на груди красоты
Облитые пеной морскою
Пафосской богини цветы.

15 марта 1846

44. ИЗ БАКХИЛИДА

Честный приходит к хозяину гость и стоит на пороге;
Тою порою готовится скромная трапеза в доме.
Речью такою встречает хозяин пришедшего гостя:
«Честные с честными любят делиться беседой...
Нет у нас целых быков угостить дорогого нам гостя,
Нет ни амфор золотых, ни ковров нет пурпурных;
Мы только можем ему предложить свою теплую душу,
Сладкую музыку, Вакха напиток прохладный и вкусный
В наших простых беотийских сосудах...»
И гость благодарный,
Брашен касаясь свободной рукою, приветные речи
Молвит хозяину, сытные снеди вкушает...

1847

45. ДЕВУШКЕ

(XXXIV ода Анакреона)

Зачем бежишь ты от меня,
Когда с тобой встречаюсь я,
И, на заре своей весны,
Боишься мудрой седины?..
Или зачем не любишь ты
Огня и жизни в старике?..
Вглядись, как много красоты
В благоухающем венке,
Где возле ярких роз видна
Лилей сребристых белизна.

1847

46. ТИМОН АФИНСКИЙ

Всё идет и проходит чредой...
Я одно за другим пережил:
Не по дням, по часам предо мной
Шире круг становился могил.

Ненавижу я жизнь и людей:
Мир гробов меня обнял всего;

Меж людьми и душою моей
Будто общего нет ничего...

Но зачем же ночною порой
Я бываю внимания полн,
Когда шепчется ветер с травой
Или всплески мне слышатся волн?

Но зачем же я взором слежу
За полетом могильной совы,
И при месяце жадно гляжу
На сиянье волнистой травы,

И гляжу на огонь светляка,
Что зажегся, как будто в ответ
Той звезде, что блестит с далека,
На привет посылая привет?..

И люблю, когда, двигаясь, тень
Оживляет волшебно траву...
Нет! Не твой я, могильная сень:
Я живу, я живу, я живу!

1846

47. НЕЗНАКОМКА

Как люблю я встречаться порою,
На заре, средь цветущих полей,
С незнакомкой моей молодою
И не видеть старухи при ней!..

И зачем она вместе гуляет
Со старухой седой иногда:
Ее вид красоту оскорбляет, —
Мне за молодость грустно тогда!

Меня мыслью смущает ужасной
Преходимость всего под луной, —
Что природа скелет безобразный
Облекает на миг красотой...

1848

48. ЧУВСТВО ХУДОЖНИКА

Зачем лишь под пологом ночи
Могу я тебя ожидать,
Уста и ланиты и очи
Украдкой во тьме целовать!..

Красавица! Сердцу обидно
В высоких стремленьях его,
Что оку во мраке не видно
Ни мысли чела твоего,
Ни как ты прекрасна в смущеньи —
В стыдливости женской своей,
И в каждом воздушном движеньи,
В порыве невинных затей...

Молчит под ревнивою мглою
Язык всечарующих глаз,
Слепцом я томлюсь пред тобою,
Ропщу и... целую сто раз!

1852

49. ВЕСТАЛКА

«Друг! Мой возлюбленный друг, отпусти, умоляю!
Скоро Диана взойдет, полноликая дева,
Зорко подсмотрит мой путь запоздалый и скрытный:
Взором прозрачно-лучистым она проникает
Всё сокровенное ночи, и людям осветит
Тайну запретной любви для погибели нашей...

Что же ты держишь так крепко меня за одежды!
Должно во храм мне спешить потаенной тропою:
Может погаснуть огонь без меня пред кумиром...
Знай: я погибла тогда!.. Отпусти ж благодушно,
И отпусти, навсегда распростившись со мною...»

«Хоть на мгновенье продли ты свидание наше!..
Иль ты не любишь меня!.. О, когда бы любила,
То позабыла б и Вестин огонь, и Диану...

Вижу: бедна ты душой и восторгами страсти,
Сколько богата роскошной своей красотою».

«Нет! Ты не знаешь меня, и слепою любовью,
Грубой любовью прозреть неспособен мне в душу...
Я ухожу и прощаюсь навеки с свиданьем!
Этих немногих минут для меня уж довольно:
В них полнота бытия расцвела и созрела
Цветом возможного счастья, мелькнувшего счастья;
Их не изжить мне во всю мою жизнь остальную,
В них бытия моего и конец, и начало!»

1853

50. ФЕССАЛИЙСКАЯ ИДИЛЛИЯ

«Виноват, признаюсь, Зоя!..
Оботри кудрями слезы...
У вершины Ахелоя
На горе пасутся козы».

«Правда ль это?.. Но далеко
Надо мне идти на гору...
Мать осталась одинока,
И боюсь я в эту пору:

Ночью там блуждают духи,
Ходит волк, чекалка рыщет, —
Да и жаль моей старухи,
Что меня напрасно ищет...»

«Виноват, прости мне, Зоя!
Стадо выгнал я на гору,
Чтоб к вершине Ахелоя
Нам идти в ночную пору...»

«Если бы не ты, мой милый...
Мой остер кинжал широкий:
Но нет воли, но нет силы
Наказать тебя, жестокий!..»

«Тише, воды Ахелоя!..
На щеках зарделись розы...
Ты в любви призналась, Зоя!
Обманул я... Дома козы».

1843

51. ИДЕАЛЫ

Прекрасное — такая же чудная
и высокая сила,
как истина и правосудие.

Клаузен

Своею ревностью докучной
Не возмущай мне ясных дней:
Средь этой жизни однозвучной
Их мало в памяти моей!
Единство стройное я знаю
В разнообразьи красоты,
И как художник я срываю
Везде, где только обретаю,
Искусству свежие цветы.

Незрелость форм полуразвитых,
Печали бледность на лице
И пух ланит, зарей облитых,
Родят сострастие в певце...
Горят ли краскою стыдливой
В смущеньи детские черты,
Иль блещет строгость горделивой,
Себя сознавшей красоты,
Иль эта грация движений,
Иль обаяние речей —
Ужель пройдут без впечатлений
В душе восторженной моей!

О, не ревнуй, когда люблю я
Прекрасный мир, что вне меня:
По идеале всё тоскуя,
Родные образы ловлю я
Во тьме ночей и в свете дня...

Я к ним влекусь, я их лобзаю:
В них раздробленное мое
В себя я сердцем принимаю —
Свое дополнить бытие.

1852

52. ИРОНИЯ В ИСКУССТВЕ

Отрицаньем и ложью глубоко
Возмущен, негодует поэт,
Указуя искусством далёко
Между тьмою мерцающий свет...
И в пылу раздраженного чувства,
Недовольствия мукой томим,
Он рождает созданье искусства,
Свое чадо вручая другим...
И такой полнотою блаженства,
И отрадной такой тишиной,
Углубляясь в его совершенства,
Проникается смертный порой...

Но открыл я в часы просветленья,
Что в спокойном твореньи певца
Затаилися все оскорбленья
И все боли и вопли отца,
И сказался в нем, будто ошибкой,
Безобразию жизни упрек,
И с таинственно-горькой улыбкой
В нем художник сокрыться не мог.

В размышляющий миг наслажденья,
Созерцая кумиры богов,
Я прочувствовал грусть впечатленья,
Как от прерванных радостных снов;
Мне казалось, с насмешкой упрека
Изваянья следили за мной,
И над нашею долей жестоко
Издевались они меж собой.

1852

53. ПЛАЧУЩЕЙ ДЕВУШКЕ

(В альбом кн. Е. Н. В.)

Чувство грудь тебе вздымало,
За слезой текла слеза,
Будто в лилиях играла
Утра вешнего роса.

Будто грации печали
И невинный детский стыд
Предо мною превращали
В розы лилии ланит...

Ты головку опустила,
Отуманив блеск очей,
И лицо твое покрыла
Прядь волнистая кудрей...

А художник любовался
И печалью, и тобой...
В этот миг в нем зарождался
Образ близкий, но другой:

Видел он, как при восходе
Первых утренних красот
На прозрачном небосводе
Тучка легкая идет.

1852

54. СКУЛЬПТОРУ

Как у себя я в твоей мастерской, о ваятель-художник!
Как-то привольно душе меж богов и героев;
Молод я сердцем тогда, говорю откровенные речи,
К детству людей возвращаюсь, сближаюсь с природой.

Как ты искусно поставил свою Афродиту и Вакха
В зелени темной плюща между гроздий и миртов!..
Кажется, будто Киприда ко мне простирает объятья,
В полном блистаньи своей красоты всепобедной;

Хочет сойти с пьедестала и Вакх-Дионис вечно юный,
Дружески руку пожать мне, приветствуя юность,
Что низошла на меня в созерцаньи твоих изваяний...

Сколько спокойствия в этих сияющих лицах,
Сколько довольства и жизни, себя навсегда уяснившей!..

Добрый художник! Я знаю, что близок ты к музам:
Им помолись за меня, — да пошлют мне покой
и довольство
В душу больную, в изрытое ранами сердце,
Да утолю я навеки немолчно-зовущую жажду
К истинам мира, да вижу я всё без страданий,
Мудро на лоне покоясь ничем не смущаемой мысли.

1851

55. И. К. АЙВАЗОВСКОМУ

Волны по манию кисти твоей животворной
Гордо, как холмы, встают, серебримы луною,
Иль, затаивши дыханье, прилягут покорно...
Я же, увидев безбрежную даль пред собою,
Крепкою грудью хрустальную зыбь разбиваю, —
И остается далёко за мною Таврида:
Смело я в каменный Аргос свой путь направляю
Вслед за Орестом и юною дщерью Атрида...[1]
То волшебством я каким-то к утесу прикован,
И предо мною гекзаметром волны стремятся, —
Будто стихом Одиссея мой слух очарован...
Долго хотел бы душою я так забываться!..
Верю, — из пены тех волн Красота выходила!..
Можно ль из них не родиться красавице вечной?..
Счастлив я: эта живая вода утолила
Страстную жажду мою к красоте бесконечной!

1852

---

[1] Ифигенией.

56. ДРЕВНЯЯ КОЛОННА

Сижу под цветущей мастикой,
Склонившись на мрамор колонны,
Разбитой грозой и веками.
Мне кажется, будто колонна
Глядит с укоризной на время,
Что шло и проходит над нею,
Глядит на людей с укоризной:
Они с высоты пьедестала
Ей пасть допустили на землю;
И только лишь плющ прикрывает
Своею зеленой одеждой
Ее красоту вековую
От взоров людей равнодушных,
От гибельных времени взоров.

Досадно и грустно мне стало:
Я бросил на базис колонны
Пурпурный венок олеандра...
Но ветер из миртовых кущей
Дохнул и развеял далеко
Мой дар, красоте принесенный.

Досадно и грустно мне стало:
Нарезал я листьев аканфа, —
Аканфы прикрыть капители,
Но мрамор ее украшений
Покрыла семья скорпионов...

Над теменем белым утеса
Горело вечернее солнце
И падало светом волшебным
На груды развалин, на море,
На дальние горы и рощи.
Вились над моею колонной
Прозрачно-лазурные тени,
И луч догоравший струился
По мраморным ребрам колонны.

1844

57. ТВОРЧЕСТВО

— Когда к тебе слетает вдохновенье, —
Приветливо толпа поэту говорит, —
Какое чувствует душа твоя волненье,
Какой восторг в душе твоей горит?..
Скажи, каким огнем твои пылают очи,
Что говорят твои певучие уста?
Во свете ль дня или во мраке ночи
С тобой беседует богиня Красота?
Дрожишь ли весь, сильнее ль сердце бьется,
Когда на землю ты низводишь небеса,
И огненный твой стих каким потоком льется,
Вещая истины святыя словеса?..
— Нет! не тогда восторгом я пылаю,
В мгновенья творчества блаженством не горю:
Когда свой стих возвышенный слагаю,
С холодным разумом я братски говорю...
Не зная никаких безумных вдохновений,
Спокоен я и сердцем, и душой,
И без смешных возгла́сов и движений
С расчетом вывожу я строку за строкой.
. . . .
Но в те, ни для кого не зримые, мгновенья,
Меж невнимательно бесчувственной толпой,
Восторгу предаюсь, иль полон сокрушенья
Гляжу вокруг себя всезрящею душой
И чувствую в груди зародыши творенья.

1846

58. КОНЦЕРТ

(А. П. К.)

То, что смутно, непонятно
Говорило мне порой,
Что минутой благодатной
Пролетало надо мной,
Что в душе зарыто было,
Как в земле талант раба,
Что в расцвете подавила
Гнетом тягостным судьба,

И когда уж гасло чувство,
Мрак носился над душой, —
Это всё лучом искусства
К жизни вызвано тобой...

Осязательно и ясно
Изваял в душе моей
Этот сердца голос страстный
Всё несознанное в ней.

То, что в ней неуловимо,
Безразлично, глубоко,
Что незнаемо, незримо,
Близко нам и далеко, —
То художника рукою
Царству мысли отдано,
То из хаоса тобою
В стройный мир возведено.

13 марта 1849

59. ПОЭТУ

О, не проси покоя у судьбы
И не ищи того, что называют счастье, —
Но ты желай и мира, и борьбы,
И ясных дней, и мрачного ненастья,
Чтоб в действии твой дух перегорал
И, погрузясь в пучину треволнений,
Оттуда б мысль живую доставал,
Как новый перл для новых поколений.

Для блага зло ниспослано судьбою —
Мы властны зло для блага победить...
Пусть жизнь и свет суровою зимою
Твои цветы успеют охватить, —
Из холода ты можешь вынесть чувство
И чувством мысль холодную согреть,
Ее облечь в творение искусства
И над людьми той мыслью прогреметь.

12 января 1846, 1856 (?)

60. ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО

Вижу вас, юные девы, на праздничном пире:
В легкопрозрачные ткани одеты вы стройно;
Дышит от вас аромат дорогих умащений,
Очи горят и высокою страстью, и мыслью.
Перлами блещут запястья, кораллы на шее
Спорят с кораллами губок душистых и жарких.
Жемчугом косы у вас перевиты, и жемчуг,
Лучший еще несравненно, улыбка нам кажет.
Звуки оркестра, напевы, и речи, и пляска
Юную душу чаруют невольным соблазном...
Кажется, вечно желал бы остаться на пире,
Музыке ваших приветов внимать непрестанно,
Ваше дыханье впивать и смотреть бесконечно,
Ненасытимо и страстно на прелести ваши.
В эти мгновенья чужда тебе зависть к блаженству
Жителей неба: бессмертья их только хотел бы!..
. . . .
. . . .
Но не внимай легковерно словам моим, смертный!
Будь непреклонен душой для мирских искушений:
Праздник мгновенно пройдет, и сокроются девы...
В будничной жизни ты их красоты не узнаешь.
Холод житейских волнений скует твою душу,
Мелкие при́дут заботы о хлебе вседневном,
Старость недуги с собой принесет и печали...
Всё разрушается, всё изменяет в подлунной.
Только искусство тебе никогда не изменит,
Только в искусстве таится прямое блаженство,
Только в искусстве обещанный людям Элизий.

1847

61. КРАСАВИЦЕ

Я стремлюсь вечно-юной душою
И всем сердцем к твоей красоте:
В ней сказалася жизнь предо мною
В безграничной своей полноте.

Не могу я без слез умиленья,
Без восторгов взирать на тебя:

Ты родник моего вдохновенья, —
И могу ли я жить не любя!..

Ты поэма в венце совершенства,
И природа твой мудрый поэт,
Ты вливаешь мне в сердце блаженство,
В мою душу прозренье и свет.

Поражает меня сочетанье
И течение линий в тебе,
Безразличное красок слиянье
В незаметной для ока борьбе.

И мелодия духа разлита
Многозвучно в телесных чертах,
И, сиянием страсти повита,
Говорит и трепещет в глазах...

Пред тобою и мысли, и чувства
Мне хотелось бы в мрамор облечь...
Я ищу для созданий искусства
Осязаемо-зримую речь...

Пусть невежда их дерзко обидит
И каменьями бросит в меня:
Он в их чувственном теле не видит
Сокровенного мысли огня...

Во плоти их — искание духа,
В неразъятном слиянии с ней,
Недоступно для грубого слуха
И темно для незорких очей.

1853

62. СТИХ

Пусть будет стих его понятен и высок,
И блещет всех лучей слиянием чудесным;
Да примирится в нем всё дольнее с небесным,
Да будет он меж нас как признанный пророк,

Чтоб мощной мыслию, как дланию Зевеса,
Собою обнял он весь безграничный мир,
Чтоб в звуках зрели мы, прозрачных, как эфир,
И мрамор Фидия, и краски Апеллеса.

28 января 1845

63. ПРЕД ДРЕВНЕЙ СТАТУЕЙ

Эти груди, плечи, руки
Если можешь ты облечь
В ярко видимые звуки,
В осязаемую речь,
Если созданное стройно
Праксителевым резцом
Передашь, его достойно,
Твердо-мраморным стихом
Просветленный наслажденьем
Камень дышащий лица,
Груди страстное волненье, —
Изваяние резца
Передашь иным ваяньям —
Слова мощного огнем,
Породнив своим созданьем,
Все сольешь искусства в нем, —
Я тогда в тебе поэта
Не задумаюсь признать...
Силы духа, бога света
На челе твоем печать...
Жизни каждое явленье
Возведешь до красоты,
И величию творенья
Дашь ты образ простоты.

7 апреля 1851

64. ДЕВОЧКИ

Девочки любят меня, и со мною как с ровней играют.
Детские тайны свои доверяют мне так простодушно,
Ставят игрушки они предо мною и, хвастаясь ими,

Каждой игрушки историю мне говорят преподробно:
Кто, и когда, и за что подарил им какую безделку.

«Знаешь ли, что... Прочитай нам стихи свои: ты их читаешь
Старшим сестрам... мы тебя уж давно попросить собирались...
Так же и мы любопытны, как старшие наши сестрицы».
Эту забавную просьбу умел отклонить я искусно,
Речь заведя об игрушках и новые игры устроив;
Был я резо́в и находчив, смеялся ребяческим смехом.
Девочки, много болтая со мной, о стихах позабыли;
Но пробудили они не совсем-то веселые мысли
В сердце болящем моем, и я думал, детей забавляя:
Дети! Искусство — слеза недовольства насущною жизнью,
Голос прозрения в лучшую жизнь с полнотой ее стройной,
Страстная жажда везде и всегда и во всем совершенства,
Вопли любви, неизведанной нами и нами просимой,
Первое чадо рассудку и сердцу знакомого горя,
Первый младенческий крик в человеке родившейся мысли,
Слово потреб вопиющих, потреб бесконечного духа...
Знайте, искусство — уж это несчастие наше, о дети!..
Вы же, малютки, живете в довольстве созвучья с природой,
В светлой охране ее, под крылом ее девственно-теплым,
Счастливы тем, что вам чуждо искусство, а с ним и страданье,
Чужды вам слезы тоски по возникшем в душе идеале...
Так не просите ж, чтоб я прочитал вам печальные песни!
Глядя с участьем на вас, одного я желаю: пусть долго
Будут стихи мои вашей блаженной душе недоступны...

1853

65. ПРЕД СТАТУЕЙ ВЕНЕРЫ ТАВРИЧЕСКОЙ

Ты когда-то жила меж людей,
И заснула ты мраморным сном;
С красотой безотцветной твоей
Разрушительный Крон незнаком...
И не властно вовек над тобой
Безобразие дряхлых седин,
Тебе жизнь мелочною борьбой
На чело не нагонит морщин...
Не коснется тебя никогда
Сокрушающей смерти рука!..
Ты блаженна, что ты молода
И от наших скорбей далека...
И художник, в печали своей,
Когда сердцем болящим страдал
Над нестройною жизнью людей,
Твой чарующий лик изваял,
И он верил: придут времена —
Всё, что в духе бесплотно живет,
Будто грезы роскошного сна,
В повседневную жизнь перейдет...

Да над этою мыслью его
Замолчит и прервется мой стих:
Это свет бытия моего,
Это перлы желаний моих!

1852

66. МОЯ БОГИНЯ

Медленно кончив свои умащенья, ты вкусные блюда
В зелени сочной поставь, обложи их искусно цветами,
В сребреный кубок налей искрометную кровь винограда:
Звонкий тот кубок украшен любимым моим барельефом,
Где Дионис, как душа вечно юного мира, представлен...
Будем гармонией духа и тела с тобой наслаждаться!..
Верь мне, одна без различия жизнь и людей, и природы:
Всюду единая царствует мысль, и душа обитает
В глыбах камней бездыханных и в радужных листьях растений...

Нет для меня, Левконоя, и тела без вечного духа,
Нет для меня, Левконоя, и духа без стройного тела!
Умственным взором гляжу я на образ жены полногрудой,
В выпуклых линиях форм, изваянных богиней-Природой,
Душу, и целую жизнь, и поэму созданья читаю...
Не упрекай же меня, что я к тлену и праху привязан,
Не упрекай за стихи, где я думы свои изливаю!..
Иль ты не знаешь, что я поклоняюся новой богине,
К музам причислив ее и назвавши ее Софросиной:
Эту богиню я к жизни и к песням своим призываю...
Пусть, как сатир осклабляясь, невежда смеется над нею:
Смех его — лучший ему приговор...
Но спеши, о подруга!
Сытные снеди принесть и весельем кипящие вина,
И ароматы, и мудрого мужа Платона творенья.

25 октября 1851

67. СИЛА ПЕСНИ

«Славным вином на прощанье,
Кипрским вином напою...
Выпей за наше свиданье,
Выпей за удаль свою!
Кубок возьмешь на дорогу, —
Будешь меня вспоминать;
Стану молиться я богу,
Стану тебя ожидать...»

«Старые песни люблю я,
Старую песню запой...
Голос их — звук поцелуя,
Речи их льются рекой.
Хочется песней разлуки
Тяжесть души облегчить,
Звуками плакать и в звуки
Горечь любви перелить...
Пой! — уж пора нам проститься:
Рог капитана трубит...»

«Страшно мне в песне излиться:
С песней душа улетит».

1843

68. АЙЛУДА[1]

Есть домик в лесу, за горою,
С разрушенной кровлей, без окон...
Но наших красавцев собою
Прельстил и завлек он.

А в домике, будто ошибкой,
Сияние утра и ночи:
Оттуда алеет улыбка
И искрятся очи...

Рабов иль сералей высоких
Ты хочешь, айлуда дубравы,
Алмазов ли, стран ли далеких,
Забвенья, иль славы?

Ты видишь, я статен и молод:
Люби меня адской душою, —
Мне люди навеяли холод
С тяжелой тоскою.

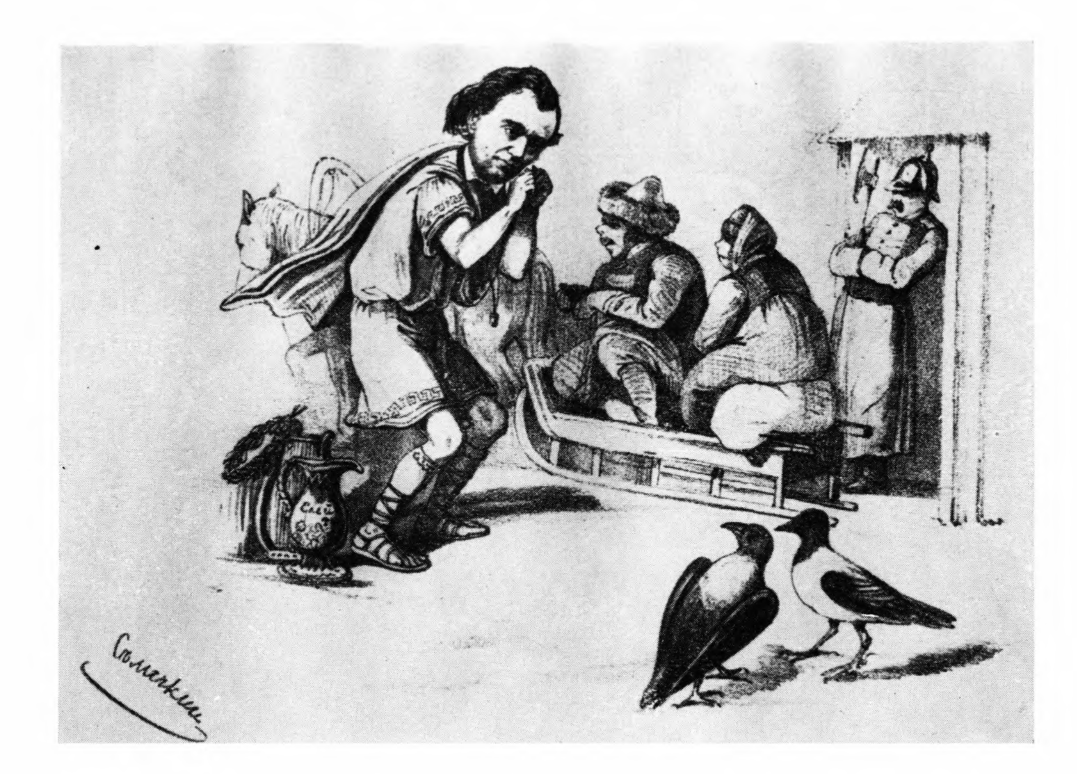
Без подвигов мне до могилы
Пути протянулись большие;
Я трачу богатые силы
На битвы пустые...

И скромно безвестному счастью
Приюта нигде не сыщу я...
По свету с ненужною страстью,
Как призрак, брожу я...

А там у тебя изумруды
Колеблются в поле травою;
Ручей твой обрамили руды
Каймой золотою;

---

[1] Айлуды, по поверью нынешних греков, существа вроде сербских вил или ореад и русских русалок, обитающие в диких и пустынных местах, у рек, гор и ущельев.

И ветер там музыкой веет,
По струнам цветов пробегая;
Восторгами тает и млеет
Там жизнь молодая;

И смотрят веселые лица,
С больной незнакомы слезою,
Поют там и вещие птицы,
Кружась над водою.

Соткавши из радуг полотна,
Под их расписными шатрами
Почиешь ты в неге дремотной
С твоими духами.

Клубятся над ними виденья
И тайны незримого мира;
Существ вы следите движенья
На звездах эфира.

Забывши одежды, с купанья
Подруги твои молодые
Несутся на радость свиданья
Под сени густые

И пляску заводят с духами, —
А месяц, нечуждый их счастью,
Объемлет их груди лучами,
Сгораемый страстью;

И жар их, и жажду лобзаний
Порой прохлаждают фонтаны,
Да трепет предсонных желаний
Скрывают платаны...

Целуй меня, демон прекрасный!
Так сладок твой яд поцелуя, —
Пусть в жизни кипучей и страстной,
Забывшись, умру я...

1843, 1856

69. ДЕВУШКА У ХАРОНА

(Посв⟨ящается⟩ гр⟨афине⟩ Настасии Ивановне Толстой)

«Хорошо вам, горы, счастье вам, долины:
Вы себе живете без тоски-кручины!
Вечно вы цветете, нет для вас Харона!
Как и вы, цвела я, роза Киферона,
Любовалась так же утренней зарею,
А меня скосила смерть своей косою!..
Без меня на свете всё живет и дышит,
И меня не знает, и меня не слышит!
Там зазеленело божией весною,
И луга запахли молодой травою;
Ярко запестрели все поля цветами,
И холмы покрылись белыми стадами;
В густоте дубровы, солнцем не палимый,
Паликар гуляет с девушкой любимой,
И, целуя жадно ей уста и плечи,
Говорит он милой золотые речи;
Мать красивой дочке расточает ласки,
Бабушка-старушка сказывает сказки...
О, когда бы можно, вечно бы жила я,
Как ребенок с куклой, с жизнию играя...
Если б наши клефты в ад сюда попали, —
Верно б, и с Хароном в битве совладали;
Жалобною речью я б их ублажила
И, ласкаясь к храбрым, так бы говорила:

„Я в жилище смерти выплакала очи,
В холоде могильном, средь подземной ночи.
Здесь темно и тесно... Зренье просит света,
Сердце просит ласки, а душа — привета...
Клефты-паликары! убегу я с вами
В край, где льется воздух светлыми струями,
Где раздолье жизни, где толпятся люди,
Где любить приволье лебединой груди;
Я хочу утешить мать мою в печали,
Я хочу, чтоб сестры слез не проливали,
Чтоб не горевали неутешно братья
И свою Зоицу приняли б в объятья...“»

«Не крушись, Зоица, по родным напрасно:
Им живется сладко, весело и ясно!..

На земле, подруга, всё тебя забыло! —
(Так, вошедши, Деспа к ней заговорила.)
От людей к Харону нынче отошла я,
И тебя лишь годом дольше прожила я...
Виделась недавно я с твоей роднею:
Все они довольны, счастливы судьбою...
Братья... да и сестры, позабыв печали,
У соседа Ламбро на пиру плясали,
Бабушка болтала под окном с кумою
И своей хвалилась давней стариною,
Мать всё хлопотала о невесте сыну, —
О тебе ж, бедняжка, не было помину!»

1854

70. ТЕЛОНИЯ[1]

Дыша прохладой на поток,
Дремал душистый ветерок,
И, олеандр в густые своды
Сокрыв трепещущие воды,
Цветы румяные ронял
На переливистый кристалл.
Резвилась ласточка порою
Над тиховодною рекою
И грудью белою своей
Касалась голубых зыбей...
А воздух, воздух благодатный...
Струею жарко-ароматной
Он хочет страсть свою вдохнуть
В мою измученную грудь.
Когда таинственные звуки
Несутся стройно в вышине,
Я слышу в них печаль разлуки,
Тоску по горней стороне...

Но отчего была печали
Душа усталая полна,
Когда те звуки пролетали?..

---

[1] Телония — душа неокрещенного младенца, умершего до крещения. Сказка этого поверья почти та же, что у малороссиян о *Мавках*.

Я знала, в них неслась она —
Душа малютки без названья,
Перелетевшей в мир страданья
Непогруженною в купель —
Христовой жизни колыбель!..

Ко мне, ко мне, родные звуки!
Навейте вновь былые муки:
В вас жаждет горестная мать
Младенца милого обнять!

Несется из владений ада,
Из мрака смерти и грехов,
В толпе невидимых духов
Мое дитя, моя отрада...

Ко мне, дитя, лети ко мне!..
Но звук печальный пролетает
И в безответной вышине
Далеким эхом замирает.
В тот час на сердце пустота,
В душе бесстрастный холод веет,
Слеза под сердцем заперта,
И чувство теплое немеет...
Но вдруг нежданно пролетит
Знакомый звук и прозвучит
Печалью, знаемой когда-то,
Разбудит старые мечты, —
И в сердце нет уж пустоты:
Оно печалию богато.

1843

71. УМИРАЮЩИЙ МАТРОС

«Много ль морей облетала ты, белая лебедь,
Много ль корвет и фелук ты видала на море?»
— «Черный корабль я видала под флагом багровым;[1]
Стал он на якорь от нашего берега близко.
Старый седой капитан, напевая молитвы,

[1] Признак пиратского судна.

Плакал, и плакали с ним молодые матросы,
Стоя вокруг паликара, как ты молодого.
Прелестью глаз и кудрей прихотливой волною
Схож паликар на тебя, светлоокая дева.
Руки скрестив на груди и на грудь головою
Тихо склонившись, сказал капитану седому,
Юным матросам сказал он последнее слово:

«Прожил я на море лучшие юные годы,
На море взрос и родился. Певучие волны
Сон навевали, колыша мою колыбельку.
Много изведал я на море черного горя,
Много на нем я изведал и радостей светлых.
Мирное зрелище волн неподвижных и неба,
Ярко облитое светом пурпурного утра,
Богу меня научило молиться и плакать.
Первой, последней любовью любил я на море,
Встретив на нем же прекрасную, добрую Зою;
Дружбу, вы знаете сами, узнал я меж вами.
Бог посетил меня раннею смертью на море...
Мирно, друзья, умираю, но грустно расстаться
С морем и с вами, и с бедною Зоей-сироткой!
Выройте, братья, могилу у берега моря,
Камнем прибрежным мою вы покройте могилу:
Здесь я услышу порою матросскую песню,
Сердцу знакомое «элия-леза!» [1] услышу...
Будут беседовать шумные волны со мною,
Тусклые очи, немые уста освежая,
Весточку мне принесут о родных и знакомых,
Станет теплее холодному сердцу в могиле...
Плакать придет на могилу печальная Зоя,
Тихие волны поделятся с нею печалью, —
Легче ей на сердце станет, и я успокоюсь...»

Что ты дрожишь и бледнеешь, красавица Зоя,
Смотришь безумно и рвешь дорогие одежды?..
Бедная Зоя! Несчастная Зоя!»

1843

---

[1] Восклицание матросов при подымании тяжестей: якорей, канатов и т. п.

72. ВОСПОМИНАНИЕ

Я помню, как венком из белых роз
Холодное чело твое венчали,
Как на груди твоей цветы завяли;
    Как много выплакал я слез...

И убежал далёко я от милой...
Скажи, возрос твой юный кипарис
И капли слез цветами ль разрослись
    У мрамора твоей могилы?

Я, говорят, на чуждом берегу
Тебя забыл... не верь: тобой любимый,
Тобою полн, тобой путеводимый,
    Тебя забыть я не могу!

Я помню всё, души моей светило!
Мгновенный след твой в мире не исчез:
Всё лучшее земли, всё светлое небес
    Твой милый образ сохранило...

1844

73. ОТПЛЫВАЮЩЕМУ

Корабль готов; шумят ветрила,
Распущен флаг земли родной...
Ты едешь, брат, и что мне мило
Увозишь ты навек с собой!
Что ждет тебя под небесами
Родимой Греции твоей?..
Ее любуясь красотами,
О бедной участи моей
Ты вспомни, брат, и пожалей...
Прошу тебя, пришли с дороги
Мне горсть земли, земли родной:
В часы душевныя тревоги
Я окроплю ее слезой.
Взгляни на гроб Агамемно́на
В его пустынной наготе,
И у колонны Парфенона
Пропой ты песню Красоте;

К моим друзьям зайди в Востицу,
Скажи, что их целую я, —
Но, брат... соседку Фотиницу
Уж не целуй ты за меня!

1843

ПЕСНИ О ПРИРОДЕ

La nature est l'idée, sous forme d'exteriorité.[1]

A. Ott

74. ПРИРОДА

Привет мой, весна!.. Я с тобою
Опять, как дитя, заживу
Всей жизни моей полнотою,
Увижу я сны наяву...

Согреется воздух, и воды
С холмов белоснежных польются,
И тайные струны природы
На струнах души отзовутся, —

Тогда я познаю глубоко,
Что плоть я от плоти ее,
Что я не живу одиноко,
И вся она лоно мое...

Мне будут сестрою и братом
И роза, и ветер, и море:
Одна напоит ароматом,
Другие умчат мое горе.

Сродство и единство созданья
И мудрость его простоты
Внесу я в свой ум и познанья,
В искусство — его красоты...

---

[1] Природа — это идея во внешнем выражении. А. Отт (франц.). — *Ред.*

Пред блещущим ликом природы
Всё мрачное духа — далёко,
Всё ясно, как тихие воды,
Кристальные воды потока;

И ложны пред нею страданья,
Болезнен путь жизни людей...
Рассейся ж, о мрак отрицанья,
В душе обновленной моей!

7 июля 1846, 1851

75. НИМФА ВЬЮГИ

Поздней ночью буря встала,
Поднялась, ревя, метель
И повсюду наметала
Многоснежную постель.
Мне слепящей пылью снега
Влажно очи порошит;
Истомленная от бега,
Тройка медленно бежит...

Но, классические грезы,
Грезы вечные людей!
Вас питают и морозы
Бедной родины моей;
Вам такая же подруга,
Как аттическая ночь,
Наша северная вьюга,
Дочь Гекаты, мрака дочь...

Еду я... передо мною
Нимфа Вьюги восстает
И над снежной пеленою
Всё кружится да поет...
А когда сквозь прах сыпучий,
Сквозь лохмотья белых туч,
На покров полей зыбучий
Бросит месяц бледный луч, —
Беломраморной рукою

Нимфа в даль меня манит,
И хохочет надо мною,
И рыдает, и грозит...
Вдруг, по прихоти игривой,
Иней с дерева стряхнет
И всего меня шутливо
Льдом колючим обольет,
Иль к устам моим коснется
Поцелуем мертвеца,
Иль унылою зальется
Песнью русского певца;
То статуей ледяною
В стороне стоит она,
И холодной красотою,
Непреклонная, полна;
То меня охватит страстно,
Током бури обовьет, —
И, бесчувственно-прекрасна,
В пляске с вихрем отойдет...
Но развеет шаловливо
Ветер тунику у ней —
Нимфа спрячется стыдливо
В волны снежные полей;
И опять из-за березы
На меня она глядит, —
Ветру буйному сквозь слезы
Речь упрека говорит...
Но, глядишь, на волке смело
Нимфа скачет предо мной,
И его по шерсти белой
Гладит ласково рукой,
И улыбкой открывает
Ряд роскошных жемчугов,
Волшебством ее сзывает
Хор полуночных духов;
К ним, средь воя и круженья,
Пристают толпой теней,
В странных образах, виденья
Знойной юности моей —
Что любимо было мною
И желаемо давно,
Что развенчано судьбою,

Что в душе погребено...
Это всё под гул ненастья
В хор один слила она,
Совершенств, Любви и Счастья
Бестелесная жена,
Мыслью созданная ясной
В царстве духа моего,
И потребой сердца страстной,
И провиденьем его...

Но вот вижу я в метели
Мой родной, мой старый дом,
Где, со мной играя, пели
Мне о будущем моем,
Где мне няня говорила
Сказки русской старины,
С колыбели приучила
Золотые видеть сны...

И дрема с высот слетает
Тихо на душу мою:
Нимфа Вьюги напевает
В поле — «баюшки-баю...»

1856

76. NOTTURNO [1]

Ароматной весеннею ночью
Я на небо гляжу ненаглядно...
Когда море, уснувшею мочью,
Так прекрасно, так мирно-отрадно,
Когда слышу, как злак прозябает
И как пьет он дыхание ночи, —
Тебя сердце мое призывает,
Тебя видят во всем мои очи...
Будто смотришь ты теми звездами,
Будто дышишь дыханьем природы,

---

[1] Ноктюрн (итал.). — *Ред.*

Расцветаешь ночными цветами,
Напеваешь мне песни свободы.

Когда слышу вечерние звуки,
Те, что льются, что в воздухе тают,
И таинственно с счастием муки
И с покоем тревогу мешают, —
Тогда кажется, будто незримо
Ты ко мне издалёка несешься...
Будто чую — промчалася мимо,
Будто пламенем по сердцу льешься...
Что ж родного, скажи мне, сокрыто
В этой ночи и в звуках с тобою,
И какая струна у них слита
С моим сердцем, с моею судьбою?..

1846

77. ПРОСЬБА ВЕСНЫ

На прощанье певцу говорила,
Отлетая надолго, весна:
О поэт мой, тебя я любила,
Я была и тепла, и ясна...

Расстаюся я с милой землею,
Мне так долго ее не лобзать,
Не лелеять своей теплотою,
И цветущих красот полнотою
Мне ее головы не венчать!

Покидаю я женщин прекрасных
И ласкаемых мною детей —
Для ночей безрассветно-ненастных,
Для холодных, бессолнечных дней...

И не будут, роскошными снами
Упиваясь блаженно, они
Пробуждаться и спать с соловьями, —
Покидаю я их сиротами...
Замени им меня, замени!

Разлучиться мне горько с землею...
Но, поэт мой, я в сердце твоем
Неразлучной живу красотою
И твоим пламенею стихом:

Я оставлю в нем звуки и краски,
И мой свет, и мою теплоту,
Ветерка перелетные ласки,
И потоков журчащие сказки,
И луной разлитую мечту.

Как померкнет сиянье лазури,
Как поблекнут без жизни поля,
Да завоют холодные бури,
Да оденется в саван земля, —

Мой избранник, людей утешая,
Возроди меня в песнях своих,
Чтоб пред ними опять расцвела я,
Благовонна, свежа, молодая,
В трепетаньи стихов золотых...

Но, весеннее счастье зимою
Разливая меж братьев-людей,
Надели им возлюбленных мною,
Всех обильнее, жен и детей,

Чтоб я в песне твоей зеленела,
Согревая озябнувший лес,
На снегах бы цветами пестрела,
Наливалась в колосья и зрела,
И сияла бы с зимних небес;

Чтобы всё, забывая морозы,
Погрузилось в знакомые сны,
В ароматные майские грезы,
В обаянье волшебной весны...

И под власть твоего вдохновенья
Всё отдастся, поэт-чародей,
И, внимая словам песнопенья,

От земли моего удаленья
Не заметит никто из людей;

Им прольюся я полною чашей
Из искусных художника рук,
Им я буду и лучше, и краше,
Облеченная в образ и звук.

1854

78. ЗИМНЕЕ ЧУВСТВО

Более всего я люблю дом, где блещет очаг, когда Зевс сыплет снегом.

Из Гомерических стихов

Как хорошо на севере порою,
В уютной комнате, с подругой молодою,
Когда, дыша отрадной теплотой,
Открыт камин, и уголь золотой,
Подернутый перловою золою,
Чуть рдеет: так под кожей молодою,
Под кожей белою, под девственным пушком
Румянец кажется дрожащим огоньком.
Нам песню самовар шумливую заводит;
Вечерние часы неслышимо уходят
За книгою любимою в руках,
За разговорами о милых пустяках, —
И женственной красы исполненные речи,
Пурпурные уста и снеговые плечи
Зовут меня лобзать подругу в тишине...
Как хорошо и как отрадно мне!..
А вьюга на дворе ревет и злится,
И путник, заблудясь, за жизнь свою боится,
И снегом бьет ему в усталые глаза:
Всё бело вкруг него — земля и небеса;
Не слышен лай собак из-за дали туманной,
Не виден огонек спасительно-желанный...
Но мне так хорошо в приютном уголке
От всех опасностей, от горя вдалеке.

. . . .

И в этот час уже не снится мне
На полуострове, в любимой стороне,

Колонна, статуя, полуденная роза, —
В поэзию метели и мороза
Я негой северной волшебно погружен,
И снится мне иной роскошный сон.

1846

79. ГОЛОСА НОЧИ

Тихо бреду по широкому полю
Летнею ночью прохладной,
Воздух впивая живительный вволю,
Жаждой исполнен отрадной.

Братской всемирной беседе я внемлю...
Всё говорит предо мною:
Падают речи с эфира на землю,
Льются лучистой рекою;

Просят у звезд позолоты и краски
Зреющий колос и слива;
Ловят ночные красавицы ласки
У ветерка шаловливо...

А под горою беседуют воды
С ветками ив и с камнями;
Шепчутся тайно древесные своды,
Держат совет с облачками...

Слышу, кузнечиков песня живая
Мелкою дробью несется, —
И угадал я, той песне внимая,
Что и о чем им поется.

Пели кузнечики: «Красное лето
Вслед улетит за весною;
Жить нам — покуда лишь поле согрето
Ризой хлебов золотою...

Счастливы темные сосны и ели —
Вечно они зеленеют;
Гибели им не приносят метели,
Смертью морозы не веют!»

Новая песня из рощи несется,
Смелостью звуков блистает
И перекатными трелями льется —
То соловей распевает:

«Жизнь хороша! .. но недолго живу я...
Петь мне хотелось бы вечно!
С розой родился и с розой умру я,
Жаждая жить бесконечно...

Всё для людей! Им и долгие веки,
Песнь соловья и поэта,
Небо и горы, и рощи, и реки
В перлах и в золоте света».

Песня другая в саду раздается,
Трель соловья прерывая, —
Это и громко, и стройно несется
Грустная песня людская:

«Волосы наши кудрями разлиты...
Время пошлет им седины;
Этот румянец, зажегший ланиты,
Скоро погасят морщины...

Ты только счастлив своею бессменной
И несходящей весною,
Ты только вечен, румянец вселенной,
В небе горящий зарею!»

1854

80. ЛЕС

В зелени темной дремучего леса брожу одинокий,
Тысячи радужных красок, играя, горят на закате;
Золотом каплют они на верхушки кудрявых деревьев,
Светлой струей извиваясь, окрайны ветвей пробегают
И в промежутках стволов разливаются розовым полем.
Странные, смутно-знакомые звуки несутся из чащи,
Звуки, похожие больше на тишь, разлитую повсюду...

Только порой под ногами моими трава шевелилась,
Ящериц быстро скользивших следы от меня укрывая;
Прыткий кузнечик звенел в кочедыжнике где-то,
и часто
Песню свою прерывал. Пробежавшему легкому ветру
Разом все листья, спеша, говорили, и вдруг замолкали.
Воздух прохладно-густой, испареньями трав напоенный,
Страстно дышал на ночные цветы; тяготея над ними,
Чашечки их расширял и садился росой ароматной;
В свернутых листьях растений покоился жук
изумрудный;
Влаги росистой боясь, мотылек испещренный скрывался
В желтой пыли лепестков, колыхаясь, как в люльке
ребенок.
Льют надо мною зеленые слезы свои непрестанно
Ветви плакучих деревьев, и, кажется, между собою
Перешепнулись кусты обо мне, осторожно, с украдкой...

Этот язык беспредельной, никем не изведанной жизни
Слуху невнятною речью своею наводит на душу
Образов много незримых и много немых ощущений,
Просит ответа себе и к своей приобщает беседе...
Носишь какого-то мира иного присутствие в сердце...
И разлился он, тот мир, за тобой, пред тобой,
над тобою,
Обнял всецело тебя и соделал своим гражданином;
Кажется, будто отжившие все существа воплощенно
Зажили вновь и витают, тебя окружая собою,
Будто те близкие души, что ты схоронил и оплакал,
Прежним участьем полны и любовию прежней согреты,
Плачут теперь над тобой и живого хотят разговора.
Видится этой порою, в тумане таинственной грезы,
Будто бы даже и то, что еще никогда не рождалось,
Въяве живет, облекаясь в какой-то сверхчувственный
образ.
Дремлющий воздух наполнен вокруг существами,
которых
Зренье и слух не уловят, но чуют душевные струны...
Связь их с собой постигаешь, но дать им ответа
не можешь:

Мысль не слагается в речь, не находишь им должного слова, —
И отрешаешься весь от оков тяготеющих плоти.

Ощупью в мире блуждая, томясь, и неведеньем болен,
К вам я доверчивым сердцем, пытливой душою взываю,
Сонмы незримых существ! Расскажите, откройте мне тайны
Вашего мира, все тайны того, что не вижу, не слышу,
Не осязаю, но чувствую смутным души ощущеньем...
Грустно ходить мне во тьме, тяжело мне и горько незнанье
Близкого сердцу, родного душе, что ее окружает...
О, просветлите же полным сознанием ум мой и сердце:
Да заживу я светло и здорово, как мне подобает.

1853

81. ОТРАДА ОСЕНИ

И серое небо люблю я порою
С осенним холодным и ветреным днем,
Когда облака бесконечной грядою
Отвсюду находят и краплют дождем;

Когда, полумраком небес окруженный,
От всех удаляюсь я с милой моей,
Внимая беседе ее благосклонной,
Лилейные ручки целуя у ней...

И так хорошо тогда это ненастье,
И холод так тепел и сладок вдвоем,
Что кажется, будто отрада и счастье
Шумят, и спадают, и льются дождем!

Чем день разольется серей и темнее,
Тем ярче весеннее небо очей;
Чем ветер повеет в окно холоднее,
Тем жарче дыхание милой моей...

Пусть желтые листья, опавши, летают,
Пусть старческий вид на поблеклых полях:
Роскошно ее красоты расцветают,
И юность играет румянцем в щеках...

Я верю, что осень на мир не сходила
И осени нет для души молодой,
Что только природа весну нам сменила
Другою — духовной и лучшей весной.

1854

82. СИМПАТИИ

Вся жизнь человеческая имеет нужду в ритме и гармонии.

«Протагор» Платона

Вечером мир низлетает на землю...
Девственно ясен румянец заката;
Грежу я, чувствую, мыслю и внемлю:
Всюду я радостно вижу иль друга, иль брата.

Птицы заснули на ветках древесных,
В сон погрузилась семья насекомых,
Много зажглося в пространствах небесных
Звезд, мне из раннего детства родных и знакомых.

Дремлют цветы в ветерке благодатном,
Сны свои мне говорят и мечтанья
На языке ароматов понятном —
Речью одною из тысяч речей мирозданья.

Грезы свои распевает цикада —
Ей, наклонившись, колосья внимают;
Весело прыгает резвое стадо —
Им потревожены, пташки пугливо порхают.

Стройная музыка тайно сокрыта,
Всё проникая в подлунной собою, —
То, что сиянием солнца облито,
Что освещается томно Дианой ночною.

Звуком ответным всему пламенел я,
Жаждая в общей гармонии слиться;
Страстно душою прозревшей летел я
В вечное лоно любви мировой погрузиться.

Чувством широким тогда обнимаю
Сродную жизнь и стремленье всех сущих,
Маленький мир их любви открываю
В сердце летающих, в крошечной груди ползущих.

Всё, что цветет, и ползет, и летает,
Долю имеет свою в наслажденьи, —
Всё и заботы, и радости знает,
Мчится и тонет со мною в житейском волненьи.

1852

83. ДАР ПРОМЕТЕЯ

1

Лишь заалеется над синими горами
И отблеск зарева падет на облака,
Блистая легкими, прозрачными струями,
В зеленых берегах уляжется река, —
От долгого труда, от зноя, истомленья
Спешу я броситься на мягкий дерн лугов,
Душою отдохнуть в тиши уединенья,
Забыть и горести и сладости трудов,
Забыть людей, отвергнувших природу,
Природой брошенных в неведомую тьму,
Желавших покорить творения свободу
Искусству слабому, болящему уму...

2

Когда мы приняли огонь самосозданья,
Природа спрятала в свою немую грудь
И тайны ясные, и легкие познанья,
И тернием усыпала наш путь...

И бледен пламенник блестящий Прометея,
И стал уж он приметно догорать,
И мало сил у нас, и нет у нас елея
Божественный светильник поддержать.

1842

84. ЖИЗНЬ

Верю, я бессмертен!
В атомах вселенной
Я уж зарождался,
С вечной жизнью бога,
В божьей мысли жил я...
Жизненная влага
И пылинки персти
Первых дней созданья
Слиты в этом теле...
И ужель не буду
В мире вечно жить я,
С этим вечным миром —
Образом Всевечной
Некрушимой Мысли?
Разве заронился
Втуне хоть единый
Солнца луч на землю?
Или не возник он,
В ней преображенный,
Цветом ароматным
В изумрудных листьях?
Иль, в дыханьи зноя,
С чашечки расцвета
Не упал на землю
Радужною пылью,
И с землей не слился
В вечных превращеньях?..

1844

85. СЧАСТЬЕ

(Л. С. П⟨ушкину⟩)

Благодарю судьбу за бури и борьбы,
За счастья миг, за долгое страданье,
И лишь могу просить я у судьбы
Единого безбрежного познанья.

Я убежден, есть счастие одно,
Высокое, далекое, прямое —
Вместить в себе той истины зерно,
Что облеклось в созданье мировое...

Как человек, могу его искать,
Как он, я не могу им насладиться,
Но сладко жить, отрадно мне страдать
Лишь для того, чтобы к нему стремиться.

10 июня 1846

86. СКАЗКИ

Tout est bien, sortant des mains de L'Auteur des choses, tout dégénère entre les mains de l'homme.

J. J. Rousseau [1]

Странно! малюткой,
Скучно мне было за сказками няни:
Сказки те были все только о людях,
То о разбойниках, то о колдуньях.
Что-то влекло меня в темную рощу
Слушать, как шепчется что-то в ветвях.
Сердце мое трепетало боязнью, —
Сердце любило такую боязнь,
Я понимал тот таинственный шепот...
Вам передать я его не могу:
Мысли мутятся, и слово немеет.

---

[1] Все прекрасно, когда выходит из рук творца, все искажается в руках человека. Ж.-Ж. Руссо (франц.). — *Ред.*

Часто любил я смотреть на реку,
Слушая музыку хоров незримых.
В очи мне прямо, участья полны,
Водные духи сквозь волны смотрели...
Ветер, колыша тростник над водой,
Мне напевал колыбельную песню,
Полную чудного смысла: его
Бедный язык и холодный рассудок
Высказать вам не сумеют, но сердце
Ясно его понимает и помнит...

Годы иные настали, и, старец,
Я не забыл эти детские сказки:
В шуме ль нестройном народных собраний,
В битвах ли жарких, в покое ль бесстрастном,
Или в порывах вакхических мысли,
Как-то невольно приходят на память
Старые детские сказки природы,
Миром забытые...
Стройные сказки!

1843

87

Чем я больше знаю, —
Больше знать я жажду;
В правде почиваю,
Под сомненьем стражду.

Теплотой дыханья
Истина вселилась
В тело мирозданья,
Тайно в нем сокрылась.
Счастье в ней таится —
Наша цель от века:
Страстно к ней стремится
Помысл человека...
Бесконечность — знаю —
Жизнью не измерю;

Всё ж ее пытаю, —
Верю и не верю...

Духа совершенство,
Без границ познанье —
Вот мое блаженство,
Вот мое страданье!

8 июля 1846

88. УЖЕНЬЕ

(А. Н. М⟨айкову⟩)

Долго сидел я под ивой, растущей над заводью синей,
Длинную бросив лесу на едва трепетавшие зыби,
Но поплавок мой докучно стоял на воде и ни разу
В темную глубь от очей не скрывался. Пугливая рыба
Тою порой не клевала. Склонялося солнце к закату;
Ветер, подобно ползущим змеям, шелестел по осоке;
Ивы плакучей сребристые листья, как малые дети,
Над головою моей лепетали невнятные речи.
На воду глядя рассеянно, я погрузился в мечтанья,
И про себя напевал я какую-то странную песню,
Песню без слов, без конца и без явственно слышимых звуков.
Время текло незаметно, и стал я следить с увлеченьем
Всё за одной белопенной волною, игравшею с солнцем.
Плавно катилась волна, и, приветливым видом сияя,
Ближе ко мне подходила, и речь говорила такую:

«Здравствуй, родной мой и кровный! Да юные дни твои длятся...
Что ж не даешь ты ответа, и будто меня ты не знаешь...
Я... это я в тайниках заповедных души зарождаю
То непонятное, смутное чувство, что веет в них песнью,
Неуловимою грубым оковам сознанья и слова.
Так, как и ты, я жила, и была молода, и любила,
Стройно одетая пылкою кровью и плотью прекрасной;
Дедам твоим пролила я дыхание сладостной жизни.
Шло непрестанное время, и годы сменялись годами:

С ними забыло меня и не знает мое поколенье;
Но, недоведома вам, говорю я таинственно с вами.
Ходом времен измененной частицей витая в стихиях,
Медленно я прохожу нескончаемый ряд превращений:
В камне твердею, огнем разгораюсь иль влажусь водою,
То затаенною каплею в жилах твоих обращаюсь.
Глаз моих отблеск далекий, когда-то блиставших
страстями,
Светит в глазах у тебя, и румянец мой, с жизнью
угасший,
Нежным оттенком еще отражен у тебя на ланитах...
Верь мне, живешь ты моею любовью, забытой веками...
В этой волне бытия моего заронились останки:
То чародейно они привлекали твой взор и вниманье
И глубоко сокровенные струны души пробуждали...
Вот я, родною волной обнимаю теперь твои ноги,
Пеной жемчужной дроблюсь, и опять я в пространстве
теряюсь...»

Ветер прошел по осоке, и пела мне тихо осока:
«Утром ли ясным иль в вечер весенний, горящей зарею
Любишь сидеть ты под этою ивой, глядишь на осоку
И погружаешься в думы, любовным горя созерцаньем.
Сладко-унылая музыка сердце твое наполняет, —
Но никогда не спросил ты об этой задумчивой грусти...
Соки и краски мои я из недра земли собираю,
Где твои предки почиют, и ими питаюсь и движусь...
Не оттого ль ты ко мне неотступно влечешься душою,
С жадным сострастием родственно внемлешь мелодии
листьев
В миг, когда ветер по мне пробегает, как будто
по струнам,
В час, когда солнце на мне отражает свой пурпур
заката,
Трепетным золотом темную зелень мою окаймляя?..»

Тут поплавок мой недвижный мгновенно во глубь
погрузился,
Дернуло сильно лесу... и, как призрак, рассеялись
грезы.

1854

89. УТРЕННЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Расцветшей зарею
Сокровищ рассыпано много:
Всё тонет в лучах предо мною...
Я чую прозревшей душою
Повсюду живущего бога...

И лик мирозданья
Мне плотию духа прекрасной
Является в перлах сиянья —
Средь песен, любви, ликованья,
С улыбкою женственно-ясной.

Я, жаждая тени,
Спущуся в долину глубоко,
Где бродят, скрываясь, олени, —
Отдаться и грезам, и лени,
Под лепет ветвей и потока...

И тихой стопою
Я буду на горы взбираться:
Боюсь раздавить я ногою
Червя, что ползет под травою
Сияньем тепла наслаждаться;

Исполнен вниманьем
Для всякой летающей крошки,
И, груди сдержав колыханье,
В себя не втяну я дыханьем
В лучах затерявшейся мошки.

1854

90. ПРЕДСМЕРТНОЕ ЧУВСТВО

1

Чувствую, силы мои,
Юные силы слабеют;
Слышу, холодную руку

Смерть положила на сердце,
Страстное сердце мое...

Что же, разлитая всюду,
Царствует жизнь предо мною,
Всё проникая собой?

Что же нигде я в природе
Образа смерти не вижу?..

Я оглушен, ослеплен дифирамбом
Вечно стремящейся жизни,
Вихрем ее увлекаем,
И отстаю я от хора людей
В этом вакхическом беге, средь кликов,
Плясок и песен...
Я изнемог, задыхаюсь...
Пал я на землю... Теряюсь
В лоне безбрежного мира,
Будто в тумане,
Будто в чаду опьяненья...

Это ль?.. так это ли смерть,
Зевс-миродержец,
Жизни бессмертный отец?

2

С юга лазурного веет
Зноем и легкой прохладой,
Веет какою-то негой
С неба, и с моря, и с гор.
По небу тучка несется,
Пахнет дождем благовонным...
Скоро сквозь яркое солнце
Перлы дождя упадут:
Перси земли растворятся,
Жизненной влаги напьются...
Вижу, зеленые перси
Рдеют багрянцем цветов.

8

Хоть бы пожить мне весною!..
Чую, как сердце забилось...
Выйду в широкое поле,
Лягу на мягкую травку,
Буду на ясное небо,
Буду на море смотреть.
Много есть жизни в природе,
Жизнь я займу у природы:
Буду открытою грудью
Воздух весенний впивать.

Декабрь 1843, 1844

91. УЗНИК

Черные стены суровой темницы
Сырость одела, покрыли мокрицы;
Падают едкие капли со свода...
А за стеною ликует природа.

Куча соломы лежит подо мною;
Червь ее точит. Дрожащей рукою
Сбросил я жабу с нее... а из башни
Видны и небо, и горы, и пашни.

Вырвался с кровью из груди холодной
Вопль, замиравший неслышно, бесплодно;
Глухо оковы мои загремели...
А за стеною малиновки пели...

Вот когда смерти впервые хочу я,
Мыслью далёко отсюда лечу я:
Вижу себя на коне и на поле,
Чую себя я на воле, на воле...

Солнце горит на небесной лазури,
Тучка несется — предвестница бури,
Бурям готовятся дубы к отпору,
Внемлю я тайному волн разговору.

Чайки кружатся над морем стадами,
Плавно летают орлы над скалами...
Здесь, на раздольи и в эти мгновенья,
Как бы я умер в пылу исступленья!

Вашей мне жизни уж больше не надо:
В смерти своя есть и жизнь, и отрада —
В лоне природы, в борьбе и волненьях,
В страстных, вакхических мира стремленьях.

20 марта 1851

92

Наши очи малы,
Велика природа;
Их погасит время,
Но она бессмертна.

Наши очи малы,
Но безбрежность мира
Меряют собою
И в себе вмещают.

Наша жизнь лишь только
Вечности мгновенье, —
Мы ж порой в мгновенье
Проживаем вечность...

1848

93. МОНОЛОГ НА ВЫСОТЕ

Мы убежали, подруга, с тобою,
И от гонителей наших далёко...
Этот утес, где скользим мы ногою,
Под облаками, над бездной морскою,
Поднят вулканом подземным высоко.

Страшно, как бросишь нечаянно взоры
С выси на дол, на ущелья, на море...

Видишь ли, ниже нас тянутся горы:
Их водопады, долины и боры
Тонут, сливаясь, в далеком просторе?..

Белая точка дрожит над волнами:
Парус ли это, иль чайки летают?..
Как чешуею, блестит гребешками
С гулом раздолье морское под нами,
Пятнышком черным дельфины всплывают...

Ласточек гнезда иль хижины это
Робкой семьей за обрывом таятся?..
Всё в полосах отдаленье одето,
Будто разлитых по скатертям света:
Не облачка́ ль там тенями ложатся?

Люди снуют то иль пташки летают?
Пчелы ль несутся густыми роями?..
Слышишь ли, камни, катясь, упадают,
Эхом пещеры полет их встречают?..
Сдвинул я в бездны те камни ногами.

Холод не сходит отсюда и летом,
Здесь голова человека кружится;
Солнце горит ослепительным светом, —
Здесь хорошо разве только поэтам,
Где мы трепещем, боясь оступиться...

Что тогда наши мечты, упованья,
Всё, чем мы жили, дышали с тобою, —
Счастие наше и наши страданья,
Горе разлуки и радость свиданья,
Если скользнем мы нетвердой стопою!..

Мы преходящие духа явленья;
Всюду ж пред нами царит его вечность;
Жизни всемирной мы только мгновенья,
И испугала нам душу и зренье
Ждущая нас поглотить бесконечность.

1854

94. МЫСЛЬ О СМЕРТИ

Страшна мне смерть!.. Не от сомненья,
Не от неведенья страшна...
Хоть ложной жизни обольщенья,
Ее ничтожность и волненья
Собою сокрушит она.

Но всё ж я смерти не желаю...
Я жить хочу, хочу я жить:
Я убежден и сердцем знаю,
Что быть отрадней, чем не быть!

1844

95. ТУЧА

Туча весною проходит по ясному небу;
Дождь из эфирных высот проливает на землю,
Силы свои истощая и жизнь отдавая
Жаждущим детям ей чуждого дольнего мира...

Туча, завидно твое назначенье на небе!
Долу оно непонятно иль, может быть, чуждо, —
Мне же завиден, понятно, твой жребий высокий,
Жребий страдальца за благо людей — Прометея...

11 июля 1846

96. ПУСТЫНЯ

Проснулся я — вокруг меня пустыня
Без выхода и без конца лежит...
Смирилася души моей гордыня,
И ропот на устах засохнувших молчит.
Здесь не на чем глазам остановиться:
Они теряются в бесцветной пустоте;
Здесь небо медное не светит и не тмится,
В нем места нет надежде и мечте.

На мой призыв никто не отзовется, —
Здесь эхо умерло, и мысли чужд полет,
Здесь даже надо мной и враг не посмеется,
И тяжкий смерти вздох без звука здесь пройдет.

4 февраля 1847

97

И здесь, и там, и далее гробница:
То по следам племен разросся ряд могил...
Из книги тайн здесь выпала страница
И нам гласит, что мир их пережил.
Довольно! Мы почти всё разгадали:
Нам ведомо, что мир переживет
И то, что мы веками созидали,
И нас самих, и наших дум полет...
Но не грусти, что червь тебя изгложет
В ничтожестве и прахе, человек!..
Что было раз, того не быть не может,
Что создано, то создано навек.

23 мая 1846

98. БОЛЕЗНИ

Nul homme n'a le droit d'avoir un secret.

George Sand [1]

Из-за дерев румянится закат,
И сумерки задумчиво висят
Во глубине небес.
Затеплилась звезда высоко надо мной,
Оделась даль туманной пеленой, —
Вдали чернеет лес...

И мыслию несуся я туда,
Где загорелася вечерняя звезда,
Где нá небе заря

[1] Никто не вправе иметь тайну. Жорж Санд (франц.). — *Ред.*

Красуется отливами огней
И каждый миг становится темней,
Медлительно горя...

Но отчего на сердце тяжело
И смутное желанье налегло
На молодую грудь?
Но отчего я чувствую сильней,
Что я теперь не с милою моей,
Что одинок мой путь?..

Все тайны я, как внутренний недуг,
Хочу тебе поведать, милый друг,
Природе их раскрыть,
Затем что тайн и болей нет у ней:
Те тайны — гной от язв души моей, —
Мне должно их целить...

И мрачный лес всё мрачное зовет,
Что искони так сердце бережет,
В чем высказаться жаль...
О, в этот час я всё бы вам открыл —
И как я жил, и что я пережил,
И всю мою печаль!

21 августа 1845

99. СЕРДЦУ

Звездное небо в окошко мне видно,
Видно оттуда уснувшее море;
Сердцу печально и сердцу обидно:
В нем не заснуло тревожное горе...

Что ж ты завидуешь, сердце, покою?
Смерть под цветами в покое таится, —
Жизни дыханье с тобой, за тобою
Пламенем пышет и бурею мчится...

10 июля 1846

100. УТРО В ГОРАХ ФОКИДЫ

Бледно-розовый свет на востоке,
И блестит над горами денница,
Отражаяся в каждом потоке;
Облачков собралась вереница;
По ущельям пары́ заклубились,
На утесах орлы пробудились...
    На залив Альцион,
    На оливковый лес,
    На громады колонн
    Льются краски небес;
    Звучен воздух, звучна
    На приморье волна
        По заре, —
        Но звончей
        Мой ручей
        На горе...

По тропинке поднялся я в гору:
В отдаленьи — Эгейские воды...
Нет преграды пытливому взору...
Широко мне на лоне природы!
Острова зеленеют садами,
Да несутся валы за валами...
    И над гребнями скал,
    Над гранитом гробниц
    Я едва различал
    Стаи белые птиц...
    Еще миг — и горит
    И волна, и гранит.
        На полях
        Еще тень,
        Вижу день
        На горах...

Но нет милой подруги со мною,
И зовут ее рощи и горы.
Освети их твоей красотою,
О соперница юной Авроры!..
Говорят мне и небо, и воды,
И я музыку слышу природы.

Я в оркестре миров
Слышу голос родной;
Полон девственных снов,
Я покоюсь душой,
Но в душе у меня
Много струн и огня...
Вот и он
Восстает
Из-за вод —
Аполлон!

30 мая, 30 июня 1851

101. ЗЕМЛЯ

Ты помнишь ли случай, родная?..
Когда я малюткой была,
В саду, меж цветами летая,
Меня укусила пчела.

Как палец мне жало палило,
И слезы ручьями текли, —
На палец ты мне положила
Щепотку холодной земли...

И боль оттого унялася,
И радостно видела ты,
Как я побежала, резвяся,
За бабочкой пестрой в кусты...

Пора наступила иная,
И боль загорелася вновь...
Боюсь я признаться, родная,
Что жалит мне сердце любовь!

Но тем же и этой порою
Ты можешь меня исцелить:
Холодной могильной землею
Навеки мне сердце покрыть.

1854

102

Когда в высокие минуты бытия
Внимает ум сердечным убежденьям
И открывается всему душа моя,
Восторженным полна ясновиденьем, —
Тогда одним живущим существом
Я вижу мир перед собою,
И многое сливается в одном,
И дышит общею душою;
Тогда бездушное живет подобно мне,
И кажется — ничто не жить не может,
И вечно мир растет в своей весне,
И ничего в нем время не изгложет...

1848

103. МЫСЛЬ И ДЕЛО

В трудах уставший и разбитый,
Душой задумчивой моей
Я слышу смех и лепет, слитый
С игрой бессмысленной детей, —
Я не горжусь тогда собою,
Что много мыслил я и жил
И что изведанное мною
Я в душу кладом положил...
Нет, предо мной тогда малютка
Во всем величии растет,
И болтовня его, и шутка
Сокрытой мыслию цветет.
Всё, что исполнил я, бледнело
Пред этой детской простотой:
Я — ограниченное дело,
Он — мысль с безбрежной широтой,
Всего зародыш и начало...
Еще грядет его пора:
Таит он семя идеала,
Возможность счастья и добра.

1854

104

...И поэт, когда он рождает стихи, должен рождать их в радости: иначе как он, болезненно возмущаясь сам в себе, мог бы очаровывать других.

Эврипид в «Просительницах»

Не в вёдро ль тихое на ясной глади вод
Рисуются дерев прибережных вершины
И солнцем облитой небес лазурный свод,
И флаги малые, и мачты-исполины —
И не душе ль моей, когда она чиста,
Спокойна и чужда смущения и горя,
Доступна высших чувств и мыслей красота,
Не в ней ли мир рисуется, как в море?..

Что ж видно в нем, когда мятежный ураган
Изроет грудь его глубокими браздами,
Над зеркалом зыбей опустится туман
И ил смешается с кипящими волнами, —
Какая ж мысль в душе томящейся моей
Иль чувство светлое способны зарониться,
Среди болезненных волнений и страстей,
Какая истина в ней может отразиться!

1847

105. НОЧЬ И ДЕНЬ

Всё людей враждебной силой
Сторожит во тьме ночной;
Ночь какою-то могилой
Тяготеет надо мной.

В сердце робость и сомненья
Непонятные живут,
И безумные виденья —
Сонной мысли порожденья —
В нем чудовищно растут...

И пред нами, и за нами
Всё угрозами полно;

Нам незримыми врагами
Всё вокруг населено.

Разум спит тогда глубоко,
Силы чувств в бреду больном:
Нас тревожит шум потока,
Слышим в ветре голос Рока,
Ждем засады за кустом.

Мы, томяся заблужденьем,
От неведенья больны,
Будто тайным наважденьем
В этот час ослеплены.

То, что мы любили, зная,
Что нам близко было днем,
Одевает тень ночная,
Душу слабую пугая
В нем скрывающимся злом...

Но как миру улыбнется
Светоносный Аполлон,
В наших жилах разольется
Благодатный утра сон...

И, облитые лучами,
Позабывши мрак и тень
С их боязнью и мечтами,
Мы прозревшими очами
Вожделенный встретим день...

И с природой стих привета
Принесет ему поэт:
«Люди созданы для света,
Людям сроден только свет!..

Трезвых чувств и думы здравой
В блеске дня исполнен дух:
В нем, далек от лжи лукавой,
Торжествует величаво
Зоркий ум и чуткий слух...

Здравствуй, день! среди сиянья
Бодро нас к труду зови,
Озаряя светом знанья,
Правдой мысли и любви».

1854

106. МИР

Небо глубокое,
Полное мглы голубой,
Полное звезд золотых!

Небо далекое,
Весь я теряюсь душой
В безднах твоих!..

Светом миров облитой,
Весь я природой объят, —
Вся объята она мной,
Волны со мной говорят,
Бури мне песни поют,
Травы цветущие льют
Свой для меня аромат...
Слышу, как звезды текут,
Слышу, как ползает гад...
Ты бесконечна,
Жизнь мировая!
Стройная вечно,
Вечно младая,
В теле созданья
Мысль разлитая...

Смолкните ж, стоны страданья,
Жалобный вопль человека!
Нет в мироздании горя:
Горе — то призрак от века,
Созданный вольно тобой,
Где утонул ты, как в море,
Ложной носимый судьбой
И истомленный борьбой.

Слейся с широкой природой,
Слейся душою и телом,
Полной здоровья свободой,
Мыслью и делом...
Смертный!
                    Пойми и прими
Жизнь горячо, но разумно,
Страсти больные уйми, —
И перестанешь, в сознаньи,
Во всеуслышанье, шумно
Плакать о мнимом страданьи,
Плакать, как плакал ты вечно
О преходящем, ничтожном,
Ложно блестящем, конечном
Иль на земле невозможном.

22 августа 1850

107. ПЕСНИ МИРА

Мир божий и прост, и чудесен,
И много в груди его песен,
И вечная жизни весна
В нем солнцем любви зажжена...

Я слышу, как страстные розы
Свои мне вечерние грезы
Душистым дыханьем поют
И будто свидания ждут.

Я вижу в разливе сиянья
Серебряных струн трепетанья:
Их месяц-художник провел
С небес на мечтающий дол;

Своею волшебной рукою
Он их навязал предо мною
На горы, леса и цветы,
Играя на них с высоты;

И утренний воздух певучий,
Средь свежих, здоровых созвучий,

Торжественной песнью плывет
И к бодрому делу зовет...

Но песню знавал я иную,
Из сердца в глаза пролитую,
Ту песню, что льется из глаз,
Как тайные чары на нас...

В ней чувства глубокого сила
Игрою лучей говорила, —
И песня немая очей
Была мне понятней речей.

И разом в той песне сказалось,
Чем сердце всю жизнь наполнялось, —
Открылись сокровища слез,
И мысли, и пламенных грез.

Ее озаренный душою,
Весь мир, обновясь предо мною,
Казался мне песней одной,
Меня охватившей собой.

1854

108. ПОДОЗРЕНИЕ

Что ты к этой звезде привязалась
Всей доверчивой детской душой!
Ты, очей не сводя, любовалась
До рассвета избра́нной звездой.

В простодушных своих излияньях,
Я боюсь, не сказала ль ты ей
О моих откровенных признаньях,
О любви безрассудной моей...

И звезда твоя, верно, болтлива:
Разговор ее льется в лучах,
И ей мил наш ручей говорливый,
Порожденный снегами в горах,

Про любовь — как гулял я с тобою —
Прожурчал нам недаром ручей,
Серебримый твоею звездою,
Иронических много речей.

1854

109. СВИДАНИЕ С МОРЕМ

Я ребенком расстался с тобою;
От тебя я далеко блуждал;
Проходили года надо мною:
Я душой и годами мужал...
И средь радостей, дум и страданья
Вспоминал тебя с детством порой,
И как жаждал тогда я свиданья,
Вечно шумное море, с тобой!

Под твоею громадною властью
Я взлелеян, повит и вскормлен;
Я в час бури взволнован был страстью,
Был покоем твоим усыплен;
Прояснялся я робкой душою
Перед ясной твоей тишиной,
И склонялся во прах пред тобою,
Когда спорило шумно с грозой...

И вот наше свиданье настало:
На твоем берегу я стою,
И что прежде меня волновало,
Не нисходит на душу мою,
И себя пред тобой не узнал я...
Я велик и могуч, я — иной,
Но всё тем же тебя увидал я.
Ты всё то же, я вырос душой,
Ты всё то ж, как в начале созданья,
Когда первый ты видело век
И младенцем без мысли и знанья
Поражен был тобой человек...

Я смеюся над мощью твоею,
Я стопами топчу твою грудь,

И железной рукою моею
К тебе в сердце прорезал я путь.
Ты в борьбе вековой отступило
Перед зреющей мыслью моей, —
Так и ложь, и безумная сила
Ей уступят, склонясь перед ней.

1848

110. ПЕРЕД БУРЕЙ

Горы висят над равнинами,
Зелень темнеет лугов;
Там, между гор, над долинами,
Тянется рать облаков.
В нашем покое не слышен нам
Грома далекий раскат,
Лишь на утесе возвышенном
Стаями чайки кричат...
Но из ущелий зияющих
Ринется буря на нас,
В сладкой тиши отдыхающих
В знойный полуденный час.
Всё, что мы пóтом ли, кровию,
Мыслью добыли себе,
С нашей надеждой, любовию
Сгибнет в стихийной борьбе:
Вопли, проклятья, рыдания
Море собой заглушит,
Нас и все наши страдания
Сила в ничто обратит...
Мало ль такою же силою
Стерто и дел, и умов,
Мало ли ранней могилою
Вещих задавлено слов!..
Этой же силой безумною
Люди являлись не раз,
Славой увенчаны шумною,
Встречены песней от нас...

1852

111. ВЕСЕННИЙ ГИМН

Сладко на солнце дремлю я,
Слышу падение вод,
И надо мною, ликуя,
Пташек поет хоровод.
Легкое ветра дыханье
Всюду несет аромат,
Воздух исполнен сиянья,
Пестрые мушки жужжат.
Кудри дерев расцветают
Роскошью белых цветков,
Пчелы над ними летают
В желтой пыли лепестков.
Чашей сребристой — лилея,
Жук изумрудом блестит;
Сеть паутины, белея,
В зелени темной висит.
Быстро по сучьям взбегают
Ящериц резвых семьи
И, шелестя, пропадают, —
Будят меня в забытьи...

Я под крылом у природы
Чист и бесскорбен живу,
Полн первобытной свободы;
Всё мне как сон наяву.
Встретил я душу родную,
Тщетно исканную мной,
Встретил ее, отлитую
В образ весны молодой...
Слился я с ним, и не знаю:
В воздухе ль, в сердце ль тепло?
И у себя не пытаю:
В небе, в душе ли светло?..

О Миродержец! Отрадно
Стройность в душе ощутить...
Дай же мне долго и жадно
Жизни до дна не допить!

1851

112. ПРИРОДЕ

Я не скажу, природа, пред тобою,
Что духом я, как мощью, одарен:
Ты женщина, — сильна ты надо мною,
И сердцем я покорен и влюблен!..

Чужда нам власть, — и только между нами
Невольно цепь любви проведена:
Несусь к тебе я страстными мечтами,
А ты ко мне отзвучьями полна.

Румянец мой — от твоего лобзанья,
В моих глазах лучи твои горят,
Мне грусть несут осенних бурь стенанья,
И радует весенний твой наряд.

Моей душе и чувству непонятно,
Что человек — властитель над тобой...
Нет! Надо всем царишь ты всеобъятно
Чарующей своею красотой.

Так некогда прекрасная Омфала
Героя шерсть заставила сновать,
И та рука веретено держала,
Что гидр и львов привыкла поражать.

1854

113. СОВРЕМЕННАЯ ДУМА

Когда твое царство, спаситель,
В величьи с небес низойдет
В юдольную нашу обитель
И всюду блаженство прольет?..
Мы сами его отдалили,
Желанное царство Христа,
И сколько мы зла совершили
Под чистой бронею креста!
Для чувства корыстно-земного
Купались мы в братней крови
Во имя предвечного слова,
Во имя верховной любви.
Мы слово небес толковали
В угоду мирской суеты,
Потом мы его осмеяли...
Но благ нескончаемо ты,
И суд твой среди испытаний
Невидимо благо творит,
И в вопле глубоких страданий
Нам голос души говорит:

От знанья пришли мы к сомненью
И раненой пали душой,
Мы знаньем дойдем к примиренью
И к жизни родимся иной...
Тогда твое царство, спаситель,
В величьи с небес низойдет
В юдольную нашу обитель
И всюду блаженство прольет;

Все люди тогда будут братья,
Довольные должной судьбой,
И мысли единой объятья
Всю землю обнимут собой...

1848

114. ЧЕЛОВЕКУ

Как высоко твое, о человек, призванье —
От лика божия на землю павший свет!
Есть всё в твоей душе, чем полно мирозданье,
В ней всё нашло себе созвучье и ответ.
В гармонию миров прозрел ты мысли оком,
И всё согрел своим ты внутренним огнем,
Исполненный, как мир, ничтожным и высоким,
Ты гордо примирил их в существе своем.
И собираешь ты разбросанные знанья,
И мудро связь даешь законам естества,
И все твои могучие созданья
Просветлены участьем божества...

Но отчего, скажи, семье твоих собратий
Чужда гармония, объемлющая мир?
Средь разногласия желаний и проклятий
Свой жизненный вы празднуете пир...
И прочных нет у вас законов и свободы,
И вы враждуете, смиряя океан,
И, целость находя в безбрежии природы,
Свой разбиваете общественный орган.
За мысль незрелую или за призрак счастья
Вы расточительно пролить готовы кровь,
Твердя, что ко всему исполнены сострастья
И что произвела всё сущее Любовь...

Смотри, как на небе течет порядок вечный,
Неизменяемо идет за веком век,
Единство царствует в природе бесконечной, —
В одной твоей семье смятенье, человек!

1847

115. ЖЕНЩИНЕ

Как над тобою посмеялась
Твоя жестокая судьба!
Какая жизнь в удел досталась
Тебе, царица и раба!

Ты стала средь мгновенной власти,
Мишурным блеском облитой,
Игрушкою нужды и страсти,
Не человеком, не женой...

И, на коленях пред тобою,
Страдая, плача и любя,
Мужчина с жаркою мольбою
Цепями путает тебя.

Свое призванье ты забыла
Для грез дремоты вековой,
И новая, живая сила
У мира отнята с тобой.

Пред всякой ложью и тщетою,
Как пред кумиром, пала ты,
И пустоцветною красою
Взросла на почве суеты.

Твое святое назначенье —
Наш гений из пелен приять,
Направить душу поколенья,
Отчизне граждан воспитать...

И струн в тебе сокрыто много:
Под райской музыкою их
Нам облегчилась бы дорога
В тяжелых странствиях земных.

Ты сердца чуткого прозреньем
Те правды можешь угадать,
Которых нам ни размышленьем,
Ни долгой жизнью не дознать...

Я верю, что настанет время
Тебе вознесться меж людей
И сбросить вековое бремя
С судьбы таинственной своей, —

И новой мыслью, новой страстью,
Огнем, любовью, красотой
Подвинуть мир в путях ко счастью
И взволновать его застой.

1848

116. В ОБЩЕСТВЕ

Si mon vers est trop cru, si sa bouche est sans frein,
C'est qu'il sonne aujourd'hui dans un siècle d'airain.

A. Barbier[1]

Смотрю, так важно и так чинно
Собранье пестрое шумит:
Один о чем-то говорит
И разговор заводит длинный,
Другой боится проронить
Его бессмысленное слово,
Всегда бессовестно готовый
И ложь, и глупость подтвердить.
Там остроумец неопасный,
Из самолюбья иль потех,
Почуя смех подобострастный,
Разит нещадно всё и всех...
Вот лесть за чистую монету
Берет какой-то господин,
И акробатом по паркету
Несется светский паладин...
Случится ль (редкое явленье!)
О дельном разговор завесть, —
То слышишь в нем пустое пренье
Расхожих мнений, общих мест;

[1] Если мой стих слишком резок, если он необуздан, то потому, что он рожден в наш железный век. О. Барбье (франц.). — *Ред.*

Иль раб, по жизни и природе,
Чужих желаний и страстей
С оглядкой бредит о свободе
И спорит шутовски о ней,
Меж тем как от его речей
За столик карточный проворно,
Где губят ум и сердце вздорно,
Уселись злые игроки:
Им спор без выгод не с руки;
Когда ж порой на нашем вече
О зле насущном речь зайдет, —
Как от чумы, от этой речи
Всяк осторожно отойдет;
Иной, пожалуй, осмеет
Того, кто мыслит благородно,
Того, кто чувствует свободно,
Но скажет с горечью подчас
То, что «не принято» у нас...

Вперед прошу я позволенья
О дамах что-нибудь сказать:
Ведь их вошло в обыкновенье
Священным чем-то почитать.
Они танцуют иль болтают,
Из-за шнуровки терпят боль,
И в человечестве играют
Нечеловеческую роль...
Им чужды родина их сына,
И зло ее, и благодать,
И чуждо груди их питать
Родною правдой гражданина,
И сил, чем полон наш народ,
Версальский ум их не поймет!
В среде обычного косненья
Им заменила просвещенье,
Законы долга и добра
Блестящей моды мишура...
И наше слово, наша лира
Им звук то грубый, то пустой,
Они с забавной простотой
В язык Мольера и Шекспира
Понятья дикие рядят

И корчат Запад невпопад...
Еще б сказал... но, нет, довольно!
И без того так сердцу больно.

Я вырваться отсюда рад,
Куда сошлись, как на парад,
Не из душевных побуждений,
Не для взаимных наслаждений,
Но чтобы выполнить обряд.

1845

117. ПОЭТАМ

> Le caractère de notre littérature au XIX siècle est polémique. Partout nous y trouvons la lutte et l'effort... Qu'est devenu cette naïveté féconde de l'artiste qui produit son œuvre sans vouloir en faire une démonstration, un playdoyer, une attaque, une vengeance.
>
> *Lerminier*[1]

Не расточайте им — сынам своекорыстья —
Ни ваших образов, ни ваших райских снов:
Больного дерева они гнилые листья,
Растущего без тени и плодов,

Что, соки лучшие себе порабощая,
Питаться не дает побегам молодым,
Которых в будущем зовет судьба иная,
Несхожая стремленьями с былым.

Пред совестию их предстаньте вы укором,
Во всеоружии разящего стиха,
Клеймите цели их презреньем и позором,
Раскройте гной проказы и греха;

---

[1] В XIX веке характер нашей литературы полемичен. Всюду мы находим борьбу и напряжение... Что стало с плодотворной наивностью художника, который создавал свое произведение без намерения сделать из него доказательство, защитительную речь, оскорбительный выпад или акт мщения. Лерминье (франц.). — *Ред.*

На погребальный лад настройте ваши лиры,
Благоухающий снимите свой венец,
Оденьтесь вретищем, — да дрогнут все кумиры
И капище и нечестивый жрец,

Зане́ он предался лишь своему мамоне,
А долг гражданственный попрал или забыл,
И хитро, не ходя ни в правде, ни в законе,
Он зло свое законностью прикрыл...

Здесь всё ослеплено безумной плоти силой,
А светозарный дух подавлен иль забыт;
И всё их лучшее обманчиво и гнило,
А должный путь терновником повит.

Здесь легкомысленно играют вещим словом,
И сло́ва торжники врываются во храм:
Мы скверны старые сокрыли в храме новом,
И речь у всех не вторит их делам.

На безобразие, на «мерзость запустенья»
Личина красоты накинута у нас;
Лишь себялюбия доступны нам движенья,
Но доблести нам недоступен глас...

На злато весится продажно суд неправый,
Он, лжи потворствуя, карает правоту,
И в зло преобразить умеет он лукаво
Прямой души порыв и чистоту...

О, боже! Им в корысть и родины невзгода,
Все испытания, все земские беды,
Чтоб нагло расхищать сокровища народа,
Его труда тяжелого плоды...

Так не бросайте ж им цветов воображенья,
Да ритм поэзии не услаждает их:
Достойны ли того сыны уничиженья,
Рабы своих желаний мелочных!..

Но, обличая их постыдные деянья,
Врачуйте старый яд и в духе, и в крови:
Да разражается, как гром негодованья,
Над ними ямб бичующей любви.

16 июля 1856

118. ЯМБ

Средь невнимания, ничтожества, презренья
Мой грустный путь извилисто лежит,
И запер я в груди и силы и стремленья,
И мысль моя насильственно молчит, —
Та мысль, что требует так громко излиянья,
Что чувствует всю правоту свою,
Чье принужденное могильное молчанье
Убило жизнь и молодость мою...
И оскорбленное отверженной любовью
Сгорает сердце собственным огнем,
И тщетно силится сорвать горячей кровью
Печать судьбы, лежащую на нем...

Так мощная толпа карает без вниманья
Всех истиной проникнутых сынов
За то, что пыл души и ясный светоч знанья
Отторгли нас от братьев и отцов,
За то, что любим мы — и в горе отторженья
От старческих преданий и путей —
Собратий, тлеющих без жизни и движенья,
Сединами гордящихся детей;
За то, что мы давно и рано пережили,
Что впереди им должно пережить,
Что никогда, никак того мы не любили,
Чего они не могут не любить,
Что верованья их считаем суеверьем,
Их счастие несчастием зовем,
Что унижением иль мелким лицемерьем
Мы от людей корысти не берем...
И мы не облеклись в виссон и в багряницы,
И благ себе купить мы не могли
Слезою слабого и лептою вдовицы,
И жизни крест свободно понесли...

1848

119. НАШ ДЕМОН

Нас тайный Демон посетил:
Он в нас живет, играет нами,
И кажет только ряд могил
Да змей, сокрытых под цветами.
Влечет он смело нас вперед,
Не заронив на миг сомненья,
Но наш восторженный полет
Сжимает гнетом охлажденья;
Подняв нас думой, с высоты
Ко праху дольнему низводит;
В лучах добра и красоты
Порой он призраки находит,
Порывы мысли и страстей
Клеймя иронией своей...

Итак, в бесстрастьи скорозрелом
Добьем мы свой остаток лет:
Ведь наша мысль не стала делом,
А в нашем деле мысли нет...
И не виновны мы нимало,
Познав тщету и ложь борьбы,
Что нас прошедшее сковало
В орудье жалкое судьбы,
Что приневолены мы ею
Строенье старое вершить,
С кипучей юностью своею
В нем столько сил похоронить...
И вот — трудившись без охоты,
Насущный хлеб спешим добыть,
Соснуть на отдыхе с работы,
Потребы духа усыпить...
. . . .

Но верим мы: сей Демон злой
К отцам ниспослан с колыбели,
Чтоб дети здравою душой
Прямую жизнь уразумели.

25 апреля 1846, 1855

120. ПОЭТУ

> Горе глаголющим лукавое доброе и доброе лукавое, полагающим тьму свет и свет тьму.
>
> *Исаия, V. — 20.*

О поэт! ты — совесть века,
Лучший сын земли родной,
Цвет роскошный человека,
Человек передовой.
Больно знать, что в наше время
Пало сердце не одно,
Что глубоко порчи семя
У людей вкоренено,
Что не ведаем добра мы...
Но, поэт, больней того:
Злу исходят фимиамы
Из кадила твоего!
Ложной силе, но могучей
И твоя летит хвала,
Что над миром новой тучей,
Скрывшей солнце, налегла...
О, когда и вдохновенье
Тьму сгущает наших дней, —
То не знаменье ль паденья
Невосстанного людей!..
В прах спускаются презренный
Света горнего столпы
И вожди непосвященной,
Многонемощной толпы...

Но воспрянь!.. Твою лампаду
Прежним пламенем зажги,
Упованье и отраду
В ней нам свято береги;
Не склоняй к кумирам слуха,
И по боге поборай:
Их грехи противу духа
Паче всех грехов карай, —
Да звучит твой стих обронный,
Правды божией набат,

В пробужденье мысли сонной,
В кару жизни беззаконной,
На погибель всех неправд.

26 ноября 1855

121. БИТВА

(Октавы)

1

В дни, когда я молод был душою,
Видел я, как старца изгоняли:
Вещий старец шел перед толпою,
Люди грязью вслед ему бросали,
Поносили всякою хулою
И крамольным дерзко называли...
Вместе вышел с ним и я из града —
С ним идти была моя отрада.

2

«Поля мысли доблестный оратай,
Жизни всю изведавший науку!
Истин ты неведомых глашатай... —
Я сказал — и подал старцу руку... —
На пути я буду твой вожатый,
Разделю с тобой и труд, и муку, —
Лишь подай мне знанья благостыню...» —
Я умолк, — и мы пошли в пустыню.

3

Солнце жгло палящими лучами,
И пески, и камни раскаляя;
Широко ложилась степь пред нами
Без дерев, без былия, нагая...
Мертво всё, — и лишь под небесами

Легких тучек соберется стая,
Да в пыли увидишь след звериный,
У кустов, обвитых паутиной...

4

Но встречали мы в степи порою
И оазис, путникам отрадный,
С деревцами и с травой густою,
Где таился ручеек прохладный
Серебристо-трепетной змеею;
И к нему мы припадали жадно;
Нам плоды смоковница бросала
И главой приветно помавала.

5

Но, воздав благодаренье богу,
Под ночными в звездах небесами
Мы опять пускалися в дорогу,
Шли опять пустынными местами;
Подвигаясь к цели понемногу,
Мы брели сыпучими песками,
И в конце синеющейся дали
В облаках мы гору увидали.

6

Той горы достигли мы нескоро:
Всё она то будто отдалялась
И совсем скрывалася от взора,
То опять нам близкою казалась...
Вот коснулись мы одежды бора,
Чем ее подошва покрывалась,
И, прошед уступы и стремнины,
Добрались мы до ее вершины...

7

И открылось зрелище пред нами:
Крепкий город рати облегали,
И полки сшибалися с полками;
Свет огня или сиянье стали
Затмевались дыма облаками;
Кони пыль копытами вздымали;
Ядер дождь и россыпи картечи
Прорывались сквозь средину сечи.

8

С грохотом сливались вопль и стоны,
Гром сливался с барабанным боем,
Натиск равный с силой обороны
Неподвижным оставался строем;
Но, в штыки ударив, батальоны
Напирали с криками и воем
И, в бою смешавшись рукопашном,
Бились молча, но в молчаньи страшном.

9

Черепа трещали и хрустели,
Прыскал мозг в лицо бойцам и в зренье,
А штыки в костях груди звенели,
Стыли руки в мертвом цепененьи,
И уста кровавые шипели, —
И как длился этот пыл смятенья,
Пронеслися ядра над бойцами,
Их покрывши дымными клубами.

10

Строй пехоты конница теснила,
Саблями и пиками блистая,
И ее торжествовала сила,
Пешие колонны размыкая;

Но опять недвижно, как могила,
Их стена смыкалася живая...
Вдруг нежданно тишина настала,
Будто горе новое вещала.

11

Средь нее раздался взрыв гремучий:
То взлетело в воздух укрепленье,
Поднялось громадной черной тучей
При мгновенном бледном освещеньи,
Рассевая в выси прах сыпучий,
Всё смешав в губительном стремленьи:
Бревна, камни, и песок, и снасти,
И людей, разорванных на части...

12

Но невольно отвратил я взоры, —
Им картина виделась другая:
Жители бежали скрыться в горы,
Свой очаг домашний покидая,
Где засели грабящие воры,
Достоянье граждан расхищая;
А пожар тлетворный в пепелища
Превращал родные их жилища.

13

Волновалась даль смятеньем бега:
Конь скатился с крутизны со вьюком,
Опрокинулась с детьми телега;
Там бредет, ведомый юным внуком,
Старец, с бородой белее снега,
Там больной, последним предан мукам,
На плечах у сына умирает, —
Потеряв младенца, мать рыдает.

14

Смолкла битва. Кровь лилась ручьями
Иль болотом стынувшим стояла:
Трупы в ней чернели островами;
Эта кровь заразу испаряла;
В воздухе разлившись над войсками,
Их незримым ядом напояла
И, сгустившись в смрадный пар летучий,
Обагряла и на небе тучи.

15

Было дико павших выраженье;
Их уста синевшие немели
В страшных корчах смертного томленья,
Иль глаза бессмысленно смотрели,
Выражая лишь одно забвенье,
И с минутой каждою тускнели;
Запеклися раны иль зияли,
И их мухи стаей покрывали...

16

Я гляжу, — и мне подумать стыдно,
Что живем мы в варварское время,
Что поруган человек обидно,
Что гниет напрасно духа семя
В почве жизни жалкой и постыдной,
И за племенем проходит племя,
Только землю удобряя туком,
Чтоб росла из дедов пища внукам.

17

Что ж себе добыли мы веками?..
И к чему наш опыт, наше знанье?..
Та же тьма всё царствует над нами,
Та же ложь, — гласят бытописанья, —

Лишь менялась только с временами,
И разлад всё тот же, и страданья...
Иль вовек меж нами невозможно
Воплощенье мысли непреложной?

18

Тут вещал свое мне старец слово;
Слушал я с отрадою немою.
И во мне зажглась надежда снова:
Будущность открылась предо мною,
Удалив все горести былого,
Заслонив насущное собою, —
И без слез смотрел я, и без страха,
Как во прах ложатся силы праха.

19

Как, свои своих не узнавая,
В роковом каравшем ослепленьи,
Борются, друг друга истребляя,
И готовят миру обновленье,
Чтобы вспыхнула война другая —
К правдам жизни братское стремленье, —
Да под стягом духа и свободы
С тьмой и роком в бой пойдут народы.

20

Мысли гром и меч труда и знанья
Покорят нам счастие земное
И во прах низложат все страданья
В беспечальном и бескровном бое,
Новое построив жизни зданье,
Стройное, как зданье мировое, —
Да идем дорогою блаженства
В нескончанном поле совершенства.

1856

122. ПОСЛЕ БАЛА

1

Ты грустна поутру после бала:
Недовольством волнуется грудь,
И головка склонилась устало
От бесплодных тревог отдохнуть...
А вчера тебе было отрадно
В ароматах, в сияньи, в цветах,
И оркестру внимала ты жадно,
Разлетаясь в привольных кругах...
    Хорошо тебе, весело было, —
    Хоть на миг ты о многом забыла.

2

О, грусти, о, тоскуй над собой,
И оплачь свою жизнь молодую,
Что мы рано родились с тобой,
Что предчувствуем жизнь мы иную...
Для любви вопиющей своей
Мы, любя, не находим предмета;
Когда свет есть «пустыня людей», —
Чего ждать нам от этого света?
    Когда жить у нас значит страдать, —
    Нам в насущном чего ожидать!

3

Сам придумав для жизни оковы,
Человек себя спутал, связал
И все ложные жизни основы
Укреплял, сохранял, подтверждал;
Простоту ее спрятав глубоко,
Всё живое обрядом убив,
Он, в семействе людей одинокий,
И любви прирожденный порыв,
    И природы могучей воззванья
    Заглушает в угоду преданья...

4

И возможно ль нам думать с тобой
О довольстве, покое, о счастье!
Мы покоем назвали застой,
А довольством — дрему иль бесстрастье...
Но в прямое ты счастие верь,
Что порой нам мелькает мгновеньем;
Открываем ко благу мы дверь
Нашим горем другим поколеньям...
Подожди, подожди, подожди:
Золотые века впереди!

1849

123. ПОКОЛЕНИЮ

Как распял ветхий мир божественное слово
И в человеке был людьми не признан бог, —
О, дети лучшие колена молодого,
И вас меж ближними никто признать не мог!..

И братья, и отцы, живущие преданьем,
В себе убивши мысль от юношеских лет,
За благо воздают вам тягостным страданьем
И равнодушием вам платят за привет.

От застарелых уз им отрешиться больно,
Как псу, привыкшему на привязи ходить,
Который уязвит, в бессмыслии, невольно
Того, кто б захотел его освободить...

Мужайтесь! Пусть зовут они крамолой злою
Порывы страстные возвышенной любви
И называют мысль — ребяческой мечтою,
А пыл сердечных чувств — волнением в крови.

Пусть, как апостолу, в минуту истомленья,
В минуту слабости, вам петел пропоет:
Раскаянья слеза вам будет в облегченье
И к новым подвигам вас мощно воззовет, —

И ваши тайные невидимые слезы
Польют сокрытые блаженства семена;
Для мира вырастут из ваших терний розы,
И ваша мысль всплывет нетленна и ясна.

1848

124. ПЕСНЯ ПРОМЕТЕЯ

Я любимое чадо природы,
Я опасный соперник богов, —
И за дар благодатной свободы
Я поспорить с богами готов.

Говорят: широко мирозданье,
Человек же ничтожен и мал, —
Но гордись человека названьем
Ты, кто мыслил, любил и страдал...
И пустыней какой безысходной
Без тебя показался бы мир,
И какой красотою бесплодной
Пламенел бы лучистый эфир,
И бессмысленной, грустной громадой
В его свете земля бы плыла,
И тогда бы она не отрадой,
Но укором Зевесу была...

Говорят, что пространством и силой
Незаметно ты в мире закрыт,
Говорят, что ты скован могилой
И нуждой, как младенец, повит...
Но настанут века золотые:
Ты их мыслью своей призовешь,
И добра семена дорогие
Своей кровью обильно польешь,
И все силы души и природы
Покоришь себе, новый Зевес,
Создашь новое солнце свободы, —
И два солнца засветят с небес.

1848

125. СОВРЕМЕННАЯ ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

1

В нашем духе много воли,
Сердце пламени полно...
Мы желаем лучшей доли, —
Лучшей доли не дано!..

2

И история от века
Не цепям ли обрекла
И свободу человека,
И высокие дела?

3

Чтó земля нам обещает!
Путь земной тяжел и пуст, —
И невольно вылетает
Стих проклятия из уст...

4

В нас подрыто утешенье,
Что нам небо суждено:
Небо, полное сомненья,
Безответно и темно...

5

Исчезают, как мечтанья,
Как предутренняя тьма,
Нашей веры упованья
В свете шаткого ума.

6

Но земля, хоть на мгновенье,
Всё ж красою расцвела
Для неправд и наслажденья
Торжествующего зла.

7

Мы гнушалися пороком,
Страстны к доблестным делам;
О прекрасном и высоком
За скамьей твердили нам...

8

Жизнь высокого не знала,
Школьных истин невзлюбив,
И с насмешкой нас карала
За один к нему порыв.

9

Измельчали мы постыдно;
Чувство правое губя,
Ложным холодом обидно
Мы клевещем на себя...

10

Евы розовые дети!
В вашей страсти нет любви:
Всё в ней призрак, бред иль сети,
Прихоть жизни, жар в крови...

11

Грустно! .. Пусть не раздается
Песня скорбная моя:
Нашим песням посмеется
Внуков юная семья.

12

Пусть в тумане опьяненья
Голова моя горит...
Жажду я самозабвенья, —
Луч блаженства в нем сокрыт.

1843

126. ПРИЗНАНИЕ ПРОРОКА

Я шел тернистою дорогой
На тяжком жизненном пути
С сумою странника убогой, —
И было трудно мне идти...
Приотдохнуть я сел, усталый,
На каменистой крутизне,
И всё, что горького бывало,
Что сердце больно уязвляло,
Невольно вспомнилося мне.
Путем израненный колючим,
На язвы ног больных смотрел,
То голодом, то жаждой мучим,
Пустыню дикую я зрел...
Но поднял взор... из отдаленья
Меня роскошный город звал.
Свой блеск, красу и наслажденья,
Все легкой жизни обольщенья
Мне, изумленному, казал,
И глас таинственный шептал:

«О, презри подвиг горделивый,
Оставь сомнительный твой путь,
Мечтанья юности кичливой
Ты, искусившись, позабудь...
Поверь, — иная есть дорога,
И всё там ясно впереди,
На ней цветов роскошных много:
По ней, чуждаясь мысли строгой,
Своекорыстно ты иди...»

Душой я долго колебался,
В раздумьи долго я стоял,
Но обольщеньям не поддался,
И прежний посох в руку взял,
И вышел твердою стопою...

Отыди, льстивый сатана!
Мне доля высшая судьбою
В венце терновом суждена...
И мирт, и роза молодая,

Прохладою благоухая,
Мой путь угрюмый обовьют:
По нем, меня благословляя,
Другие радостно пойдут...

27 августа 1845

127. СОЛНЦУ

(Памяти кн. А. И. М.)

О, горячее сердце вселенной!
О, исток всеобъятной любви!
Умоляю душой умиленной:
Человека ты к ней воззови...

И своей непреложной любовью
Обличи его, солнце, тогда,
Что не духом он любит, а кровью,
И что он не любил никогда...

Но ты, солнце, в любви неизменно:
Оттого-то и ясен твой свет,
Оттого ты в средине вселенной,
Оттого тебя славит поэт!

И, равно согревая лучами
Облачко, и червя, и цветы,
Ты блюдешь, будто матерь, над нами,
И нас любишь, нелюбящих, ты.

Проникая от выси эфира
И до бездн преисподних земли,
Озари ты мне истины мира
И мне душу мою просветли!

Для всего твои блага безмерны...
Я молю изъязвленной душой:
Дай сознать мне душевные скверны,
Дай младенческий сердцу покой!..

Нет! Ко счастью, и к лону покоя,
И к всезнанью меня не зови...
Дай мне высшее благо иное:
Научи меня только любви!

1853

128. СВЕТ

Светлая ночь заменила
Ясный безоблачный день:
Все загорелись светила, —
В роскоши света теряется тень...
Царство гармонии вечной,
Разума всюду черты,
Жизни размер бесконечный,
Неувядаемый лик красоты —
Мир и его совершенства
Просятся в душу мою...
Что ж я далек от блаженства?
Что же я грустные песни пою?..

О миродержец! Так долго и много
С тьмою духовною боремся мы,
Жизни во мраке запала дорога,
Все наши грустные песни от тьмы.

Щедрую долю духовного света
Каждому смертному ты ниспошли:
Будут и радостны песни поэта,
Будут и счастливы дети земли...

1852

129. ИРОНИЯ

Не гляди на него простодушно,
Прямотою сердечной любя:
Свет, поверьям отжившим послушный,
Оклевещет безумно тебя!

Он давно уж и хил, и увечен,
Как больной и брюзгливый старик,
Но презреньем еще не отмечен,
И опасен еще его крик...

Схорони ж благородные чувства
От насмешливых взоров людей,
Как художник созданья искусства
От непризванных прячет судей.

Притворись, если хочешь счастливо
Ты в семействе людей погостить:
Будь, обдумав, резва и стыдлива,
И умей по расчету любить.

Не высказывай чувств треволненья,
Но, послушное сердце скрепя,
Подавляй их в начале рожденья, —
И, поверь, не осудят тебя!

1843

130. БУДУЩЕЕ

(Посвя⟨щается⟩ М. П. К⟨орниловой⟩)

Мучимый жаждой от зноя,
Странник в пустыне блуждал,
Тщетно оазис покоя
Взором усталым искал...
Вот у себя под ногами
Видит он: легким стеблем,
Мелкими зелень листками
Чуть вознеслась над песком;
Возле нее полосою
Мокрый песок пролегал.
Долго с отрадой немою
Путник пред нею стоял...
Годы пройдут, — разрастется
Зелень в широкую сень,

Светлый ручей разольется:
Будет вода здесь и тень...

Други! отрите же слезы,
В сердце убейте печаль:
Миру эдемские розы
Кажет грядущего даль!..
Верьте, — нам счастье от века
В думе творца суждено;
Время и мысль человека
Скажут, где скрыто оно.
Бедны для нас наслажденья,
Счастье возможно как миг, —
Верьте ж, — такое мгновенье
Будет вся жизнь для других!

1849

131. ПУТЕШЕСТВИЕ В ГРЕЦИЮ

В слезах любви на жребий свой ропщу я:
Мне не сойти в Пирее с корабля...
Нет, никогда тебя не посещу я,
Любимая души моей земля!

Мне не слыхать, как море вечно стонет
Над вечною могилою твоей;
Мой жадный взор, покоясь, не потонет
В разливе гор и голубых зыбей.

Где плещется бушующая влага
И говорит о лучших временах,
Я не склонюсь на мрамор саркофага —
Величия почиющего прах...

Исток живой и колыбель искусства,
Откуда свет познания возник,
Где облеклось в прекрасный образ чувство
И истина нашла себе язык!

О, если б ветр, с земли Гиперборейской
К тебе летя на крыльях снеговых,

Мог передать на пристани Пирейской
Глубокий стон и капли слез моих...

Да изольют они перед тобою
Те жалобы, ту скорбь души моей,
Что увлеклось неправою стезею
Заблудшее искусство наших дней.

Приковано к вседневности бесцветной
Оно рукой непризванных жрецов,
И движет их не идеал заветный,
Случайности и времени рабов...

И взглядом их искажена природа,
Иль кажет им недолжное она;
В нем клевета на жизнь и дух народа, —
Болезнь творцов в творениях видна...

И дальше дня они не прозревают,
Текущего пред ними без следа,
И ложь его, и мелочь возрождают
В создании гниющего плода...

А кто их путь оставил безобразный,
Как истый жрец предстал пред Красотой, —
То тешится над ним невежда праздный
И приговор свой пишет площадной.

1853

132. ПЕСНЯ ВЕКА

Гибнет чувство мое одинокое
    Безотзывно, бездольно, безродно!
Впереди пустота лишь глубокая...
    Наша мысль высока, но бесплодна.

Обреклись мы глядеть на мучения,
    На неправды семейства людского,
Не подавши руки облегчения,
    Не сказав ему вещего слова;

Между тем, как гниет под преданием
Неразумная жизнь человека;
Обновясь только новым страданием,
Она в век переходит из века.

Переполнены силою страстною,
Пожираемы жадно любовью,
Истомимся мы жертвой напрасною,
За людей не прольемся мы кровью...

Не волнуйся ж, душа многодумная,
И в безгрезной дремоте разлейся!
Замолчи, мое сердце безумное,
Замолчи навсегда... иль разбейся!

1848

133

Когда давно с креста изречено прощенье, —
Роптать ли нам и мстить своим врагам?
Грехи уж приняли с Голгофы отпущенье,
И их судить не нам, и их карать не нам...
Зачем, не снисходя к врагам, их ненавидеть,
Когда они не знают, что творят...
О братья! не дерзнем мы никого обидеть,
И об одной любви уста пусть говорят...
Поверьте, в зле своем те люди невиновны, —
Затем что человек несовершен душой;
Они в том праведны, в чем много мы греховны,
Отпустим же грехи взаимно меж собой...
С невольным злом людей, о, примиритесь, братья!
Еще во тьме и в детстве человек:
Созреет мыслью он — и примут нас в объятья
Добро, любовь и мир на нескончанный век;
И райские плоды божественного знанья
Всем поровну разделятся тогда;
Блаженство дастся всем, и никому — страданье...
Настанет царствие желанное Христа.

1848

134. ЖЕЛАНЬЕ

Чуждо совершенства
Нашей жизни зданье:
Цель ее — блаженство,
А она — страданье.

Всё в ней пропадает,
Всё, что так прекрасно,
Только зло всплывает
В наготе ужасной.

В этом звучном море
Сродного нет звука;
В сон исходит горе,
Страсти вторит мука.

Счастьем не согрета
Ни одна минута,
Мысли нет привета,
Чувству нет приюта...

Пусть же хрупкой чашей
Эта ложь прольется:
Хаос жизни нашей
В стройность разовьется.

15 декабря 1848

135. МИНЬЙОНЕ

Порой в томленьи изнеможет
Душа скорбящая моя,
Сознавши то, что сердце гложет,
Чем отравлён, чем болен я —
Пороки, горе, нестроенье
Семьи враждующей людей,
И слепоту, и извращенье
Любимой братии моей;
Когда устану — чадо века —
Хаос житейский созерцать,

Следить в прошедшем человека,
По нем о будущем гадать, —
Нежданно райское мгновенье
Меня крылом приосенит,
Прольет мне в душу обновленье
И новым светом озарит:
Клонюсь я от борьбы жестокой,
Как в лоно свежее зыбей,
К груди подруги светлоокой,
Малютки розовой моей...
И мне опять, как в дни былые,
Средь обаянья красоты,
Картины видятся иные,
Иные грезятся мечты.
Вся полнота любви всемирной
В ее очах проведена,
И простотою жизни мирной
Так свято теплится она,
Что я люблю, но не страдаю:
У вещих звезд ее очей
Я луч грядущий уловляю
И веру в будущность людей.
Ее слезы безгрешной влага
Смывает мысль о всяком зле...
Я жду и стройности, и блага,
Когда любовь есть на земле.

1854

136. СЛОВО ЮНОШЕ

Пока ты юн, — и речью правой
Твои украшены уста,
И чист твой помысл нелукавый —
А в нем Добро и Красота...
Потом, при мысли примиренья
С необходимым жизни злом,
Ты ограничишь их значенье,
С наукой опыта знаком.
Ты в ряд войдешь своекорыстных —
Небратий братии твоей,

И позабудешь раны присных
И участь будущих людей...

Но знай вперед, что примиренье,
Как сна исполненная тьма,
Коснеть заставит поколенье
Во имя здравого ума,
И стань навек под стяг благого
Противу ложного всего, —
И да прозябнет это слово
На ниве сердца твоего.

1856

137. ОПРАВДАНИЕ

Наш век и наше поколенье
Безмолвно сносят клевету
Незаслуженного презренья
И громких браней пустоту.
Оно безмолвствует, но знает,
Что мысль живая скрыта в нем,
Что нас потомство оправдает
Своим торжественным судом;
Что суд не видит современный
Ни слез подавленных, ни мук,
Ни мысли с болью сокровенной,
Ни скованных судьбою рук...

Но мы к блаженству возрожденья
Ступеней нужною легли,
Чтоб мира тяжкие движенья
По ней вперед от нестроенья
К грядущей стройности пошли...
И ту ступень, где отряхали,
Не замечая, прах от ног,
Когда во храм по ней вступали,
Превыше звезд поставит бог.

1848

138. БОЛЕЗНЬ

(Н. Д. Х⟨вощинской⟩)

Мы счастливы не будем никогда,
И нет в душе у нас задатков счастья,
Всегда больной, исполненной всегда
Тревог и дум, вопросов и участья!

Чтоб в нашу мысль и в сердце не зайти,
Пред нами ничего не йдет мимо...
Нам тяжело на жизненном пути, —
Страдаем мы неведомо, незримо...

И счастие возможно ли, друзья,
Провидящим денницу идеала,
Тем, чья душа в пустыне бытия
Тоской любви напрасно изнывала...

И грустно нам за тысячи людей,
В невежестве погрязших без сознанья,
Усвоивших, в недвижности своей,
Потребность тьмы, неволи и страданья...

Подавлены издревле в нас судьбой
Духовные сокровища и силы,
Мы брошены, как богатырь живой,
В глубокий склеп удушливой могилы.

Для лучшего нам время не пришло,
А то, что есть, толпе необходимо, —
Твердит наш ум... но сердцу тяжело:
Законность зла ему невыносима!

И помним мы в веселии бесед,
На ложе нег, довольства, пресыщений,
Что в каждый миг свершилось столько бед,
Пролито слез, изведано мучений!..

Нет! счастлив я не буду никогда.
Недугом я томительным болею...

Мы все больны и гаснем без следа
С любовию непрошеной своею.

В наш ранний век, и безотрадный век,
С той истиной пора бы примириться,
Что в нем здоров пустой лишь человек
И болен всяк, кто мыслью просветлится.

1853

139. ПОЭТ

На служение мысли высокой,
На служение правде я взрос;
Но кинжал ее спрятал глубоко
Между веткою миртов и роз...

И, в руке с этой веткой душистой,
Как Гармодий, я в мир выхожу, —
Красотой ее мирной и чистой
Я неправду и зло поражу.

Эта битва без крови и гнева, —
Наслаждением дышит она:
Ей причастны и старец, и дева,
И младенец, и муж, и жена.

Тем велико твое назначенье
Между братий, поэт-гражданин,
Что без терний свое поученье
Насадить ты способен один!

И ты каждое дело и чувство
Обреки на добро и осмысль...
Твоя ветка — созданье искусства,
А кинжал твой — правдивая мысль.

1852

140. СМЕРТЬ ВЕСНЫ

Появилась она, расцветая,
И в расцвете своем умерла...
Ты блаженна, весна молодая:
После юности ты не жила!

Похоронную песнь тебе страстно
Соловей, твой любовник, пропел,
И оставил он всё безучастно:
Он со смертью твоей отлетел;

И роса, как прощальные слезы,
Трепетала на злаках полей, —
А в тот миг перволетние розы
Зацвели на могиле твоей...

Горячо поколение наше
Позавидует смерти такой:
Сопричастны мы жизненной чаше
Только юности пылкой порой...

Нам бы тоже угаснуть с весною,
Нам и жить только можно в весне:
Ведь за нею обычной чредою
Потекут наши дни в полусне.

Не для нас эти доблести лета
И высокие цели трудов!
К нам и осень придет без привета,
Без венка, без кошницы плодов.

Нам грядущая доля известна;
Наша кровь никому не нужна,
Да и жертва за мысль неуместна,
Да и ранняя доблесть вредна...

Умереть бы нам, други, весною:
Ничего не осталось для нас,
Кроме сказанных с желчью больною,
Отрицанья исполненных фраз.

1859

141. БАЛЬНЫЕ ГРЕЗЫ

(Октавы)

(Посвящено А. Ф. К⟨овалевской⟩)

1

Всегда я лишний гость на вашем светском бале,
И тьмою кажется мне ваш блестящий свет...
Давно гремел оркестр в благоуханной зале,
Облитой блеском люстр, брильянтов, эполет.
Лишь я да милая моя не разделяли
Веселья общего: у нас был свой предмет,
Свой теплый разговор, исполненный отрады,
И невниманию других мы были рады...

2

Но я расстался с ней: она, увлечена
Паркетным рыцарем, смешалася с толпою;
Ей не сочувствуя, она была одна,
Остался я один в беседе сам с собою.
Мелькая предо мной, скрывалася она...
Из залы вышел я с холодною тоскою;
Покоев и гостей минуя длинный строй,
Вошел я наконец в незанятый покой...

3

В окно широкое передо мной открыты
Ряды роскошных дач, средь зелени садов,
Лучами месяца таинственно облиты,
А городской погост мне кажет лес крестов;
У мраморов гробниц березы да ракиты,
Как тени легкие встающих мертвецов...
Мой взор задумчивый на нем остановился,
И нечувствительно я в грезы погрузился.

4

В могиле я лежу, заброшенный землей,
Забытый, как и все, незнаемый своими,
Проносится метель свободно надо мной,
И ветер спор ведет с березами моими...
Невыносим мне мой безжизненный покой:
Я вышел бы страдать с собратьями живыми
И им завидовать, смотря на их борьбу,
На вековечную тяжелую судьбу.

5

Морозно и темно в могиле безответной, —
А там, в палатах, пир и музыка гремит,
Часы в веселии проходят незаметно,
И жизни дифирамб торжественно звучит;
Ведется разговор с улыбкою приветной, —
И старость с юностью, как юность, говорит...
Зачем я не живу, зачем теперь не с ними,
Зачем не слышен я меж братьями моими!

6

Там милая моя, цветущая красой,
Пленяет музыкой речей своих другого,
О прошлом говорит с сердечной полнотой,
Но обо мне одном в помине нет ни слова...
Иль, может быть, она, осеннею порой,
Колени преклонив у праха дорогого,
Слезой животворит могильный мой цветок...
О, если б я тогда откликнуться ей мог!

7

И все заветные души моей стремленья,
О чем я только смел когда-то помечтать,
Нежданно облеклись в венец осуществленья, —
Что вянуло в мой век, о чем я мог страдать,

То будет, укрепясь в роскошном обновленьи,
Свои плоды другим обильно расточать...
А я не чувствую, а я в могиле тлею.
И их приветствовать я силы не имею!

8

Но эти образы, мелькнувши предо мной,
Уже заслонены картиною иною —
Невежд бессмысленных сияющей толпой,
Ласкаемых в наш век их старческой судьбою, —
А разум с знанием и силой молодой
Во прах повержены под дряхлой их стопою,
И задыхается в вертепах нищеты
Всё полное надежд, добра и красоты.

9

Я вижу в этот час прозревшими глазами,
Чем перлы куплены красавиц молодых:
Мне кажутся они застывшими слезами,
Пролитыми в трудах работавших на них.
Вы осветили пир свой яркими огнями,
Отняв последний свет у слабых и меньших,
И в каждом музыки ласкающем мотиве
Я слышу скрип серпа и плач детей на ниве.

10

Своекорыстием всё дышит и живет,
Всяк, заблуждением обманут, веселится,
Проматывая жизнь, какой-то жизни ждет...
О, если бы я мог нежданно к ним явиться,
Чтоб их веселие нарушил мой приход,
Чтоб истиной могил с живыми поделиться,
От сердца скорбного с одними говорить,
Других насмешкою презрительной язвить...

11

Нет! Наслаждайтесь все в своем житейском пире,
Есть счастье и в труде, и в мысли, и в борьбе,
Везде разлита жизнь в прекрасном вашем мире,
И тайна, скрытая от вас в моей судьбе,
Вам не откроется ни в помыслах, ни в лире,
Я вашего сюда не захватил себе, —
И даже зависть к вам меня не утешает,
Что вас, ликующих, мой жребий ожидает.

12

И много я грустил, и долго я мечтал,
А время за полночь тянулось полусонно,
И шумно, как всегда, оканчивался бал.
Мне веяло в лицо прохладой благовонной;
Звук бальной музыки в покой мой долетал,
Но он звучал как марш печально-похоронный
Тому, кто чувствует и мыслию живет,
Чей рвется к доблестям окованный полет.

1856

142. ТОСТЫ

«Пьем мы за истину, доблесть и знанье,
За человека святое призванье...
Пей же: твой кубок заздравный готов...»
— «Нет! я не выпью из кубка рабов!..»

«Пьем за надежды свои молодые
И за предания славы родные...
Пей же: твой кубок заздравный готов...»
— «Нет! я не выпью из кубка рабов!..»

«За красоту, за любовь и за благо
Да напоит нас отрадная влага...
Пей же: твой кубок заздравный готов».
— «Нет! я не выпью из кубка рабов!»

«Знаем, — рабы твою жизнь отравляли,
Знаем, — рабы твою песнь оскорбляли...
Пей хоть на гибель презренных врагов».
— «Нет! я не выпью из кубка рабов!

Духу с закваскою рабства гнилого
Только возможны лишь чувство да слово:
Дела бежит он, как новых оков...
Нет! я не выпью из кубка рабов!

Все мы рабы своей личности бедной;
С поля сойдем мы без пальмы победной:
Всяк отступить пред собою готов...
Нет! я не выпью из кубка рабов!»

1855

143. HÔTEL „LA SIRENA“[1] В СОРРЕНТО

Здесь текут стихи природы
Моря звучною волной;
Пенясь, силою свободы
Дышит ритм их рассыпной.

Я стыжусь стиха людского:
Притаясь в душе моей,
Он сознал, как бедно слово
Пред глаголами зыбей.

В их стихах мой слух ласкала
Рифма — небо и земля;
Их цезура рассекала
Острой грудью корабля.

Воздух, созданный цветами
В померанцевых садах,
Те стихи читал пред нами
И по виллам, и в горах...

И внимали им, смолкая,
Судьи лучшие стихов —
Соловьи земного рая,
Соррентинских берегов...

---

[1] Отель «Сирена» (франц., итал.). — *Ред.*

Но и здесь родной России
Отдал я себя всего:
Снятся мне стихи иные —
Строй народа моего.

Песня Волги удалая
Мне и здесь слышна в волнах,
Вижу снег родного края
В Калабрийских высотах...

Здравствуй, мой земляк холодный!
Как тебя в отчизну роз
Ветер с севера свободный
На крылах своих занес?..

Что ж он, весел, наш питалец,
Пережив свой тяжкий рок,
Искони многострадалец,
Святорусский мужичок?..

Ты, здесь глядя на оливы,
Вспоминаешь ли, как я,
Наши пажити и нивы —
Безрубежные поля,

Ширь и глубь души народной,
То грядущего зерно,
Что надеждой благородной
Нам в сердца заронено?..

Снег! Быть может, в край родимый,
В стае южных облаков,
Занесешься ты, гонимый
Мощной прихотью ветров, —

Благодатью дождевою
Там пади на зеленя,
И снеси поклон с собою
Русским людям от меня...

6—8 мая 1861
Неаполь

Въ Неаполь.

Hôtel „La Sirena"
~~въ Сорренто~~

Здѣсь текутъ стихи природы
Моря звучною волной;
~~[illegible] свободы~~
[illegible] разныхъ
[illegible]
Я стыжусь стиха людского:
~~Я замолкну [illegible]~~
~~Притаясь въ груди [illegible]~~

— Нищіе омерзельно надоѣдаютъ: нельзя никуда носу показать:

144. НА ОСТРОВЕ

Еще так крепко здесь обычное преданье,
Еще торжественно царит здесь старый мир,
Свободен и могуч, пример и указанье,
Поставленный себе народами в кумир...
Он всё определил, исчислил и размерил;
Его насущное по нем и так умно,
Что осмеют того, кто б дерзко не поверил,
Что жизнию такой и всем бы жить должно...
Без сердца начертал он счастия пределы,
Границы угадал возможного с мечтой;
К известному вперед его движенья смелы, —
В самодовольствии гордится он собой...

Но детям юного и бедного народа,
Случайно брошенным к тебе на берега,
Не по сердцу твоя угрюмая свобода, —
Нам жизнь твоя скучна, противна и узка...
Иль в хаосе у нас, средь варварского пира,
Средь безобразием кишащей полутьмы,
В зачатке носится ядро иного мира,
И свет над бездною уж будто видим мы?
Иль жить потребно нам привольнее и шире,
В разделе общем благ, в гармонии страстей?..
Иль будем у себя мы только в новом мире,
Меж обновившихся о истине людей?

22 июля — 4 августа 1861
Лондон

145. ГЛАДИАТОРУ В КАПИТОЛИИ

Я узнаю в тебе черты родные,
Я узнаю славянские черты;
Веревкою твоя обвита выя,
Задумчиво томишься смертью ты...

Скажи, зачем так бодро умирали
И билися родные племена?
Какую мысль собою отстояли,
Посеяли какие семена?..

Но понял ты, что бились мы напрасно,
Что были мы всегда оружием врагов,
Одарены и силой духа страстной,
И силой мышц для доблестных бойцов.

Ты говоришь славянскому народу,
Пред смертию, свой мраморный завет:
Познай свою духовную природу,
О богатырь, проспавший столько лет!

Повей на мир ты мыслью живоносной,
Таящейся зародышем в тебе,
Предстань врагом ты всякой жизни косной,
Не отступай за истину в борьбе...

Твоя рука, и песнь твоя, и слово
Способны мир собою освежить;
Приять тебя в собратья всё готово,
Всё просится иною жизнью жить.

14 мая 1861
Рим

146. ЛЕТО НА ОСТРОВЕ УАЙТЕ

Я б с тоски бежал отсюда,
Если б здесь мне моря шум,
Резкий дождик, бьющий в стекла,
Не дарили прежних дум.

Ветра вой, и гул, и взвизги,
Да лучи сквозь сумрак дня
Здесь, в Британии далекой,
Тем отрадны для меня,

Что в смешеньи этих звуков,
Под туманом я живу,
Убаюканный природой,
Грежу Русью наяву...

Лишь они мне здесь родные,
Лишь от них мне есть привет:
Я в них вижу много, много
Русской осени примет,

Что хандру мне наводила
Темной ночью, серым днем,
Что мне раны растравляла
В сердце страждущем моем;

А теперь, и в пору лета,
И в отзвучиях своих,
Льет елей на раны сердца,
Умягчая боли их...

7 июля 1861
Вентнор

147. ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

Нас Запад встречает приветно,
А Север угрюмо глядит,
И всё в нем, что сердцу заветно,
На наше прощанье молчит...

Но верить ли ласкам чужбины?..
Иль искренен холод родной?..
Мы чуем — под толщею льдины
Источник кипит теплотой.

Нас ждут впереди водопады
И яхонт прозрачный небес,
Стату́и, колонны, аркады
И лавров классических лес;

Но Русь разметалась без меры,
Пространством все дивы закрыв,
В чем видим мы, полные веры,
Таинственной мысли разлив.

Там много духовного хлеба,
Как озимь, сокрыто в земле;

Там хмурое тучами небо
И хмуро от дум на челе...

От многой ли, давней кручины
В снегах поседела она,
Достойная высшей судьбины,
Непонята в мире одна?..

Но вот уж завеса тумана
Скрывает родимый наш край:
Прощай, снеговая поляна,
Родная березка, прощай!

14 марта 1861
Берлин

148. В ТРИБУНЕ

Моя русая коса —
Всему городу краса.
Русская народная песня

Я много счастлив тем, что с светлым умиленьем,
И сердце освежив здоровым обновленьем,
Вздохнул хоть раз один свободною душой
Пред этой девственной кумира чистотой...

Не тот ли смертный мог сей образ вечно милый
Создать, как женщины грядущей идеал,
Кто всей духовною потребностью и силой
Одной лишь красоты от жизни пожелал?
Здесь суетное всё слагаешь у порога,
Где нет прошедшего и будущего нет,
А счастия, тебе неведомого, много,
Как будто ты обрел какой-то новый свет...
Но и в обители искусства Елизейской,
Пред этой лучшею Флоренции красой,
У славной статуи богини Медичейской,
Нежданно о тебе я вспомнил, край родной!..
Пусть от него меня, как бездной, разделяет
Пространств, морей и гор разлившаяся даль:

Я слышу, — песнями народ там оглашает
Свой безустанный труд, разгулье и печаль!
Там в поле девица, рукою загоревшей
На солнце поводя сияющим серпом,
В волнах зыбучих ржи, как золото, созревшей,
Поет о красоте под тягостным трудом.

И здесь, на статую взирая молчаливо,
Я песне жницы той сочувствую правдиво,
Поющей на Руси, что женская коса
Есть городу всему гордыня и краса...

1861
Флоренция

149. СИМПЛОНСКАЯ ДОРОГА

Все эти бездны да обвалы,
Снега, потоки, водопад
Да серые нагие скалы
Мне в душу холодно глядят.
Курятся горы облаками,
Курится ими тощий лес;
Где-где бесцветными клочками
Лишь видны полосы небес.
Смешенье нищеты с величьем
Повсюду царствует в горах...
Безлюдно: разве с зобом птичьим
Девчонку видишь при овцах,
Да горный камушек цветистый
Убогий мальчик продает,
Да домик бедненький, но чистый
Из-за утеса промелькнет...

Узка кремнистая дорога,
Виясь над бездной, как змея:
С ней подымаюсь в область бога
И в пропасти спускаюсь я...
Но свет мгновенно исчезает,
Глубокий мрак разлит в очах:
То веттурин мой проезжает
Подвал, прорубленный в скалах...

И вновь на свет, на холод снежный,
И вновь я слышу хоровод
Однообразный, мелкобежный
По камням прыгающих вод...

Я в Альпы так зашел высоко, —
Когда б не туч, не сосен строй,
Кажись, из моего далека
Возмог бы видеть край родной;
И мне казали сосны эти
К своим поволжским сестрам путь, —
Да и пора в родимой клети
От дальних странствий отдохнуть!
Ведь нам уж с родины делами
И трезвой мыслью понесло...
Нам холодно за облаками,
А на земле у нас тепло!

7 июня 1861
Бриг, в Швейцарии

150. БЕЛЬВЕДЕР

По Ватиканским галереям,
Путем гробниц к нему я шел:
Там торжество над древним змеем —
Нам провещательный глагол...
И я увидел Аполлона,
С победой светлой на челе,
Уж поразившего Пифона
В болотной тине и во мгле...
Не наше ль впереди блаженство
В его рисуется чертах,
Не мысли ль нашей совершенство,
Не зло ль, поверженное в прах?
Нам этот мрамор указует
Людей грядущую судьбу:
Как свет над тьмой восторжествует,
Пройдя сквозь долгую борьбу.

Во мне, я слышал, как целилась
Болезнь отчаянья людей,

Как даль яснее становилась
Под тяготою наших дней;
И хоть порыв к труду сильнее,
Душимый жизнью, вопиял,
Хоть чувство русское больнее
В крови я сердца ощущал, —
Но всё же вспомню я порою,
Страдая от житейских ран,
Что с облегченною душою
Тебя оставил, Ватикан! ..

18 мая 1861
Рим

151. В УЕДИНЕНИИ

Мне душно в городе, мне больно меж людей:
Спешу я подышать на персях у природы
Красою девственной нетоптанных полей
    И воздухом незнаемой свободы.

Приветливо бежит покорною волной,
Чтоб освежить меня, привольная стихия;
А небо вешнее прохладной пеленой
    Раскинуло, ласкаясь, надо мной
    И радуги, и тучки золотые.

Здесь сердце, умирясь, вкушает тишину,
Лишь созерцанию бесстрастному послушно, —
Готов отдаться я младенческому сну...
    Но здесь опять мне тяжело и душно:

Я вижу, счастия желаемого нет
Моей душе и здесь, в тиши уединенья
И в себялюбии, вдали от общих бед,
    От вечного всемирного движенья...

Иль сердцу русскому не разорвать связе́й
С вошедшей в дух и кровь родимой стороною?
Вдали от родины мы чувствуем сильней
    Все тяготы насущных наших дней
    С их новою, пророческой тоскою...

Разноголосица непризванных умов,
Нестройность шатких дел без мысли и без знанья,
Иль дело мнимое в шумихе звонких слов
И пустоцвет из почвы отрицанья:

То к росту нашему, то в назиданье нам,
То гной, пробившийся от прежних заблуждений, —
Да примем должное мы по своим грехам,
Средь новых дум, в пылу иных стремлений.

Провиденья души рисуют предо мной
Богатства наших сил и наш размах желаний,
И Руси будущей своеобразный строй,
И мысль ее без детских подражаний.

Сирены озера и нимфы-островки,
Вся эта светлая природа и искусство,
Не усыпят во мне тревог моей тоски
И матерью взлелеянного чувства...

О, как бы я хотел отсюда убежать
И к братьям кинуться в объятья со слезами,
Их небом пасмурным и вьюгами дышать,
Глухими их страданьями страдать
И петь о них сострастными стихами!

⟨1843⟩, 1861
Вилла у Лаго Маджиоре

152. ПЕСНЯ РАТНИКАМ МОСКОВСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

1

«Дело земское», ребята!
С этим словом мы вперед...
Дядя Миныч с ним когда-то
Наш отстаивал народ...

И двенадцатого года
Вам расскажут старики,
Как нашла на нас невзгода, —
Бились наши мужики.

Все мы любим Русь святую...
Любо русскому стократ,
Что за земщину родную
Рати земские стоят...

Скажем вам мирскою сходкой:
С богом, божий мужичок,
Бейся, русая бородка,
Ратуй, серый армячок!

2

Знать, господь судил омыться
Людям в пламени, в крови,
Чтобы вновь им народиться
К жизни правды и любви,

Да вседумно отдадимся
Сил врожденных полноте,
И умами просветлимся
В чистой сердца простоте,

Да, скрижалям долга верны,
В обновленья славный час
С корнем мы изымем скверны
И все плевелы от нас...

И велико время это:
Им мы движемся, растем,
Бога мысли, бога света
К делу жизни призовем, —

И пошлет он нам строенье,
Правый суд и вещий глас,
И мечом миротворенья
Препояшет крепко нас...

Духа мудрого святыней
Буди, русская земля,
Им сияя над твердыней
Вековечного Кремля,

Озаряй твои народы,
К лучшей доле их зови,
Будь поборницей свободы
И подвижницей любви.

Август 1855

153. ВЕЛИКАЯ ПАНИХИДА
(Из Челяковского)

Не от ливня, не от града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлеба на поле:
То под матушкой Москвою,
По долам и по равнинам,
Много храбрых ратей русских
И французских полчищ много
Ко сырой земле приникло,
Переколотых, побитых
Палашами и штыками,
И дождем и пуль и ядер...

Дети матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радельцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы души положили
За народ свой и за землю,
В память вечную вам, братья,
Мы отпели панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свете
И не слыхано доныне!..

Но за всех вас, славно павших,
Свеч у нас недоставало,
Воску вдоволь не хватало:
И под небом — храмом божьим —
Мы зажгли, от всей России,
Лишь одну свечу большую —

Матушку Москву родную,
Чтобы та свеча горела
Вам за упокой душевный,
А врагам на посрамленье.

⟨1864⟩

154. ЙОВО И МАРА

(Сербская народная поэма[1])

Двое милых, любясь, вырастали:
Юный Йово да девушка Мара,
С малолетства, от третьего года
Их увидишь — так радостно станет, —
Скажешь: это василек со тмином...
Умывались одною водою,
Утирались одним полотенцем,
Любо в очи друг другу глядели,
Будто солнце в глубокое море;
Пели песню одну вечерами,
Темной ночью один сон видали.
В пору Йове уж было жениться,
Можно было отдать Мару замуж.
Вырос Йово удал из удалых,
Красотою красивей девицы.
Мара... Слова для Мары не сыщешь!
И на свете такой не бывало!..
Не увидишь очей ее лучше,
Тоньше стана ее не найдется;
Миловидна, что горная вила[2],
А гибка-то, что ель молодая.
Год на Мару гляди — и всё мало...
Мало б веку любить эту Мару!
Как увидишь ее — заболеешь,
А посмотрит — так вылечит разом...
Но сироткой была наша Мара,
Йово ж был из богатого рода,
Не простого, господского рода.
Раз он Маре, вздохнувши, промолвил:

---

[1] См. ниже примечания к поэме.

«Так ли любишь меня, моя Мара,
Как люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвечала:
«Милый Йово, ты глаз мне дороже,
Завсегда ты на мыслях у Мары!
Как мать сына, ношу тебя в сердце. . .»

Их подслушал незаметный сторож,
Мать Йована [3] те слышала речи;
Злясь на Мару, сказала Йовану:
«Милый Йово, перо [4] дорогое!
Позабудь ты об этой девчонке. . .
Есть невеста и лучше, и краше:
То Фатима, *Атлагича злато*. . . [5]
Фата с детства взлелеяна в клетке,
И не знает, что солнце, что месяц;
Не видала, как хлеб зеленеет,
Не видала муравки на поле,
Не видала ни разу мужчины;
А к тому ж и богатого рода,
И в подмогу богатством сгодится. . .»

Отвечает тут матери Йово:
«Дорогая, бесценная *майко* [6]!
Заклинаю тебя я и небом,
Заклинаю тебя и землею:
Не разрозни ты милого с милой. . .
Не богатство серебро да злато,
А богатство, что дорого сердцу! . .»
Но не хочет и слушать старуха.

Рада б слышать слова эти Мара,
Но далеко от ней ее милый.
Мара плачет, а ветер разносит:
«Много тьмы есть у пасмурной ночи, —
Больше горя у Марицы [7] в сердце. . .
Уж известно, как молодцы любят:
Как ласкают — в любви уверяют,
Перестали — смеются с друзьями. . .
Не таков он, возлюбленный Йово,
Да уж, видно, такая мне доля! . .
Чуть запах мне цветок мой душистый —

И достался другой соколице...[8]
Свет мой, Йово, свет, жаркое солнце!
Ты лучисто меня осветило,
Да и скоро запало за гору...»
Мара плачет, а ветер разносит.

Одного всё наш держится Йово:
«Нет, ей-богу, моя мать родная,
Лучше смерть, чем жениться на Фате:
Сердце просит одну только Мару...»
Но не хочет и слушать старуха,
И не хочет высватывать Мары;
Поспешает к Атлагича злату;
Но Фатима[9], Атлагича злато,
Заклинает старуху святыми,
Чтоб не сватать ее за Йована:
«Неразумно, грешно и жестоко
Разлучать две души неразлучных,
Двух немилых заставить любиться».
Но не хочет и слушать старуха:
Заручила, кольцом обручила,
Малый срок им назначила к свадьбе,
Небольшой срок — одну лишь неделю,
И сзывает сватов к тому сроку.
Созвала их, пошла по невесту.
«Сын-кормилец, пойдем по невесту!
Мать Фатиму тебе заручила,
Заручила, кольцом обручила...»
Но не хочет послушаться Йово,
Остается в дому своем белом.

Мать без сына пошла со сватами,
К ней выходит Атлагича злато
И целует ей правую руку:
«Мать-старушка молодого Йовы!
Что за утро, как солнце не греет,
Что за ночь та, как месяц не светит,
Что за сваты, когда жениха нет!..»
Отвечает на это старуха:
«Заклинаю, Атлагича злато!
Не заботься о суженом Йове...
Он жених твой, а мой однокровный;

Здесь гора есть, в ней водятся вилы;
Между ними есть горная вила,
Та, что злато с коней выбивает,
А за сына, как мать, я боюся,
Чтобы вила его не убила,
Молодого, единого сына...»

Как въезжали на двор они к Йове,
Разом сваты с коней посходили,
Но не сходит Атлагича злато,
И сказала Фатиме старуха:
«Слезь, невестка моя дорогая!»
— «Нет, не слезу, ей-богу, не слезу,
Если лошадь мою он не примет
И не снимет с нее меня Йово!..»
И пошла мать к Йовану на вышку,
И так сыну она говорила:
«Сын-кормилец! Сойди ты отсюда,
Там ты примешь Атлагича злато».
Поднялся он, упал на колени,
Ублажает свою мать родную,
Точит слезы, как будто девица,
Точит слезы, рыдаючи, молвит:
«Не пойду я, ей-богу, родная!
В чем клялся я — будет тверже камня...»
Но и слушать не хочет старуха:
«Прокляну я и грудь, что вскормила
Мне такого негодного сына,
Если злато с коня ты не ссадишь!..»
Что ж тут делать, скажите, Йовану?
Встал он быстро на легкие ноги,
Отирает горючие слезы
И выходит поспешно к девице.
Он снимает с коня свое злато,
Он снимает и на землю ставит...
Не слыхали, сказал ли что Йово,
Не слыхали, сказала ль что Фата, —
Только стал полотна он белее,
Только Фата белей стала снега...

Был отправлен обряд по закону,
Вот и время садиться за ужин;

Чинно сваты за стол посадились,
Повели уж наверх новобрачных.
Села злато на мягки подушки,
Йово сел на узорную скриню[10].
Сам снял пояс и сам раздевался,
Сам он вешал оружье и платье,
Говорит сам и сам отвечает...
«Верно, скажет теперь мое злато:
Йово Фату-невесту целует,
Обо мне же теперь и не вспомнит...
Нет, не будет изменником Йово:
Легче с жизнью расстаться для Йовы!»

Это Фата и слышит — не слышит.
Точит слезы по щечке румяной:
«Боже правый! Накажи старуху,
Что двух милых она разлучила,
Двум немилым велела любиться...»
Это Йово и слышит — не слышит.

Завернулся плащом он широким,
Взял под плащ он тамбуру[11] с собою
И пошел под окно своей Мары.
Он ударил в певучие струны,
Заиграл, — и запел под тамбуру:
«Верно, скажет теперь моя Мара,
Что с невесты кафтан я снимаю...
Не снимал я, клянусь моей жизнью,
　　Клянусь жизнью моей и твоею!

Верно, скажет теперь моя Мара,
Что с невесты покров я снимаю...
Не снимал я, клянусь моей жизнью,
　　Клянусь жизнью моей и твоею!

Верно, скажет теперь моя Мара,
Что целую невесту я в щеку...
Не целую, клянусь моей жизнью,
　　Клянусь жизнью моей и твоею!
Нашей первой любовью клянусь я!
Можно солнцу упасть бы на землю,
　　Но не Йове сломить свою клятву...»

И под песню проснулася Мара:
«Роза пахнет, — то, верно, мой милый...
Роза пахнет, тамбура играет...»

Но к Фатиме пошел уже Йово.
Пала Мара в пуховы подушки:
«Сон, жестоко меня обманул ты!..
Сиротинку и сон обижает...»

Йово к Фате своей воротился,
Он ей поднял с лица покрывало:
Ярким солнцем лицо заблистало,
Черны очи — самоцветным камнем,
Черны очи, слез полные очи...
Тихо молвит Фатима-невеста:

«Покарай ты свекровь мою, боже,
Что двух милых она разлучила!»
Смотрит Йово на Фату-невесту,
Между глаз он невесту целует [12],
Говорит ей: «Душа моя, Фата!
Принеси мне чернил и бумаги:
Два-три слова хочу написать я,
Чтоб тебя не обидела майка».
Написал он письмо свое мелко
И промолвил Фатиме-невесте:

«Слушай, слушай, Атлагича злато!
Ни полслова до белого утра:
Пусть напьются вина твои братья,
Сестры вволю напляшутся в коло [13]
И докончит свои песни майка!..
С богом, злато! Будь навек счастлива!..»
Он, целуя меж глаз свою Фату,
К ней без жизни упал на колени,
Смотрит Фата — мертвец перед нею,
Горько плачет, но слова не молвит,
Промолчала до белого утра...
И тогда, как заря показалась,
День зажегся и солнышко встало,
Разбудить их хотела старуха,

И на вышку взошла к новобрачным,
И *пошмагом* [14] ударила в двери:
«Встань же, Йово, дитя дорогое!
Ведь уж солнце высоко на небе...»
Отворила ей двери Фатима,
Со слезами на личике белом.
Мать Йована сказала невестке:
«Пусть я плачу по нем без умолку!» [15]

Отвечает свекрови невестка:
«Не брани ты его, дорогая!
Уж вчера он оплакан тобою,
Как ты силой его обвенчала...
Вон он, Йово, — лежит уже мертвый!»
И старуха навзрыд зарыдала,
Зарыдала, проклиная Фату:
«Что, скажи мне, ты сделала сыну?..
Говори же... Будь проклята богом!..
Удушила за что ты Йована?..»
И Фатима в ответ ей сказала:
«Не кляни же, Йованова майко!..
Не сгубила твоего я сына, —
Я себя бы скорее сгубила...
Вот Йована письмо небольшое:
Для тебя мне его он оставил».
Мать Йована письмо то читает
И, читая, слезы проливает;
А в письме том написано было:
«Созови мне, родимая майко,
Созови мне носильщиков юных,
Неженатых носильщиков, юных,
Провожатых девиц, незамужних,
И надень мне тонкую рубаху,
Ту, что Мара по любви мне сшила,
Повяжи мне шитую мараму [16],
Что мне Мара, любя, вышивала,
Положи мне цветочки гвоздики, —
Ими Мара меня убирала.
Подле Мары меня пронесите...
Как дойдете до Марина дома,
Положите меня вы на травку:
Пусть увидит меня моя Мара,

Пусть хоть мертвым меня поцелует,
Ведь живого меня целовать ей
Не пришлось ни единого разу. . .»
Мать Йована так письмо читала,
Так читала, слезы проливала;
Пала камнем на мертвого сына,
Пала камнем, вопила, рыдала,
Куковала жалобно кукушкой,
И вдовицей-сиротой стенала.

По наказу молодого Йовы,
Что сказал он, то сделано было.
И созвали носильщиков юных,
Неженатых носильщиков, юных,
Провожатых девиц, незамужних,
И надели на него рубаху,
Ту, что Мара, любя, ему сшила,
Повязали шитою марамой,
Той, что Мара, любя, вышивала,
И убрали цветами гвоздики —
Тем, чем Мара его убирала.
Подле Мары несли его тело;
И сидела она под окошком:
На головке алели две розы,
И упали те розы на пяльцы. . .
Мара шила и плакала горько,
И тихонько матери сказала:
«Боже! . . Майко! что это такое?
Обе розы с головы упали. . .
Бог избави, что-нибудь случится! . . [17]
Что-то сильно гвоздикою пахнет [18],
А косою еще больше пахнет,
И как будто Йовиной косою [19]:
Пахнет розой, дорогая майко!
Пахнет розой у нашего дома. . .
Не душа ли то носится Йовы? . .
Пахнет розой: идет ко мне мой милый! . .»
Тихо мать ей на это сказала:
«Не блажи ты, дорогая дочка!
Верь мне, Йово целует другую, —
О тебе же теперь и не вспомнит. . .»
И вскочила, как в безумьи, Мара:

«Не добро ты вещуешь мне, майко!..
Роза пахнет: он здесь, мое сердце!»
Мигом с вышки спустилася Мара,
За ворота на улицу вышла.
Увидала жемчужную ветку [20], —
Побратимов заклинает богом:
«Чья то, братья, жемчужная ветка?»
Отвечают ей два побратима:
«Это ветка молодого Йовы».
Мара просит носильщиков юных:
«Ради бога, носильщики-братья,
Опустите на травку Йована —
Пусть хоть мертвым его поцелую,
Ведь живого я не целовала!..»
Ради бога услышана просьба:
Тело Йовы на травку спустили;
Крепко Мара к мертвецу прильнула...
И, припавши к мертвецу живая, —
Уж без жизни осталась у гроба.

Плачет Фата с матерью Йована,
Бедной Мары плачет мать родная,
Горько плачет, проклинает страшно:
«Бог накажет, Йованова майко!
Не велела живым ты любиться, —
Так ты мертвых теперь не разлучишь...»

Стали Маре гроб тесать мечами, —
И тогда, как понесли Йована,
Положили в домовище Мару;
Как Йована принесли к могиле,
Со двора уж выносили Мару;
Как Йована спускали в могилу,
До могилы доносили Мару.

Их в могиле одной схоронили,
И руками их соединили;
Положили им яблоко в руки [21]:
Пусть же знают, что они любили!..
Их одною землею покрыли,
Зеленела на них одна травка.
Шли одною дорогой старухи,

С ними шла и Фатима-невестка...
Идут вместе кладбищем в деревню,
Проклинают молодых и старых,
Кто двух милых в любви разлучает.

Мало время с тех пор пролетело:
Из Йована вырос бор[22] зеленый,
А борика выросла из Мары,
И по бору вилася борика,
Словно вьются шелковые нити
По пучку из душистого смиля[23],
Чемерица ж — возле их обоих...[24]

Боже правый! за всё тебе слава...
Накажи ты молодых и старых,
Кто двух милых в любви разлучает.

1860

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Четыре списка этой эпической песни напечатаны в первой части «Сербских Песен», собранных Вуком Стефановичем Караджичем (издание 1841 года). Первый список, под № 342, озаглавлен «Смрт Ивана и Іелене» (из Синья у Далмации); второй, под № 343, называется: «Смрт Омера и Мериме».

Эта песня в разных вариантах поется повсеместно, где только находится сербское народонаселение.

В первый раз В. С. Караджич слышал эту песню в Тершине, в Далмации, от турецкого цыгана из Боснии; но, к сожалению, не записал ее со слов цыгана, тем более что его песня, как замечает В. С. Караджич, оказалась впоследствии и самою большою, и самою лучшею в эстетическом отношении между многими вариантами этого произведения народной сербской поэзии.

Один известный русский славянист, назад тому лет 15 возвратясь из путешествия по славянским землям, привез с собою *рукописный* список этой песни, превосходящий во всех отношениях упомянутые четыре списка, *напечатанные* В. С. Караджичем. Можно полагать, что песня, слышанная им от цыгана и почему-то не записанная, записана нашим ученым славянистом, с рукописи которого (до сих пор не напечатанной) и переведена предлагаемая теперь русским читателям сербская народная поэма «Йово и Мара», то есть: «Иван и Марья».

Она названа мною не песней, а поэмой, потому что заключает в себе полный, замкнутый круг жизни и все внешние художественные приемы эпической поэмы, встречающиеся только в большом и строго организованном произведении народного эпоса.

По свидетельству черногорца Саввы Пламенца, эта песня в Черногории поется в хороводе (в коло), без сопровождения гуслей.

Она переведена размером подлинника с сохранением даже и ритма его.

Чтобы читать ее правильно, не излишне будет объяснить размер ее, отчасти не похожий на общеупотребительные у нас размеры. Здесь каждый стих состоит из 10 слогов, составляющих собою два хорея с цезурою после них и два амфибрахия (—◡/—◡//◡—◡/◡—◡), что вместе с тем можно читать и как бы трехстопный анапест.

Но между этого рода стихами попадаются иногда *стихи в пять хореев*, состоящие все же из 10 слогов, как например:

Не богатство серебро да злато,
А богатство, что дорого сердцу! ..

Это придает стиху более ритмического течения и музыкальных оттенков и вместе с тем какую-то свойственную прозе, безыскусственную простоту, которая скрывает незаметно небольшое разнообразие размера.

Приняв в соображение сказанное мною, читатель увидит, что в каждом слове поэмы ударение стоит естественно на своем месте и для стиха нигде и ни в каком случае не переставляется.

Подобное отступление от рутинных, общеупотребительных размеров стиха представляет следующее место из русской народной песни о «Хмеле»:

Хмелюшка по торгу гуляет,
Да и сам себя Хмель выхваляет:
Что и нет-то меня, Хмелюшки, лучше,
Хмелевой моей головки веселее.

Этот стих не может быть подведен ни под какую формулу общепринятых или известных размеров, а между тем он проникнут тонкою музыкальностью и неуловимо художественным ритмом, безотчетно и непосредственно понятным только поэтическому чувству.

Знакомые с техникой дела поймут все трудности этого перевода. В нем нужно было избегать и общеупотребляемого у нас стихотворного языка и во многих случаях простонародного русского языка с его особенностями, чтобы, сохраняя своеобразную простоту подлинника, не свеять характеристических оттенков его в выражении, тоне и содержании, исключительно свойственных известной народной словесности.

Подобные трудности особенно представляются в переводах поэтических произведений близких, соплеменных народностей.

[2] *Вила* — мифическое существо сербской демонологии, означающее нимфу гор, лесов и пустынных мест, существо вроде нашей русалки или новогреческой айлуды (αὔγούδα — бесплотная).

[3] *Йован* то же, что Йово — Иван.

[4] *Перо* вообще принимается как дорогой головной убор у мужчин и у женщин. Собственно, так называемое *перо* делается или из настоящих птичьих перьев, или бывает металлическое со вправленными в него жемчужными зернами или драгоценными камнями. У прежних султанов до реформы Махмуда чалма всегда украшалась

пером из драгоценных камней. В настоящем случае перо означает драгоценность.

[5] *Атлагича злато.* Атлагичи — богатая и знатная сербская фамилия бегов в Боснии и Герцеговине, принявшая мусульманство. Злато — золото, драгоценность, клейнод, дорогое кому-либо существо. Юноши и девушки для их родителей — злато; жена для мужа и т. п.

[6] *Майко* — звательный падеж от ласкательного слова *майка* — матушка.

[7] *Марица* то же, что Мара — Марья.

[8] *«К другой соколице»* значит здесь — к другой красной девице, так как соколом называется добрый молодец. Это общее эпическое выражение. Мотивы, заключающиеся в этих двух стихах, встречаются и в других песнях.

[9] *Фатима* то же, что и Фата — имя мусульманское.

[10] *Скриня* — сундук.

[11] *Тамбура* — инструмент вроде балалайки с металлическими струнами, на котором играют маленькою палочкой из черешневой коры.

[12] Этим песня показывает, что Йово относится к Фате, как к совершенно посторонней для него девушке, оттого ее и целует не в губы, а в лоб, или, как выражается песня, «между глаз».

Такое же отношение Йово к Фате показывают и следующие стихи:

Сам снял пояс и *сам* раздевался,
Сам он вешал оружье и платье.

Потому что по обычаю жена раздевает мужа в этом случае.

[13] *Коло* — круговая пляска.

[14] *Пошмаг* — остроконечный, несколько поднятый кверху башмак, что у турок называется папучи. Пошмаги бывают сафьяновые и бархатные, шитые золотом.

[15] Вероятно, в этом месте певцом, со слов которого списана песня, пропущен один стих. Соображаясь с другими песнями, при подобного рода эпических мотивах, можно полагать, что свекровь, неожиданно увидя плачущую невестку, негодует на сына, который на другой день свадьбы уж успел обидеть свою жену и заставил ее плакать: потому-то старуха и говорит о виновнике слез Фаты:

Пусть *я плачу* по нем без умолку.

[16] *Марама* — галстук, ширинка, платок, большею частию шитый по краям шелком или золотом.

[17] Цветы, нечаянно упавшие с головы, принимаются здесь, по поверью сербов, как худое предвещание.

[18] Мертвых украшают в гробу, между прочим, и цветами гвоздики.

[19] Сербы носили косы, или длинные волосы, все зачесанные назад и запущенные за уши, для чего они и поддерживались напереди небольшою гребенкой. Вообще у сербов *коса* значит то, что по-французски называется chevelure.

Роза, как роскошный и благоуханный цветок, предпочитается у сербов всем цветам, и потому волосы Йово для любящей его де-

вушки должны пахнуть розой. Она узнает его по запаху розы; он ей представляется не иначе, как окруженным благоуханием роз.

[20] *Жемчужная ветка.* Знатные сербы носили так называемый *калпак,* вроде нашего казачьего кивера. Он был из собольего меха с красным бархатным верхом, спускающимся набок и оканчивающимся золотою кисточкой. На калпаке прикреплялась серебряная ветка с листьями, составленными из ячеек, в которые вставлялись жемчужные зерна или драгоценные камни. Калпак с этою веткой, или одну ветку, вероятно, несли перед похоронною процессией, между другими атрибутами воина.

[21] Яблоко здесь принимается как дар, как эмблема любви. В сербских песнях часто упоминается, что девушка, наметив зубом яблоко, дарит его своему милому.

[22] *Бор* и *борика* одно и то же дерево и, в эпическом представлении, является здесь в мужском и женском поле, как эмблема. Это дерево принадлежит к хвойным из вида сосны (Pinus sylvestris).

[23] *Смиль* — сухое душистое растение с желтыми, мелкими, несколько больше булавочной головки, цветками.

В *Сербском словаре* В. С. Караджича оно названо Gnaphalium arenarium; по Линнею, по-немецки — Sandruhr Kraut. По Декандолю — Helichrisum arenarium; *immortelle éternelle* по-французски. Растению, принадлежащему к этому роду, в России нет общего названия... Кому неизвестна у нас путаница в народных ботанических названиях? .. Нечто, приближающееся к этому растению, в Воронежской губернии называется *богородскою травой*, в Орловской — *сероцветом*, в Полтавской — *цмином жовтым*. Смиль, по произношению босняков и герцеговинцев — *цмиль*, подходит к полтавскому названию. Все это заставило меня в поэме оставить сербское название — смиль.

Смиль, как сухой, следовательно неувядающий, цветок, привозится в Сербию с юга. По своему приятному запаху он употребляется между искусственными цветами в венке невесты при брачном наряде. Он прикрепляется красным шелком к обручику венка. Девушки иногда носят пучочки смиля, закладывая их за уши. Они, отъезжая куда-нибудь в гости, в большое собрание, берут с собой по букету смиля, перевитому красным шелком, и дарят взаимно друг дружке. Букет смиля употреблен для сравнения во многих сербских песнях.

[24] *Чемерица* (чемéрика по-сербски), известное наркотическое растение, эмблематически означает у сербов горе, печаль, горечь. Желчь по-сербски называется жуч и чéмер.

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ «ЭФЕМЕРИДЫ»

---

155. ТИШИНА

В моей душе давно минули бури;
Уж мне чужда теперь их мрачная краса,
И надо мной, без туч и без лазури,
Как над пустынею, нависли небеса.

Спокойно всё во мне и безмятежно,
Невозмутимая такая тишина,
Что мать бы мне завидовала нежно
И счастия слезой заплакала б она...

Но, за врагов молившийся спаситель,
К тебе я возношусь сердечною мольбой:
Моим врагам, земной неправды мститель,
За злобу не воздай подобной тишиной!

21 июня 1846

156. ВСТРЕЧА

Я с нею встретился нежданно и случайно;
С разлукой долгою прошла моя любовь,
Но чувствовал тогда я в сердце трепет тайный,
Как будто полюбить оно хотело вновь...
И чувство то мне было непонятно,
Бессмысленно казалось чувство то,
Чтоб жить преданьями и призывать обратно,
Что в свой черед, как должно, прожито.
С тех пор я возмужал и сердцем, и душою,
И так теперь любить, как я любил тогда,

Мне показалося натяжкою смешною
И детской глупостью в недетские года.
Любить по-прежнему мне было невозможно,
Любовию иной любить я не дорос...
В душе нет нового, а старое всё ложно,
Нет новых радостей, нет в сердце старых слез.

1848

157

Когда любовь моя смущает ваше счастье,
Забудьте про нее... Зачем меня любить!
Я благодарен вам за прошлое участье, —
Я вашим счастьем буду жить.

Пора мне в путь... Скажите мне, не вы ли
И кров любви простерли надо мной,
И, странника, меня у сердца приютили,
Где я гостил и отдохнул душой?..

Невольны мы в любви и в охлажденьи:
Я вас не упрекну изменой никогда...
Нет! Чувство, как и мысль, всегда горит
в движеньи,
И чувству есть свой возраст и чреда...

Но как боялся я, чтоб вы не помутили
Слезою обо мне своих небесных глаз...
Я счастлив тем, что вы меня забыли,
Я счастлив тем, что не забуду вас!

1843, 1855

158. O, RIMEMBRANZA! [1]

Сменилися отчаянья тоскою
Лучи надежды молодой...
Всему конец!.. Но что ж передо мною
Мгновенною падучею звездою
Мелькает светлый призрак твой!

[1] О, воспоминанье! (итал.). — *Ред.*

Всему конец, но без конца страданье —
Вот всё, что я под сердцем берегу...
Прощай, любовь, блаженство, упованье!
Но отчего прибавить не могу:
Прощай и ты, воспоминанье!

13 марта 1846

159. ПРИМИРЕНЬЕ

О, засни, мое сердце, глубоко!
Не буди: не пробудишь, что было,
Не зови, что умчалось далёко,
Не люби, что ты прежде любило...
Пусть надеждой и лживой мечтой
Не смутится твой сон и покой.

Для тебя невозвратно былое,
На грядущее нет упованья...
Ты не знало в блаженстве покоя,
Успокойся ж на ложе страданья
И старайся не помнить зимой,
Как срывало ты розы весной!

1848

160

Созданье милое! Мне грустно за тебя:
Несу я крест один с тобою.
Душою братскою страдая и любя,
Молю, своей мучительной тоскою,
Мой ангел, поделись со мною!

Я знаю — ты моих страданий не поймешь;
Но я пойму тебя для большего страданья...
Ты, не поняв, меня слезами обольешь, —
Но я пойму тебя без слез и без рыданья.

Мне легче... Я узнал — ты счастливей меня:
Тебе еще остались слезы,
И вспышки светлые сердечного огня,
И суеверия младенческие грезы...

Но я несчастлив тем, что горько одному
Страдать без слез, без слов, без веры,
Что мертвы для меня преданья и примеры,
Что детски я не верю ничему! . .

1844

161. ДУБ И ЛИАНА

Что обвилась, зеленая Лиана,
Вокруг меня с любовию такой! . .
Я испытал удары урагана,
И не одна гроза промчалась надо мной. . .
Ты видишь ли, я одинок и мрачен,
Безжизненный, как остов обнажен,
Печатию презрения означен
И в беспробудный сон навеки погружен.
А там. . . смотри! . . в цветущем возрастаньи
Роскошной жизнию колышутся леса,
Исполнены красой благоуханья,
Прохладой свежею. Над ними небеса
Голубизной спокойною сияют,
Их человек коснуться не посмел,
И волны их корней не подмывают. . .
Ты видишь ли, как счастлив их удел!

Цвети же там, Лиана молодая,
Со мной не трать сердечного огня! . .
Я о любви молчу, невольно повторяя:
Не обвивай, не обвивай меня!

1846

162. NOTTURNO[1]

На меня из цветущего сада
Освежительно веет прохлада;
Ароматы несутся в окно,
В небесах и светло, и темно.
Многозвездная ночь окаймила

[1] Ноктюрн (итал.). — *Ред.*

Отливным серебром дерева,
На озерах горит синева,
И так страстно ночные светила
На красавицу землю глядят,
Будто пасть ей в объятья хотят. . .
Опускаясь, вздымаются воды:
Они кажутся грудью природы,
И биение сердца ее
Будто слушает ухо мое.
Ко всему во мне дышит сострастье,
И похожее что-то на счастье
И на жизнь пронеслось надо мной. . .
Я расцвел первобытной весной.

О, давно позабытая мною,
Ты меня позабыла давно!
Но нежданно мне этой порою
Твое имя призвать суждено
И спросить тебя с прежнею страстью:
Что в душе у тебя в этот час? . .
Хоть мгновенному веришь ли счастью,
Что навеки умчалось от нас? . .
И полна ль твоя жизнь благодатью,
Иль хоть тихим забвеньем полна,
Или всё предала ты проклятью,
Чем тебя чаровала она?
Пламенеет ли взор твой порою,
И цветет ли румянец былой? . .
О, скажи мне, мой друг, что с тобою,
И душой угадай, что со мной! . .

Но от милой не слышно ответа, —
Всё вокруг равнодушно молчит;
На привет не дают мне привета:
Голос милой моей не звучит.

Об участьи молящие очи
Я к светилам торжественной ночи
Простодушным младенцем вознес,
Но в потоке молений и слез
Я участья к себе не заметил:
Был прекрасно, но холодно светел

Обаятельный воздух ночной
Без созвучья с моею душой...
Я хотел, чтоб суровые бури
Помрачили сиянье лазури
И в гармонию, тьмой и борьбой,
Чтоб слилася природа со мной!

13 февраля 1851

163. МИНЬЙОНЕ

(М. П. К⟨орниловой⟩)

Пусть апрель распускается дольше:
Нам отраднее первой весной...
Не расти, моя девочка, больше:
Ты чаруешь незрелой красой!

Не для гроз ты палящего лета,
Не для поздних плодов создана...
Хороша ты, зарею одета,
Пробудившись недавно от сна...

Ты надеждами детства прекрасен,
Неразвитый, но милый цветок!
Нет, твой полдень не будет так ясен,
Как облитый румянцем восток...

Ты невольно в житейском волненьи
Отдалишься от правды твоей.
О, постой же на этом мгновеньи...
Не люби, не цвети и не зрей!

17 августа 1854

164. БЕЗМОЛВИЕ

— Я помню час восторженных речей,
Как тайны все души тебе я открывала,
Всю страсть любви безвыходной моей,
И горько плакала, и сладко целовала, —
Скажи, зачем безмолвен и угрюм,

Потупя мутный взор, стоял ты предо мною
И на лице твоем сочувствия и дум
Не выражалося той грустною порою? . .

— О, замолчи, не спрашивай зачем! —
На многое тебе я не дал бы ответа:
Поняв меня неполно, не совсем,
Я верю, — истинной ты страстию согрета. . .
И мне в тот миг сказалася она, —
Теперь не так ее прослушал бы я снова;
Тогда же тем душа была полна,
Чему ни звука нет, ни образа, ни слова. . .

Июнь — август 1853

165. В АЛЬБОМ С. А. С<ОНЦО>ВОЙ

Тяготеет жизнь над нами
Безобразием и злом,
Тьмой, накопленной веками,
Лжи постыдными цепями
И поруганным добром.

Тяготеет так, что, право,
Хоть живой в могилу б лег,
Как вглядишься мыслью здравой,
Что законно иль лукаво
Благоденствует порок, —

Если б божьей благостыней,
Средь житейской пустоты,
Над общественной пустыней
Не затеплились святыней
Звезды стройной Красоты. . .

Звезды те в стихах поэта,
В красках, в звуках и в резьбе,
Да в тебе — предвестник света,
Лик надежды, взор привета, —
Наша женщина, в тебе! . .

Восходящее светило!
К Вам стремлюся я с мольбой:
Красоты духовной силой
Наш согрейте путь унылый,
Проясняя путь прямой.

1856

166

Не внемлешь ты сужденьям света,
Затем что выше ты его,
Что он не может дать ответа
На вопли сердца твоего,
Что мысль души твоей глубокой
Ему темна, ему чужда;
Ты впереди от нас далёко,
Небес не наших ты звезда!
Живой намек на жизнь иную,
На жизнь, что будет впереди,
Глагол небес и страсть земную
Миришь ты в любящей груди.
Ты истина без покрывала,
В лучах духовной красоты,
И надо мною воссияла
Женою будущего ты.
В себе душа твоя питает
Высокосознанную страсть,
Преданий наших презирает
Всеобожаемую власть. . .
И в ней ничто не и́дет мимо,
Найдется в ней всему вопрос,
И, жаждой знания палимый,
Твой дух развился и возрос. . .

Я пред судьбой поник душою,
Я в горе страсти извратил,
Болезнь бездействия с тоскою
К себе я в сердце допустил.
Как раб библейский, зарываю
Свой дар божественный в глуши,

Без смысла в жизни я страдаю,
Губя всё лучшее души.
Я о конечном только плачу,
Про бесконечное забыл,
И жизни мудрую задачу
Одним лишь воплем разрешил.
Меня пугают ложность века,
Его страданья и застой,
И дикость жизни человека, —
И нет исхода предо мной...
Но моего коснулся слуха
Твой глас, исполненный любви...
О, бога жизни, бога духа
Ко мне скорее призови!
Да, тверд под бурями земными,
Я зрею сердцем и душой,
Да будет ясен мне за ними
Путь назначения прямой:
И буду знать, что не один я,
Что есть сестра душе моей,
Что сын людей и бога сын я,
Что я живу в груди твоей...
О, просветли же и осмысли
Мне жизнь мою любви лучом:
Да в мир иду, во имя мысли,
С тобою об руку вдвоем.

26—28 февраля 1851

167. ЧЕЛОВЕК ПОКОЛЕНИЯ

Я годами молод, —
Страсти одряхлели,
Пустота и холод
Душу одолели.

Вяло всё созрело,
Жизнью не питалось;
Мысль искала дела, —
Дело не давалось...

С чуждым мне призваньем,
Вопреки природе,
Был я вскормлен знаньем
Не в своем народе. . .

Перестал страдать я:
Нет ни сна, ни битвы,
Нет в устах проклятья,
В сердце нет молитвы.

8 марта 1846, ⟨1869⟩

АЛЬБОМ ИПОХОНДРИКА

АЛЬБОМЪ ИППОХОНДРИКА,

СОБРАНІЕ

ЭПИГРАММЪ, КСЕНІЙ, ЯМБОВЪ

И ВСЯКАГО САТИРИЧЕСКАГО

ЕРАЛАША И ШКОЛЬНИЧЕСТВА,

ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ

Греку Николáки Омéга.

ЧУХОНСКІЯ АѲИНЫ.
(Петербургъ).
1857.

ЕЖЕ БЕХ МЛАДЕНЕЦ, ЯКО МЛАДЕНЕЦ ГЛАГОЛАХ, ЯКО МЛАДЕНЕЦ МУДРСТВОВАХ, ЯКО МЛАДЕНЕЦ СМЫШЛЯХ: ЕГДА ЖЕ БЫХ МУЖ, ОТВЕРГОХ МЛАДЕНЧЕСКАЯ.

Апостол Павел
(Первое послание к Коринфянам)

Πάντα γέλως.

Anthologia[1]

[1] Всё смешно. Из Греческой антологии.

Оставляю здесь несколько эпиграмм, не уничтожаю их, не предаю забвению — *для наказания самого себя*, в укоризну себе.

Оставляю их еще потому, что они были относительной правдой души моей в известный момент, — хоть между правдой души и объективной истиной нередко бывает огромное расстояние.

Они тогда были не более как лирической вспышкой от известного рода современных впечатлений, разговоров, взглядов, литературных кружков и т. п.

Я теперь смотрю на них как на распущенную запальчивость моих заблуждений мысли и чувства.

Я разумею здесь эпиграммы на А. Н. Майкова, Аксаковых, Н. В. Гербеля и, к сожалению, еще на многих других, может быть... Сюда же относятся эпиграммы на М. П. Погодина, П. И. Мельникова.

Итак, — я очищаю себя, по возможности, этим душевным наказанием.

15 октября 1863

168

Попы издревле доказали
Неистовство утроб своих,
И в древности так славно жрали,
Что назвали жрецами их.

1841

169. ТАГАНРОГСКИМ ГРЕКАМ

Ямб

У моря, где одним расчетом
Живут корыстные умы,
Что звали древние болотом
И морем называем мы;
Где у Тана́иса когда-то
Народ воинственный блуждал,
Где грек, потомок Герострата,
Бесстыдно скифа и сармата,
Уничижаясь, надувал, —
Там греков жалкие потомки,
Соревнователи жидов,
Эллады рухнувшей обломки,
У русских выплакали кров.

Вы не узнаете в них грека,
Который чувством красоты,
Сознаньем гордым человека
Взрастил нетленные цветы. . .
Нет! В этих пасынках Эллады
Терсит презренный оживлен:
Они за рубль продать вам рады
Свой вековечный Парфенон;
Они вам променять готовы
На хлеб ущелье Термопил,
Носить турецкие оковы
Средь гомерических могил.

1843
Таганрог

170

Отечество свое немало одолжил:
Советником коллежским он служил.

30 мая 1845

171

Под камнем сим лежат нежнейшие два друга:
Иван Васильев сын и с ним его супруга.

30 мая 1845

172—173. *ВЫДЕРЖКИ ИЗ КНИГИ ПОД НАЗВАНИЕМ: «МЕЧТЫ И ЗВУКИ»*

СТИХОТВОРЕНИЯ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА ИВАНА ПЛАТОНОВА, ПРОФЕССОРА ЗАКОНОВ, ГОСУДАРСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА И БЛАГОЧИНИЯ, ДОКТОРА ПРАВ И КАВАЛЕРА ХАРЬКОВ, В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ 18**

1

МАДРИГАЛЫ

К КУХАРКЕ СОСЕДА МОЕГО И СОСЛУЖИВЦА, ПРОФЕССОРА КУНИЦЫНА (В КОТОРУЮ Я БЫЛ, ОВДОВЕВШИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ ЖЕНЫ, СТРАСТНО ВЛЮБЛЕН)

1

Как от тебя страстями пышет жарко,
О аппетитная Куницына кухарка!

2

В сияньи дня и при мерцании огарка
Равно прелестна ты, Куницына кухарка!

3

Что́ все Аспазии, что́ Иоанны д'Арки
Пред прелестью Куницыной кухарки!

4

В Италию, где пел любовь Петрарка,
С тобою убежим, Куницына кухарка!

1845 (?)

2

ПЕСНЬ СЕМИНАРИСТА,

ИСКЛЮЧЕННОГО ЗА СВЕТСКОЕ ФРАНТОВСТВО И ЗА СТРАСТЬ К СЦЕНИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ

Курс кончив элоквенции,
Я в ней зело успел, —
Зато ж аудиенции
С инспектором имел.
На оных авдиенциях
Я «оле» восклицал, —
При палочных каденциях
Мой корпус трепетал. . .
Но казусной пиитики
Учить я не возмог;
Скажу вам без политики —
От ней я занемог.
Хоть хрии и орации
Пудами я писал
И страшно в декламации
Руками я махал,
Но рифмы ни единыя
Никак не подобрал
И лишь перо гусиное
От злобы изгрызал.
За страсть к лицедеяниям,
За краткий сертучок
Я изгнан с посмеянием. . .
Таков мой лютый рок!

1845

Многие другие выдержки, к прискорбию моему, несмотря на весь их легитимизм, не дозволены ни нашей факультетской цензурой, ни цензором Елагиным.

174. СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

(Пародия)

Темно уж на улице стало,
И хлопьями снег выпадал;
Она у окошка стояла,
А я у калитки стоял.

Закинув свой плащ, настороже
Я робкие взоры бросал,
Боясь, чтобы дворник — о, боже! —
Метлою меня не прогнал.

Всё было мне как-то неловко,
О чем-то я тяжко вздохнул, —
Она мне кивнула головкой,
А я ей рукою махнул.

1850

175. ЭПИТАФИЯ РУССКОМУ КУПЦУ

С увесистой супружницей своей
Он в бане парился, и объедался сыто...
О, сколько им обмануто людей,
И сколько чаю перепито!

1851

176. ДВОЙНОЕ ГОРЕ

(У гроба Гоголя)

Слышим вопли, стон и клики
Лучших родины сынов:
«Умер Гоголь наш великий,
Жив и здравствует Сушков!»

22 февраля 1852

177. АКАФИСТ

БЛАЖЕННОМУ БОРЗОПИСЦУ ВАСИЛИЮ (БОТКИНУ) ЛИТЕРАТУРЫ РАДИ ЮРОДИВОМУ

Радуйся, Испании невидание,
Радуйся, Испании описание,
Радуйся, живописи непонимание,
Радуйся, о живописи трактование, —
Радуйся, жандармов трепетание;
Радуйся, музыки неразумение,
Радуйся, о музыке рассуждение,
Радуйся, пустозвонных фраз строение,
Радуйся, жен омерзение,
Радуйся, гостинодворский Гидальго,
О, плешивый чаепродавче, радуйся!

1852

178. АКАФИСТ

БЛАЖЕННОЙ И НИЩЕЛЮБИВОЙ ЕВДОКИИ (ГЛИНКЕ) ЛИТЕРАТУРЫ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ РАДИ ЮРОДИВОЙ, ИЖЕ С НЕЮ СЕДМИДЕСЯТИ СТАРИЦАМ, В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМ ЕЕ ПРИЮТЕ ГОЛОДАВШИМ И ОТ ГЛАДА И ХЛАДА В БОГОСПАСАЕМОМ ГРАДЕ МОСКВЕ ОКОЛЕВШИМ

Радуйся, «Капли» читание,
Радуйся, смертных зевание,
Радуйся, бесов изгнание,
Радуйся, нищих недоедание,
Радуйся, истертых пятаков раздавание,
Радуйся, богаделенных стариц голодание,
Радуйся, Гегеля проклинание,
Радуйся, Федора обожание,
Радуйся, псалмов писание,
Радуйся, на арфе играние,
Радуйся, седых локонов взбивание,
Радуйся, костлявой шеи обнажение,
Радуйся, фимиама каждение,
Радуйся, на чужой счет благотворение,
Радуйся, к *«натуральной школе»* омерзение,
Радуйся, в рай поползновение,
Радуйся, вавилонской блудницы[1] боготворение,

---

[1] Петербургской актрисы П. Н. Орловой.

Радуйся, к мистицизму прилепление,
Радуйся, ханжества распространение,
Радуйся, бездарных книжиц сочинение,
Радуйся, здравого смысла поношение,
Радуйся, злобы затаение,
Нищелюбивая Евдокия, радуйся!

1852 (?)

179. В ЧАСОВНЕ ИВЕРСКОЙ

«Здесь воздух напоен дыханием молитвы», [1]
Сюда мошенники приходят для ловитвы,
Здесь умиление без носовых платков
И благочестие нередко без часов.

1853

180. ФИЗИОЛОГИЯ «НОВОГО ПОЭТА» [2]

Фельетон в стихах

Свет журнала не читает,
Где какой-то господин
О bon-ton'е рассуждает,
Как «в дворянстве мещанин».

Из передней все салоны
Господин тот изучил:
Друг-швейцар ему законы,
Тайны света сообщил...

С той поры чернил излишек
Он для правды расточал,
Коленкоровых манишек
Беспощадный Ювенал.

---

[1] Этот первый стих принадлежит С. П. Шевыреву и взят из его «Сонета к Иверской», который был напечатан в «Москвитянине».

[2] Дополнение к книге: «*Русская Фауна*, или *Описание и изображение животных, водящихся в Российской Империи*, сочинение Юлиана Симашко».

Друг Ивана Хлестакова
И Тряпичкин наших дней,
Пишет гимны в честь портного,
Брань на мыслящих людей.

Снобсов рьяного витию
Он собой изобразил,
И на целую Россию
Вдруг печатно протрубил,

Что он запросто бывает
С князем Сержем у Дюссо
И по Невскому гуляет
Возле львов, как lionceau.[1]

(Князь, всему известно миру,
Знал приличия всегда, —
Не пускал себе в квартиру
Пьяных франтов никогда.)

С той поры он в фельетоне
Ежемесячно твердил —
Что он ездит в фаэтоне,
Рысаков себе купил,

Что его (до мелкой пряжки)
Славный Шармер одевал,
Что голландские рубашки
Утро каждое менял.

Он не может похвалиться
Ни талантом, ни умом, —
Пусть себе он отличится
Перед публикой бельем...

И притом ему, бедняжке,
Диво, радость, новизна —
В свой кружок прийти в рубашке
Дорогого полотна.

---

[1] Львенок (франц.). — *Ред.*

В свой роман карикатурный
Втиснул он друзей своих
И журнал литературный
Сделал органом портных...

Но журнальную букашку
Не заметил модный свет,
Как в голландскую рубашку
Ни рядился наш поэт.

1853

181. ПРЕВРАЩЕНИЕ ФАДДЕЯ В «НОВОГО ПОЭТА»

(Дополнение к Овидиевым «Превращениям»)

Он «Пчелы» метаморфоза,
И Фаддей явился в нем
Кучей смрадною навоза
Под голландским полотном.
Грязный циник в коже франта,
Шут нарядный и нахал,
Как соперник новый Брандта,
В милость к «Пчелке» он попал,

Тем — что шуткой площадною
Фельетоны наводнил
И бесстыдной *клеветою*
Литераторов чернил...
И, как мутные потоки,
Полились с его пера —
Сплетни, личности, намеки
С остроумьем комара.

Он своим безвредным жальцем
И ничтожеством спасен:
Мы его не тронем пальцем, —
Нам он жалок и смешон...
Но в подобном превращеньи
Как узнал себя Фаддей, —
Стал молить он о прощеньи
У богов и у людей:

«Нечестивыми делами
Долгий век мой заклеймен,
И в Панаева богами
Я нежданно превращен:
На позор и на смех свету
В нем Булгарин измельчал,
Он на мелкую монету —
Подлость «Пчелки» разменял! . .

Был я низок колоссально,
Артистический подлец,
И мой лик монументальный
Он опошлил наконец! . .
Вы ко мне чрез меру строги,
Кара ваша тяжела, —
Превратите лучше, боги,
В Апулеева осла! . .»

1853

NB. **Манускрипт этот, писанный на папирусе, найден при разрытии Геркуланума, в лавке парикмахера, что рядом с лавкой портного.**

Direttore di museo Borbonico Carlo Bonucci [1]

182. НАПУТСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ

К НЕКОЕМУ БЕССРЕБРЕНИКУ И МОСКОВСКОМУ КНИГОЧИЮ, СТАРЦУ *МИХАИЛУ ПОГОДИНУ*, ОТПРАВЛЯЮЩЕМУСЯ НА КАЗЕННЫЙ СЧЕТ ИЗУЧАТЬ МОНГОЛОВ — НА МЕСТЕ

Отечество наше богато,
В нем всякий деньгу зашибет,
Обильно сребра в нем и злата, —
Понятно, что ты патриот. . .
Но странно, о старец маститый,
Ты вздумал Москву покидать,
И град, стариной знаменитый,
На степи монголов менять. . .

Поверь мне, — ты едешь бесплодно,
Свой край покидая родной,
В пустыни Сибири холодной,

---

[1] Директор Бурбонского музея Карло Бонуччи (итал.). — *Ред.*

В пределы Орды Золотой.
Историю нашей России
Довел ты до ига татар,
И, вспомнив шатанья былые,
Ты прежний почувствовал жар
Поездить опять из расчета
На счет тороватой казны, —
Узнать, вишь, припала охота
Характер монгольской страны...

Не езди, — и смело прогоны
Ты можешь в карман положить.
Татарщину всю без препоны
Легко и в Москве изучить;
Пусть дикие речи Островский
Хвастливо тебе говорит,
Молчит многодумно Садовский,
Иль шут Рамазанов кричит,
Григорьев пусть, смертным в забаву,
Серьезные пишет статьи,
И Тертий[1] пусть, богу во славу,
Гласит псалмопенья свои;
Да главное, чтоб неуклонно
Ты свой *«Москвитянин»* читал, —
И скажут, что ты всесторонно
На месте — татар изучал.

1854

183. ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ОДНОЙ «ЭЛЕГИИ-ОДЫ-САТИРЫ»

(Диатриба Близорукой Зависти)

Внимая голосу восторженных кликуш,
В себе почуял ты какого-то гиганта
И о себе самом понес смешную чушь,
Что так не вяжется с достоинством таланта...

Купца-пропоицу нам ставишь в идеал,
Клевещешь на себя, на русскую природу,
И «слово новое» со сцены ты сказал
Медведем и козой российскому народу...

[1] Филиппов.

И часто во хмелю нам гордо говоришь,
Что ты могучими твореньями своими
Ко дням Кошихина Россию возвратишь,
С их ложью, дикостью и скверными былыми.

Блеснула с Запада нам света благодать,
Мы к свету истины стремимся всей душою, —
И вот задумали порыв наш задержать
Кликуши вещие татарской стариною!..

Мы возродим в себе и примирим собой
Всё в человечестве добытое веками, —
Так пусть твой дикий взгляд и критик твой слепой
Замоскворецкими любуются плутами!

Широкий русский ум и крепкий наш язык
В бессмыслице смешной кудрявых выражений,
В гостинодворчестве ты находить привык, —
И извращаешь смысл своих произведений.

Ты видишь на Руси — в купчихах и в купцах
И жизни простоту, и правду, и свободу, —
Румянами, сюрьмой на деле и в словах
Они уродливо насилуют природу.

Друзьями на́звал ты всех пьяниц, всех шутов,
Всех парий нравственных и крикунов позорных...
Ужель ты дорожишь восторгами глупцов
И пискотней похвал безграмотных и вздорных!

Тебе сплели венок из листьев белены,
И пенник и дурман несут на твой треножник
Лишь *«Москвитянина»* безумные сыны
Да с кругу спившийся бессмысленный художник.[1]

1854

(NB. После чтения элегии-оды-сатиры А. Григорьева «Искусство и правда». — «Москвитянин», 1854).

---

[1] Рамазанов.

184. АВТОРУ ВСЕВОЗМОЖНЫХ «ПУСТЯЧКОВ»

Отец снотворный Анапцова,
Жеманный автор пустячков;
Наследник истинный Хвостова,
Москвы посмешище — Сушков

К моим врагам пристал недавно
И опозорил тем врагов, —
Им тяжело, а мне забавно...
Итак, да здравствует Сушков!

К чему же эта эпиграмма!
Он жалок всем и без того:
Его стихи — источник срама
И лучший пасквиль на него.

1853

185. ЧЕТВЕРОСТИШИЕ, СКАЗАННОЕ БЛИЗОРУКОЙ ЗАВИСТЬЮ

Со взглядом пьяным, взглядом узким,
Приобретенным в погребу,
Себя зовет Шекспиром русским
Гостинодворский Коцебу.

1853

186. В ЛИТЕРАТУРНОЙ КУНСТКАМЕРЕ

Нет! Таких чудес в Европе,
Как в России, не найдешь:
Руднев пишет — в микроскопе
Увеличенная вошь.

1854

187. ВСЕОБЩИЙ БЛАГОПРИЯТЕЛЬ

Он меж холопями считался мудрецом
За то, что мысль давить была его отрада;
Он был фельдфебелем под царственным венцом
И балетмейстером военного парада.

1855

188. РУССКАЯ ЭПИГРАММА

(Не для чтения при дамах)

Правой мысли цвет и сила!
Вам Россия сущий гроб:
В ней есть Дупельт, сей Аттила
Всероссийских наших ...

1854

189. НОВОЕ СЛОВО

Гомер Островского, Григорьев, говорит,
Что будто к русскому нормальному началу
Островский должный путь впервые нам торит,
Прямой дорогою подходит к идеалу;

Но зависть шепчется с невежеством тайком:
Островский, мол, идет совсем иным путем —
Шатаясь выступил он к русскому началу,
Да и пошел *писать мыслете* к идеалу.

17 мая 1854

190. ЭПИГРАММЫ НА АПОЛЛОНА МАЙКОВА

1. ДИЛЕММА

Ты гимны воспевал «откинутой коляске»,
Лбу медному кадил и льстил ты медной каске;
Стремленье к вольности, гражданскую борьбу
Ты гнусно порицал, как немец Коцебу,

И, как хамелеон, меняя убежденье,
Ты заслужил себе всеобщее презренье...
Но я спрошу тебя *дилеммою* такой:
Скажи — подлец ли ты иль *«скорбен головой»*?

1854 (?)

2

Он Булгарин в *«Арлекине»*,
А в *«Коляске»* Дупельт он, —
Так исподличался ныне
Петербургский Аполлон.

1854 (?)

3

Льстивый раб, царем забытый,
И кнута и тьмы певец,
Доказал нам наконец,
Что пиит он даровитый,
Но бездарный он подлец.

1854 (?)

4. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Он в *«Арлекине»* воспевал
Нам Третье отделенье;
Белье так редко он менял,
Но часто убежденье.

1854 (?)

5. ТЕПЕРЕШНИЙ МАЙКОВ

В России странный век настал:
Смягчилось Третье отделенье, —
И вновь стал Майков либерал
С монаршего соизволенья.

1857

191

В наш век с фиглярством самым быстрым,
Увы, не много барыша:
За что Державин был министром,
Не видит Майков и гроша.

1854 (?)

192. ЗАГАДКА

Скажите, кто меж нас хамелеон душой —
Московских умников безграмотное эхо?
К несчастию друзей — кто б первый стал спиной
И ноги б целовал у всякого успеха? . .

1855

193. ГЕРБЕЛЮ

Вико прав. В круговращеньи
Исторических веков
Всё — одни лишь повторенья:
Гербель в нашем поколеньи —
Что в минувшем был Хвостов.

1855

194. ПО ВЗЯТИИ СЕВАСТОПОЛЯ

И родил тот ботик флотик,
Этот флотик флот родил.[1]

Бенедиктов

Всё назад, наоборот,
На святой Руси идет,
Где из ботика стал флотик,
А из флотика стал флот...
Но лишь выпал трудный год —
И остался только ботик.

1855

[1] Прошло с небольшим десять лет после этих строк, и из ботика — снова возникает грозный флот. *1868*.

195

Без друга сердце ноет,
Без друга жизнь — тоска.
Пускай меня закроет
Одна с тобой доска!

Между 1852 и мартом 1855

196

Что ты корчишь роль Атрида
В пьяном обществе друзей,
Отвратительная гнида
С Аполлоновых .....!

Между 1853 и мартом 1855

197. АВТОРУ «КНИГИ ПЕЧАЛЕЙ»

(Н. В. Сушкову)

Да! Призванья есть благие...
И недаром, о поэт,
Времена познав крутые,
Свой несет тебе Россия
Благодарственный привет.

Нас враги одолевали,
Нам скорбеть не стало сил,
Мы веселью чужды стали:
Издал ты свои «Печали» —
И нас всех развеселил.

10 января 1856

198. АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

О, как я ребенком, бывало,
Небесные звезды любил!
Душа моя свято мечтала...
Я с ними как друг говорил.

Я думал, что ангелов очи
В эфире звездами горят
И в долгие, темные ночи
Покой нам и счастье хранят...

Я взрос, — и от древа познанья
По долгу дворянства вкусил:
Мне стали противны мечтанья, —
Я звезды свои разлюбил,

Считая их просто мирами —
Подобием нашей земли,
Когда меж землей и звездами
Всё те ж мы законы нашли...

Там, верно, есть Глинка Авдотья,
Стиховный творящая блуд, —
И все эти жизни лохмотья,
Что в нравственной тине гниют.

Своя там актриса Орлова,
Madame Магдалина Тартюф,
Что скрыла пороки былого,
Притворством ханжей обманув,

Что *«с древом и с камнем блудила»*
В Одессе, Москве и в Крыму,
Что многим карман облегчила
И свету известна всему,

Что маской святоши покрылась,
Блудница, на старости лет,
С отцами святыми сдружилась:
Зане́ уж любовников нет...

Такое ж там мысли растленье,
Свои там шпионы, как Греч,
И Третье там есть отделенье,
Где можно за правду посечь.

И там есть хлыщи, как Панаев,
С копеечным юмором их,

И много других негодяев,
И пошлостей много других...

Там столько ж венков эфемерных,
Там сотни бессмыслиц на час,
И много воров там примерных...
Короче, — там всё, как у нас.

18 января 1856
Гринвич

199. ПО ПОВОДУ ОПЛЕУХИ А. А. БЕРИНГУ

Род Пожарских прекратился,
И за Русь не станет он...
Русский пал и осрамился, —
Жид пожарный заступился
За поруганный закон.

1856

200. «МОСКВИТЯНИН»

Увы! с эклиптикой всемирной
Я был в разладе завсегда,
И солнце в высоте эфирной
Упрек мне сущий и беда:
Когда давно уже, бывало,
На Козероге Феб стоял, —
Едва всходил еще, отсталый,
На знаке Рака мой журнал.

1856

201. «РУССКАЯ БЕСЕДА»

(Посвящается Аполлону Григорьеву)

Всё татарское России,
Всё, чем дик немецкий люд,
За народные стихии
Нам в «Беседе» выдают;

Духу в ней — сухояденье,
Философия дьячка,
Смысла здравого успенье,
Воскресенье «Маяка».

Январь 1857

202. О КОНСТАНТИНЕ АКСАКОВЕ

Не уколола никого
Его критическая тупость,
Бездарность честная его
И добросовестная глупость.

16 марта 1857

203. ГАЗЕТА «МОЛВА»

К «Молве» названье не пристало:
Ее читателей так мало,
Что хоть зови ее отныне —
«Глас Вопиющего в Пустыне».

1857

204. ЕЩЕ О «МОЛВЕ»

Про всё в России говорят,
И болтовня у нас в природе,
Лишь о «Молве» одной молчат,
Об ней лишь нет молвы в народе.

1857

205. В АЛЬБОМ РЕБЕНКА

Будь в жизни прям и непритворен,
Враждуя с ложью и со злом,
И да не будет опозорен
Твой фрак звездою иль крестом.

1857

206. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕСТОВЩИК

Всякий слух меня тревожит
И тяжел душе моей;
Горло мне першит и гложет, —
И оно сдержать не может
Ни одну из новостей.

1857

207

И какой я литератор,
И поэт-то я плохой.
Я коллежский регистратор
С буколической душой.

⟨1857⟩

208. ОБЩИЙ ДРУГ

(Е. Е. Р⟨озали⟩он-С⟨ошальс⟩кий)

Людей известных был любителем
И даровым их погребком;
Он стал в уезде предводителем,
А в Петербурге был хлыщом.

1858

209. КТО ОН?

Друг мошны буржуазии,
Он пиявку мужика,
За трибуна всей России
Выдает откупщика.

Видя в том свои удобства,
Генерала скрыл он спесь, —
Демократства и холопства
Удивительная смесь!

1858

210. БЕРГУ И ДРУГИМ НЕМЦАМ-СЛАВЯНОФИЛАМ

Тепленько немцам у славян, —
И немцы все славянофилы:
Не мудрено, что наш кафтан
И му́рмолка их сердцу милы...

Несли мы, Берг, почти что век
Опеку немцев не по силам...
Я слишком русский человек, [1]
Чтоб сделаться славянофилом.

Февраль 1858

211. МОСКОВСКИМ КРАСНЫМ

Монтаньяры Вшивой Горки!
«Красный цвет лишь дурню мил!» —
Так народ наш дальнозоркий
Этой меткой поговоркой
Вас навеки заклеймил.

1858

212. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ЭПИГРАММЫ

Тумба, щетка иль ухват
Да Владимир Майков с ними
И с твореньями своими
Эпиграммы не внушат.

На бездушные предметы,
На отъявленных глупцов
Не смогли писать поэты
Сатирических стихов...

---

[1] Галлицизм, вероятно, преднамеренный — в подражание русскому языку славянофилов.

И перо бы Ювенала
Не придумало острот,
И тебя б не покарало,
Петербургский идиот!

1858

213. МОЛИТВА СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

О ты, кто принял имя слова!
Мы просим твоего покрова:
Избави нас от похвалы
Позорной «Северной пчелы»
И от цензуры Гончарова.

1858

214. ЖУРНАЛ «ВЕСЕЛЬЧАК»

Всех патриотов *«Весельчак»* —
Тупого юмора кабак —
Приводит в слезы и в раздумье
О нашем жалком остроумье.

6 февраля 1858

215. ПЕТЕРБУРГ

Вглядевшись в Петербург и всё в нем сознавая,
Невольно выскажешь понятие свое:
О, боже мой, посредственность какая!
О, боже мой, какое дурачье!

1858

216. ЧЕТВЕРОСТИШИЕ ВИКЕНТИЯ КУРИЛЬСКОГО,
ПОСТАВЛЕННОЕ В ЧИСЛО ДРУГИХ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ ПУНКТОВ К ИСКЛЮЧЕНИЮ ЕГО ИЗ СЕМИНАРИИ

Не созерцая Русь как чужестранец,
Добился наконец я до прямых начал:
Для всей Европы я — республиканец,
А для России я — монархо-либерал.

1859

217. ВОПРОСЫ И ОТВЕТ

Кто ход людей сдержал от века,
Кем скован гения полет,
Кто диким детством человека,
Коварно пользуясь, живет?

— Сосуды божиих законов,
Предвечной истины столпы,
Опора всех возможных тронов —
Царелюбивые попы.

1859

218. ФИГУРА ПОПРАВЛЕНИЯ, ИЛИ КСЕНОФОНТ ПОЛЕВОЙ

Он всех булгаринских идей
Живою стал апотеозой...
Иль нет: пред ним и сам Фаддей
Покажется маркизом Позой!..

1859

219. ЕЩЕ О КСЕНОФОНТЕ

Фаддея нет! .. Но та ж «Пчела»,
Всё та же за «Пчелою» слава:
Фаддея критика подла,
А Ксенофонтова — плюгава.

1859

220. КУКОЛЬНИКУ [1]

Хоть теперь ты *ех*-писатель,
Ех-чиновник, *ех*-делец
И казны *ех*-обиратель, —
Всё же ты не *ех*-подлец.

Июль 1859

221. РУССКАЯ ИСТОРИЯ

(Посвящается отечественным государственным людям)

Одно мы пред судом народов
Собой способны доказать,
Что может шайка идиотов
Народом умным управлять.

Насколько туп синклит державный,
Настолько даровит народ,
И это в Руси православной
Чрез всю историю идет...

Умерь же свой восторг и клики,
Устрялов, старый балагур:
Мы видим, — даже Петр Великий
Был гениальный самодур.

1859

---

[1] Кукольник теперь поселился в Таганроге, обеспечив себя казнокрадством, служа по провиантской части во время Крымской кампании.

Он сказал одному моему знакомому, что он уж теперь «ех-чиновник и ех-писатель».

Это и подало мне повод к вышеписанной эпиграмме.

222. ROMA L'ANTICA[1]

(Отрывок из «Одиссеи последнего Сумасброда»)

Я милую мою в античный Рим привез:
Дремала при луне всемирная столица,
И я исполнен был каких-то диких грез
И глупых, и больных, дождем кропящих слез;
Мне виделись везде трагические лица;
И я завыл тогда, как некий ярый пес,
А милая моя завыла, будто псица, —
И в вечном городе такой поднялся вой,
Что заревели вдруг козел, осел, ослица
И крикнул «караул!» французский часовой.

14 января 1859
Чухонские Афины

223. ЭПИТАФИЯ АПОЛЛОНУ ГРИГОРЬЕВУ

В угаре на себя напущенных идей,
Он бегал как шальной по площади журнальной,
И убеждения он с резкостью нахальной
Что год менял в горячности своей...

И вот скончался он, как должно сумасброду,
Бесплодный век его в пустых трудах протек:
Зане всю жизнь свою лишь сеял он песок
И с ярым пафосом толок в журналах воду.

1859

---

[1] Древний Рим (итал.). — *Ред.* Пародия на поэму Аполлона Григорьева «Venezia la Bella» («Прекрасная Венеция» (итал.). — *Ред.*), напечатанную в XII книжке «Современника» 1858 г. В этой поэме, или *«Одиссее последнего романтика»*, как называет ее автор, находятся, между прочими подобными, следующие стихи:

«Глядишь *как сыч*, бывало... сердце ноет,
А пес так глупо, дико, жалко *воет»*.
Или:
«То *пса тоска*, то мука злых духов...»
Или же:
«И ночь потом, сколь это ни обидно,
Я сам, как пес, выл глупо и бесстыдно».

224. УЖАСАЮЩАЯ ДОГАДКА

Зачем бы Гербелю в отставку выходить:
Ведь не мешает Марс стишкам и корректуре?..
Но — боже! — неужель грозит он посвятить
Всего себя литературе!

1859

225. ФОН КРУЗЕ

Пугая стаю ястребиную,
С реки цензурной он слетел, —
Какую ж песню лебединую
Зато на «Парусе» он спел.

1859

226. КОКОРЕВСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Я не хочу быть либералом:
Ведь целовальник-либерал,
Дела покончивши с кружалом,
Либерализм на откуп взял...

Я не хочу быть либералом,
Когда он «Искре» денег дал, —
И стал подкупленным журналом
Наш обличительный журнал.

Я либералов избегаю:
При них боюсь за свой платок,
И за часами наблюдаю,
И дальше прячу кошелек.

1859

227. ИЗДАТЕЛЯМ «ИСКРЫ»

За нашу соль, за русский ум я
Стыжусь, краснею иногда:
Ведь даже искры остроумья
Нет в вашей «Искре», господа!

1859

228. ОБЛИЧИТЕЛЬНОМУ ПОЭТУ,
ИЛИ ТЕМНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

У русской гласности прося
Грешкам мизерным воздаянья,
Он «обличает» всех и вся,
Не обличая дарованья.

1859

229. ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ,
ПРОПЕТАЯ ДИКО-КАМЕННОЙ КИРГИЗКОЙ К Н. А. *СЕВЕРЦОВУ*, ВО ВРЕМЯ УЧЕНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЕГО НА РЕКИ СЫР-ДАРЬЮ И АМУ-ДАРЬЮ, ПОСЛАННОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК ДЛЯ ВСЕСТОРОННЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРОЖАНИЯ КРЫЛЫШЕК У МОШЕК, РОЯЩИХСЯ НАД БЕРЕГАМИ ЭТИХ РЕК

О ты, айрян [1] моих желаний,
О ты, кумыс моих страстей,
Каймак сердечных упований,
Баран больной души моей!

Ты барантóй [2] на душу грянул,
Нагайкой сердце мне стегнул,
И мой киргизский дух воспрянул,
Когда в кибитке ты заснул.

Дороже пестрого халата,
Мой нежный друг, твоя любовь,
Разит она сильней булата
И, как кизик [3], сжигает кровь.

Прийди ж ко мне, шайтан[4] мой милый,
Прийди, батырь[5] зверей и птиц!..
Сливаю я мой стон унылый
Со ржаньем пылких кобылиц...

1859

УЧЕНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ ОДНОГО ЗНАМЕНИТОГО РУССКОГО ОРИЕНТАЛИСТА В. В. ГРИГОРЬЕВА:

[1] *Айрян* — кислое молоко, смешанное с водой. Прохладительный напиток.
[2] *Барантá* — ночной набег для воровства и грабежа.
[3] *Кизик* — кирпичи из навоза для топлива, горящие очень жарко, хотя и непламенно.
[4] *Шайтан* — черт.
[5] *Батырь* — богатырь, витязь, герой.

NB. Эта песня положена на музыку одним из воспитанников училища глухонемых.

230. ОТВЕТ ГРЕКА НА ЭПИГРАММУ РУССКИХ

(А. Н. Плещееву, Н. А. Северцову, А. Г. Тихменеву и К°)

Хоть «эллин» я «из Таганрога»,
Но всё ж я грек — не сын рабов...
За нами в прошлом славы много,
К нам уважение веков...

У вас — застенки, плети, клетки,
У нас — свобода дел и слов, —
И чем древнее ваши предки,
Тем больше съели батогов.

1859

231. ПРЕД ПАМЯТНИКОМ ПЕТРУ I-МУ В ПЕТЕРБУРГЕ

Нет, не змия Всадник медный
Растоптал, стремясь вперед, —
Растоптал народ наш бедный,
Растоптал простой народ.

1859

232. ОТВЕТ РОЗЕНГЕЙМУ
НА ЕГО ТУПУЮ ЭПИГРАММУ НА МЕНЯ

Чтоб веру дать моим словам —
Пиши побольше эпиграмм.

1859

233. ЕМУ ЖЕ

Жалки нам твои творенья,
Как германский жалок сейм,
Тредьяковский обличенья,
Стихоборзый Розенгейм!

1859

234

«Что редко видит царь, пастух то зрит всегда,
А Гербель не видал от века никогда?»
Ответ: «Себе подобного».

Между 1855 и 1859

235. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ ПО ПОВОДУ ПОГОДИНА[1]

Либерализм он внес и в руки,
Как истый росс, он больно бил, —
Он трутню старому науки
Медовый месяц отравил.

Май 1860

---

[1] См.: «Современник», 1860 г., май, № 4.

236. РЕФОРМА ПЕТРА I-ГО

(Посвящается журнальным статейкам последних годов)

Реформою своей стяжал он много славы:
Ведь он европеизм настолько к нам привил,
Что сущий искони батог наш величавый
Спицрутеном немецким заменил.

1860

237. РИФМЫ

К тени славной, к тени Бозио,
Всуе должен я взывать,
Оттого что на Перозио
Трудно рифму приискать...

В слове русском (верь мне, Бозио)
Нашей честной правды цвет:
Нет в нем рифмы на Перозио
И на Кокорева нет.

Март 1860

238. РОЗЕНГЕЙМУ

О, если б так же вдохновенно
В стихах ты взятки обличал,
Как в Белостоке исступленно
Ты эти ж взятки в прозе брал —
То гениальнейшим поэтом
Прослыл бы перед целым светом.

1860

239. ЭКСПРОМТ О П. И. ЯКУШКИНЕ

Бесталанный горемыка
И кабачный Аполлон,
Весь свой век не вяжет лыка
И мыслете пишет он.

Октябрь 1860

240. МЫ

У нас чужая голова,
А убежденья сердца хрупки...
Мы — европейские слова
И азиатские поступки.

Март 1860

241. ЭПИТАФИЯ И. И. ПАНАЕВУ

Лежит здесь, вкушая обычный покой неизвестности,
Панашка, публичная девка российской словесности.

1860

САТИРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

САТИРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЯМБЫ,

КСЕНІИ и ЭПИГРАММЫ.

школьничество

одного, довольно пожилаго Коллежскаго Ассесора.

ЧУХОНСКІЯ АѲИНЫ.
1861 — 1869.

ОЛЕ БЕЗУМИЯ НАШЕГО!
(Из «Сказания»
Авраамия Палицына)

НЕОБРАЗОВАННОСТЬ ТЫ МОЯ,
НЕОБРАЗОВАННОСТЬ!
А. Островский

Πάντα γέλως.
Anthologia [1]

---

[1] Всё смешно. Из Греческой антологии.

242. ЭПИГРАФ К ПОВЕСТЯМ ПЕЧЕРСКОГО И К НОВОЙ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЕ»

Вы в мехи новые налили
Всё то же старое вино;
В иной вы колос возрастили
Фаддея прежнее зерно...

Ваш Мельников, — что всем известно, —
Доносов много написал,
С расколов разных повсеместно
Он, как подьячий, взятки брал; [1]

И, эти взятки обличая,
Опять деньгу стал наживать,
Когда, себя изображая,
Он начал повести писать...

Но близок час, — и он с «Пчелою»
Сойдет позорно в мир теней...
Так гибнет всё здесь под луною:
Так сгибли обри стаей злою,
Угас невинный «Атеней»
И вмале опочил Фаддей.

20 июня 1861
Баден-Баден

---

[1] Смотри: «Сборник правительственных сведений о раскольниках», составленный В. Кельсиевым. Лондон, 1860—1861; книга 1-ая, стр. XXXVII—XXXVIII и книга 2.

243. НА КОНЧИНУ ГАЗЕТЫ «ВЕК»

Шагаем мы неимоверно, —
Гордись, о русский человек,
Что в год Россия беспримерно
Переживает целый «Век».

28 декабря 1861

244

Когда с Панаевым встречаюсь я порой,
При людях мне тогда неловко и конфузно,
Как будто кто передо мной
Показывает гузно.

Между 1855 и 1862

245. ЭПИТАФИЯ И. И. ПАНАЕВУ

В сей жизни огранив довольно тротуаров,
От *скорби* он *гражданской* опочил...
О, сколько он извел фиксатуаров,
О, сколько он перчаток износил!

7 марта 1862

246. МИНИСТЕРСТВУ

Ты тупоумно, непристойно,
Проказа родины моей,
И оказалось ты достойно
Лишь оппозиции детей.

Своих реформ ты жалкий пленник,
Прямой прогресс тебе тиски...
Довольно: с «Искрой» «Современник»
Тебя достойные враги!

11 апреля 1862

247. ЗАГАДКА

(Подражание Пушкину)

Кто у нас умер женатым, по смерти вдовы не оставив, —
Эту загадку — прошу я — мне, хитрый Эдип, разреши...

14 апреля 1862

248. ПРО СОВРЕМЕННОЕ

Как успехи наши быстры!..
Популярность нынче в моде, —
Ищут самые министры
Мненья доброго в народе...

Кто ж народ тот пресловутый,
Перед кем склоняют выи?
Школьник, фразами раздутый,
Офицерик, столп России,

Малограмотный писатель,
С пылом наглости журнальной,
Иль путеец, взяток братель,
Иль чиновник либеральный,

Откупщик — трибун великий,
Деток множество взрастивший,
Их на деньги черни дикой
Всем наукам обучивший...

Благородно эти детки
Либеральничают в холе,
Даже дамы, малолетки —
Всё забредило о воле...

А народ, что пашет нивы,
И не знает, что он в моде,
И как многие счастливы,
Беспокоясь о народе;

И не знают земледельцы,
Что за детские затеи
Блага земского радельцы
Попадают в Прометеи.

Апрель 1862

249. П. Л. ЛАВРОВ

Он Пилад студентской дружбы,
Он младенец зрелых лет;
Он полковник русской службы,
Русской мысли он кадет.

1 июня 1862

250. РЕДАКТОРУ ПИСАРЕВСКОМУ

Не Сипко́[1] ли ты свободы
И Булгарин красноты?..
Спекулянт ты от природы,
По искусству ёрник ты,
В чем тебя уж всенародно
Вольф достойно обличил;
Но нашел ты выход модный, —
И идеей благородной
Ты в газетке торг открыл.

20 июня 1862

251. ГРАФУ ГРИГОРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КУШЕЛЕВУ-БЕЗБОРОДКО

Ты наконец нашел свое призванье:
Оно не в том, чтоб книги издавать;
Но вот твое прямое дарованье —
Посланников японских угощать!

24 августа 1862

---

[1] Сипко́ — известный герой острогов последнего времени.

252. ПОЛИТИЧЕСКИЙ УЗНИК ПЕТЕРБУРГА

Забыв гербы своей породы,
Он истый мученик свободы...
La zémstchina et les moujicks —
Таков его к восстанью клик...

И вот уж в русском каземате,
Томясь на щах, на саламате,
И фрикандó, и фрикасé
Лишен marquis de Traversé.[1]

25 октября 1862

253. НИГИЛИСТАМ

Нигилисты вы тупые...
Чем же быть вам, господа!
С просвещением России
Ваша скроется звезда.

При познаньях наших узких,
При отсутствии ума,
Развилась в болотах русских
Отрицания чума...

Как заглянем в жизнь ли, в книги ль,
Всё нам скажет, господа,
Что ex nihilo[2] лишь nihil[3]
В результате завсегда.

Нигилисты по названью,
По значенью своему...
Сущий nihil вы по знанью,
Nihil истый по уму.

2 ноября 1862

---

[1] Маркиз де Траверсе (франц.). — *Ред.*
[2] Из ничего (лат.). — *Ред.*
[3] Ничто (лат.). — *Ред.*

254. ТЕАТРАЛЬНОЕ ИЗВЕСТИЕ

> Безумной деятельностию незрелого юноши объемлется Русь.
>
> *Гоголь*

Всё комическим началом
Пропиталось в наши дни,
И не веют, как в бывалом,
Тяжкой грустию они...

Репетилов за свободу
В стены крепости попал,
Хлестаков Иван народу
Кажет жизни идеал...

Где ж Манилов социальный,
Столь опасный для властей?
Иль уж сослан в город дальный
Он за Обь и Енисей?

Ребятишек вереница
Подняла невинный крик,
И комические лица
Взяли мучеников лик;

Все страданья Дон-Кихота
Ими выпиты до дна...
Так полиции работа
Школярами задана.

Разливая помраченье
И приняв прогресса вид,
Министерство просвещенья
Митрофанушек плодит.

И готовит в нигилистах
На сто лет нам дураков...
Русь являет в гимназистах
Лучших родины сынов...

Что ж? — Комедией одною,
То есть «Горем без ума»,
Станет больше под луною...
Боже! Что за кутерьма!

30 ноября 1862

255. АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН В 1862 ГОДУ

Место, где страдал Рылеев, —
Обессмыслено ль оно,
Оттого что дуралеев
Много там заключено?..

Иль хотели вы шутами
Опозорить равелин,
Где, окованный цепями,
Гаснул русский гражданин?

7 декабря 1862

256. НЫНЕШНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Вы зачем их заключили
В стены крепости гранитной,
Где допросы им чинили
С важной строгостью и скрытно?

Их значенье так ничтожно
Иль опасно так для трона,
Что допрашивать бы можно
Их в кондитерской Рабона,

Им купить конфект по фунту
И отдать их все «воззванья», —
Пусть идут, взывая к бунту,
По Руси, без задержанья.

1 января 1863

257. RUSSISCHES SCHÜLERLIED[1]

Наши гоги и магоги,
Иль немецки педагоги
На заморский лад хотят
Строить школы для робят...
Ай люли, ай люли!
Господа с ума сошли.

По петровскому примеру,
По немецкому манеру,
Мужика хотят ломать —
Русь из Руси выживать.
Ай люли, ай люли!
До чего-то вы дошли.

Пусть они нам для забавы
Пишут школьные уставы:
А ребят мы не пошлем
В вавилонский их содом.
Ай люли, ай люли!
Сядет Питер на мели.

Петербургские тупицы
Наше земство, из столицы,
Замышляют просвещать
На несродную нам стать.
Ай люли, ай люли!
Немцы нас не провели.

Полтораста лет — не мало! —
Нас из Питера трепало
Лихоманкою чужой, —
Что хоть матку-репку пой!
Ай люли, ай люли!
Нас таки не извели.

Даже рученьки Петровы
Нас не сдвинули с основы, —

---

[1] Русская школьная песня (нем.). — *Ред.*

Так куда уж, други, вам
Подступаться к мужикам.
Ай люли, ай люли!
Господа с ума сошли.

5 апреля 1863

258

На тупоумия магистра
В России всякий кандидат:
Кретины в должности министра,
Кретины в крепости сидят.

5 апреля 1863

259. В. КУРОЧКИН

Тупоумным для забавы
Балаганно он острил,
И на щукинские нравы
Беранже переложил.

23 мая 1863

260. ОБЛИЧИТЕЛЬНОМУ ПОЭТУ

Я тебе твое значение
Объясню, голубчик мой:
Знай — твои все обличения
От лакейской точки зрения,
С Толкуна или с Сенной.

24 августа 1863

261. МИНИСТР ГОЛОВНИН

На Руси на всё есть мода,
Только здравых нет идей:
К просвещению народа
В ней приставлен Квазимодо, —
Чтобы было почудней.

8 мая 1864

262. РЕДАКЦИЯ «РУССКОГО СЛОВА»

Краснотой своей ливреи,
    Демократством водки
Отличаются лакеи
    Графа Безбородки.

3 августа 1864

263. Н. А. СЕВЕРЦОВУ В КИРГИЗИЮ

Иль не сбылись твои мечты
И там — в стране к Тибету близкой —
Скажи — ужель отвергнут ты
И дико-каменной киргизкой?..

28 сентября 1864

264

О Головнин! Твоих уставов гимназисты
Откроют на Руси свободы новый рай
И выйдут все такие прогрессисты,
Что хоть сейчас на каторгу ссылай.

28 сентября 1864

265. МАДРИГАЛ ГОЛОВНИНУ

Идеи с формой сочетанье
Явилось стройно и вполне,
Как в артистическом созданье,
В уродливом Головнине...

Терситом, Яго, Квазимодо, —
Ну, как его б ты ни назвал,
В твоей сатире на урода
Ему всё выйдет мадригал.

12 января 1865

266. ФЕОКТИСТОВУ

Не сердись... Пришлося к слову,
И тебя я упрекну:
При сочувствии к Каткову,
Служишь ты Головнину...

Для такого ж человека
Казнь народная строга:
Говорят — «он богу свечка
Да и черту кочерга».

21 января 1865

267. ГОЛОВНИН

Он доказал, при возвышеньи быстром,
При дружбе со значительным лицом,
Что можно быть бездарнейшим министром
И даровитым подлецом.

24 января 1865

268. ОТЧЕГО Я НЕ ЖЕНЮСЬ

(Элегия)

Тяжко жить на свете, други,
В сорок лет мне холостым,
Без детишек, без супруги,
Сирым сердцем, всем чужим.

Глухо плачу, скрытно стражду,
В мире я как перст один, —
Я жениться страстно жажду:
Мне мешает Головнин.

С тупоумным неуменьем
Прогрессивничает он,
Правя нашим просвещеньем,
Как возница Фаэтон...

Ведь в любви с подругой нежной
Можно деток ожидать,
И придется неизбежно
Их в гимназию отдать...

Оттого теперь страдает
Каждый русский гражданин,
Оттого-то и мешает
Мне жениться Головнин.

8 февраля 1865

269. И. С. АКСАКОВ

Теории! Вы гибель для умов,
Вы портите строенье жизни русской.
Аксаков сам — и тот не без грехов:
Он в óхабне социалист французский,
Иль в синей блузе Посошков.

18 марта 1865

270. ВОПРОСЫ СПИРИТОВ

«Возвести нам, дух Фаддея,
Откровения свои:
Кто продажнее Андрея
И гнуснее Илии?..»

И Фаддей, незримо вея,
Начертал слова сии:
«Нет продажнее Андрея,
Нет гнуснее Илии».

7 октября 1865

271. МОСКВА, 25 СЕНТЯБРЯ, В «ДНЕ»

Из русского нутра нам выгнать иноземца
Аксакова лекарство помогло, —
Весь Петербург тошнит теперь от немца,
Аксакова уж немцем пронесло.

7 октября 1865

272. ГЕННАДИЙ ЛЕРМОНТОВ

Собой забавную нелепость
Наш либерал изобразил:
Он всей душой стремился в крепость,
А в генералы угодил.

8 декабря 1865

273. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЧЕТНЫЙ МИРОВОЙ СУДЬЯ

(Геннадий Лермонтов)

Ах, какая он свинья,
Петербургский наш судья!
Как он пóшел и как пуст,
Этот чýхломский Сен-Жюст!

26 апреля 1866

274. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА РУССКИЙ ЛАД

Доморощенным гигантам
Должный путь мы указали,
Сообразно их талантам
На места их рассажали:

Робеспьеров — по акцизу,
А *Маратов* — по контролю. . .
Пусть всё рушат сверху, снизу,
Либеральничают вволю!

Наделить крестьян землею
Мы *Бабефов* разослали,
А *Барбесов* всей душою
В мировые судьи взяли.

Теруань де Мерикуры
Школы женские открыли,
Чтоб оттуда наши дуры
В нигилистки выходили.

Клотцы нашим гимназистам
Проповедуют науку...
Словом — крайним прогрессистам
Всё теперь поплыло в руку;

Но, средь этой благостыни,
Есть без жениха невеста:
Только *Разума Богине*
Не нашлось в России места.

5 июля 1866

275. СОВЕТ

Чтоб огромные оклады
Получать на службе царской,
Чтобы снискивать награды,
В чин пробиться генеральский,
Я скажу совет вам дивный,
И ему прошу я веры, —
В нашей Руси прогрессивной,
Други, будьте Робеспьеры!

Июль 1866

276. ЭНЦИКЛИКА

Рескрипт тринадцатого мая —
Пример консерватизма нам:
Всех радикалов осуждая,
Он их оставил по местам.

9 июля 1866

277. СМЕРТЬ С. С. ДУДЫШКИНА

(На мотивы из Шиллера)

В сердце свежая нам рана!
Умер лучший из людей:
Нет достойного Степана,
Жив подкупленный Андрей!

17 сентября 1866

278. SAPIENTI SAT [1]

Подражание Фету [2]

Руси детское незнанье,
Флориановская речь,
Непрестанное вилянье,
Чтобы место уберечь,

Риги с Вильной упованье
И отчаянье Москвы,
Недовольство и роптанье
Всей общественной молвы,

К Руси полное презренье,
Во французе идеал,
К «Первозванному» стремленье,
Чтоб он перси украшал,

С сильным дружбы заключенье,
Страсть Каткова взять в тиски, —
Вот твое изображенье,
O marquis, marquis, marquis! [3]

2 декабря 1866

---

[1] Мудрому достаточно (лат.). — *Ред.*

[2] Так как это стихотворение имеет предметом своим одно лицо, *управляющее в России* огромным административным ведомством, то во исполнение эстетического закона соответствия идеи с формою, оно все написано *без управляющего глагола*. В таковых видах автор и воспользовался стихотворением Фета, не заключающим в себе тоже *глагола управляющего*:

«Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья...»

Впрочем, и странно бы было на какое бы то ни было русское правительственное ведомство написать стихотворение с глаголом *управляющим*.

[3] Маркиз, маркиз, маркиз! (Франц.) — *Ред.*

279. СОВРЕМЕННОЕ ОЖИДАНИЕ

Всё ждешь каких-нибудь историй,
Трепещешь за свою судьбу, —
Ведь из принци́пов и теорий
Россию выпустят в трубу.

13 января 1867

280. КАТКОВ И АКСАКОВ

Кэ́ткоф лорд да смерд Иванец
Прямо делом повели,
Чтоб не портил иностранец
Или русский самозванец
Жизни русския земли.

16 января 1867

281. «СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО» НА СЦЕНЕ

Талантливых наших актеров, наверное, тем не обижу,
Когда бы им правду в глаза я сказал,
Что Па́вла Васильича [1] видел, Василья Васильича [2] вижу,
Ивана ж Васильича [3] я не видал...

9 февраля 1867

282. ЗЕМСКАЯ РЕТОРИКА

Наши Земские Собранья
Класс реторики открыли,
И ему на содержанье
Два мильона положили. [4]

---

[1] Актер Васильев Павел Васильевич.
[2] Актер Самойлов Василий Васильевич.
[3] Царь Иван Васильевич Грозный.
Оба эти актера играли роль царя Ивана Васильевича Грозного, один вслед за другим.
[4] По исчислению газеты «Москва» *на жалованье* членам земских управ во всей России расходуется в год более 2 миллионов рублей серебром из земских сборов.

Тяжесть хрий, фигур и тропов
Вся ложится на народе:
Он содержит филантропов,
Платит фразам о свободе,

О сокровищах грядущих
Перед сущими сума́ми,
О реках, млеком текущих
Меж кисельными брегами.

12 февраля 1867

283. ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ИСТОРИИ

Вникая в мир и в жизнь людей,
Да и в себя, как в человека,
Я вижу дичь в душе моей
И в ходе общества от века.

Всё в небе стройности полно,
А нам и смысл отмерен скупо, —
Планеты движутся умно,
А люди движутся так глупо!

24 апреля 1867

284. ГРАФ Г. А. КУШЕЛЕВ-БЕЗБОРОДКО

Российским барином себя он показал:
Японцев и славян равно он угощал.

10 мая 1867

285. ТЕПЕРЬ

Повсюду печать кретинизма
Отечество кажет мое:
Внизу дурачье нигилизма,
Вверху — из д. . . . . дурачье.

7 июня 1867

286. ЕВРОПА И МЫ

В прогрессе общества у всех одни законы,
Он льется и у нас широкою струей:
С Бисмáрком возятся и галлы, и тевтоны,
Мы тоже возимся — с Арсеньевым Ильей.

27 сентября 1867

287. РЕЦЕНЗИЯ

(8-я КНИЖКА «РУССКОГО ВЕСТНИКА» 1867 г.)

Явился «Вестник» к нам, обычно
Просрочив множество недель:
Бранят в нем Пыпина прилично,
Да Яков[1] тянет канитель.

3 октября 1867

288. РУССКАЯ ИДИЛЛИЯ

Век для России настал идиллический...
В ней-то Аркадии вся простота!
Наши министры, с душой буколической,
Заняли прочно места.

Нимфы здесь пишут свои резолюции,
«Злато презренное» Рейтерн извел,
Жаждут младенцы у нас революции,
Поп в нигилисты пошел.

Добрый Милютин российское воинство,
Этих детей бородинских бойцов,
Ставит себе горделиво в достоинство
Всех обратить в пастушков.

С милым неведеньем, с детскостью сладкою
Русь так завидно сжилась,
Что уж Бисмáрк из-за Вислы украдкою
Смотрит, смакуя, на нас.

18 октября 1867

---

[1] Полонский.

289. ИЗ ОДНОЙ ПРОПОВЕДИ

Что наш билет кредитный, братие,
С зеленым цветом и в кружках?
Он — «отвлеченное понятие»
О настоящих трех рублях.

22 октября 1867

290. ЗАРАЗА

Легче мне бежать со свету
И в глуши окончить век,
Чем Коршá читать газету:
Ведь читая тупость эту,
Окоршится человек!

24 октября 1867

291. НАШЕ БОГАТСТВО

Нас чересчур уж осудили строго:
　　Мы не совсем безумно жили;
Хоть денег мы и растеряли много,
　　Зато «вопросов» накопили.

27 октября 1867

292. ПАЛКИНУ

(Экспромт)

Ну что за гнусная скотина!
Им каждый гость всегда надут,
И все ругают Константина, —
А к Константину все идут.

28 октября 1867

293. ИЛЬЕ АРСЕНЬЕВУ

(Экспромт)

Свершился путь твой многотрудный,
И цель достигнута твоя:
Сидит в узилище Зарудный
И торжествует Илия.

30 октября 1867

294. СТИХИ, СКАЗАННЫЕ В СНОВИДЕНИИ

Пред женщиной я не Тотлебен,
Себя б от ней не защищал:
А пел бы грации молебен,
Акафист красоте читал.

4 ноября 1867

295. НАШЕ ВРЕМЯ

Когда был в моде трубочист,
А генералы гнули выю,
Когда стремился гимназист
Преобразовывать Россию,

Когда, чуть выскочив из школ,
В судах мальчишки заседали,
Когда фразистый произвол
Либерализмом величали,

Когда мог Ольхин быть судьей,
Черняев же от дел отставлен,
Катков преследуем судьбой,
А Писарев зело прославлен,

Когда стал чином генерал
Служебный якобинец Стасов,
И Муравьева воспевал
Наш красный филантроп Некрасов,

Когда бездарность и прогресс
В России стали синонимом
И здравый смысл из ней исчез,
Тургеневским рассеясь «дымом», —

Тогда в бездействии влачил
Я жизни незаметной бремя, —
И счастлив, что незнаем был
В сие комическое время!..

20 ноября 1867

296. НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Семь лет тому назад вакансий ряд открылся
(Их ждут чиновники, как манны от небес).
Лишь только Здравый Смысл в отставку удалился,
На это место сел немедленно Прогресс.

23 ноября 1867

297. ВОПЛЬ Ф. И. ТЮТЧЕВА

В Главном управленьи
Служба мне — не манна...
В этом положеньи
Жутко мне и странно!

Подписав решенье
В «предостереженье»
Мужу милой Анны, —
Выйдешь, как из ванны.

30 ноября 1867

298. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПОЧЕТ

Я только предаюсь теперь одной заботе,
Чтоб почестей избег житейский жребий мой:
Ей-богу, совестно в России быть в почете,
С тех пор как Лермонтов почетным стал судьей!

1 декабря 1867

299. MARQUIS DE W⟨ALUEFF⟩

Рескрипт тринадцатого мая
Я буква в букву исполняя,
Тиблёну разрешил журнал:
Да поражает он Каткова
Всей монтаньярской силой слова,
Чтоб враг мой пал и не восстал.

2 декабря 1867

300. ЗАМЕТКА РЕТРОГРАДА-ПЕССИМИСТА [1]

Поветрием бесплодно шумным
Коснулась нас реформ чума,
С либерализмом тупоумным
И с гуманизмом без ума.

5 декабря 1867

301. СОВРЕМЕННАЯ ЭЛЕГИЯ

Ах, зачем я либерал умеренный,
Ах, зачем не крайний радикал!
Я бы стал теперь благонамеренный,
Я б чины да деньги пожинал,

И считался образцом бы честности
Я у тех, кто юн иль прогрессист,
И легко достигнул бы известности...
Ах, зачем же я не гимназист!

Не горазд я был писать «воззвания»,
Я студентов не хотел мутить,
Даже к школам не имел призвания, —
Так уж мог ли дельным я прослыть?..

---

[1] Этот господин, вероятно, вспомнил русскую народную пословицу: «без ума торговать — лишь деньги терять».

Возвышаясь в мнении правительства,
Я большое б жалованье брал,
Сам Валуев розы покровительства,
Как Тиблéну, мне бы расточал,

И попал бы скоро в генералы я,
Как один хохол-сепаратист,
И стяжал бы выгоды немалые...
Ах, зачем же я не гимназист!

8 декабря 1867

302. ВЕК

Век девятнадцатый веком бездарности
Должен в России прослыть,
Хоть за реформы его благодарности
И невозможно лишить.

9 декабря 1867

303. ПО НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЛОГИКЕ

(Дилемма)

Когда бы, красного исполнен изуверства,
Я революции для родины желал,
То, верно б, сделался иль членом министерства,
Иль с ребятишками на каторгу попал.

10 декабря 1867

304. ЭПИЛОГ

Я на историю сошлюся:
От Рюрика и Синеуса
Тупей тех не было людей,
Что в наши дни вертят делами
И мчатся в пропасть вместе с нами
Во имя западных идей.

10 декабря 1867

305. ТАРИФНАЯ КОМИССИЯ

«Лишь только пошлину убавим мы на кофей, —
В Комиссии тарифной говорят, —
То Сидор и Козьма, Матрена и Прокофий
Развитием ума, как Гумбольдт, заблестят. . .»
Итак, похерим мы наш классицизм ученья
И ведомство Толстого упраздним,
Его ж, для вящего финансов сбереженья,
Комиссией тарифной заменим,
И, кофей вместо школ введя в употребленье,
Мы быстро разовьем в России просвещенье.

11 декабря 1867

306. ЧЛЕНАМ-ФРИТРЕДЕРАМ ТАРИФНОЙ КОМИССИИ

Комиссией своей вы то нам натворили, —
Как будто кофею вы никогда не пили!

13 декабря 1867

307. ТЕПЕРЬ

Выбросили сор мы:
Вновь торим дорожку,
Делая реформы
Из кулька в рогожку.

18 декабря 1867

308. НЕКРАСОВ И КРАЕВСКИЙ

Их двое будут всем в литературе править:
Особый им талант на то от бога дан. . .
Один готов на карту Русь поставить,
Другой — продать ее на чистоган.

20 декабря 1867

309. ЭПИГРАММА НА САМОГО СЕБЯ

Вкусив все горести, коварство и измену,
Негодный ни к чему, не знаю, как и быть:
Осталось только мне вступить теперь на сцену
И Марио собой достойно заменить...

28 декабря 1867

310. НАШИ ТИТАНЫ

«Все наши таковы Мадзини, Бруты, Муции, —
Валуев провещал, с Тибле́ном говоря, —
Вы, например, Тиблен, стремились к революции,
А кончили вы чем? — изданьем словаря».

31 декабря 1867

311. АКАДЕМИЯ НАУК,
ПО ИЗБРАНИИ В ЧЛЕНЫ ВАЛУЕВА

Согласен в этот раз со всеми я:
        Всяк видит, кто не близорук,
Что ты холопей Академия —
        Не Академия наук.

6 января 1868

312. РЕДАКТОРАМ «ИСКРЫ»

Пусть кретинам, как игрушка,
«Искра» тешит взор и дух...
Мир ей! — Стих мой не хлопушка,
Чтоб им бить подобных мух.

12 января 1868

313. ИСХОД

Везде у нас фразер иль либерал-невежда,
Или теорией набитый идиот, —
Лишь только на тебя и есть одна надежда,
Хоть с кругу спившийся, но умный наш народ!

14 января 1868

314. СВЯТЫЕ БЕССРЕБРЕНИКИ

Не дивлюсь Косьме, Демьяну,
Я, как русский, не дивлюсь:
Хоть сейчас святым я стану,
С ними в доблести сравнюсь...

Как с своею Рейтерн кликой
Нам очистил всем карман, —
На Руси святой, но дикой
Всяк бессребреник великий,
Всяк Косьма или Демьян.

27 февраля 1868

315. ПУСТЫНЯ

Ужель в России нет одной живой души,
Я только зрю тупиц передовых в движеньи,
Тех, чьи идеишки в принци́пе хороши
И так смешны и жалки в исполненьи!..

3—7 марта 1868

316. ЕЩЕ О ВАЛЕНТИНЕ

Я из мира сего многошумного
Помирился б с могильною сенью,
Зане Корша там нет скудоумного
С либеральной его дребеденью...

Еще Корш ведь пока не преставился
(Ему ж годы прожить за годами), —
Мне тот свет за одно б уж понравился,
Что с такими не жить дураками.

30 марта 1868

317. ПО ПРОЧТЕНИИ IV ТОМА «ВОЙНЫ И МИРА»

В его художничьей натуре
Какой-то странный Вавилон:
Он генерал в литературе,
А в философии бурбон.

20 апреля 1868

318. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПОЛИТИК

Квартальных Зевс, Макиавелль пажей,
Теперь попал в администраторы:
Так повелось на родине моей,
Где метит всяк кадет в новаторы...

От ваших всех бессмысленных мытарств,
Да с этакими Талейранами, —
Наверное, из первых государств
«В отставку» выйдем мы «за ранами».

29 апреля 1868

319. ГРАФ АЛЕКСАНДР А⟨ДЛЕРБЕРГ⟩

Чужд интриги и обмана,
Никому он не вредит,
Лишь для царского кармана
Он есть бочка данаид.

Июнь 1868

320. ПРИЗНАНИЕ И. П. ЯКУШКИНА

Ко всему я исполнен холодности, —
Были б штоф, огурец да селедка;
Не любил бы и русской народности,
Коли б с ней не вязалася водка.

Июнь 1868
Столыпинские минеральные воды

321. КНИГОПРОДАВЕЦ ВОЛЬФ

Бедняков всё слышу клики я,
Средь карманных зол и бед:
«Хуже нет жида Маврикия,
Надувательнее нет!..»

13 августа 1868

322. ПРИЧИНА ПЬЯНСТВА

До бесчувствия забыться,
Ошалеть, тупеть умом —
Вот мужик к чему стремится,
Наливаяся вином;

А теперь к вину охота
Усторилась у него:
Пьет настойку он из Грота
И дуреет от того.

19 октября 1868

323. ДВЕ ЕКТЕНИИ

Когда-то бога мы просили,
В молитвах пламенных своих,
Избавить нас от старой гнили —
От консерваторов тупых.

Теперь другое уж моленье,
И смысл ектéнии таков:
Избавь Россию, провиденье,
От прогрессивных дураков!

26 октября 1868

324. ЗАМЕТКА

Мы крестьян освободили, —
Но, по страсти к крепостям,
Прикрепить их поспешили
К повсеместным кабакам.

13 ноября 1868

325. ДОПОЛНЕНИЕ К «РУССКОМУ ТОЛКОВОМУ СЛОВАРЮ»

Камо пойду от духа Твоего
и от взора Твоего камо бежу?

Псалом 130-й

Когда в России многопьющей
Вам скажут слово «вездесущий», —
Не разумейте бога в нем:
Так начали во время Грота
(Сего грядущего банкрота)
Именовать «питейный дом».

14 ноября 1868

326. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

И из разумного способны сделать вздор мы!
И наш шальной прогресс Европу лишь смешит...
Насколько ж мы умны и наши все реформы,
Как истый судия, Бильбасов разрешит.

27 декабря 1868

327 ТРУЩОБНЫМ ЗОИЛАМ

Я говорю, когда меня ругают
Какой-то Зет, и «Искра», и «Неделя»:
То на меня из подворотни лают,
То расходился пьяный пустомеля.

2 января 1869

328. ЗАМЕТКА

Уж такова у нас природа!
Претит нам всякая свобода:
Нам хочется холопом быть —
Народу ли иль барам льстить.

10 января 1869

329. НАСМЕШНИКУ

У нас кресты — не за таланты,
За трудолюбие кресты:
Тарифа ли представил план ты —
И будешь кавалером ты...

Зачем, с насмешкой горделивой,
На ордена взносить хулы:
Ведь и осел трудолюбивый
Достоин тоже похвалы.

10—11 января 1869

330. АДВОКАТУ ЛОХВИЦКОМУ

Невинности моей защиту пред судьями
Боюсь, о Лохвицкий, тебе я поручить!
Своими прежними способен ты делами
«Предубеждение» в присяжных поселить...

Я, — скажут, — виноват, я автор сих делишек, —
Недаром же тебя в защитники избрал:
Ведь так блистательно ты отстоял воришек,
Ведь ты мошенников так славно защищал.

10—11 января 1869

331. ЛИТИЯ ПО УСОПШЕМ РАБЕ БОЖИЕМ КОНСТАНТИНЕ ГРОТЕ

Мы в гербе орла уничтожаем,
Герб меняем, Грот, из-за тебя!
Кабаком орла мы замещаем,
Чтоб точнее выразить себя...

Мир тебе, нам мужиков споивший,
Мир тебе, в Аиде средь теней,
Русским бабам всё нутро отбивший
Чрез посредство пьяных их мужей!

Фонари ты ставил под глазами,
От тебя тошнило столько душ,
И мужик украшен желваками
Наподобье яблоков и груш.

Чрез тебя мы податей не взносим,
Недоимок пропасть наросло,
И невольно откупов мы просим,
Чтоб к тому вернуться, что прошло...

Чрез тебя — и девки, и мальчишки —
Всё «*мыслете* пишет» по Руси...
Знать, недаром шли тебе крестишки,
Так теперь Россия крест неси!

10—11 января 1869

332. ПАКИ О ГЕННАДИИ ЛЕРМОНТОВЕ

Российской пустоте, фразерству Петрограда
Все города, смеясь, дают свой контингент:
На что уж Чухлома — и та куда как рада,
Послав Геннадия в наш питерский конвент!

16 января 1869

333. «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Газета Коршева есть двухэтажный дом,
И помещаются два заведенья в нем:
Вверху приют для всех умалишенных,
Внизу кабак писачек беспардонных.

28 февраля 1869

334. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

По высочайшему указу
На площади не свищет кнут,
И был он уничтожен сразу,
И палачи уж нас не бьют...

Но в прессе нашей либеральной,
Среди журнальных дикарей,
Еще царишь ты, кнут опальный,
Со всею прелестью своей!

23 марта 1869

335. ЮНОШАМ — ЧЛЕНАМ СЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА

Не в буйном стане шайки грубой
Всеотрицающих невежд
Нам племя молодое любо —
Колено славы и надежд:

Оно нам любо там, где дело
Прямое юноша познал,
В смиреньи начал строить смело,
Любовь без злобы показал.

Исполнен юных сил богатства,
Он в даль, как зрелый муж, прозрел,
И отдал сердце чувству братства,
А ум творенью здравых дел. . .

И свято назначенье это:
В нем русский юноша избран
Вносить плоды любви и света
На общий жертвенник славян.

25 марта 1869

336. «НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ» О КОЧЕВНИКАХ

Наш «Устав» о номадах достану
И прочту, и скажу я себе:
Вот устройство киргиз — по Констану,
А тунгус — по Леру и Кабе!

30 марта 1869

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

337. К МОРЮ

Сонет

С какою радостью я свиделся с тобою,
О зеркало небес, наш исполин земной!
Какою-то высокою мечтою
Я воскрылен, когда ты предо мной.

Я трепещу, когда, валы вздымая,
Ты восстаешь кичливо до небес,
И, облака волнами подпирая,
Шумишь, как вихрь, волнуешься, как лес.

Твой грозный шум, могучее стенанье
И буйное зыбучих волн плесканье
И жемчугом, и думою кипят.

О, если б знать мне мысль твою, стихия,
Что волны мне так шумно говорят,
О чем ревут их вопли вековые!

1837

338. ОТЧАЯНИЕ

Русская песня

Не шуми, не гуди,
Непогодушка,
Не играй, не бушуй,
Море синее,
Не кручинь молодца,
Судьба-мачеха...

Нет, грози мне навек
Злым безвременьем,
Пусть я буду один-
Одинехонек,
Пусть не любит меня
Красна девица, —
Ретивое мое
Словно замерло...
Оно — пепел седой
На пожарище!..

Как мороз признобит
Больно травушку,
То не стлаться уж ей
В поле бархатом, —
Как поранит судьба
Сердце молодца,
То не цвесть уж ему,
Не оправиться!
Подружусь, сговорюсь
С ночью темною,
Буду жить я в ладах
С шумной бурею,
А в подруги возьму
Мать-дубравушку!..

Не камкой торговать
И не паволокой,
А купцов разбивать
У Нова́города, —

Средь бела дня мне спать
Богатырским сном,
В темной ночи гулять
Вихрем-бурею!..

Как мороз признобит
Больно травушку,
То не стлаться уж ей
В поле бархатом, —
Как поранит судьба
Сердце молодца,
То не цвесть уж ему,
Не оправиться!

1839

339. КЛЕФТЫ

Раз, в ущельи скалы,
В час полуночной мглы,
Паликары, шумя, пировали.
Много пили вина,
И бокалы до дна
Молодецки они осушали.
Как янтарь, как слеза,
Как корицьи [1] глаза,
Было чисто вино и играло.
Светлоокой звездой,
Искрометной струей
Влага в чашах, шипя, заблистала.
«Други, пейте вино:
Льет отвагу оно
В душу клефта!.. Полней наливайте!» —
Барба-Яни вскричал,
И вина ожидал.
«Ну ж, проворней ковши наполняйте!..
Эй, с сарделью [2] кутук [3],

---

[1] Корицья — девица.
[2] Сардели — мелкая соленая рыба.
[3] Лукошко.

С сантуринским бурдюк[1]
Принеси нам скорей, Левендаки!
Все веселья полны,
У всех лица ясны,
Только пасмурен ты, мой Костаки...
Ковш заветный вина
Выпей разом до дна,
И от сердца тоска удалится».
— «Ах, отец мой, тоска
Стала так глубока!..
Отчего мне теперь проясниться?»
Левендаки вбежал
И в испуге сказал:
«Паликары бурдюк осушили».
Будто молний поток,
Будто сабли клинок,
Очи Яни в тот миг засветились.
«Не сердись, наш отец,
И тебе, удалец,
И всем братьям вина я достану:
Только жизнью своей,
Среди блеска мечей,
Залечу, может быть, эту рану.
Свою кровь я пролью
Средь пустыни в бою,
А вина молодцам будет вволю.
Полон местию я:
Фотиница моя
Не в объятьях моих, а в неволе!
Я томлюсь одинок,
Как поблекший цветок:
Турки с милой меня разлучили.
За свободу, за честь
Изольем свою месть,
Чтоб вперед нас враги не забыли!
Други, слышите ль гул?
То идет в Истамбул
Караван из богатой Янины.
Окружают его,

---

[1] Кожаный мешок.

Как пашу своего,
Арнауты в степях и теснинах.
Паликары, за мной!
С караваном на бой
Поскорей, поскорей собирайтесь!
Обнажив ятаган,
Как гроза-ураган,
На добычу, на смерть устремляйтесь!»
Десять всадников вмиг,
Молодых и лихих,
На коней, будто вихорь, взлетели.
Все построились в ряд,
Вбили в ружья заряд,
И прощальную песню запели:

ПЕСНЯ

Вы жаждете боя, могучие братья?..
Пойдем на пирушку, пойдем!..
Луна заструилась на остром булате, —
И кровь заструится по нем...

Вот борзые кони заржали под нами
И рвутся в пустынную даль...
Вот месяц покрылся уже облаками,
Но светит, о други, нам сталь!

Копытами кони разгонят мрак ночи;
Замечутся искры лучей;
Кровавую стычку во мраке полночи
Осветят удары мечей.

Идем в путь опасный, о други, прощайте!
И если с добычей придем,
Тогда нас с бокалом заветным встречайте,
А мы вам про битву споем!

Идем в путь опасный, о други, прощайте!
И если погибнем в бою,
Тогда с тихой грустью вы нас вспоминайте,
Слезу нам пошлите свою!

Бросив взоры на строй,
Константин удалой
Поскакал впереди паликаров.
По высоким холмам,
По гранитным скалам
От копыт раздавались удары.
Месяц полный сиял
И лучом озарял
Тучи дум на челе Константина.
С легким ветром резвясь,
Фустанелла вилась,
Будто знамя его пред дружиной.
Кони мчались стрелой;
От копыт их змеей
Золотою лучи заструились...
Но шум начал стихать,
Месяц стал угасать,
И дружина из виду сокрылась.

Как кристальный поток,
Был прозрачен восток,
И редели туманные тени;
На лазури небес
Грозный сумрак исчез,
И рассеялись с ним привиденья.
Вмиг всё стало светло...
Солнце ярко всплыло
На сапфирную зыбь небосвода.
Приосанился лес,
На улыбку небес
Отвечала улыбкой природа.
Но уныл и угрюм,
С ношей пасмурных дум,
На утесе стоял Барба-Яни.
Вдаль тревожно взирал,
С нетерпеньем он ждал
С десятью молодцами свиданья.
Пыль столбом поднялась:
То дружина неслась
С дорогою добычей из боя.
Константин в стороне

Гарцевал на коне,
И резвилося в нем ретивое.
Как курильницы дым,
Мчалась резво за ним
Молодая, как роза, девица.
Развивался тюрбан,
Весь из радуг соткан,
Над волнами кудрей Фотиницы.
Прискакали... и вмиг
Барба-Яни старик
Обнимать начал всех паликаров.
«Ну, каков же был бой?»
— «Дай хлебнуть мне... Постой,
Расскажу про огонь и удары,
Коротко говорю,
Когда в кубок смотрю:
Ты не жди от меня многоречья.
Караван был богат,
И с ним много солдат:
Нам грозили и смерть и увечье.
Бились мы на убой,
Часто дружно их строй
Мы напором одним разрушали.
В караване врагов
Было сорок бойцов,
А нас десять; но мы не плошали.
Начал строй наш слабеть,
И мы бились насмерть...
Вдруг нечаянно к нам прискакали
Восемь клефтов-друзей
Из соседних степей;
Они быстро на турков напали...
Что же, Барба? чрез час
Всяк был весел из нас:
Мы делились добычей с друзьями.
Константин был в бою,
Словно лев, и свою
Фотиницу он взял под мечами.
Караван ее вез
В гарем дальний для слез,
Для страданья, для жизни в неволе.
Барба, всё я сказал...

Теперь выпью бокал,
Лишь веселье одно — наша доля!»
В знак прощанья с землей,
На закат вековой
Солнце знамя свое распустило.
Ленты радуг сплелись,
И небесная высь
Будто огненной сетью покрылась.
Вечер негой дышал,
Ветерок навевал...
Средь долины бойцы пировали.
Перед ними в цветах,
С пылкой страстью в очах,
Молодые гречанки плясали.
Барба-Яни велел,
Чтоб плясал всяк и пел,
Чтоб попойка не знала пределов.
В толпе кубок летал,
Пеной искры метал, —
Одна радость была всех уделом.
За бокалом вина
Ожила старина...
Барба вспомнил ее, чаровницу:
Раздался тамбурин, —
И запел Константин,
Лобызая свою Фотиницу.

ПЕСНЯ

Позабудь о жизни бурной:
Ты отрадна, как мечта!
На очах твоих лазурных
Влага страсти разлита...

Взор небесный, взор понятный
Брось, корицья, на меня, —
И на выси необъятной
Не увижу солнца я!

Запляши воздушно, стройно,
Легким ветром разлетись

И лучами страсти знойной
Надо мною засветись!

Позабудь о жизни бурной:
Ты отрадна, как мечта!
На очах твоих лазурных
Влага страсти разлита...

Июнь 1840

340. ΖΩΗ ΜΟΥ, ΣΑ͂Σ ἈΓΑΠΩ͂![1]

(Льву Ивановичу Арнольди)

Зоя милая! Прощай...
Я иду в далекий край...
Зоя милая, прощай,
Только сердце мне отдай
Прежде, чем расстанусь я...
Нет! Возьми всего меня:
Я хочу быть век с тобой!..
Ζωή μου, σᾶς ἀγαπῶ!

И за локон-завиток,
Что эгейский ветерок
Так лелеял, колыхал
И с любовью целовал,
За огонь твоих очей,
За мелодию речей
И за губки, и за всё,
Ζωή μου, σᾶς ἀγαπῶ!

За румянец на щеках,
За цветочки на грудях,
Что со мною говорят
То, о чем уста молчат,
И за то, что я грустил,
И за то, что весел был,
И за всю мою любовь,
Ζωή μου, σᾶς ἀγαπῶ!

---

[1] Жизнь моя, люблю тебя! (Греч.). — *Ред.*

Роза Аттики! Прости...
Ворочусь я, не грусти!
Вспоминай, не забывай:
Я иду в далекий край;
В Истамбуле буду я,
Будет здесь душа моя,
Где отрадно быть с тобой!
Ζωή μου, σᾶς ἀγαπῶ!

1840

341. НОЧЬ И СИНЬОРА

Как пленительна, волшебна,
Как тиха, полупрозрачна
        Ночь на небе голубом:
Звезды блещут, словно очи,
Дикой пламенною страстью
        Баядерки молодой;
Ветерок душистый веет,
Будто дева робко дышит
        В час признания в любви;
Волны зыбкие каналов
Воздымаются привольно,
        Будто девственная грудь.
Одинокою лебедкой,
Светлоокою наядой
        В море зыблется луна,
И по зеркалу морскому
Расстилает ее кудри
        Прихотливая волна
Огневою полосою.
За луной плывут дружиной
        Звезд потешные огни,
И порою пронесется
Мотыльком неуловимым
        По лазури метеор.
Звуки стройной баркароллы
И Торкватовой октавы
        Дышат негой на меня...

Звон гитары раздается,
Гондольера песнь несется
Над поверхностью зыбей...

О, сойди ко мне в гондолу,
На раздолье из palazzo[1],
Черноокая краса!
Я не буду любоваться
Этой девственною ночью!..
О, сойди ж ко мне, сойди!..

⟨1841⟩

342. РУССКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, мое дитятко,
Спи, мое милое,
Спи, когда спится!

Скоро ты вырастешь:
С гнездышка теплого
Скоро слетишь.

С русой бородкою,
Дитятко милое,
Горе придет.

С первой красавицей,
С первой зазнобушкой,
Сон пропадет.

С женкой румяною,
С малыми детками
Много забот.

Песня ль старинная
Вспомнится радостно,
Хочешь запеть.

[1] Дворец (итал.). — *Ред.*

В двери широкие
Явятся хлопоты —
Песня уйдет...

Сон ли украдкою
На изголовьюшко
Ляжет порой —

Дума житейская,
Злая кручинушка
Сгонят его!

Спи, мое дитятко,
Спи, мое милое,
Спи, когда спится!

11 декабря 1841

343. ΚΑΛῊ ΝΎΚΤΑ ΣΑΣ![1]

Темный сад лимоном дышит,
Ветерок кусты колышет...
Кто увидит нас?

Будем мы гулять до света:
Ночь и сад полны привета —
Καλὴ νύκτα σας!

Сколько жизни! Сколько счастья!
Скинь якету, брось запястья:
Будь ты без прикрас!

Дышит сон на наши очи...
Слышишь, — шепчут звезды ночи:
Καλὴ νύκτα σας!

С берегов прохладой веет;
Месяц меркнет и темнеет, —
Это всё для нас!

---

[1] Доброй ночи! (Греч.). — *Ред.*

На ланитах счастья слезы,
Как роса на цвете розы...
Καλὴ νύκτα σας!

Долго, трудно ожиданье
Быстролетного свиданья:
Это жизни час...

Это призрак сновиденья:
Счастье — редкое мгновенье...
Καλὴ νύκτα σας!

1841

344. УЗНИК

«Небо Аттики прекрасной
Надо мною не блестит,
И с Химета месяц ясный
Сквозь решетку не глядит.

Знать, под сенью Парфенона
Я лобзал тебя в уста,
Светлоокая *кукона,*
Чтоб проститься навсегда!

Но зачем с тобой так мало
На прощанье говорил,
И вокруг *якеты*[1] алой
Страстно рук я не обвил!..

Освети же мрак темницы
Взором пламенных очей:
Мне давно не шлет денница
Светлорадужных лучей!..

Смерти жаждешь ты, Янина!
Слышу я: за мной идут,
Но албанцы *Тебелина*
Крови грека не прольют!..»

---

[1] Якета — корсет.

Пал, рыдая, на колени,
Он молитву сотворил —
И о каменную стену
Буйну голову разбил.

⟨1842⟩

345

Бывают дни недуга рокового:
Напрасно я гляжу кругом,
Среди тревог волнения земного
Услады сердцу нет ни в чем.
Мне тяжело цветов благоуханье,
Докучен свет роскошный дня,
И звуков сладостных живое сочетанье
Не трогает меня.
Но есть часы отрадного безумства:
Печаль минувшего забыв,
Я всё готов почтить приветом чувства,
Платя отзывом на призыв.
И грустные дотоле впечатленья
Мне кажутся так дивно хороши,
Что я б хотел иметь в подобные мгновенья
Два сердца, две души.

⟨1842⟩

346. ДЕРЕВНЯ

На пыльный небосклон лишь тучка набежит,
И город влажною прохладой освежит,
И ближний сад повеет ароматом,
И нивы дальние заблещут летним златом,
Невольно вспомнится забытый уголок. . .
Деревня добрая с роскошными полями,
С рекою голубой, с зелеными садами,
С малиной спелою, со сливой золотой,
И локон барышни, природой завитой,

Ее воздушные пленительные ножки,
Обутые назло в полусапожки.

Сливаются вдали напевы соловья
С журчаньем трепетным кристального ручья;
Склонились сводами плакучие березы;
С них падают в реку росы вечерней слезы.
Со стадом молодым идет пастух к реке,
Играя весело на дедовском рожке.
Помещик пожилой в своем халате давнем
От мошек затворить приказывает ставни.

Люблю я от души тебя, уютный край,
Деревня добрая — ленивца светлый рай:
Там барыня свой стан снуровкой не сжимает,
Там, удалясь она от тщетной суеты,
Свои наивные румяные черты
Личиной жалкою белил не закрывает;
И барышня твоя прелестна и стройна,
Хоть в платье ситцевом красуется она...
Люблю в деревне я житье-бытье простое,
И щечки полные, и молоко густое...

⟨*1842*⟩

347. ДЖУЛЬЕТТА КАПУЛЕТТИ

Упали две звездочки с неба,
Когда родилася она;
Лишившись двух перлов небесных,
Ночь стала темна и грустна...

Под тенью ресниц светлоокой
Небесные звезды горят
И сердце земного красавца
Полуденным солнцем палят.

Но буря житейских волнений
Чудесный цветок сорвала;
Краса его жизнью иною
На почве иной расцвела.

Две звездочки блещут на небе,
Ночь радостной тайной полна;
Земля ж под холодной росою,
Как мрамор могильный, грустна...

⟨1842⟩

348. ДОН-ХУАН И МЕСЯЦ

Берегись, повеса-месяц,
Оловянные глаза:
На твоем луче поеду
Я к тебе на небеса!..
Той рапирой, что гидальгов
Я ad patres[1] посылал,
Тем кинжалом, что под сердцем
Командора трепетал,
Насквозь грудь твою, негодный,
Без пощады проколю
И с насмешкой над тобою
De profundis[2] пропою...
И рога с тебя сорву я,
Будто с дерева лимон,
И чело украсит ими
Не один женатый дон...

Поделом тебе, повеса:
Ты светил назло тогда,
Как я стал лобзать Инесу
В сладко-жгучие уста;
Как супруг ее румяный
Пистолетом мне грозил,
Как меня чуть не схватил
Непредвиденный, нежданный
Полицейский Алгвазил...
Я рога твои приставлю
Мной обманутым мужьям,
А всего тебя отправлю
К безволосым старикам.

⟨1842⟩

---

[1] К предкам (лат.). — *Ред.*
[2] Из бездны (лат.). — *Ред.*

349. ЗАПОРОЖСКАЯ МЕЛОДИЯ XVII ВЕКА

Вот несется черный ворон,
Хлопает крылом. . .
Вот взвился над темным бором,
Гонит птиц по нем.

Знать, готовится *веселье*
Братьям-казакам,
А тяжелое похмелье,
Вечный сон — врагам! . .

День и ночь мы ждем поживы,
Счет забыли дням.
Знать, Богдана из могилы
Не дождаться нам!

Мы когда-то воевали:
Любо вспоминать! . .
Мы орлами налетали
Яссы зажигать.

Реки красные пустили
По Литве гулять;
Днепр широкий запрудила
Вражеская рать.

Мы на *чайках* без помехи
По морю неслись:
В Трапезунде на потеху
Улицы зажглись.

В Трапезунде на пирушке
Славно напились:
Похмелиться ж пенной кружкой
В *Сечь* мы добрались.

Молодого, разгульного
Счастья не забыть,
Славу гордую былого
В землю не зарыть!

Сабли ржавеют, тупятся,
Ружья без курков,
Турки все-таки боятся
Наших казаков!..

⟨1842⟩

850. КРУЧИНА ДОБРОГО МОЛОДЦА

Приглянулся раз
Ясным звездочкам
Светел месяц —
Добрый мо́лодец,
И пришли они
С челобитьицем
К светлу месяцу,
Добру молодцу:
У тебя ль, у месяца,
Высок терем;
Изукрашен он
Лучше боярского;
Не из простого
Камня белого,
Из самоцветной бирюзы
Состроенный.
В ширину, в длину
Не семи сажон,
А над всею землей
Он красуется.
Ты один господин
В своем тереме,
Как Адам в раю,
Похаживаешь,
Ясными очами
Посматриваешь,
Русую бородку
Поглаживаешь,
По плечам кудри
Разбрасываешь.
А постель у тебя —
Золоты облака,

Она мягче, пышней
Невестиной.
Ты со сна встаешь —
Умываешься;
С твоих рук идет
Вода чистая
На поля росой
Серебристою.
Ты, умывшись,
Утираешься
Не ширинкой простой,
А радугой
Изукрашенной,
Разноцветною,
Шелком шитою
Красным солнышком.
Много есть у тебя,
Добрый молодец,
Добра всякого
И угодьицев,
Только нет у тебя
Красной девицы,
Нет подруженьки,
Ясной звездочки...
Выбирай себе
Из звездочек
Подруженьку,
Разлапушку,
Своему терему
Хозяюшку.

Много на небе
Ясных звездочек,
На святой Руси
Красных девушек.
Да одно у меня
Зло безвременье:
Никому по душе
Не пришелся я...
Льются кудри волной
Золотистою;

Горят очи мои
Ясней месяца.
На щеках у меня,
Добра молодца,
Заря красная
Разливается.
Губы алые,
Как у девушки,
Краше ягоды
Малинушки.
Они сахаром
Рассыпаются,
Целовать-миловать
Порываются.
Сердце жаркое,
Молодецкое,
На Москве-реке,
Нашей матушке,
На Крещенье лед
Растопило бы. . .
Выходи на меня
На кулачном бою,
Хоть татарин, хоть черт
С чертенятами! . .
Таково уж мое
Зло безвременье:
Никому по душе
Не пришелся я!

Засылаю сватов —
Им отказывают. . .
Инда с горя иду
Сам посвататься:
Не с невестой домой
Ворочаюся,
А несу на плечах
Двери с притолокой.
Старый хрыч проворчит:
«Не туда зашел!» —
И рассердит меня,
Растворяя дверь.

Оттого наш посад
Без дверей стоит,
Что я в кажду избу
Ходил свататься.
Таково уж мое
Зло безвременье:
Никому по душе
Не пришелся я!

⟨1842⟩

351. ОТЕЦ И ДЕТИ

Русская легенда

> Ах, Дон, ты наш Дон,
> Сын Иванович, Дон!
>
> *Русская хороводная песня*

На траве-мураве седой дедушка спит:
Иван-озеро чистые волны катит
По зеленым лугам на раздольной Руси.
Не морщины бегут по челу старика,
Когда сердце его обуяла тоска:
То по озеру мутные волны пошли;
То задумал Иван, как пристроить детей,
Сколько им отвести безрубежных полей;
И послал, как велось, к сыну *Шату* послов,
Чтобы Шат обождал лет десяток-другой,
Пока мочь-богатырь или разум иной
С ним поладят навек и вольются в него, —
И тогда пусть себе куда хочет идет,
Сколько хочет земель во владенье берет.
Не спросившись отца, Шат — пустая башка —
Зажурчал, зашипел, да пустился бежать
По полям, по степям, да раздолья искать.
Долго шастался он; воротился ни с чем.
Поистратилась там сила-мочь у него,
Разум был короток, недостало его,
А хотелось ему до аваров дойти.
За родные поля не зашел, и назад
Воротился к отцу обессиленный Шат,
Притаился в углу, чтоб не знали его.

Помутилась лазурь на отцовских очах,
И морщины по лбу пронеслися в волнах;
Застонал, будто гром, разъяренный старик...
Но пришел меньший сын, по прозванию *Дон*,
И отвесил отцу со смиреньем поклон:
Разогнал он печаль на лице старика.
Словно ясный денек заблистала волна,
И бурмитским зерном покатилась она:
Загляделись в волну небеса и земля.
«Будь счастлив, тихий Дон, куда хочешь иди,
И привольно везде свои волны кати!
Чрез тебя, добрый сын, будет славен отец:
Возьми силы мои, возьми волны мои!..»
— «Не дари мне, отец, чисты волны твои:
На потеху врагам ты травой зарастешь.
Если бог наградит меня долей благой,
Тебя стану кормить, мой отец дорогой,
Будешь жить-поживать без кручины лихой!..»
И взвился тихий Дон
Серебристой змеей,
По зеленым лугам
Покатился рекой;
Далеко полетел
Сизокрылым орлом,
И на землю упал
Бесконечным лучом.
Дон живою водой
Хитрых греков поил,
И хозаров лихих
Он на битвы носил;
Под ладьями славян
Он приветно шумел,
Громки песни свои
Им с гуслярами пел.

⟨*1842*⟩

352. С ЧЕШСКОГО

Родила меня
Моя матушка,
Родила меня
В красный вешний день,

Во зеленом саду
Между розами...
И сказала мне
Моя матушка:

«Коли б знала я,
Мой родной сынок,
Что родился ты
Добрым чехом на свет,
Обернула б тебя
В розы алые,
Вспеленала б тебя
Василечками».

Раскатился гром
В небе пасмурном.

«Коли б знала я,
Мое дитятко,
Что взрастет из тебя
Злой изменник-чех,
Я рогожей тебя
Обернула бы
И с рогожею той
В терн забросила б».

⟨1842⟩

353. ФОНТЕНБЛО

Ни звук не раздастся под сводами залы,
Ни шум равномерных шагов,
Не пенятся влагой шипучей бокалы,
Мечи не блистают бойцов.

Нет признака жизни; вокруг запустенье
Какой-то печалью глядит...
В дворце позабытом, как дар сокровенный,
Походная шляпа лежит.

В глубокую полночь там носятся тени
Угасших давно королей,
И поступью важной идут привиденья
В тот зал из парадных дверей.

На голову шляпу себе примеряют, —
И всем не по мерке она!
Они все бледнеют и все исчезают. . .
На стеклах играет луна.

Потом император является в залу, —
Державные руки скрестил.
Тревожная дума в очах заблистала:
На шляпу он взор устремил. . .

Видна на той шляпе ничтожность земная,
Почило величье на ней,
И тень, с укоризной на шляпу взирая,
Грустит о судьбине своей.

Сирийское солнце ту шляпу палило,
Песок африканский пылил,
Метели России ее убелили,
И вал океана кропил!

И грозно смотрел император великий,
Унесть свою шляпу хотел, —
Но вдруг раздалися рассветные клики,
И с ночью он ввысь улетел. . .

⟨1842⟩

354

Я не приду на праздник шумный
К вам, сердцу милые друзья,
Делиться чувствами безумно
Уже давно не в силах я.
Со мной повсюду неразлучны
Противоречащие сны:
Все ваши радости — мне скучны,
Все ваши горести — смешны!

⟨1842⟩

355. АТТИЧЕСКАЯ НОЧЬ

Ночь прохладу навевает,
Дышит миррой ветерок,
Филомела распевает,
Спит на розе мотылек.

Над пирейскими водами
Блещет месяц, спит волна,
Голубыми небесами,
Как дитя, усыплена.

Месяц выше приподнялся,
Смотрит страстно на залив:
И в пучине показался
Лес коралловых олив.

Там, под сению оливы,
Солнце девственное спит:
На любовника стыдливо
Месяц пламенный глядит.

«Ты любви моей не знаешь
В тишине моих ночей,
Ты меня не замечаешь
В блеске утренних лучей!..

С неуслышанной мольбою
На бледнеющих устах
Я теряюсь пред тобою,
Я тону в твоих красах».

Плачет месяц безотрадный
И во сне, и наяву,
И росою благодатной
Увлажняет мураву.

Хороша ты, ночь Эллады!
Я тебя не замечал:
Краше глаз моей Стаматы
Ничего я не видал!..

С той поры, когда подругу
Близ оливы я зарыл,
С той поры тебя, как друга,
Я душою полюбил.

Хороша ты, ночь Эллады!
Пылко звездочки горят,
Но меня глаза Стаматы
С прежней ревностью следят...

8 января 1842

356. ВЕЧЕРНЯЯ ДОРОГА

Вечерний мрак ложился на поляны,
Оделась даль в осенние туманы,
И образы причудливой толпой
Кружилися над сонною землей:
То ряд колонн неясною громадой
Пленял меня на миг и исчезал,
То ехал я под римскою аркадой,
То вдруг под кедрами столетними блуждал,
То предо мной, из мрака возникая,
Носился рой полупрозрачных фей...
Но он исчез, и, взорами блуждая,
Я видел уши лошадей.

27 октября 1842

357. БЕССОННАЯ НОЧЬ

Склонившись на руку, сижу я одинокий;
Свеча горит неровно предо мной...
Чу, петухи поют... Уж за́ полночь далеко;
И дышит сад прохладой заревой...
Но сон, отрадный сон, волшебными перстами
Моих очей еще не закрывал!..
Тогда я жизнь свою усталыми очами,
Как приговор двусмысленный, читал...

Но вот сквозь занавес пробился луч денницы.
И ветерок живительной весны
Навеял чуткий сон на бдящие зеницы, —
Но снились мне томительные сны!..

⟨1843⟩

358. ДУМА О ЖИЗНИ

Мы в жизни всегдашние дети.
Когда мы научимся жить!
Земля нам расставила сети,
Мы сети привыкли любить...

О небе ли вспомним, — сомненье
Небесную думу затмит;
Найдет ли святое мгновенье, —
Бесследно оно улетит.

Есть много земных наслаждений,
Есть чувство любви на земли,
Но больше в душе вожделений,
Но в сердце есть больше любви...

Не разумом, — сердцем познаем
Желание вечное жить:
На радость мы в жизни страдаем,
Но любим, чтоб вечно любить.

⟨1843⟩

359

Изнываю незаметно:
Грустно сердцу моему,
Но скорбей своих заветных
Не доверю никому!
Чужды вам мои страданья,
Непонятен мой восторг —

Чувств глубоких излиянье
И речей живых поток.
Вы меня не замечали,
Не следили вы за мной,
Вы не знали, вы не знали
Моей радости былой!
Вы не знали, как я тайно
По аллее с ней гулял,
Как она была печальна,
Как в раздумье я лобзал
Мрамор персей обнаженных!..
В час любви, в тот час блаженный
Я был рад и тосковал!..
Как теперь, когда волненья
Рок во мне оледенил,
И восторги в преступленья
Мой рассудок обратил,
Как теперь мне покрывала
С заблуждений не сорвать,
Как теперь мне о бывалом
Про себя не тосковать!!

⟨1843⟩

360. К МУЗЕ МОЕЙ

Приди ко мне поздней порою
В безлунную, темную ночь,
Приди потаенной тропою,
Восторга стыдливая дочь!

Пусть утро тебя не застанет,
Пусть месяц покроется мглой,
В очах твоих солнце пылает
И светится месяц порой!

Пусть люди тебя не увидят
Очами презренных страстей,
Пусть люди тебя не обидят
Пустою любовью своей...

⟨1843⟩

361. КЛЕФТ И ДЕВУШКА

Кто стоит у вод ручья
 В джаке[1] голубой?..
Ты моя или ничья,
 Я клянусь тобой...
А затем, что всем мила,
 Что ты всех милей,
Для меня ты расцвела,
 Будешь ты моей!

⟨1843⟩

362. ЛЮБОВЬ АРМАТОЛА

Жду, сокрытый меж дерев,
Слыша утром за рекой
Мелодический напев,
Мне знакомый и родной.
Легкая, как призрак сна,
К берегам спешит она —
В воду ножку опустить,
Очи влагой освежить.
Для нее Алфей-старик,
Вековечный свой родник
Сберегая в летний зной,
Плещет свежею волной.
Для нее он берега
Олеандром расцветил,
Для душистого венка
Ей мерсини[2] возрастил...
Что ж сберег я для нее? —
Сердце полное огня,
Слезы страсти на очах,
Грудь железную в боях.
За горами слышен бой:
Я возьму ее с собой,
Там в любви признаюсь ей
Под ударами мечей...

⟨1843⟩

---

[1] Джака — куртка.
[2] Зеленая душистая трава.

363

Мне нечего от жизни ожидать,
И ничего у жизни не прошу я, —
Как я страдал, я не могу страдать,
Блаженствовать, как прежде, не могу я...
И мне смешны страдания людей,
И жалки мне их радости смешные;
Но я б хотел быть жалче и смешней,
    Чтоб заблуждения былые
    С былыми днями возвратить
    И память сердца заглушить!..

⟨1843⟩

364. МОЛВА

(А.Д.Р...со)

Говорят, она резвушка,
И бесстрастна, и пуста,
Что любовь для ней игрушка
И игрушка красота.

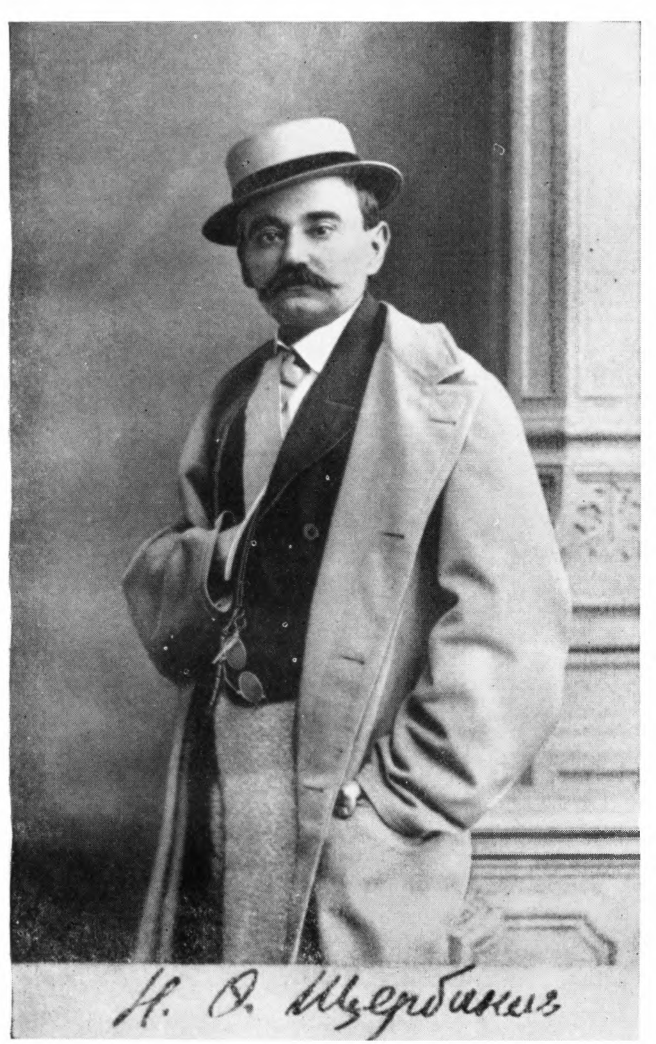
Я не верю приговорам
Легкомысленных судей:
Я подметил тайным взором
Страсть глубокую у ней.

Ваше жалкое участье
Ею познано давно:
В ней и страсти и бесстрастье
Вы осудите равно!

⟨1843⟩

365. ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Когда осеннею порой
Морозом кровли серебрятся,
Несутся тучи над землей
И на просторе ветры злятся,
Я чую в сердце пустоту,

Н. Ф. Щербининъ

В душе холодное томленье,
И не могу я в утешенье
Призвать отрадную мечту.

Когда ж под робкою стопою
Листки поблекшие хрустят,
Иль ветер мчит их над землею,
Иль дубы старые скрипят,
В моей душе сильней томленье;
Я знаю, будет им весна,
Природа вспрянет ото сна,
А мне не будет обновленья!

⟨1843⟩

366. ПЛЯСКА

Греческая мелодия

Звучит вам музыка источниками Ксанфа,
Кружитеся вольней: здесь нет цветов аканфа...
Приветно дышут вам столетний кипарис
И роза юная — цветущий Адонис.

Смотрю я издали, сокрытый за ветвями,
Как вы летаете привольными кругами,
Как руку белую с амфорой золотой
Вы подымаете над буйной головой.

Есть радость дикая в чаду самозабвенья,
Есть неземной покой в безумстве исступленья.
Как сладко, старику, при вас забыться мне
И вспомнить со слезой о юной старине!

⟨1843⟩

367. ПОСЛЕ БИТВЫ

Не слышно на палубах песен,
Эгейские волны шумят...
Нам берег и душен, и тесен;
Суровые стражи не спят.

Раскинулось небо широко,
Теряются волны вдали. . .
Отсюда уйдем мы далёко,
Подальше от грешной земли!

Не правда ль, ты много страдала? . .
Минуту свиданья лови. . .
Ты долго меня ожидала,
Приплыл я на голос любви.

Спалив бригантину султана,
Я в море врагов утопил,
И к милой с турецкою раной,
Как с лучшим подарком, приплыл.

⟨1843⟩

368. ПИР

Напеним наксосом мастиковые чаши,
Алоэ Индии в курильницах зажжем:
Рассеются, как дым, печали наши
И нектар радости смешается с вином.
Сквозь тонкий пар душистого наксоса,
Сквозь аромат прозрачных облаков,
Увидим вас, красавицы Хиоса,
В венках из гроздий и цветов. . .
Нам весело смотреть, как по цветам катится
Струя душистая кудрей,
Как виноград, колеблясь, золотится
На мраморе трепещущих грудей. . .
Когда фиалы заблистают
У вас, красавицы, в руках,
И нега страсти запылает
В полусомкнувшихся очах —
Прольем мы пенистые чаши,
Не будет искриться вино,
Когда заблещут взоры ваши,
Когда желание одно,
Как поцелуй, сольется с нами
Немыми, сладкими устами. . .

⟨1843⟩

369. ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЬ ПАЛИКАРОВ

Бросим в землю семя жизни:
Наше семя возрастет
И ликующей отчизне
Плод нетленный принесет.
Чтó завидней нашей доли:
Мы угасли не в цепях!..
Жизнь темна в земной юдоли,
Жизнь ясна на небесах...

⟨1843⟩

370. ПРОЩАЛЬНОЕ УТРО

На лазоревом потоке
Светлой струйкою горя,
Показалась на востоке
Светлоокая заря.

К небу тихо возносились
Благовонные пары —
Это небу приносились
Дола чистые дары.

На поля с небес упала
Благодатная роса,
И улыбкой просияли,
Пробуждаясь, небеса.

В море лебедью ныряя,
Солнце южное всплыло,
Как Атридов щит блистая,
Над Акрополем взошло.

И лучами оживляло
Зелень робкую полей,
И лучами согревало
Грудь холодную морей...

Я прощался той порою
С небом Греции родной,
С куконицей молодою,
С ясной утренней зарей.

Год прошел... в краю полночном
Стал я холоден, как он...
Дни текут чредой урочной...
Я в какой-то мертвый сон
Будто в холод погружен...
Но под льдистою одеждой
Страсти южные кипят,
И сомкнувшиеся вежды
Взоры жгучие таят.

⟨*1843*⟩

371. РУССКАЯ ЖЕНИТЬБА

Ночь покрыла небеса,
Ночь, хоть выколи глаза.
Снег лежит, а зги не видно.
Тихо, будто спят завидно
На погосте мертвецы,
Наши деды и отцы...
Этой позднею порою
За Москвою за рекою
Шел детина удалой
Перемолвиться с судьбой,
На Ордынку к ворожейке,
К черноглазой чародейке:
С ней в тиши потолковать,
Где б талан свой отыскать...

Свечка теплится в светлице,
За столом сидит девица,
И девица хоть куда:
И стройна, и молода.
Вьются кудри рассыпные.
Очи резвые, живые

Ретивое шевелят,
Вешним солнышком горят...

«Погадай-ка мне, девица,
Что вперед со мной случится...
Без пяти мне тридцать лет,
А талану ж нет как нет!»
В ковш студеную водицу
Налила моя девица,
Воскову свечу зажгла,
В ковш смотреться начала...

«Миновалось гореванье,
Миновалось бесталанье!
Скоро будешь ты женат,
И доволен, и богат.
Не зайдет к тебе кручина...
Как цветок среди долины
Будешь цвесть да расцветать,
Да детишек наживать...»

«Сослужи еще мне службу
Ради новой нашей дружбы:
Погадай-поворожи,
Мне невесту покажи!»
Долго девица гадала
Над водой, потом сказала:
«Глянь-ка в воду, светик мой,
И невеста пред тобой».
— «Что за чудо! Уж водица!
Вижу в ней тебя, девица!..»
— «Стало, суженый ты мой...»
— «Ну, так будь моей женой!»

⟨1843⟩

372. М. Е. Р⟨УСОВОЙ⟩

Смотрю на вас я грустными очами,
Блестящими не страстью, но слезой,
Не разделяя чувств с обвороженной вами
И вами презренной толпой...

Она забудет вас перед кумиром новым,
Отмстите ж ей в благоприятный час;
Она вас оскорбит забвеньем или словом —
Случайной памятью о вас. . .

⟨1843⟩

373. СВИДАНИЕ

«Долго, трудно ожиданье,
Коротки часы свиданья! —
Жду их много, много дней.
Водоносы у фонтана:
Нас не скроет сень платана
От злоречия людей. . .
Мне осветят сумрак ночи
Обаятельные очи,
Очи ясные твои;
И на звуки поцелуя
Пробужусь и вновь замру я
В упоении любви.
Потаенною тропою,
Легкой тению ночною,
Я приду во тьме ночной».

«Приходи, тебе скажу я,
Где страдаю, где живу я
Одинокой сиротой:
Виноград мой под горою;
С ней лазурной полосою
Волны к домику бегут.
Кровля прячется в никандре;
Под окном на олеандре
Пташки вешние поют.
Золотая зреет слива.
Вечно-юною оливой
Дверь закрыта от лучей.
Ветви склонятся приветно,
И пройдешь ты незаметно
От завистливых очей,
А тогда — и смех, и слезы! —

Злой аканф и счастья розы
Наше сердце обовьют!..
Будет сладко нам забвенье,
Будет горько пробужденье,
И часы любви пройдут...

«Не пройдут...»
— «Но, милый Яни,
Долги, вечны дни страданий,
Миг блаженства короток!
Не с невольною тоскою,
Не с горячею слезою
Ты преступишь мой порог,
Но о ком я плакать буду
В эту райскую минуту,
О себе ли, о тебе ль?..
Коротка любовь, мой милый:
Колыбель ее — могила
И могила — колыбель!..»

⟨1843⟩

374. СОПЕРНИКУ

Не мне соперничать с тобою:
Поверь, не я соперник твой!
Не мне с непрошеной мольбою
Вздыхать перед юной красотой.
Я не способен мелкой лестью
Невинный ум обворожать,
Притворным холодом, как местью,
Покой душевный возмущать...
Быть может, лучшего мгновенья
Я не хочу отнять у ней
Моим докучливым моленьем
И речью пламенной моей...
О, как я счастлив, что умею
Любить и плакать про себя,
Что, страстью бешеной любя,
Любви ей высказать не смею!

⟨1843⟩

375. НАСМЕШКА ИЗ МОГИЛЫ

Доволен я своею долей:
Я без желаний и страстей;
Я здесь не знаю чуждой воли
Над волей мирною моей.
Прошедшее оставив с вами,
Я здесь о будущем забыл:
Теперь бы плакать мне над вами —
Я дань сомненьям заплатил!
О, горе вам, когда не станет
У вас слезы оплакать свой
Печальный жребий, как завянет
Цвет вашей жизни молодой!

3 апреля 1843

376. ПОДДЕЛЬНАЯ РОЗА

Зачем ты розу мне дарила,
Возьми назад ее:
Она сомненьем возмутила
Всё счастие мое.

Моя любовь так суеверна,
И так мне нá горе верна...
Скажи, тобой нелицемерно
На память роза мне дана?
Когда свой локон развивала,
Чтоб вынуть розу из него,
Измены ты не замышляла
Противу сердца моего?..
Слеза с блаженством нераздельна:
Ужели я несчастлив вновь!..
Боюсь, мой друг, когда поддельна,
Как твой цветок, твоя любовь!

Зачем ты розу мне дарила,
Возьми назад ее.
Она сомненьем возмутила
Всё счастие мое!

12 апреля 1843

377. ЛЮБОВЬ

(Ямб)

В наш век любовь — пустое слово...
Изведал эту я любовь!
Ты разлюбить всегда готова,
Я полюбить всегда готов.

Не говори о вечном чувстве,
Что так несбыточно, смешно...
Оно чарует нас в искусстве,
Но в жизни не в ходу оно...

Как всё мужает под луною,
Как мудро всё идет вперед...
Ужель над мыслию одною
Одна душа твоя заснет!

В движеньи зрея, мы меняем
И мысль, и чувство, и себя,
И миг спустя не доверяем,
Чему доверились любя.

Ты в небеса теперь несешься
Своею пламенной мечтой,
А после горько посмеешься
И над собой, и надо мной...

1843

378. И. Ю. Б⟨ЕЦКО⟩МУ

Я уж теперь не тот, что прежде:
Не стал я верить ничему,
Ни обольстительной надежде,
Ни вдохновенью моему!
Утратив прежние стремленья —
Плод честолюбья и страстей,
Мне после долгих, бурных дней
Пора искать успокоенья...
Пора все чувства и волненья

Одним мне чувством заменить,
Всё презирать, одно любить!..
Я уж и так для *ней*, как в Лете,
Былое в сердце истребил,
И *небо Шиллера и Гёте*
Под небом Русовой забыл!

⟨1844⟩

379

Мой ангел, давно ли
Ты кроткой малюткой была,
И чуждая воля
Коснуться тебя не могла!

Приличьям послушна,
Ты стала прелестно-умна,
И так простодушно
Холодным коварством полна...

В волнениях жизни
Мне грустно столкнуться с тобой:
О горней отчизне
Ты мне не напомнишь собой...

⟨1844⟩

380. МУЗЫКА

Порой найдут тяжелые мгновенья
На душу грустную мою:
Ее волнует вдохновенье,
Но я молчу, я не пою.
От полноты души язык немеет:
Я жажду звуков, но не слов...
Чтоб высказать, чем сердце пламенеет,
Как рвется чувство из оков...
И чувства мрут в груди, напрасно грудь волнуя,
И на душе холодная тоска:
Богатство духа познаю я
И бедность языка!..

⟨1841⟩

381. НА МОРЕ

Властелин я над судьбою,
Над водами и землей!..
Волны моря подо мною,
Волны звуков надо мной!

По волнам какое счастье
С милой женщиной бежать,
Ей сердечное участье
Нежной лаской расточать...

На земле б не целовал я
Этой ручки наливной;
На земле б не услыхал я
Этой речи неземной!

Всюду радостные клики,
Ночь спокойна и ясна,
И гармонию музыки,
Молча, слушает волна...

⟨1844⟩

382. НАШ ВЕК

Мы не живем, как прежде жили:
Меняем жизнь мы по часам;
Не доверяся мечтам,
Тому не верим, что открыли.
Что сделать из себя хотим,
Чертою резкой не означим.

Над истиной открытою мы плачем,
За прошлою химерою грустим...

⟨1844⟩

383. НЕДОВОЛЬНОМУ

(Ф. К. Маркусу)

Как тяжело душой унылой
На утре жизни увядать,
Смотреть без сил на образ милый
И страшно юность проклинать!

Желанья в сердце заглушая,
Надеждам верить я отвык;
Могильным прахом истлевая,
Я жив... я в будущность проник!

Она печально мной открыта!
Она ясна... но как ясна:
Огнями адскими облита
И мук неведомых полна!

Но ты, ты не вкусил страданья:
Твое грядущее темно,
Твое блаженство с упованьем
В тебе самом заключено...

⟨*1844*⟩

384. НОВЫЙ ГОД

Не в шумной оргии, не с пенистым бокалом,
Так, долгожданный гость, я встречу твой приход:
Меня ты одного застанешь, Новый год,
В слезах о будущем, в раздумьи о бывалом...
Я, долю горькую с младенчества избрав,
Встречаю, гость, тебя с печальною мольбою:
Из сердца многое ты унеси с собою,
И своего следа ты в сердце не оставь!

⟨*1844*⟩

385. ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Года летят, и дух и тело сокрушая.
Утратил много я и много позабыл,
Прошедшее хранить и помнить не желая,
Но из всего одно я в сердце сохранил...
Я память сохранил о женщине любимой,
И с памятью о ней расстаться не могу,
Звездой любви ее путеводимый,
Я память о земле для неба берегу.
Я времени отдам без содроганья
И светоч разума, и страсти, и мечты,
Чтоб только жить воспоминаньем
Среди душевной пустоты;
И от земли, что сердцу мило,
Я сберегу для жизни за могилой...

⟨1844⟩

386. ПЕСНЯ МОЛОДКИ

Он удалый был детина,
Славный запевало!
С ним подчас мне любо, любо,
Весело бывало.

У него ли русы кудри
Падали на плечи,
И слетали с уст румяных
Сахарные речи.

Уж и впрямь сказать, был боек
И талантлив больно...
Да проказлив был не в меру,
Вспомнится невольно!..

Если б ведали да знали,
Как его любила!
Думала, что не забуду,
Да и позабыла!

⟨1844⟩

387. ПЕСНЯ ПАЛИКАРА

Светлой ночью в Триаполице
До утра хожу
И с окна моей Зоицы
Глаз я не свожу.

Это чудо или шутка...
Я стою давно,
А еще моя малютка
Не глядит в окно!..

Не она ль мне обещала
До зари не спать
И, как прежде ожидала,
Эту ночку ждать.

Для нее, для светлоокой,
Я загнал коня:
Думал, скучно одинокой
Жить ей без меня.

Света нет в окне Зоицы,
Блещут небеса, —
Я спросил их, и с ресницы
Канула слеза.

В божьем небе ярче солнца
Звездочка горит:
В ней Зоица, как в оконце,
На меня глядит.

⟨1844⟩

388. ПИСЬМО

Письмо лежит передо мною;
Его коснуться не могу:
Я с сожаленьем и тоскою,
Не прочитав, его сожгу...

Зачем читать! .. Ведь я вас знаю,
Ведь сердца мне не пробудить...
Поверьте, временно любить
Я не могу и не желаю!
Давно не верю я в блаженство:
На бедном жизненном пути
Не отыскать мне совершенства,
Души родной мне не найти!
Я уж давно не лицемерил,
И жизнь с мечтами примирил;
Любовь я женскую изверил:
Я без страданья не любил!

Прощайте, более ни слова...
Я с сердцем не привык шутить,
Вам полюбить легко другого,
Но тяжело мне разлюбить!

⟨1844⟩

389. РАСКАЯНИЕ

Гоняясь за далеким счастьем,
Я ложно счастье понимал,
Не дорожив твоим участьем,
Тебя я поздно разгадал...
А счастье близко, близко было,
В нем всё — и страсти, и покой,
Что нам под вечер жизни мило
И мило в жизни молодой!
Я разгадал себе на муку,
Чего, безумный, я желал...
Твою спасительную руку
Я так надменно отвергал!

Я не живу, я гасну тлея,
И, рабски покорясь судьбе,
Я об одной тебе жалею,
Жалеть не смея о себе!
И, не вкусив отрады счастья,

Я уж наказан сам собой,
Что не имею больше власти
Моею возвратить мольбой
Тебе утраченный покой! . .

⟨1844⟩

390. СЕВЕР

У окон бушует вьюга,
Стекла меркнут и дрожат,
И мои под небо юга
Мысли страстные летят.
Север грустный, север бедный,
Я умру в твоих снегах,
Как лучи денницы бледной
На угрюмых небесах! . .
Я ко льдам твоим прикован
Северянкой молодой,
Теплым чувством очарован
И таинственной душой. . .
Я найду ль на злачном юге
Добрых северных людей,
И глаза моей подруги,
И сердца моих друзей?

⟨1844⟩

391. СЕРДЦЕ

(Посв⟨ящается⟩ И. Ю. Бецкому)

Внушеньям сердца не внимая,
Послушны прихотям судьбы,
Мы падаем у двери рая
Среди усилий и борьбы. . .
К чему безумные стремленья!
Что наша слава меж людей?
К чему венки и прославленья
В толпе непризванных судей!
Что нам гоняться за блаженством,
И на пути изнемогать,

Искать повсюду совершенства,
А близ себя не замечать!
Оно так близко... К нам от века
Творцом ниспослано оно...
Блаженство в сердце человека,
В святыне сердца возжжено!

⟨1844⟩

392. СТАНСЫ

Безмолвно плача и тоскуя,
Утратив силы прежних дней,
Зачем безумно так бегу я
От взоров пламенных очей!..

Твоей восторженною страстью
Я не могу тебя любить!
Я не могу душевной властью
Былых восторгов пробудить...

Свобода, страсти и стремленья!
Зачем я рано вас узнал!
Зачем давно для наслажденья
Я юных сил не сберегал!

Прочь, прочь, мучительница злая!..
О, если б мне тебя забыть!..
Я лишь способен, угасая,
Любовью краткою любить...

⟨1844⟩

393. УТОПЛЕННИЦА

Не Дунаюшко волнуется
Светлою волной:
Это ладушка красуется
Русою косой;

И не рыбка встрепенулася
На глубоком дне:
Это ладушка проснулася
И грустит по мне.

Не в Дунаюшке купаются
Божьи небеса:
У касатки открываются
Ясные глаза;
И не струйка белопенная
По волне скользит:
Это милая, бесценная
Пальчиком грозит. . .

⟨*1844*⟩

394. ТАГАНРОГСКАЯ НОЧЬ

Ночь ясна; прохлады полный,
Дремлет темный сад;
Меотические волны
Блещут и шумят.
При лучах прозрачной ночи,
В час волшебный сна,
Сна не знающие очи,
Гляньте из окна!
Ждет нас сумрак благосклонный,
Ждет безмолвный сад:
Там под сенью благовонной
Две скамьи стоят,
Там твои уста и плечи
Буду целовать,
Слушать пламенные речи,
Звуки заучать! . .
Эти редкие мгновенья
Быстро пролетят,
Но восторги вдохновенья
Вновь их воскресят.

Пронесутся в час разлуки
Под окном твоим
Сердцу памятные звуки
С именем моим...

⟨1844⟩

395. СУДЬБЕ

Мне скучно жить!.. Быстрей летите,
Мои печальные часы!
Growing Сединой ранней убелите
Мои кудрявые власы,
Чтоб я сошел без сожаленья
На ложе гроба в тишине:
Неясной жизни скучны мне
Однообразные волненья!..
Но если будет в жизни день
Исполнен счастия земного,
И всё прошедшее, как тень,
Исчезнет, чтоб явиться снова, —
Помедли юностью моей,
Дай часом жизни насладиться
И в опьянении страстей
В сон беспробудный погрузиться.

⟨1844⟩

396. ХАНДРА

(В альбом Е. А. Броневской)

Покинув горнюю обитель
Для украшения земли,
Меж нас, как ангел-небожитель,
Вы чувство неба сберегли;

И это чувство скрыть хотите
Перед холодною толпой...
Его, молю вас, назовите —
Иль вы уж на́звали — хандрой.

А мы. . . Мы скажем меж собою, —
Ведь вам не властны мы сказать:
Вы рождены своей хандрою
Обворожать и побеждать.

Хандрите, более хандрите:
Вы милы ангельской тоской;
Невольно многих вы плените
Своей чарующей хандрой. . .

1 января 1844

397

Два образа предстали пред тобою,
Равно плененные твоею красотою;
Одну любовь их выражает взор,
Но о любви их розен разговор. . .

Один румян, прекрасен, юн и светел, —
Давно его твой детский взгляд заметил;
Он о любви так сладко говорит,
На жизнь светло и радостно глядит,
И помнятся слова его с отрадой
Твоей душе, надеждами богатой;
И нравятся тебе его мечты,
И видишь ты во всем его черты —
И светлый взор, и кудри золотые,
И детский смех, и шалости живые. . .
Но ты руки ему не отдавай,
Вниманием его не завлекай.

Другой глядит, печаль свою скрывая,
На образ твой. Надежда молодая,
Пустой восторг и ветреность мечты
Давно, давно им тайно прожиты. . .
Лицо его и бледно, и открыто,
И мыслию чело его обвито,
И мрак в очах, но этот мрак порой,
Сокрыв слезу под вспышкой огневой,

Нам говорит о многом ясно, ясно,
Что понимать полезно, но ужасно...

И речь его то холодно-грустна,
То тихих чувств гармонией полна.
Смеется он — в насмешке ядовитой
Видна печаль, под желчию сокрыта.
Нет ни надежд, ни радуг, ни мечты
В его речах, — но отчего же ты
Всегда ему доверчиво внимаешь,
И плакать и смеяться с ним желаешь?
Вниманием твоя трепещет грудь,
Когда тебе он кажет новый путь...
Врачует он, что уязвляет больно...
И руку ты даешь ему невольно...
Прильни ж к нему неопытной душой,
Пускай идет он об руку с тобой...

27 января 1844

398. В АЛЬБОМ В. Ф. К***

Веселый юноша, я знаю,
Что речью горькою моей
Тебе я сердце истерзаю
И вызву слезы из очей!..
Я оборву без содроганья
Листки заманчивых надежд,
И без младенческих одежд
Ты выйдешь в жизнь — на путь страданья.
Но легче жизнь оплакать прежде,
Чем грустью медленной грустить,
Чем раной медленной платить
За все погибшие надежды...

1844

399

Зачем ты, мой ангел, прекрасна,
Зачем твои глазки горят,
И сердцу так сладко, так ясно
О доле иной говорят!

К чему этот пурпур улыбки
И музыка чистых речей? . .
Иль ангел явился ошибкой
В обители бедной людей?

Я молча любуюсь тобою,
Но шепчут невольно уста:
Ужель под могильной землею
Сотлеет твоя красота!

1844

400. УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Я пал под горем и бедами;
Мне тяжело нести свой крест, —
И ропот грешными устами
Душа готова произнесть. . .

Но в свете пурпурной денницы
Душе слетела благодать,
И пали слезы на ресницы,
И легче стало мне страдать. . .

В молитве теплой я излился,
Но благ себе не смел просить, —
Я только плакал и молился,
Я только мог благодарить.

1844

401. БОЙ ЧАСОВ

Я долго смотрел на тебя,
    Любуясь твоей красотою,
Мечтал тебя вечно любить,
    Быть вечно любимым тобою. . .

Но вдруг зазвучали часы, —
    Их бой в моем сердце раздался:
Я тоже смотрел на тебя,
    Но грустно тобой любовался.

1844 или 1845

402. ИЗ АНАКРЕОНА

Родился я бедным смертным,
И назначено пройти мне
Битую тропинку жизни.
Зная хорошо, что минул,
Я не знаю, как и сколько
Мне еще пройти осталось. . .

Прочь отсюда, все заботы, —
Я вам чужд, и вы мне чужды!
Я желаю насладиться:
Буду весело смеяться
И плясать с Лиевсом [1] милым.

1844 или 1845

403. ИЗ ГЕЙНЕ

Erklärung [2]

Близок был сумрачный вечер;
Шумно валы бушевали;
Сел я на береге моря,
Глядя на пляску валов. . .
Грудь моя тоже вздымалась, как море.
Стало мне грустно:
Я захотел возвратиться в отчизну,
Я захотел возвратиться к тебе,
Образ прекрасный! . . Везде ты со мною,
Слышу везде я твой голос:
В рокоте бурного моря,
В воющем ветре, во вздохах моих. . .

Я начертал на песке
Тонкою тростью:
«Агнеса, я люблю тебя!»

---

[1] Вакхом.
[2] Объяснение (нем.). — *Ред.*

Волны завистливо смыли
Это признание сердца.

Быстро плывущие волны,
Ломкий тростник и летучий песок!
Больше я вам не поверю...
Небо мрачней становится, —
Чувствует сердце сильней, что оно одиноко.
Вырву высокую ель в скандинавских дубровах,
В недра горящие Этны ее погружу
И напишу я на небе ночном
Этим огнистым пером-великаном:
«Агнеса, я люблю тебя!»
В выси небесной тогда
Каждую ночь засияют
Вечно-блестящие буквы, и наши потомки
С чувством восторга прочтут
Эти слова неземные:
«Агнеса, я люблю тебя!»

1844 или 1845

404. ИЗ ПЛАТЕНА

Кто глубоко в прекрасное прозрел,
Безвременно тому назначена могила;
Он чужд земных, он чужд житейских дел,
Но жизнь тому еще не опостыла,
Кто глубоко в прекрасное прозрел...

Его любви страданьям нет конца;
Ее забыть, упиться красотою
Надежда есть лишь только у глупца...
Кто ж ранен был прекрасною стрелою —
Его любви страданьям нет конца...

Он высохнет, иссякнет, как поток,
Он с ветерком по капле яд впивает,
На смерть ему красуется цветок...
Кто красоту всей жизни постигает,
Тот высохнет, иссякнет, как поток!

1844 или 1845

405

Когда колыбельную песню пою
И ложе дитяти колышу —
Я чую, уж будто его хороню,
И песнь похоронную слышу.

1844 или 1845

406

Когда последний дряхлый снег
Под первой скроется травою,
И резвых санок звучный бег
Сменен гуляющей толпою,
И жавронок над головой
Летает точкой чуть заметной,
И манит путника приветно
На поле ирис голубой, —
Не знаю, отчего мне грустно! . .

Вокруг ликует божий мир.
Как гость, не призванный на пир,
На всё смотрю я равнодушно!
Я мыслю, человек один
Обижен в божием твореньи:
Всему весна и обновленье,
А он, подлунной властелин,
Утратив рано без возврата
Свою мгновенную весну,
Клонится к гробовому сну,
Пустой надеждою богатый.

1844 или 1845

407

Меня томит тяжелое сомненье,
Когда встречаю я твой непонятный взор,
И вижу в нем то страстное волненье,
То равнодушье, то укор. . .

Но если любишь ты, — доверчивым признаньем
Не поспешай, прекрасное дитя:
Я передам тебе свои страданья,
И полюблю тебя небрежно иль шутя;

И пленник твой тебе уж, как рабыне,
На ласку ласкою не будет отвечать,
На то, чем дорожил недавно, как святыней,
За что любил он плакать и страдать...

И, празднуя свое освобожденье,
Твой раб уж променять готов
На цепи новые, на новые сомненья
Страданием добытую любовь...

1844 или 1845

408

Она моей страсти не знает,
Ей чуждо страданье мое...
Найдется ль, кто мне разгадает
Все таинства сердца ее?

То, вижу, ко мне равнодушна,
То будто с любовью глядит
И, строго рассудку послушна,
Что мыслит, не то говорит...

Как много в минуты свиданья
Сказать моей милой хочу,
В устах уж трепещет признанье, —
Я робко иль гордо молчу...

Когда мне украдкой о милой
Расскажет подруга ее:
«Она без тебя всё грустила
И имя шептала твое», —

Тогда я паду перед нею
С немолчною речью любви, —
О боже, с любовью моею
На небо меня воззови!..

1844 или 1845

409. ОТРЫВОК

В розовом блеске денницы и в мрачном мерцании ночи
Дума о жизни волнует мне душу бесплодною грустью.
Долго, но тщетно я жажду ответа, и только лишь вижу,
Как предо мной возникают ряды безответных вопросов.
Легче мне станет, как вспомню, что я не один под луною
Этой тяжелою мыслью томлюся, — не первою ль грустью
Первого смертного были мечтанья и думы о жизни?
Тысячи мудрых давно и недавно ее, как загадку,
Силились нам разрешить и над нею свой ум истощили;
Бедный дикарь Отаити, когда океан забушует,
Волны и ветры далёко размечут шалаш его утлый,
Сердцем помыслит о жизни, помыслит, быть может, впервые...
Сам я порою и мрачное море, и ясное небо
Теплою детской душой вопрошаю о таинствах жизни:
Что со мной будет? Зачем я родился? Оставлю ли след свой
В мире?.. Зачем я так сильно люблю, иль зачем ненавижу?
Жду я ответа, — но море всё так же шумит равнодушно,
Небо всё так же, как прежде, глядит на меня без участья,
Будто судьбы человека ничтожны иль чужды для неба...
Взглянешь очами рассудка иль сердца на эту природу,
Что так волшебно тебя обнимает пространством безмерным, —
Свежею мыслью повеет природа на старую думу;
Так в старике Альбиона, который под сенью древесной
Жаждал покоя, уставши от мудрой, бессмертной работы,
Плод, оторвавшись от ветки, посеял высокие мысли...
Но ни природа, ничто не осветит нам думы о жизни!..

1844 или 1845

410. «ПРОМЕТЕЙ» ЭСХИЛА

СЦЕНА II

Прометей

(один)

О священный эфир, ветерок быстрокрылый,
И источники рек, и немолчно-шумящие волны,
И всем общая матерь земля,
И всевидящий солнечный круг!
Посмотрите, какие мученья
Я терплю от богов, когда сам я подобный им бог.
На борьбу осужден я навеки!..[1]
Мне такую постыдную казнь изобрел
Этот новый владыка богов.[2]
О, горе мне!!
Настоящим страданьем томимый,
За грядущие муки я плачу!..
О, когда ж им настанет конец?.. Но что я говорю!
Всё, что будет, так ясно предвижу
И нежданного горя не жду.
Да! я должен сносить терпеливо
Этот жребий судьбы, когда знаю,
Что силы нет пред силою того,
Что быть должно необходимо...
Но властен я роптать и не роптать.
Я похитил источник огня, и соделался он
Для людей просветителем многих искусств
И великим орудьем.
Я, несчастный, похитивший смертным венец украшенья,
Склониться должен под ярмо
Такой судьбы необходимой,
Под непреложностью рока.
И за эти проступки мои суждено
Заплатить мне железною казнью
Под открытым дыханьем небес...

1844 или 1845

---

[1] В подлиннике: μυριετῆ χρόνον.
[2] То есть Божество Власти и Силы (Κράτος).

411

Ты много мне слов говорила,
В них чувство глубокое было;
Во мне волновалася кровь, —
Я принял его за любовь. . .

Но после ты что-то сказала,
Взглянула и вдруг замолчала
С какой-то улыбкою злой, —
Я грустно поник головой. . .

Зачем же так много любил я!
Зачем по тебе так грустил я! . .
Ужели, чтоб несколько слов
Мою отравили любовь? . .

1844 или 1845

412. ХОР К ЭДИПУ

(Из трагедии Софокла)

Несчастный! Я даже не в силах
Смотреть на тебя. . .
А как бы хотел я о многом
Тебя вопросить!
Как много, как много тобою
Я думал узнать,
И сколько, тебя созерцая,
Увидеть в тебе! . .
Но вид твой меня ужасает, —
Взглянув на тебя,
Оставил я эти желанья.

1844 или 1845

413. БЕССОННИЦА

Как тяжелы душе часы бессонной ночи,
Среди раскаянья, средь безотрадных дум!
Как плакать хочется, когда не плачут очи,
И ужасается прошедшего мой ум!

В пылу безумных слез невыносимой жажды,
Я знаю — прошлого не выплакать очам;
Что жизнь нам ничего не повторяет дважды,
Что бесполезен дождь согнившим семенам.

Но всё ищу себе отрадного целенья,
Не ведая, и как, и в чем его сыскать.
То горько думаю: ужель одно забвенье
Мои страдания способно врачевать?

То говорю: к чему я у могил рыдаю,
Когда не воскрешу бессмертных мертвецов;
И всё прошедшее с усильем забываю,
Но позабытое воспоминаю вновь!

6 февраля 1845

414. СМЕХ

Я чувствовал, смеясь над чувствами других,
Я тайно слезы лил и хохотал открыто;
Страдая и любя, в огне страстей моих
Я знал, что будет всё с насмешкой позабыто. . .

Мне жизнь казалася ничтожной и смешной,
Жизнь, недостойная ничтожества и смеха,
И жалкое смешным являлось предо мной,
Чтоб позднею слезой откликнулась потеха.

Зачем я не постиг, что наша жизнь свята,
И что кощунствовать опасно над высоким,
Что хохотом другим поплатятся уста,
И будет меж людей он смехом одиноким.

На настоящее презрительно роптал,
Жалел, что прошлое для нас невозвратимо,
Пока я не узнал, пока не разгадал,
Что все явления всегда необходимы.

Нечаянно пришед ко двери гробовой,
Извилистый мой путь со страхом измеряю;
Недвижно я стою, наказан сам собой,
И никого в судьбе своей не обвиняю. . .

9 февраля 1845

415. СКОЛИЯ

Vivamus, dum licet esse!
Petronius [1]

Смолкни, ропот своевольный,
Стон свой жалобный уйми.
Мы напрасно недовольны
Нашей жизнью и людьми.

Что́ есть лучше под луною,
Что́ есть выше нас самих!
Все богаты мы душою,
И не ценим благ земных. . .

Если много мы терпели,
Не желая слезы лить,
То затем, что не умели
Разум с сердцем помирить.

Что нам сделал свет собою?
Свет и люди хороши, —
Преклонись лишь пред толпою
Своенравием души.

Бросим чуждые стремленья
И полет наш в небеса, —
Нам дана для наслажденья
Мира нашего краса.

---

[1] Будем жить, пока можно существовать! Петроний (лат.). — *Ред.*

Не ропщи, что безызвестно
И на миг нам жизнь дана:
Что мгновенно, то прелестно...
Вечность долгая скучна.

Только жизнь одна есть благо...
Будем жить и не роптать,
Будем, жизни шумной влагой
Упиваясь, ликовать!..

14 февраля 1845

416. НА ОТЪЕЗД***

(Н.Е.О.)

Чистую деву земную
Деве пречистой вручаю...
Что ж я, как прежде, тоскую,
Что ж я, как прежде, страдаю!

Сильно в душе упованье
В благость и милость пречистой,
В сердце ж невольно страданье
Льется струею огнистой...

Матерь скорбящих святая,
Скорби прости мне и слезы:
В жизни, меж терний блуждая,
Мог ли набресть я на розы?..

В счастие верить могу ли,
Чтоб за *нее* не бояться? —
Утра лучи лишь блеснули,
Как облака уж гнездятся.

1 мая 1845

417. Н. Е. О.....

Я поздно полюбил, глубоко полюбил
Без веры в будущность, без искры упованья,
И в девственной душе невольно возродил
Напрасные надежды и желанья!

С сокрытою змеей на радужных цветах
Я усыпил тебя в чаду самозабвенья;
Ты грезишь обо мне, и на твоих устах
Дрожат слова любви и упоенья.

В тревожном сне моем страдая и любя,
Я грежу о тебе и в тернах засыпаю, —
Я каюсь, и хочу я позабыть тебя,
Но всё люблю, меж тем как горько знаю,

Что не достигнуть мне блаженства своего,
Что с тяжкой жизнью мне бороться не по силе,
И что равно борьбой я б не взял ничего, —
И жизнь моя завидует могиле. . .

18 июня 1845

418

Я проклял сладкий час взаимного признанья,
Свою последнюю, безгрешную любовь,
Надежды светлые и чистые желанья, —
И ничего не пожелаю вновь! . .

И нет исхода мне среди противоречья
Потребам жизненным и снам души моей,
Среди гниения, застоя и увечья
Общественных стремлений и страстей! . .

Бесплодно истомлен я мелкою борьбою,
И уклонился я от цели бытия. . .
С тех пор таинственным каким-то сатаною
Душа смущается моя.

И горько я познал, что мне даны напрасно
Природой щедрою духовные дары,
Но всё кого-то ждал, желал чего-то страстно,
И дождался желаемой поры.

И я оставил цель служения народу,
Чтоб в тесный круг свои стремленья заключить,
Чтоб выстрадать любовь, чтоб выплакать свободу
И сердцем для другого сердца жить...

Но горе прежнее опять передо мною,
И кажет новую бесплодную борьбу,
И избранной моей я лишь принес с собою
Мою жестокую судьбу!..

11 августа 1845

419. ПУТЬ

Еду... Быстрою стрелою
Тройка борзая летит;
Надо мною и за мною
Пыли облако стоит.
Мой ямщик не бережется
Ни оврагов, ни камней
И без роздыха несется,
Не жалея лошадей.

Но куда, зачем спешу я?
Кто и что меня там ждет!..
Или счастье там найду я,
Иль там горе не найдет?
Ждут ли страстные объятья
Милой женщины моей,
Или дружбы рукожатья,
Иль сочувствие людей?
Обрету ли там целенье
Застарелых сердца ран,
Иль покой, иль утешенье,
Иль хоть сладостный обман?..

27 августа 1845

420

Как хороши восторги заблужденья,
Когда холодный ум забыт,
Когда душа боготворит
Огонь минутный увлеченья!

Когда ж пройдут те сладкие мгновенья —
Завянет цвет сердечных дум,
Обнимет душу прежний ум
И смех стыда и сожаленья...

Мне кажется, уж больше заблужденья
Не возмутят моей души...
Но, нет, они так хороши,
Как горьки смех и сожаленье.

Первая половина 1840-х годов

421. УСЛЫШАННАЯ МОЛИТВА

Звезды в тумане мерцали,
Облаком месяц покрылся;
Полный глубокой печали,
Робко я богу молился.

В счастии гордый, забывшись,
Милости божьей не ждал я;
Так бескорыстно молившись,
Вечно молиться желал я...

Верю я, ми́нут печали,
Месяц по небу катится,
Звезды светлей заблистали, —
Стал я теплее молиться!

Первая половина 1840-х годов

422. НАША ЛЮБОВЬ

(Ямб)

Случайно мы сошлись, случайно полюбили,
И верили мы в то с сердечной простотой,
Чему теперь нет веры никакой. . .
О, как тогда смешны мы были!
Мы презирали всё, что не было любовь,
Страдали шутовски, надеялись нелепо,
И сколько видели невероятных снов,
И как им верили мы слепо! . .
И что же нам от прошлого осталось!
О нем смешно и стыдно вспоминать:
Не любим мы — любовь давно умчалась, —
Нам даже не дано друг друга уважать. . .

6 марта 1846

423

Ароматный ветер веет,
Ясны небеса,
Поле чистое пестреет,
Зелены леса. . .
Что под вьюгами завяло —
Снова расцвело,
Что минуло, что бывало —
В сердце зажило. . .
Но при общем ликованьи
Грустен я стою,
Незнакомое страданье
Точит грудь мою:
Я почувствовал сильнее
В сей роскошный час,
Что душой я стал беднее,
Сердцем не погас. . .

25 марта 1846

424. ГРЕЧЕСКИЙ МИР

Нашей бесцветною жизнью, исполненной мелких
стремлений,
Своекорыстных страстей, утомленный, люблю я порою
С грустного севера мыслью свободной подняться
И полететь под лазурное небо отчизны искусства,
Вечно нетленной Эллады, где статуи всё да колонны,
Дивные храмы, а в храмах богини да боги,
Портики, дело руки Каллистрата, в портиках много
Славных картин Полигнота, где творческой мыслью
возвышен
Брат-человек, высочайшее неба творенье,
Очи богини-природы, соперник бессмертных,
Богоподобная персть... И невольно здесь, полный
сознанья,
Именем этим горжусь я, горжусь я тобою, Эллада!

9 апреля 1846

425

О, не кляни меня, прекрасное созданье,
Не поражай своей невинной клеветой...
Поверь, в душе моей есть тяжкие страданья,
Но я безмолвствую пред мрачною судьбой, —
Есть страсти, есть печаль, какой ты не знавала,
С томлением — плодом болезненных страстей,
Есть мысль, что никогда еще не волновала
Души младенческой твоей...
Но я молчу, но я не проклинаю,
Когда, как ты, я вправе проклинать:
Безмолвно я и плачу, и страдаю,
Что прежде не умел безмолвно я страдать,
Что я увлек тебя безумною любовью
В несродные тебе волшебные страны,
Что к твоему призвал я изголовью
Роскошные, несбыточные сны.

21 апреля 1846

426

Средь бурного моря
Житейских волнений,
В томлении горя,
В тревоге сомнений
Без слова тоскуя,
Без веры я стражду, —
Молитвы прошу я,
И веры я жажду...

Но в час тот я знаю
В сознаньи ужасном,
Что их призываю
Напрасно... Напрасно!

25 апреля 1846

427

Мы погребли с тобою невозвратно
Полупогасшие надежды юных лет;
Что впереди — нам ясно и понятно,
А на прошедшее в уме ответа нет...

Не оттого ль, что это глупо было,
Что раньше разума в нас сердце развилось,
Что в нас не мысль все страсти пробудила,
И в мысль единую в нас чувство не слилось?

И будем мы, как странник утомленный,
Идущий по пути на кладбище чужом,
Бредет, в свои заботы погруженный,
И думает тогда об отдыхе ночном.

7 мая 1846

428. А. Я. М***

Я гораздо более жалею о благополучии человека, чем о его несчастии.

Эсхил в трагедии «Агамемнон»

Я не могу желать вам счастья,
Что всем в обычае желать:
Как я, подобное участье
И вы способны презирать;
Я счастья вам того желаю,
Что выше разума толпы,
Что не всегда я понимаю,
Пред чем не ползают рабы,
Что не блестит мишурным светом,
Что не заметно никогда,
Что в сердце, мыслию согретом,
Мгновенно вспыхнет иногда...
Оно страданием повито,
Душевным жаром зажжено,
И страстью тягостно-сокрытой,
И мыслью вольной рождено;
Оно полно таким блаженством,
Что на челе певца горит,
Как он, в сознаньи совершенства,
На труд свой конченный глядит.
Оно чем выше, тем мгновенней —
Дитя страдальческих часов;
Оно чем кратче — совершенней,
Оно — несчастие глупцов...
Хоть платой горя векового
Дается краткий сей удел,
Но счастия для вас другого
Я пожелать бы не хотел.

17 мая 1846

429. ГРУСТНАЯ МЫСЛЬ

Посмотришь, так всё безотрадно,
Что жить бы, кажется, грешно,
А жить хотим мы жадно, жадно, —
Что непонятно и смешно.

И, так ничтожно-малодушны,
Мы презираем нас самих,
И, себялюбию послушны,
Мы гаснем в мелочах пустых.

В безделья мысль мы заглушили,
В нас спит добро, как и порок,
И то, что пламенно любили,
Нас разлюбить заставил рок.

30 мая 1846

430. ПОДРАЖАНИЕ

Когда души горячей излиянья,
Что молится за счастие другой,
Достойны горняго вниманья —
С моею пламенной мольбой
Дойдет твое невинное страданье
До слуха благости святой...
Но что слова, и стоны, и моленья!
Преступника предсмертная слеза,
Облившая потухшие глаза,
Не выскажет ужасное мученье,
Которое, понятно всем равно,
В одно *прощай* заключено...

Прощай! Мои уста без слова,
Нет капли слез в моих глазах,
Но грудь полна мучения немого,
Которое не скажется в слезах.
Моя душа не смеет и не может
Излиться в жалобе своей,
Хотя ее томленье тайно гложет, —
Последний плод задавленных страстей.

Я пережил утрату за утратой,
Грядущее в былом похоронил,
И знаю лишь одно, что я любил когда-то,
И лишь одно «прощай» я только не забыл.

Май — июнь (?) 1846

431. ВОПРОСЫ

Что́ мне ждать! Моим стремленьям
Посмеялася судьба,
И смирна в оковах тленья
Прежде бурная борьба!..
Но зачем в разгаре муки
Не желать бы мне сотлеть,
И при мысли о разлуке
С этим миром мне беднеть?
Но зачем успокоенье,
Равнодушье ко всему,
Упованье без сомненья
Чуждо сердцу моему?
Но зачем так жизнь люблю я,
Жизнь без жизни и любви,
И зачем не подавлю я
Мысль в душе и жар в крови?
Нет! Средь смертного томленья
Мысль о гробе далека...
И кипит во мне стремленье,
И томит меня тоска!..

9 июля 1846

432. Е. П. МАКРОПУЛО

Стояла у ворот тележка почтова́я,
А в комнате прощался я с тобой:
Ты, на́ горе меня благословляя,
Был как-то холоден со мной.
Не видел я слезы́ — сопутницы разлуки —
В твоих потупленных очах,
Когда душа моя от чувства и от муки,
Безумствуя, дрожала на устах.
Я видел мрак холодности угрюмой,
Сковавший, как всегда, мне милые черты,
Чем облеклись скрываемые думы,
Чем весь высказывался ты.
Прошли мои года чрез терния и розы:

Я многое забыл и много пережил,
Других друзей забыл я скоро слезы...
Но мрачную твою холодность не забыл...

13 июля 1846

433

Я наложил печать глубокого молчанья
На сердце страстное, на громкие уста;
Мной жажда вечная горящего желанья
Отчаяньем холодным залита.
Но знай, что был бы я так мелочен душою,
Когда б тебя не мог я полюбить,
И горько сам смеялся б над собою,
Когда б дерзнул любви твоей просить.

17 июля 1846

434. ПРЕЖНЯЯ ЛЮБОВЬ

Легче мне было страдание
В юности, полной надежды:
Теплой рукой упование
Сладко смыкало мне вежды...

Страсть, без отзыва погибшая
В годы, давно прожитые,
Мрачною тучей покрывшая
Юности дни золотые, —
Что же тобою смущается
Сон старика безнадежный,
Бурный огонь возгорается
В грусти, давно безмятежной!..

30 июля 1846

435

Когда она веселою порою
Начнет шутить, резвиться и болтать,
Но мило так и с прелестью такою,
Что я боюсь прервать иль отвечать,
Чтоб одного словечка не прослушать,
А всё б хотел я слушать, слушать, слушать...
Как речь ее глаза у ней зажжет,
И пух ланит зардеется сильнее,
И перл зубов средь пурпура блеснет, —
О, я тогда смотрю уже смелее!
И не хочу, как прежде, ей внимать,
К ней близятся уста мои невольно,
И слушать мне уж будто не довольно, —
Я бы хотел лобзать, лобзать, лобзать!

15 декабря 1846

436. В. А. Ф.

Не склонюсь униженно главою
Ни пред сильными этого мира,
Ни пред мечущей злато рукою,
Ни пред ликом блестящим кумира, —
Но я, полный святого сознанья,
Но я, гордый душой благородной,
Погруженный в немое страданье
И от низкой корысти свободный, —
Я склонюся во прах головою
Пред *названьем одним человека,*
И почту умиленной душою
По примеру высокому грека
В человеке его достоянье,
И, как грек, я воздвигну кумиры,
Сотворю перед ним возлиянья
В своем сердце и в голосе лиры.

19 декабря 1846

437

Мятежный ураган, пронесшись над землей,
Опустошением крушительным разлился,
Измял ее цветы тяжелою стопой
И над главой ее громами разразился.

Настала ночь. При месяце она
Опять блестит в цветущем прозябаньи,
Забыв прошедшее, спокойствия полна...
Зачем же у меня нет ничему забвенья!

1846

438. СОВРЕМЕННАЯ ЮНОСТЬ

(Н. Д. Старову)

Пришла пора, и жизнь меня стеснила,
Как змей, в своих объятьях ледяных,
Когда познал, что цель ее — могила,
И целей мне не видится других...

Как горько жить, когда всё пережито,
Как горько быть наутре стариком!..
Грядущее безрадостно открыто,
А вспоминать не стоит о былом.

Не то чтоб жил, — но много пережил я;
Я то хотел, то не хотел бы жить;
То многого б у жизни попросил я,
То ничего я не могу просить...

И вот живу, мучительно тоскуя,
Что жизни путь я потерял давно,
Что жить, как все, нисколько не могу я,
Что сердцем жить отстало и смешно!

Середина 1840-х годов

439

На небе голубом несутся облака,
Цветами радуги играя прихотливо.
Художника незримая рука
Их, кажется, рисует там на диво...
И все они плывут назначенным путем,
И все неведомо куда-то уплывают:
Рассеиваются бесследным ли дождем,
С лазурью ль воздуха сливаясь, исчезают?

Я думаю, — отныне ни одно
Такое облачко по небу не промчится, —
И как-то на душе мне грустно становится,
И мысль вяла, и сердце холодно...
И о себе тогда я думаю печально,
Что жребий мой похож на жребий облаков:
Явиться, промелькнуть и с песней погребальной
В ничтожестве исчезнуть без следов...
. . . .
Но дни пришли с таким же небом чудным,
С такою же грядою облаков,
И лучшею еще, с отливом изумрудным,
Как вечная весна мифических садов.

27 марта 1847

440. ПОКОЙ

В широком раздольи природы,
Где льет свои желтые воды
Священный индусу Гангес,
Где всё развернулось громадно,
Где бог Магадева понятно
Беседует с долом с небес, —
Когда-то видали брамина
На ложе из роз и ясмина,
Под тенью прохладных кустов.
В душистом дыханьи алоя,
В немом сладострастьи покоя
Стоял он там много годов.

На мир устремив свои взоры,
И небо, и море, и горы
Он кроткой душой созерцал,
И с миром слился бесконечным,
Забывшись младенцем беспечным,
На персях природы дремал.
Пред ним проносилися бури,
Яснело сиянье лазури,
И вал океана ревел,
И львы проходили стадами,
И билися тигры с слонами,
И змей чешуею звенел...
Но он созерцал неподвижно, —
Природа красой непостижной
Могла б его мысль подавлять...
Пред стройным ее совершенством,
В покое, считал он блаженством
Ничтожность свою познавать.
Блестящие пташки, как звезды,
Свивали в ушах его гнезда,
Паук паутину сновал,
В уста его пчелы влетали,
В них мед свой они оставляли, —
Но всё он недвижно стоял...

30 марта 1847

441. ИСТИНА МОЛИТВЫ

Когда, обольщенный земными соблазнами,
Волнением крови, желаньями праздными,
К Тебе возношусь я в мольбе, —
Не внемли ей... Слава Тебе!
Когда на тернистом пути испытания
Я крест свой тяжелый несу без роптания
И чужд я корыстной мольбе, —
Услышь меня... Слава Тебе!

15 декабря 1847

442. К К***

Я думал, что прошлою жизнью убито
Всё лучшее в сердце моем,
И холодом смерти навеки облито
Всё страстно-горячее в нем...

Я жил, но я жил как мертвец меж живыми
И крест свой без ропота нес,
И в сне непробудном не ведал я с ними
Ни радостей общих, ни слез...

И ты предо мною нежданно явилась,
И всё воскресила во мне,
И властью твоею душа обновилась
В своей первобытной весне,

И, сбросив тяжелые тленья одежды,
Всё вспыхнуло страстью былой, —
Одной лишь во мне не воскресло надежды,
Убитой надежды одной!..

Утешься, и мыслию грустно-тревожной,
Мой друг, не смущайся, любя...
О, верь, — без меня тебе счастье возможно,
А мне его нет без тебя!

1847

443. ИЗ КАТУЛЛА

Nulli se dicit mulier mea nubere malle...[1]

Меня часто жена уверяет,
Что я лучше ей всех и милей,
Что напрасно сам Зевс потеряет
Обольщенья любви перед ней...
Это так!.. Но что нам напевает
Нежный голос любимой жены —
Пусть на ветре супруг отмечает,
Иль на зыби игривой волны.

1847 (?)

---

[1] Говорит мне жена, что хочет быть только моею (лат.). — *Ред.*

444. ИСХОД

В мире есть бурные грозы,
Грозы сменяет покой,
Лета румяные розы
Снег покрывает седой.

Семя тревоги в покое,
В стуже зародыш тепла,
В зле зародилось благое, —
Блага не знают без зла...

Нет! Оно чуждо вселенной...
Люди ж, в безумьи своем,
Страстью иль мыслью растленной
Благо соделали злом.

1848, 1855 (?)

445. СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЕ

Поверь, что мы чу́жды душою,
Что нет между нами любви:
То чувство играет тобою,
То молодость пышет в крови.

Ты скоро со всем примиришься,
В своем примиреньи заснешь,
Над мыслью одной застоишься
И дальше душой не пойдешь...

И будешь ты жить по преданьям,
И верить преданьям одним,
И нашего века страданья
В разладе с страданьем твоим.

Ты прав своих детски не знаешь,
Цепей ты не можешь не несть,
О лучшей судьбе не гадаешь,
На то ты не ропщешь, что есть...

Поверь, между мной и тобою
Не может гармонии быть:
Любить я способен душою,
Ты сердцем способна любить.

1848

446. В АЛЬБОМ Е. А. КОВАЛЕВСКОЙ

Свиданье наше мельком было, —
Но в этот миг душа моя
Так много светлого открыла
В холодном мраке бытия.
Как странник в жизненной пустыне,
Я в вас оазис свой нашел,
Где есть приют души святыне,
Где греет сердца ореол,
Где так роскошно зеленеет
Святая пальма красоты,
И странника покой лелеет
Блаженством неги и мечты,
Где, освежая, протекает
Ручей гармонии живой,
И где жена нам возвращает
Эдем, потерянный женой.

1849

447

Мне люди говорят так часто в утешенье,
Что, как всему, конец страданьям есть,
Что, рано ль, поздно ли, найду успокоенье
И жизни крест я перестану несть...

Но на сердце тогда тяжеле грусть ложится,
Всё мрачное встает в душевной глубине,
В устах мертвеющих ответ им шевелится:
Где жизни нет — не надо мира мне!

Конец 1840-х годов

448. МОЯ ЖИЗНЬ

Как много над юной моей головою
Промчалось житейских тревог
В тяжелой борьбе с непокорной судьбою, —
Но пасть я духовно не мог.

Я в жизни боролся не с бурей великой,
Не с мощным, разумным врагом,
Но с мелочью горя, но с глупостью дикой
В упорстве ее мелочном.

Я брошен был роком в житейскую тину,
Не знаем никем из людей,
Но я из ней выйду, и в ней не покину
Служения мысли моей.

И слышу отрадно я голос призывный
В житейской моей простоте:
«Вся жизнь твоя будет один непрерывный
И пламенный гимн Красоте».

25 октября 1850

449. МУЗАМ

Не счастья молю, не покоя
У вас, о богини искусства, —
Могу лишь просить одного я:
И в старости свежего чувства,
И юности духа до гроба.
Чтоб шел я вперед и вперед,
Да милость судьбы или злоба
Не сдержат мой ровный полет. . .

Да с новым иду поколеньем;
Как юноша, жить поспешая,
Всем истинным жизни стремленьям
Да вторит мой дух, догорая.

Пусть розы алеют в сединах,
Пусть девы ласкают меня,
Рисуется мысль на морщинах,
И взор будет полон огня...

14 февраля 1851

450. ДУША И ПРИРОДА

Израненный жизнью жестоко,
Разбитый безумной судьбой,
Бегу от людей одинокий,
С озлобленной мрачной душой;

И всякую мысль и познанье,
Зовущую вечно любовь,
Как горе мое и страданье,
Я вырвать из сердца готов.

Вот вижу себя на просторе:
Иду — и не знаю куда...
Вдали показалося море,
Над морем Киприды звезда.

По взгорью черней зеленели
Олив, померанцев леса,
И краски заката темнели,
И с морем слились небеса.

Меж безднами звезд выходила
Волшебница ночи — луна,
Серебряной рыбкой покрыла
Сапфирные зыби она,

И чары ее непонятно
Проникнули в душу мою,
И стало в ней всё необъятно...
Я плачу... я гимны пою...

Замолкнули в сердце страданья;
Я мыслью высоко лечу,
И снова хочу я познанья,
Любви и познанья хочу!

13 марта 1851

451. ГРАФУ СЕРГИЮ СЕМЕНОВИЧУ УВАРОВУ
ПРИ ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА ЖУКОВСКОМУ В СЕЛЕ ПОРЕЧЬЕ

Благодарения и чувства
К тебе полна душа моя,
Науки русской и искусства
Хранитель, вождь и судия!

Рукою дружбы благородной
Тому ты памятник воздвиг,
Кто вечен в памяти народной,
Как вечен громкий наш язык,

Кто молодое поколенье
Вскормил духовным молоком
На неизменное служенье
Пред славным русским алтарем,

Кто семя истины посеял
В своей сердечной полноте
И в нашем сердце возлелеял
Любовь к высокой красоте...

Окрепло слово в нем родное,
Свое упрочив бытие,
В нем всё великое чужое
Народу русскому — свое.

16 августа 1853

452. ВНУТРЕННЯЯ МУЗЫКА

Когда багрец и золото заката
Оденут край вечерних облаков,
И ветерок всю свежесть аромата
Несет ко мне со скошенных лугов,
Покрыта даль лиловой пеленою,
Рисуется на ней кудрявый лес,
Река лежит серебряной змеею,
И Геспер льет сияние с небес;
Как об руку со мной созданье молодое
Мелодией чарующих речей
Напомнит мне далекое былое,
Расцвет любви и юности моей, —
В тот редкий час преобразятся в звуки
И сердце, и душа моя;
Блаженства я тогда не отличу от муки,
Покоя — от борьбы, от смерти — бытия!..
И музыкой проникнут, как душою,
Смотрю на мир и мыслю я без слов:
Мне истины его понятны той порою
Под образом каких-то странных снов...
И я люблю, кого люблю не зная,
Хочу, чтоб всё любило бы со мной,
Мою любовь и слезы разделяя
С единой жизнию и во плоти одной...
Но наши скудные так слабы выраженья:
Не передать их грубым веществом
Эфира чувств, цветов воображенья
И творческую мысль в разгаре молодом.
Звучащий рой всеструнных ощущений,
Неуловим, прозрачен и глубок,
Объемлет душу мне и просит песнопений,
Всё сущее влечет в стремительный поток
Немого, сладкого, болезненного чувства, —
Тогда нам чужд художника венец...
Не доросли еще мы до искусства:
Бессильны стих, и краска, и резец.

Июнь — август 1853

453

Я не красавица!.. Разлюбишь ты меня
И назовешь любовь минутным увлеченьем,
А я, в дыхании сердечного огня,
Завяну без тебя под медленным томленьем.

— Одну любовь твою в тебе я полюбил,
И прелестью она исполнена такою,
Что сердцу образ твой пребудет вечно мил
Для ока бренного незримой красотою.
Я чувство лучшее мое в тебе узнал,
Узнал души моей другую половину,
К чему стремился я, надеялся, страдал, —
Ужели я его бессмысленно покину!..
Ужель не дорастем до той мы высоты,
Желаемой душе, родной ей, но далекой,
Где на небе любви духовной и глубокой
Сияет вечное светило красоты!

Июнь — август 1853

454. МАРЬЕ ПЕТРОВНЕ КОРНИЛОВОЙ

Палимый мыслью безотрадной,
Тревог и горя полнотой,
Приду я в ваш приют прохладный
Почить израненной душой
Средь сельской жизни и свободы,
На лоне грезы и мечты,
Под сенью детства и природы —
В святыне вашей чистоты...

Да обновлюся я душою,
И да очистится она
Пред вашей детской красотою,
Покоя вашего полна:
И новых звуков, новых песен
Душа исполнится моя...
Мне мир людей и лжив, и тесен:
В природе правда бытия.

7 июля 1854

455. ГР⟨АФИНЕ⟩ Н. И. ТОЛСТОЙ

От жизни я детской душою
Любви лишь да мира хотел...
Не то суждено мне судьбою:
Мне выпал тернистый удел...

Люблю я добро бесконечно:
Противны мне ложь и порок;
На них не глядел я беспечно,
И быть равнодушным не мог...

И все на меня клеветали,
Глумились, и на́звали злым,
Мне душу они истерзали,
Ругались над правом моим.

Я плакал, как все, незаметно,
Но, враг и неправд и греха,
В свой круг я вступил неприветно
С бичом неподкупным стиха...

И пусть сокрушит меня злоба,
И пусть меня горе гнетет —
Я верю, что мне хоть у гроба
Луч божией правды блеснет.

19 января 1856

456. М. Л. ЗНАМЕНСКОЙ

Город мелочной заботы,
Жен восточных пустота,
Безобщественность, расчеты
И без мысли красота
На меня с тупой тоскою
Наводили вялый сон, —
Но славянскою женою
Здесь мой жребий облегчен...

Исполать Вам, Марья Львовна,
И спасибо Вам на том,

Что на юге жил я, словно
Как на севере моем...
И спола́горя мне было
Здесь под крылышком у Вас,
Мне и сердце говорило
О родной Москве не раз.

Укрепили Вы собою
Веру в гений русских жен,
Что всеструнной их душою,
Их славянской красотою
Будет мир наш обновлен.

26 июля 1859
Таганрог

457. ХУДОЖНИКУ

От земли, где веет вьюга,
Твой художественный путь
Проложен под небо юга, —
Но и там, как мать и друга,
Нашу Русь не позабудь!
И в святилище искусства,
Средь природы золотой,
Пусть тебе рисует чувство
Образ севера живой!
И богат он, вседержавный!
Силой духа одарен,
И красою своенравной
И надеждой блещет он.
Брат, к нему с чужого брега
Поспешай вернуться ты,
Чтоб растить на грудах снега
Авзонийские цветы!

Лето 1860

458. ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

В славный год, когда свобода
Бросит первый блеск лучей,
В год великий для народа
Твой свершился юбилей...

Ты из всех певцов судьбою
Вознесен из рода в род:
Знай, — мы празднуем с тобою
Русской жизни новый год;

А за ним своей чредою,
Новой мыслию горя,
Разольется над землею
Всеславянская заря...

2 марта 1861

459

К тебе стремлюсь влеченьем смелым:
Ты перл любви передо мной, —
Нецеломудренная телом,
Ты целомудренна душой.

7 июня 1867

460. ЗАПИСКА К Е. Н. ШУБИНСКОЙ

О, ко мне ль приедет снова
    Пани майорова!
Об себе не скажет слова
    Пани майорова!
Я реву здесь как корова,
    Пани майорова!
Ехать вам не из Тамбова,
    Пани майорова!

Пять минут! — и у больного
Пани майорова!
Я горлан, я плакса, рева,
Пани майорова!
О, да будет же здорова
Пани майорова!

1869

ДРАМЫ

461. СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ ГРЕКОВ *

Αἱρῶ καλῶς τεθνᾶναι μᾶλλον, ἢ ζῆν αἰσχρῶς.
Isocrates **

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Левендояни.
Ляко — молодой сульйот.
Деспа } хиосские гречанки.
Стамата }
Матрос.
Барба-Йорги.
Ипсарьйоты и ипсарьйотки.

Действие на острове Ипсаре, во время последнего восстания греков против турков.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Несколько бедных олив на каменистой почве. Вдали видны село, замок и море.

Левендояни
(один)

Зачем сокрыл туманный небосклон,
Зачем сокрыл мою родную Луру,[1]
Где месть к врагам и к родине любовь
Я высосал из материей груди;

* Пролог к драме «Ипсара».
** Предпочти с честью умереть, чем постыдно жить. Исократ (греч.). — *Ред.*

Где начал я под сению платана
Свою стрелу в грудь турка направлять;
Где я, как змей, скользил в крутых ущельях
И ядом мести тайно обливал
Врагов моей отчизны беззащитной!..
Где я слепую храбрость возбуждал
В могучих клефтах песнею своею;
Где звонкой таверджикой [2] заглушал
На битве гром турецких ружьев...
Когда ж враги стенали — утихал!
Я там свободен был, как горный ветр;
Я был ничем не укротим, как буря...
Тогда не грызла сердца мне печаль
И ад в душе моей не бунтовался.
От злой печали здесь я поседел,
На родине ж я в битвах поседел бы...
Как тяжело мне вспоминать былое!..
Но пусть оно всегда на память мне
Приходит, может быть, оно исторгнет
Меня из этой тяжкой лени...

Ляко сходит со скалы и приближается к Левендояни.

(С ироническим смехом)

Спеши ко мне, изнеженный сульйот,
Разделим вместе сон, когда за нас
Другие бьются...

Ляко и Левендояни.

Ляко

Барба! [3]
Живой упрек ты для меня,
Живой упрек ты для себя, Левендояни.
Ты лишь посмотришь на меня, и я
Как будто вижу пред собою знамя
Восстанья Греции [4] против неверных.

Левендояни

Я вижу, Ляко, паликаров кровь
В тебе еще не иссушилась...
Но что останется для Греции родной,

Когда по капле иссушает кровь
Твое бездействие и страсть к Стамате!..
Упрек тебе, упрек на долю!

Л я к о

Не упрекай меня
К отчизне равнодушьем... я люблю...

Л е в е н д о я н и

(прерывая его)

Хиосскую гречанку любишь ты, —
Но ведь не родина хиосская гречанка...

Л я к о

Позволь мне высказать тебе всю душу:
Давно искал я случая с тобой
Поговорить наедине и вспомнить
Прошедшее, так памятное нам...

Л е в е н д о я н и

Готов я слушать исповедь твою;
Давно бы так! Любовь к тебе и память
О друге, об отце твоем, меня
К Ипсаре приковала. Я желаю,
Чтоб ты не опозорил гроб отца
Бездействием порочным здесь в Ипсаре,
Чтоб я с тобой сражался за отчизну,
Чтобы к защитникам еще один
Прибавился... а из тебя...
Ну, говори, что ты сказать хотел!

Л я к о

Ты храбрым капитаном [5] был в Морее;
Я был клефтопуло [6] в твоем капитанато,
Когда восстанье вспыхнуло, и ты
Со мной и с паликарами [7] другими
На турков днем и ночью нападал.
Нас сонных на скале схватили турки,
Оружие похитили у нас
Враги бесчестные, рабы султана!

Левендояни изменяется в лице.

Нам не дали в бою погибнуть,
В бою неравном!.. О, зачем нас турки,
Как Дьякоса,[8] не испекли!.. Но нет,
Они мучительнее казнь избрали,
Заставив нас смотреть на гибель греков
И в деле, близком сердцу, никакого
Участия не принимать!..

Левендояни

Не договаривай!.. Я знаю, знаю...

Ляко

Рабы злодея Караали
С собою нас к Хиосу повезли
И остров затопили морем крови;
Разграбили его, сожгли дотла,
И пепел кровью греческой полили,
Чтоб он не подымался к небу
И их злодейства не открыл ему!..
И мы тогда смотрели на родных,
В крови своей тонувших... Лучше б
Без глаз родиться нам на белый свет,
Иль лучше б не родиться, чтоб не слышать
Предсмертных стонов греческих младенцев
И диких воплей жен и поруганье
Святой христовой веры!..

Левендояни

Не растравляй воспоминаньем ран
Моих! Нет, нет!.. Об этом вспоминать
Я должен и за гробом, чтобы мщенье
И к родине священная любовь
Меня не оставляли никогда.

Ляко

Но мы ушли из рук врагов
К хиотам, защищавшим пепелища...
Тогда-то демогеронт[9] передал
Мне в покровительство жену свою
И дочь: мне завещал на ней жениться...

(Несколько помолчав)

Я поклялся... я полюбил ее

Так пламенно и страстно, что не можно,
Иль, может быть, не должно больше
Любить!..

Левендояни

Но что ж из этого?..

Ляко

У Деспы, матери моей Стаматы,
Есть золото, которое она
С рукою дочери мне отдает:
Я им сооружу большой корабль
И с ипсарьйотами к Канари поплыву,
Сражаться буду за отчизну.

Левендояни

Не верь ты женщинам, и им
Не предавайся!..

Ляко

Клянусь тебе, мой Барба,
Я неженкой не буду; ты не думай,
Чтобы, женившись, я переменился.
Любовь к жене сильней меня привяжет
К отчизне — к долгу своему, — я жду
Лишь твоего благословенья. Завтра
Назначен брак.

Левендояни

(про себя)

Что делать мне?.. Но можно ли жениться,
Когда отечество зовет нас к брани,
Когда в борьбе со смертью жизнь...
О, молодость.

(Подумав несколько минут, говорит Ляко)

Да низойдет благословенье бога,
Мой сын любезный, на тебя,
Но если клятве изменишь ты, Ляко...

Ляко

Нет, нет, мой Барба!

Левендояни

Тогда твое укором сердце
Я изгрызу, и брак твой будет адом
Для тебя!

Ляко

Не изменю я клятве!

Левендояни

Змеей твою жену я обовью,
Вампиром кровь я высосу у ней,
А ты пойдешь, отчаяньем томимый,
За греков поневоле воевать!..
Женись, но не зови меня на пир.

Ляко

Прощай, мой добрый Барба!

(Уходит.)

Левендояни

Еще тебя благословлю...

Левендояни

(один)

И я был в молодости пылок,
И не могли советы стариков
Убить во мне стремление страстей...
Но всё не по нутру мне свадьба Ляко!
Одно мне утешение осталось,
Что, может быть, имение жены
С собой он принесет отчизне;
Но если с женщинами он —
Сам станет женщиной ничтожной!..

Левендояни и матрос.

Матрос

Трамбаколо [10] готов к отплытию:
Оружием его мы нагрузили,
И капитан Маноли поклялся
Вручить оружие Колокотрони.

На берегу стоит уж капитан
И ждет твоих распоряжений.

Левендояни

О, если б счастием таким всегда
Бог награждал меня! .. Ипсарьйоты,
Мной убежденные, посильный дар
Родной Элладе в жертву принесли...
Да здравствуют сыны Эллады! ..

(Уходит, и за ним матрос.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Терраса близ селения, окруженная мшистыми скалами, возвышающимися над морем, в ущельях которых видны несколько олив и кипарисов.

Стамата и другие девушки.

Хор девушек

На раздольи небес светит ярко луна,
И листки серебрятся олив...
Дикой воли полна, заходила волна,
Жемчугом убирая залив.

Есть в Ипсаре у нас паликар молодой:
Как два солнца глаза у него;
Щеки блещут зарей, речи льются рекой;
Тайком любят девицы его...

Вдали показывается Деспа; песня прерывается.

1-я девушка

Зоя!
Где тот венок из белых роз,
Что ты вчера готовила Стамате?

2-я девушка

Я завтра ей отдам
При выходе ее из церкви с мужем,
Лилеями дорогу устелю
От церкви к дому...

1-я девушка

(Стамате)

Прими вот эту ветку с померанцем,
Прими как дар усердья от меня.

Стамата

Благодарю вас, милые подруги:
От сердца вы привет свой подарили
Рассвету счастья моего...

3-я девушка

Стамата, если бы не так
Мы были преданы тебе, поверь,
Что зависть мучила бы нас, покоя б
Ни днем, ни ночью не давала нам:
Ведь ты владеешь перлом драгоценным.

1-я девушка

Да, мало в Греции таких красавцев,
Как Ляко твой. В Аграйде [11] не найдешь
Такого паликара...

Стамата

Как статен он, мои подруги,
Он взглядом сердце жжет, прикосновеньем
Своих пурпурных уст волнует кровь
И зажигает зорю на щеках...
Видали ль вы его, как он летает
Орлом, иль резвой ласточкой в ромейке, [12]
Как он мне руку жмет, и кровь свою
В мои переливает жилы...
Я трепещу, я в неге изнываю.
Готова бы при всех ипсарьйотах,
При всех старухах, юношах, девицах
Тогда упасть ему на грудь и всё
Забыть в его объятьях; с ним навек
Душою слиться в поцелуе,
Или продать ему за миг блаженства
Всю жизнь мою и всё другое счастье!

Девушки

Счастливица Стамата!..
Счастливец паликар, кому судьба
Тебя в подруги отдала!

Стамата

Вся кровь кипит во мне:
Вакханкою резвиться я хочу,
И бегать в исступленьи, и мечтать
Уединясь, и плакать, и смеяться;
С ним танцевать ромейку долго-долго,
Упасть на этот дерн в истоме,
Дышать огнем, млеть в неге незаметно
И пламенем в поднебесьи расплыться...

1-я девушка

Вот к нам подходит Деспа, мать твоя,
Вон Ляко показался.

Стамата

Нет, нет, облокотяся на скалу,
Смотреть безмолвно буду на него.

Входит Деспа.

Деспа

Стамата!
Я вижу радость на очах твоих, —
Как это сладко матернему сердцу!
Тебя нетерпеливо ожидает
И счастие, и радость: Ляко твой!

Стамата
(целуя руки матери)

Мать моя!..

Деспа

Готовьте платье ей к венцу, венки
Плетите и цветами наполняйте
Свои корзины — осыпать дорогу
От церкви к дому.

Девушки

Всё приготовим мы к обряду.

1-я девушка

Я для пирушки приготовлю
Цветы, плоды и сласти.

2-я девушка

А я курильницу и ароматы
Снесу на пир.

3-я девушка

Я наксос [13] приготовлю — прохлаждать
Уста пирующих на празднике Стаматы.

Ляко с молодыми ипсарьйотами.

Ипсарьйоты

Мы принесем с собой на пир
И ружья длинные и мушкетоны,
Чтобы считать стрельбой бокалы, [14]
Которые гостям придется осушить.

Деспа

Благодарю вас, паликары.

1-й ипсарьйот

Обычай славный
Стрелять на праздниках!.. Такой мы залп
Дадим на свадьбе Ляко, что султан
Не усидит в своем серале...

Ипсарьйоты

Браво, Дим.

2-й ипсарьйот

Спираки, Нико, арматол [15] Лазопул,
Пойдем в пещеру чистить ятаганы!

Ипсарьйоты

Наше дело, пойдем.

(Уходят.)

Ляко

От Барбы своего
Я получил благословенье
На брак с тобой, моя Стамата!
Когда пройдет несносный этот день:
Мне кажется он вечностью до счастья,
Которое готовится с зарею...

Стамата

Услышала мои молитвы Панагия,[16]
Соединила нас любовью вечной...

Ляко

Пусть будет наша жизнь сладка,
Как брачный день!..

Стамата

Мой милый Ляко,
Лелеешь и ласкаешь ты меня,
Как солнца луч лелеет позабытый
Цветок, как мураву алмаз росы...
Не знаю, чем за это отплатить
Тебе...

Ляко
(обнимая Стамату)

Кто б разлучил нас, милая Стамата,
Кто б разлучил теперь! Объятья наши
Сильнее козней человека...

Деспа
(берет руку Ляко и Стаматы, соединяет их)

Дети мои!
Живите мирно и счастливо.
Да не угаснет никогда любовь,
Которая соединила вас.

1-я девушка

Вот на море, как стая лебедей,
Ветрила показались.

2-я девушка

Всё ближе, ближе...

3-я девушка

(второй)

Взойди-ко, Фотиница, на скалу.

2-я девушка

Мне кажется, что это лодки...

3-я девушка

Всмотрись же хорошенько, Панайота.
Меня пугают эти лодки...

1-я девушка

Ах, боже мой! Смарагда, я глазам
Своим не верю...

3-я девушка

Не флот ли турков?

1-я девушка

(дрожащим голосом)

Я флаг турецкий вижу...

Деспа

Турецкий флаг!.. О, Панагия...
Скажи мне, Ляко, что нам делать?
Теперь я вижу бедный Хиос пред собой:
Пожар родных убежищ освещает
Родителям плывущие в крови
Тела детей... Вот муж мой умирает
На пепелище дома своего...
Не то ли будет и с Ипсарой?

Стамата

Не для разлуки ль мы соединились?!

(Падает на грудь матери.)

Ляко

Судьба коварная!.. Спасайся, Деспа!
Беги с моею милою Стаматой,

Беги скорее в цитадель. Я ваш
Защитник до последней капли крови...
Я твой, Стамата, и за гробом...
Моя любовь тебя сопровождает!..

Деспа увлекает Стамату.

Отечество меня зовет: спешу
На этот сладкий зов!..

Девушки и женщины с младенцами, сопровождаемые некоторыми из ипсарьйотов, бегут толпами в разные стороны: иные скрываются в пещеры; иные садятся в лодки, иные бросаются со скал. Общее смятение. Вопли женщин.

Ляко, Левендояни и ипсарьйоты.

Левендояни

Вопите, плачьте, женщины Хиоса!
Спасайтесь, как хотите, — вы меня
Не тронете отчаяньем своим...

1-й ипсарьйот

Вы вспомнили падение Хиоса:
Или за тем в Ипсару к нам пришли,
Чтобы разжалобить ипсарьйотов
И воплем их в отчаянье привесть?

2-й ипсарьйот

Перепугали турки вас в Хиосе...
Ну что ж, как робкие лягушки прячьтесь
В ущельях и пещерах потаенных.

Левендояни

Нам не до вас, хиосские голубки:
Мы ищем коршунов на трупах греков.

Ипсарьйоты

Ты истину сказал, Левендояни!

Левендояни

На пир, на пир, друзья мои:
Мы будем пировать еще до свадьбы Ляко!
Ко мне, ипсарьйоты, собирайтесь,
Как вороны ко трупу клефта.

(Трубит.)

Ляко

(с новою дружиной)

Сюда, сюда, ипсарьйоты!
Сносите в место порох, ятаганы:
Мы будем драться до тех пор, пока
Пальба иссушит в наших жилах кровь...

Ипсарьйоты

Драться смело, драться на смерть, во славу
Греции!

Левендояни

С нами бог!

Ляко

Укрепимся в цитадели, и жизнь и смерть равно
Сладки для славы Греции... За мною, паликары!

Новые толпы ипсарьйотов собираются и с оружием устремляются к цитадели.

Левендояни

Вот праздник в моей жизни! Ипсарьйоты!
Наполним кровию турецкою бокалы, выпьем
за здравие
Греции, и — вместе с турками умрем!..

(Развертывает знамя восстания.)

Все

(бросая фески вверх)

Мы будем живы: с нами бог!

3

ОСАДА ИПСАРЫ

Сцена из драмы

Ляко

Я паликар,
Я грек!.. И мне ль жениться в это время,
Когда враги нас сторожат, когда
Отечество должны мы защищать,
И страсть как ни сильна в душе моей,
Я заглушу ее до лучших дней.

Деспа

Не всё ль равно сказать, что ты
К Стамате охладел, что страсть твоя прошла,
Что ты Стамату бросил, как игрушку,
Ненужную тебе.

Ляко

(грозно)

Не клевещи, не оскорбляй меня.

Деспа

Я клевещу, когда святая правда
Зовется клеветою у людей.

(С возрастающим жаром)

Какая б мать была я, если б,
Как крокодил, смотрела хладнокровно
На гибель дочери своей и не кляла
Виновника ее страданий.

Ляко

(в раздумьи)

Она страдает, бедная Стамата!
Зачем она увидела меня —
И предалась мне всей душою детской!
Зачем я полюбил ее в то время,
Когда любить должно одну отчизну,
Когда я жизнь свою своей не называю...
Но я люблю тебя, моя Стамата!
Люблю тебя (сказать не смею)
Как родину!.. Люблю тебя преступно!

Деспа

Дитя! Любви преступной нет...
Я женщина!.. Я знаю — нет любви преступной!

Ляко

(с проясняющимся взором)

Так и моя любовь не преступленье!..

Вдали показывается Стамата.

Деспа

Она идет... О, посмотри,
Как ангельски ее светлеют очи:
В них утро райское горит...
О Ляко, не навей суровых туч
На это радостное утро!
Оно твое, оно тебя согреет
И перлами лучей осыплет.

Ляко

(в обаянии какого-то внезапного очарования)

Будь матерью моею, Деспа!
Я раб... располагай моей судьбою.
Судьба моя — Стамата... Вот она,
Которая во сне являлась мне
Прекрасною, таинственной судьбою...

Деспа

(подводит к нему Стамату)

Ты паликар, ты не забудешь слов
Своих, ты отдал мне свою судьбу,
Как матери...

Входит Левендояни.

Левендояни

(увидев женщин)

Два демона на человека одного...
Ну что ж, успели соблазнить?

Деспа

(увидев Левендояни, увлекает Стамату)

Ты клятв своих не позабудешь, Ляко,
Не очернишь души своей изменой,
Я за тебя покойна...

Ляко и Левендояни.

Левендояни

О! Черт возьми! Здесь много есть чужих...
Зачем они живут без дела в замке?
Пора б их выместь веником отсюда...

Да, вот стоит какой-то удалец
Без удали, — и, верно, уж не грек...
Дай посмотрю: по платью, правда, грек.

(Подходит к Ляко и смотрит на него проницательно.)

Зачем скрывать не греческую душу
Под фустанеллой паликара?

Ляко

(в сторону)

Он всё узнал: его глаза проникли
Мне в душу... Он застал меня
В мечтах любви, в преступных мыслях...
О!.. Грозен суд его!..

Левендояни

Тьфу, пропасть! Не узнал я друга...

Ляко

(с умоляющим видом)

Барба!

Левендояни

Постой, дружок! На пару слов, не больше.

Ляко показывает порыв удалиться.

Ты от меня бежишь, как от врага...
Прощай, дитя: тебя зовут игрушки!

(Отворачивается от него с видом презрения.)

Ляко

(бежа вслед Деспе)

Отдай мое согласье!..
Еще я не изменник... Деспа, Деспа,
Ты позабыла, что я грек!..

Левендояни

А я тебе напомнил, жалкий грек!

Ляко скрывается в переходах цитадели.

Левендояни

(один)

Презренный трус! Мастиковое сердце,[1]
Лишь годное для слабых женских зуб!
Тебе ль любить священною любовью,
Тебе ль страдать страданьем патриота!..
О, вспомни, сын мой, на какую мелочь
Ты променял любовь к святой отчизне!
О, не тревожь отца в его могиле, —
Не то придет он грозным мертвецом
Окостенить тебя в объятиях холодных
И страсть твою с тобою задушить...
Но я спасу тебя, мой милый Ляко,
Чтоб тень отца во гробе успокоить.
Я сделаю тебя достойным сыном
Великого отца, прямого клефта...
И ты умрешь за родину, за честь отца, —
Такая смерть полезней для тебя,
Чем жизнь, какою ты живешь теперь...

(Ходит быстрыми шагами.)

Не разорвись, моя стальная грудь:
Не по тебе такой ужасный замысл!
Но в этом замысле таится
И слава наша, и спасенье Ляко,
И гибель наша с гибелью врагов...[2]

(Увидев Барбу-Йорги, принимает обыкновенный вид.)

Послушай, что мне в голову пришло.
Ты был всегда со мной согласен, Йорги:
Согласья твоего я не прошу.

Барба-Йорги

Кто любит Грецию и ненавидит турков, с тем я всегда заодно, с тем я давний друг... Говори, старый туркоед.

---

[1] Греческие женщины имеют обыкновение жевать мастику, как говорят, для белизны зуб. Это одна из их привычек и удовольствий.

[2] Левендояни, догадываясь, что Ляко будет вынужден бежать с невестой из Ипсары, замышляет впустить турков в крепость под видом сдачи ее, и тем погубить турков и погибнуть самому со всеми ипсарьйотами. Он впоследствии заставит Ляко поджечь подкоп.

Левендояни

Ты демогеронт здесь, в Ипсаре,
И знаешь хорошо ипсарьйотов, —
Мне выбери из них хоть сорок человек,
Да чтоб они на слово крепки были
И труд большой чтоб их не испугал;
Да заступов побольше приготовь.
Вели собраться паликарам ночью
В подземной галерее замка: я
Распоряжуся кое-чем и буду
С тобой совет держать, мой добрый Йорги:
Работу я задам ипсарьйотам.

Барба-Йорги

Иду, мой друг!.. Спешу... Это новые козни врагам. Ты сосчитал их минуты. До свиданья в галерее!

(Уходит.)

Левендояни
(один)

Нет, Ляко, ты не запятнаешь
Великих доблестей и памяти отца...
Не женщины тебя полюбят, Ляко:
Полюбит смерть и слава паликара.

Ипсарьйот показывается на башенке.

Голос турка
(из-за вала цитадели)

Сдайтесь, гяуры проклятые, греки, не сдадитесь — голодом всех переморим, как псов!

Ипсарьйот

Слышишь ли, Барба, этот коньяр[1] что-то болтлив...

Левендояни
(рассеянно)

Пошли его в Эрам[2] к пророку.

---

[1] Презренное племя турок в Румелии.
[2] Рай Магомета. Так называется он в Коране.

Ипсарьйот

(выстрелив)

Он уж там.

(Скрывается.)

Левендояни

(один)

Одно на сердце у меня:
Его ничем оттуда не изгонишь;
Оно впилось вампиром в грудь мою...
О сын мой, для тебя судьбой я буду,
Тяжелою судьбой, но справедливой!
Я разорву, я разметаю сети,
Которые расставила везде
Мать девочки, тобой любимой,
Любимой до забвенья долга... Срам!
Но из сетей тебя я брошу в пламя,
Где ты сгоришь, и пепел твой
Над турками грозою пронесется
И будет свят для Греции и грека...
Я отомщу, мой Ляко, за тебя
Коварным женщинам, твоим злодеям...

(Вслушивается.)

Что там за шум?.. А, не они ль идут?..
Сюда к нам в западню, рабы султана!..

Слышны звуки тамбуринов и литавров. Левендояни всходит по каменной и полуразвалившейся лестнице и оттуда смотрит в амбразуру батареи, примкнутой с одной стороны к валу, а с другой к невысокой стене, наскоро, как видно, укрепленной. Посмотрев пристально, он начинает трубить. Вооруженные паликары стекаются к нему со всех сторон.

Левендояни

(паликарам)

Дети мои, паликары, турки сюда подступают... Это место слабо, но ваша грудь крепка... Дать им отпор!

Паликары бросаются на вал и к батарее.

Ипсарьйоты

Да здравствуют греки на гибель врагам!

Левендояни

Не умолкайте, паликары!
Я слышу, бьется радостию сердце
От ваших слез, от ваших восклицаний,
И если мне придется умереть
И Греции свободы не увидеть —
Гоните от меня плаксивых женщин:
Я не терплю их жалких мирологов!
Мой миролог пусть будут ваши клики:
Да здравствует Эллада!.. Смерть врагам!
Поставьте знамя на моей могиле,
Чтоб мог я мертвый греков возбуждать
К свободе родины и мести к туркам!
Из ваших слез, для гибели врагов,
Я буду пули лить в моей могиле
И местию к врагам дышать во гробе!..

Ляко показывается на башне со знаменем восстания. Левендояни трубит и быстро бросается на стену. Восклицания паликаров. Залп.

1841

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лypy* — арматолик, или селение клефтов в Акарнании.

[2] *Таверджика* — музыкальный инструмент, прикрепленный к ранцу и висящий за плечами у клефтов.

[3] *Барба* — дядя.

[4] *Знамя* восстания — на белом поле голубой крест.

[5] *Капитан* — начальник дружины клефтов.

[6] *Клефтóпуло* — паликар в дружине клефтов.

[7] *Паликар* — удалец.

[8] Про *Дьякоса* сложена песня. Его испекли турки, с которыми он сражался: объятый пламенем костра, Дьякос сказал туркам, улыбаясь: «Да здравствует наш Одиссей и капитан — Никитас! Они истребят вас и дивлет ваш».

[9] *Демогеронт* — народный старшина.

[10] *Трамбаколо* — большая лодка.

[11] *Аграйда* — область у Агравских гор.

[12] *Ромейка* —национальный танец.

[13] *Наксос* — вино острова Наксоса.

[14] У греков есть обыкновение стрелять на всяких пирушках и свадьбах.

[15] *Арматол* — собственно значит носящий оружие (от arma и tollo).

[16] *Панагия* — Божия Матерь (Πανάγια, всесвятая).

462. ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

Лирическая сцена

(Посвящается памяти матери и брата)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Ифигения, дочь аргосского царя Агамемнона, жрица таврической Артемиды.
Хор греческих женщин, прислужниц при храме.

Действие на полуострове Таврическом, в стране тавроскифов. Сцена пред портиком храма Артемиды, на утесистом берегу Эвксинского Понта. Вдали Таврические горы и леса. На сцене Ифигения и хор.

Ифигения

У прибоев я чуждого моря стою...
Неприветно холодное море!
Я печальную песню пою,
Вспоминаю отчизну мою,
И твержу я: о, горе мне! горе!

Занесло меня, юную птичку, сюда,
На утесы, дыханье Борея,
Оторвав от родного гнезда...
Я аргосского неба звезда,
Я отцовского сада лилея!

И рабыней у варваров царская дочь!..
Здесь другие и люди, и море,
И страшна здесь туманная ночь...
Я не в силах судьбы превозмочь,
И твержу я: о, горе мне! горе!..

А когда-то, а когда-то
Я цвела в тени дворца,
Где колоннами богата
Золоченая палата
Скиптроносного отца,
Где стоят богов кумиры
И несутся звуки лиры
Вдохновенного певца...

Помню — то давно бывало, —
Как я с матерью вдвоем
Ткать любила покрывала
И на них изображала
Олимпийцев челноком.

Пробудившись, грудь и вежды
Освежала я водой
И ходила мыть одежды
Вешней утренней зарей.

Легкокрылою ногою
Зыбких вод касалась я,
И Инах [1] передо мною,
Волн одетый чешуею,
Пресмыкался, как змея,
Обвивая пеной ясной
Полноту ноги прекрасной,
А потом и всю меня...

Я с подругой хохотала
Над любовью старика,
Мячик на воду бросала,
И его нам подавала
На хребте своем река.

Наши резвые затеи
И на дне, и на волнах,
Как любовник Галатеи, [2]
Полюбил седой Инах.

В царский пир, на праздник Геры —
Было то давно, давно! —

В лад под звуки лирной меры,
Наливала я в кратеры
Старцам Аргоса вино,
Мудрой речи их внимая
И кудрей их лобызая
Серебристое руно.

Царь-отец мой горделиво
На меня им указал
И красе моей стыдливой,
Детских дней поре счастливой,
Богомольно возлиял, —

И слезою умиленья
Просветлели их черты,
И раздались песнопенья
В честь богини Красоты...

Не правда ли, — эта волна голубая
Несется из родины милой?..
И, кажется, чайка морская,
Над нею летя и рыдая,
Мне песнию вторит унылой...

О, если б ты, чайка, была в Арголиде
И видела брата Ореста,
Печально пропев Тиндариде,[3]
Что я в отдаленной Тавриде
Осталась безбрачной невестой!

Не ведают греки мои, что жива я
И жрицей в скалах Кианеи...[4]
Но плачет ли матерь родная,
Клянет ли жену Менелая,[5]
Пергам сокрушили ль ахеи?..[6]

Лети и скажи ей, что дочь твою мнимо
Отец ее предал закланью:
Богиней — для смертных незримо —
Она спасена невредимо
На жертвенник брошенной ланью...

Но здесь без надежд, без друзей и отрады,
И в рабстве у скифа Тоанта,[7]
Где бьется волна в Симплегады,[8]
Живет далеко от Геллады
Спасенная жертва Калханта...

И скифский обычай должна исполнять я:
На жертву должна Артемиде
При воплях и стонах проклятья
Священную кровь проливать я
Гелленов, приставших к Тавриде!

Не слышать мне радостных песней Гимена,
И, чуждая ложу двойному,
Изною средь вечного плена,
И новых героев колена
Не дам я державному дому!

Не слышу здесь речи и гимнов Геллады,
Я с прошлым в немом разговоре...
Так пойте ж, Эвксина наяды,
Таврических дебрей цикады:
О, горе! о, горе! о, горе!..

Хор

Отпрыск розы, гордость дома
Внука Леды[9] — ты раба!
На заре тебе знакома
Всеразящая судьба...

Силе вечного закона
Покоряясь пред тобой,
Дий, величье бросив трона,
На твое склонился б лоно
Многодумной головой.

За красу жены Елены
Встали распри и борьбы:
И азийцы[10] и геллены
Ждут решения судьбы...

И за нас сиянье стали
Побагровело б порой,
Греки б песни нам слагали,
А тебя бы называли
Олимпийскою женой...

Ифигения

В нашем горе — прочь гордыня!
Будь смирением горда;
Будь рабынею рабыня,
В унижении чиста.

Вспомним, девы, как Латона [11]
Гордость смертных низвела!..
Не богов в величьи трона —
Пастуха Эндимиона [12]
Артемида избрала...

Нет!.. Пойте, подруги, мне песню печальную:
Душа на плачевный настроена лад,
Как вспомню в чужбине я родину дальнюю,
И на море жадные очи глядят!..

О, пойте, подруги, мне песни мучения,
Те песни, что любит подземный Аид:
В их звуках таится зерно облегчения,
И будто с печалью печаль говорит!

Пауза.

Этою ночью я видела сон, —
Много я в грезах страдала!
Страшно и ясно мне виделся он...
Солнцу его рассказала. [13]
Снилось мне, будто бы в царстве отца
Я меж подруг расцветаю
И у преддверий родного дворца
В диск быстробежный играю.
Хохот наш звонкий идет по реке:
Нимфы ему отвечают,
Скрывшись в осоке от нас вдалеке,
На реку нас вызывают.

Вдруг застонала земля подо мной
И затряслась, задрожала...
Вижу я, рушится дом наш родной:
Крыша с карнизом упала,
Сдвинувшись с крепких высоких столпов,
Груды развалин лежали, —
В них красоты первобытной следов
Очи мои не узнали...
Только осталась колонна одна
И возвышалась над прахом;
Как-то печально стояла она,
Вкруг ее веяло страхом,
И капитель той колонны моей
Русые кудри венчали,
Вопли, как смертные вопли людей,
Недра ее потрясали...
Кажется, будто она приняла
Голос и вид человека;
Жрицей богини я к ней подошла:
Жертву узнала в ней — грека...
Жертву свою я невольно должна
Вспрыснуть водой очищенья,
Смерти обречь!.. О, для этого сна
Нет и у Леты забвенья!
Знайте, ряды крепкозданных столпов,
Отчего дома опоры —
Племя мужей и могучих сынов...

(Указывает хору на храм.)

Храма раскройте затворы,
И поспешим возлиянья творить,
Мертвым отдать приношенья...
Я по колонне могу объяснить
Смысл моего сновиденья!..

(С воплем)

Брата смерть меня лишила...
Нет Ореста! Брата нет!..
Вижу, вот она, могила,
Вот жестокой Парки след!

Плачем, плачем, плачем, девы,
Срежем роскошь наших кос!

Под могильные напевы
Пусть потоки льются слез.

(Опускает на лицо покрывало и, тихо рыдая, стоит опершись на жертвенник.)

Хор разделяется на две половины.

1-й полухор

Сокрушился дом Атрида,
Пал Танталов дом...
Под десницею Кронида
Всё проходит сном!

Тенью всё мимобегущей
На земле идет...
Носит смерть в груди живущий, —
Вечно мир живет.

Разве ты не сон прекрасный?
Разве мы не сон?
Здесь лишь радость не напрасна,
Не бессмыслен стон.

И не плачь так горько, дева!
Пусть наш гаснет род:
Семя нового посева
После нас взойдет...

2-й полухор

Далека от утешенья
Речь холодная твоя,
Не уснет под это пенье
Душу рвущая змея.

Правду разума не любит
Человек — дитя скорбей...
Нас судьба родит и губит:
Ей игрушка жизнь людей!

В этой песне нет целенья:
Ею горя ты не множь!..
Всё у смертных заблужденье:
Ныне — правда, завтра — ложь.

Нет!.. Страданье любит слезы
И сочувствие людей,
И младенческие грезы...

(Указывая на Ифигению)

Мы заплачем вместе с ней!

Ифигения

Пусть он примет благосклонно
Возлиянье этих слез,
Многохолмный, многоконный,
Вечнопамятный Аргос!

Не дождаться мне возврата
В вожделенный дом родной,
Не видать могилы брата,
Умереть в земле чужой!

Пред лицом его гробницы
Мне одежд не разорвать,
И над нею голубицей
Я не буду ворковать.

И любимую тенями
Не оставлю я на ней,
Орошенную слезами,
Прядь отрезанных кудрей! [14]

2-й полухор

Песню ответную, песнь вопиющую
　　Мы запоем тебе, дева!
Тени родные из ада зовущую,
　　Песню иного напева,

Чуждую музам и лиры созвучию,
　　Близкую сердцем болящим,
Песню споем твоему злополучию,
　　Милую песню скорбящим...

О, теперь твой брат далеко,
В царстве мрака и теней,
И его не видит око
Наших плачущих очей!..

И Аргос теперь — могила,
И в Аргосе счастья нет!
Парка жадная скосила
Лучший молодости цвет!

И его не видят взоры
Феба ясного лучей,
Златопурпурной Авроры
И серебряных ночей.

Смертью сомкнутые вежды
Не откроются в пыли
За пределами надежды —
За пределами земли.

Отсияла незаметно
Дома царского звезда,
Закатилась беззаветно,
Невозвратно, навсегда!..

1-й полухор

Жизнь... то плод, где, зрея, сладость
Заглушает горький яд...
Отдадим мы жизни — радость,
Смерти — почесть и обряд!

Мы бессильны пред судьбою...
Будем жить... О, будем жить!
Ни слезами, ни тоскою
Нам бессмертья не купить!

И себе в успокоенье
Да познаем мы закон:
Жизни — вечное волненье,
Вечно мирный смерти сон.

Ифигения

(плача)

Всё погибло!.. Я — жертва страдания вечного.
Отнял всё у меня без возврата
Плутон!

Соутробного мне и сомлечного
Никогда не увижу я брата...
О, сон!

За Коцитом мой брат среди мрака глубокого...
Понесись, полети туда, стон мой,
где он,
В подземелья Эреба далекого,
И скажи, как я стражду... О, сон мой!
О, сон!

1-й полухор

Наваждения Гекаты [15]
И исчадья недр земных,
Сны обманами богаты,
И изменчив образ их,
Данный адскими богами...
Что ж тревожишься ты снами?

Ифигения

Не прервете слез течения
Доброй силой ваших слов!..
Говорят, — дано целение
Милосердием богов:
Горечь слез — нам облегчение,
Забытье — в истоме снов.

1-й полухор

Чтоб продлилась жизни сладость,
Боги горем нас дарят...
Отдадим мы жизни — радость,
Смерти — почесть и обряд!

Ифигения приготовляет возлияния тени брата и приношения богам Аида. Два полухора соединяются в один хор, который в это время поет «Гимн Смерти».

Хор

(Гимн Смерти) [16]

Внемли нам, внемли нам, царица людей,
Конец всего сущего в мире!
Под мощною властью твоей
И то, что есть долу, и то, что в эфире...

О Смерть! ты для всех беспристрастна равно,
Ты всех примиряешь собою;
Тебя никому не дано
Склонить приношеньем, слезой и мольбою!

В тебе на земле разрешенье всему,
Все жизни загадки ты знаешь,
Издревле к концу одному
Рожденное жизнию ты направляешь.

Тебя умоляем мы: позже приди
Сомкнуть нам усталые вежды,
Дай радости нам впереди,
Но лучше дай вечный светильник надежды...

И долгую жизнь нам, и старость пошли
В довольстве, в блаженном покое, —
Но юность нам дольше продли,
Чтоб отдали юности всё молодое!

Ифигения

(творя возлияния)

Смолкните, вопли страданья,
Гнитесь на землю, колени!..
Брат мой! Прими возлиянья —
Жертву возлюбленной тени.
Перси земли увлажаю
И молоком, и водою,
Вакховы соки мешаю
С влагой пчелы золотою. [17]
Всё посвящаю я Аду
(Где ничему нет возврата),
Всё, что приносит отраду
Тени усопшего брата!

(Взяв священные сосуды, Ифигения идет во храм и, уходя, говорит хору)

Я сокроюсь под сению храма,
Где всё веет отрадой и миром...
О, я много сожгу фимиама,
Много слез я пролью пред кумиром!

(Уходит.)

Хор

Здесь богов о счастье просят!..
Им противен этот храм:
Люди жертвы здесь приносят
Неугодные богам...

(Указывая на храм и лежащую подле него груду костей)

Безобразная божница,
Черепа и прах людей
И бессмысленные лица
Этих скифских дикарей
Возмущают ежечасно
Наше чувство глубоко,
И летит к стране прекрасной
Память сердца далеко,
Где теперь другое время,
Где на небе так светло,
В землю брошенное семя
Ярким цветом возросло;
Где природа прихотлива,
Хитроумен человек;
В поле пальма и олива,
На горах холодный снег,
Где, цветя, леса Геллады
Шлют богам свой аромат
И дают сердцам отрады
Виды храмов и палат;
Циклопические зданья [18]
Поражают робкий взор
И воздушные слиянья
С облаками синих гор...
Пина стройная и тополь
К небесам летят стрелой,
И облит Микен акрополь
Бледно-розовой зарей...
Там немрачны сами боги,
Населяя светлый храм,
И приветны, и не строги,
И доступные мольбам,
И не слышатся там стоны,
В храмах радость разлита
И дорической колонны

Красота и простота...
И метопы у триглифов [19]
Чистым мрамором блестят —
Изваяниями грифов;
На ступенях статуй ряд,
И, как пояс, стоколонный
Перистиль [20] обводит храм.

Пауза.

Смолкни, песня!.. Отдаленной
Не видать Геллады нам!

(Выходит за ограду храма.)

1852

ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ К «ИФИГЕНИИ В ТАВРИДЕ»

Предлагая своим читателям пьесу «Ифигения в Тавриде» — опыт в объективном лиризме, автор счел необходимым объяснить эту сцену, которая, по его понятиям, составляет законченное целое, как воспроизведение известного момента в жизни Ифигении, время пребывания ее в Тавриде до отплытия с братом Орестом на родину.

Для пояснения содержания прилагается буквальный перевод первого монолога из Эврипидовой трагедии «Ифигения в Тавриде», в котором Ифигения знакомит зрителей с своим прошедшим и настоящим:

«Пелопс, сын Тантала, пришедши к Пису, чрез быстроту своих коней вступает в брак с дочерью Ономая, от которой Атрей родился. Атреевы же сыновья — Менелай и Агамемнон. От последнего родилась я (Ифигения), Тиндаровой дочери дочь (т. е. Клитемнестры). Меня из-за дела Елены заклал отец (как он, ошибаясь, думает) в жертву Артемиде у тех пучин, которыми Эврип приводит в круговратное движение синее море, вздымая его частыми ветрами в славных изгибах Авлиды, куда флот в тысячу кораблей привел царь Агамемнон, желая, чтобы ахеи стяжали прекраснопобедный венок илионский, и намереваясь отмстить, в угоду Менелаю, за насильственно расторгнутый брак Елены.

Но случилось страшное безветрие.

Дело дошло до гаданий по жертвам, и сказал Калхант (жрец-прорицатель) такое слово: «О, властвующий над войском Геллады Агамемнон! И не думай от этой страны отчалить кораблей до тех пор, пока Артемида (Диана) не получит закланною твою дочь Ифигению; оттого, что ты дал некогда обет: то, что тебе принесет с собою год самого прекрасного, отдать в жертву светоносной богине (т. е. Артемиде, Диане)... Ты знаешь: дочь родила тебе в твоем доме супруга твоя Клитемнестра (эту пальму красоты мне он отдал). Ее-то тебе следует принести в жертву».

И меня ухищрениями Одиссея отняли у матери, как будто

бы для брака с Ахиллом. По прибытии в Авлиду, меня, несчастную, подняли высоко над костром и мечом умертвили... Но похитила меня Артемида, давши ахеям вместо меня лань, и, пославши чрез светлый эфир, переселила меня в эту землю тавров, где над страною у варваров царствует варвар Тоант, который, имея ногу быструю, как крыло птицы, снискал это имя по скорости своих ног, и он поставил меня жрицею в этом храме. Оттого-то по законам, которые любит богиня (по законам праздника, в чем прекрасно одно только имя... о прочем же умалчиваю, страшась богини), я приношу в жертву — по обычаю, еще и прежде существовавшему в городе, — каждого гелленского мужа, который только ступит на эту землю. Я начинаю жертвоприношение, ужасное же заклание совершают другие внутри этого царственного чертога богини *(т. е. храма)*».

«Ифигения в Тавриде»,
Трагедия Эврипида, стих. 1—41

Строгое соотношение между метром и содержанием в греческой трагедии, где каждое состояние духа принимает особенный свойственный ему ритм в стихе, каждый оттенок чувства и мысли переходит в соответствующий его свойствам размер, автор, по мере возможности, сообразжаясь с духом нового искусства, характером нашего языка и стопосложения, старался перенести в свою сцену, что читатели могут заметить по его техническим приемам в переходах от одного метра к другому, в известном расположении частей в строфе, в расстановке созвучий и в течении стоп.

В Эврипидовой «Ифигении в Тавриде», в песне хора, начинающейся с 392 стиха, идет один известный метр и одно расположение стихов в строфах и антистрофах, но он вдруг переменяется, принимая ритм марша во 2-й антистрофе, начиная от стиха 456, когда хор, увидев идущих к храму, в сопровождении стражи, пленников — Ореста и Пилада, говорит:

«...Но вот двойники, связанные вместе по рукам узами, — новая добыча богини... Молчите, подруги!.. Уже близко подходят ко храму обреченные на жертву геллены» и проч. (стих. 456—460).

Таким образом, в своей «Ифигении», в строфах, начинающихся стихом:
«Всё погибло!.. Я — жертва страдания вечного...» — автор предположил себе составить стих, сообразный стону и плачу женщины — мирологу, так называемому в просторечии причитанию (женщин), чему есть примеры в «Илиаде», в других произведениях древней литературы и в народных песнях нынешних греков.

Печальный рассказ, сопровождаемый слезами, и жалобы Ифигении переданы здесь особенным стихом — элегическим метром, в котором все стихи женские с тремя созвучиями в окончаниях, изобилующие короткими слогами: подобным размером передавалось у греков это же чувство и состояние души.

Междометия φεῦ, φεῦ, — οἴμοι и т. п. (увы, увы мне! и проч.), так часто встречающиеся в греческих трагедиях, которые иногда одни составляют целый стих, автор позволил и себе употребить, заменив их междометиями: о, горе мне! горе!

Он также предположил себе составить нечто похожее на строфу

и антистрофу древней трагедии или лирики, по крайней мере нечто могущее, некоторым образом, ей соответствовать в новом искусстве, что служило бы хоть известному раскату, расположению и течению стихов для большего благозвучия и разнообразия. Каждая строфа его разделяется на три неравные части, или куплеты: первый куплет состоит из 8-ми строк, второй — из 5-ти, и третий — из 4-х строк, с известным расположением мужеских и женских стихов, тройных созвучий и проч. Эти строфы идут начиная от стихов:

А когда-то, а когда-то
Я цвела в тени дворца...

до следующей за ними перемены метра.

Хор в этой сцене, составляя одно целое, разделился потом на два полухора, когда идея, им выражаемая, распалась на две своих стороны. В религиозном чувстве, во время жертвоприношения смерти, он соединился опять в один хор, удерживая это соединение и при воспоминании о родине в последней своей песне.

Соображаясь с предпосланною этой сцене мыслью автора, читатель, вероятно, оправдает в своих художественных соображениях частые перемены метра или повторение в роде следующего:

Брата смерть меня лишила!
Нет Ореста, брата нет! —

и почему именно словом «брат» начинается стих при переходе в другой метр.

Еще нужно заметить, что автор старался, по мере возможности, избегать частого употребления греческих собственных имен, мифов и разных деталей греческой древности, пользуясь в гелленизме одним только общечеловеческим, более или менее всем известным, нечуждым нам и непротиворечащим характеру и технике нового искусства, также и для того, чтобы это не могло вредить впечатлениям читателя, часто отвлекая его от пьесы к примечаниям.

При глубоком внутреннем содержании драмы нашего времени, ей, может быть, недостает только, для полноты и совершенства художественности, того строгого соотношения между идеею и формою во всех ее самомалейших оттенках, той, так сказать, виртуозности формы, которыми богата драма греков. Можно полагать, что подобное дело в новой драме предстоит будущему драматическому гению.

Известно, что лирическая поэзия греков по преимуществу находится не у лирических поэтов, а у греческих трагиков, в их хорах, принимая, по самой сущности драматического искусства, объективный характер.

Опыт в подобном роде лирики представляет «Ифигения в Тавриде», предлагаемая теперь суду читателей.

[1] *Инах*, река в Арголиде, и вместе с тем бог той реки, отец известной нимфы Ио.

[2] *Галатея*, нимфа, в которую был влюблен циклоп Полифем и которая платила ему за страсть равнодушием. — Смотр. XI идиллию Теокрита.

[3] *Тиндарида*, т. е. дочь Тиндара — Клитемнестра — мать Ифигении.

[4] *Кианея* значит то же, что и Симплегады, и происходит от слова κυάνεος — голубой. Подробно о Кианее можно читать в поэме Аполлония Родосского под названием: «Поход Аргонавтов» во 2-й песне, где описывается, как Аргонавты перешли опасные скалы Кианеи и пристали к острову Фимиаде, — в орфической «Аргонавтике» и в «Аргонавтике» римского поэта Валерия Флакка. — Книга IV, стих. 637—666.

[5] *Елена*, жена спартанского царя, за которую, по преданию, возгорелась Троянская война.

[6] *Ахеи* — греки. Так они большею частию называются в «Илиаде».

[7] *Тоант*, царь тавров, или тавро-скифов, древних обитателей Тавриды. В IV книге истории Геродота под названием: «Мельпомена», где описываются разные племена скифов, в § 103 говорится о человеческих жертвах, которые тавро-скифы приносили своей богине-девственнице из тех иностранцев, греков по преимуществу, которых непогода или кораблекрушение прибивали к берегам Тавриды.

[8] *Симплегады* — произведение фантазии греков, страшные скалы на каком-то далеком море, беспрестанно расходящиеся и сталкивающиеся, окруженные бурными пучинами, водоворотами и всеми ужасами.

[9] *Леда*, жена Тиндара, царя Спарты, прекраснейшая из женщин, которую любил Зевс под видом лебедя. Елена, Клитемнестра, Кастор и Поллукс — дети ее от Зевса.

[10] *Азийцы* — трояне. Так они называются иногда у греческих писателей, равно как называются еще фригийцами и дарданцами.

[11] *Латона*, мать Аполлона и Артемиды. Разгневанная на Ниобею, имевшую прекрасных детей, которых красоту она ставила выше красоты Аполлона и Артемиды, Латона велела детям своим поразить стрелами детей Ниобеи. Боги, сжалившись над несчастием и страданиями Ниобеи, превратили ее в камень.

[12] *Эндимион*, юноша пастух, которого любила Диана-девственница.

[13] У греческих женщин был обычай рассказывать свои сновидения солнцу. Об этом обычае упоминается в Эврипидовой «Гекубе» и «Ифигении в Тавриде», также и в Софокловой «Электре». Этот сон взят из Эврипида. Вот буквальный перевод его из Эврипидовой трагедии «Ифигения в Тавриде»:

«Казалось мне во сне, будто я, оставив эту страну (Тавриду), живу в Аргосе, и покоюсь посреди дев, и что хребет земли потрясся от землетрясения. Я выбежала и, стоя вне дома, увидела падающий карниз дворца и рушащуюся крышу, низринутую с высоких столбов... Виделось мне, что одна только оставалась колонна от отцовского дома. С ее капители спускались русые волосы, и приняла она голос человека... Я же, соблюдая свою обязанность губительницы чужеземцев, стала омывать его, как обреченного на смерть, и плакать...» и проч.

[14] В знак печали и жертвы мертвому, у греков было в обычае отрезывать локон волос и класть на могиле.

[15] Сны, по верованию греков, — порождения адских (подземных)

богов, выходящие из бездн и недр земли, исчадия темной ночи, наваждения мрачной богини Гекаты, которую иногда смешивают с Дианой.

[16] Гимны, приписываемые Орфею. Эти орфические гимны написаны почти каждому из богов. Мотив одной из этих молитв автор воспроизвел в своем гимне Смерти.

[17] Жертва богам мертвых, возлияние, приношение мертвецам состояли из мучной лепешки, смешанной с медом, вина, воды и молока.

[18] Здания, сооружение которых предание приписывает циклопам, наприм., стены города Микен, их акрополь (цитадель), ворота, сокровищница Атридов. Стены этих зданий сложены из камней огромнейшей величины. Развалины их и теперь видны в Пелопоннесе.

[19] *Триглифы* и *метопы* — части дорического фриза, или поля между архитравом (эпистилем) и карнизом, триглифы утверждены в надстолпии на верхней линии архитрава. Они подпирают края потолка и составляют нечто похожее на продолжение колонны. Образуя отверстия, они открывают внутренность храма.

Метопы — это отверстия между спуском потолка, архитравом и триглифами. Метопы служили в храмах вместо окон, как доказал известный берлинский архитектор Беттихер.

Грифы, как архитектурные орнаменты, употреблялись чаще на храмах Аполлона и Геры, божеств покровительственных Аргоса — родины Ифигении.

[20] *Перистиль* — ряд колонн, окружающий все стороны здания, параллельный стенам его, что составляет как бы галерею вокруг здания, поддерживаемую множеством колонн.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Песни, как проявление внутренней и внешней жизни народа, еще не вступившего на известную ступень образованности, еще не достигшего известной степени духовного развития, рождаются в его, так сказать, эпическую пору и в начале его сознания во время стремления к самобытности, к гражданственности.

Предтечею самосознания народа бывает проявление материальной силы его — богатырское, геройское время, предмет песней и преданий народных; это время песней более звучных, проникнутых чувством народного Я.

Греция, в конце средних и в начале новых веков, сохранявшая промышленный дух древних своих республик и увлеченная примером соседки Италии, вдалась в торговлю и промышленность всякого рода, почитая совершенно невозможным дело восстановления своей самобытности. Жители же гор Эпира, Этолии, Акарнании, Фокиды, Локриды, Беотии и Лаконии, защищенные природою, возбуждаемые силою неукротимого характера, не покорялись совершенно туркам; но эта свобода была бессознательна, свобода характера, заключенного в тесное поприще, впрочем хранившая в себе семена восстания Греции. Во время постепенного упадка силы турок и жители городов и жители островов, *напольные жители*, начали одушевляться духом горцев-клефтов, содействуя им тайно денежными средствами или восставая иногда открыто, за что жестоко наказывал их Диван лишением имений, сожжением родных городов и селений, и они погружались время от времени в бездействие. Уничиженные, изгнанные таким образом, опальные напольные греки удалялись от мщения турок или в горы клефтов, или за перешеек Морейский, где вследствие таких обстоятельств основались города: Миссолунги, Галазади, Каларит и некоторые другие. В это время совершилось повсеместное восстание в Греции и созревали семена политической самобытности греческого народа.

От конца средних веков и несколько прежде этого времени до 30-х годов текущего столетия, т. е. периода борения беспорядочных начал нынешней самостоятельной гражданственности Греции в начале сознания греческого народа, во время удальства и, наконец, войны клефтов и арматолов, возрождались новогреческие народные, собственно клефтические и героические песни.

У древних греков также, кроме народных поэм, драм и од (Гомера, Аристофана, Софокла, Анакреона и других), существовали собственно народные песни Схолии,[1] которые пелись на разные случаи и во время народных праздников и обрядов. У древних пастухи пели одни песни, жнецы, ткачи, производители шерстяных изделий, девушки, женщины разных классов и состояний пели своего рода песни.

Во время политического упадка Эллады ученые любители греческой словесности толпились у трона Птоломеев, презирая простонародные песни свои, презирая клонящихся к упадку соотечественников, собирали, приводили в связь рапсодии Гомера, поставляли на сцену произведения греческих драматургов, распевали оды Пиндара, Анакреона и других поэтов и, казалось, вдали от родины забыли обычаи и песни народные, увлекаясь обычаями нового отечества. Греческие ученые удалились во время смут Эллады в Рим, по покорении ее Римом, где становились учителями народа римского, передавая ему свою философию и язык свой, который имел то же значение в Риме, что французский в современной Европе. Ученые греческие, увлекаясь обычаями Рима, из подобострастия к сильному народу, их приютившему, забыли родные праздники, предания, поверья, обряды, забавы народные, следовательно и песни. Они проповедовали там своих книжных поэтов, от которых имели хлеб насущный. Притом и тогдашние философские учения препятствовали им изучению отечественной народности, и если б не Афеней и некоторые другие из позднейших писателей древности, мы не знали бы даже, существовали ли у греков простонародные песни. Время шло. Владычество римлян имело влияние на преобразование политического быта Эллады: народ старался перенимать обычаи римлян, старался подобострастно угождать своим властителям. При упадке римлян вторжение варваров-славян имело то же влияние на характер народности греческой. Впоследствии Греция, составляя часть Восточной Римской Империи, заняла от нее много новых стихий в свою народность; она даже стыдилась называться Грециею, а греки — гре-

---

[1] По свидетельству Плутарха, Артемона, Дицеарха и некоторых других.

ками, что видно из следующей фразы, употребляемой и ныне в разговоре: *«говоришь ли ты по-римски»*, т. е. по-гречески. Вторжение и поселение в Греции разноплеменных восточных и западных славян имело сильное влияние на забвение греками эллинской старины своей, на жизнь их и отчасти на язык. Крестовые походы, торговые республики Италии, французы[1] и, наконец, мусульмане, преимущественно турки, пересоздали быт Греции и характер ее народности. Турки имели бо́льшее влияние на греков, чем европейцы; начертание нот для пения греки заимствовали у сильных и просвещенных тогда аравитян, которое и походит на еврейское или арабское письмо. Мотив аравийский, имеющий некоторое сродство с греческим, слушаемый ежедневно в церквах, привился и к народным песням; но эти заимствования освещены неугасающим огнем их народности, как духовной личности поколения. В продолжение веков, с политическими переворотами Греции изменялись и формы устного языка (впрочем, и всегда отличавшегося от языка книжного, что происходило не только в народе, но и в языке произведений византийских писателей в разных родах).

Из этих разнородных стихий, связанных в одно целое цементом древней Эллады, составилась современная нам греческая народность. В народной поэзии греков мы не видим так много черт древнего эллинского духа, как видели некоторые французы и немцы, писавшие об этом предмете; но, впрочем, и не совершенно отрицаем в ней древнее начало, и в жизни горцев — жизнь древних.

Сказав несколько необходимых слов о происхождении народности нынешних греков, обратимся к *новогреческим песням.*

В Греции, как и у нас, издаются так называемые *«Песенники»*; они большею частию так же неудовлетворительны, как и наши, потому что издаются людьми недальнего учения, только для денежных выгод. В этих «Песенниках» песни простонародные перемешаны с песнями ученых, как выражаются греки, — стихотворцев, и произведения этих людей предпочитаются собственно народным песням почти всеми сословиями народа в Греции. Я имею цель написать не трактат о новогреческих песнях, а познакомить своих читателей только *с содержанием* их, что может дать некоторым образом понятие о греческой народной словесности; следовательно, и о внутренней и внешней жизни греческого народа. По «Песеннику», изданному в 1837 году в Навплии под названием: «Ἄσματα διαφόρων ποιητῶν, ἡρωικά, κλεφτικά, ἐρωτικά καὶ τὰ βακχικὰ καὶ ἀντιβακχικά»,[2] — я распо-

[1] См. «La Gréce, par Buchon».

[2] «Песни разных поэтов, героические, клефтические, любовные и вакхические с антивакхическими» (греч.). — *Ред.*

ложил статью свою, выбирая из него песни или чисто народные, или недавно сделавшиеся народными, прибавив к ним несколько семейных и обрядных песен, не помещенных в «Ἄσματα»,[1] или заимствованных мною из других сборников греческих песен, иногда даже из переводов.

Издатель «Ἄσματα» разделяет свой сборник на песни героические (ἡρωικά), клефтические (κλεφτικά), эротические (ἐρωτικά) и вакхические с антивакхическими (βακχικὰ καὶ ἀντιβακχικά), каковой порядок сохранен в статье моей, к которому я прибавил только обрядные и семейные песни, состоящие из мирологов, из песни на Новый год, свадебной, весенних, колыбельных песен и песен, взятых из народных поверий.

I. ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Есть два рода героических песен. Первый род — песни возбудительные к восстанию для освобождения Греции. Они сочинялись за несколько лет до восстания известным патриотом, ученым и поэтом Ригасом и некоторыми другими патриотами и распространялись обществом Гетерии, которое составилось в то время для сборов капитала и оружия, как средств к открытию войны. Члены этого общества таились во всех концах Греции, в Анатолии, на островах и в самом Константинополе. Героические песни наполнены воспоминанием о древней славе Греции, о великих предках... В каждой почти песне вы встретите имена: Геркулеса, Пелопида, Фемистокла, Ахиллеса и прочие. Нынешние греки там не иначе величаются как чадами Геркулеса и эллинами; кроме того, найдете в песнях Ригасовых: Зевса, Аполлона, муз, харит, Гомера, Софокла, и весь народ греческий восхищается этими песнями, и поет их, начиная от солдата до полководца, от матроса до адмирала, от земледельца до купца. Не оттого ли героические песни сделались народными, что в греческом характере занимает одно из первых мест врожденная гордость; не оттого ли, что греки всех классов и состояний знают историю славы своей?.. Ожесточение против турок, пробужденный дух народа, теплый раствор сердца, когда оно принимает и навсегда вкореняет в себе все впечатления, период юношеского увлечения народа, а главное, страстное стремление к возрождению народной и государственной самостоятельности своего любимого отечества, сияющего бессмертною славой прошедшего, — вот причины, отчего греки приняли горячо

[1] «Песни» (греч.). — *Ред.*

новые песни, приняли их, как свои старые, задушевные думы. Притом же ни один народ, может быть, не владеет такими политическими способностями и призванием, как современные греки. Они, как бы вопреки истории, разом перешли от рабства к свободе, от всестороннего деспотизма турок к конституционному образу правления, до чего все другие народы постепенно добивались веками и кровью.

Относительно формы, некоторые из этих песен расположены вроде древних, с одою, эподом и пареподом. Большая часть из них написаны двухстопными и трехстопными стихами, с различною, довольно игривою расстановкою рифм. В некоторых два стиха, отличающиеся какою-либо заманчивою мыслию, силою чувства и резкостию выражения, повторяются в конце каждой строфы. Постоянно возвышенный тон проникает все целое героической песни, что, впрочем, переходит иногда в высокопарность и витиеватость. Древние книжные греческие слова, понятные всякому из греков, испещряют эти произведения и придают им в воображении народа некоторую возвышенность, что нравится грекам, помнящим своих праотцов и гордящимся их языком и поэзиею. Они написаны большею частию нашим тоническим стихом, и музыка их более других песен сходна с европейскою.

Другой род героических песен, чисто эпического содержания, вроде малороссийских дум, но ниже их относительно художественного достоинства. Предметы повествования в этих песнях: взятие крепостей греками во время восстания, осады турками крепостей, занятых греками, доблести греческих воинов и полководцев. Они походят более на реляции о военных действиях, чем на песни. По героическим песням, расположенным по порядку воспеваемых ими происшествий, можно читать историю восстания Греции, как сказание самовидца, впрочем не всегда беспристрастного. Дух древних не оставил и новых греков: у них всякое происшествие большей или меньшей политической значительности — предмет песни народной; у них, как у древних, все проявления жизни удостаиваются к воссозданию искусством.

По форме этот род героических песен подходит к чисто простонародным греческим песням, и, вероятно, большая часть их сложена воинами, участвовавшими в описываемой песнею битве, или гражданами и певцами того места, где происходило дело. Стих их длинный, тринадцати, четырнадцати и пятнадцатисложный, и формою схож со стихом песен клефтических, заимствуя также от них известные эпические выражения, сравнения и начало песни.

Музыка этих, как и клефтических, песен некоторым образом, без меры и такта, не подходит вполне под законы нашей музыки и не

может быть выражена нашими нотами; она заунывна, протяжна, нестройна, как завывание горного ветра в ущельях и пещерах гор, — в жилищах клефтов, с его неправильною дикою гармониею, неопределенною, но понятною внутреннему чувству, которое находит в ней какую-то стройность. Впрочем, музыка семейных и некоторых других родов песен, преимущественно морейских и архипелажских, совершенно может быть выражена нотами европейской музыки.

Героические песни лирического содержания, писанные нашим размером, имеют такт и, приближаясь к европейскому мотиву, могут быть переложены на наши ноты. Некоторые из них сложены для музыки военных маршей, впрочем по мотивам, не похожим на европейские.

1

«Дети Геркулеса! спешите, держа в одной руке меч, в другой пламя, спешите сойтись вместе; докажите, что племя Эллинов еще существует!.. Постройтесь в ряды и с суровым взором пройдите стройно твердою стопою, — шум и пыль от ваших шагов могут обратить турок в бегство... Идриоты, Специоты и братья Ипсариоты, да не покажется ни один турок на вашем Архипелаге! Если кто из турок осмелится там показаться, пусть будет ввержен в бездну морскую».

2

«Раз светлый фосфор ночи освещал шатры греков. Близ них, держа копье, пел молодой Пелопид. — Приятные зефиры, скажите моей милой Греции: — для славы твоей, родина, брожу я здесь на поле битвы, смотрю на блеск неприятельских костров и умолкаю от душевного волнения. Ночь — год. Грек, полный жизни, поет, облокотившись на копье: — для славы твоей, родина, брожу я здесь на поле битвы, смотрю на блеск неприятельских костров и умолкаю от душевного волнения. Солнце благоприятно битве. Завтра день храбрости. Если умру я у своего копья за свободу, за родину — опять полетите, приятные зефиры, и скажите милой Элладе: — для славы твоей, родина, для славы твоей я умер на поле битвы...»

3

«Есть добродетель — любить отечество, родившее великого мужа Фемистокла, которому удивлялся весь мир, север и юг. Будем подражать ему в добродетели и мужестве, славном и похвальном.

Поспеши к нам, Фемистокл, ты увидишь, как в войске нашем празднуют Музы, как некогда праздновали они на Парнасе. Они на веселых праздниках прославляют отечественное мужество и твои доблести... Да здравствуют дети Эллады! — этого желает все наше поколение, этого желает и тень Фемистокла».

4

«За поясом меч мой, конь подо мною, — чего же мне больше желать! Выстрелив из ружья, я не забочусь, что готовит мне *судьба*. Захоти она, чтоб в этот миг пуля убила меня, — я не буду пенять на нее; что завтра? — тоже мне нужды мало, и тем я буду доволен. Когда настанут труды боевые, загремят пушки, — я пою себе беззаботно. Крепясь, проживу препятствия мира, и самый мир есть мой, и я его. На мягкой ли постели, или мчась на скакуне по полю битвы, я всегда смеюсь. Не плачь, милая красавица, сердце мое и там, за горами, не будет не занято: там, где лежит путь мой, всегда и везде я найду любящих красавиц... слышу, труба сзывает нас: — меч мой рвется из ножен... Конь мой! вперед! Когда пули посыпятся дождем и кровь польется рекою, — кто меня удержит?! Тогда, как засвищет пуля, назначенная мне, — я, смеясь, встречу ее и, как жил весело, весело и умру...»

5

«Кривой мой, острый мой меч, ружье, пламенный друг мой. Вы турок поражали, вы злодеев уничтожали для освобождения родины...

Да здравствует мой меч!

Меч мой, когда ты звучишь, когда гремишь ты, доброе ружье мое, когда валятся турецкие трупы и турки завопят *Аллах*, — вот моя музыка!..

Да здравствует мой меч!

В тот час, как на небе сверкает молния, грохочут громы, льет ливнем дождь, ревет буря, я хожу по стремнинам, я взбираюсь на горы для восстановления отечества...

Да здравствует мой меч!

За свободу родины, за веру Христа я сражаюсь и дышу этими священными чувствами. И если не достигну этого — что мне в жизни! — Час настал! Труба гремит: я от радости прыгаю, кровь во мне кипит... *Паф-паф, дзинь-дзинь* начинают слышаться, а я турок бью... Да здравствует мой меч!»

6. ВЗЯТИЕ ТРИПОЛИЦЫ

«День был дождливый, а ночь снежная, когда двинулся к Триполице Кямил-Бей. Ночью он оседлает свою лошадь, ночью и подкует ее. Дорогой он молит бога и говорит: *«Дай бог, чтоб в Триполице застал я городских старшин и архиереев; они взяли бы на свою ответственность граждан; не то в городе подымут оружие и соединятся с клефтами!»* Пока он прибыл, греки окружили крепость, стеснили турок и отчаянно с ними сражались. За укреплением взговорил Колокотрони Кямил-Бею: *«Сдайся нам* (колокотронцам) — *и я дарую жизнь тебе, детям твоим, харемам и всему роду твоему. . .»*

— *С радостию сдаемся вам, грекам и капитанам!* — сказал Кямил. Но вдруг Баши закричал из бастиона: *«Не сдадимся вам, гяуры, поганые греки: у нас есть защита, — твердые крепости, Падишах в Стамбуле и его грозные рати. Всякий турок изрубит вас ятаганом по пяти, ружьем убьет по десяти, по пятнадцати конем вытопчет, из-за крепости вдвое более того вас уничтожит.*

— *Теперь же узнаете,* — загремел Колокотрони, — *греческие сабли и винтовки клефтов; увидите, как режутся греки с турками!..*

Было утро в пятницу, лучше б ему для турок не бывать, когда греки решились напасть на крепость. Они как орлы взвились, как коршуны налетели и выстрелили из всех своих ружей. Тогда Колокотрони закричал своим из ворот св. Георгия: *«Бросайте ружья, берите сабли, загоняйте турок, как овец!»*

Греки их погнали и заперли в крепости. Тут Кехайя сказал Колокотрони: *«Режь турок, да и оставь кого-нибудь!»*

— *Что ты болтаешь, поганый турок, щадил ли ты бедную Востицу,*[1] *когда резал наших родных!..»*

7. ПЕСНЯ О КЯМИЛ-БЕЕ

«Взяли крепость, взяли цитадель, взяли Триполицу, славный город! На улицах плачут турчанки и дочери эмиров, плачет и ханым[2] бедного Кямила:

— Где ты, что тебя не видно нигде, мой ясный сокол, мой пышный эффенди,[3] что был главой в Морее, знаменем в Коринфе, крепкой башней в Триполице! .. Нет тебя в Коринфе, нет в твоих сералях! Греческий монах зажег твои палаты. Тоскуют конюшни по лошадям,

---

[1] Востица — город в области Ахаия.
[2] Ханым — жена, госпожа.
[3] Эффенди — господин.

мечи плачут по агам[1] своим, плачет и жена бедного Кямила: он в плен на рабство рабам своим достался».

Греческое войско под предводительством Колокотрони, Ипсиланти, Мавромихали и других полководцев осадило Триполицу. Осажденные, терпя голод и поражения, сдались. Греки ничем не могли насытить своего мщения, заливая турецкою кровью пламя горящего города. Между убитыми турками находился и Кямил-Бей коринфский, которого прекрасным качествам души греки отдали полную справедливость, несмотря на фанатическое чувство ненависти к туркам, волновавшее их в то время.

8. НАВПЛИЯ

«Три турчанки сидели у ворот Навплии, плакали и говорили: настало горькое время, к нам двинулись клефты и маниоты[2] и турки от них заперлись в крепостях! Пусть это горе наше разделит и сам султан; пусть бедствия наши падут на визиря.

— Зачем ты, Навплия, не веселишься, зачем не затеваешь игр?

— С какого благополучия мне радоваться: с берега бьет меня князь, с моря Бубулина; пули дождем, бомбы градом сыплются на меня.

— Навплия, отдай нам городские ключи! Навплия, сдайся!

— Как мне дать вам ключи, как мне сдаться? — ко мне идет вспомогательное войско: его семьдесят тысяч, при нем семь пашей. Войско идет защищать меня, жечь ваши города и села, заставить плакать матерей ваших, опустошить Морею, вырезать клефтов, рассеять маниотов и тем обезопасить турок...

— Навплия, отдай нам ключи! Навплия, сдайся... Ты отчаялась в помощи.

— Как мне отдать вам ключи, как сдаться? — ведь я славна и знаменита; план мой имеют в Константинополе и в Венеции.

— Теперь 30 ноября, день св. Андрея. Христиане, что вы медлите, — войдите в Навплию.

И Стаикос с паликарами как лев вошел в Навплию. Нынче Паламида[3] для греков игрушка; крепость[4] и Паламида теперь греческие...»

---

[1] Ага — чиновник, начальник, господин.

[2] Маниоты, жители гор округа Майны, что в Лаконии на юге Морейского полуострова, народ воинственный, хищный, грубый и неукротимый.

[3] Паламида — крепость на горе у Навплии.

[4] Крепость эта называется крепостью св. Федора. Она возвышается на берегу Навплийской пристани.

9. СМЕРТЬ ДЬЯКОСА

«Идет большая черная туча, как ворон. Не Каливас ли это, не Левендояни ли?.. Нет, не Каливас и не Левендояни, — это идет Омер-Врионн с восемнадцатью тысячами турок. Увидев это, Дьякос рассердился и громко подозвал к себе своего помощника:

— Собери паликаров моих, дай им пороху вволю и пулей горстьми. Поспешим сойти к Аламане: там есть удобные засады, там сильные укрепления.

Взяв сабли легкие и ружья тяжелые, они пришли к Аламане и заняли укрепления.

— Мужайтесь, дети мои, укрепитесь духом и твердо стойте, как греки.

Но паликары струсили и рассыпались по лесу. Остался Дьякос на поле с восемнадцатью бойцами, в огне перестрелки. Три часа они сражались, но вдруг у Дьякоса лопнуло ружье и рассыпалось вдребезги; он схватил меч и вновь на врагов бросился, зарезал семь Булук-Башей [1] и много, много турок... Но и сабля его переломилась у рукоятки, и — Дьякос достался живым в руки врагов. Тут Омер-Врионн сказал ему на ухо:

— Переменишь ли ты веру, Дьякос, сделаешься ли турком и будешь ли ходить на поклонение не в церковь, а в мечеть?

На эти слова с яростью отвечал ему Дьякос:

— Пропадите вы с своею презренной верой! Я греком родился, я греком и умру... А если хотите, даю вам тысячу золотых и тысячу махмудье [2] за шесть дней моей жизни, пока придут сюда Одиссей и Афанасий Вайя. [3]

Услышав эти слова, Халил-Бей заплакал от злобы:

— Я тысячу кошельков [4] даю вам и к ним еще пятьсот прибавлю, только умертвите Дьякоса, ужасного клефта: он опасен Турции и дивлету ее. [5]

Вдруг турки схватили Дьякоса и бросили его на костер, но Дьякос смеялся и ругался над мусульманской верой:

— Поганые! хоть вы меня испекли на вертеле, но только одним греком стало меньше... Да здравствуют Одиссей и капитан Никитас: они уничтожат вас и дивлет ваш!»

---

[1] Булук-Баши — начальники отрядов.

[2] Махмудье — монета султана Махмуда.

[3] Полководцы греческие.

[4] В Турции считают количество монеты известным родом и величиною кошельков.

[5] Дивлет — правительство; лексикологически значит: благополучие.

Действие повествования о Дьякосе происходит в Левадии, во время произведенного им первоначального восстания левадийских греков. Омер-Вриони, некогда свирепый исполнитель злодейских замыслов Али-Паши, непримиримый враг Одиссея и Дьякоса, соединясь за горою Пиндом с войском, выступившим из Эпира под предводительством Мухаммеда, напал на Дьякоса, занимавшего позицию у Сперхии с пятьюстами ратников. Греки отступили к Аламане, где противустали туркам под прикрытием укрепленного моста, предполагая в случае неблагоприятных обстоятельств отступить к Термопильским ущельям.

10. ХРАБРЫЙ ЙОРГАКИ

«Многие матери грустят и утешаются, но мать Йорги печалится без утешения. Сидит у окна, пристально смотрит на поле и видит, что в горах чернеют глыбы снега.

Черного Йорги окружили неверные лалеи; их было не мало: их было около трех тысяч, а Григорий один с двенадцатью паликарами.

Дервис-Араб взговорил из-за вала:

— Выйди сюда, Йорги, поклонись нам, отдай оружие!

— Я, Григорий, сын Яни! Я смогу отбиваться от вас и с 12-ю паликарами...

Тут Макропанагис закричал из-за холма:

— Не переставай биться, Йорги: я на помощь к тебе приду с двумя или тремя тысячами паликаров.

— К чему, дядя: два или три дня стоять мне против них без воды, без хлеба, без помощи!.. Кто скор на ногах? Кто сумеет пройти в Трикорфу[1] сказать моей новобрачной Йоргине, чтоб она поспешила переменить свое блестящее платье, чтоб больше золотом себя не украшала...

И Йорги убили».

Йоргина значит *жена Георгия*, так как Лякина — жена Ляко; у русских тоже жена называется по мужу, — например: Иваниха и т. п.

II. КЛЕФТИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Слово *клефт* значит вор,[2] но в горных частях Греции оно принимается в значении слова «казак». Во время владычества турок в Греции только клефты и арматолы могли носить оружие. Клефты,

---

[1] Трикорфу — гора и сельцо близ Триполицы.

[2] Κλέφτης, κλέπτης. По-турецки — Хирсыз (разбойник).

обитая в горах и не признавая над собой никакой власти, носили его без всяких условий, арматолы же, составляя род греческого земского войска, — по условию с турецкими и албанскими пашами. Название арматол произошло от времени владения венециян над некоторыми областями Мореи, что доказывает латино-итальянский состав сего слова (arma[1] и tollo[2]). От берегов Андара до Коринфа, почти в каждом значительном городе жил капитан арматолов со своим капитанато (полк). Диван сначала не доверял управления Эпиром албанцам, племени, враждебному грекам, дабы предотвратить возмущения; но видя, что и без того греки неспокойны, стал назначать с 1740 года для управления Эпиром пашей албанских, которые назывались *дервенджи-башами*, т. е. *охранителями дорог* или собственно ущелий от клефтов, затруднявших на пути административные и торговые сношения турок с Грециею. Капитаны арматолов и арматолы делались агами или рядовыми в полках дервенджи-башей, впрочем большею частью держа сторону угнетаемых греков. Капитан арматолов вследствие притеснений и несогласий с дервенджи-башами бежал в горы, делался клефтом и был там вне всяких условий с турецким правительством, не переставая тревожить его наездами, так вредными для албанцев, турок и даже для самых городских и сельских греков, что было главным предметом пропитания клефтов. Живя грабежом, клефты, в случае необходимости, присылали в какой-либо город или селение лист, в котором просили от жителей дани или хлеба; в случае же отказа они делали нападение на город или село, зажигали его и, вооруженною рукою отняв у жителей имущество, уходили в горы, откуда только снег, разлившись весною в стремительные потоки, сгонял их в степи. Это время было трудным для клефтов: они принуждены были открыто воевать с неравною силою албанцев. Поселившись в горах, они жестоко мстили албанцам за поражения: жгли их села, угоняли в горы скот, полонили их пашей и беев, и только за непомерно дорогой выкуп отпускали их. Клефты, жестоко муча пленных албанцев, неистовых врагов своих, не могли насытиться местью; но с пленными женщинами они обходились кротко и даже с некоторым уважением, не считая доблестию мстить слабому полу. Клефты, не зная никакой тактики, более наездничали, чем воевали, и постоянное удальство было единственною целью их жизни, повседневным предметом их рассказов и песен. Они родились, жили и умирали в шуме битв. Дети их, обоего пола, с семи лет

---

[1] Оружие (лат.). — *Ред.*
[2] Несу (лат.). — *Ред.*

постоянно носили оружие. Посмотрите на атлетические формы паликара (молодца, удальца), залитого в панцирь, обвешанного оружием, и вы узнаете в нем Аякса «Илиады»; посмотрите, как клефт догоняет и опережает на всем скаку бегущую лошадь, вы скажете — это «быстроногий Ахиллес» древнего эпоса, это герой олимпийских игрищ. Постоянно деятельная жизнь клефтов, частые гимнастические и военные упражнения дали им в высшей степени совершенное физическое образование. Капитан клефтов Нико-царь с разбегу перепрыгивал чрез семь коней, поставленных в ряд на известное расстояние. Искусство стреляния доведено у клефтов до изумительного совершенства. Некоторые из них, выстрелив в кольцо, висящее на дереве на расстоянии 200 шагов, могут пропустить пулю в кольцо, окружность которого немного более окружности пули. Жилища клефтов и поприще их удальства, наездов и войн — горы Фессалии, Эпира, Этолии, Акарнании, Фокиды, Локриды, Левадии и горы Майны, находящиеся на южной оконечности Мореи. Гора Олимп — их важное, так сказать, их столичное место.

В женщинах клефтохорий заметно разительное сходство с древними спартанками, они разделяют все боевые труды мужей своих. Внешний характер деятельности мужчин и женщин почти один и тот же: то же презрение к жизни, та же любовь к свободе и родине, такой же стоически варварский характер, содержащий в себе много дикой «поэзии». Убитый на войне называется у них *жертвою*, умерший естественною смертью — *падалью*. Клефты при заздравном бокале вина так приветствуют друг друга: *будь здоров для доброй пули*. Клефт в битве, в случае необходимости, просит товарища, чтоб он ему срубил голову, пока еще не успел срубить ее турок. Вот черты, ясно выражающие их идею о жизни... И вся эта жизнь проявляется в их песнях...

Музыка греческих песен нам, европейцам, кажется нескладною, однообразною и дикою, не оттого ли, что жизнь, выраженная подобными звуками, совершенно чужда нам; не оттого ли, что звуки чисто особенного чувства этих песен никогда не пробегали по струнам нашего сердца. Не оттого ли мотив клефтических песен нам кажется однообразным, что наше внутреннее чувство не так тонко и привычно, чтобы заметить неуловимое для нас разнообразие в однообразии мотива греческого, проникнутого одною музыкальною идеею, как самая жизнь, выраженная в этих песнях, постоянно проникнута одним свойственным ей чувством.

Как у древних, у нынешних греков есть рапсодисты, это — старики, скитальцы, бродящие из города в город, из села в село: всякий

праздник, всякая ярмарка не обойдется без присутствия на них рапсодистов. Содержание песен преимущественно взято из жизни клефтов. Рапсодистов — два рода: одни поют только песни старинные и новые, сложенные другими, и знают этих песней множество; другие тоже поют старинные песни и сами импровизируют новые на всякое событие. Импровизации одного из рапсодистов, Гавояни (слепого Ивана), жившего постоянно в Фессалии, у горы Киссава (Оссы), в городке Амбелакии, отличаются своим поэтическим содержанием и приняты народом, как достояние духа народного.

Вот данные, показывающие, что жизнь современных греков, подобно как и у древних, неразлучна с искусством, хоть далеко не в такой степени. Со всем тем можно вооружиться против общего невыгодного мнения о греческой музыке, которая не должна быть лишена художественного такта, сокровенного и непонятного без глубокого изучения, которое, отделив от нее позднейший азиатский привив, может быть, угадало бы в ней стихии древней музыки, совершенно для нас неизвестные.

У клефтов несколько более в известном отношении сохранились остатки древней греческой народности, нежели у других греков, потому что жилища клефтов — клефтохории ограждены самою природою от сношения с иностранцами и недоступны завоевателям. Притом дух самих обитателей гор, клефтов, вечно враждебный, постоянно деятельный, хищный и дикий, никому не может позволить очертить ему известный круг деятельности и заключить его в известные формы. *Бродячие народы* средних веков, крестоносцы и венециане, не имели на клефтов такого влияния, какое они имели на напольных жителей, которые переняли у них формы общественности, дух торговли, архитектуру и допустили в язык свой итальянские слова. Например, итальянское porta — дверь заменило древнегреческое — θύρα. Впрочем, успехи литературы в современной Греции совершенно очистили язык, сблизили его, сколько было можно, с древним языком. Иностранец, знающий только один древний греческий язык, легко может читать современные греческие журналы и книги, благодаря плодам благородных усилий новогреческих ученых и писателей.

Не такова, как напольных греков, народность клефтов, сходная более с народностью славян (преимущественно сербов и черногорцев) и албанцев, которых жизнь и обстоятельства были почти одни и те же. Некоторые греческие песни даже совершенно одинаковы по содержанию и по эпическим выражениям с песнями сербов.

1. ДВА БРАТА

«Купец сходил с горы, ведя за собою двадцать семь мулов. Вдруг среди дороги напали на него клефты, остановили мулов, чтобы развьючить их и посмотреть, нет ли чего спрятанного под мешками. Тут купец стал просить клефтов, чтоб они не развьючивали мулов.

— Не развьючивайте мулов: грудь моя надорвалась от беспрестанного навьючивания и развьючивания их.

— Видите! Сын пса! он не оплакивает жизнь свою, а беспокоится о мулах... Где вы, мои паликары, — закричал капитан, — приколите его ножом, пусть он останется на месте.

Паликары сжалились над купцом, он был храбр, но сам капитан, как разъяренный лев, на него бросился, обнажил кинжал и ранил его в бок. Купец глубоко вздохнул и простонал:

— Где отец мой, пусть посмотрит на меня! Где мать, пусть оплачет мою горькую долю...

— Скажи, откуда мать твоя, я хочу написать к ней письмо.

— Мать моя из Артинии, отец мой из Кандии; еще есть и брат, но он где-то разбойничает...

Капитан вздрогнул, судорожно схватил купца в объятия и понес его к лекарям.

— Вы излечивали многих смертельно раненых, излечите и этого юношу — моего брата.

— Мы вылечивали многих тяжелораненых, но такую рану, какая у него, никто не вылечит.

Умирающий просил брата, чтоб капитан взял его мулов.

— Возьми мулов наших, отведи их к отцу.

— Как мне сказать отцу, как мне сказать бедной матери, что я зарезал брата и привел его мулов! ..»

2. КИТЦО И МАТЬ ЕГО

«Мать Китцо сидела на берегу реки и бранила реку, бросая в нее камни:

— Иссохни, река! уйди назад, река, чтоб я могла перейти на другую сторону, в Клефтохорию, где собираются клефты...

Китцо поймали и ведут его вешать: тысяча турков идут впереди его, две тысячи за ним, и мать вся в черном, плача и приговаривая:

— Китцо, где твое оружие, где твоя разбросанная сбруя?! .

— Глупая мать, бесчувственная мать! ты не оплакиваешь печальную юность мою, мое молодечество, а жалеешь о разбросанной сбруе моей, об утраченном оружии. . .»

3. НИКО-ЦАРЬ

«Нико-царь и его паликары воюют с тремя городами: с Сихной, Хайдакой и с бедною Правой. Три дня они воюют, три дня и три ночи; снег едят, снег пьют и греются у огня. И вот подозвал к себе Нико четырех паликаров.

— Слушайте, мои паликары! Вас мало, но вы храбры. У вас железные сердца и чугунные груди... Завтра откроем огонь против турок, возьмем и растопчем Праву...

Меж тем турки заняли дорогу и приближались к мосту.

Воспылал яростию Нико и оторвал от пояса цепь с дамасским кинжалом. Увидя это, турки разбежались, оставив позади себя Праву».

4. ЛЯКО

«Сдайся, Ляко, паше и визирю, коли хочешь быть первым арматолом и агою дервенов. На это Ляко отвечал им: пока Ляко жив — паше не покорится. У него паша — сабля; у него визирь — ружье...

Услышав это, Али-Паша разгневался и написал приказ Вели-Гкеке-арматолу и всем городам и селам, чтоб они представили ему Ляко живого, иль хоть голову его. И выступил Вели-Гкека преследовать клефтов. Он застал их в лесу на сборных местах, и — битва вспыхнула. Из засады вскричал Кодкоякупи:

— Мужайтесь, дети мои, сражайтесь!.. — И Ляко первый выбежал с кривою саблей в зубах.

День и ночь клефты дерутся; три дня и три ночи длится битва.

Плачут жены албанцев, одетые в черные платья. Мустафа был ранен в руку и в ногу, Вели-Гкека возвратился, плавая в крови».

Песня начинается тем, что Ляко читает письмо от Али-Паши.

Ляко был капитаном клефтов в горах Аграфских.

5. ЖЕНА ЛЯКО

«Я видел, как трепетала жена Ляко, когда пять арнаутов ее держали, а три мучили.

— Лякина, сделаешься ли турчанкой? выйдешь ли замуж за турка?

— Лучше хочу увидеть, как вся кровь из меня иссочится и обагрит землю, чем видеть турка, целующего мои очи.

Сказав это, она больше ничего не сказала.

Вот бежит Ляко с саблею в руках, и валятся головы турков и арнаутов. Прибежав, он взял жену свою и пошел в горы».

6

«Ступайте, посмотрите, братцы! — Внизу деревни Вальтоса, в Ксеромере, Аграфе и в пяти городах есть много клефтов, и все они одеты в золото... Сидят, пьют, едят, Арте[1] угрожают. Смиряются пред своим архиереем и пишут грозное письмо, где плюют в бороду кади, и еще пишут одно письмо в самое Комботи:[2] *„Обсудите-ка хорошо: ведь мы будем жечь города. Поскорее собирайте арматолов: ведь мы будем рыскать как волки“».*

7. СТЕРИО

«Ничего, что арнауты облегли границы; ничего, что чалмы их белеют из-за холмов — пока Стерио жив, он смеется над этими угрозами, он трунит над турками и пашами!..

Спешим в берлоги волков! Пусть боятся за жизнь рабы, что живут на равнинах... Нам лучше там, где болота, где торчат пустынные скалы. Нам лучше жить с волками, чем с турками...»

Стерио, кажется, был капитан фессалийских клефтов.

СУЛЬЙОТСКИЕ ПЕСНИ

В конце XVII века пастухи Албании, христианского вероисповедания, терпя непрестанные притеснения от начальников Эпира, удалились в неприступные горы, находящиеся на юг от Янины и прилегающие к Ионическому морю, где, составив маленькую республику, расположили свои села по скатам и на вершине горы Сули. На всякой миле от села они построили башни и бойницы для защиты от турецко-албанского войска. Семь этих сел были неприступны и едва заметны снизу по высоте своего положения. Али, паша Янинский, желая из политических видов уничтожить ненавистное и опасное для него Сули, долго не успевал в своем предприятии и терял напрасно капи-

---

[1] Арта — городок у Амвракикосского залива не в дальнем расстоянии от Сули. Это плясовая песня клефтов.

[2] Комботи — греческое село в 60 верстах от Арты.

талы и войско; наконец, в 1804 году, поручив начальство над войском албанцев, осаждавшим Сули, сыну своему Алего, взял и разрушил жилища сульйотов, часть которых, оставшаяся в живых, докончив разорение родных пепелищ, разошлась по горным частям Греции. Две следующие сульйотские песни довольно высказывают характер этого племени.

8. МОСХО

«На перилах моста Али сидела ранняя пташка и пела, Али-Паше своею песней говорила: „Здесь тебе не Янина, чтоб строить фонтаны, здесь тебе не Превеза, чтоб сооружать башни, — здесь Сули, повитые лаврами храбрых, где сражаются старики, женщины и дети, где жена Цавелы храбро защищает село и воспламеняет храбрость в мужчинах: она держит карабин в левой, саблю и малютку своего в правой руке, а в переднике держит патроны“».

9. ДЕСПА

«Раздается тяжелый стон; гремит пальба из ружей. Не на свадьбе ли это палят, не на пирушке ли? — Нет, это стреляет в албанцев Деспа с своими невестками и внучатами.

Албанцы, окружив ее в башне, сказали ей:

— Йоргина, брось оружие, сдайся. Ведь это тебе не прежнее Сули. Теперь ты в плен взята, пленница паши и албанцев.

Деспа им отвечала:

— Хоть Сули вам сдалось, хоть Кяфа нам изменила, но Деспа никогда не признавала и не признает вас своими господами!

Взяв в руки горящую головню, Деспа призвала невесток и дочерей и сказала им:

— Чтоб не быть рабами турков — идите за мною...

Тут она бросила горящую головню на порох — и вмиг все разрушилось, все пошли на воздух».

Происшествие песни *«Мосхо»* относится к 1792 году, когда с Али-Пашею Янинским воевал капитан сульйотов, Ламброс-Цавело. Жена его Мосхо, видя, что албанцы уже завладели одною башнею, и не теряя присутствия духа, выломала двери другой, вошла в нее с прочими женщинами и так успешно отстреливалась, что албанцы принуждены были отступить.

Песня о Деспе относится к последним дням Сули. Турки, пресле-

дуя сульйотов, вошли в село Рениас и начали мучить в нем женщин и детей; между тем Деспа, жена сульйота Йорги Боциса, запершись в башне Димула с семью женщинами и семью детьми, отстреливалась от осаждавших ее арнаутов.

10. НАННО

«Вечером пошел Нанно в горы, блистающие снегом, и утром с зарею созвал к себе 3000 храбрых:

— Ко мне, как к чересу, ко мне от младенческих лет! Клефт не слушает советов старика: ему не нужно ни пастуха, ни охотника, ему нужен паликар с ружьем, с ятаганом, с сердцем львиным, а не птичьим... Туда от нас два дня пути, но мы можем приехать в одну ночь. Там серебряные рога мечети блещут под небом, там полные кладовые, — их сторожит дряхлый старик. Близ мечети, на шесть прыжков серны, стоит замок, старый, как божий мир, — а госпожа замка красива, как цветок. На дворе у ней мало слуг и кучи золота в кладовой.

— Здравствуй, Нанно! — скажет госпожа. — Милости просим, паликары! — Здравствуй, прекрасная кукона! — Вам, паликары, и золото, и кладовые, и девушки, а сама кукона для Нанно!..»

11. ХРИСТО МИЛОНИ

«Садятся три пташки на верхушке дерева: одна смотрит на Вальтос, другая на луга Армиры, а третья поет грустную жалобу:

— Прохожий, отчего нет Христо Милони ни в роще Криаврисис, ни на полях Вальтоса?

— Птичка, спроси у гор Аграфа, спроси у Арты.

— Кадия и двух аг Христо взял в полон. Муслим, узнав об этом, позвал стражу и сказал Солиману:

— Слуга, хочешь ли полного череса денег, — целуй этот фирман султана, где велено в телеге Солимана доставить ему голову Христо. Иди в пятницу и сделай свое дело по-молодецки.

В пятницу пошел Солиман на погибель Христо Милони и в Армире уж братски обнимался с ним. Они всю ночь пили до света.

Рассветом, возвращаясь чрез Армирское болото, Солиман сказал Христу:

— Христо! какую змею обогрел ты на груди своей. Аги на моей телеге будут искать голову твою...

— Нет, Христо не поддастся туркам, пока жив. Прощай, Солиман, до свиданья в могиле...

Они прицелились, выстрелили и пали друг подле друга».

В последних двух песнях упоминается слово *черес*: греки, в особенности клефты, зашивают деньги в пояс и носят их при себе.

Для большего уразумения клефтских песен я привожу лучшие из них в поэтических переводах: *Н. И. Гнедича* и *г. Протопопова.*

12. ОЛИМП

«Заспорили горы, Олимп и Киссав,
И первый за сабли, за ружья другой,
Олимп обернулся к Киссаву, шумит:
Молчи, и во прахе сиди ты, Киссав,
Не раз оскверненный коньяра ногой!
Я славен в подлунной, Олимп я седой!
Высок я, на мне сорок две головы;
Я шумен, струю шестьдесят два ключа:
Где ключ лишь — тут знамя, где дерево — клефт.
Сидит у меня на вершине орел,
В когтях у орла — голова храбреца.
Клюет он ее и расспрашивает:
— Что сделала ты, удалая глава,
За что и как у грешного срублена с плеч?
— Съедай мою молодость, птица-орел,
Съедай мою храбрость; твои подрастут
И крылья на локоть, и когти на пядь!
В Ксеромере, в Луру я был арматол
И клефт на Олимпе двенадцать годов.
Сто аг истребил я, сто сел их сожег,
А турок, албанцев, положенных мной...
Их множество, птица, и счета им нет.
Но жребий пришел мой — лег в битве и я!»

13. ГРОБ КЛЕФТА

«Садилося солнце, а Дим свой завет говорил:
— Подите вы, дети, на ужин пора за водой;
А ты, мой племянник, садися, Ампракис, ко мне.
Тебе моя сбруя, оденься и будь капитан;
А вы, мои храбрые, саблю мою сироту
Возьмите и мне нарубите зеленых ветвей;
Другие подите, сыщите священника мне.

В грехах я покаюсь, я много их на душу брал:
Арматолом тридцать, а клефтом я двадцать был лет;
Но смерть наступает, я мирно хочу умереть.
Постройте мне гроб, но чтоб был он широк и высок,
Чтоб стоя мне прямо сражаться и в турок стрелять.
На правую сторону сделайте в гробе окно,
Чтоб ласточки мне прилетали весну возвещать,
Чтоб красный мне май воспевали певцы-соловьи».

14. СКИЛЛОДИМ

«Под зелеными елями ужинать сел Скиллодим,
И вино наливать при себе посадил он Ирену.
— Наливай мне, красавица, пить, наливай до утра,
До восхода денницы, как ты, полонянка, румяной.
Поутру я тебя отпущу с паликарами в дом.
— Не рабыня я, Дим, чтоб вино для тебя наливать,
Я невестка Проеста, я дочь городского архонта! .. —
На заре, на рассвете, два лесом прохожих идут,
С бородами заросшими, с черными лицами оба;
К Скиллодиму подходят, приветствуют оба его:
— Скиллодиму день добрый. — Добро пожаловать! Кто вы?
Да и как вам, прохожим, известно, что я Скиллодим?
— Принесли мы поклон Скиллодиму от Спироса-брата.
— От любезного брата? но где вы видали его?
— Мы видали его в Янине, в глубокой темнице;
По рукам и ногам он заклепан железом сидел. —
Зарыдал Скиллодим и с тоски побежал от прохожих.
— Воротись, Скиллодим! ты от брата бежишь, капитан,
Не узнал ли ты брата? Скорее обнять себя дай мне! —
И узналися братья, и крепко они обнялись,
Целовалися сладко, в уста целовались и в очи.
Взговорил Скиллодим и любезному брату сказал:
— Но садися, брат милый, садись и скорее поведай:
И когда ты и как от албанских избавился рук?
— В одну ночь, от цепей свободивши и руки и ноги,
Я решетку сломал, я скакнул из окошка на топь,
Я сыскал там челнок, через озеро птицей проплыл,
И вот третия ночь, как взошел я на вольные горы».

15. Голос из могилы

Мы целый день субботу и воскресенье пили,
А в понедельник утром вина у нас не стало;
И вот мне капитан наш велел вина промыслить.
Куда идти, не знал в стране, мне неизвестной:
Я вышел наудачу на первую тропинку,
И привела тропинка меня на холм высокий.
Смотрю — кругом могилы, могилы паликаров.
Одна была поодаль, от всех была в сторонке;
Я шел и, не заметя, на голову ступил ей.
И слышу, подо мною земля вопит и стонет.
— Скажи, о чем ты стонешь, о чем вопишь, могила?
Земля ли тебя давит, иль давит черный камень?
— Нет, не тяжел мне камень, не тяжела земля мне;
Но мне тяжка обида, мне тяжко оскорбленье:
Меня ты обезглавил, на голову ступил мне.
И я, как ты, был молод, и я был паликаром;
Гулял и я, бывало, при свете лунной ночи.

III. ЭРОТИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Эротические греческие песни почти все поются голосом заунывным, но не столь протяжным, как клефтские, чему способствует игривая расстановка рифм, краткость и неровность стиха в количестве стоп, что заметно в большей части греческих эротических песен. Они вообще нежны и пламенны, как цветы юга, как дыхание южного ветра. Песни содержания эпического гораздо лучше песен чисто лирических, которые часто бывают сентиментальны. Песни островов и северной Мореи прекрасны по своей форме и по простому содержанию.

Музыка эротических песен, сохраняя азиатские мотивы, приближается к европейской и имеет такт.

1

«Я птичка чужая... чужестранная птичка, преследуемая охотником! Где мне сесть, где переночевать, чтоб не погибнуть! День вечереет, начинает темнеть, — как мне быть без пары, как мне свить гнездо в чужом лесу!.. День гаснет; ночь клонит ко сну всякую

---

[1] Перевод г. Протопопова.

птичку, а я дремлю и пару зову... Чужая птичка! — смотрю, другие птицы спарованы, а я не знаю этого счастия. Лечу себе одна сиротинка: для меня нет места, для меня нет гнезда. Я летаю, чтоб найти место, где хоть бы одинокой переночевать. На каждой ветке сидят спарованные птички: они меня не узнают, они меня гонят от себя, и я не знаю, куда мне деваться, как мне быть, куда полететь, чтоб не погибнуть! Клонятся ветки, листья дрожат, где сидят птички, а я чужая, несчастная, я без гнезда!

Брошенная своею горькою долею и странствованием на колючие терны, я плачу и в слезах провожу несносные ночи...

Вижу, *одна* выходит невооруженная, как охотник, держа в одной руке сети, сети серебряные, а в другой серебряную клетку. Одежда на ней бела и чиста, а вся она как месяц голубой полуночи. Она, проходя, смотрит на меня, зовет и приятно говорит мне:

— Влети, птичка, в мою клетку, чужая птичка, влети. Влети сюда, чужестранная, несчастная птичка, отдохнуть, переночевать, чтоб не погибнуть! Птичка моя, будь моею, — я сделаю тебе золотое гнездо, где ты позабудешь свои странствования. Не беспокойся, что ты будешь взаперти, не бойся сделаться рабою... Лети ко мне! Ты можешь пропасть на чужбине. Я клятвой обещаю тебе свободу, ты всегда можешь оставить клетку и гнездо... Лети в клетку, маленькая птичка! Ведь тебе негде приютиться: ты можешь погибнуть...

Ее прелести, ее сочувствие, ее сладкие речи убедили меня, и я, расширив крылышки, подлетаю к ней, сажусь на ее золотую ручку, и прежде чем взошла в клетку, я щипала ее сахарные губки...»

Это, сколько я заметил, любимая песня греков. Она особенно отличается своим заунывным, сентиментальным и воющим мотивом.

2. НЕЧАЯННЫЙ БРАК

«Сижу я себе в одно утро и плету розовый шнурок для моего Яни, для моего милого, — взглянула на ближний холм и увидела, что птичка, слетевши с дерева, села на мой гребень и запела. Перья у ней были золотые, песня ее не была похожа ни на песню соловья, ни на песню жаворонка; но птичка запела голосом человечьим:

— Ты вяжешь шнурок для Яни, а Яни женится, он обручен с другою... Еще пройдут две минуты — и они соединятся и выйдут супругами из церкви.

Я бросаю шнурок, подбегаю к окошку и вижу, что Яни едет к нам из-за холма... Яни меня бросает! — и любил ли, полно, меня

Яни! Как назвать его, я не знаю от смущения! Розой назвать его нельзя, у розы есть шипы. Лавром? — лавр без благоухания, хоть мой Яни свеж, как молодая роза, и красив, как лавр... О, я не найду ему приличное имя!

— Здравствуй, цветущая ветка жасмина! Здравствуй, серебряная ветка тополя! Здравствуй, сын счастливых родителей, здравствуй, и принеси нам счастье! Куда так стройно, так скоро едешь, мое сердце?..

— Я нашел себе другую; когда ты хочешь, иди сейчас в церковь. Долго я, долго был твоим рабом, теперь ты будь на свадьбе моей дружкой.

Сказав эти слова, Яни ускакал, а она, бледная, задыхаясь, вошла в соседний домик.

— Что с тобой? ты страдаешь, ты не похожа на себя... глаза так страшны, уста посинели...

— Как мне не страдать, как мне походить на себя, когда мой Яни женится на другой и хочет, насмешник, чтоб я была его дружкой у налоя...

— Оботри напрасную слезу, брось пустое беспокойство! Прибери лицо, как солнце, сделай грудь луною, а черные брови — как два крыла... Пусть будет лоб ясен и лицо весело... Спеши в церковь, моя милая...

Как ей сказали, она сделала.

Вот входит в церковь: позади молодых блеск и прелесть. Священник замолк, дьякон был удивлен, у певчих выпали ноты из рук, а Яни едва мог выговорить:

— Что ты так скромна, что ты так робка!.. Ближе, прекрасная, ближе ко мне! Дьякон, продолжай чтение, певчие, пойте, а ты, священник, и ты был молод и уважаешь верную любовь, когда ты истинный христианин и посвящен в этот высокий сан, — возложи венец жены на чело дружки...»

8

«Когда я брожу по берегу моря, мой всегдашний спутник — уныние. Когда увижу, как корабли рассекают волны, я говорю сам себе: кто счастливее пловцов!..

Когда, морские птицы-корабли, принесете меня на белых крыльях в желанную пристань... И в тот миг, как ступлю на берег, ни на что я не взгляну, а, как сама любовь, полечу к своей возлюбленной и поцелую ее в сладкие уста и ланиты... До каких пор уж мне стенать и вздыхать! Покуда мне жить, страдая, далеко от милой!»

4

«Какая прекрасная луна, какой сладостный вечер!.. Тихо ветерок играет меж кустарников. Посмотри на горлицу, как она порхает у ручья, ища свою пару... Посмотри, они встречают друг друга, целуясь и обнимаясь крылышками... Какие милые птички, какие невинные вздохи!.. О, если б ты, жестокая, и мне такую любовь показала...»

5

«Я хочу бросить этот многолюдный свет, я хочу удалиться в пустынные горы, где буду питаться кореньями, где буду бороться со львами... Я не могу минуты жить в больших обществах, я не могу бороться с сердцем, столь непреклонным!»

6. ХАРОН И ДЕВИЦА

«Что мне Харон, однажды сказала девушка, что мне стрелы его, когда у меня девять братьев и милый Костаки, красавец, владелец двух сел и четырех теремов!..

Услышав эти слова, Харон превратился в ласточку, влетел к ней в окно и ранил ее в сердце.

Мать девушки! печаль помутила твои ясные очи; ты плачешь и проклинаешь убийцу Харона:

— Харон, возврати мне дорогое, единственное дитя мое!.. Не убей матери его!..

На рассвете ехал с гор Костаки с музыкою и пляской, не спуская глаз с дома невесты.

— Не танцуйте, плясуны, перестаньте, музыканты: я вижу крест на пороге ее домика!.. Худые вести! верно, из родни кто умер, теща или тесть.

Костаки поворотил лошадь в сторону и поехал к часовне, прямо на кладбище. Увидев там каменщика, он слез с коня.

— Бог на помощь! для кого ты, каменщик, строишь могилу?

— В этой могиле будет покоиться молодая девушка, что сегодня покинула мать, братьев и своего милого Костаки-красавца, владельца двух сел и четырех теремов. Если хочешь быть свидетелем общей печали, поезжай в ближнюю деревню чрез этот курган...

— Прошу тебя, дорогой каменщик, прибавь эту могилу еще на столько же вдоль и вширь...

И, выхватив из ножен золотой кинжал, Костаки вонзил его по рукоятку в грудь себе, — и обоих их похоронили в одной могиле, и надмогильный кипарис покрыл их обоих одною веткою».

Харон здесь принимается в смысле *смерть*. Простонародье в Греции еще верит в Харона.

7

«Есть долина у обломка скалы, где гудит водопад; в долине избушка, в избушке живет старик со старухой, а с ними девица, как весна, и пес, как змея.

Боже всемогущий! мне не нужно свидетелей моего счастия: возьми к себе старика и старуху... Я в то же мгновенье отравил бы змею-собаку и взял бы к себе красавицу».

8

«Вижу ее... Она сидит облокотившись на руку, заплакана и гневна... Бьется мое сердце, и я бегу к ней.

— Что с тобой, дорогая, ты скучна?

— И ты пришел, еще с состраданием, обманув меня!.. Довольно, довольно... Прочь, лисица!

— Кто? Я тебя обманул, мой нарцисс! и ты этому бреду веришь!.. Кто разболтал эти сплетни? Если человек — пусть он, лжец, не проживет и двух дней; если солнце — пусть его облако затмит; если звезда — пусть она погаснет... Ах, твой поцелуй меня умертвил: повтори его еще, и я оживу... и еще, и еще!..»

9

«Помнишь ли ты ту утреннюю звезду, что так чисто, так ярко горела на ночной лазури, когда мы, в восторгах любви, клялись в верности и проклинали занимающийся день? Помнишь ли ты синее море, когда колыхался в нем лик месяца, зыблемый ветром? Помнишь ли ты золотое мгновенье?.. Кто б ожидал, что этот немой свидетель подслушает и изменит нам!

Зарница в то же утро рассказала об этом морю, море рассказало веслу, весло передало матросу. Матрос был влюблен, а из уст влюбленного эхо разнесло по целому свету эти сплетни, оттого что он переложил в стихи наши любовные восторги и перед закатом солнца, с тетрахордом в руках пришел под окно милой и пропел ей новую песню».

10

«Когда ночь и туман покрывают луга, когда глухо в бору и из него бегут на долины олени играть и купаться, — одной серны не видно меж них. Она одна живет в густом кустарнике; спит на холодной скале. Тень ее, шорох пугает ее. Пришедши на водопой к чистому ключу, она прежде возмутит его, а после напьется.

В одно утро спросило ее солнце:

— Что с тобой, скажи, моя серна?.. зачем, когда стадо играет у реки, или жаркою порой прячется в тени, — ты одна лежишь на голом утесе?.. зачем ты не встречаешь меня ни на востоке, ни на закате?..

— Солнце мое, если ты хочешь знать это, бедная серна расскажет тебе!

Двенадцать лет я была бездетна, на тринадцатом бог дал мне сына. Я берегла его как зеницу ока, и он рос себе благополучно. Раз вышел он поиграть на цветущий луг, и вдруг пал от рокового ружья... Будь проклят охотник, лишивший меня счастия! Исчезни ремесло его, что отняло у меня единственную радость, что вырвало из объятий моих мою пару и сына!..»

11. ПОХИЩЕНИЕ

«Раз сел я обедать за мраморный стол, вдруг сабля зазвучала на стене и конь заржал на стойле: это предвещало мне, что моя красавица выходит за другого замуж, с цветами на челе, со слезами на глазах. Я встал и побежал в конюшню.

— Кони мои, я берег вас, как свою голову, кормил, нежил смолоду... Кто теперь помчит меня с запада на восток и домчит, пока погаснет искра, вылетевшая из подковы...

Кони ржали и грызлись у яслей.

— Послушай, хозяин, — сказал один старый конь, — не в мои лета бегать взапуски с ветром, но я хочу, собравшись с последними силами, услужить вам обоим...

Твоя красавица насыплет мне в ясли овса, напоит со своей руки водою, будет говорить со мною, будет ласкать меня... Едем! прими, хозяин, хоть доброе желание мое вместо успеха.

Хозяин седлает коня поспешно и садится на седло.

— Предостерегаю тебя: свяжи платком голову, сними шпоры, возьми хлыст в руки и держись крепко, не то, вспомнив юные годы свои, я выбью тебя с седла...

Сказав это, конь побежал; в минуту перебежал сорок две мили, еще сорок и еще три мили.

— Дай, господи, увидеть моих родителей... Пусть отец в винограднике стрижет шпалеры.

Кто усердно помолится, тот усердно услышан будет; он приехал, и точно — отец его подстригал виноградник. Он переменил голос и, как бы не зная отца, сказал ему:

— Бог на помощь, дедушка! .. Чей это виноградник?

— Гость, этот виноградник готовлю я для Яни, для моего сына. Он не знает ни о чем, а его невеста, ангел лицом, сегодня отдана другому...

— Дедушка, застану ли я молодых еще за столом?

— Когда твоя лошадь быстра, как молния, то ты можешь застать их за столом, а когда она быстра, как стрела, то они уж будут перевенчаны...

Пыль клубами взвилась по полю.

Конь пробежал в минуту сорок две мили, еще сорок и еще три мили.

— Укрепи меня, господи, в надежде моей! Пусть мать поливает в саду грядки.

Кто усердно помолился, тот усердно и услышан будет. Он приехал и застал мать свою, поливающую грядки.

— Бог на помощь, бабушка! Кто хозяин этого сада?

— Этот сад мой еще с молодости моей; под старость я отдала его сыну. Он ни о чем не знает, а его невесту с цветами на голове, со слезами на глазах выдают замуж.

— Бабушка, застану ли я их еще за столом?

— Когда лошадь твоя быстра, как молния, ты застанешь их за столом, а когда она быстра, как стрела, — невеста уж будет перевенчана...

— Конь мой! скорее, скорее! ..

Пыль клубами взвилась по полю.

Конь в минуту пробежал сорок две мили, еще сорок и еще три мили.

Конь заржал пред крыльцом, и девушка вышла.

— Кто там с тобою хохотал?

— Меньшой брат приехал ко мне с приданым.

— Когда младший брат приехал, угости его вином, а когда младший любовник — встреть его кинжалом.

— О, нет, нет! Это мой брат приехал с приданым.

Конь пригнулся к земле.

— Дай бокал! осторожней... Берись за гриву... ногу в стремя... Прижмись ко мне и руками обвей меня! ..

И они быстрее ветра помчались по полям и по лугам; турки

еще быстрее погнались за ними, и хотя уж не видно было ни всадников, ни пыли, они хотели догнать их, когда и сам ветер не мог догнать беглецов.

Лошади их были как стрела и остались далеко назади: турки, утомившись погонею, отстали, и возвратились с полей, не видя ни Яни, ни коня, ни пыли».

Привожу одну из любовных песен, переведенных г. Протопоповым (Одесский альманах на 1840 год).

12. УЗНАННЫЙ

«Последнею чарой упиться хочу: налей мне, родная,
То близкой разлуки печальная чара: налей! до свиданья!»
— «Дверь отопри мне, красавица, дверь мне, душа, отопри!»
— «Имя скажи мне свое? Кто ты и как прозывают?»
— «Я тот, что, бывало, в платочке носил тебе яблоки, сливы,
Яблоки, сливы и лакомил сладким тебя виноградом,
И сладко, в награду, я в нежные губки твои целовал».
— «Что у меня на дворе, расскажи — и тогда отопру я».
— «Яблоня есть у ворот; есть виноградник в дворе:
Он белый дает виноград и славен мускатным вином.
Кто раз то отведал вино, в другой уж наверно попросит!»
— «Нет, лжешь ты, хитрец! Всё это тебе рассказали соседи...
Что в доме у нас, расскажи, и тогда отопру тебе двери».
— «В самой средине висит золотая лампада:
Она тебе светит, когда ты снимаешь запястья, одежду».
— «Нет, лжешь ты, хитрец: это тебе рассказали соседи.
Коли хочешь войти, коли хочешь, чтоб дверь тебе отворили,
Скажи мои знаки на теле».— «На теле их два у тебя:
Один на плече, другой на руке, а меж белых грудей
И месяц, и ясные звезды». — «Служанки, бегите скорей;
Служанки, бегите, спешите, ворота и двери все настежь».

IV. ВАКХИЧЕСКИЕ И АНТИВАКХИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

В вакхических и антивакхических песнях нет и тени поэзии: эти произведения большею частью записных греческих стихотворцев. Часть их в *песеннике* приписывается Афанасию Кристопуло и Григорию Сакиллари. Вакхическая песня советует убивать свою душев-

ную деятельность за чашею вина. Антивакхическая возражает ей тем, что лучше заниматься геометриею и т. п.

''Εξω, ἔξω τὰ χροντήρια,
''Εξω πλόσκαι καὶ ποτήρια,
Κοῦπαις, σάμναις ὅλα κάτω.
Τὶ τοῦ κάκου τὰ φυλάττω.[1]

и проч.

Другая:

''Εξω, ἔξω τὰ βιβλία![2]

и проч.

V. ОБРЯДНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ПЕСНИ

Греческое простонародье, относительно праздников, обрядов, игр и поверий народных, имеет почти во всех случаях сходство с простонародьем славянских поколений. У греков существует праздник Купалы, под названием Иван Огневик (φοταρά); обряд, совершаемый девушками в этот день, называется *клидона*. Предания о ведьмах, русалках и духах отчасти сходны со славянскими, отчасти с древнегреческими. От верований древних сохранились у них поверья о Хароне, дриадах, драконах, водяных и пустынных духах. Фессалия и теперь, как была в древности, самая суеверная страна; в ней носятся разные суеверные предания и поверья: большая часть песен свадебных и песен, имеющих предметом какое-либо суеверное предание, из нее перешли в Грецию. В горах Фессалии существует предание о великанах, которые, упав, не могут встать от чрезмерной тяжести и величины своей: не гиганты ли это древних? У греков каждый лес, гора, река, урочище имеют покровительствующего духа или дракона, — подобные предания и поверья составляют предмет самых «поэтических» песен Фессалии.

К обрядным песням можно отнести *песню ласточки*, которую поют мальчики 1-го марта, ходя из дома в дом со сделанною из дерева ласточкою, чем собирают себе деньги и лакомства. Она начинается

---

[1] Прочь, прочь кувшины,
Прочь фляги и кубки,
Долой их вместе с чашами.
К чему хранить их напрасно! (Греч.). — *Ред.*

[2] Прочь, прочь книги! (Греч.). — *Ред.*

так: *«Из-за Белого моря*[1] *прилетела ласточка, прилетела и щебечет: март мой, прекрасный март!* и проч.». У древних тоже был подобный обряд и песня, называемые *хелидонизма.* У малороссиян есть такого рода песни *«Веснянки».*

Одна из этого рода песен здесь помещена мною: она поется во время поворота солнца к весне.

В *свадебных песнях,* равно как и в других обрядных и семейных песнях, заметен признак древнего элемента. Они обильны фантазиею, чувством и иногда игривым остроумием.

Колыбельные песни — *катававкалеза* или *нунния* древних — сложены и поются более на островах, населенных греками. Смысла в них мало: главное — напев для убаюкивания дитяти.

Песня на Новый год поется мальчиками, ходящими с поздравлениями из дома в дом. Пропев легенду в честь св. Василия Неокесарийского, они поют присловья, в которых выражается желание изобилия, довольства и счастия хозяевам дома на Новый год; например: чтоб корабли их всегда были полны груза, чтоб виноградники и оливы принесли избыток и проч.

Мирологи — это импровизация родственниц над телом мертвеца, вопли и причитания их, а иногда и наемных плакальщиц. Порядок произнесения мирологов установлен обрядом. Мирологи сначала произносят ближние родственницы по старшинству родства, потом дальние, а иногда даже приятельницы и соседки. В древней греческой жизни тоже существовали мирологи: они встречаются в XXIV песне «Илиады», где родные Гектора оплакивают его. У древних подобные надгробные речи, произносимые при отправлении похорон, назывались: Epicedium.

1. ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

«Любитель наук и красавиц, ученик и поэт! Мысль твоя — корабль, мечты твои — волны...

Когда ты посылаешь письмо к дорогой Арете — у тебя слезы льются, дрожит рука, перо пятнает одежду... «Кто мне, — ты пишешь, — оботрет слезы, вымоет одежду...»

Губы мои, орошенные слезами, оботрут твои слезы. Когда сердце мое, что для тебя пылает и бьется, — забьется у твоего сердца, тогда вымоется твоя одежда».

---

[1] Архипелаг у греков называется *Белым морем*; острова Архипелага — *Беломориею.*

2. СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

«Все белокурые, все черноволосые целовали меня по разу... Что ж мне в этом, когда сердце моей Зои будто сглазили! мне скучно... Как мне скучно! Не знаю, что делать! Родители подарили мне пригорок: я разведу на нем цветы, рассажу сад и виноградник, огорожу его плетнем, отворю ворота, а сам притаюсь в кустарниках. В открытые ворота вбегут красавицы с жаждой поцелуя на устах, — и ты вбежишь с ними, Зоя моя, моя миндалинка!

— Где садовник?.. Эй, садовник! дай нам ягод, поцелуй нас...

— А, ты здесь, моя резвая серна!.. Войдите, милости просим! Сбросьте папуци[1]... Не бойтесь, шелковая травка не уколет ваших серебряных ножек... Приди поближе, Зоя, бери из корзины, что хочешь: здесь есть абрикос, румяный, как ты, есть персик — украшенье сада, есть яблоки и гранаты, чем мой сад славится...»

3. ДВЕ КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

«Святая Мария, усыпи дитя мое! Святая София, пой у колыбели. Возьми дитя с собою и поведи его по свету: пусть оно увидит, как зеленеют деревья, пусть услышит, как журчит ручей, как поет жаворонок...

Только молю тебя, гуляй с ним недолго и с цветущих берегов возвратись с дитятей! Отец спросит о нем, будет бить слуг, а мать сама побежит искать его, — много, много она слез прольет, и сладкое молоко в груди ее прогоркнет...»

Эта песня из острова Кипра и поется повсюду в Греции.

4

«Сон, возьми у меня сына! Три сильных защитника обещались мне лелеять его: на горах смотреть за ним обещалось солнце, орел обещался на полях, Борей — на водах.

Солнце закатилось, орел заснул в дуброве, Борей нырнул к матери в волны...

— Где был, сынок, вчера и третьего дня? Со звездами ли, с месяцем ли ссорился?

— Пока не ссорился я со звездами, пока не ходил еще к светловолосой Авроре, я берег в серебряной колыбели золотое дитя».

Поется на острове Хиосе.

---

[1] Папуци — черевики.

5. ЛЕГЕНДА О СВ. ВАСИЛИИ

«Вечером по длинной сельской улице шел св. Василий из Кесарии; хитон на нем был железный, сандалии медные. Вокруг святого толпились мальчики и девочки.

— Откуда, куда идешь, св. Василий?

— Я иду из училища. Дорога далека, уж поздно, меня ожидает мать.

— Иди с богом, но прежде научи своей *алфавите.*

Приготовляясь сказать детям алфавит, св. Василий оперся на посох и вознес к небу чело, морщинистое от трудов, и посох вдруг распустился серебряною ветвью, покрывшеюся золотыми листьями».

Эта коляда имеет разные варианты и прибавления.

МИРОЛОГИ

6

«Был праздник, когда я встретил в саду молодую девушку меж густых деревьев. Пристально смотря на нее, я был в недоумении и спросил ее со вздохом и с сердечною скорбью:

— Что тебе нужно здесь, одной, в таком темном саду?..

— Благодарю тебя, юноша, за вопрос твой, за доброе участие ко мне.

Часто на меня она посматривала; слезы текли из очей ее, и она, рыдая, сказала мне:

— Прежде я была счастлива — теперь несчастна. Одного юношу любила я во всю мою жизнь; его берегла для меня судьба моя; он был моим светом, светом очей моих, он был врачом ослабевающих сил моих, но злой Харон отнял у него жизнь...

— Прекрасная девушка! сядь ради бога и расскажи мне свои страдания, пока еще не поздно.

Она омочила слезами одежду и начала изливать предо мною жалобы:

— Юноша, принимающий участие в моих страданиях! я заслуживаю твое сожаление. Теперь брожу я здесь как сумасшедшая... Юноша, я хочу умереть... Он был прекрасен, ангел видом... Пусть

возьмет меня, пусть пресечет жизнь мою Харон... Как я буду жить, бедняжка, одна без родных, без сердечного участия!

Вождем его был Караискаки. Мне сказали, что *он*, мой милый, убит в Афинах... Об этом-то герое мои слезы и рыдания!..»

7

«Пользуйся, пользуйся жизнью! Время — буря, свет — океан, а ты лодка, близкая к погибели...

Вчера он был здесь пред битвой: губы его горели, лицо дышало, сердце его билось у моего сердца, а нынче!.. нынче грудь его холодна, чело дышит холодом, смерть оковала его ясные очи...

Вас, мои милые дети, вас, мои сыновья, зовет вдовье сердце, сердце матери, утешьте меня, оботрите слезы мои!.. Один из Царяграда, другой с запада поспешите прилететь ко мне, полетом ласточки!»

8. МИРОЛОГ ТУРЧАНКИ

«Чего искал, что хотел ты увидеть на диком берегу Дуная? Отчего тебе не мило, отчего грустно было жить в родном краю?..

Мох и повилика вьются на твоих воротах; сад твой пожелтел и высох; стены без оружия, конюшни без лошадей; двор твой пуст и глух... Зачем бы тебе гоняться за славой, зачем бы не жалеть родины и дома! помнил ли ты, помнил ли, что в них есть кому по тебе заплакать!»

9. ОДР УМИРАЮЩЕЙ

Любовница говорит любовнику: «Безжалостный, пожалей невинную жизнь мою... Чрез сплетни я умираю! жестокий, не сомневайся во мне... Смотри, как испускает дух девушка, которую ты мучил...»

Она же к родителям: «Родители, не жалейте о смерти моей: я умираю, надеясь, что в другом мире увижусь с вами... Прошу вас, предстаньте предо мной с юношей, которого я любила... Пусть я с ним вместе буду судима. Может быть, в другом мире моим будет тот, чрез кого здесь я перестала жить...»

Любовник к окружающим: «Люди, пожалейте об умирающей: она ничего не желала больше, кроме смерти! скажите мне, где гроб той, которую я любил, с которой я желал жить на этом свете...»

Люди, показывающие ему гроб: «Посмотри, вот гроб, вот земля, скрывающая прекрасное тело девушки, погибшей из-за горестной любви... Приблизься к ее могиле и поцелуй свою красавицу... Дай ей последний дар — венок золотой, обвитый цветами».

Любовник к тени милой: «Прими, девушка, мой последний дар — венок, сплетенный из цветов: я даю его тебе со слезами на глазах... что приличнее ложу смерти, как не цветы! Радуйся, заключенная во гробе, благу и миру, так далекому от смертных! на муку я живу здесь: грех смерти твоей приводит меня в отчаяние! Страшный грех жаждет страшного наказания. Совесть укоряет меня, называя преступником пред священным чувством любви — это последнее, это тяжкое наказание...»

Тень к любовнику: «Не приближайся ко гробу, где покоится тело мое! Бесчувственная земля сочувствует мне... Я не слышу вздохов ваших; чужды мне ваши рыдания!.. К чему мертвецам цветы лилии! Если ты меня любил, ты должен был помочь мне, а между тем весь свет удивлялся твоей жестокости. Теперь не приближайся ко гробу, оставь меня, не возмущай мою печальную тень!..»

(Этот миролог поют.)

Любовник ко гробу: «Жестокая могила, сокрывшая девушку, которой я предлагаю венок, орошенный слезами! Прошу у тебя одной милости: прими и меня под сень свою, там я соединюсь с тою, что так страстно люблю!..»

ПЕСНИ ИЗ НАРОДНЫХ ПОВЕРИЙ

ДУХ И МУЖИК

«Вечером шел Яни, напевая сладкозвучную песню. Ветерок, собирающий благоухания, занес песнь его к духу. Дух вышел и сказал ему:

— Я съем тебя, Яни!..

— За что ж хочешь съесть меня, дух?

— За то, что поешь в моем владении сладкозвучную песню. Ты разбудил ею моих пташек, уснувших в гнездышках, разбудил рыбу в озерной глубине, разбудил дракона и жену мою, когда она стала засыпать...

— Не наказывай меня, дух, так жестоко! Князь велел мне к тебе явиться, и я запел дорогой, чтоб разогнать печаль свою. Я хотел развеселить вас, а не разбудить».

Эта песня имеет еще вариант.

ПАСТУХ И ХАРОН

«Прекрасный Левендис спускался с горы на долину. В горах зашумел лес, и злой Харон заградил ему дорогу:

— Стой, стой, Левендис, куда идешь, откуда?

— Я пас стадо в горах и спешу домой обедать, спешу орлиным полетом.

— А я спешу взять твою душу...

— Отпусти меня домой! позволь мне еще пожить! Меня привязывает к жизни молодая жена моя, дитя у груди ее, ясные очи ее. Смерть моя оставит одинокою вдову мою на свете...

Харон не видит горьких и чувствительных слез; Харон не внемлет его жалобам.

— Подходи, подходи ко мне, божок, померяемся силою. Я даром жизни не отдам.

И схватились они оба, оба друг друга желая побороть, и оба имея одну силу и одно искусство.

Борцы то согнутся, то вновь выпрямятся, то к земле склонятся; и долго они боролись, боролись целый день, наконец ветер зашумел в дубраве и Харон убил пастуха».

ХАРОН И ДУША

«Что в тех дубравах шумит и темнеет? Ветер ли шумит, иль дождь льет? — Не ветер шумит и не дождь льет: это Харон с душами въезжает в дубраву. Молодые идут впереди его, старые позади, а дети сидят с ним вместе на коне.

— О, Харон наш! Остановись на каком-нибудь лугу или у речки. Подожди там минуту, пока старики напьются, молодые позабавятся, дети нарвут цветов.

— Нет, нет! Ни при какой реке, ни в какое время Харон не медлит, не останавливается... Придут за водой матери, сироты, молодые и молодыя, узнают в вас своих мужей, отцов, друзей и — тогда, тогда — кто вас разлучит! ..»

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

«Теперь май, теперь роса — время дороги. Гость спешит на родные поля. Ночью он седлает лошадь, ночью и кует ее. Жемчугом блещет чепрак его, блещут золотом шпоры. *Цвет красавиц Греции* сам ему светит и, наливая чару, говорит:

— Эфенди мой! Возьми меня с собою, возьми, пока ночь тиха. Я не буду тебе в тягость: я буду, как слуга, готовить тебе дорожную трапезу, стлать для обоих нас одну постель... О, другой ты не найдешь услужливее меня!

— Милая! куда я еду, там тебе нельзя быть. Туда едет воин, у кого в руках сила льва, а в груди сердце дьявола.

— Одень меня в мужское платье, опояши саблей, дай мне золотое седельце, и ты увидишь, что за всадник помчится за тобою!.. Едем — не разлучимся!»

Эта песня поется на отъезд родных, друзей и знакомых.

Представляя читателям статью свою, как бы некоторое предварительное ознакомление с содержанием новогреческой народной словесности, я полагаю, что она не будет совершенно лишнею, потому что у нас очень мало было написано и переведено по этой части новогреческой народной словесности, и заключу эту статью следующими словами французского издателя подлинника новогреческих песен г. Фориеля: «Простонародные песни греков, и без объяснений, каких они могут требовать, доставят нам некоторые новые сведения, научат судить с большею, не как было доныне, точностию и с большею справедливостию о нравах, характере и гении современных греков».

1843
Таганрог

⟨ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ГРЕЧЕСКИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ»⟩

Греция, как представительница молодости человечества, во всех возрастах его найдет к себе сочувствие... С каким удовольствием вспоминает человек зрелых лет свою молодость, если она была нормальна, здорова в нравственном и в физическом отношениях. Он примиряется со всеми ее увлечениями, наслаждениями оттого, что видит в этом обычный, из природы вытекающий процесс жизни. Он любит тогдашние, уже прошедшие свои убеждения, свою мысль, свое чувство, потому что находит их должными, истинными в свое время:

так наука, не порицая старых систем и идей, видит в них естественный ход развития мысли, процесс ее выработки и различные ее фазы. Он знает, что в природе нет скачков, так как нет их и не должно быть и в человеке, что все совершенствуется в разумной, незаметной постепенности. Повторю, с каким удовольствием человек зрелых лет вспоминает свою молодость, и его могут слушать, прибавлю, не без удовольствия, с сочувствием, если эти воспоминания полны истины, чувства, грации, особенно свойственной ему характеристики и тона, которым обвеян рассказ его. Таким образом, и мотивы, взятые из древнегреческого мира, никогда не могут быть анахронизмами, аномалиями ни у какого из образованных народов нашего времени, не могут быть опошлившимися старыми погудками, потому что всё невсеобщее, случайное, временное, призрачное становится в известное время ненужным, избитым и старым, — словом, анахронизмом...

Но греческий мир заключал в себе семена общечеловеческого развития. Все частное, временное, случайное умерло с Грецией; истинное же, вечное, общечеловеческое передано нам, и живет у нас или под другими формами, или в дальнейшем развитии.[1] Вот источник, из которого появляются в новом искусстве подражания искусству древнему, или воспроизведения, созданные из стихий этого мира. Они будут всегда интересными и новыми, если на них увидят печать самобытной личности поэта, если они согреты будут его пафосом и огнем таланта, питаемого елеем науки и поставленного, уже по своей природе, на точку эллинского воззрения на мир, — так точно, как пройдут незамеченными все подражания подражаниям, безличные повторения в себе других, старые, всем надоевшие вариации на старую тему.

Не говорю уже о Гёте, Шиллере, Андре Шенье и о некоторых других писавших и пишущих в этом роде: в нашей литературе есть много прекрасных опытов в антологии...

В антологическом роде поэзии мы привыкли, большею частью, видеть скульптурное или живописное начало, перенесенное в средства слова, где не только созерцание, но и самая мысль становится изваянием, картиной, разумеется мысль, по содержанию своему спо-

---

[1] Unde humanitas, doctrina, religio, fruges, leges ortæ, atquæ in omnes terras distributæ. Cicero. Pro L. Flacco. 26. Откуда появились и распространились по всем странам человеколюбие, ученость, благочестие, честность, законы. Цицерон (лат.). — *Ред.*

La brille, comme une etoile radieuse, le premier chaînon, qui attache l'Orient á l'Europe, les temps nouveaux aux temps primitifs. Aime Martin. Там сияет, как лучезарная звезда, первое звено, которое связывает Восток с Европой, новые времена с временами примитивными. Эмэ Мартэн (франц.). — *Ред.*

собная воплотиться в такую форму. Антропоморфизм[1] греков в их религии, обожание силы, способностей и внешней красоты человека сделали в их искусстве скульптурное начало преобладающим; но тем не менее мысль — этот эфир души — проникала жизнь их, науку (идеализм) и позднее искусство... Кто читал Эврипида, тот заметил в его трагедиях намек уже на нашу новую драму («Ипполит» и «Медея»). Что-то похожее на страсть и анализ, жизненные, практические, философские и религиозные вопросы того времени отразились в его произведениях, правда, хоть и во вред трагедиям его, как созданиям искусства. В одах Сапфо горит поэзия жаркой страсти... И что найдем мы пластического по содержанию, легкого, внешнего, антологического в одах Пиндара, гимнах Каллимаха, в некоторых одах Анакреона, отрывках из Бакхилида (наприм[ер] его «Бог») и других, за исключением разве стиха, похожего сколько на осязательное изваяние, столько же и на неуловимое музыкальное течение аккордов, стиха, свойственного одному языку греческому, языку по преимуществу. Идиллии Теокрита — «Сиракузянки» и «Волшебница» — по содержанию и даже по формам написаны в духе нашего искусства, как воспроизведение действительности. Комедии Аристофана — это журналистика нашего времени, где выведена на сцену общественная и политическая жизнь государства.

Несколько пассажей, взятых на выдержку из древних поэтов, покажут некоторым образом, что в древнем искусстве, следовательно и в нравственной жизни греков, зарождались семена нашего искусства, заметен перевес внутреннего над внешним, музыкального над скульптурным.

> «Зачем плакать!.. Не выше ли наше несчастье всех наших слез?»
>
> *Бакхилид*

> «Любовь украшает всё, даже безобразие».
>
> *Теокрит*

> «Человек, который склонится под тяжестью бед, перестает быть человеком».
>
> *Алкей*

---

[1] Это одна из главнейших причин, почему скульптура доведена была у греков до высшей степени совершенства, к которой мы, их преемники, далеко опередившие их развитием, не можем даже приблизиться. Во всех же наших изящных искусствах преобладает *начало музыкальное*, это высшее, идеальное, глубоко человеческое начало, тонкий, всепроникающий анализ духа, до которого древний человек не дорос.

«Есть бог, верховный владыка. Никто из бессмертных не равен ему в могуществе: мы же только можем иметь какое-то смутное понятие о божестве... Будем молить этого владыку всемогущего — да падет хоть один луч его славы на наши законы и даст им счастливые последствия».

Стихи Солона

«Красавец тогда только прекрасен, когда на него смотрят; но человек мудрый и добродетельный всегда прекрасен».

Сапфо

«Я более жалею о благополучии человека, чем о его несчастии».

Эсхил

«Ничего не понимать есть зло беспечальное, пока не научишься радоваться и скорбеть».

(К малютке)

«Всё им (человеком) проникнуто, и в будущем нет ничего им непредвидимого».
«Не ненавидеть, но любить я рождена».

(Антигона)

«Мудрость несравненно выше счастия».

Софокл

Кто бы мог приписать подобные места древней литературе, встречая в ней иногда такие мысли:

«О, несчастный! Десять лет душа твоя не наслаждалась питием вина!»

Софокл

Это говорит хор, встретив больного Филоктета, брошенного товарищами своими назад тому десять лет на пустынном острове.

В другом роде антологической поэзии, в немногих стихах воплощается мысль, сентенция, грациозно легкое чувство, образ, как эпитафия, надпись, гном, экспромт, эпиграмма в нынешнем ее значении, отрывок и т. п. Эта-то и другого рода, выше мной указанная антоло-

гическая поэзия явилась у римлян. Марциал, Тибулл, Катулл, Проперций и некоторые другие в большей части своих произведений — поэты антологические, в которых, между прочим, слышится то элегический, то сатирический тон, то эпикуреизм. Чисто спекулятивный и идеальный элемент греков был не совсем сродни их римскому духу, так широко и всеобъятно явившемуся в Corpus juris civilis [1], и оттого только греческая антологическая поэзия, перенесенная на латинскую почву, нашла себе более полное и своехарактерное воспроизведение.

Из новых поэтов, Андре Шенье в своих поэтических творениях более римлянин, чем грек. Это — истинно римский поэт, живший в XVIII веке во Франции.

Странным, может быть, покажется название этой книжки — *«Греческие стихотворения»*, и, кроме того, оно подает повод принять их за переводы из греческих поэтов или спросить: отчего она не названа — «Антологические стихотворения». Для этого автор счел не неуместным написать эту статейку, чтобы сделать оговорку.

Переводных пьес у него только две — *«Из Анакреона»* и *«Из Бакхилида»*, — он убежден, что никакой перевод не в состоянии передать красот греческого подлинника, что зависит сколько от архитектоники стиха, столько же и от самого языка, выключая пьес, по характеру своему способных к переводу. Новые языки совершенно иначе организованы, чем язык греческий, и стопосложение их нисколько не похоже на стопосложение древних.

В «Греческих стихотворениях» меньшая их половина чисто антологические пьесы. К ним принадлежат: *«Купанье»*, *«Стыдливость»*, *«Миг»*, *«В деревне»*, *«Туча»*, *«Мир и человек»*, *«Стих»* и некоторые другие; остальная же и большая половина их *не антологические, но собственно греческие стихотворения*, навеянные автору, некоторым образом, знакомством его с эллинской жизнью, наукой и искусством и внушенные ему симпатией ко всему греческому. То, что не явилось, или, может быть, не дошло до нас в греческой лирике и чуждо антологии, но что местами мелькает в драме, философских и исторических сочинениях, в образе жизни, характере и убеждениях греков, то иногда автор брал за тему своего стихотворения: словом, мысли и чувства, которые может внушить греческий мир человеку нашего времени, и впечатления, которые остаются более или менее в душе каждого занимающегося этим предметом, таковы пьесы: *«После чте-*

---

[1] Корпус гражданского права (лат.). — *Ред.*

ния «Умоляющих» Эврипида», «Невольная вера», «Древняя колонна», «Тимон Афинский», «Мудрец и Человек», «Детская игра», «Ваятель и натурщица» и т. п.

Как все это исполнено автором — дело другое. Никто не может быть судьей в собственном деле. Цель же этой статейки — оправдать, по крайнему разумению, название книжки, предлагаемой теперь вниманию и суду других, если только она будет стоить внимания, а тем более суда.

Одесса. Января 10 дня 1850

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

М

8. СИМПОСИОН

Вместо 26—30

Таких форм — призываю Зевеса! —
Никогда не видала Эллада,
Не писала рука Апеллеса!
Всё так стройно: и плечи... и руки,
Что желают глаза осязанья.

Автограф ГПБ2

9. RAGGIO D'AMORE [1]

Всё сокрытое в недрах творенья
Отвечает природе на зов.
Из земли возникают растенья,
Пробуждается в сердце любовь...

На душе так тепло и отрадно...
Бесконечно хотел бы я жить,
И весной упиваяся жадно,
Я хотел бы лишь петь да любить!

И я чувствую, — в сердце творенья
Бьется жизнию сердце мое,
А в моем, трепеща наслажденьем,
Бьется, милая, сердце твое!

<1846>

Автограф ГПБ

9. ХЕЛИДОНИЗМА

(Посвящ<ается> графине Е. П. Ростопчиной)

После 4 строфы

[Иль простившись с разумной беседой,
К ней прильнуть, с ней обвиться вдвоем,
Как обвился Кронид с своей Ледой,
Как обвит виноградник плющом].

[1] Луч любви (итал.). — *Ред.*

Автограф ПД **12**

После 16

[То меж старыми звездами
Вновь созвездье зажжено,
Береники волосами
Называется оно].

Автограф ГПБ **13**

После 24

Не правда ль, — недаром уроки
Брала у самой ты Венеры?..
Разлей же восторгов потоки,
Безумие ласк и упреки
И пыл исступленья без меры.

Автограф ПД **26**

Вместо 23—26

Мы блаженства полной чаши
От него ждем одного,
На него надежды наши,
Наши песни в честь его.

П **27**

Вместо 1—4

Тени зеленой платана
Жажду я знойной порою,
Где виноград и лиана
Сенью повисли густою.

Автографы ГПБ; ПД **31**

Вместо 7—12

О, сестра вечно юной Авроры!
Ты взяла у сестрицы румянец?..
Посмотри, как растут сикоморы,
Как душистый цветет померанец, —
Между тем я, шутя, незаметно,
Развязал бы твой пояс заветный...

Автограф ГПБ **36**

После 6

Что ж ты молчишь, то играя моими кудрями,
То поправляя венок свой напрасно
И отрешая от туники алую ленту...

Автографы
БЛ; Молодик

41. МИРОЛОГ

(Посвящ<*ается*> *И. Е. Сиоти)*

Ἔβρεχε τὰ ροῦχά της μὲ τὰ δάκρυά της
Καὶ ἄρχισε νὰ λέγῃ τὰ παράπονά της.
. . . .
Ἦν τότε ὡραῖος Ἄγγελος τὴν ὄψι.
Χάρος ἂς μὲ πάρῃ, τὴν ζωὴ μ' ἂς κόψῃ.
Πῶς νὰ ζήσω ἡ πτωχή, ἔρημος καὶ μοναχό.

Μοιρόλογοι [1]

Между 20—21

Друг, скажи, в какой далекий,
Мне неведомый предел,
Без подруги, одинокий,
От меня ты улетел?

Так же любят над звездами,
Как тебя любила я,
С теми ж пылкими мечтами,
Тою ж страстию горя?

Небо светлое высоко;
Тело к праху нас влечет...
О, далёко я, далёко
Устремила б свой полет!

Путь бы твой остановила
И на землю увлекла,
Чтобы алчная могила
Нас обоих погребла...

56

Автографы
ГПБ; СО
После 20

Я вспомнил, цветы олеандра
Крушительный яд сокрывают.

Автограф
ГПБ
Вместо 21—24

[И нарвал я листьев аканфа —
Аканфы прикрыть капители...
И вот подхожу я к колонне
И вижу в немом изумленьи,
Что мрамор тех украшений]

Автографы
ГПБ; СО
Вместо 26—34

Я грустно оставил колонну,
Подумав, что это искусство

---

[1] Она омочила слезами одежду и начала изливать предо мною жалобы... Он был прекрасен, ангел видом... пусть возьмет меня, пусть пресечет мою жизнь Харон... Как я буду жить, бедняжка, одна без родных, без сердечного участия! Миролог (греч.). — *Перевод Щербины.*

С составом природы слилося...
Мы право свое потеряли:
Искусством народов Эллады
Природа ее овладела.

56. К ДРЕВНЕЙ КОЛОННЕ

Автографы (Зел.); ГПБ; ЦГАЛИ авторизованная копия ГПБ
После 34

Художник!
Гляди, как с составом природы
Слилось нераздельно искусство.
Мы право свое потеряли:
Искусством народов Эллады
Природа ее овладела.

57

Авторизованная копия ГПБ
Вместо 2

Подобострастная толпа мне говорит,

Между 20—21

Которым горячо толпа рукоплескает,
Вниманья жадного, сочувствия полна,
И мой железный стих на сердце раскаляет,
И предо мной во прах склоняется она...

Вместо 23—24

Восторгу предаюсь, иль плачу с сокрушеньем,
Глядя вокруг себя всезрящею душой,

59

Автографы ГПБ; ЦГАЛИ; авторизованные копии ГПБ; ПД; С
Вместо 1—3

Я не прошу покоя у судьбы,
Я не ищу того, что называют счастьем,
Но я б хотел и мира и борьбы,

Вместо 11—14

Пусть сердце мне суровою зимою
И жизнь, и свет успеют охватить;
Из холода могу я вынесть чувства,
И чувством мысль замерзшую согреть,

Автограф ГПБ
После 16

[Но у меня не будет к ним презренья;
Я чужд пустой насмешки над толпой...
Я с ней пойду рука с рукой,
Ее сочувствуя стремленьям.]

60

ГС

После 16

Кажется, будто объят ты наитием бога,
Будто бы век погружен в обаянье искусства...

Автограф ПД **63. У СТАТУИ АФРОДИТЫ**

Эти груди, плечи, руки
Если можешь ты облечь
В ярко-видимые звуки,
В осязательную речь,
Для изгибов, углублений,
Линий выпуклых игры
Сыщешь много выражений,
Как никто до сей поры,
Если созданное стройно
Изваятеля резцом
Передашь его достойно
Твердо-мраморным стихом,
Просветленный наслажденьем
Камень дышащий лица,
Груди страстное волненье —
Вдохновение резца
Передашь иным ваяньем —
Мыслью, чувством и стихом,
Породнив своим созданьем,
Все сольешь искусства в нем, —
Я тогда в тебе поэта
Не задумаюсь признать:
Ты пойдешь в пучину света
Мыслить, действовать, страдать...
Жизни каждое явленье
Возведешь до красоты,
Многосложности творенья
Дашь ты образ простоты.

Автограф ПД **64**
Вместо 6—7

Хочешь ли, дядя?.. Прочти нам стихи свои, что ты читаешь
Старшим сестрам. Со вниманьем тебя они слушают долго;
То загорятся глаза их порой, то склонятся тихо
Их головы, и румянцем покроются белые щеки...
Так же и мы любопытны, как старшие наши сестрицы...
Что же ты нам не читаешь? Уж будто мы дети такие,
Что стихов твоих мы не поймем... а ведь это обидно!..
Байки учить нам давно надоело — и, если признаться,
Нам непонятны они... но их маменька любит.

Автограф БЛ **68**

Вместо 13—16

Хоть жизнь дорога мне — я молод;
Но жди меня поздней порою:
Страсть адская лучше, чем холод,
Чем жизнь под луною!

СО **72. ГРЕЧЕСКАЯ МЕЛОДИЯ**

Вместо 13—16

Мой слух, мои глаза тебя встречали
В цветах весны, в весеннем ветерке,
В лучах зари, в летучем облачке,
В ночной мелодии сурьяли [1]

Автограф ПД **74. ВЕСЕННИЕ СТАНСЫ**

Перед 1

Я жду, как весна благодатно
Из сердца природы повеет,
И мыслить мне станет отрадно,
И сердце мое поюнеет,
И в лад со всей жизнию мира
Опять заживу, запою;
Настроится вновь моя лира
И выскажет радость мою...

Автограф ГПБ3 **74. ДУША И ПРИРОДА**

Новой жизнию веет
С ярко-зеленых полей;
С нею душа молодеет,
Кажется сердце юней...
Будто природа, забыло
Прошлые вьюги оно;
Вместе с природой зажило,
С нею живет заодно,
Будто его не палило
Зноем тлетворным страстей,
Будто его не знобило
Бурной судьбою моей.
Придут и зной, и морозы;
Буду под ними страдать,
Буду весенние розы,
Песни весны вспоминать;
Буду я в осень гнилую
Видеть весну с далека,
В пору туманов немую
Жить ожиданьем, пока
Звуки любви и свободы
Снова мне в сердце вольются,
Тайные струны природы
В струнах души отзовутся.

7 июля 1846

---

[1] Пастушья флейта.

84. KOSMOS

Авторизованная копия ПД; М

Вместо 4—5

С вечной жизнью Зевса
В мысли Зевса жил я...

86

Молодик; авторизованная копия ГПБ

Вместо 22—30

Эти мгновенья прошли невозвратно
С детством беспечным и с жизнию сердца;
Годы другие настали: природа
Стала мертва для меня и беззвучна.
Разумом больше живу я, чем сердцем.
Мир человека раскрыт предо мною:
В светлой улыбке я вижу отраву;
Стон, заглушаемый смехом, я слышу;
В каждой морщине чела я читал
Повесть о жизни, печальную повесть...

90. ВЕСНА

Молодик

Вместо 5—25

Бедное сердце мое!
Рано тебя схоронил я,
Рано сожег я страстями,
Рано желать приучил я,
Рано надежды разбил...

Вместо 37

С теплого сердца упала
Хладная смерти рука...
Выйду я в чистое поле,

94. СМЕРТЬ

Автограф ГПБ2

Страшна мне смерть... не от сомненья,
Не от неведенья страшна:
Я знаю, все души волненья
Смирит холодная она.
Ее, как лучшую отраду,
Земной страдалец гордо ждет, —
И лишь одну ее в награду
За бремя жизни он возьмет...

Но я, я смерти не желаю...
Я жить хочу, хочу я жить!
Я убежден и сердцем знаю,
Что быть отрадней, чем не быть...

Да! За могилой не могу я
Делиться с жизнию ничем,
Где никого не полюблю я,
Любим не буду я никем,
Где всё прекрасное в твореньи
Моей души не пробудит,
А здесь обычное забвенье
Меня с ничтожеством сравнит...

Авторизованная копия ГПБ

94

Вместо 1—5

Страшна мне смерть... И от сомненья
И от неведенья страшна:
Души страдальческой волненья
Мгновенно сокрушит она...

Автограф ГПБЗ

97

Вместо 9—12

Но отчего ж в мгновения сознанья
Бывает нам понятно иногда,
Что мы живем для высшего призванья,
Что не умрем мы в мире никогда.

Автограф ПД

100. УТРО В ГОРАХ

Вместо 2 И звезда загорелась Киприды,
Вместо 3 Облака над горами Фокиды,

Вместо 33—36

И зову я свою Автоною,
И зовут ее рощи Фокиды:
Поделись этим утром со мною,
О, соперница страстной Киприды,

Между 38—44

О, как беден язык!
Я стиха не сыщу:
Передать этот миг
Я на флейте хочу...
Я на флейте одной
Излился бы душой!..

Автограф ГПБ
Вместо 38—44

О, как беден язык!
Я стиха не сыщу:
Передать этот миг
Я на флейте хочу...
Я на флейте одной
Излился бы душой.

Ее жизнь, красота,
Стройный ум мировой,
Ее свет, теплота, —
Всё проникнуто мной,
И в душе у меня
Много струн и огня...

Автограф ГПБ
Вместо 38—48

Дай мне флейту! К устам
Я ее приложу:
Я тебе и горам
Свою мысль расскажу,
И всю душу мою
Тебе в сердце волью...
    И, горя,
    Ты бежишь
    И глядишь,
    Как заря.

Автографы ГПБ; ПД
Вместо 33—36

109

И как пали теперь твои силы
Перед зреющей мыслью моей,
Власть природы, судьбы и могилы
В свое время падет перед ней!

Автограф ПД

111

Лейтесь, широкие воды,
Малые лейтесь ручьи!..
Здесь я в объятьях природы...
Счастливы грезы мои!

Мудро у сердца природы
Жизнью здоровой живу,
Детской исполнен свободы,
Вижу я сны наяву.
Тихо любовь и блаженство
Душу лелеют мою...
В мире я зрю совершенство,
Гимны созданью пою.
Вижу я душу живую,
Полную мысли одной,
Стройно везде разлитую,
В солнце и в травке земной...

Зевс-миродержец!
                Отрадно
Жизнь понимать и любить, —

Дай мне, чтоб долго и жадно
Жизни до дна не допить!

Автографы ГПБ 2; ЦГАЛИ

115. СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЕ

После строфы 2

И будешь ты жить по преданьям,
И верить преданьям одним,
И нашего века страданья
В разладе с страданьем твоим.
Ты прав своих детски не знаешь,
Цепей ты не можешь не несть,
О лучшей судьбе не гадаешь,
На то ты не ропщешь, что есть...

Автограф ГПБ

119

Нас тайный демон посетил;
Он в нас живет, играет нами,
И кажет нам лишь ряд могил,
Да змей, сокрытых под цветами.
Он страстно движет нас вперед
И зароняет в нас сомненья:
И наш восторженный полет
Сжимает гнетом охлажденья;
Подняв нас гордо в высоты,
В презреньи к долу вдруг низводит;
Под оболочкой красоты
Он безобразие находит.
Он лед рассудка чувством жжет,
Из жара сердца лед рождает,
Что полюбил — он осмеет,
Что проклинал — благословляет...
Но всею сердца полнотой
Среди отчаянья мы знаем,
Что жребий нам готов иной,
Во тьме грядущего скрываем,
Что к нам ниспослан демон злой
Для искушений с колыбели,
Чтоб в свой черед, своей порой
К нам с неба ангелы слетели...

25 апреля 1846

Автографы БЛ и РМ

125. ПЕСНЯ НА ПИРУ

(Харьковским друзьям)

Перед строфой 1

Вот опять я между вами,
Тот же буйный и живой,
С теми ж грустными речами,
С тою ж бешеной душой...

Пусть в тумане опьяненья
Голова моя горит, —
Жажду я самозабвенья,
Луч блаженства в нем сокрыт.

Кудри черные венчайте
Хмелем, розой и плющом,
Кружки дедов отягчайте
Искромещущим вином!

Пусть бесстыдно нас лобзает
Дева неги, дева сна:
Нам забвенье навевает
Сладострастное она...

Наполняйте, други, кружки!
Здравье Бахуса я пью
И, на дружеской пирушке,
Песню грешную спою.

Авторизованная копия ГПБ
После строфы 2

125. ГРЕШНАЯ ПЕСНЯ

И смешно мне утешенье,
Что нам небо суждено:
Небо, полное сомненья,
Безответно и темно...

Автограф ГПБ

126

Вместо 22—28

«Где все неверно, неизвестно,
Где битвы сокрушают грудь,
Когда ж, оставив треволненья,
Иной дорогой ты пойдешь
Для своего лишь наслажденья,
Ты в нем прямое назначенье,
Прямое счастье обретешь...»

Автографы ЦГАЛИ, БЛ; Молодик
Вместо 1—4

129

Не гляди на меня простодушно,
Не земною любовью любя:
Свет, ничтожному чувству послушный,
Оклевещет, мой ангел, тебя!

Автографы и авторизованные копии ПД, ГПБ

132. ПЕСНЯ ВЕКА

Вместо 13—16

Переполненный силою страстною,
Пожираемый жадной любовью,
Потеряюсь я жертвой напрасною,
За людей непролитою кровью...

Автографы ГПБ, ЦГАЛИ

137

Вместо 16—17

По ней к блаженству возрожденья
Вперед непреткновенно шли...

Автограф ГПБ

151

Вместо 37

Не усыпят во мне гражданственной тоски

Автограф ГПБ; Молодик

157

Вместо строф 2—4

Не вы ль меня на жизнь благословили,
Не вы ли первая сказали мне люблю!..
Меня вы со слезой и с радостью сдружили:
И я забыть меня молю!

Как я боюсь, чтоб вы не помутили
Слезою обо мне своих небесных глаз:
Я счастлив тем, что вы меня забыли,
Я счастлив тем, что не забуду вас!

1843

Автограф ГПБ

166

Вместо 45—48

Да вновь польются с лиры звуки,
Да с миром я заговорю,
И, усыпив страдальцев муки,
Зажгу надежды я зарю,

Автограф ГПБЗ

167. НАША МОЛОДОСТЬ

Вместо 5—8

[Рано всё созрело,
Рано всё минулось,
Сердца не пригрело,
Мысли не коснулось...]

Вместо 6—8

Рано миновалось,
Мысль просила дела,
Чувство оскорблялось

Автограф ПД

183. ПРЕД БЮСТОМ АВТОРА ГОСТИНОДВОРСКИХ КОМЕДИЙ

Вместо строф 1—6

Трибун невежества и пьянства адвокат,
Самодовольствием черты твои сияют;
Когда, заплывшие, на нас они глядят, —
Приказного крючка собой изображают.

Пропоица Торцов — твой жалкий идеал;
Клевещешь ты спроста на русскую природу,
И «слово новое» со сцены ты сказал
Медведем и козой Российскому народу,

И часто во хмелю нам сдуру говоришь,
Что ты могучими твореньями своими
Ко дням Кошихина Россию возвратишь
С их ложью, дикостью и сквернами былыми.

Широкий русский ум и крепкий наш язык
В бессмыслице смешной трактирных выражений,
В гостинодворчестве ты находить привык...
Не в этом ли комизм твоих произведений?

Пришел Великий Петр как божья благодать,
Расцвел в нем русский дух со всею полнотою, —
И вот его от нас затеяли изгнать
Букашки мелкие татарской стариною!..

Мы возродим в себе и примирим собой
Всё в человечестве добытое веками, —
Так пусть твой узкий взгляд ребячески слепой
Замоскворецкими любуется плутами!

Автограф ГПБ7

184

Последний могикан былого,
Снотворный автор «пустячков»,
Наследник истинный Хвостова,
Потеха всей Москвы — Нульков,

К моим врагам пристав недавно,
Смешными сделал тех врагов:
Им тяжело, а мне забавно...
Итак, — да здравствует Нульков!

Я перестану эпиграммы
Писать на друга моего, —
Ведь лучший пасквиль на него
Его стихи, поэмы, драмы...

1853

Автограф ПД **185**

Вместо 2 Вступая с Западом в борьбу.

Автограф ГПБ7 **226. ШТУКАРЕВСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ**

Вместо 5—8

И здесь дела вести умеет:
Он ювеналам денег дал,
И обличать его не смеет
Наш обличительный журнал.

РС
Вместо 1—4

Я перестал быть либералом,
С тех пор, как откупщик-нахал,
Покончив выгодно с кружалом,
Себе на откуп гласность взял.

Автограф ГПБ7 **229. ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ**

Перед 1 Эта песня была пропета Дико-каменной Киргизкой знаменитому германскому зоологу Готтлибу Беобахтеру во время ученой экспедиции его в Среднюю Азию.

Герр Беобахтер был послан туда на десять лет одним из тысячи немецких ученых обществ с чрезвычайно важною для науки и жизни целию, именно: в видах всестороннего исследования свойств и действий щупальцев у жесткокрылых [coleoptera] и для постепенных наблюдений над раздвоением и развитием копыт у животных, отрыгающих жвачку [runinantia].

Молодая Дико-каменная Киргизка, страстно, но безнадежно влюбившись в него, импровизировала следующую песню.

Автограф ГПБ6 **235**

Вместо 1—2

Он прав, ему и книги в руки,
Он всё, что бил, то больно бил:

Автограф ГПБ8 **250**

Вместо 1 Ты Аскоченский свободы

Автограф ГПБ

274. ХРОНИЧЕСКОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ СЕЛЕЗЕНКИ

Вместо строфы 5

Клотцев нашим гимназистам
Мы в учители послали,
Радикальным прогрессистам
Анн на шею надевали...

Вместо 21—22

Но среди сей благостыни
Есть безбрачная невеста

Автограф ГПБ

299

Вместо 6

[Как «Современник» поражал.]

Автограф ГПБ

326

Вместо 2

И мнимый наш прогресс Европу лишь смешит...

Автограф ГПБ9

336

Вместо 4

А Тунгус по Руссо и Кабе!

Автографы ГПБ; ИВ

346

Вместо 5—6

Люблю я вспоминать за чашею вина
Приют спокойствия и тихой неги сна,
Деревню добрую с роскошными полями

Вместо 9—11

И барышню с ее наивной простотой,
Со стройностью ее воздушной ножки,
Обутой как назло в полусапожки

После 19

Он говорит теперь о дочери своей,
Что старый бригадир в мужья назначен ей,
Что будет он в сей жизни ей попутчик...
А дочери всё снится подпоручик.

Молодик

350

Вместо 117—120

Оттого наш посад
Разорен, не покрыт,
Без окон, без дверей,
Как пустырь стоит,

Что все ищут отцы
    Красным девушкам
Не таких женихов,
    Как я молодец,
А богатых купцов
    Иль приказчиков...

А и все ж таки я
    Не придумаю, —
Отчего бы мне,
    Добру молодцу,
Ни одной душе
    Не приглянуться?..

ИВ **353**

Вместо 1—4

Уныло и глухо под сводами залы:
Не слышно тяжелых шагов,
Не слышно ни звона заздравных бокалов,
Ни песен веселых бойцов.

Вместо 15—16

И тени одна за другой исчезают,
Как в утреннем блеске луна.

Молодик **355**

Вместо строф 5—6

«Не сойтися мне с тобою!..» —
Солнцу месяц говорит.
«Страсть не высказать слезою,
И лучей с тобой не слить!»

Автограф БЛ; Молодик **375**

До 1 и после 12

Не плачьте, други, над гробами:
Зачем не дорожить слезами;
Вам много плакать над собой
Придется в юдоли земной!

Молодик **390**

После 4

Там теперь другое время:
Там на небе так светло,
В землю брошенное семя
Пышным цветом возросло;

Там природа прихотлива,
Люди созданы для нег;
В поле финик и олива,
На горах холодный снег...

394

Автограф БЛ; Молодик; РМ
Вместо 17—24

Мы одни... оставь сомненья...
Дремлет клевета:
Ей лучами вдохновенья
Я сожгу уста!
В блеск тебя перед толпою
Я могу одеть,
И она, гордясь тобою,
Будет гимны петь!

398

Автографы БЛ; ИОРЯС
После 8

Тогда в печальной наготе
Перед тобой весь мир предстанет;
Его краса навек завянет
В твоей душевной пустоте...

427

Автограф ГПБЗ
После 8

[Не будем жить мы жизнию былою,
Воспоминание умолкнет средь забот.
Да будет жизнь — стремлением к покою]

434

Автографы ГПБЗ; РС
После 12

[Где ты, о Лета нешумная?
В сердце забвеньем пролейся!..
Смолкни, о сердце безумное,
Смолкни же или разбейся!..]

444

Автографы ГПБ, ЦГАЛИ; ОЗ
Перед строфой 1

[Что мне роптать на страданье,
Что мне судьбу проклинать,
В тяжкие дни испытанья
Робкой душой упадать!..

Разве я гордо не знаю,
Как моя грудь широка:
В ней я весь мир помещаю,
С нею победа легка.]

Вместо строфы 3

[Я ли паду под страданьем,
Мир помещая в себе,
Мне ль не идти с упованьем
Прямо навстречу борьбе!]

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворное наследие Н. Ф. Щербины при жизни поэта было опубликовано далеко не полностью. Его первый сборник «Греческие стихотворения» вышел в 1850 г. в Одессе. Семь лет спустя появилось двухтомное издание «Стихотворения Н. Ф. Щербины» (СПб., 1857). В 1859 г. предполагалась публикация значительного числа его эпиграмм в журнале «Искра». Рукопись этих стихотворений была процензурована Д. П. Мацкевичем, но публикация их не состоялась. В 1868 г. тяжелобольной Щербина начал подготовку «Полного собрания сочинений». За пределами подготавливаемого издания он сознательно оставил большое количество ранних стихотворений, частично опубликованных в 1840-х годах в украинском альманахе «Молодик» и различных московских и петербургских периодических изданиях, а также ряд литературно-критических и педагогических статей. Все стихотворения, включенные в «Полное собрание сочинений», разбиты автором на 7 циклов,[1] в последнем из них — цикле эпиграмм — выделены «Альбом ипохондрика» (эпиграммы 1841—1850-х годов) и «Сатирическая летопись» (эпиграммы 1860-х годов). Работу Щербины над подготовкой первых 6 циклов позволяют проследить хранящиеся в ГПБ второй том его «Стихотворений» (1857) и тетрадь автографов «Дополнения к книге „Стихотворения Н. Щербины. СПб., 1857“», в которой Щербина делает дополнения к циклам указанного издания, составляет раздел «Русские песни на чужбине» и производит те незначительные композиционные изменения внутри разделов, которые отличают ПСС от С1 и С2.[2] Авторская работа

---

[1] О важности циклического построения собрания своих стихотворений Щербина писал 27 августа И. Н. Шиллю в период подготовки издания 1857 г.: «Я... сделал редакции всех своих стихотворений, разделив их на V отделов по содержанию и вместе с тем дав этому собранию характер *единства*, связав одной идеей все собрание, как известным взглядом или учением, для придания известного внутреннего характера и известного знамени будущей книги. Я выбрал 150 стихотворений. Книга должна иметь свою физиономию и идею, ибо в плане издания я расположил в *известном порядке* самые пьесы в моих видах и соображениях» (БЛ). О циклах своих стихотворений, как выразителях «оттенков *одной идеи*», Щербина писал также в письме к В. П. Гаевскому от 13 ноября 1854 г. (ГПБ). См. также примеч. 74 и 113.

[2] Список условных сокращений см. на с. 521.

над подготовкой к печати эпиграмм и сатирических стихотворений отражена в тетрадях автографов ГПБ6 и ГПБ8. Окончательная редакция стихотворений в этих тетрадях рассматривается в настоящем издании как источник основного текста.

Готовившееся Щербиной «Полное собрание сочинений» вышло посмертно, в 1873 г., с огромным числом купюр в эпиграммах и сатирических стихотворениях, до сих пор считавшихся цензорскими. Наборная рукопись «Альбома ипохондрика» и гранки двух корректур эпиграмм 1850-х годов, хранящиеся в ПД, свидетельствуют, что все купюры в разделе эпиграмм сделаны М. И. Семевским, осуществлявшим издание после смерти Н. Ф. Щербины. В результате трех слоев правки — наборная рукопись, первая и вторая корректуры — были сняты почти все имена лиц, упоминаемых в эпиграммах, исключены стихи, строфы, изменены заглавия ряда сатирических стихотворений; около 30 эпиграмм изъято полностью. В библиотеке Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР сохранился экземпляр «Полного собрания сочинений» Щербины, принадлежавший начальнику Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинову, без последнего слоя правки М. И. Семевского, содержащий значительно большее число эпиграмм и с меньшим количеством купюр. До выхода ПСС часть эпиграмм и сатирических стихотворений Н. Ф. Щербины была опубликована (с ошибками и искажениями) в РС (1872, № 1; 1873, № 1).

К концу XIX столетия «Полное собрание сочинений» Щербины становится библиографической редкостью. В 1898 г. племянник Щербины В. А. Сиротин передал в императорскую Публичную библиотеку (ныне ГПБ) значительную часть архива Щербины и одновременно начал сбор материала для издания его сочинений. Начинание Сиротина было поддержано А. П. Чеховым (см. письма Сиротина к Чехову от 1898—1902 гг. — БЛ; см. также письма Чехова к П. Ф. Иорданову от 31 октября 1897 г. и 10 октября 1898 г. — А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, т. 17, М., 1949, с. 163, 326).

Судьба этого начинания сложилась неудачно. Однако сама мысль об издании нового собрания сочинений Щербины была очень своевременной. Уже в 1891 г. Г. П. Данилевский публикует по материалам личного архива ряд ранних стихотворений Щербины («Из литературных воспоминаний. Н. Ф. Щербина». — ИВ, 1891, № 1, с. 32—69). В начале 1900-х годов ряд исследователей обращается к изучению рукописного наследия Щербины. По материалам императорской Публичной библиотеки[1] большое число публикаций делает Н. О. Лернер (РА, 1906, № 5, с. 127—128; РС, 1906, № 12, с. 685—698; 1907, № 4, с. 189—208; 1907, № 8, с. 259—265; ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 96—101; РБ, 1914, № 4, с. 5—25). По материалам Румянцевского музея (ныне БЛ)[2] — А. А. Кондратьев (РМ, 1914, № 4,

---

[1] Описание значительной части архива Н. Ф. Щербины, переданного в императорскую Публичную библиотеку (ГПБ) В. А. Сиротиным, см. в кн.: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1898 год, Пб., 1902, с. 63—77.

[2] Полное описание архива Н. Ф. Щербины, переданного Н. Ю. Бецким в Румянцевский музей (БЛ), напечатано Н. П. Кашиным («Литературный вестник», 1904, № 4, с. 35—61).

с. 118—134) и Н. П. Кашин (ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 105—151). В начале 1910-х годов Н. О. Лернер предпринимает подготовку Полного собрания стихотворений Н. Ф. Щербины. Осуществлению его замысла помешала, по-видимому, первая мировая война.

В 1929 г. Р. В. Иванов-Разумник издал «Альбом ипохондрика» — эпиграммы и сатирические стихотворения Щербины 1850-х годов. Однако это издание не вполне соответствует принятым в настоящее время текстологическим принципам. Произведения поэта печатались здесь в значительном числе случаев по тетрадям авторских списков, подаренным К. Д. Кавелину и М. П. Погодину, а не по тетради ГПБ6, тексты которой сам Щербина предназначал для публикации в ПСС. Дарственные тетради К. Д. Кавелину и М. П. Погодину, являясь поздними авторскими списками, содержат в то же время ряд разночтений с текстами ГПБ6, обусловленных сложностью отношений Щербины к Кавелину и Погодину.

В 1937 г. в «Библиотеке поэта» (М. с.) вышли «Стихотворения» Щербины со вступительной статьей и примечаниями И. Я. Айзенштока. Это издание не охватило и одной трети стихотворного наследия поэта.

Настоящее издание является наиболее полным собранием поэтического наследия Щербины. В него включены не вошедшие в ПСС многочисленные лирические стихотворения 1840-х годов, новогреческие песни, стилизации в духе русских и украинских народных песен, ряд стихотворений 1850-х годов, не вошедшие в ПСС по цензурным причинам; все посмертные публикации, сделанные Н. О. Лернером, Н. П. Кашиным, А. А. Кондратьевым, за исключением нескольких стихотворений начала 1840-х годов, художественную ценность которых отрицал сам Щербина. Ряд стихотворений публикуется впервые. В издание не включено стихотворение «А ***» («Усы — в аршин. . .»), принадлежность которого Щ. сомнительна (см.: «Литература и марксизм», 1929, № 6, с. 153), и юмористические стихотворения, написанные при участии Щ., из домашней газеты знакомого семейства «Грач» (см. АИ, с. 206—209).

440 стихотворений из 460, вошедших в издание, и две драмы сверены с автографами, хранящимися, помимо ГПБ и БЛ, в ПД, ЦГАЛИ, АН, ГИМ. Произведения публикуются в последней авторской редакции — по тому изданию или тому автографу, где эта редакция окончательно установилась; по автографам восстанавливаются цензурные купюры, исправляются опечатки. Наличие разночтений в прижизненных публикациях и автографах (большая часть стихотворений имеет от 2 до 5 автографов) оговорено в примечаниях,[1] здесь же указано наличие черновых автографов; редакции и наиболее существенные варианты выделены в специальный раздел.

Ряд эпиграмм и сатирических стихотворений 1850-х годов, подвергнувшихся автоцензурной правке и правке М. И. Семевского, печатаются по «Альбому ипохондрика» (Л., 1929) — в том случае, если

---

[1] Учет разночтений, редакций и вариантов той части наследия Н. Ф. Щербины, автографы которой хранятся в БЛ, а также ряда публикаций 1850-х годов, сделан Н. П. Кашиным («Литературный вестник», 1904, № 4, с. 35—61).

публикация в АИ сделана по тетради автографов ГПБ6, тексты которой Щербина предназначал для ПСС (см. выше). Если основой текста эпиграмм в АИ, отсутствующих в ПСС, послужили авторские списки в тетрадях Кавелина и Погодина, публикация производилась непосредственно по автографам тетради ГПБ6. Эпиграммы и сатирические стихотворения Щербины 1860-х годов («Сатирическая летопись»), опубликованные в ПСС с автоцензурой и правкой М. И. Семевского, печатаются по тетради автографов ГПБ8, тексты которой Щербина также предназначал для ПСС, и тетради ГПБ9. Примечания Щербины к текстам эпиграмм 1850—1860-х годов сохраняются в основном тексте лишь в том случае, если они имеются в тетрадях автографов ГПБ6, ГПБ8 и ГПБ9. Многочисленные примечания к эпиграммам в тетрадях авторских списков, подаренных Щербиной К. Д. Кавелину, В. Р. Зотову и М. П. Погодину, воспроизводятся в комментариях к эпиграммам. В примечаниях оговорены также все последовательные изменения заглавий автографов ряда отдельных стихотворений.

Стихотворения, опубликованные после смерти Щербины, печатаются по посмертным публикациям (если в этих публикациях не было ошибок, учтено строфическое деление, не изменена пунктуация, несущая смысловую нагрузку; в противном случае стихотворения печатаются непосредственно по последним автографам). Автографы большинства стихотворений начала 1840-х годов, опубликованных как при жизни Щербины, так и посмертно, сохранились в ряде авторских списков в БЛ и ГПБ. Так как автографы этих стихотворений, хранящиеся в ГПБ, были просмотрены Щербиной в 1853 г. и тогда же большая часть их подверглась значительной правке, эти автографы ГПБ рассматриваются в настоящем издании как источник основного текста. В ряде эпиграмм (при совпадении текста первой посмертной публикации, АИ, автографа ГПБ6 и расхождении заглавия) заглавие восстанавливается по АИ.

В настоящем издании воспроизводится композиция ПСС, при подготовке которого Щербина уделил особое внимание сохранению разделов, определившихся в издании 1857 г., дополнив их разделом эпиграмм. Эпиграммы и сатирические стихотворения, не вошедшие в ПСС, включены в раздел эпиграмм в хронологическом порядке, так как изъятие их из этого раздела в ПСС объяснялось причинами цензурного либо автоцензурного порядка. Стихотворения, не вошедшие в ПСС, выделены в особый раздел — «Стихи разных лет», где расположены также в хронологическом порядке. После него следует раздел «Драмы». Заключает книгу раздел «Приложений», которые являются своеобразным авторским комментарием к новогреческим и антологическим стихотворениям.

Датировки стихотворений пересмотрены и уточнены по автографам, письмам поэта, найденным первым публикациям и другим источникам. Если за источник даты берется дата ПСС — она в примечаниях специально не оговаривается. Не оговаривается дата ПСС и при уточнении ее (число, месяц) по автографу в пределах одного и того же года. Даты предположительные отмечаются вопросительным знаком; даты, заключенные в угловые скобки, означают дату первой публикации (или год, не позднее которого написано произведение). Двойные даты (отделенные запятой), указывают время написа-

ния и существенной (иногда коренной) переработки текста стихотворений.

В библиографической части примечаний указывается первая публикация и последовательные ступени изменения текста (если они были); простые перепечатки опускаются. Ссылка только на первую публикацию без указания источника, по которому печатается текст, означает, что стихотворение печатается по первой публикации, так как текст его или не перепечатывался более или перепечатывался без изменений.

Ряд адресатов ранних стихотворений Щербины установить не удалось. Это обстоятельство в примечаниях специально не оговаривается.

К изданию приложен словарь (составлен при участии Л. П. Архиповой).

Иноязычные переводы и уточнение иностранных эпиграфов сделаны Е. И. Бобровой (французские, итальянские, немецкие, английские) и И. Н. Лебедевой (греческие, латинские).

Составитель книги благодарит В. Э. Бограда, М. А. Долголенко, А. В. Жаркова, Ф. В. Ильину, Р. Г. Магину и Н. А. Щербакову, сообщивших ряд сведений справочного характера.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

АИ — Н. Ф. Щербина. Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры. Ред. и примеч. Р. В. Иванова-Разумника, Л., 1929.

АН — Архив Академии наук СССР.

БдЧ — «Библиотека для чтения».

БЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Москва.

ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.

ГПБ1а — Тетрадь автографов стихотворений 1837—1844 годов под заглавием «Первоначальные опыты. 1». Просматривалась Щ. летом 1853 г.; тогда же на обороте последнего листа указаны первые публикации ряда стихотворений. Содержит 9 стихотворений. Хранится в ГПБ.

ГПБ1б — Тетрадь автографов стихотворений 1843—1844 годов под заглавием «Первоначальные опыты. 2», с пометой Щ. на титульном листе: «NB. Исправлены против печатных»; одновременно с правкой ранних редакций сделаны указания первых публикаций ряда стихотворений. Просматривалась Щ. летом 1853 г. Содержит 43 стихотворения. Хранится в ГПБ.

ГПБ2 — Тетрадь автографов стихотворений 1844 — начала 1846 годов (с одним стихотворением 1847 г. на листе, вшитом в тетрадь); ряд автографов — черновые. Просматривалась Щ. в 1853 и 1868 г. Хранится в ГПБ.

ГПБ3 — Тетрадь автографов стихотворений 1846 г. (с одним стихотворением 1847 г. на листе, вшитом в тетрадь) под загл. «Уездные вдохновения»; начата 26 февраля 1846 г., закончена 19 декабря 1846 г.; ряд автографов — черновые. Тетрадь является

непосредственным продолжением предыдущей. Просмотрена Щ. в 1853 г. Хранится в ГПБ.

ГПБ4 — Тетрадь автографов стихотворений 1843—1853 годов под заглавием «Эфемериды». Автографы ранних редакций в 1853 и 1855 гг. подверглись значительной правке. Хранится в ГПБ.

ГПБ5 — Тетрадь автографов сцен из драмы «Ипсара» и ряда стихотворений 1840-х годов.

ГПБ6 — Тетрадь (альбом) автографов и авторизованных копий эпиграмм и прозаических сатир 1841—1860 годов под заглавием «Альбом ипохондрика, собрание эпиграмм, ксений, ямбов и всякого сатирического ералаша и школьничества, принадлежащее греку Никола́ки Оме́га». Заполнялась в 1857—1860 годах. Содержит 54 автографа и 22 авторизованные копии эпиграмм; часть автографов — черновые. В тетради — 4 карикатуры Н. Степанова и 6 — Г. Пономарева. Хранится в ГПБ.

ГПБ7 — Тетрадь автографов эпиграмм 1843—1859 годов под заглавием «Эпиграммы, предназначенные было для печати». Заполнялась в 1859 г. и предназначалась для печати; подверглась значительной автоцензуре: опущены отдельные стихи, строфы, все имена собственные заменены. Просмотрена цензором Д. П. Мацкевичем. Хранится в ГПБ.

ГПБ8 — Тетрадь автографов Щ. 1861—1867 годов под заглавием «Для себя. Путевые и доморощенные наброски русского ленивца и ипохондрика. 1861... — 1867» в записной книжке, подаренной ему В. Ф. Одоевским 4 марта 1861 г. со следующей надписью: «Поэту Щербине на счастье и на память от В. Одоевского». Содержит дневник путешествия за границу в 1861 г., автографы (черновые и беловые) стихотворений, написанных в период путешествия, многочисленные записи литературного и общественно-политического характера 1861—1866 годов, озаглавленные «Петербургские заметки», автографы (черновые и беловые) эпиграмм 1861—1867 годов. Хранится в ГПБ.

ГПБ9 — Тетрадь автографов (часть — черновых) эпиграмм 1867—1869 годов под заглавием «Сатирическая летопись. Ямбы, ксении и эпиграммы. Школьничество одного, довольно пожилого, коллежского асессора». Заполнялась в 1867—1869 годах. Является непосредственным продолжением предыдущей. Хранится в ГПБ.

ГС — Н. Ф. Щербина, Греческие стихотворения, Одесса, 1850.

И — «Иллюстрация».

ИВ — «Исторический вестник».

Изд. 1937 — Н. Ф. Щербина, Стихотворения. Вступ. статья, ред. и примеч. И. Я. Айзенштока, «Б-ка поэта» (М. с.), 1937.

ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук».

М — «Москвитянин».

Молоди́к, 1843 — «Молоди́к» на 1843 год, украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким, Харьков, 1843, цензурное разрешение 10 сентября 1842 г.

Молоди́к, 1844 — «Молоди́к» на 1844 год, украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. В пользу харьковского детского приюта, СПб., 1844, цензурное разрешение 22 марта 1844 г.

ОЗ — «Отечественные записки».
П — «Пантеон».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.
ПСС — Н. Ф. Щербина, Полное собрание сочинений, СПб., 1873.
ПСС (Лон.) — Н. Ф. Щербина, Полное собрание сочинений, СПб., 1873, экземпляр М. Н. Лонгинова, хранится в библиотеке Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.
РА — «Русский архив».
РБ — «Русский библиофил».
РВ — «Русский вестник».
РМ — «Русская мысль».
РО — «Русское обозрение».
РС — «Русская старина».
С — «Современник».
СО — «Сын отечества».
С1, С2 — Н. Ф. Щербина, Стихотворения, тт. 1—2. СПб., 1857.
ТБ1 — Тетрадь автографов с надписью Щ.: «Ивану Юрьевичу Бецкому. X стихотворений во вторую часть «Молодика» от Н. Ф. Щербины. 1843. Таганрог». Хранится в БЛ.
ТБ2 — Тетрадь автографов Щ., посланная им И. Ю. Бецкому для публикации в «Моло́дике», 1844. Хранится в БЛ.
ТЗ — Тетрадь автографов Щ. под заглавием «Утренние песни. Стихотворения Н. Щербины. 1843». Хранится в БЛ.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства. Москва.
ЦГАЛИ (Зел.) — Тетрадь автографов стихотворений 1842—1848 годов под заглавием «Греческие стихотворения». Является наборной рукописью книги Щ. «Греческие стихотворения» (Одесса, 1850), с правкой цензора К. П. Зеленецкого. Содержит 41 стихотворение вместо 36, включенных в книгу. №№ 83, 90, 97, 102 и 104 были исключены из состава книги уже после просмотра рукописи К. П. Зеленецким.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции. Москва.
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив. Ленинград.
ЦР — цензурное разрешение.
Щ. — Щербина Н. Ф.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. М, 1853, № 1, с. 2. Автограф с датой: июль 1852 — ПД. Сюжетно восходит к героиде римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э. — 17 н. э.) «Сафо». Связано с поэмой Щ. «Сафо», написанной им в тринадцатилетнем возрасте и вскоре уничтоженной (автобиография Щ. — ГПБ). *Сапфо*, или Сафо (конец VII — начало VI вв. до н. э.) — древнегреческая поэтесса; по преданию, Сафо безнадежно влюбилась в юношу Фаона и бросилась в море.

2. П, 1854, № 3, с. 1. Печ. по БдЧ, 1857, № 1, с. 31. Автограф ранней ред. (строфы 1—5, 8) — ПД. Положено на музыку Э. В. Со-

ломирским. Первоначально предназначалось для ОЗ. 27 января 1854 г. Щ. писал В. Р. Зотову: «Посылаю Вам в дополнение к прежним двум «Весталке» и «Красавице» еще два стихотворения: 1) «В мастерской скульптора» и 2) «Женские речи», для того, чтоб в следующей книжке «Отечественных записок» было напечатано 4 стихотворения, именно в таком порядке — 1) «Женские речи», 2) «Весталка», 3) «Скульптору» и 4)«Красавице». Это так, как мне кажется, нужно для известного эффекта артистического размещения и относительно содержания пьес. Впрочем, не могу определенно выразить, отчего так должно быть, — это говорит мне какое-то внутреннее чувство... Пьеса «Женские речи» написана мною очень недавно, и я о ней судить не могу, ибо еще нахожусь к ней не в объективном отношении и потому отдаю на совершенное Ваше распоряжение и строгость ко мне: если она только что порядочна, то и не печатайте» (ПД). В письме Зотову от 18 февраля 1854 г. Щ. продолжал: «В «Женских речах» сделаны мной прибавления и т. п., и потому Вы не отдавайте в «Отечественные записки», но уничтожьте их, потому что я пришлю их Вам в новом виде и назначаю для „Пантеона“» (ПД).

3. М, 1853, № 1, с. 5. Печ. по С1, с. 7. В этом номере М за 1853 г. было опубликовано 15 стихотворений Щ. 5 из них — №№ 3, 6, 10, 13, 21 — явились причиной рапорта чиновника особых поручений Волкова, увидевшего в Щ. автора «безнравственных и бесцеремонных стихотворений» (ЦГИА, ф. 772, оп. 1, № 3016). Этот рапорт послужил основой для следующего заключения министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова от 25 февраля 1853 г.: «Из числа напечатанных в этой книжке пятнадцати стихотворений г. Щербины, содержание коих и направление согласовано автором с древнегреческою жизнию и с тогдашним языческим взглядом на природу и человека, — некоторые, написанные в анакреонтическом роде, излишне свободными выражениями переходят за черту дозволенного и становятся оскорбительными для нравственного чувства. Таковы стихотворения: IV. Тень, VIII. Вакханка, XI. Желанье, в особенности же X. Венки и VI. Любовь, в которых поэтические краски употребляются на самое резкое изображение чувственных наслаждений...» (там же).

4. М, 1851, № 22, с. 196, без ст. 11, 12. Печ. по ПСС, с. 5. Автографы — ПД, ЦГАЛИ.

5. Молодик, 1844, с. 69, под загл. «Поспешай», в цикле «Греческие мелодии»; ГС, под загл. «Греческая ночь. Посвящается А. П. Кулебабиной». Печ. по С1, с. 9. Автографы: ЦГАЛИ; под загл. «Греческая ночь» — ПД, АН; под загл. «Греческая ночь. Посвящается А. П. Кулебабиной» — ЦГАЛИ (Зел.); ст. 1—5 в автографе драмы «Ипсара» (д. 2) — ГПБ, БЛ; авторизованная копия под загл. «Греческая ночь» — ГПБ. Положено на музыку Н. А. Бороздиным, Г. О. Коргановым, Н. А. Римским-Корсаковым, А. С. Даргомыжским и др. А. В. Амфитеатров писал об этом стихотворении: «Редко удается поэтам так типически-красиво и верно нарисовать несколькими стихами пейзаж и выразить его настроение, как посчастливи-

лось Щербине: сказались эллинское чутье, эллинская кровь, эллинская душа поэта» (А. В. Амфитеатров, Собрание сочинений, т. 25, СПб., 1916, с. 274).

6. М, 1853, № 1, с. 11, в письме к А. Н. Майкову от 15 ноября 1853 г., наряду со стихами «Пред древней статуей» (№ 63), «И. К. Айвазовскому» (№ 55), «Творчество» (№ 57), «Моя богиня» (№ 66), «Волосы Береники» (№ 12), «Красавице» (№ 61), Щ. отнес «Венки» к числу стихотворений, в которых «стремились выразиться главные эстетические понятия автора, его литературный характер и убеждения, литературная физиономия, знамя его эстетики, его литературная индивидуальность» (БЛ). См. также примеч. 3. *Лишь Адонисова венка я пожелал* и т. д. Противопоставление Адонисова венка лавру воителя означает здесь увлечение любовью в ущерб воинской доблести. *Взирая на нее, не смею я дохнуть* — перефразировка строк из стихотворения А. С. Пушкина «Нереида» (1820). *Фидий* (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.

7. М, 1851, № 22, с. 200. Печ. по С1, с. 15, ст. 26. Автограф без подзаголовка — ЦГАЛИ. Авторизованная копия — ГПБ, дата: 15 августа 1851.

***8.** М, 1852, № 22, с. 14, без ст. 23, 24, под загл. «Симпосион». Печ. по С1, с. 17. Автографы: ЦГАЛИ; под загл. «Женщина-мальчик (Симпосион)» — ПД, ГПБ. *Ионийские песни* — т. е. песни, родиной которых были острова Ионийского архипелага. *Милетские сказки.* Милет — древнегреческий город на западном побережье Малой Азии; в VII — VI вв. до н. э. там жили видные античные писатели и философы. *Апеллес* (IV в. до н. э.) — древнегреческий живописец.

***9.** М, 1851, № 22, с. 197, под загл. «Хелидонизма». Печ. по С1, с. 20. Автограф ранней ред. (не позднее 1846 г. — по расположению в тетради), под загл. «Raggio d'amore» ⟨«Луч любви» — итал.⟩ — ГПБ2; без строфы 5, с разночтениями, под загл. «Хелидонизма. (Посвящается графине Е. П. Ростопчиной)» — ГПБ. *Хелидонизма* (греч.) — песнь ласточки; старинная песня на острове Родосе, которую пели мальчики, возвещая прибытие весны. Ростопчина Евдокия Петровна (1811—1858) — писательница; Щ. познакомился с ней, по-видимому, в 1850 г. в Москве.

10. М, 1853, № 1, с. 12. Печ. по С1, с. 22. Автографы — ГПБ, ЦГАЛИ; авторизованная копия с разночтениями и датой: 14 августа 1851 — ГПБ. Положено на музыку Е. П. Тарновской.

11. ГС, с. 72. Автографы: ЦГАЛИ, АН; черновой с датой: 24 марта 1846 г. — ГПБ3; авторизованная копия — ГПБ. В рецензии на ГС А. В. Дружинин писал: «Чувство измученного смертного передано г. Щербиною в ... его стихотворении, которое не относится к разряду антологических, — стихотворении, немного неопределенном по содержанию, но принадлежащем к одному из лучших в книжке, — стихотворении, в котором картинность и музыка стиха достойны наших лучших поэтов. Оно называется «Герой». Нельзя опреде-

лить, что хотел выразить автор этим названием; но его загадочность не портит дела; тут открывается несколько путей собственной фантазии читателя. «Герой», воспетый здесь, представляется читателю одним из великих афинян, спасших свое отечество, прославивших его ценою общественного своего спокойствия, изведавших злобу и неблагодарность своих соотечественников и, наконец, удалившихся в изгнание, сладкое уже потому, что в нем они отрешались от всех забот бурной жизни. Пусть то будет Фемистокл, Аристид или Алкивиад, — все равно» (А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. 7, СПб., 1865, с. 19). См. пародию И. И. Панаева «Греческое стихотворение». *Теокрит* (III в. до н. э.) — буколический поэт из Сиракуз.

***12.** ОЗ, 1854, № 1, с. 133, без строф 12, 16. Печ. по С1, с. 26, строфа 12 восстанавливается по автографу (строфы 5—12) в программном письме Щ. к А. Н. Майкову от 15 ноября 1853 г. — ПД. Автограф ранней ред. с подзаголовком «Посвящ⟨ается⟩ княгине Александре Дмитревне Оболенской» — ПД. В изд. 1937 г. инициалы в посвящении раскрыты ошибочно: Александр Дмитриевич Оболенский. Отправив раннюю редакцию В. Р. Зотову, 19 декабря 1853 г. Щ. писал ему: «В стихотворении «Волосы Береники» необходимо (относительно формы) сделать следующие поправки: в I-й главе, во 2-м куплете: вместо стиха «Ими ночью их чертоги» поставить «Новым блеском их чертоги». В той же главе (I-й) вовсе уничтожить 5-й куплет. В III-й главе первую строку изменить. Вместо: «Речь веду опять *С* звездами» поставить так: «Речь веду *я со* звездами». И есть еще технический изъянец в 3-м куплете IV-й главы, где предмет, действующий с орудием действия, поставлен в одинаковом падеже: «сталью и печалью»... но это уж пусть пока останется так, как есть, — невелика беда. Я это пишу в таком случае, если бы когда-нибудь Вам пришлось бы их напечатать» (ПД). Посвящено, возможно, *Оболенской* Александре Дмитриевне (1827—1875) — жене князя Ю. А. Оболенского. Эпиграф — из LXVI стихотворения Гая Валерия Катулла (87 или 84 — ок. 54 до н. э.), римского лирика. *Птоломей III Эвергет* — греческий властитель в Египте (246—222/221 до н. э.), считавшийся покровителем наук и искусств.

***13.** М, 1853, № 1, с. 9. Автограф без ст. 1—4 — ГПБ.

14. М, 1846, № 9—10, с. 63, без загл.; ГС, с цензурной купюрой ст. 15, 16; СО, 1850, № 7, с искажениями, под загл. «Эллада». Печ. по С1, с. 35. Автографы: ЦГАЛИ, АН; с цензурной купюрой ст. 15, 16 — ЦГАЛИ (Зел.); с разночтениями — ПД, ГПБ2, АН; авторизованная копия — ГПБ.

15. ГС, с. 14. Печ. по С1, с. 37. Автограф — ЦГАЛИ (Зел.); авторизованная копия с разночтениями — ГПБ. *И аттический звук ее слов* — т. е. греческий. Аттика — в древности область на юго-востоке Средней Греции (Эллады) с главным городом Афины.

16. ГС, с. 21. Печ. по С1, с. 39. Автографы: ЦГАЛИ (Зел.); с разночтениями — ПД; авторизованная копия с разночтениями — ГПБ. А. В. Дружинин, анализируя это «изящное», «чисто греческое

стихотворение», которое «кажется выхваченным из древней антологии», отмечает, что в его 5 и 6 ст. «слышится присутствие мысли более современной, сознательно развитой, и этот небольшой поэтический анахронизм придает особенную прелесть, самостоятельность стихотворению. В нем дышит не один древний мир: в нем видна уже сама страстная натура поэта» (А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. 7, СПб., 1865, с. 17).

17. ГС, с. 7. Печ. по С1, с 41. Автографы: ЦГАЛИ, ЦГАЛИ (Зел.); с разночтениями и с посвящением А. П. Кулебабиной — ПД; авторизованные копии (2) — ГПБ, в одной — ст. 1—9. Т. Г. Шевченко в письме к А. Ф. Головачеву от 15 ноября 1852 г. писал: «...До сих пор не могу забыть того сладкого, чудного впечатления, которое произвело на меня это прекрасное произведение. Прошу Вас, будьте так добры, поклонитесь от меня Щербине, как истинному поэту, в наше время явлению редкому» («Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», 1960, вып. 23, с. 257).

18. ГС, с. 39. Автографы: АН; с подзаголовком «Маленькой Аде», снятым до цензуры К. П. Зеленецкого, — ЦГАЛИ (Зел.); авторизованная копия с разночтениями и подзаголовком «Маленькой «Аде» — ГПБ. А. В. Дружинин писал об этом стихотворении: «Оно составляет переход от произведений антологических к произведениям чисто самостоятельным. Первая его строфа дышит необыкновенною прелестью и картинностью, выше которой невозможно подняться; тут нет ни одной черты лишней, ни одного слова некстати. Третья же и последняя заключает в себе мысль всего произведения, — мысль отрадную, хотя и грустную. Мы видим, что эта вещь принадлежит к любимым произведениям автора: его воображению льстят картины, изображающие зрелого и пострадавшего человека, стоящего лицом к лицу с тихою, вечно юною природою, задумчиво улыбающегося при виде детских невинных игр» (А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т.7. СПб., 1865, с. 22).

19. ГС, с. 9, под загл. «После чтения «Умоляющих» Эврипида». Печ. по С1, с. 45. Автографы: ЦГАЛИ; под загл. «После чтения «Умоляющих» Эврипида» — ЦГАЛИ (Зел.); с разночтениями, под загл. «После чтения «Умоляющих» Эврипида» — ПД; авторизованная копия — ГПБ (соотв. автографу ПД). Еврипид (ок. 480 — 406 до н. э.) — древнегреческий поэт-трагик; его пьеса «Умоляющие», или «Просительницы» (420 до н. э.), на русский язык не переводилась (о содержании пьесы см. в статье: В. Головня, «„Умоляющие" Эврипида». — Сообщения Института истории искусств, 1957, № 10-11, с. 100—115).

20. М, 1851, № 22, с. 201; П, 1854, № 3. Печ. по С1, с. 47.

21. Литературные вечера, вып. 2, Одесса, 1850, с. 158, ст. 25—48, с цензурной (?) купюрой ст. 28, под загл. «Афродите-Апострофии»; М, 1853, № 1, с. 7, ст. 1—24, под загл. «Любовь»; С1, с цензурными (?) купюрами ст. 19—20 и 28. Печ. по ПСС, с. 23. Автографы: ст. 1—

24, под загл. «Любовь», с датой: 1852 г. — ПД; ст. 25—48, с разночтениями, под загл. «Богине любви» — ГПБ; ст. 25—48, без загл. — ПД; ст. 25—48, с разночтениями, под загл. «Афродите-Апострофии» — ПД; авторизованная копия ст. 25—48, с разночтениями, под загл. «Афродите-Апострофии», с датой: 20 августа 1850 г. — ГПБ. Чиновник особых поручений Волков в рапорте от 25 февраля 1853 г. (см. примеч. 3) писал о ст. 13—16 данного стихотворения: «Эти стихи окончательно подтверждают не договоренную нами догадку читателя и напоминают ему известные рукописные, одного с ним содержания, стихи Пушкина, начинающиеся так: «Ты знаешь, я люблю дурачиться с друзьями» и пр.» (ЦГИА). *Душистым наксосским вином.* Наксос — остров в Эгейском море, славившийся своими виноградниками.

22. ГС, с. 42. Автографы: с подзаголовком «Е. П. Воейковой» — ЦГАЛИ (Зел.); с разночтениями, датой: 19 июня 1846, под загл. «К статуе Елены» — ГПБЗ, АН; авторизованная копия, соотв. автографу ГПБЗ — ГПБ. А. В. Дружинин, высоко оценивая первые 20 ст. стихотворения, отмечал, что с 21 ст. «он весь состоит из промахов и фальшивого пафоса» (С, 1850, № 5, с. 41; также в кн.: А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. 7, с. 21). *Парос* — остров в Эгейском море, славившийся белым мрамором.

23. М, 1851, № 22, с. 194, с купюрой (цензурной?) четырех последних слов ст. 11, под загл. «Наслаждение грека». Печ. по С1, с. 55. Автографы: с разночтениями, под загл. «Наслаждение грека» и датой: 11 июня 1851 — ПД; черновой, под загл. «Наслаждение грека» и с эпиграфом «O, mea puella!» ⟨О, моя девочка! — лат.⟩ — ГПБ. *Вдруг вавилонских одежд, персепольских сандалий* и т. д. — по названию городов, поставлявших грекам товары; Вавилон — крупнейший город древней Месопотамии, столица Вавилонского царства в XIX—VI вв. до н. э.; важнейший торговый и культурный центр Азии; Персеполь — одна из столиц древней Персии в VI—III вв. до н. э.; *Тир* — древний рабовладельческий город-государство в Финикии, разрушенный в 332 г. до н. э. и вновь восстановленный в период эллинизма. *Запястье* — здесь: браслет. *Аттика* — см. примеч. 15. *Фазосское вино* — вино с греческого острова Фазоса. *Лидийские песни.* Лидия — раннее рабовладельческое государство западной части Малой Азии. *Хиосский старец* — Гомер; согласно античной традиции за честь называться родиной Гомера спорили семь городов, в том числе и Хиос.

24. ГС, с. 23. Печ. по ПСС, с. 28. Автографы: с эпиграфом из поэмы Байрона «Childe Harold's pilgrimage» (песнь 2, ч. 15):

Cold is the heart, fair Greece, that looks on thee
Nor feels as lovers o'er the dust they loved...

⟨Бесчувствен тот, кто как над прахом милой, о Греция, не плачет над тобой... — англ., перевод В. М. Фишера⟩ — ЦГАЛИ (Зел.); с датой: 20 апреля 1846 г. — ГПБЗ; АН; авторизованная копия — ГПБ. Положено на музыку Е. Н. Греве-Соболевской.

25. ГС, с. 19. Автографы: ЦГАЛИ (Зел.), ПД, АН; черновой и беловой, оба без загл., с датой: 21 марта 1846 — ГПБ3; авторизованная копия — ГПБ.

***26.** М, 1851, № 22, с. 193. Печ. по С1, с. 62. Автографы: под загл. «Океан и Прометей» — ПД; под загл. «Прометей и океан», с датой: 5 июня 1851 г. — ПД; под загл. «Океан и Прометей», с разночтениями, датой: 5 июня 1851 г. — ГПБ. 10 июня 1851 г. Щ. писал В. П. Гаевскому: «Мысль пьесы «Океан и Прометей» Вы поймете: это олицетворение двух совершенно противоположных сил — духа человеческого и внешней силы; исторической fatalite, *грубой мощи и сознания*» (ПД). В последующей записке к нему же Щ. продолжал: «Океаном в «Прометее» я разумею не силу физическую, а силу историческую, имеющую своим орудием только силу физическую» (ПД). К концу 1840-х — началу 1850-х годов относятся неосуществленные замыслы поэм Щ. «Прометей и Пандора» и «Психея» (ГПБ). О последней Щ. писал Гаевскому 10 июня 1851 г.: «Я пишу свою поэму «Психея». Написал уже в ней эпизоды: Прометея, Елены, Антигоны и Медеи... Дальше будут следовать эпизоды: ...смерть Сократа и освобождение Прометея от страданий и оков» (ПД). *Адамантовая грудь.* Адамант — у древних греков особый род металла, отличавшийся своей крепостью.

***27.** П, 1853, № 3, с. 4. Печ. по С1, с. 64. Автограф — ПД.

28. ГС, с. 30. Печ. по С1, с. 66. Автографы: соотв. ГС — ЦГАЛИ (Зел.); с разночтениями и датой: 2 апреля 1846 — ГПБ3; АН; авторизованная копия с разночтениями — ГПБ.

29. С1, с. 68. *И в край чужой пошла твоя Афина* и т. д. В Парфеноне — храме Афины-девы, построенном Иктином и Калликратом в 448—438 гг. до н. э., находилась скульптура Афины работы Фидия.

30. ГС, с. 64. Автографы: ЦГАЛИ (Зел.), АН; с разночтениями, без загл., с датой: 15 декабря 1844 г. — ГПБ2; авторизованная копия с разночтениями — ГПБ. А. Н. Майков писал: «Прочтя это и другие стихотворения г. Щербины, всякий скажет, что они рисуют древний мир, веют атмосферой древней безоблачной Греции. Это, конечно, справедливо: но просим, вслед затем, сличить эти стихотворения с самыми цветами древней поэзии в этом роде — и вы увидите, что, кроме формы и обстановки, общего ничего нет. Эта субъективность, эта способность отдавать себе отчет в каждом впечатлении души, эта, если угодно, разумность впечатления, разумность жизни, есть произведение нового мира; кроме внешних чувств, которыми мы приходим в соприкосновение с внешним миром, христианство открыло в нас внутреннее, духовное око, которое вместе видит и размышляет, чувствует и помнит» («„Греческие стихотворения“ Н. Щербины». — ОЗ, 1850, № 6, с. 65).

***31.** С1, с. 72. Автографы: ранняя ред. под загл. «Женщине утром», с датой: 9 июня 1851 г., в письме В. П. Гаевскому от 10 июня 1851 г. — ПД; ранняя ред. под загл. «Женщине утром» — ГПБ. *Эпизод «Одиссеи» читал я.* Из ранней ред. очевидно, что имеется в виду

эпизод из «Одиссеи» Гомера, где Навзикая находит потерпевшего кораблекрушение Одиссея.

32. ОЗ, 1851, № 3, с. 107. Печ. по С1, с. 74. Авторизованная копия с разночтениями — ПД. См. пародию И. И. Панаева «К Дию».

33. Молодик, 1843, с. 252, подпись ***. Печ. по ГС, с. 66. Автографы: ЦГАЛИ (Зел.), БЛ; авторизованная копия — ГПБ. *Пафосский пламень* — пламень любви (от города Пафоса, считавшегося любимым местопребыванием Афродиты).

34. ГС, с. 35. Автографы: ЦГАЛИ (Зел.), АН; без загл. — ГПБ2; авторизованная копия — ГПБ.

35. ГС, с. 28. Автограф — ЦГАЛИ (Зел.); авторизованная копия — ГПБ. См. пародию К. Пруткова «Письмо из Коринфа. Греческое стихотворение». *Беотийская деревня.* Беотия — область в Средней Греции. *Зевксис* (IV в. до н. э.) — античный художник. *Истмийские венки* — почетная награда на спортивных состязаниях древних греков — истмийских играх, происходивших на Коринфском перешейке; первоначально истмийские венки были плющевые, затем — сосновые.

***36.** ГС, с. 50. Автографы: ЦГАЛИ, АН; черновой и беловой, с датой: 7 февраля 1846 г. — ГПБ2. *Нам были видны оттуда и гермесов ряд бесконечный.* Следствием культа Гермеса в Древней Греции было обилие герм, или колонн Гермеса — простых столбов с его головой; они ставились на улицах, дорогах, общественных площадях.

37. ГС, с. 57. Печ. по С1, с. 82. Автограф (соотв. ГС) — ЦГАЛИ (Зел.); авторизованная копия с разночтениями и без эпиграфа — ГПБ. Эпиграф — из поэмы римского поэта-философа Тита Лукреция Кара «De rerum natura» («О природе вещей»). *В тот час, как из пены жемчужной* и т. д. По одному из мифов, богиня любви и красоты Афродита возникла из морской пены.

38. ГС, с. 25, с цензорской правкой в ст. 28: «восхитительно» вместо «соблазнительно». Печ. по С1, с. 85. Автографы ранней ред.: с цензорской правкой — ЦГАЛИ (Зел.); ПД; авторизованная копия ранней ред. — ГПБ.

39. ГС, с. 62. Автограф — ЦГАЛИ (Зел.).

40. ГС, с. 48 Автограф — ЦГАЛИ (Зел.); авторизованная копия без загл. — ГПБ. См. пародию Д. Д. Минаева «Просьба художника». *Как вышла некогда богиня Афродита* — см. примеч. 37.

***41.** Молодик, 1844, с. 61, под загл. «Миролог», с примеч. Щ.; ГС; С1. Печ. по ПСС, с. 41. Автографы: соотв. ГС — ЦГАЛИ (Зел.); сохранившаяся часть автографа — ст. 1—20, под загл. «Миролог» — ГПБ1б; под загл. «Миролог», с эпиграфом, посвящением И. Е. Сиоти и примеч. Щ. — БЛ. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым.

Миролог — «печальные импровизации женщин над гробом умершего в роде epicedium древних. Мирологи встречаются и у древних поэтов». *Мелис* — «пахучая трава». *Храня невидимых дриад.* «В простонародье у греков еще не истребились некоторые языческие поверья древних». *Плющом зеленым обовью.* «Современные нам греки, подобно древним, обвивают плющом надгробные камни». *Могильный прах с кудрей волнистых.* «Они думают, что тени умерших до известного времени витают у гробов» (примеч. Щ. в «Молодике»).

42. ГС, с. 52, с купюрой двух последних слов в ст. 11. Печ. по С1, с. 93. Автографы: ЦГАЛИ (Зел.), АН; под загл. «К Афродите-Урании», с датой: 17 июля 1846 г. — ПД; авторизованная копия — ГПБ.

43. ГС, с. 37, с эпиграфом из трагедии Софокла «Антигона» (эписодий II, сц. 1, слова Антигоны):

Οὔτοι συνέχθειν, ἀλλὰ συμφιλεῖν ἔφυν

⟨Не ненавидеть, но любить я рождена. — греч.⟩. Печ. по С1, с. 94. Автографы: соотв. ГС — ЦГАЛИ (Зел.); АН; с датой: 15 марта 1846 — ГПБ3; авторизованная копия, соотв. ГС — ГПБ. *Пафосская богиня* — Афродита.

44. ГС, с. 70. Автограф — ЦГАЛИ (Зел.); авторизованная копия — ГПБ. Перевод стихотворения древнегреческого поэта Бакхилида (V в. до н. э.). *Беотийские сосуды* — т. е. сделанные в Беотии (см. примеч. 35).

45. ГС, с. 68, с эпиграфом из XXXIV оды Анакреона:

Μή με φύγῃς ὁρῶσα
Τὰν πολιὰν ἔθειραν

⟨Не беги от меня, видя мои седины. — греч.⟩; Незабудочка. Дамский альманах... СПб., 1852, без подзаголовка. Печ. по С1, с. 98. Автографы: соотв. ГС — ЦГАЛИ; под загл. «Девушке. (Из Анакреона)», с разночтениями — ГПБ2. Авторизованная копия под загл. «Девушке. (Из Анакреона) XXXIV ода». Перевод XXXIV оды древнегреческого поэта *Анакреона*, или Анакреонта (ок. 570—478 до н. э.).

46. ГС, с. 85, с цензорской правкой в ст. 6. Печ. по С1, с. 91. Автограф с цензорской правкой в ст. 6. — ЦГАЛИ (Зел.); авторизованные копии (2) под загл. «Проблески жизни» — ГПБ. *Тимон Афинский* (р. ок. 440 г. до н. э.) — древнегреческий философ.

47. ГС, с. 33. Автограф — ЦГАЛИ (Зел.); авторизованная копия — ГПБ.

48. М, 1853, № 1, с. 13.

49. ОЗ, 1854, № 2, с. 332. Печ. по ПСС, с. 47, с исправлением опечатки в ст. 15 по автографу ПД. Автограф с разночтениями — ПД.

27 января 1854 г. Щ. писал В. Р. Зотову: «„Весталка" только тогда может быть напечатана, когда цензура не изменила ничуть последних 5-ти стихов, а без того она выйдет сущая бездарная дрянь и скомпрометирует меня» (ПД).

50. Молодик, 1844, с. 63, под загл. «Счастливый обман». Печ. по ГС, с. 78. Автограф — ЦГАЛИ (Зел.). *Фессалийская идиллия.* Фессалия — область северо-восточной Греции.

51. М, 1853, № 1, с. 1, без эпиграфа. Печ. по С1, с. 130. Эпиграф, возможно, из статьи датского богослова и политического деятеля Генрика-Николая Клаусена (1793—1877).

52. М, 1853, № 1, с. 4.

53. С1, с. 134. Автографы: ПД, БЛ; ст. 1—4, с разночтениями, под загл. «Плачущая девушка» — ГПБ.

54. М, 1851, № 22, с. 193, с подзаголовком «Н. А. Р⟨амазано⟩ву»; П, 1855, № 3, под загл. «В мастерской художника». Печ. по С1, с. 136. Автограф с разночтениями, под загл. «В мастерской скульптора» — ПД. Отклик на стих. А. С. Пушкина «Художнику» («Грустен и весел, вхожу, ваятель, в твою мастерскую...»). 27 января 1854 г. Щ. писал В. Р. Зотову: «„В мастерской скульптора" было напечатано года 3 тому назад *между группою многих* других пьес моих в одном малочитаемом журнале, и прошло совершенно незаметно, не знаемо никем и на этом основании может пойти *как совершенно новое, на днях написанное стихотворение, да и к тому же я считаю его одним из лучших* моих стихотворений. Я на всякий случай, если цензура затруднилась бы в нем, в кое-каком стихе, приложил *изменения*, писанные *красными чернилами*. Пьеса эта никак не может быть напечатана, если цензура, кроме моих поправок, выпустит хоть один стих» (ПД). В письме А. Н. Майкову от 15 ноября 1853 г. Щ. относит данное стих. к числу тех, в которых выразились «житейские убеждения автора, его частный и, может быть, тотальный характер, взгляд на индивидуальную жизнь» (БЛ). Прочтено 18 декабря 1854 г. в зале Шахматного клуба в Петербурге на обеде в честь 50-летия художественной деятельности вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого. Рамазанов Николай Александрович (1815—1867) — скульптор, был близок к молодой редакции «Москвитянина» (см. также № 182 и примеч. к нему).

55. М, 1853, № 1, с. 10. Автограф — ГПБ. *Айвазовский* Иван Константинович (1817—1900) — живописец-маринист. *Таврида* — см. примеч. Щ. к № 462. *Аргос* — см. примеч. Щ. к № 462; здесь — Арголидские горы, самые бесплодные и пустые во всем Пелопоннесе. *Верю, — из пены тех волн Красота выходила* — см. примеч. 37.

***56.** ГС, с. 45; СО, 1850, № 7. Печ. по С1, с. 140. Автографы: ЦГАЛИ (Зел.), АН, ГПБ; под загл. «К древней колонне» — ГПБ; авторизованная копия — ГПБ.

***57.** Литературные вечера, вып. 2, Одесса, 1850, с. 159. Печ. по С1, с. 142. Авторизованная копия, без ст. 10—ГПБ.

58. ОЗ, 1851, № 3, с. 109, без ст. 23, 24, под загл. «А. П. К***», с датой: 13 марта 1849 г. Печ. по С1, с. 144. *Что в душе зарыто было, как в земле талант раба* — ср. текст из Евангелия от Матфея, гл. 25, ст. 18.

***59.** С, 1851, № 1, с. 116, без загл. Печ. по С1, с. 146. Автографы: соотв. С, без загл. — ЦГАЛИ; с датой: 12 января 1846 — ГПБ; с датой: 1845 — ПД; авторизованные копии — ГПБ.

***60.** ГС, с. 54. Автограф без ст. 17, 18, с разночтениями — ЦГАЛИ; авторизованная копия — ГПБ. Печ. по ПСС, с. 76.

61. ОЗ, 1854, № 2, с. 331, без строфы 3. Печ. по С1, с. 150. Автографы: с разночтениями — ПД; строфы 6—8 в письме А. Н. Майкову от 15 ноября 1853 г. — ПД; черновой автограф строф 1, 2 — ГПБ. В письме В. Р. Зотову от 13 сентября 1853 г. Щ. относит данное стих. к программным: «...Я всегда чрез все свои стихотворения провожу *одну идею пантеизма*, в истину которой я верю по духу и крови, словом по своей натуре, и убежден горячо, что только на почве пантеизма могут расти истинная наука (вспомните Германию) и истинное искусство, ибо искусство и есть-то *самая плоть*. Отнимите у него плоть, — оно перестанет быть искусством и перейдет в область философии. В одном из последних своих стихотворений («Красавице». — *Г. Г.*) я хотел обозначить характеристику моих песен:

Во плоти их — искание духа,
В неразъятном слиянии с ней...» (ПД)

См. также примеч. 6.

62. ГС, с. 89. Печ. по С1, с. 152. Автографы: соотв. ГС — ЦГАЛИ (Зел.); с подзаголовком «Поэту», с разночтениями, датой: 28 января 1846 г. — ГПБ2; две авторизованные копии (одна с подзаголовком «Поэту» и разночтениями) — ГПБ. *Фидий* (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор. *Апеллес* (IV в. до н. э.) — древнегреческий живописец.

***63.** М, 1851, № 22, с. 199, под загл. «Пред статуей Афродиты». Печ. по С1, с. 153. Автографы: черновой под загл. «У статуи Афродиты» — ПД; под загл. «Пред статуей Афродиты», с датой: 7 апреля 1851 г. — ПД; авторизованная копия с разночтениями под загл. «Пред статуей Афродиты», с датой: 7 апреля 1851 г. — ГПБ. См. также примеч. 6. *Праксителевым резцом.* Пракситель (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор, автор целого ряда статуй Афродиты. *Бог света* — Аполлон.

***64.** ОЗ, 1854, № 1, с. 136, без ст. 20, 21. Печ. по ПСС, с. 80. Автограф ранней ред. — ПД. 4 сентября 1853 г. Щ. писал В. Р. Зотову: «Пьесу «Девочки» отнюдь *не отдавайте печатать,* пока я Вам не пришлю ее исправленною: первая ее половина требует переделки. Распорядившись так, вы меня успокоите: я так кропотливо или даже смешно добросовестен в деле литературы» (ПД). 13 сентября в письме к Зотову Щ. разрешает печатать стихотворение уже в «исправленном виде» (ПД).

65. М, 1853, № 1, с. 14, под загл. «К Венере Таврической». Печ. по С1, с. 158. В письме к А. Н. Майкову от 15 ноября 1853 г. Щ. писал: «Надо быть слишком близоруким, чтоб не заметить везде и во всем истории, даже и в современной лирике. Мотив исторический невольно, необходимо, не спросясь, входит в произведение поэта и преемственно связан с историей литературы. Не говоря уже о более талантливых современных наших лириках, чем я, грешный,— мотив каждой моей пьесы всегда современно-исторический, навеянный современной действительностью и воспроизведенный большей частью a contrario. Вот, например, в моих «Стихотворениях» 1852 года, XV пьесах, напечатанных в «Москвитянине» 1853 года, № 1, именно, хоть бы в стихотворениях: 1) «К Венере Таврической», 2) «Свет», 3) «Ирония», 4) «Поэт» или 5) «Песня Прометея», напечатанная в обезображенном, урезанном виде в «Современнике 1850 года», или 6) «Два Титана»... и тому подобное, все это не могло быть не навеяно автору *современным исторически-общественным моментом*... Не явилось ли оно негодованием на действительность?» (БЛ). *Венера Таврическая* — статуя Афродиты в Эрмитаже.

66. М, 1851, № 2, с. 203, с подзаголовком «Эпилог», с датой: 25 октября 1851 г. Печ. по С1, с. 160. Автографы: БЛ; ст. 8—19 в письме к А. Н. Майкову от 15 ноября 1853 г. — ПД. В этом письме Щ. относит стихотворение к числу тех, в которых выразились «миросозерцание автора, его философия природы, взгляд на мир, его пантеизм» (см.: Р. Г. Магина, Песни о природе Н. Ф. Щербины. — Уч. зап. Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1966, т. 248, с. 116). См. пародию К. Пруткова «Философ в бане». *Иль ты не знаешь, что я поклоняюся новой богине* и т. д. В неопубликованной части указанного письма Майкову Щ. писал: «...десятая моя муза — умеренность, соразмерность, равновесие, воздержность, логическая стройность и т. п. в произведении искусства, словом, муза *Софросина*, которую я желал бы потребовать от поэта, по возможности. Вспомните значение идеи Софросины у греков в жизни, в практическом быту, в умственном и физическом развитии человека, — и Вы дополните в самом себе все то, о чем говорить мне подробно — не в пределах этого письма. Я не могу быть нерационалистом даже и в поэзии, хочу, чтоб и в ней было 2 × 2 = 4» (ПД). *Платон* (429—348 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

НОВОГРЕЧЕСКИЕ МЕЛОДИИ

67. Молодик, 1844, с. 64, под загл. «Разлука», в цикле «Греческие мелодии»; ОЗ, 1851, № 1. Печ. по С1, с. 165 с исправлением по автографу в ст. 16: «горечь» вм. «горе». Автограф под загл. «Разлука» — БЛ; авторизованная копия с подзаголовком «Новогреческая мелодия» — ГПБ. Положено на музыку А. Л. Гурилевым.

*__68.__ Молодик, 1844, с. 65, ст. 1—16, 57—60. Печ. по БдЧ, 1856, № 11, с. 8. Автографы ранней ред.: БЛ; ст. 9—16, 57—60 — ГПБ16. Ранняя ред. датируется по наличию в цикле «Греческие мелодии» в «Молодике» (см. примеч. 361).

69. ОЗ, 1855, № 1, с. 68, с подзаголовком «Новогреческая песня». *Толстая* Анастасия (или Настасия) Ивановна (1825—1889) — жена вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого; с семьей Толстых Щ. находился в дружеских отношениях (см. примеч. 457).

70. Молодик, 1844, с. 67, в цикле «Греческие мелодии»; ОЗ, 1851, № 1, без ст. 25, 26, 31—34, под общим вместе с №№ 67, 71, 73 загл. «Ромейские мелодии» и примеч. Щ.: «Не переводы, но воспроизведения из жизни нынешних греков, в духе новогреческих народных песней». Печ. по С1, с. 174. Автографы (2) с разночтениями — БЛ.

71. Молодик, 1844, с. 70, в цикле «Греческие мелодии»; ОЗ, 1851, № 1 (см. примеч. 70). Печ. по С1, с. 177. Автограф сохранившихся ст. 1—6, 39—41 с подзаголовком «Новогреческая мелодия» — ГПБ1б, авторизованная копия с подзаголовком «Новогреческая мелодия» — ГПБ.

***72.** СО, 1850, № 7, с. 11, под загл. «Греческая мелодия». Печ. по С1, с. 180. Автограф ст. 13—16 — ГПБ; авторизованная копия под загл. «Мелодия» — ГПБ.

73. Молодик, 1844, с. 71, под загл. «Посидону Ламбринаки»; ОЗ, 1851, № 1, без ст. 18—21. Печ. по С1, с. 182. Автографы (2) под загл. «Посидону Ламбринаки» с эпиграфом из греческой песни:

Ὅλος ὁ κόσμος εἶναι σκοτεινός
Ὅταν εἰς τὸ μέσον, φῶς μοῦ, εἶν ὁ χωρισμός

⟨Весь мир меркнет, когда мы с тобой, свет мой, разлучены. — греч.⟩ — БЛ. *Востица* — греческий портовый город на берегу Коринфского залива, бывший Эгион; упоминается в «Илиаде» Гомера.

ПЕСНИ О ПРИРОДЕ

***74.** М, 1851, № 22, с. 205. Печ. по С2, с. 3. Автограф ранней ред. под загл. «Душа и природа», с датой: 7 июля 1846 — ГПБ3; под загл. «Весенние стансы» — ПД. Эпиграф к циклу «Песни о природе» из труда французского философа Огюста Отта «Гегель и немецкая философия, или Изложение и критический разбор главных систем немецкой философии после Канта, главным образом Гегеля», Париж, 1844. 13 ноября 1854 г. Щ. писал В. П. Гаевскому: «В этом году, в последнее время, написано мною 17 новых пьес под названием: «Песни о природе». Ансамбль их носит на себе развитие *одной идеи* в разных ее оттенках, и совокупность их как бы составляет *листки* из *одной* поэмы о природе» (ГПБ).

75. БдЧ, 1856, № 11, с. 6, с подзаголовком «Посвящается Л ***». Печ. по С2, с. 5. Посвящено Марии Петровне Корниловой (ум. после 1912 г.), ученице Щ. с 1849 г., которую он называл Лолоттой. См. также примеч. 115. 9 января 1856 г. Щ. писал ей: «Я никогда вполне не доверял этому бесенку XIV класса, хоть, впрочем, некоторым образом, вы и вырисовались в душе моей «Нимфою вьюги», которую я посвятил Л ***» (ГПБ).

76. Литературные вечера, вып. 2, Одесса, 1850, с. 156, под загл. «Notturno, на даче Belle-Vue», с цензурной купюрой ст. 12; С2, ПСС — с автоцензурным вариантом ст. 12: «Населяешь и воздух, и воды». Печ. по «Литературным вечерам», ст. 12 восстанавливается по авторизованной копии ГПБ. Автограф, соотв. С2, ПСС — ЦГАЛИ. Положено на музыку И. И. Рачинским, С. И. Танеевым и др.

77. ОЗ, 1855, № 1, с. 63.

78. С, 1850, № 9, с. 5, без загл. и без эпиграфа. Авторизованные копии (2) под загл. «Северное чувство», одна с пометой Щ.: «Эпилог к книге „Греческие стихотворения“» — ГПБ. Эпиграф — в «Гомеровских гимнах» не обнаружен. Возможно, является переложением стихотворения Алкея (конец VII — первая половина VI в. до н. э.) «Зима».

79. ОЗ, 1855, № 1, с. 65. *Ночные красавицы* — цветы белого, красного и желтого цвета, распускающиеся вечером и закрывающиеся утром.

80. ОЗ, 1854, № 1, с. 137, без ст. 49—50. Печ. по С2, с. 21. Автограф — ПД.

81. ОЗ, 1855, № 1, с. 74.

82. М, 1853, № 1, с. 6. Эпиграф — из диалога древнегреческого философа Платона (428/7—347 до н. э.) *«Протагор»*. Протагор (481—411 до н. э.) — древнегреческий софист.

83. Молодик, 1843, с. 254, подпись: ***; С, 1850, № 8. Печ. по С2, с. 30. Автограф с разночтениями и эпиграфом из Овидия: Nil homini certum est ⟨Ничто человеку неизвестно достоверно. — лат.⟩ — БЛ; авторизованная копия ст. 1—12, с разночтениями — ГПБ. См. также примеч. 26.

***84.** М, 1851, № 22, с. 198, под загл. «Kosmos». Печ. по С2, с. 32. С2, ПСС — с датой: 1847 г. Автографы: два — ЦГАЛИ; ГПБ; с разночтениями, без загл. — ГПБ; авторизованные копии с датой: 1844 — ГПБ; ПД.

85. С, 1850, № 9, с. 43, с посвящением: «Льву Сергеевичу Пушкину». С1, ПСС — с датой: 1848. Автографы без посвящения: два — ЦГАЛИ; ПД, АН; три, из которых один под загл. «Знание», с датой: 10 июня 1846 г. — ГПБ; авторизованные копии (2) без посвящения — ГПБ. *Пушкин* Лев Сергеевич (1805—1852) — брат А. С. Пушкина, в 40-е — начале 50-х годов — член Одесской портовой таможни. Щ. познакомился с ним в 1849 г., либо в начале 1850 г., в Одессе. В заметке «Из письма к издателю», отправленной в августе 1857 г. П. В. Анненкову, Щ. вспоминал: «Летом 1850 года, на обеде, данном в Одессе жителями ее, в честь М. С. Щепкина, Лев Сергеевич Пушкин пригласил меня сесть рядом с собою и говорил мне все время обеда исключительно о своем брате. Воспоминания его были необыкновенно живы и занимательны. Одушевленная ими, беседа его была игрива и остроумна. Он читал мне много

ненапечатанных и, может быть, даже никому не известных стихов своего великого брата, находя их в памяти на всякое à propos. Так, даже по поводу вин, стоявших возле наших приборов, он прочитал мне грациозно-игривые стихи, в которых воспеваются сенпере и шамбертень. Вслед за этим он читал другое стихотворение, когда разговор коснулся дружеского кружка Пушкина. Из этой пьесы я могу припомнить теперь только два следующих стиха:

Что-то грезит Баратынский,
Что-то думает Плетнев...

Последний стих рифмовался на слово: Лев (то есть здесь дело шло о Льве Сергеевиче...).

Мотивы бесед Пушкина не могли не отразиться в разговорах его брата, воспитанного в кругу его и в его интересах... Правда, они, может быть, отразились «как солнце в малой капле вод», но тем не менее беседа Льва Сергеевича порою проникалась какой-то теплой грацией, какой-то артистической, так сказать, женственностью, сколько-нибудь напоминавшею его гениального брата. Он казался в этих разговорах как бы питомцем Пушкина, детски перенявшим его мотивы и манеру: Лев Сергеевич даже декламацию стихов перенял у брата, и она была так мила и естественна. Иногда на одесском бульваре, при обаятельном сиянии южной луны, в виду картинного Черного моря, он читал мне стихи Пушкина, — и этих вечеров я не забуду. Особенно памятно мне то необыкновенно нежное, задушевное выражение, которое он умел так художественно придать тоном и переливами самого голоса этим двум стихам:

И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

Библиотека его состояла большею частию из произведений или изданий друзей его брата и вообще из писателей пушкинского времени, или из произведений русской и иностранной литературы, обожаемых тою эпохою. Лев Сергеевич сам владел довольно метким эпиграмматическим стихом, был человек находчивый, остроумный и, что называется, esprit caustique, но за всем тем личность его способна была вызывать к нему искреннюю и добродушную привязанность. Он владел тонким, образованным, изящным вкусом, который развило в нем общество его брата. Собираясь постоянно писать записки о Пушкине, Лев Сергеевич все-таки не написал их, а это дело могло бы быть исполнено им превосходно, при его уменьи владеть пером, при его горячих симпатиях к брату-поэту, при его необыкновенной памяти: он знал наизусть (буквально говоря) все стихотворения Пушкина. Потеря, ничем не возвратимая для будущего историка русской словесности» (ПД). *Но сладко жить, отрадно мне страдать.* Ср. «Элегию» (1830) Пушкина:

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...

***86.** Молодик, 1844, с. 94, без загл. и эпиграфа, подпись: ***; ГС. Печ. по С1, с. 35. Автограф — ЦГАЛИ (Зел.); авторизованная копия (соотв. Молодику), под загл. «Две поры» — ГПБ. Эпиграф — начальная фраза первой главы романа-трактата Жан-Жака Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1759—1760).

87. М, 1853, № 1, с. 15, под загл. «Стремленье». Печ. по ПСС, с. 111, дата: 1848. Автограф с разночтениями под загл. «Стремленье», с датой: 8 июля 1846 г. — ГПБ3.

88. ОЗ, 1855, № 1, с. 72, без посвящения. Печ. по С2, с. 39. *Майков* Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт. Щ. высоко ценил антологическую поэзию Майкова. В неопубликованной части послесловия к своим «Греческим стихотворениям» (Одесса, 1850) он писал: «Кто не знает антологических стихотворений Батюшкова и Пушкина! Кто ими не наслаждался и не молодел, читая их!.. Что это при условии таланта не стареется, не переживается, — доказательством тому успех в наше время антологических пьес А. Н. Майкова» (ЦГАЛИ). В программном письме к Майкову от 15 ноября 1853 г. Щ. называл его своим «родным поэтом» (ПД). Об отношении Щ. к Майкову в период «флюгерства» последнего см. №№ 190, 191 и примеч. к ним. Посвящение появилось после публикации «Рыбной ловли» (1855) Майкова.

89. ОЗ, 1855, № 1, с. 67; дата — по С2.

***90.** Молодик, 1844, с. 95, под загл. «Весна», с датой: декабрь 1843; С, 1850, № 8, с датой: 1844. Печ. по С2, с. 45. Авторизованная копия без ст. 6—20, с разночтениями, под загл. «Весеннее чувство» — ГПБ.

91. С2, с. 48. Автограф с разночтениями и датой: 20 марта 1851 г. — ГПБ.

92. ГС, с. 87, под загл. «Мир и человек (А. Н. Змеевой)» и эпиграфом из Софокла:

Πολλὰ τὰ δεινά κοὐδὲν
ἀνθρώπου δεινότερον πέλει

⟨Много есть великого на свете, но нет ничего более великого, чем человек. — греч.⟩. Печ. по С2, с. 50. Автографы: соотв. ГС — ЦГАЛИ (Зел.); два без загл. и эпиграфа — ГПБ; два без посвящения — ГПБ; ПД; с разночтениями — ЦГАЛИ.

93. ОЗ, 1855, № 1, с. 71.

***94.** ГС, с. 83, под загл. «Мудрец и человек». Печ. по ПСС, с. 120. Автографы: соотв. ГС — ЦГАЛИ (Зел.); два без загл. — ГПБ; два с разночтениями, без загл. — ГПБ.

95. ГС, с. 60. Автографы: ЦГАЛИ (Зел.); под загл. «Тучке» и с датой: 11 июля 1846 г. — ГПБ3; под загл. «Туче» — АН; авторизованная копия — ГПБ. См. также примеч. 26.

96. С2, с. 56. Черновой автограф с датой: 4 февраля 1847 г. — ГПБ4.

***97.** С, 1850, № 8, с. 141, без ст. 4, под загл. «Некрополис»; С2; ПСС, с купюрой ст. 4, без загл. Печ. по С, ст. 4, восст. по автогра-

фам. Автографы: с разночтениями и датой: 23 мая 1846 г. — ГПБ; под загл. «Божия нива» — ГПБ; авторизованная копия под загл. «Божия нива» — ГПБ.

98. БдЧ, 1851, № 10, с. 81, без ст. 13—15, 19—23, без эпиграфа, под загл. «Notturno». Печ. по С2, с. 58. Автографы: черновой, под загл. «Notturno», без эпиграфа, с датой: 21 августа 1845 г. — ГПБ; АН; без загл. — ПД. Источник эпиграфа не установлен.

99. С2, с. 60. Автографы: черновой, с датой: 10 июля 1846 г. и два с разночтениями — ГПБ; авторизованные копии — ПД; ГПБ. Положено на музыку А. А. Дерфельдтом.

***100.** БдЧ, 1851, № 9, с. 39, под загл. «Утро в горах», с датой: 30 июня 1851. Печ. по С2, с. 61. Автографы: под загл. «Утро в горах», с датой: 30 мая 1851 г. — ПД; ГПБ. В записке (от 30 июня?) Щ. писал В. П. Гаевскому: «Исправив все в этой пьесе *по Вашим указаниям,* посылаю ее Вам для напечатания там, где Вы признаете за лучшее для оправдания того, что было напечатано. Последние четыре стиха (одностопных) я оставил по-прежнему, по своим литературным соображениям относительно содержания и формы стихотворения, потому что пэан был у греков *встречный* гимн Солнцу — Аполлону (см. у трагиков). Последним этим четырем стихам я думал дать некоторым образом турнюру греческую. Впрочем, это пэан, переворoченный по-мóему, по моему характеру и взгляду на Грецию. . .» (ПД). См. пародию Д. Д. Минаева «Смертному».

101. ОЗ, 1855, № 1, с. 71.

102. С, 1850, № 8, с. 142, под загл. «В керамике». Печ. по С2, с. 66.

103. ОЗ, 1855, № 1, с. 69. Печ. по С2, с. 67.

104. ОЗ, 1851, № 3, с. 108, без эпиграфа. Печ. по С2, с. 69. Автограф с разночтениями, без эпиграфа — ГПБ4; авторизованные копии (2), без эпиграфа — ПД, ГПБ. Эпиграф — из трагедии Еврипида «Умоляющие» или «Просительницы» (см. примеч. 19).

105. ОЗ, 1855, № 1, с. 75. *Светоносный Аполлон* — здесь: солнце.

106. ОЗ, 1850, № 10, с. 317, с цензурными купюрами ст. 25—29, 32—33, под загл. «Мир и жизнь». Печ. по С2, с. 74. С2, ПСС — с датой: 1852. Автографы: черновой под загл. «Мир и жизнь», с датой: 22 августа 1850 г. — ГПБ; под загл. «Жизнь» — ГПБ; под загл. «Мир и жизнь» — ПД; авторизованная копия под загл. «Мир и жизнь», с датой: 22 августа 1850 г. — ПД. О тексте в ОЗ Щ. писал А. Н. Майкову 15 ноября 1853 г.: «Урезано, искажено» (БЛ). См. пародию Д. Д. Минаева «Смертному».

107. Южный сборник. Учено-литературный журнал, № 1, Одесса, 1859, с. 19, без строфы 8, под загл. «Песни». Печ. по РВ, 1860, № 4, с. 546. Авторизованная копия — ГПБ.

108. С, 1859, № 5, с. 96. Авторизованная копия — ГПБ.

***109.** С, 1851, № 1, с. 115, с цензурной (?) купюрой ст. 33—36; ОЗ, 1856, № 6; РВ, 1857, № 2. В С2 не включено. Печ. по ПСС, с. 133. Автографы — ПД, ГПБ; авторизованные копии: ПД; три — ГПБ.

110. С, 1860, № 2, с. 541. Авторизованная копия — ГПБ.

***111.** С, 1860, № 2, с. 542. Автограф — ПД; авторизованная копия — ГПБ.

112. С, 1860, № 2, с. 543. Авторизованная копия — ГПБ.

ЯМБЫ И ЭЛЕГИИ

113. ОЗ, 1856, № 4, с. 293, под загл. «Дума», Печ. по С2, с. 79. Автографы с разночтениями, под загл. «Христианская дума» — ЦГАЛИ; ПД; ГПБ; авторизованные копии: с разночтениями, под загл. сначала «Христианская дума», затем «Утешенье» — ПД; с разночтениями, под загл. «Христианская дума» — ГПБ; с разночтениями, под загл. «Утешенье» — ГПБ. К циклу «Ямбы и элегии» в С2 даны два эпиграфа. Первый — цитата из «Псалтыри», псалом 118, ст. 163: «Неправду возненавидех и омерзих»; второй — из труда французского утопического социалиста Франсуа Мари Шарля Фурье (1772—1837) «Théctie des quatre mouvements et des destinées générales» (1808): «Si nos destins étaient bornés à la triste civilisation actuelle, Dieu nous aurait donné des passions flasques et apathiques comme la philosophie les conseille, des passions convenables à la misérable existence que nous traînons depuis cinq mille ans. Leur activité, dont nous nous plaignons, est la garantie de notre bonheur futur» ⟨Если бы наши судьбы были ограничены унылой теперешней цивилизацией, господь дал бы нам слабые и спокойные страсти, как это рекомендует философия, страсти, подходящие к жалкому существованию, которое мы влачим в течение пяти тысяч лет. Их сила, на которую мы жалуемся, является ручательством нашего будущего счастья» — франц.⟩. Отсылая тетрадь с «Ямбами» В. П. Гаевскому, Щ. писал 13 ноября 1854 г.: «Все пьесы этой тетради выражают собою разные стороны или оттенки одной идеи, которая проведена чрез весь ансамбль стихотворений, так что все они вместе составляют как бы одно целое. Для этого я включил в тетрадь и некоторые слабые пьесы или хромающие формой в некоторых местах (которые можно бы было переделать, отделать и исправить, и они вышли бы, может быть, и comme il faut» (цит. по статье Р. Г. Магиной в сб.: Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1967, № 256, ч. 2, с. 5).

114. Раут. Литературный сборник в пользу Александринского детского приюта, изд. Н. В. Сушкова, М., 1851, с. 80, под загл. «Современный ямб». Печ. по С2, с. 81. Автографы: ЦГАЛИ, ПД; под загл. «Современный ямб» — ПД; с датой: 1848 — ГПБ; авторизованные копии, под загл. «Современный ямб» — ПД; ГПБ.

***115**. ОЗ, 1856, № 4, с. 295, с подзаголовком «Ямб». Печ. по С2, с. 83. Автографы: ГПБ; с разночтениями: два — ЦГАЛИ; ПД; ст. 21—32 в письме М. П. Корниловой от 6 декабря 1855 г. — ПД; ст. 29—40 — ПД; авторизованные копии ст. 1—16, 33—40 — ПД, ГПБ. Отрывок в письме к Корниловой (см. примеч. 75) сопровождается следующим текстом: «Учитесь, учитесь... Мария Петровна, всему русскому: русской истории, словесности, читайте памятники русской народности, научитесь читать и понимать церковно-славянские книги. Это необходимо для полноты отечественного образования... Пушкин, образованнейший человек в целой России, вот что он писал: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем пробел и недостаток своего воспитания». Вот как Пушкин высоко ставил наши русские мужицкие сказки... Учитесь же всему русскому, узнайте и самый быт русского мужичка, войдите в его положение, понятия, потребности: ведь Вы помещица... Полюбите мужичков, будьте для них сестрою или матерью: мы им всем обязаны, они своим трудом в поте лица доставляют нам и комфортабельные квартиры, и блестящие экипажи, и билет в итальянскую оперу, и дорогие наряды... А мы своим чудовищным псевдообразованием отделены от своего народа неизмеримым пространством, так что в нас он видит существа какого-то особенного рода, и мы ему чужды, и он нам чужд. Мы в отношении к нему не более как чужеядные растения... Грех и стыдно нам. Помещик, по русскому историческому преданию и родовому быту, должен быть патриархом своей единокровной семьи — своих крестьян... Письмо Ваше было лучше всех прежних писем: видно, что Вы сколько-нибудь развиваетесь и идете вперед душой: Вас интересует дело отечественного развития, и ученый диспут Северцова, и новый Московский журнал, Вас опечалила и смерть Грановского: о, это много для русской барышни, которая должна бы была оплакивать смерть только разве Поля Феваля или виконта Д'Арленкура, не подозревая существования Беранже и Барбье... Итак, Мария Петровна, развивайтесь правильно и здорово душою и сердцем, развивайтесь и питайте в сердце Вашем чувство безусловного добра и любви к правде. Займитесь образованием и сердца Вашего. Знание и ум только перешедшие через горнило сердца могут быть истинны, плодотворны и благотворны. Истребляйте в себе по возможности, насколько должно, чувство эгоизма. Старайтесь быть в обществе *мыслящих людей*. Это развивает нас более книг. Вырабатывайте свою личность и духовную самостоятельность, не будьте рабыней чужих мыслей, убеждений и печатной строки...» (ПД). В списке авторов, рекомендуемых Щ. Корниловой в одном из писем 1856 г. — Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, К. Д. Батюшков, И. А. Гончаров, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, А. И. Герцен и т. д. (ГПБ). См. также примеч. 116.

116. ОЗ, 1856, № 4, с. 296, ст. 39—62, под загл. «Отрывок из Ямба». Печ. по С2, с. 86. Автограф ст. 43—64 в письме М. П. Корниловой от 6 декабря 1855 г. — ПД. Эпиграф — из стихотворения французского поэта Анри Огюста Барбье (1805—1882) «Prologue» (1831). Отрывок в письме к Корниловой (см. примеч. 75) сопровождается следующим текстом: «...нас, русских, не сотрут ни ложное и дикое воспитание на заморских хлебах, ни вообще ложь и неправда не-

правд, ни в частности привившийся к нашим так называемым барышням какой-то стыд знать свое народное, отечественное: его язык, словесность, гражданское развитие и т. д. Пора бы им перестать болтать бессмысленно, как ученый попугай, на разных западных диалектах, не познав содержания западной гражданственности, истории науки, искусства и вообще западных идей... А между тем как бы много могла сделать и значить добрая русская женщина в русской государственной жизни. Оттого что у нас так ложно воспитаны женщины, матери, оттого у нас так много непроходимых дураков, взяточников, воров, пустых франтов, дармоедов, сердцеедов и тому подобной нравственной гнили и мишурной лжи. Или это, по крайней мере, одна из тысячи других причин... И, о боже, наши дамы ходят даже в свою православную церковь с французским молитвенником... Не сочтите, читая эти строки, что я ославянофилился: любя свою родную Русь, я глубоко уважаю Запад за его науку и гражданственность... Для русской женщины (впрочем, и мужчины — по Сеньке шапка) в обычае которой ничего не знать, что было и есть на святой Руси, чем она живет и движется, ее зла и добра, но между тем твердо знать количество и качество пуговиц на кафтане Людовика XIV, и качество пудры на парике какого-нибудь маркиза де Полиньяк, интересоваться тем, какое в настоящую минуту состояние термометра в Париже, словом всего того, в чем русская женщина полагает свое так называемое образование... А если она и увлекается и восхищается чем-либо *русским, отечественным*, то в слепоте души и в испорченности сердца принимает его зло за добро, его ложное за истинное, мишурное за золотое, безнравственное за нравственное, его пороки за добродетели... Sapienti sat ⟨умный поймет — лат.⟩... Наша беда в том, что мы хорошо знаем Париж, и Версаль, и Вестминстер, а не знаем, чем живет, питается, движется, положим, хоть Костромская и Владимирская губернии... Без этого мы никогда не будем полезными сынами отечества — смело можно сказать, из нас, даже из людей, имеющих притязание на мысль, ни один не знает России, между тем, как французы прежде всего изучают свою Францию, а англичане свою Англию... Оттого-то они и имеют право назвать себя цивилизованными и великими нациями» (ПД).

117. С2, с. 90, без ст. 25—28. Печ. по PC, 1873, № 2, с. 275. Автографы (2) — ЦГАЛИ, без эпиграфа и под загл. «К поэтам. Ямб», в письме Щ. к В. М. Лазаревскому от 19 июля 1856 г. Н. О. Лернер указывает, что автограф стихотворения с датой: 16 июля 1856 г. в 1910-е годы находился у С. В. Лазаревского, сына В. М. Лазаревского; с последним Щ. поддерживал дружеские отношения. 19 июля 1856 г. Щ. писал В. М. Лазаревскому: «Посылаю Вам ямб, еще начерно написанный, ибо, может быть, еще потребуется для него техническая отделка и поправки» (РБ, 1914, № 4, с. 16). *Лерминье* Жан-Луи-Эжен (1803—1857) — французский публицист. *«Мерзость запустенья»* — выражение из Библии (книга пророка Даниила, 9, 27; Матф., 24, 15).

118. ОЗ, 1856, № 6, с. 274; С2. Печ. по ПСС, с. 147. Автографы: под загл. «Молодое поколение» — ЦГАЛИ; с разночтениями, под загл. «Молодому поколению», «Молодое поколение» — ГПБ; автори-

зованная копия с разночтениями, под загл. «Молодое поколение» — ГПБ.

*119. С, 1856, № 6, с. 265, под загл. «Наш Гений»; С2, под загл. «Наш гений». Печ. по ПСС, с. 148. Автографы (2) ранней ред. — ГПБ; один — с датой: 25 апреля 1846 — ГПБ.

120. ОЗ, 1856, № 4, с. 294, под загл. «К поэту. Ямб»; С2. Печ. по РС, 1873, № 2, с. 274. Автографы: без загл. — ЦГАЛИ; под загл. «Ямб» — ПД. Эпиграф — цитата из Библии (Книга пророка Исайи, гл. 5, ст. 20).

121. С2, с. 100, с исправлением опечатки в ст. 16. Связано, по-видимому, с гибелью на Кавказской войне в начале 1856 г. младшего брата Щ. — Владимира Федоровича Щербины. А. А. Сонцов вспоминал в письме к Г. П. Данилевскому в 1869 г.: «Когда на Кавказе был убит его брат, которого он уговорил отправиться туда, он чуть с ума не сошел, ему казалось, что окровавленная тень его стоит над ним, и много ночей я сидел около него и тайно от него давал лекарство, укрепляющее нервы» (ИВ, 1891, № 1, с. 57). Сам Щ. писал 10 февраля 1856 г. В. Р. Зотову: «У меня теперь траурный месяц, и душа моя болит о смерти брата...» (ПД). 25 сентября 1856 г. он повторял в письме Г. П. Данилевскому: «Я думаю, что сойду с ума... а для этого есть все благоприятные данные. Голод свирепствует в этой юдоли плача, и вздохов, и стонов. Я ночь всю не спал, и такие страшные мысли и фантазии об убитом мальчике-брате пилили мое сердце и зажигали мозг» (ИВ, 1891, № 1, с. 46).

122. С, 1856, № 6, с. 263. Печ. по С2, с. 109. Автографы (2) — ЦГАЛИ. Авторизованные копии: под загл. «Современные куплеты» — ГПБ; с разночтениями и посвящением А. Ф. Ковалевской — ПД.

123. С2, с. 112. Печ. по РС, 1873, № 2, с. 272. Автографы: ЦГАЛИ; с разночтениями, под загл. «Молодому поколению» — ГПБ; авторизованная копия с разночтениями, под загл. «Молодому поколению» — ГПБ. В ПД сохранилась корректура стихотворения из С2 с цензурной пометой к 1-й строфе И. А. Гончарова: «Цензурный комитет не разрешает сравнения. Надо изменить. 18 января 1857 г. И. Гончаров». *Пусть, как апостолу, в минуту истомленья* и т. д. Имеется в виду отречение от Иисуса Христа апостола Петра, предсказанное Петру самим Христом: «прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня» (Евангелие от Матфея, гл. XXVI, ст. 75).

124. С, 1850, № 8, с. 145, с цензурными купюрами ст. 1—4, с подзаголовком «После чтения Эсхиловой трагедии „Прометей"»; С2, с цензурными купюрами ст. 3—4, 23—24, 27—28, с подзаголовком — «Отрывок». Печ. по РС, 1873, № 2, с. 273. Автографы: с разночтениями — ЦГАЛИ; ГПБ; с разночтениями, без ст. 25—28 — ГПБ; авторизованные копии: с разночтениями, с подзаголовком «После чтения Эсхиловой трагедии „Прометей"» — ГПБ; ПД. В письме к А. Н. Майкову от 15 ноября 1853 г. Щ. отмечал, что в С стих. напечатано в «обезображенном, урезанном виде» (БЛ).

***125.** С2, с. 116, в ст. 12 вместо «проклятия» — «болезненный», с купюрой строф 2, 4, 5, 10, под загл. «Строфы из современной вакхической песни». Печ. по РС, 1873, № 2, с. 271. Автографы: ранняя ред. под загл. «Песня на пиру (Харьковским друзьям)», с датой: 1844 — БЛ (опубл. в РМ, 1914, № 4, с. 125); строфы 10—12 — ГПБ; авторизованная копия под загл. «Грешная песня» — ГПБ.

***126.** ОЗ, 1856, № 4, с. 298. Печ. по С2, с. 119. Автографы — ПД; под загл. «Vade retro, Satana!» ⟨Отойди от меня, сатана! — лат.⟩, с датой: 27 августа 1845 г. — ГПБ4.

127. П, 1854, № 3, с. 6, под загл. «Мифра. Песня Гвебра»; ОЗ, 1856, № 6, без посвящения. Печ. по С2, с. 122. Автограф без посвящения — ПД. 24 февраля 1854 г. Щ. писал В. Р. Зотову: «Нельзя ли будет попробовать в числе этих стихов напечатать в «Пантеоне» пьесу «К солнцу», но переменив название пьесы, что необходимо для цензуры, на следующее: «Мифра. Песня Гвебра». Вы видите, что это, некоторым образом, педантическое название пьесы произошло только по крайней необходимости: впрочем, *из этой пьесы нельзя выпустить ни одного куплета,* и ее отнюдь нельзя будет напечатать. Но и название пьесы по необходимости выходит диким» (ПД).

128. М, 1853, № 1, с. 8. Печ. по ОЗ, № 6, с. 277. Автограф — БЛ.

***129.** Молодик, 1844, с. 85, без строфы 2, под загл. «Совет», подпись: ***. Печ. по ОЗ, 1856, № 6, с. 279. Автографы: соотв. ранней ред. — БЛ; два — ЦГАЛИ; БЛ; авторизованные копии (2), соотв. ранней ред. — ГПБ.

130. ОЗ, 1856, № 4, с. 299, с подзаголовком «Посвящается Марье Петровне Корниловой»; С2. Печ. по ПСС, с. 167. Авторизованные копии (2) с разночтениями — ГПБ; без посвящения — ПД. Предназначалось к публикации в 1851 г. 10 апреля 1851 г. Щ. писал В. П. Гаевскому: «В моей тетради есть одна пьеска под названием «Будущее». Если выпустить это название, заменив его хоть тремя звездочками и выпустить в средине четыре строчки, начиная со стиха:

Други! отрите же слезы,

то она может быть напечатана» (ГПБ). В 1851 г. публикация не состоялась; лишь 30 апреля 1856 г. Щ. писал М. П. Корниловой: «В апрельской книжке «Отечественных записок» будет напечатано 8 моих стихотворений в новом роде. Одно из них под названием «Будущее» посвящено вашему имени» (ГПБ). О М. П. Корниловой см. примеч. 75.

131. БдЧ, 1855, № 1, с. 14, с подзаголовком «Ямб» и датой: 1854. Печ. по С2, с. 130. Черновой автограф строф 1—3, с подзаголовком «Ямб» — ГПБ. Из письма Щ. В. Р. Зотову от 22 июля 1854 г. очевидно, что ст. 29—32 в первоначальном варианте автографа отсутствовали (ПД). Ответ критике на ГС (перечень рецензий см. в кн.: История русской литературы. Библиографический указатель, под ред. К. Д. Муратовой, М.—Л., 1962, с. 827) и на отзыв А. А. Григорьева

о ряде новых антологических стихов Щ., опубликованный в М (1853, № 1). Рецензенты, положительно оценившие первую книгу Щ., по его мнению, не уловили существа его дарования (за исключением А. Н. Майкова — см. примеч. 30). А. А. Григорьев писал: «Мы не можем не упрекнуть его ⟨Щербину. — *Г. Г.*⟩ в напряженности миросозерцания, в которой нельзя долго продержаться в наше время, которая может обратиться уже в неискренность... Нельзя же вечно «пожирать глазами» «неприкрытые белые плечи», вечно восхищаться самому и заставлять других восхищаться «дорической колонны красотой и простотой», — нельзя, при всем таланте автора, при всей увлекающей читателя страстности его, относиться в наше время к жизни с одним чувством красоты и т. д.». Мысли стихотворения Щ. развивает в программном письме к А. Н. Майкову от 15 ноября 1853 г.: «Стихотворения мои, названные печатно «Греческими», названы так по независящим от автора обстоятельствам. Разумную возможность такого названия я привязал к их внешней обстановке. Выражая в них свои убеждения, свое миросозерцание, свой характер, свою натуру, и вообще пантеизм, на почве которого зреют современная мысль и естественные науки и вне которого нет для меня разума (хоть и есть искусство), я не мог иначе, никак не мог иначе обставить мои стихотворения, как только обстановкою греческого мира, классического мира. Классические народы: евреи (религия), римляне (общественность, гражданственность, закон) и греки (искусство) суть нации всех наций, потому что они вошли основным началом в нашу жизнь, в наш быт, а потому греческий мир столько же родной нам, русским, сколько... и другим европейцам, поэтому я писатель чисто русский, хоть только без конечной, временной, преходящей обстановки русской в своих сочинениях... Бесконечное, по моим скромным понятиям, некоторым образом, более достойно искусства, чем конечное, т. е. временное, преходящее, призрачное... Мне грустно было, когда, по выходе книжки моих стихотворений, критика, судя по их названию, смотрела на них как на произведения, писанные в духе отжившего (хоть и вечно живущего на европейской почве) греческого мира... Мне кажется, современному писателю надо не иметь совершенно здравого рассудка, чтобы прикидываться Греком, тем более для меня, для которого вчера уже кажется старым, так я живу с современностью, горячо сочувствую всему современному» (БЛ, ПД). См. также отзыв А. А. Григорьева о данном стихотворении (М, 1855, № 1, с. 119). *Пирей* — бухта в Афинах. *Земля Гиперборейская.* Гипербореи (греч. — живущие на севере, за Бореем) — мифический народ, обитавший на севере.

*132. ОЗ, 1856, № 6, с. 275. Автографы: два — ЦГАЛИ; под загл. «Последняя песня» — ЦГАЛИ; ПД; ГПБ; авторизованные копии под загл. «Последняя песня» — ПД, ГПБ.

133. С2, с. 135. Автографы: под загл. «После чтения Евангелия», с разночтениями — ЦГАЛИ, ПД; авторизованные копии: под загл. «После чтения Евангелия» — ПД, ГПБ; под загл. «После чтения Евангелия. Посвящ⟨ено⟩ княжне В. Н. Репниной» и пометой неизвестного: «запрещено» — ПД; под загл. «После чтения Евангелия (Е. П. Воейковой)» — ГПБ. Репнина-Волконская Варвара Ни-

колаевна (1809—1891) — писательница, находилась в переписке с Гоголем и Шевченко; Щ. познакомился с ней в Одессе, в 1850 г.

134. С2, с. 137. Автограф с разночтениями — ГПБ; авторизованная копия, соотв. автографу, с датой: 15 декабря 1848 — ГПБ. Н. Г. Чернышевский, высоко оценивая талант Щ., приводит это стихотворение как наиболее характерный пример его «Ямбов», о которых пишет: «Мысль каждого ямба — благородна, жива, современна; но она остается отвлеченною мыслью, не воплощаясь в поэтическом образе, — она остается холодною сентенциею... она остается вне области поэзии, как то и усиливался сделать поэт, по его собственному признанию» (С, 1857, № 3, с. 13; также в кн.: Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 4, М., 1948, с. 537).

135. ОЗ, 1856, № 2, с. 395, дата: 1855. С2, ПСС — дата: 1854. Печ. по С2, с. 139. Посвящено, по-видимому, как и № 163, М. П. Корниловой (см. примеч. 75). О публикации в ОЗ Щ. писал В. Р. Зотову 10 февраля 1856 г.: «наборщик в пьесе «Миньйоне» вместо (в предпоследнем стихе)

Я жду и стройности, и блага

набрал:

Я жду и счастия, и блага,

чем некоторым образом исказил мысль пьесы, что не мешало бы означить хоть в опечатках. Это меня несколько огорчило» (ПД). *Миньона* — героиня произведения Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера».

136. ОЗ, 1856, № 4, с. 297, с подзаголовком «Ямб»; БдЧ, 1856, № 9. Печ. по С2, с. 141. Автограф с разночтениями — ПД.

*137. ОЗ, 1856, № 6, с. 273. Автографы: с датой: 1848 — ГПБ; с датой: 13 ноября 1853 — ГПБ; без ст. 9—12 — ЦГАЛИ; два — ЦГАЛИ; авторизованные копии (2) — ГПБ.

138. С2, с. 148. Печ. по ПСС, с. 175. Автографы (2), без подзаголовка, с разночтениями — ЦГАЛИ. *Хвощинская* Надежда Дмитриевна (1825—1889), в замужестве Зайончковская — писательница (печаталась под псевдонимом В. Крестовский); Щ. познакомился с ней, по-видимому, в 1853 г. во время ее пребывания в Москве, неоднократно встречался в Петербурге; между ними существовала переписка (см.: РБ, 1914, № 4; А. В. Багрий. Заметки о Н. Ф. Щербине, Баку, 1925).

139. М, 1853, № 1, с. 16. *И, в руке с этой веткой душистой* и т. д. В 514 г. до н. э. два афинских юноши Гармодий и Аристогитон, скрыв кинжалы под миртовыми венками, сумели обмануть бдительность стражи и убить тирана Гиппарха (VI в. до н. э.). В древней Греции Гармодий и Аристогитон считались восстановителями свободы.

140. С, 1859, № 11, с. 319. Печ. по ПСС, с. 177. Авторизованные копии (2) — ПД; ГПБ.

141. РВ, 1859, № 3, с. 181, с посвящением Анне Федоровне Ковалевской, дата: 1858; Гражданские мотивы. Сборник современных стихотворений, СПб., 1863, с разночтениями, без подзаголовка, посвящения, б. д. Авторизованная копия с датой: 1856 — ГПБ.

142. Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца — издателя А. Ф. Смирдина, т. 6, СПб., 1859, с. 143, строфы 1, 5, 6, под загл. «Отрывок из ямбов». Печ. по ПСС, с. 132. Автографы: под загл. «Тосты на Новый год» и с пометой Щ.: «16 мая 1857 г. Александре Ильиничне Корниловой» — ГПБ; строфы 1, 5, 6 под загл. «Отрывок из ямба», с датой: 1856 г. — ЦГАЛИ; авторизованная копия, с подзаголовком «Ямб», с датой: 1855 — ГПБ.

РУССКИЕ ПЕСНИ НА ЧУЖБИНЕ

143. РВ, 1862, № 1, с. 411, с подзаголовком «Из стихотворений: Русские песни на чужбине». Печ. по ПСС, с. 231. Черновой, с датой: 6 мая, и беловой автографы — ГПБ8; авторизованная копия — ГПБ. В марте — августе 1861 г. Щ. совершил путешествие по Европе. В 1912 г. В. Я. Брюсовым была отредактирована статья А. Кондратьева об этом путешествии Щ. за границу, оставшаяся неопубликованной (см. об этом в письме А. Кондратьева С. Н. Шубинскому от 7 ноября 1912 г. — ГПБ). В дневнике Щ., начатом в день отъезда — 8 (20) марта и озаглавленном первоначально «Путевые наброски русского ленивца и ипохондрика», приведен следующий список городов, в которых он «жил от одного дня до одного месяца, включая в это число города, которые проезжал»: Берлин, Париж (3 недели), Марсель, Генуя, Неаполь, Рим, Флоренция, Болонья, Милан, Лозанна, Женева, Базель, Баден-Баден, Париж, Dieppe, остров Уайт (Вентнор), Лондон, Париж, Гамбург, Любек (ПД). Черновой автограф в «Путевых набросках...» сопровождает запись: «7 мая. Приехали в Сорренто, где из Hôtel la Sirena любовались очаровательнейшим в мире видом моря, гор, городков. Здесь мне взбежали на душу стихи, которые я докончил в Неаполе» (ГПБ). *Сорренто* — город в Италии на берегу Неаполитанского залива. *Песня Волги удалая* и т. д. В «Сборник Русских народных песен», задуманный Щ., должны были войти песни, «записанные им от волжских бурлаков во время поездки его по Волге от Твери до Астрахани» в 1860 г. (ПД). См. также: Н. Ф. Янчук, Щербина как этнограф. — Журнал министерства народного просвещения, 1907, № 7, с. 72—98. *Калабрийские высоты* — юго-западное побережье Италии; омываются Тирренским морем.

144. День, 1862, 6 января, с подзаголовком «Из стихотворений: Русские песни на чужбине». Печ. по ПСС, с. 233, дата: 4 августа 1861 г. Автограф с разночтениями и пометой: «Лондон, Вентнор, на острове Уайте, 22 июля 1861 г.» — ГПБ8; авторизованная копия — ГПБ8. В «Путевых набросках...» Щ. писал 16 июля: «В Англии нет истинной свободы, но есть строгая законность. Аристократ может изломать палку на спине простолюдина даже за то, что он развалился с ним вместе на скамье в публичном месте и невежливо стеснил его, — ну, что ж, заплатит ему по суду штраф. У нас даже

и не заплатит, и до суда не дойдет. В Англии свобода для аристократов и буржуазии, для людей с известными средствами, капиталом, состоянием; народ — раб буржуазии и аристократии, и раб по той причине, что наделен желудком и, по бедности своей, не образован; фабриканты, землевладельцы, промышленники вертят им, как хотят, считая почти своим рабочим скотом; они его хитро взяли в свои руки и опутали так, что лишили его возможности даже им сопротивляться, что не мешает, впрочем, народу пользоваться благом законности; но вопрос, — к чему она служит, и когда и в каком отношении предстоит надобность прибегнуть к ней? ...Поездка за границу окончательно утвердила меня в русофильстве и славянофильстве и прибавила веру в практическую и глубоко умную правду того, что пишет о Западе NN ⟨Герцен?⟩; но это, правда, впечатления русского человека» (ПСС, с. 375—376, 379).

145. День, 1862, 16 февраля, с подзаголовком «Из стихотворений: Русские песни на чужбине». Автографы (2): черновой, сначала под загл. «Гладиатору в Капитолии», затем — «Перед статуей Гладиатора в Капитолии» — ГПБ8; авторизованная копия — ГПБ. Черновому автографу в «Путевых набросках...» предшествует запись: «Были на Форуме, где видели развалины храмов, в Капитолии, с его картинной и скульптурной галереей, в темнице святого Петра, в Колизее» (ГПБ8). *Капитолий.* Имеется в виду Капитолийский музей в Риме, где есть знаменитая статуя гладиатора.

146. ПСС, с. 235. Автографы черновые (2), один без загл., с пометой «Вентнор. Parsonage House. 1861 года, июня 19/7», другой, сначала под загл. «В Вентноре», затем — «На острове Уайте», с пометой: «Остров Уайт. Вентнор (Parsonage House), 19/7 июля 1861 г.» — ГПБ8; беловой, сначала под загл. «В чужом городе», затем — «The Parsonage House» — ГПБ8; авторизованная копия — ГПБ. См. запись Щ. от 16 июля 1861 г. в «Путевых набросках...» (ПСС, с. 378).

147. День, 1862, 3 февраля. Автограф — ГПБ8; авторизованная копия — ГПБ. Щ. выехал из Петербурга 8 (20) марта 1861 г. 14 марта он писал в «Путевых набросках...»: «В Ковно лед тронулся, едва успели переправиться в лодке на противоположный берег Немана, где в местечке провели день до другого утра в бедной, сырой польской кондитерской, наняв в ней помещение в сутки за 10 рублей серебром, потом поехали по железной дороге (еще не открытой для публики) бесплатно до границы... Ехали по Пруссии, и долго еще в видах и во всем не было разницы с Россиею. В Бранденбургии уже показалась значительная разница» (ГПБ).

148. РВ, 1862, № 6, с. 551. Автограф — ГПБ8; авторизованная копия — ГПБ. Дата восстанавливается на основании записи в «Путевых набросках...» (см. ниже). Эпиграф взят, по-видимому, из подготовленного Щ. «Сборника русских народных песен». Приехав в Италию, Щ. писал в «Путевых набросках...»: «Убитое, позабытое античное чувство, заменившееся русским народным чувством, вновь, хоть глухо, воскресило безнадежный, но прекрасный древний мир!»

(ПСС, с. 372). 24 мая, во Флоренции, Щ. писал: «Был с С. П. Шевыревым в галерее Питти, где видели Венеру Кановы и... в Трибуне, где Венера Медичейская и мадонны Рафаэля; был в музее натуральной истории. Вечером ездил на гулянье, называемое Кашйно. У себя вечером виделся с русскими гарибальдийцами М⟨ечниковым ?⟩ и П***» (ГПБ). *Трибуна* — зал в галерее Уффици во Флоренции. *Обитель искусства Елизейская* — здесь: место красоты и счастья. *Статуя богини Медичейской* — статуя Афродиты во Флоренции.

149. РВ, 1862, № 2, с. 817. Автограф — ГПБ8; авторизованная копия — ГПБ. 5 июня 1861 г. Щ. писал в «Путевых набросках...»: «Мы выехали из Ароны на vetturino, огибая озеро Lago Maggiore... потом начали вступать в Альпы и ночевали в Домо-д'Оссоло. Из него мы поехали известною горною Симплонскою дорогою и таким образом вступили в Швейцарию» (ГПБ). *Симплонская дорога* — дорога, проходящая через Альпы и соединяющая Италию со Швейцарией. *Веттурин* (итал. «vetturino») — извозчик.

150. РВ, 1862, № 2, с. 819, под загл. «В Бельведере», со строфическим делением. Печ. по ПСС, с. 239, с исправлением опечатки в ст. 15 по автографу ГПБ8. Авторизованная копия — ГПБ. 18 мая Щ. писал в «Путевых набросках...»: «Были... в Ватикане в его библиотеке, в скульптурной галерее, и в галерее Этрусской. В ватиканской библиотеке видели, между прочим, и собрания образов византийской живописи, равно византийские мозаики образов и икон в других некоторых церквях, а также и в Бурбонском музее в Неаполе, что напомнило нам Москву, ее образа и нашу русскую суздальскую живопись» (ГПБ). *Бельведер* — музей Ватиканского дворца в Риме.

***151.** ПСС, с. 240. Автографы: 4 строфы, под загл. «Впечатления», дата: 1843 — БЛ; с разночтениями, под загл. «Lago Maggiore» — ГПБ8.

152. ОЗ, 1856, № 6, с. 279, под загл. «Песня московскому ополчению», без строфы 11. Печ. по ПСС, с. 242. В 1855 г., в период Восточной войны, было созвано народное ополчение численностью около 240 000 человек; части ополчения формировались по губерниям и городам, в том числе и Москве. *Дядя Миныч* — Козьма Минин. *И двенадцатого года* и т. д. Речь идет о партизанском движении в период Отечественной войны 1812 г.

153. День, 1864, 26 сентября; Пчела. Сборник для народного чтения и для употребления при народном обучении. Сост. Н. Щербина, СПб., 1865, с подзаголовком «Из стихотворений Челяковского. Перевод с чешского». Печ. по ПСС, с. 244. Текст первой публикации с правкой Щ. — ГПБ. Перевод стихотворения Франтишека Ладислава Челаковского (или *Челяковского*) (1799—1852) «Velikâ panichida» из книги «Ohlas písní ruských» (1829). Положено на музыку Н. И. Казакли. *Не от ливня, не от града* и т. д. Имеется в виду Отечественная война 1812 г.

154. РВ, 1860, № 10, с. 921, с перестановкой ст. 439 на место 398; Пчела. Сборник для народного чтения и для употребления при народном обучении. Сост. Н. Щербина, СПб., 1865, с подзаголовком «Народная былина сербская» и сокращенными примеч. Щ. Печ. по ПСС, с. 245. Автограф — ГПБ. См. примеч. Щ. к поэме на с. 235. Приступая к ним, Щ. писал В. И. Ламанскому: «Я к вам, как к знатоку, с покорнейшею просьбою. У меня есть перевод в стихах народной сербской поэмы «Йово и Мара». К этому переводу нужно сделать несколько примечаний, спросить у Вас кое о чем и навести справки в Ваших книгах» (РМ, 1915, № 11, с. 132). А. Ф. Гильфердинг в предисловии к «Онежским былинам» (СПб., 1873) указывает на знакомство крестьян с этим переводом Щ., по-видимому, по изданию «Пчелы».

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ «ЭФЕМЕРИДЫ»

155. ОЗ, 1851, № 3, с. 107, с посвящением М. С. Щепкину, без строфы 3. Печ. по ОЗ, 1856, № 4 с. 300. Автографы: черновой, с датой: 21 июня 1846 — ГПБ; два — ПД; с датой: 1848 — ГПБ; два с разночтениями — ЦГАЛИ; АН; ГИМ; авторизованные копии: с посвящением рукой Щ. М. С. Щепкину — ПД; две — ГПБ. В С2 стих. данного цикла (№№ 155—167) озаглавлены: «Из стихотворений „Эфемериды"» и сопровождены эпиграфом: «Ephémérides (du grec ἐφημερίς journal...)... On donne aussi ce nom à des livres qui contiennent les événements de chaque jour. (Dictionnaire)». ⟨Эфемериды (от греческого дневника...)... Так называют также книги, содержащие обзор ежедневных событий. (Словарь). — франц.⟩. О первой публикации Щ. писал В. П. Гаевскому 3 апреля 1851 г.: «Прошедшее письмо мое я написал к Вам, не получив еще в Москве мартовской книжки «Отечеств⟨енных⟩ записок»; рассмотрев ее, я был ею крайне опечален. Я не думал, чтоб там в таком виде могла напечататься „Тишина"» (ГПБ). Писатель О. А. Рабинович писал Щ. по поводу этой публикации 24 мая 1851 г.: «...признаюсь, когда мы прочли вашу «Тишину» в печати, мы только пожимали плечами от удивления. Пропуском последней строфы, в которой заключается вся идея, отнят всякий смысл у этого несравненного стихотворения. Напечатав вашу пьесу без окончания, журнал навязал вам идею, в которую вы не веруете, а читатель, не зная истинной мысли вашей, вправе спросить: «А мне какое дело до этого?» Грустно видеть, как безбожно коверкают ваши образцовые произведения, полные истины и вдохновения! Кто, зная вас, не скажет, что «Тишина» вылилась прямо из вашей души? Но та «Тишина», которую мы все знаем на память, которая заставляла нас всех опускать грустно головы, когда вы ее нам прочитывали, а не эта бесцветная пьеска, которая решительно похожа на ящерицу с отрубленным хвостом...» (ПД). *Щепкин* Михаил Семенович (1788—1863) — знаменитый русский актер. Щ. познакомился с ним в Одессе, в июле 1850 г.; впоследствии встречался с ним в Москве.

156. БдЧ, 1850, № 12, с. 11. Печ. по С2, с. 157. Автограф — ГПБ; авторизованные копии — ПД; две — ГПБ.

*157. Молодик, 1844, с. 74, подпись: ***. Печ. по С2, с. 159. Датируется по первой публикации и автографу поздней ред. — ГПБ4; строфическое деление ст. 9—16 — по автографу ГПБ4. Автографы: поздняя ред., с датой: 1855 — ГПБ4; с разночтениями — ЦГАЛИ; без строф 2, 3, с разночтениями — ЦГАЛИ; авторизованные копии (соотв. Молодику, 1844) — ПД, ГПБ.

158. С2, с. 161. Автографы: с датой: 13 марта 1846 — ГПБ4; без загл. — ГПБ3; ЦГАЛИ. Авторизованные копии — ПД; без загл. — ГПБ. Перевод стихотворения Байрона «Remembrance» (1806). Положено на музыку П. П. Сокальским и В. И. Главачем. В издании сочинений Байрона под ред. С. А. Венгерова (т. 3, М., 1905, с. 488) Щ. приписывается иной перевод этого стихотворения под загл. «Воспоминанье». В архиве Венгерова автограф этого перевода отсутствует. Перевод, данный Венгеровым, приводится в ряде последующих изданий Байрона на русский язык, включающих это стихотворение. Принадлежность его Щ. представляется сомнительной.

159. С2, с. 162. Автографы: ГПБ, ЦГАЛИ; без загл. — ЦГАЛИ; авторизованные копии — ПД, ГПБ. Положено на музыку П. И. Чайковским.

160. С2, с. 163. Автографы: ЦГАЛИ; с разночтениями, под загл. «А ***» — ГПБ2; с разночтениями, под загл. «К А ***» — ЦГАЛИ; авторизованные копии: ГПБ; с разночтениями — ПД, ГПБ.

161. Раут. Литературный сборник в пользу Александринского детского приюта, изд. Н. В. Сушкова, М., 1851, с. 16, подпись: Н. Щ. Печ. по С2, с. 165. Автограф ст. 17—20 (сохранившаяся часть листа) — ГПБ4; авторизованная копия под загл. «Лиана», с разночтениями — ГПБ.

162. С, 1851, № 3, с. 141, с цензурной купюрой ст. 26—30, 49, 50. Печ. по С2, с. 167. Автографы: черновой, с датой: 13 февраля 1851 — ПД; с пометой В. П. Гаевского: «Напечатаны в мартовской книжке «Современника», но искажены цензурою» — ГПБ; с разночтениями, датой: 1846 — ЦГАЛИ; авторизованная копия с разночтениями, без ст. 11—14 — ГПБ.

163. ОЗ, 1855, № 1, с. 70. Автографы: с измененным порядком ст. в строфе 4, датой: 17 августа 1854 — ГПБ; под загл. «Л ***», с датой: 17 августа 1854 — ГПБ. Об М. П. *Корниловой* см. примеч. 75. Лето 1854 г. Щ. провел в имении Корниловых в с. Дубровицкое, Костромской губ. 25 ноября он писал М. П. Корниловой: «Если существа такого чистого возраста и святого состояния так мне сочувствуют — значит, я — не совсем дурной человек... и это меня оживляет и делает жизнь легче» (ГПБ). *Миньйона* — см. примеч. 135.

164. П, 1853, № 3, с. 4. Черновой автограф с пометой неизвестного: «В сборник непременно. 1 сентября 1853 г.» — ГПБ. Датируется по наличию в тетради с общим подзаголовком: «Стихотворения 1853 г. Июнь — август». Положено на музыку В. Т. Соколовым.

165. С2, с. 174. Автограф — ЦГАЛИ. Обращено к С. А. Сонцовой, дочери приятеля Щ. А. А. Сонцова, впоследствии вице-губернатора Таврической губернии.

***166.** С2, с. 176. Автографы: ст. 1—20, под загл. «Исповедь. (К К. Ф. М.)» — ГПБ; с измененным порядком ст. 32—40, под загл. «Катерине Федоровне Миллер», со строфическим делением, с датой: 26—28 февраля 1851 — ГПБ. Адресовано, возможно, Екатерине Федоровне Миллер (р. 1830 или 1831) — дочери бывшего московского полицмейстера.

***167.** ПСС, с. 272. Датируется по черновому автографу и времени подготовки ПСС. Автографы: черновой без строфы 3, под загл. «Наша молодость», с датой: 8 марта 1846 — ГПБ3; черновой под загл. «Болезнь» — ГПБ4; с разночтениями — ГПБ4; с разночтениями, под загл. «Наша болезнь» — ЦГАЛИ; ГПБ5; ПД; с разночтениями, под загл. «Современная болезнь» — ЦГАЛИ; авторизованные копии с разночтениями — ПД, ГПБ.

АЛЬБОМ ИПОХОНДРИКА

168. РС, 1872, № 3, с. 60; ПСС, в первом из «Аттестатов студиозусам семинарии». Печ. по АИ, с. 97. Автографы: ГПБ6, ГПБ7; три — ПД.

169. РС, 1873, № 1, с. 115. Автографы: под загл. «Нежинским и одесским грекам» — ПД; под загл. «Нынешним грекам (Ямб)» — ПД; под загл. «Т*****ским грекам», с датой: 1844 — ГПБ2; два под загл. «Т — . . . . .ским грекам», один из них с датой: апрель 1844 — ГПБ; с разночтениями, под загл. «Современным грекам», затем «Ямб» — ГПБ; ЦГАЛИ; авторизованная копия — ГПБ6. Ср. со стих. В. А. Жуковского «Древние и новые греки» (1814). *Что звали древние болотом* и т. д. Азовское море древние греки называли Меотическим озером. *Танаис* — греческое название реки Дона. *Народ воинственный блуждал.* С VII в. до н. э. по IV в. н. э. степные пространства Северного Причерноморья между Доном и Дунаем занимали кочевые племена воинственных скифов; в долине реки Кубани и ее притоков, по восточному берегу Азовского моря жили племена меотов; в степях Задонья и Заволжья — племена сарматов. *Герострат* — грек, поджегший храм Артемиды Эфесской в 356 до н. э., с целью обессмертить свое имя. *Терсит* — герой «Илиады»; по преданию — болтливый, злобный, самый безобразный из всех греков и т. д. *Парфенон* — см. примеч. 29. *Ущелье Термопил.* В 480 до н. э. 300 спартанцев во главе с царем Леонидом оборонялись в ущелье Термопил (или Фермопил) от армии персов; преданные одним из греков, предпочли смерть плену. *Носить турецкие оковы.* В 1453 г. Греция была порабощена Турцией; турецкое иго было сброшено в результате освободительной борьбы греков в 1821—1827 гг.

170. РС, 1872, № 1, с. 155, под загл. «Эпитафия». В ПСС не включено. Печ. по РС, загл. восстанавливается по АИ. Автограф —

ГПБ6. Посылая эпиграмму В. М. Лазаревскому 30 мая 1845 г., Щ. писал: «Профессор Платонов... Вот поразительная новость... Платонов пишет стихи!!! Первый дебют его на этом поприще — две эпитафии себе и жене, которые он завещает написать на могиле своей» (РБ, 1914, № 4, с. 14). Платонов Иван Васильевич (1803—1890) — с 1834 по 1865 г. преподаватель, затем профессор Харьковского университета по кафедре законов о государственном устройстве и благочинии; с 1865 — почетный член Харьковского университета; Щ. с 1839 по 1849 г. жил в Харькове, был близок к студенческой молодежи; в первой половине 1840-х годов сделал неудачную попытку поступить в университет. См. также вступит. статью, с. 9.

171. РБ, 1914, № 4, с. 15, в письме Щ. к В. М. Лазаревскому от 30 мая 1845 г. Эпитафия И. В. Платонову (см. примеч. 170) и его жене; написана за 45 лет до смерти Платонова.

172. РС, 1872, № 1, с. 156, с ошибками, с купюрой строк 3—7 в загл.; ПСС, с заменой имени «Иван Платонов» в загл. на «Степан Харитонов», в оглавлении дата: 1846; АИ — с предположительной датой: 1845. Печ. по ПСС (Лон.); датируется по связи с эпитафиями №№ 170, 171 и письмом Щ. к В. М. Лазаревскому от 30 мая 1845 г. (РБ, 1914, № 4, с. 12—15). Автограф — ПД; авторизованная копия — ГПБ6. *«Мечты и звуки»* — пародируется название стихотворных сборников. Об И. В. Платонове см. примеч. 170. *Куницын* Алексей Васильевич (1807—1883) — с 1835 по 1862 г. преподаватель, затем профессор гражданского права в Харьковском университете; находился в дружеских отношениях с И. В. Платоновым. *Аспазия* (р. ок. 470 до н. э.) — женщина, прославившаяся в Древней Греции красотой и умом, гражданская жена Перикла. *Д'Арк Иоанна* (или Жанна) (ок. 1412—1431) — национальная французская героиня, возглавившая борьбу французского народа против Англии во время Столетней войны. *Петрарка* Франческо (1304—1374) — итальянский поэт.

173. ПСС, с. 291, примеч. Щ. написано не ранее 1848 г. Автограф — ПД. Авторизованная копия — ГПБ6. Ср. со вторым из «Аттестатов студиозусам семинарии» (ПСС, с. 283—286; АИ, с. 93—99). *Елагин* Николай Васильевич (1817—1891) — духовный писатель, с 1848 г. — цензор; на этом посту стяжал себе анекдотическую известность.

174. Литературные вечера, вып. 2, Одесса, 1850, с. 346, без подзаголовка, подпись: Н. Омега, ц. р. 17 июня 1850 г.; РС, 1872, № 1, с. 156. Печ. по ПСС, с. 292. Автографы: ПД; без подзаголовка — ГПБ7; ГПБ; авторизованная копия — ГПБ6. Пародируется лирика, поэтизирующая будничные переживания героев.

175. РС, 1872, № 1, с. 155, под загл. «Эпитафия купцу». Печ. по ПСС, с. 292. Автографы: черновой, под загл. «Эпитафия купцу», с датой: 1851 — ГПБ7; под загл. «Мысль на могиле русского купца», с датой: 1852 — ГПБ; ПД; авторизованная копия — ГПБ6.

176. РС, 1872, № 1, с. 153; с купюрой в имени Сушкова — ПСС, с. 293, под загл. «Двойное горе. 22 февраля 1852 г. (У гроба Гого-

ля)»; ПСС (Лон.), с купюрой в имени Сушкова. Печ. по ПСС, загл. восстанавливается по ПСС (Лон.). Автографы: ГПБ, ПД; под загл. «Двойное горе. (Москва. 22 февраля 1852 г.)» с автоцензурой в ст. 4 — «Нульков» вместо «Сушков», с разночтениями и подписью: Николаки Омега — ГПБ7; авторизованная копия — ГПБ6. Перифраз отрывка из перевода В. А. Жуковского баллады Шиллера «Das Siegesfest» (1803) — «Торжество победителей». *Гоголь* умер 21 февраля 1852 г. *Сушков* Николай Васильевич (1796—1871) — драматург и поэт, имя которого было синонимом бездарного писателя. См. также №№ 184, 197 и примеч. к ним.

177. РС, 1872, № 1, с. 158, под загл. «Хвалебная песнь блаженному борзописцу NN „литературы ради юродивому“», подпись: Ефрем Сирин; ПСС, под загл. «Хвалебная песнь блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому», с произвольной заменой слова «чаепродавче» в ст. 11 на «суконпродавче»; ПСС (Лон.), под загл. «Хвалебная песнь блаженному борзописцу Василию Б*, литературы ради юродивому». Печ. по ПСС (Лон.), загл. восстанавливается по АИ. Авторизованная копия — ГПБ6. Стилизация в духе акафиста Богородице. *Боткин* Василий Петрович (1811—1869) — писатель, критик и публицист, друг Белинского, Герцена, Бакунина. *Радуйся, Испании невидание* и т. д. Во второй половине 1845 — первой половине 1846 г. Боткин совершил путешествие по Испании, в результате которого им были написаны шесть «Писем об Испании» (С, 1847, №№ 3, 10, 12; 1848, № 11; 1849, №№ 1, 11) и очерк «Гранада и Альамбра» (С, 1851, № 1), посвященные истории, политическому и социальному положению Испании того периода, с описанием ее быта и природы. *Радуйся, о живописи трактование.* Боткин занимался изучением мировой живописи и архитектуры; его перу принадлежит ряд специальных статей о художественных выставках (перечень их см. в библиографии его трудов в статье Б. Ф. Егорова «В. П. Боткин — литератор и критик». — Ученые записки Тартуского университета, 1963, вып. 139, с. 72—78). *Радуйся, о музыке рассуждение.* Перечень музыкально-критических статей Боткина см. в указанной статье Б. Ф. Егорова. *О, плешивый чаепродавче, радуйся!* Боткин был сыном московского чаеторговца. Д. Григорович писал об этой эпиграмме Щ.: «Гнусная клевета от начала до конца! В. П. Боткин долго жил в Испании; живопись понимал отлично, музыку понимал так же; говорил всегда умно и много знал; был любим женщинами; жандармов боялся — это правда; но в России в то время простительнее было бояться жандармов, чем, подобно Щербине, бояться мнения о своих стихах городового, если бы городовой знал грамоте» (Литературное приложение к «Ниве», 1901, № 11, с. 388).

178. ПСС (Лон.), с. 295, с заменой в загл. «Акафист» на «Хвалебная песнь», купюрой имени Авдотьи Глинки в загл. и тексте и заменой в ст. 1 названия «Капля» на «Псалтырь», в ст. 8 имени «Федор» на «супруг», с подписью: Ефрем Сирин; РС, 1891, № 3. Печ. по АИ, с. 66. Автографы (2) — ПД; авторизованная копия — ГПБ6. Стилизация в духе акафиста Богородице. *Глинка* Авдотья Павловна (1795—1863) — писательница, поэтесса и переводчица, жена *Федора* Николаевича Глинки (1786—1880) — поэта и публи-

циста, в молодости декабриста, одного из вождей «Союза благоденствия», впоследствии — мистика и реакционера; А. П. Глинка занималась благотворительной деятельностью; в середине 1840-х годов, заведуя Яузской частью Московского Благотворительного общества, она задумала учредить «Товарищество доброхотной копейки»; составленный ею в 1845 г. проект этого общества был опубликован лишь в 1863 г. *Радуйся, «Капли» читание.* «Таинственная капля» — мистическая поэма Ф. Н. Глинки, неоднократно читавшаяся автором в литературных салонах Москвы и Петербурга, опубликованная впервые в Берлине, в 1861 г. *Радуйся, Гегеля проклинание.* А. П. Глинка не принимала новых течений в литературе и увлечения идеалистической философией Гегеля в среде русской литературной молодежи. *Радуйся, псалмов писание.* Ф. Н. Глинке принадлежат ряд переложений псалмов, вошедших в сборник его стихотворений «Опыты священной поэзии» (1826). *Радуйся, на арфе играние.* Игра на арфе и фортепьяно (особенно в молодости) была любимым занятием А. П. Глинки. *Радуйся, к «натуральной школе» омерзение* — т. е. неприятие реалистического метода в искусстве и литературе. *Орлова* Прасковья Ивановна (1815—1900) — актриса, выступавшая на сценах Москвы, Одессы, Петербурга; во время Крымской войны находилась в Севастополе в качестве сестры милосердия. В молодости была известна своими многочисленными любовными историями (см. также № 198).

179. РС, 1872, № 1, с. 154, с купюрой в примеч. Щ. Печ. по ПСС, с. 295. Автограф — ГПБ6. В *Иверской часовне* (в Москве) находилась «чудотворная» икона, привлекавшая не только верующих, но и мошенников. *Шевырев* Степан Петрович (1806—1864) — профессор русской словесности в Московском университете с 1837 г., академик; реакционный критик и публицист; его сонет «Часовня Иверской богоматери» опубликован в «Москвитянине» (1848, № 1).

180. С, 1853, № 10, с. 232, в фельетоне И. И. Панаева «Несколько слов о влиянии осени на журналистику и литературу. (Заметки „Нового поэта")», с купюрой слов «рьяного витию» в ст. 17, слов «до мелкой пряжки» в ст. 33, с произвольным курсивом, без примеч. Щ.; РС, 1872, № 1, под загл. «Чухонские Афины», с купюрой слова «снобсов» в ст. 17, без строфы 10. Печ. по ПСС, с. 295. Автографы: ГПБ, ГПБ6; два — ПД. 27 сентября 1853 г. В. П. Гаевский писал Щ.: «Стихи, как я слышал, доставлены кем-то из Москвы Панаеву, который хочет их напечатать в «Новом поэте», что, я думаю, будет Вам не по вкусу, по многим причинам, из которых важнейшая та, что если «Новый поэт» и решится на такое самообвинение (по примеру Булгарина, напечатавшего в «Северном архиве» «Не то беда, что ты поляк»), то решится не иначе, как без намека на сочинения Симашко и с пропуском нескольких более рельефных строк, и тогда просто хоть перепечатывать или сочинять новую физиологию» (ПД). 16 октября 1853 г. после публикации «Физиологии» И. И. Панаевым, с пропусками, частично предсказанными Гаевским, Щ. писал В. Р. Зотову: «„Новый поэт", напечатав сам свою «Физиологию», напечатал то, чего не могли бы напечатать другие журналы, по очевидной причине, и дал тем возможность в других фельетонах цитировать эту

«физиологию» с различными прибавлениями и замечаниями. В этом случае он поступил крайне необдуманно и бестактно. Кроме того, он, в простоте сердца, сам на себя написал сатиру в прозе в pendent к стихам, не замечая того, где, между прочим, забавно клянется, уверяя публику, что голландское полотно ему не диковинка и что он родился в батисте. Еще он говорит: значит, я имею значение, что на меня пишут сатиры... Его журнальный антагонист может легко на это возразить: «Какое нравственное значение имеют мухи, а их же бьют хлопушками, или блохи, против которых употребляют персидскую ромашку». Иной его противник, видя перепечатанную им самим сатиру на себя, может припомнить, пожалуй, следующие стихи из одной эпиграммы Пушкина:

В получены оплеухи
Расписался мой дурак.

Право, напрасно он перепечатал эту невинную физиологию,— иной, пожалуй, еще заметит, что он имеет-таки порядочный медный лоб» (ПД). Строфы 3 и 8 — пародийный перепев стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829). См. также № 181 и примеч. к нему. *Новый поэт* — псевдоним Панаева Ивана Ивановича (1812—1862) — беллетриста, фельетониста и журналиста, с 1847 г. — одного из редакторов «Современника»; псевдоним Панаева связан с его деятельностью пародиста. Панаев — автор физиологических очерков, изображающих разные социально-профессиональные группы общества; изображаемые им типы он часто уподоблял отрядам и видам животных (львы, анагр, актеон и т. д.). *Симашко* Юлиан Иванович (1821—1893) — писатель, автор ряда трудов на естественно-научные темы. *«В дворянстве мещанин»* — крылатое выражение, обязанное своим происхождением комедии Жана-Батиста Мольера (1622—1673) «Мещанин во дворянстве». *Из передней все салоны* и т. д. Щ. издевается над слабостью Панаева к закулисной стороне светской жизни и его пристрастием к модной одежде. *Ювенал* Децим Юний (ок. 60 — после 127) — римский поэт-сатирик. *Тряпичкин* — друг Хлестакова, упоминаемый в «Ревизоре» Н. В. Гоголя. *Снобс* — сноб, человек, гоняющийся за последней модой и слепо подражающий образу жизни знати; фигура английских физиологических очерков, которые были известны в России и которым подражали литераторы натуральной школы. О русских снобах писали Д. В. Григорович, А. В. Дружинин, И. И. Панаев. *Дюссо* — ресторан в Петербурге. *Шармер* — петербургский аристократический портной. *Роман карикатурный.* Имеется в виду, по-видимому, роман Панаева «Львы в провинции» (1852). *Журнал литературный* — подразумевается «Современник».

181. ПСС, с. 295, с купюрами в именах Панаева и Булгарина. Печ. по ПСС, имена восстанавливаются по АИ. Автографы: ГПБ; три — ПД; авторизованная копия — ГПБ6. 19 января 1854 г. Щ. писал В. Р. Зотову: «Заслужившая внимание Ваше моя «Физиология «Нового поэта» подала мне повод прислать Вам и прилагаемый при сем «Ямб» против него же, тем более, что мотив его близок каждому добросовестному литератору, звание которого «Новый поэт» старается унизить и скомпрометировать пред публикою, лож-

но изображая его со стороны, не принадлежащей литературе, и клевеща на него. Цель этого «Ямба» столько же нравственная, сколько содержание правдиво. Доказательство этой правдивости — все фельетоны «Нового поэта», отличающиеся какою-то мелочною безнравственностью, не говоря уж об их плоскоумии, или остроумии общих мест, выключая клевет, сплетней и намеков, которые составляют нововведение в нашу литературу. До него у нас таких мотивов не было. Вспомните его фельетоны на известных нам лиц, исполненные самых низких клевет. После этого вы поймете честность побуждений, подавших мне поводы написать этот ямб, который, можно думать, вызовет к себе симпатии людей, так неправо компрометируемых публично таким пустым человеком» (ПД). *Фаддей* — Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — реакционный журналист и беллетрист, агент III Отделения, с 1825 по 1859 г. редактор-издатель газеты «Северная пчела» («Пчела», «Пчелка»), реакционной газеты, издававшейся в Петербурге в 1825—1864 гг., самого распространенного периодического издания в годы царствования Николая I; газета была связана с III Отделением; основана Ф. В. Булгариным в 1825 г.; с 1831 г. редактировалась Булгариным совместно с Н. И. Гречем; в 1860—1864 гг. — П. С. Усовым. *«Новый поэт»* — псевдоним И. И. Панаева (см. примеч. 180). Публий *Овидий* Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт, автор поэмы «Метаморфозы» (т. е. превращения). «*Брант* Леопольд Васильевич — фельетонист «Северной пчелы», под псевдонимом: Я. Я. Я.» (примеч. Щ.). *В Апулеева осла!* Имеется в виду роман Апулея Люция (124/125 г. — ок. 180) «Метаморфозы» (или «Золотой осел»). *Di museo Borbonico* — Бурбонский музей в Неаполе, где хранится богатейшая коллекция вещей, найденная при раскопках Помпеи и Геркуланума.

182. РС, 1873, № 1, с купюрами имен Погодина в заглавии, Островского в тексте и слова «свой» в ст. 34, подпись: Козьма-Демьянов. Печ. по ПСС, с. 299, подпись: Козьма-Демьянов, имена Погодина и Островского восстанавливаются по АИ. Автографы: БЛ; под загл. «Послание к некоему бессребреному старцу, Михаилу Погодину, отправляющемуся на казенный счет изучать монголов на месте» — ПД; три без имени Погодина в загл. — ПД; под загл. «Напутствие некоему книгочию» — ГПБ7; авторизованная копия — ГПБ6; ЦГАЛИ. *Погодин Михаил* Петрович (1800—1875) — реакционный историк, археолог и публицист, с 1841 по 1856 г. — редактор «Москвитянина». *Ты вздумал Москву покидать* и т. д. В 1854 г. Погодин обратился к изучению периода монгольского вторжения в Европу, в связи с чем, по-видимому, собирался предпринять поездку в Монголию. Щ. связывает славянофильские взгляды Погодина с предпринимательством Погодина и его скупостью и прижимистостью. *Историю нашей России довел ты до ига татар.* Погодин — автор труда «Исследования, замечания и лекции о русской истории, тт. 1—7» (М., 1846—1856), в котором история России излагается до татарского периода. *И, вспомнив шатанья былые* и т. д. Речь идет, по-видимому, о ряде путешествий, совершенных Погодиным по Европе и России. *Татарщину всю без препоны* и т. д. Насмешки над изуче-

нием Погодиным Золотой Орды связаны с традицией западнической мысли, объяснявшей темные стороны патриархального семейного быта России влиянием азиатского феодализма в эпоху татарского ига. Об А. Н. *Островском* и отношении к нему Щ. см. примеч. 183. *Садовский* (Ермилов) Пров Михайлович (1818—1872) — актер Малого театра, исполнитель центральных ролей в комедиях Островского, был близок к «молодой редакции» «Москвитянина». *Рамазанов* Николай Александрович (1815—1868) — скульптор, преподаватель скульптуры в Московском училище живописи, ваяния и зодчества; печатался на страницах «Москвитянина», был близок к «молодой редакции» «Москвитянина». Об А. А. *Григорьеве* см. примеч. 183. *Филиппов Тертий* Иванович (1825—1899) — член «молодой редакции» «Москвитянина», писатель, впоследствии государственный и общественный деятель; автор статьи «О деятельности и литературных заслугах Н. Ф. Щербины» (см.: Сборник Т. И. Филиппова, СПб., 1896, с. 287—293); в начале 1850-х годов был известен как прекрасный исполнитель старинных русских песен; см. также прозаическую сатиру Щ. «Сказание, из каталога рукописей моего древнехранилища» (ПСС, с. 287—288; АИ, с. 41—43). *«Москвитянин»* — славянофильский журнал, издававшийся в Москве в 1841—1856 гг. под редакцией М. П. Погодина, орган «официальной народности».

***183.** ПСС, с. 300, без примеч. Щ. Печ. по ПСС, примеч. восстанавливается по АИ. Автографы: два под загл. «Пред бюстом автора гостинодворских комедий», один без примеч. — ПД; авторизованная копия — ГПБ6. Направлена против Островского Александра Николаевича (1823—1886), драматурга; Щ. познакомился с ним в Москве, в ноябре 1850 г. Ценя дарование Островского, Щ. преувеличивал его личные недостатки, а его художественно-эстетические взгляды примитивно воспринимал как выражение «крайнего славянофильства». 29 августа 1855 г. Щ. писал С. В. Энгельгардт: «Некоторые люди решались в глаза намекнуть мне, что я не имею убеждений. По их разумению, нужно быть или крайним западником, или крайним славянофилом, чтобы иметь так называемое убеждение... Видя логическую несостоятельность этих разглагольствующих умников, я иногда вмешивался в поток их горячего красноречия какою-либо иронией или шуткой, и, смотря на этих диалектиков с иронической точки, пред крайним славянофилом я защищал западничество (т. е. то, что в нем было истинного, умеренного, некрайнего), а пред западником крайним славянофильские мнения (т. е. ту дозу истины, которая в них есть)» (Заря, 1870, № 5, с. 91). С. В. Энгельгардт, близко знавшая Щ. и Островского, вспоминала, что в начале 50-х годов «один человек злобно смотрел на Островского, — это был Щербина; ему становилось тесно в кругу москвитянинов, которые его оскорбляли за отчуждение от русского быта, смотрели на него как на иностранца» (РО, 1890, № 11, с. 85). *«Элегия — ода — сатира»* — «Искусство и правда. Элегия — ода — сатира» — стихотворная критическая статья А. А. Григорьева (см. ниже), написанная в связи с постановкой пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок» в 1853 г. (М., 1854, № 1, с. 76—82), явившаяся непосредственным поводом данной эпиграммы Щ. Стихотворение задумано как антикритика на статью Григорьева;

на принципиальные положения статьи Григорьева Щ. отвечает принципиальным изложением своих западнических взглядов. *Близорукая Зависть* — неточная цитата из статьи А. А. Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году» (М., 1853, № 1, с. 16), в которой он называет «близорукой критикой» критику, не сумевшую оценить общественное и художественно-эстетическое значение комедии Островского «Бедная невеста». *Внимая голосу восторженных кликуш.* Имеются в виду члены «молодой редакции» «Москвитянина», т. е. молодые сотрудники литературно-критического отдела журнала «Москвитянин», которых Погодин вынужден был привлечь для поддержки терявшего подписчиков журнала, — Т. И. Филиппов (см. примеч. 182), Б. Н. Алмазов (1827—1876), Е. Н. Эдельсон (1824—1868) и, в первую очередь, А. А. Григорьев, провозгласившие Островского великим художником за народность его драматургии. *Купца-пропоицу нам ставишь в идеал* — прямой ответ на фразу в статье А. А. Григорьева: «Любим Торцов душе так прямо кажет путь» (герой пьесы «Бедность не порок»). *«Слово новое»* — урезанная цитата из указанной выше статьи А. А. Григорьева. *Медведем и козой.* В пьесе «Бедность не порок» ряженые выводят во втором акте (явл. 6) по ходу действия на сцену козу и медведя. *Кошихин* или Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630—1667) — общественный деятель и писатель; противник всяческих нововведений; автор труда «О России в царствование царя Алексея Михайловича», изданного в 1840 г.; *дни Кошихина* — период допетровских преобразований. *Критик твой слепой* — Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864), критик и поэт; с 1851 г. фактически возглавлял «молодую редакцию» «Москвитянина»; в 1850—1856 гг. — ведущий критик этого журнала; активно защищал в эти годы идею патриархальной самобытности, высшее выражение которой видел в творчестве А. Н. Островского; Щ. познакомился с ним в 1850 г. в Москве. *Замоскворецкими любуются плутами!* Герои многих пьес Островского — жители Замоскворечья. Строфы 6 и 7 — ответ на 2 строфу второй части статьи А. А. Григорьева. *Друзьями назвал ты всех пьяниц, всех шутов.* Островский и другие члены «молодой редакции» «Москвитянина» интересовались «метеорами» — выломившимися из своей среды и неспособными к благополучной жизни оригиналами. *И пискотней похвал безграмотных и вздорных!* Имеются в виду не только похвалы друзей-критиков, но и похвалы зрителей — простых людей, которые очень ценил и которыми гордился Островский (см.: А. Н. Островский, О театре. Записки, речи и письма, М.—Л., «Искусство», 1941, с. 65, 73 и др.). *Лишь «Москвитянина» безумные сыны* — т. е. члены «молодой редакции» «Москвитянина». О Н. А. *Рамазанове* см. примеч. 182.

***184.** РС, 1872, № 1, с. 153, с купюрой в имени Сушкова; ПСС, с купюрой в имени Сушкова и датой: 1854. Печ. по РС, имена восстанавливаются по АИ. Автографы: ПД; с датой: 1853—ГПБ7; авторизованная копия — ГПБ6. *Автор всевозможных «Пустячков»* — Н. В. Сушков (см. о нем примеч. 176), выпустивший в 1853 г. книгу «Движущиеся столы. Пустячок в 1-м действии». После одной из очередных эпиграмм Щ. на Сушкова М. Е. Кублицкий писал в недатированном письме к Щ.: «Николай Васильевич Сушков, возгоря негодованьем и приписывая вам две эпиграммы, полученные им на днях,

просит меня передать вам его вызов и быть у него секундантом...» (ПД). Предполагавшаяся дуэль не состоялась. *Анапцов* — герой комедии Сушкова «Мизогин» (1852). *Хвостов* Дмитрий Иванович (1757—1835) — писатель-графоман, воображавший себя истинным поэтом; считал, что оценить его сможет лишь потомство; был постоянным объектом насмешек в пушкинскую эпоху.

***185.** ПСС, с. 302, с датой: 1854. Автографы: под загл. «Автору купеческих комедий» — ПД; в письме В. Р. Зотову от 24 февраля 1854 г. — ПД; с датой: 1853 — ГПБ7; ГПБ6. Адресована А. Н. Островскому (см. также № 183 и примеч. к нему). В указанном письме Зотову Щ. писал: «В нашей московской литературе, как и везде, много смешных и диких сторон, особливо между неославянофилами или замоскворецкими романтиками, т. е. москвитянинцами. Они, как запальчивые школьники, суют своих в гении и навязывают этому гению «новое слово», и этот доморощенный гений начинает, в простоте сердца, считать себя не иначе, как русским Шекспиром и законодателем искусства... У нас все впадают в крайности при ребяческом состоянии у нас эстетической критики, которая, как медведь пустыннику в басне, уж слишком больно удружила талантливому современному драматическому писателю, портит его и компрометирует» (ПД). *Близорукая Зависть* — см. примеч. 183. *Коцебу* Август (1761—1819) — немецкий романист и драматург, автор многочисленных пьес, один из создателей жанра семейно-бытовой мещанской комедии и мелодрамы в Германии, реакционный политический деятель, убитый революционером Зандом (см. также № 190 и примеч. к нему).

186. АИ, с. 174. Автограф — ПД. *Руднев* Николай Андреевич (ум. 1876) — духовный писатель, автор работы «Рассуждения о ересях и расколах, бывших в русской церкви со времен Владимира Великого до Иоанна Грозного», член дружеского кружка Т. И. Филиппова (см. примеч. 182).

187. ПСС, с. 303, без ст. 3, 4, с датой: 1854; ИОРЯС, 1909, т. 4, № 4, без слов «царственным венцом» в ст. 3, с датой: 1854. Печ. по АИ, с. 34. Дата исправляется на основании содержания. Автограф без ст. 3, 4, с датой: 1854 — ГПБ6. Дата автографа в тетради, заполненной Щ. в 1857 г., ставится под сомнение содержанием эпитафии и следующей «Агентурной записки... со сведениями о литераторе Щербине» от 28 октября 1857 г.: «В представленной 23-го сего октября записке было упомянуто о неблагонамеренном эпитафе: «Императору Николаю, благодарная Россия за 19 февраля», приписываемом графине Ростопчиной. Ныне узнал я, что эпитаф этот сочинен некоим Щербиной, мелким здешним литератором и человеком с очень злым языком. От него слышали этот эпитаф, как собственную его выдумку, в доме графа Толстого, вице-президента Академии художеств. Людей, подобных Щербине, Михаилу Салтыкову (о коем писал я на днях), и еще не следует забыть поэта Некрасова, можно безошибочно считать распространителями вредных и преступных сочинений, ходящих в рукописях по столице и по всей России» (ЦГАОР). *Всеобщий благоприятель* — Николай I, умерший 18 февраля 1855 г.

188. ПСС (Лон.), с. 303, с купюрой в имени Дубельта, без двух последних слов в ст. 4; АИ, с. 80, вместе с эпиграммой № 241 под общим заглавием «Русские эпиграммы. Не для чтения при дамах». Печ. по АИ, загл. восстанавливается по ПСС (Лон.). Автограф — ГПБ8. *Дубельт* Леонтий Васильевич (1792—1862) — генерал-лейтенант, начальник штаба корпуса жандармов, с 1839 г. — управляющий III Отделением; член Главного управления цензуры. У Щ. дано каламбурное написание его фамилии. *Аттила* (ум. 453 г.) — вождь племени гуннов.

189. ПСС, с. 310, с пропуском имени Островского и датой: 17 мая 1857 г., подпись: Смерд Микулко. Печ. по ПСС, имя восстанавливается по АИ. Автографы: с примеч. Щ. — ГПБ; с датой: 17 мая 1857 — ПД; с автоцензурой в ст. 1: «Гомер Торцовского Загорьев говорит», под загл. «После чтения одной критической статьи», с датой: 1854 г. — ГПБ7; авторизованная копия — ГПБ6. По содержанию и связи с эпиграммами №№ 182, 183 датируется по автографу ГПБ7. Адресована А. Н. Островскому и А. А. Григорьеву (см. примеч. 183). *Новое слово* — см. примеч. 183. *Прямой дорогою подходит к идеалу.* Переложение слов из стихотворной статьи А. А. Григорьева «Искусство и правда. Элегия — ода — сатира» (см. примеч. 183). У Григорьева:

На сердце так тепло, так вольно дышит грудь,
Любим Торцов душе так прямо кажет путь.

Писать мыслете. Имеется в виду походка пьяного, напоминающая контуры буквы «М» (мыслете). К ст. 8 в тетради автографов, заполненной в 1868 г., следующее примеч. Щ.: «Ходила молва, что А. Н. Островский в начале своего литературного поприща, увлекшись тогдашней своею обстановкой, начал было неумеренно пить. Григорьев беспрестанно твердил в статьях своих, что Островский сказал России «новое слово» (примеч. гг. Лонгинова и Геннади)» (ГПБ).

190. 1. ПСС, с. 305, без загл., без ст. 7, 8. Печ. по ПСС (Лон.), с. 306. Автограф — ГПБ6. Датируется предположительно, по содержанию. Об А. Н. *Майкове* см. примеч. 88. В период Крымской войны 1853—1856 гг. он нападает на «слепых фанатиков», которые хотят повлиять на «ход века», и пишет ряд реакционно-монархических стихотворений. Этот период «флюгерства» Майкова отражен в эпиграммах Щ. *Ты гимны воспевал «откинутой коляске»* и т. д. Речь идет о стихотворении «Коляска» (1854), в котором Майков прославлял Николая I. *Стремленье к вольности, гражданскую борьбу* и т. д. Имеется в виду стихотворение «Арлекин» (1854), в котором Майков выступил против революционной Франции и всего демократического движения в Европе. Об Августе *Коцебу*, шпионе русского правительства и агенте Священного союза, см. примеч. 185. *«Скорбен головой»* — старорусское обозначение умственной ограниченности.

2. ПСС (Лон.), с. 305, с купюрами в именах Булгарина и Дубельта. Печ. по ПСС (Лон.), имена восстанавливаются по АИ. Автографы — ГПБ6, ПД. Датируется предположительно, по содержа-

нию. О Ф. В. *Булгарине* см. примеч. 181. *«Арлекин»* — см. выше. О Л. В. *Дубельте* см. примеч. 188.

3. ПСС, с. 305, со словом «судьбой» вместо «царем» в ст. 1. Печ. по АИ, с. 79. Автограф — ГПБ6. Датируется предположительно, по содержанию.

4. ПСС (Лон.), с. 305, с пропуском слова «третье» в ст. 2. Печ. по АИ, с. 79. Автографы — ПД, ГПБ6. Датируется предположительно, по содержанию. *«Арлекин»* — см. выше.

5. ПСС (Лон.), с. 305, с купюрами слова «третье» в ст. 2, имени Майкова и заменой слова «монаршего» на «особого». Печ. по РС, 1907, № 4, с. 205. Автограф сначала под заглавием «Теперешний Майков», затем «Теперешний NN» — ГПБ6. *Смягчилось Третье отделенье* и т. д. Речь идет об изменении верноподданнических настроений Майкова после смерти Николая I на либеральные.

191. АИ, с. 80, в цикле «Эпиграммы на Аполлона Майкова» (см. № 190), где опубликовано по списку ПД. Датируется предположительно, по содержанию. Адресована А. Н. Майкову (см. примеч. № 88 и 190). *За что Державин стал министром.* С «Одой к Фелице» (1782), обращенной к Екатерине II, связан ряд взлетов служебной карьеры Г. Р. Державина; в 1791—1793 гг. был кабинет-секретарем императрицы.

192. РС, 1872, № 1, с. 154. Печ. по ПСС, с. 303. Автограф — ПД; авторизованная копия — ГПБ6. В АИ и изд. 1937 адресатом эпиграммы называется А. А. Григорьев. Однако содержание эпиграммы — сопоставление адресата с «московскими умниками», т. е. «молодой редакцией» «Москвитянина», фактическим главой которой был А. А. Григорьев, делает это предположение спорным. Возможно, эпиграмма обращена к А. Н. Майкову — «хамелеон душой» (см. примеч. 88, 190), сблизившемуся в начале 1850-х годов с «молодой редакцией» «Москвитянина». В письме к сыну конца 1880-х годов Майков вспоминал: «В молодой редакции... принят был как свой, и был счастлив, что нашел себе свою среду» (см.: А. Н. Майков, Избранные произведения, Библиотека поэта (М. с.), 1957, с. 24).

193. ПСС, с. 304, без загл., с купюрой в имени Гербеля; РС, 1891, № 5, с ошибочной датой: 1865. Печ. по АИ, с. 61. Автографы — ПД, ГПБ, ГПБ6; авторизованная копия — ГПБ6. *Гербель* Николай Васильевич (1827—1883) — поэт, переводчик и издатель (см. также примеч. 224). *Вико* Джамбаттиста (1668—1744) — итальянский философ и историк, автор известного труда «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). В примеч. к эпиграмме Щ. писал: «Вико, знаменитый итальянский писатель, в сочинении своем «Scienza Nuova» («Философия истории»), между прочим, говорит, что одни и те же факты в истории народов, чрез известное пространство времени, как бы круговращаясь, повторяются в соответствующих только своему времени формах» (ГПБ). О Д. И. *Хвостове* см. примеч. 184.

194. РС, 1872, № 1, с. 154, без эпиграфа, с ошибочной датой: 1858 г.; ПСС (Лон.), без примеч. Щ. Печ. по ПСС, с. 304. Автографы: под загл. «После взятия Севастополя», без примеч. Щ. — ПД; без

примеч. Щ. — ГПБ, ГПБ6. Эпиграф — из стих. «Малое слово о великом» поэта Владимира Григорьевича *Бенедиктова* (1807—1873). Во время Крымской войны значительная часть русского флота, родоначальником которого официальная историография считала «Ботик Петра I», была затоплена на рейде Севастопольской бухты с целью преградить путь англо-французским кораблям.

195. Заря, 1870, № 5, с. 74, в воспоминаниях Ольги N. ⟨С. В. Энгельгардт⟩ «Николай Федорович Щербина». Датируется периодом от момента знакомства Щ. с С. В. Энгельгардт до отъезда Щ. из Москвы. Приписываемой Щ. эпитафии предшествует следующий текст: «Щербина внушал почти страстную привязанность Б*, молодому человеку с детски-чистой душой. Никто не ценил так, как Щербина, его нравственного превосходства, а между тем Б. был постоянною жертвой его нервного раздражения и едких насмешек... У него (у Б. — *Г. Г.*) был товарищ юности, которого он очень любил; Щербина не переставал преследовать своими насмешками эту привязанность. „Советую вам, — говорил он, — велеть себя похоронить вместе с ним. О надгробной надписи не заботьтесь — она готова“». Адресаты эпитафии не установлены.

196. АИ, с. 168. Приписывается Щ. (см. письмо К. А. Булгакова к С. Д. Полторацкому от 3 января 1859 г. — там же). Адресована А. Н. Островскому (см. примеч. 183). Датируется периодом от первых постановок комедии «Не в свои сани не садись» до отъезда Щ. из Москвы. Сообщая эпиграмму Полторацкому, Булгаков писал: «Островский до такой степени думает, что он гений, что однажды в театре во время пьесы «Не в свои сани не садись» заплакал (пьяный) и сказал: я не виноват! Это не я писал, а бог!!! — так вот эту-то ракалию и пришлепнул экспромтом Щербина» (АИ, с. 168). Ст. 3—4 — цитата из сатиры на поэта В. И. Карлгофа в стихотворном памфлете Александра Федоровича Воейкова (1779—1839) «Дом сумасшедших» (1814—1839).

197. РС, 1872, № 1, с. 153, под загл. «Ник. Вас. Сушкову», подпись: «Член клуба здравого смысла»; ПСС (Лон.), с купюрой в имени Сушкова, подпись та же. Печ. по ПСС, с. 306. Автографы: ПД, ГПБ; с разночтениями — ПД; в письме М. П. Корниловой от 9 мая 1856 г. — ГПБ; авторизованная копия — ГПБ6; ЦГАЛИ. О Н. В. *Сушкове* см. примеч. 176. В примеч. к автографу ГПБ Щ. писал: «Н. В. Сушков собрание своих стихотворений под названием «Книга Печалей» выпустил в свет вскоре по взятии Севастополя, когда распространились по России всеобщее уныние и печаль».

198. ПСС (Лон.), с пропусками имени А. П. Глинки, Орловой, с купюрами имен Греча и Панаева, заменой в ст. 35 слова «третье» на «также», с подписью «Гершель-внук»; ПСС, без строфы 8, ст. 36, пропусками имен Глинки, Орловой, купюрами имен Греча и Панаева и заменой слова соотв. «третье» в ст. 35 на «также», с подписью «Гершель-внук». Печ. по АИ, с. 63. Автографы — ПД (2); с разночтениями — ГПБ7; авторизованная копия — ГПБ6. Об А. П. *Глинке* см. примеч. 178. О П. И. *Орловой* см. примеч. 178. *Madame Магдалина Тартюф.* Сравнивая раскаявшуюся Орлову с Тартюфом —

героем одноименной комедии Мольера, Щ. подчеркивает ханжество и лицемерие Орловой, скрываемое в прошлом маской добродетели. *Греч* Николай Иванович (1787—1867) — реакционный журналист и беллетрист, с 1831 г. редактировавший вместе с Ф. В. Булгариным газету «Северная пчела» (см. примеч. 181). Об И. И. *Панаеве* см. примеч. 180.

199. РС, 1872, № 1, с. 154, под загл. «По поводу N. N.»; ПСС, под загл. «По поводу одной оплеухи»; ПСС (Лон.), под загл. «По поводу оплеухи N. N.». В АИ не включено. Печ. по ПСС (Лон.), имя восстанавливается по автографу ГПБ6. Тимашев-*Беринг* Алексей Александрович — генерал-майор, обер-полицмейстер Москвы в середине 1850-х годов. Описывая события начала 1856 г., К. Н. Лебедев в воспоминаниях «Из записок сенатора» писал: «В Москве один пожарный сорвал эполет у обер-полицмейстера Тимашева-Беринга» (РА, 1893, № 1, с. 339).

200. РС, 1872, № 1, с. 152; ПСС (Лон.), с подписью: P. J. Печ. по ПСС, с. 308. Автографы: под загл. «Пантеон» — ПД; под загл. «Пантеон и Москвитянин» — ПД; ГПБ7; авторизованная копия — ГПБ6. *«Москвитянин»* — журнал славянофильского направления, издававшийся в Москве с 1841 по 1856 гг. (с небольшими перерывами), под редакцией М. П. Погодина. Нерегулярность выхода журнала, особенно в последние годы его существования, позволила Щ. назвать его «журналом-невидимкою» (см. письмо Щ. В. П. Гаевскому от 10 мая 1853 г. — ГПБ). Объясняя свое участие на страницах «Москвитянина», направление которого было ему чуждо, Щ. писал Н. Д. Хвощинской 19 августа 1853 г.: «Я печатался в «Москвитянине» единственно только потому, что мне неудобно было печататься в петербургских журналах за отсутствием моим в Петербурге, что в «Москвитянине» я был лично корректором и редактором своих стихотворений, не позволял печатать испорченного или неудачного своего стихотворения, и лично бывал у цензора, когда они цензуровались: за месяц вперед до выхода книжки журнала мог в корректурных листах делать замены и поправки по цензурному указанию. Только на одном основании этих удобств я и печатался в „Москвитянине“» (РБ, 1914, № 4, с. 20). Сотрудникам «Москвитянина» Щ. посвятил прозаическую сатиру «„Сказание“ (Из каталога рукописей моего древне-книгохранилища)» (ПСС, с. 287—288). «Пантеон» — театральный журнал, выходивший в Петербурге в 1840—1851 гг.

201. РС, 1872, № 1, с. 152. Печ. по ПСС, с. 309. Автографы: с разночтениями — ПД; под загл. «Некая беседа» — ГПБ7; авторизованная копия — ГПБ6. *«Русская беседа»* — славянофильский журнал; издавался в Москве в 1856—1860 гг. Активным сотрудником журнала был А. А. *Григорьев* (см. о нем примеч. 183). *«Маяк»* — ультрареакционный журнал; издавался в Петербурге в 1840—1845 гг.

202. РС, 1872, № 1, с. 152; ПСС, под загл. «N. N.», подпись: Смерд Микулко. Печ. по ПСС, с. 309, подпись: Смерд Микулко, загл. восстанавливается по АИ. Автографы: ПД; под загл. «Тмута-

раканскому критику» — ГПБ7; авторизованная копия — ГПБ6. *Аксаков* Константин Сергеевич (1817—1860) — публицист, критик, поэт; один из вождей и теоретиков славянофильства; во второй половине 1850-х годов печатался в «Русской беседе» и «Молве».

203. РС, 1872, № 1, с. 151. Печ. по ПСС, с. 431. Автографы: ПД, ГПБ, ГПБ7. *«Молва»* — литературная славянофильская газета; издавалась в Москве К. С. Аксаковым в 1857 г., газета имела мало подписчиков; на № 36 была закрыта за статью К. С. Аксакова «Публика и народ».

204. РС, 1872, № 1, с. 151; ПСС, под загл. «Молва», подпись: Смерд Микулко. Печ. по ПСС, с. 310, загл. восстанавливается по ПСС (Лоп.). Автографы: ПД, ГПБ7; авторизованная копия — ГПБ6. *«Молва»* — см. примеч. 203.

205. ПСС, с. 310, без ст. 3, 4; ПСС (Лон.), без слов «звездою иль крестом» в ст. 4; АИ, с посвящением Сереже Степанову (из несохранившегося автографа?). Печ. по ИОРЯС, 1909, т. 14, № 4, с. 98. Автографы: ГПБ6; под загл. «Желанье русскому ребенку», с датой: 7 января 1858 г. — ПД. *Звезда* и *крест* — здесь: ордена.

206. ПСС, с. 432. Печ. по автографу ГПБ7. Автограф под загл. «Григорий Д⟨анилевский⟩» — ПД. Данилевский Григорий Петрович (1829—1890) — писатель, автор воспоминаний о Щ. (ИВ, 1891, № 1, с. 33—69). Щ. познакомился с ним в 1850 г. в Одессе и до конца жизни поддерживал дружеские отношения. В «Соннике современной русской литературы» Щ. писал: «Данилевского Григория во сне видеть — предвещает слышать приятные новости о России, но увы! — большею частию несбыточные» (ПСС, с. 331).

207. «Голос минувшего», 1915, № 11, с. 184, в мемуарах Е. А. Штакеншнейдер «Из дневников 1855—1858 гг.». Датируется предположительно по наличию в дневниковой записи Е. А. Штакеншнейдер от 17 апреля 1857 г. Эпиграмма на самого себя, написанная в период службы в министерстве народного просвещения.

208. РС, 1872, № 1, с. 155, без подзаголовка. Печ. по ПСС, с. 311, подзаголовок восстанавливается по АИ. Автограф — ГПБ6. Е. Е. *Розалион-Сошальский* — харьковский помещик; в середине 1850-х годов жил в Петербурге, одно время — на одной квартире со Щ.; посещал салоны гр. А. И. Толстой и М. Ф. Штакеншнейдер, где часто бывал Щ. А. А. Сонцов в письме к Г. П. Данилевскому от 1869 г. отмечал, что Щ. не любил Розалиона-Сошальского «за хвастливый и покровительственный характер» (ИВ, 1891, № 1, с. 57).

209. РС, 1872, № 1, с. 153—154, с ошибками. Печ. по ПСС, с. 311. Автографы: ГПБ6; под загл. «Ему же» (следует после эпиграммы № 182, с разночтениями) — ГПБ7. Направлена против М. П. Погодина (см. примеч. 182). *Он пиявку мужика.* Имеется в виду Кокорев Василий Александрович (1817—1889), сиделец в питейных домах, затем водочный откупщик, наживший на откупе около 7 миллионов; его печатные выступления неоднократно поддерживал Погодин.

В «Соннике современной русской литературы» Щ. писал: «П⟨огодина⟩ во сне видеть... предвещает на *богатого* откупщика (бывшую *пьявицу* несчастного русского мужичка) напустить припадок какого-то *холопского* демократизма, своекорыстно науськивать его самолюбие на мнимо мининские доблести, пиша ему втайне спичи с выражением из «летописи» и получая за это от сего bourgeois, тоже втайне, до 4 тысяч рублей серебром жалованья в год» (ПСС, с. 333).

210. РС, 1872, № 1, с. 150, с ошибками. Печ. по ПСС, с. 312, имя восстанавливается по АИ, с. 74. Автографы: черновой — ГПБ; ГПБ6; с разночтениями, под загл. «Немцам-славянофилам» — ГПБ7. В изд. «Поэты 1840—1850-х годов», Библиотека поэта (М. с.), М.—Л., 1962, с. 440 — ошибочно адресовано Федору Николаевичу Бергу. *Берг* Николай Васильевич (1823—1884) — поэт и переводчик, немец по происхождению; в 50-е годы был близок к славянофилам и, в частности, к «молодой редакции» «Москвитянина». Черновой автограф свидетельствует, что в числе других «немцев-славянофилов» Щ. имеет в виду Е. Н. Эдельсона (см. примеч. 183).

211. РС, 1872, № 1, с. 150. Автограф — ГПБ; авторизованная копия — ГПБ6. *«Монтаньяры Вшивой Горки»*. Монтаньяры — от французского «mont» (гора); название крайне левой партии Конвента во время французской буржуазной революции 1789 г. Имеется в виду кружок московских западников, собиравшийся в салоне Е. В. Салиас де Турнемир (Е. Тур), которая жила на Швивой Горке (улица в Москве). *«Красный цвет лишь дурню мил!»* — перефразировка поговорок: «рад дурак красному», «дурак любит красно, солдат любит ясно» и т. д.

212. ПСС, с. 313, с заменой имени «Владимир Майков» — на «Петрушка Жалков». Печ. по АИ, с. 71. Автографы: ГПБ; под загл. «Издателю „Подснежника, журнала для детей и идиотов“» — ГПБ6; под загл. «Невозможность эпиграммы. (Издателю «Журнала для малюток-идиотов»)», с разночтениями — ГПБ7. Адресована *Майкову* Владимиру Николаевичу (1826—1885), журналисту и переводчику, брату А. Н. Майкова (см. примеч. 88, 190), издававшему с 1858 по 1862 год в Петербурге журнал «Подснежник» для детского и юношеского возраста. *Ювенал* Децим Юний — см. примеч. 180.

213. РС, 1872, № 1, с. 151, под загл. «Молитва современных писателей». Печ. по ПСС, с. 313. Автографы: ГПБ6; под загл. «Молитва русских писателей» — ГПБ. О газете *«Северная пчела»* см. примеч. 181. *Гончаров* Иван Александрович (1812—1891) — писатель; с 1856 г. — цензор; в 1857 г. при цензуровании стихотворения Щ. «Поколению» (№ 123) требовал изменить его 1-ю строфу.

214. РС, 1872, № 1, с. 151, под загл. «Журналу „Весельчак“». Печ. по ПСС, с. 314. Автограф, с разночтениями — ГПБ6. *«Весельчак»* — юмористический журнал, выходивший в Петербурге в 1858—1859 гг. под редакцией Я. И. Григорьева и О. И. Сенковского. В подзаголовке этого издания значилось: «Журнал всяких разных странностей, светских, литературных, художественных и иных». 1 февраля 1858 г. вы-

шел № 1 журнала; в 1859 г. на № 7 он прекратил существование из-за падения подписки.

215. РС, 1872, № 1, с. 155. Печ. по ПСС, с. 314. Автографы — ГПБ6, ГПБ.

216. ПСС, с. 314. Автограф — ГПБ6. *Викентий Курильский* — один из псевдонимов Щ. (см. также прозаическую пародию Щ. 1841 г. «Аттестат», выданный «студиозусу семинарии Викентию Курильскому, исключенному на основании семинарского Регламента и иных прочих узаконений...» — ПСС, с. 283—286; АИ, с. 93—99).

217. ПСС (Лон.), с. 315, без строфы 2, под загл. «Вопросы», подпись: Викентий Курильский. Печ. по ИОРЯС, 1909, т. 14, № 4, с. 92, загл. восстанавливается по АИ. Автограф — ГПБ6.

218. РС, 1873, № 1, с. 118, под загл. «Фигура поправления. (Об одном критике)», в ст. 1 вместо «булгаринских» было «фигляриных». Печ. по АИ, с. 73. Автографы — ГПБ, ГПБ6; под загл. «Фигура поправления, или Ксенофонт Луговой» — ГПБ7; под загл. «Фигура поправления (одному критику)» — ПД; ЦГАЛИ. *Фигура поправления* — в автографе ГПБ загл. сопровождено примеч. Щ.: «В старинных «Реториках» в числе других помещали и фигуру поправления, в пример которой приводили обыкновенно следующие стихи Державина:

Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое...
Иль нет: тяжелый некий шар,
На нежном волоске висящий».

Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867), брат Н. А. Полевого, в молодости радикальный критик и журналист, перешедший затем в лагерь реакции и ставший постоянным сотрудником «Северной пчелы» (см. примеч. 181). *Он · всех булгаринских идей.* О Фаддее Булгарине, которого А. С. Пушкин называл «Видок Фиглярин» по имени французского сыщика Франсуа Эжена Видока, см. примеч. 181. *Маркиз Поза* — герой трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос» (1787), ставший символом человека чистой совести, говорящего правду в глаза тирану.

219. ПСС, с. 315, вместе с № 218 под общим загл. «Фигура поправления», с подзаголовком «Еще о том же критике». Печ. по АИ, с. 74. Автограф — ГПБ6. Эпиграмма адресована К. А. Полевому (см. примеч. 218). *Фаддея нет!* Ф. В. Булгарин умер 1 сентября 1859 г. *«Пчела»* — т. е. «Северная пчела» (см. примеч. 181).

220. РС, 1872, № 1, с. 152, под загл. «N.N.», с подзаголовком, произвольно излагающим примеч. Щ.; ПСС, без загл., с изменениями цензурного характера в примеч.; ПСС (Лон.), под загл. «N.N.», с изменениями цензурного характера в примеч. Печ. по АИ, с. 81. Автограф — ГПБ6. *Кукольник* Нестор Васильевич (1809—1868) — драматург, беллетрист и поэт, представитель реакционного романтизма 30—40-х годов. С 1831 г. служил в министерстве финансов, затем — в военном министерстве. Аллюзия на эпиграмму А. С. Пушкина «Полу-милорд, полу-купец...».

221. РС, 1872, № 1, с. 156, строфа 3, с разночтениями, под загл. «Николаю Герасимовичу Устрялову»; ПСС, строфа 3, под загл. «Русская история. (Посвящается отечественным деятелям)»; ПСС (Лон.), без ст. 3—5, под тем же загл.; ИОРЯС, без слов «шайка идиотов» в ст. 3 и без слова «державный» в ст. 5. Печ. по АИ, с. 35. Автографы — ГПБ6, ГПБ. Эпиграмма написана Щ. в период становления его оппозиционно-славянофильских взглядов. *Устрялов* Николай Герасимович (1805—1870) — историк, профессор Петербургского университета, академик, автор труда «Русская история» (тт. 1—5, СПб., 1837—1841). В 1858—1859 гг. вышли тт. 1—3, 6 его труда «История царствования Петра Великого». См. также эпиграммы №№ 231, 236 и примеч. к ним.

222. Искра, 1859, № 4, с. 40, с подзаголовком «Отрывок из „Одиссеи последнего идеалиста“», без примеч. Щ., с подписью: Николаки Омега; РС, 1872, № 1, с. 157, с ошибками в подзаголовке. Печ. по ПСС, с. 317, подпись: Николаки Омега. Автографы — ПД (2), ГПБ6. 14 января 1859 г. Щ. отправил Ф. Б. Миллеру, редактору журнала «Развлечение», ироническую заметку «Патологический факт. (Из письма в редакцию)» (ПСС, с. 434—439) с текстом данной пародии. 27 января 1859 г., после появления пародии в «Искре», Щ. писал Миллеру: «Сделайте милость, не печатайте моего «Патологического факта». Этим Вы меня лично обяжете. Он написан в минуту ипохондрии, и, может быть, помимо меня, вышел злым, — между тем как я люблю А. А. Григорьева сердечно, а эта статейка будет клеветою на мое нормальное чувство, тем более, сколько сознаю теперь, в ней есть обидные выражения и намеки. . .» (ПСС, с. 434). В неопубликованной части этого письма Щ. продолжал: «. . .в таком виде эта статейка может даже компрометировать Ваше издание пред «Современником», и Вы должны будете от него принимать часто пилюли, что не выгодно для Вашего начинающегося издания, тем более, хоть бы в статейке было сказано, положим, что напечатана «Venezia la Bella» в одном петербургском журнале, а то просто сказано: «в „Современнике“». Да и мне будет неловко перед его издателями. . .» (ПД). Заметка Щ. в «Развлечении» не была опубликована. *«Одиссея последнего Сумасброда»* — поэма А. А. Григорьева имела подзаголовок «Дневник странствующего романтика. (Отрывок из книги: «Одиссея о последнем романтике»)» (С, 1858, № 12, с. 377—396) и была направлена против холодной рассудочности и созерцательности поэтов «антологического» направления. *Чухонские Афины* — Петербург.

223. РС, 1872, № 1, с. 155, под загл. «Эпитафия Аполлону Александровичу Григорьеву». Печ. по ПСС, с. 317, загл. восстанавливается по АИ. Автографы: ГПБ, ГПБ6; под загл. «Эпитафия экстравагантному критику» — ГПБ. Об А. А. *Григорьеве* см. примеч. 183. Поводом для эпитафии, написанной за 5 лет до смерти Григорьева, послужило, по-видимому, сотрудничество последнего в журнале «Русское слово», организованном в 1859 г. меценатом графом Г. А. Кушелевым-Безбородко (см. примеч. 251).

224. ПСС, с. 318, с заменой имени Гербеля буквами «N.N.». Печ. по ПСС, имя восстанавливается по АИ. Автографы — ГПБ6, ГПБ7.

Н. В. *Гербель* (см. примеч. 193) после окончания Нежинского лицея поступил в 1849 г. на военную службу; 23 марта 1858 г. был произведен в штаб-ротмистры, после чего вышел в отставку. В 1858 г. Щ. написал «Формулярный список о службе титулярного литератора и пииты Николая Гербеля» (ПСС, с. 337—338). Остро реагировавший на эпиграммы Щ. Гербель, по свидетельству Н. В. Берга, много раз собирался «как военный человек», бить Щ. (ИВ, 1893, № 3, с. 704).

225. РС, 1872, № 1, с. 150, под загл. «N.N.». Печ. по ПСС, с. 318, загл. восстанавливается по АИ. Адресована *Крузе* Николаю Федоровичу (1823—1901) — либеральному московскому цензору, уволенному от должности в декабре 1858 г. Осенью этого года он цензуровал газету «Парус» (см. ниже). 25 января 1859 г. Щ. в письме к П. А. Радищеву, объясняя причины пересылки «Биографии А. Н. Радищева», написанной П. А. Радищевым, в «Русский вестник», писал: «Я решился послать эту статью в Москву, где цензура была в то время легче Петербургской, благодаря нынче уже отставленному цензору фон Крузе» (см.: В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования, М.—Пг., 1923, с. 201). Своим доброжелательным отношением к литературе Крузе заслужил признательность русских писателей. В начале 1858 г. ему был преподнесен благодарственный адрес петербургских литераторов; в числе подписавшихся были — Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. А. Гончаров и др. *«Парус»* — еженедельная славянофильская газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в Москве в январе 1859 г.; была закрыта после выхода № 2 за передовицы И. С. Аксакова и статью М. П. Погодина «Прошедший год в русской истории». Объявление Аксакова о предполагающемся издании «Паруса» с объяснением характера и направления будущей газеты появилось в газетах в августе 1858 г.; с этого времени начались столкновения редакции «Паруса» с Главным управлением цензуры.

***226.** РС, 1872, № 1, с. 155, под загл. «N.N.»; ПСС, под загл. «Либерализм N.N.», с пропуском в ст. 6 слова «Искра». Печ. по АИ, с. 58. Автографы: ГПБ6; под загл. «Доморощенный либерализм» — ГПБ7; под загл. «Штукаревский либерализм» — ГПБ7. Адресована В. А. Кокореву (см. примеч. 209). *«Искра»* — сатирический журнал революционно-демократического направления, издававшийся в Петербурге в 1859—1873 гг., до 1865 г. под редакцией поэта Василия Степановича Курочкина (1831—1875) и карикатуриста Николая Александровича Степанова (1807—1877), с 1865 г. — под редакцией одного В. С. Курочкина. В 1857 г. Щ. был приглашен Н. Степановым в создававшуюся «Искру» на должность «редактора по литературной части». В 1859 г. в «Искре» должны были печататься его эпиграммы. Об отношении Щ. к «Искре» см. также: И. Г. Ямпольский, Сатирическая журналистика 1860-х гг. Журнал революционной сатиры «Искра», М., 1964, указатель имен. *Когда он «Искре» денег дал* и т. д. Поводом для этого несправедливого обвинения Щ. явились деньги (6000 рублей), которые Н. А. Степанов и В. С. Курочкин взяли в долг у Кокорева, приступая к изданию «Искры», и отдали их ему из подписных денег журнала на 1860 г.

227. ПСС, с. 319, под загл. «Издателям N.N.», с купюрой в ст. 4 названия журнала «Искра». Печ. по АИ, с. 76. Автограф — ГПБ6. Об *«Искре»* и отношении к ней Щ. — см. примеч. 226.

228. Заноза, 1864, № 44, с. 434, под загл. «Надпись к „Искре"», в ст. 3 «нам» вместо «он»; РС, 1873, № 1, с. 117, под загл. «N.N.»; ПСС, под загл. «N.N.»; АИ, с подзаголовком «Д. Д. Минаеву». Печ. по РС, загл. восстанавливается по автографу ГПБ6 (первоначальное загл. в этом автографе — «Розенгейму»). Автографы: под загл. «Обличительному поэту. (Д. Д. Минаеву)» — ГПБ; под загл. «Пиите-обличителю» — ГПБ7; под загл. «Обличительному поэту» — ПД; под загл. «Пиите-обличителю» в письме Щ. А. А. Корсуну от 26 ноября 1859 г. — ПД; ЦГАЛИ. О первоначальном адресате эпиграммы М. П. Розенгейме см. примеч. 232. Посылая эпиграмму Корсуну, Щ. писал: «С Розенгеймом я год как не видаюсь, а теперь и не могу видаться, зане написал на него эпиграмму» (ПД). *Обличительный поэт, Темный человек* — псевдонимы Дмитрия Дмитриевича Минаева (1835—1889), поэта и переводчика, в 1860-х годах сотрудника ряда журналов демократического направления — «Современника», «Русского слова», «Искры», «Будильника»; в 1859 г. под псевдонимом «Обличительный поэт» Минаев выпустил сборник пародий «Перепевы»; псевдонимом «Темный человек» Минаев пользовался с начала 60-х годов.

*229. РС, 1873, № 1, с. 117; ПСС, с. 319, с опечаткой в загл. и с пропуском имени Григорьева в примеч. Щ. Печ. по РС, загл. и примеч. восстанавливаются по АИ. Автографы: без имени Григорьева в примеч. Щ. — ГПБ; ГПБ6, ГПБ7. *Северцов* Николай Алексеевич (1827—1885) — зоолог и географ, автор ряда исследований по зоологии, географии и геологии различных районов Средней Азии. С 1857 по октябрь 1858 г. находился в научной экспедиции в Киргизии, в низовьях Сыр-Дарьи, во время которой попал в плен к кокандцам, где едва не погиб. Дружеское расположение, возникшее у Щ. к Северцову после их знакомства в Москве в начале 1850-х годов, сохранилось до конца жизни; в С (1856, № 6, с. 65—72) помещена рецензия Щ. на труд Н. А. Северцова «Периодические явления в жизни зверей». См. также № 263 и примеч. к нему. Е. Ф. Юнге в «Воспоминаниях» (М., 1900, с. 203) свидетельствует, что Северцов был автором ряда эпиграмм на Щ.; одну из них см. в примеч. 230. *Григорьев* Василий Васильевич (1816—1881) — ориенталист, автор ряда статей, посвященных Туркестанскому краю; в 1856—1857 гг. выступил со статьями против Т. Н. Грановского. Щ. способствовал помещению статьи Г. Головачева в защиту Грановского в ОЗ, 1856, № 12 (см. письмо Е. В. Новосильцевой к Щ. от 26 ноября 1856 г. — ПД).

230. РС, 1872, № 1, с. 151, под загл. «Ответ грека Плещееву, Северцову и Тихменеву». Печ. по ПСС, с. 321, подзаголовок восстанавливается по АИ. Автографы: ГПБ, ГПБ6; без подзаголовка — ПД; под загл. «Ответ Грека на эпиграмму Татарских grand seigneurs'ов» — ГПБ7. В автографе ГПБ следующее примеч. Щ. к заглавию: «Однажды мне по городской почте прислано было несколько эпиграмм на меня, и одна из них начиналась стихом:

Эллин из Таганрога.

Они, как я угадал, были написаны Северцовым, Плещеевым и Тихменевым. Один из этих авторов, А. Н. Плещеев, происходит от древнего русского, боярского рода, что и послужило мне мотивом для этой ответной с моей стороны эпиграммы». Ответ на следующую эпиграмму:

Полухохол и полугрек,
Но нежинский, а не милетской,
Скажи: к чему ты в злобе детской
Свой жалкий коротаешь век?

В статье А. Линина «К библиографии А. Н. Островского» (А. В. Багрий, Литературный семинарий, Баку, 1926, с. 28) автором этой эпиграммы (в несколько измененном варианте) назван А. А. Григорьев. *Плещеев* Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, участник кружка М. В. Петрашевского, арестованный в 1849 г. и вернувшийся из ссылки в 1858 г.; сотрудник «Современника», «Отечественных записок». Об Н. А. *Северцове* см. примеч. 229. *Тихменев* А. Г. — библиограф и библиотекарь; в 1859 г. — фактический редактор «Русского библиографического листка». *Хоть «эллин» я «из Таганрога».* Мать Щ. была дочерью гречанки; Щ. родился недалеко от Таганрога, в Таганроге провел детство и юность. *Тем больше съели батогов.* Имеется в виду один из видов телесных наказаний — батогами, т. е. палками.

231. РС, 1872, № 1, с. 154, под загл. «Пред памятником Петра Великого»; ПСС (Лон.), под загл. «Пред памятником Петру I». Печ. по ПСС, с. 321, загл. восстанавливается по АИ. Автографы: ГПБ, ГПБ6. Ср. со стихотворением К. С. Аксакова «Петру». *Нет, не змия Всадник Медный.* Речь идет о памятнике Этьена Мориса Фальконе (1716—1791) Петру I на Сенатской площади в Петербурге (ныне площадь Декабристов).

232. РС, 1873, № 1, с. 118, под загл. «Ответ N.N. на его тупую эпиграмму на меня»; ПСС, под загл. «Ответ на тупую эпиграмму». Печ. по РС, загл. восстанавливается по АИ. Автограф — ГПБ6. *Розенгейм* Михаил Павлович (1820—1887) — поэт и журналист, представитель «либерального обличительства» 50—60-х годов; с конца 1859 г. сотрудничал в «Отечественных записках» и в «С.-Петербургских ведомостях»; в 1863—1865 гг. — издатель сатирической газеты «Заноза», его первые стихотворения были опубликованы в конце 30-х годов, с 1840 по 1858 г. он почти не печатался, в 1858 г. в Петербурге выпустил свой первый сборник «Стихотворений». Известны две эпиграммы 1859 г. Розенгейма на Щ.:

1. Нельзя сказать, что ты дубина,
Оно бы было ничего.
Но ты бесстыдник, ты Щербина! ..
А это хуже уж всего.
2. В порыве пламенной мечты
Он созерцал на Молдаванке
Эллады древней красоты
И нимфу в нежинской гречанке.

233. ПСС (Лон.), с. 323, под загл. «N.N.», вместо имени Розенгейма в ст. 4 «N.N.»; ИВ, 1891, № 1, под загл. «Р ***», с пропуском

имени Розенгейма в ст. 4. Печ. по ПСС (Лон.), загл. и имя восстанавливаются по АИ. Автограф — ГПБ6. Датируется предположительно по содержанию и расположению в тетради после № 232. О М. П. *Розенгейме* см. примеч. 232. *Как германский жалок сейм.* Имеется в виду фактическая беспомощность немецкого сословно-представительного органа монархии. *Тредиаковский* Василий Кириллович (1703—1769) — ученый и поэт; тяжеловесность стиха и архаичность лексики его обличительной поэзии являлись предметом насмешек современников.

234. РС, 1891, № 1, с. 259; приписывается Щ. Н. В. Бергом в его «Записках» (там же). Датируется предположительно периодом между датами первой эпиграммы Щ. на *Гербеля* (см. № 193), совпадающей с годом переезда Щ. в Петербург, и последней эпиграммой на него (см. № 224). Перефразировка широко распространенной загадки А. А. Ржевского («Полезное увеселение», 1761, апрель, № 13, с. 120):

Что редко видит царь,
Пастух то зрит всегда,
А бог не видывал от века никогда?

***235.** ПСС, с. 321, под загл. «N.N.». Печ. по АИ, с. 69. Автограф с разночтениями — ГПБ6. *Он трутню старому науки* и т. д. 19 марта 1860 г. в Петербургском университете состоялся диспут между историками Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным по вопросу о происхождении Руси: первый защищал литовскую, а второй норманскую гипотезу. В «Современнике» (1860, №№ 4, 5) был помещен отчет об этом диспуте и резкая статья Чернышевского против Погодина «Замечание на «Последнее слово г. Погодину» г. Костомарова»; в «Свистке» (1860, № 4) была опубликована издевательская пародия на диспут. *Медовый месяц отравил.* 27 апреля 1860 г. М. П. Погодин вступил в брак с С. И. Бель.

236. ПСС (Лон.), с. 322; ПСС, без загл.; АИ, с подзаголовком «(Посвящается журнальным статейкам последних годов)». Печ. по ПСС (Лон.). Автограф — ГПБ6. Об отношении Щ. к деятельности Петра I — см. №№ 221, 231 и примеч. к ним. *Что сущий искони батог наш величавый* и т. д. Щ. не точен. *Шпицрутеном* — длинным гибким прутом (заимствованным Петром I из Пруссии) — в 1716 г. был заменен кнут; наказание батогом (палкой) сохранялось вплоть до ограничения телесных наказаний в 1863 г.

237. РС, 1873, № 1, с. 118. Автографы: ГПБ, ГПБ6; с разночтениями — ПД; ЦГАЛИ. *Бозио* Анджелина (1824—1859) — итальянская певица, в сезоны 1856—1859 гг. гастролировала в Петербурге; умерла от воспаления легких 13 апреля 1859 г. *Перозио* Николай Павлович — «писатель финансовых и экономических статеек, по большей части обличительных и относящихся к коммерческому миру. Он вел известный публичный спор в зале Пассажа с Н. П. Смирновым, стараясь обличить в неправильности «Отчет Общества пароходства и торговли». Перозио — из одесских итальянцев. Он в Петербурге занимается различными тайными и явными аферами» (примеч. Щ. в автографе ГПБ). Полемика по поводу деятельности Русского общества пароходства и торговли возникла в периодиче-

ской печати в конце 1859 г. Диспут между Перозио, доказывавшим, что дела ведутся бесхозяйственно, и Смирновым, защищавшим правление Общества, состоялся 13 декабря. О В. А. *Кокореве* см. примеч. 209.

238. РС, 1873, № 1, с. 118; ПСС, под загл. «N.N.», с заменой названия «Белосток» на «Ростов». Печ. по ПСС (Лон.), с. 322, загл. восстанавливается по АИ. Автографы: ГПБ, ГПБ6; под загл. «Еще о Розенгейме» — ГПБ7. О М. П. *Розенгейме* см. примеч. 232. *В стихах ты взятки обличал.* Имеется в виду сатирический цикл «Русские элегии» из сборника Розенгейма «Стихотворения» (СПб., 1858). *Как в Белостоке исступленно* и т. д. В автографе ГПБ Щ. сделал примеч.: «Раз при мне сенатор Ховен, в квартире А. Ф. Вельтмана, говорил, что Розенгейм, будучи городничим в Белостоке, неистово брал взятки, за что и был отдан Ховеном как губернатором под суд; но чрез петербургскую протекцию вывернулся. Это было во время Крымской кампании».

239. ПСС, с. 324, под загл. «Экспромт N.N.»; РС, 1891, № 5, под загл. «Экспромт А. А. Григорьеву». Печ. по ПСС, загл. восстанавливается по АИ. Автограф под загл. «Экспромт П. И. Якушкину» — ГПБ6. *Якушкин* Павел Иванович (1820—1872) — писатель и фольклорист демократического лагеря, собиратель народных песен и преданий; в конце 50-х годов сотрудничал в «Русской беседе», затем в «Современнике», «Искре», «Отечественных записках». В «Путевых набросках. . .» Щ. писал 23 сентября 1861 г.: «Якушкин Павел. Лыка не вяжет, мыслете пишет, сидел в части за любовь к народности. Вот и все: полно и всесторонне» (ГПБ). *И кабачный Аполлон.* Об А. А. Григорьеве см. примеч. 183. Здесь — ядовитый намек на пристрастие Якушкина, подобно Григорьеву, к алкоголю. *Мыслете* — см. примеч. 189.

240. РС, 1873, № 1, с. 324. Автограф — ГПБ6, ГПБ. *Европейские слова и азиатские поступки.* Эти строки Щ. стали в 1860-е годы крылатыми словами.

241. РС, 1907, № 4, с 197. В АИ, под общим с № 188 загл. «Русские эпиграммы. (Не для чтения при дамах)». Автограф с датой: 1860 — ГПБ8. Об И. И. *Панаеве* см. примеч. 180, 181. Эпитафия написана за два года до смерти Панаева.

САТИРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

242. ПСС, с. 391; псевдоним Мельникова в загл., его фамилия в тексте и примеч. Щ. восстанавливаются по автографу ГПБ8. Написана во время заграничного путешествия. *Мельников* Павел Иванович (псевдоним — Андрей Печерский) (1818—1883) — писатель; в 1845—1858 гг. служил чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе и в министерстве внутренних дел. На этой службе отличился беспощадными преследованиями раскольников; ходили слухи, что он нечист на руку. Вместе с тем, в своих произведениях, в частности в повести «Поярков», Мельников нарисовал в весьма неприглядных красках гонения на раскольников. *Новая «Северная*

пчела» — «Северная пчела» (см. примеч. 181) после смерти 1 сентября 1859 г. ее редактора Ф. В. Булгарина (см. примеч. 181); газету с 1860 по 1864 г. редактировал Усов Павел Степанович (1828—1888). *Вы в мехи новые налили* и т. д. Перефразировка выражения из Евангелия (Матф., 9, 17; Марк, 2, 22). Здесь Щ. имеет в виду сотрудничество в «Северной пчеле» П. И. Мельникова. *Фаддей* — Ф. В. Булгарин. *Кельсиев* Василий Иванович (1835—1872) — с 1859 г. эмигрант, близкий сотрудник А. И. Герцена; через несколько лет разошелся с ним; в 1867 г. отдался в руки русских властей, написал свою «Исповедь» и был прощен правительством. С книгой Кельсиева «Сборник правительственных сведений о раскольниках, кн. 1—2» (Лондон, 1860—1861) Щ. познакомился, по-видимому, в Париже, в доме Т. П. Пассек, где он часто бывал в апреле 1861 г. *Так сгибли обри стаей злою.* От выражения в «Повести временных лет»: «Погибоша, аки обри», т. е. авары, которые якобы были истреблены богом за насилия над одним из славянских племен — дулебами. *«Атеней»* — историко-литературный журнал, издававшийся в 1858—1859 гг. В послесловии к № 8 за 1859 г. — последнему номеру журнала — говорилось, что редакция прекращает издание, «истощив в борьбе с равнодушием публики все средства».

243. ПСС, с. 392. Автографы: черновой — ГПБ8; ГПБ. *«Век»* — общественно-политический и литературный журнал, издававшийся в 1861—1862 гг.

244. Публикуется впервые. Копия рукой Н. О. Лернера в его «Материалах для собрания сочинений и биографии Н. Ф. Щербины» с пометой: «Эта эпиграмма сообщена мне покойным П. А. Ефремовым, близко знавшим Щербину» (ГПБ). Датируется периодом жизни Щ. в Петербурге до смерти И. И. Панаева. Об И. И. *Панаеве* см. примеч. 180, 181.

245. ПСС, с. 392, под загл. «Эпитафия». Печ. по ПСС, загл. восстанавливается по изд. 1937 г. Автографы: ПД, ГПБ8, ГПБ; последний с примеч. Щ., сделанным в 1868 г. к ст. 2: «NB. Болезнь, под названием «гражданская скорбь», была в это время в моде в Петербурге, так что даже смерть некоторых гимназистов и кадетов была приписываема этой болезни». См. также запись Щ. от 5 февраля 1863 г. в «Петербургских заметках» (ПСС, с. 362—363).

246. ИОРЯС, 1914, № 4, с. 100. Автографы: черновой, с датой: 11 апреля — ГПБ8; под загл. «Головнинскому министерству» и датой: 1862 г. — ПД; два, под загл. «Правительству» и «Министерству» — АН; ГИМ. Адресована министерству просвещения, во главе которого с декабря 1861 по 1866 г. стоял А. В. Головнин (о нем см. примеч. 261). Находясь на службе в министерстве народного просвещения, Щ. был осведомлен о многочисленных проектах либеральных реформ Головнина, касающихся средних и высших учебных заведений. Щ. относился к этим проектам отрицательно, считая, что они могут способствовать лишь росту нигилистических настроений и усилению оппозиционного движения молодежи. Об *«Искре»* см. примеч. 226. Враждебно относившийся к передовым общественным идеям Щ. писал в «Петербургских заметках» в апреле 1862 г. о либеральном и оппозиционном лагерях: «Два противоположные,

по-видимому, лагеря равно... вредны надлежащему развитию народа» (ГПБ).

247. ПСС (Лон.), с. 392. Автограф — ГПБ8. Подражание четверостишию Пушкина о Дельвиге «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...». В эпиграмме имеется в виду И. И. Панаев (см. примеч. 180, 181), его жена А. Я. Панаева была гражданской женой Н. А. Некрасова.

248. ПСС, с. 393. Автографы: ГПБ8, ГПБ, АН; три, один из которых совместно с эпиграммами №№ 258, 261, 265 под общим загл. «Из цикла Головнинского эпоса» — ПД; ЦГАЛИ. *Ищут самые министры* и т. д. Имеется в виду министр просвещения А. В. Головнин и его проекты либеральных реформ (см. примеч. 246). *Школьник, фразами раздутый* и т. д. Речь идет, по-видимому, об участниках массовых волнений студенческой и военной молодежи в Петербурге 1861—1862 гг. *Иль путеец, взяток братель.* Возможно, имеются в виду члены Общества российских железных дорог, огромные растраты и злоупотребления которых были обнаружены в 1861 г. *Иль чиновник либеральный.* Запись Щ. в «Петербургских заметках» (ГПБ) от 13 апреля 1862 г. свидетельствует, что речь идет об Андрее Степановиче Воронове, занимавшем в 1862 г. пост председателя Ученого комитета в министерстве просвещения. *Откупщик — трибун великий* и т. д. Имеется в виду В. А. Кокорев, его роль в основании журнала «Искра» (см. примеч. 226) и влияние «Искры» на рост демократических настроений. *Даже дамы, малолетки* и т. д. В «Петербургских заметках» (ГПБ) Щ. писал 13 апреля 1862 г. о женщинах участницах волнений 1861—1862 гг. — Шелгуновой Людмиле Петровне (1832—1901), Богдановой (в замужестве Быковой) Марии Арсеньевне (ум. 1907), Корсини (в замужестве Утиной) Наталии Иеронимовне, Блюммер (в замужестве Кравцовой) Антонине Петровне (ум. после 1914) и др.

249. ИВ, 1891, № 1, с. 63. Печ. по беловому слою автографа ГПБ8. Автографы (2) — ПД, АН. *Лавров* Петр Лаврович (1823—1900) — философ, публицист, критик; впоследствии — социолог-народник; в 1852—1866 гг. — профессор математики в Артиллерийской академии (имел чин полковника); в 1862 г. сблизился с Н. Г. Чернышевским, вступил в общество «Земля и воля». Щ. познакомился с Лавровым, по-видимому, в доме Штакеншнейдеров во второй половине 1850-х годов; интересовался его философскими работами. В 1859 г. Щ. просил у Лаврова оттиски его работ «Современные германские теисты» («Русское слово», 1859, № 7), «Гегелизм» (БдЧ, 1858, №№ 5, 9), «Механическая теория мира» (ОЗ, 1859, № 4) (см. письмо Лаврова к Щ. от 2-й половины 1859 г. — «Былое», 1925, № 2, с. 8). Поводом для эпиграммы явились, по-видимому, статьи Лаврова с критикой нового Устава Российских университетов «Заметка на замечания г. Пирогова» и «Учиться, но как?» («С.-Петербургские ведомости», 1862, 21 апреля, 16 мая) и популярность Лаврова среди студенческой и военной молодежи.

*250. ПСС, с. 394, с купюрами имен Писаревского в загл., Булгарина и Вольфа — в ст. 2, 6. Печ. по беловому слою автографа ГПБ8. Автограф — ГПБ. *Писаревский* Николай Григорьевич (1823—1895) —

полковник Генерального штаба, один из главных основателей «Товарищества общественной пользы», в 1861 г. — редактор военно-политической и литературной газеты «Русский инвалид», с 1 июня 1862 г. — редактор газеты «Современное слово». О Ф. В. *Булгарине* см. примеч. 181. *Вольф* Маврикий Осипович (1825—1883) — издатель и книготорговец.

251. ПСС, с. 394, под загл. «Графу Межеумкову-Безрассудко». Печ. по ПСС, имя в загл. восстанавливается по автографам. Автографы: под загл. «Графу Григорию Александровичу Межеумкову-Безрассудко» — ГПБ8; ГПБ, АН; два — ПД. *Кушелев-Безбородко* Григорий Александрович (1832—1876) — беллетрист, литературный меценат, с 1859 по июль 1862 г. — издатель журнала «Русское слово». *Посланников японских угощать.* «По прибытии в Петербург японского посольства, граф ему давал великолепный праздник на своей даче. Он издавал журнал и некоторые книги» (примеч. Щ. в автографе ПД). Японское посольство приезжало в Петербург в августе 1862 г. См. также № 284 и примеч. к нему.

252. PC, 1907, № 4, с. 206. Автографы: черновой — ГПБ8; ГПБ; АН; четыре, три из них под загл. «Политический узник», «Политический мученик», «Политический узник в Петербурге» — ПД; ЦГАЛИ. Адресована маркизу *де Траверсе* Николаю Александровичу (1829—1864) — чиновнику особых поручений в Государственном контроле, знакомому М. А. Бакунина. *Забыв гербы своей породы.* Род де Траверсе происходил из Прованса и восходил ко второй половине XIV в. Дед маркиза Н. А. де Траверсе выехал во время французской революции в Россию; с 1811 по 1828 г. был в России морским министром и членом Государственного совета. *Он истый мученик свободы* и т. д. За передачу А. И. Герцену во время поездки в Лондон в январе 1862 г. письма псковского мирового посредника к дворянам с целью публикации в «Колоколе» Н. А. де Траверсе был арестован по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами» («Процесс 32-х») (см.: М. Лемке, Очерки освободительного движения шестидесятых годов, СПБ, 1908, с. 17—230) и заключен 7 августа 1862 г. в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. См. примеч. 255.

253. ПСС, с. 394. Автографы — ГПБ8, ГПБ; ЦГАЛИ.

254. ПСС, с. 395, с автоцензурой ст. 23: вместо «Министерство просвещенья» — «Нам родное просвещенье». Печ. по ПСС, с устранением автоцензуры по автографу ГПБ8. Другие автографы: два, с разночтениями — ПД; АН; ГПБ; ЦГАЛИ. Автограф ГПБ с подзаголовком: «Посвящается достойному начальнику моему, либералу и разных орденов кавалеру, Александру Васильевичу Головнину». Об А. В. Головнине см. примеч. 261. *Всё комическим началом* и т. д. Об отношении Щ. к оппозиционному и либеральному движениям 1860-х годов см. примеч. 246. *Репетилов* — персонаж комедии А. С. Грибоедова (1795—1829) «Горе от ума» (1824), олицетворяющий легковесность и болтливость. Щ. сравнивает с ним Н. А. де Траверсе (см. примеч. 252). *Хлестаков Иван* Александрович — герой комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Щ. сравнивает с ним, по-видимому, А. В. Головнина

(см. примеч. 261). *Манилов* — один из героев «Мертвых душ» Гоголя. *Дон-Кихот* — герой одноименного романа Сервантеса (1547—1616). *Разливая помраченье* и т. д. См. примеч. 257. *Митрофанушка* — герой комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

255. РС, 1907, № 4, с. 207, под. загл. «Алексеевский равелин». Печ. по беловому слою автографа ГПБ8. Другие автографы: два — ПД; ГПБ, АН; ГИМ. Автограф ГПБ8 первоначально имел подзаголовок — «Посвящается Marquis de Traversé, Николаю Потехину, Ничипоренко и tutti quanti». *Алексеевский равелин* — тюрьма с одиночными камерами в Петропавловской крепости, где до середины 1884 г. содержались политические заключенные; в казематы Алексеевского равелина были заключены организаторы восстания декабристов 1825 г., среди них — поэт Кондратий Федорович *Рылеев* (1795—1826); летом 1862 г. по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами» было арестовано 32 человека («Процесс 32-х»); среди них — Н. А. де Траверсе (см. примеч. 252); Потехин Николай Антипович (1834—1896) — чиновник, драматург; Ничипоренко Андрей Иванович (1837—1863) — чиновник, корреспондент «Колокола», член общества «Земля и воля» и др. Участникам освободительного движения 1860-х годов Щ. противопоставляет политических борцов прошлого.

256. ПСС, с. 396, под загл. «Нынешние преступники», с заменой слова «Вы» в 1 ст. на «И»; ИВ, 1891, № 1, с. 67, с ошибочным загл. «1861 год». Печ. по ПСС, загл. и ст. 1 восстанавливаются по автографу ГПБ8. Другие автографы: два — ПД; АН, ГПБ; ЦГАЛИ. Первоначальное загл. в автографе ГПБ8 — «Ничипуренко и Потехин». См. примеч. 255. *Рабон* Жан — владелец кондитерской на Невском проспекте. *И отдать их все «воззванья»*. Имеются в виду, по-видимому, многочисленные прокламации начала 1860-х годов, не имевшие прямого отношения к «Процессу 32-х» (см. примеч. 255).

257. Заноза, 1863, № 43, с. 394, ст. 1—18, подпись: Антроп Бермягин. Печ. по ПСС, с. 364. Автографы: черновой в заметке «Песни для простонародных школ» — ГПБ8; с примеч. Щ.: «По поводу уставов о народных училищах и разных проектах Андрея Воронова и петербургского немца Весселя» — ГПБ. Речь идет о проекте положения о народных училищах, вынесенном на широкое обсуждение с конца 1861 г. Об А. С. Воронове см. примеч. 248. Вессель Николай Христианович (1834—1906) — педагог и журналист; редактор журнала «Учитель». В рукописном наследии Щ. сохранился целый ряд статей, свидетельствующих о серьезном интересе Щ. с конца 1850-х годов к проблеме народного просвещения. Восторженную оценку вызвали у него педагогические идеи Л. Н. Толстого (см. заметку «Из петербургских записок. 1862 г.» — ПД). В 1861 г. Щ. поместил в ОЗ (№ 2) работу «Опыт о книге для народа», высоко оцененную Ф. М. Достоевским в статье «Книжность и грамотность. Статья вторая» («Время», 1861, № 8, с. 91—130). Касаясь же «Проекта положения о народных училищах», Щ. писал: «Общий характер этого «Проекта» носит на себе отпечаток того, что будто он назначен не собственно для России, а для какой-то отвлеченной страны, положим, вроде «Икарии» Кабэ, «Утопии» Томаса Мора, «Атлантиды» Бэкона. . . — так в нем всё чуждо русской действительности, ее условий, свойств простонародья и

его быта» (ПД). Подробно взгляды Щ. на проект изложены в его статье «О народной грамотности и распространении просвещения в народе» (РВ, 1863, № 6, с. 831—858).

258. РА, 1906, № 5, с. 128. Автографы: черновой — ГПБ8; под загл. «Заметка» — ПД; ГПБ. *Кретины в должности министра.* Речь идет об А. В. Головнине (см. примеч. 261). *Кретины в крепости сидят* — см. примеч. 254 и 255.

259. РС, 1907, № 4, с. 198. Автографы: черновой — ГПБ8; под загл. «В. Курочкин» — ПД; под загл. «Василий Курочкин» — ГПБ. *Курочкин* Василий Степанович (1831—1875) — поэт, переводчик, журналист, с 1859 по 1873 г. — редактор сатирического журнала «Искра»; в 1858 г. вышла книга его переводов песен французского поэта Пьера-Жана Беранже (1780—1857); переводы Курочкина были приспособлены к русской политической обстановке. *Щукинские нравы* — по-видимому, от Щукинского (Мариинского) рынка Петербурга.

260. ПСС, с. 397, загл. восстанавливается по автографу ГПБ8. Автограф под загл. «Обличительному поэту, или Темному человеку» (Минаеву) — ГПБ. Адресована Д. Д. Минаеву (см. примеч. 228). *С Толкуна или с Сенной.* Имеются в виду Новоалександровский Толкучий рынок и Сенной рынок в Петербурге с их многочисленными постоялыми дворами.

261. РС, 1907, № 8, с. 263, под загл. «Министр». Печ. по РС, загл. восстанавливается по кн.: А. В. Багрий, Заметки о Н. Ф. Щербине, Баку, 1925, с. 7. Автографы: ГПБ8, ГПБ; два под загл. «Головнин», один вместе с №№ 248, 264, 265, 266 под общим загл. «Из цикла головнинского эпоса» — ПД. *Головнин* Александр Васильевич (1821—1886) — с 1859 г. статс-секретарь и член главного правления училищ при министерстве народного просвещения; с декабря 1861 по май 1866 г. — министр народного просвещения; затем — член Государственного совета. Об отношении Щ. к многочисленным проектам либеральных реформ Головнина см. примеч. 246. *Квазимодо* — герой романа Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери», отличавшийся безобразной внешностью; А. В. Головнин был неблагообразен.

262. ПСС, с. 397, без загл. Печ. по ПСС, загл. восстанавливается по автографу ГПБ8. Автографы: ГПБ, два — ПД; ЦГАЛИ. *«Русское слово»* — журнал, издававшийся в Петербурге с 1859 по 1866 г., был основан Г. А. Кушелевым-*Безбородко* (см. примеч. 251) и издавался им по 1861 г.; с июля 1860 — под редакцией Г. Е. Благосветлова, резко изменившего направление журнала от умеренно-либерального до демократического; в эпиграмме — ядовитый намек на факт основания журнала литературным меценатом.

263. ПСС, с. 397. Автограф — без инициалов Северцова в загл. — ГПБ8. Об Н. А. Северцове см. примеч. 229. В 1864 г. он сопровождал экспедицию генерала М. Г. Черняева (см. примеч. 295), во время которой исследовал пространство между реками Чу и Сыр-Дарья.

264. РС, 1907, № 8, с. 264. Автографы: ГПБ8; под загл. «Головнину» — ГПБ; с №№ 248, 261, 265, 266 под общим загл. «Из цикла

головнинского эпоса» — ПД. Об А. В. Головнине см. примеч. 261. *Твоих уставов гимназисты.* В 1864 г. был принят новый устав гимназий, по которому отменялось преподавание законоведения, предоставлялась свобода педагогическим советам в составлении программ и в выборе учебников.

265. РС, 1907, № 8, с. 264, под загл. «Мадригал». Печ. по РС, загл. восстанавливается по автографу ГПБ8 (черновой). Другие автографы: два — ГПБ; четыре, один из них с №№ 248, 261, 264, 266 под общим загл. «Из цикла головнинского эпоса» — ПД. Об А. В. *Головнине* см. примеч. 261. *Терсит* — см. примеч. 169. *Яго* — герой трагедии Шекспира «Отелло». *Квазимодо* — см. примеч. 261.

266. РС, 1907, № 8, с. 265. Автографы: черновой — ГПБ8; под загл. «Ф. . . . . . ву» — ГПБ; три, один из них вместе с №№ 248, 261, 265 под общим загл. «Из цикла головнинского эпоса» — ПД; ЦГАЛИ. *Феоктистов* Евгений Михайлович (1829—1898) — в 1861 г. редактор журнала «Русская речь», с 1863 г. — чиновник особых поручений при министре народного просвещения А. В. *Головнине* (см. примеч. 261); в то же время — доверенное лицо редактора «Московских ведомостей» М. Н. *Каткова* в Петербурге (см. примеч. 278). Подробнее об этом см.: Ю. Г. Оксман, Е. М. Феоктистов и его воспоминания. — В кн.: Е. М. Феоктистов. Воспоминания, Л., 1929, с. XVI—XXIX.

267. РС, 1907, № 8, с. 264, без загл. Печ. по РС, загл. восстанавливается по автографу ГПБ8. Другие автографы: с разночтениями — ГПБ8; два — ГПБ; три, один из них под загл. «Головнину», совместно с №№ 248, 261, 265, 266 под общим загл. «Из цикла головнинского эпоса» — ПД. См. примеч. 261. В авторском списке 1868 г., сделанном после отставки А. В. Головнина с должности министра просвещения, следующее примеч. Щ. к ст. 4: «Даже, кажется, недаровит и в сем последнем случае. Примеч⟨ание⟩ петербургского бюрократа». (ГПБ).

268. ПСС, с. 398, с пропуском имени Головнина и без ст. 9—12. Печ. по ПСС, имя, ст. 9—12 и слово «мне» в ст. 8 восстанавливаются по автографу ГПБ8. Другие автографы: ГПБ; под загл. «Враг Эроса и Гименея» — ПД. Направлена против реформ министра народного просвещения А. В. Головнина, и, в частности, против нового гимназического устава (см. примеч. 261 и 264).

269. ПСС, с. 398, с купюрами в имени Аксакова в загл. и тексте. Печ. по ПСС, имя восстанавливается по автографу ГПБ8. *Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886) — поэт и публицист славянофильского лагеря, редактор ряда славянофильских изданий; неоднократно обличал правительство со славянофильских позиций. *Блуза* — одежда французского рабочего; синяя блуза воплощает здесь, по-видимому, революционную рабочую Францию. *Посошков* Иван Тихонович (1652—1726) — автор экономического труда «Книга о скудости и богатстве». В 1863 г. М. П. Погодиным был издан второй том его «Сочинений».

270. РС, 1907, № 4, с. 198. Автографы: черновой и беловой — ГПБ8; ГПБ, ПД; ЦГАЛИ. В автографе ПД в ст. 1 следующее

примеч. Щ.: «На одном из спиритических сеансов у генерала Болтина медиумы, вызывая разных духов, вызвали, между прочим, и дух Фаддея Булгарина, как дух компетентный в мире журналистов, чтобы предложить ему несколько вопросов об Андрее Краевском и Илье Арсеньеве». Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — издатель и журналист; в 1863—1884 годах — редактор газеты «Голос», с 1839 г. — издатель-редактор «Отечественных записок», с начала 1860-х годов по 1867 г. фактически редактором не был; как издатель заслужил репутацию стяжателя, эксплуататора литературных сотрудников. См. также примеч. 277. Арсеньев Илья Александрович (1820—1887) — журналист, сотрудник «Северной пчелы», позднее — «Северной почты», с 1865 г. редактор «Петербургского листка», подозревался в связях с III Отделением.

271. ПСС, с. 299, с купюрой последнего слова в ст. 4, которое восстанавливается по автографу ГПБ8, дата: 7 октября 1865 г. *«День»* — еженедельная славянофильская газета, издававшаяся в Москве И. С. Аксаковым в 1861—1865 гг. Осенью 1865 г. в русской периодической печати появился ряд статей против утверждений немецкой прессы, доказывавшей отсутствие народного русского начала в современной русской цивилизации. В «Дне» (1865, 25 сентября) была опубликована редакционная статья, в которой, в частности, говорилось: «. . .Нам надо возненавидеть не немца у него дома или в немецкой природной оболочке, а того немца, которого мы сами вогнали себе внутрь, который глубоко засел нам в ум и даже в душу, — того опасного немца, которого мы перестали и считать за немца и принимаем за русского. . .»

272. ПСС, с. 393, без загл. Печ. по ПСС, загл. восстанавливается по автографу ПД. Другие автографы: черновой, под загл. «Некий Геннадий» — ГПБ8; ГПБ, ПД. *Лермонтов* (или Лермантов) Геннадий Васильевич (1830—1900) — петербургский мировой судья, член Петербургской городской думы; имя Г. В. Лермонтова значится в подписном списке собранных Н. Г. Чернышевским денег для М. Л. Михайлова в декабре 1861 г. Находился под негласным надзором полиции. В авторском списке 1868 г. текст сопровождается следующим примеч. Щ.: «Геннадий Васильевич Лермонтов, тип крайнего петербургского либерала, воспитанник Александровского лицея, чухломский помещик, петербургский домовладелец, действительный статский советник (ровно ничего и никогда не делавший по службе и произведенный в этот чин за отличие чрез свои скрытые происки у начальства), петербургский почетный мировой судья и гласный Петербургской городской думы, хлыщ либерализма и красного фразерства. . . Сей доблестный Геннадий — кавалер ордена Станислава 2-й степени, страстно сочувствовал волнениям студентов и выходкам гимназистов. . .» (ГПБ).

273. РБ, 1914, № 3, с. 9. Автографы — ГПБ8; два как примеч. к № 272 — ПД. О Г. В. *Лермонтове* см. примеч. 272. *Чухломский* — от Чухломы, уездного города Костромской губернии. *Сен-Жюст* Луи-Антуан (1767—1794) — деятель французской буржуазной революции, один из руководителей якобинской диктатуры.

*274. ПСС, с. 399; ИВ, 1891, № 1, под загл. «Французский террор в русском духе». Печ. по ПСС, датируется по автографу ГПБ. Другие автографы: черновой, под загл. «Французская революция, переложенная на русский лад» — ГПБ8; черновой, под загл. «Хроническое увеличение селезенки» — ГПБ; два — ПД. Направлена против многочисленных государственных преобразований 1860-х годов в России и их исполнителей. *Робеспьеров — по акцизу.* Щ. сравнивает с Робеспьером Константина Карловича Грота (1815—1897), с 1861 г. занимавшего пост директора департамента неокладных сборов, преобразованного в 1863 г. из департамента податей и сборов, главного деятеля акцизной реформы (косвенного налога, здесь — на спиртные напитки). См. также примеч. 322. *А Маратов — по контролю.* Щ. сравнивает с Маратом Валериана Алексеевича Татаринова (1816—1871), с 1863 г. — государственного контролера; его изучение с 1856 г. организации государственного контроля в странах Западной Европы легло в основу преобразований Государственного контроля в 1863—1866 г. *Наделить крестьян землею мы Бабефов разослали.* Бабеф Гракх (1760—1797) — деятель французской буржуазной революции. Щ. сравнивает с ним, по-видимому, М. Н. Муравьева, в молодости принимавшего участие в составлении устава «Союза благоденствия», впоследствии изменившего передовым идеям; с 1863 по 1865 г. — генерал-губернатора Северо-Западного края, на посту которого стяжал славу «Муравьева-вешателя»; там же вместе с Л. С. Маковым и В. Д. Левшиным занимался разрешением крестьянского вопроса. *А Барбесов всей душою* и т. д. Барбес Арман (1809—1870) — французский революционно-демократический деятель. Щ. сравнивает с ним Г. В. Лермонтова (см. примеч. 272). *Теруань де Мерикур* (1762—1817) — деятельница французской революции. Возможно, имеется в виду открытие ряда воскресных женских школ; одной из первых (в апреле 1859 г.) была открыта школа Н. А. Шпилевской (см.: Я. В. Абрамов, Наши воскресные школы, СПб., 1900, с. 10). *Клотцы нашим гимназистам* и т. д. Клоотс (или Клотц) Анахарсис (наст. имя Жан-Батист) (1755—1794) — деятель французской революции; по-немецки Klotz — чурбан.

275. РА, 1906, № 5, с. 128. Автографы: с датой: июль 1866 — ГПБ8; ГПБ; два, один из них под загл. «Наставление», с примеч. 1868 г.: «Посвящается некоему члену совета Министра Внутренних Дел и Члену совета Главного Управления по делам печати» — ГПБ; с датой: июль 1866 — ПД.

276. ИОРЯС, 1914, т. 14, № 2, с. 100. Автографы: без загл. — ГПБ8; ГПБ; два с разночтениями, один без загл., другой под загл. «Современный консерватизм» и датой: 9 июля 1866 — ГПБ, два — ПД. *Рескрипт тринадцатого мая.* Имеется в виду «Высочайший рескрипт, данный на имя председателя Комитета министров, действительного тайного советника князя Гагарина», опубликованный 13 мая в «Северной почте». В нем Александр II излагал основы деятельности нового министра народного просвещения Д. А. Толстого, сменившего А. В. Головнина после покушения Д. В. Каракозова.

277. РС, 1907, № 4, с. 207. Автограф с датой: 17 сентября 1866 — ГПБ8. Перифраза строк из баллады Шиллера «Das Siegesfest» (1803).

Дудышкин Степан Семенович (1820 — 16 сентября 1866) — критик и журналист, в 1860—1866 гг. — один из редакторов-издателей «Отечественных записок». *Андрей* — А. А. Краевский — см. примеч. 270. Его газета «Голос» одно время субсидировалась правительством. В «Петербургских заметках» Щ. писал 21 октября 1863 г.: «Министр Головнин для опыта дал журналисту, старцу Андрею Краевскому, казенных (?) денег, 6 тысяч рублей серебром, как субсидию для его газеты «Голос», и что же? — старец Андрей в исступленьи от такой необычайной радости вдруг завыл не своим голосом. . .» (ГПБ).

278. ПСС, с. 400, с заменой в ст. 11 слов «К „Первозванному"» на «Только к ордену», купюрами и ошибками в примеч. Щ. Печ. по ПСС, с исправлениями по беловому автографу ГПБ8. Другие автографы: черновой — ГПБ8; с разночтениями — ГПБ; ПД. Адресована министру внутренних дел в 1861—1868 гг. Валуеву Петру Александровичу (1814—1890). *Флориановская речь.* Флориан Жан-Пьер (1755—1794) — французский писатель. *Риги с Вильной упованье* и т. д. Речь идет о неоднократных и безуспешных попытках П. А. Валуева в 1864—1865 гг. обуздать «Московские ведомости», редактируемые М. Н. Катковым, и «День», редактируемый И. С. Аксаковым, обвинявших правительство и администрацию Юго-Западного края в недостаточно активном подавлении «происков польской пропаганды». (См.: «Сборник распоряжений по делам печати с 1863 по 1 сентября 1865 года», СПб., 1865, с. 28—29; Н. А. Любимов, М. Н. Катков и его историческая заслуга, СПб., 1889, с. 302—316; М. К. Лемке, Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг., СПб., 1904, с. 374—376). *Во французе идеал.* Валуев стремился преобразовать русскую прессу по французскому образцу. *К «Первозванному» стремленье.* Имеется в виду орден св. Андрея Первозванного. *Страсть Каткова взять в тиски.* Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — журналист и публицист, с 1856 г. — редактор-издатель «Русского вестника»; с 1863 г. — редактор газеты «Московские ведомости»; в 1860-е годы — крайний реакционер. В 1866 г., стремясь подчинить своему курсу влиятельную газету, П. А. Валуев сделал два предостережения «Московским ведомостям», редактор которой не считался с цензурой и критиковал правительство за якобы малую активность в борьбе с освободительными идеями 1860-х годов. В мае 1866 г. Валуев сделал неудачно закончившуюся попытку временно (на два месяца) закрыть «Московские ведомости». В роли «примирителя» Каткова с Валуевым выступил сам Александр II (см. об этом в примечаниях И. Я. Айзенштока к кн.: А. В. Никитенко, Дневник, т. 3, Л., 1956, с. 414—417).

279. ПСС, с. 401. Автографы: под загл. «В наше время» — ГПБ8; ГПБ; два, один из которых под загл. «В наше время» — ПД.

280. РС, 1907, № 4, с. 208. Автограф — ГПБ8; с незначительными разночтениями — ГПБ. Об М. Н. *Каткове* см. примеч. 278. Об И. С. *Аксакове* см. примеч. 269. Здесь имеется в виду, по-видимому, полемика «Московских ведомостей» и «Дня» с немецкой консервативной печатью в Прибалтике, озабоченной сохранением господствующего положения немецких магистратов в городах. Газеты Каткова и Аксакова писали о «балтийском сепаратизме» и о пренебрежении

«русских начал». См. также примеч. 278. *Кэ́ткоф лорд* — намек на англоманство Каткова; он состоял членом английского клуба; в конце 50-х годов, желая усвоить опыт английских аристократов в управлении государством, ездил в Англию.

281. ПСС, с. 401. Автографы: ГПБ8, ГПБ; два — ПД. *«Смерть Иоанна Грозного»* — трагедия Алексея Константиновича Толстого (1817—1875); первое представление трагедии состоялось 12 января 1867 г. на сцене Александринского театра.

282. ПСС, с. 402. Автографы: черновой и беловой — ГПБ8; два — ГПБ; два — ПД. *Земства*, или органы местного хозяйственно-распорядительного самоуправления, в России были учреждены положением от 1 января 1864 г.; возлагавшиеся на них большие надежды оказались напрасными. В примеч. к ст. 4 в автографе ГПБ Щ. писал: «Недешево же они стоят нашим бедным крестьянам и землевладельцам!.. Вопрос — стоит ли польза, (бесспорно) приносимая ими, такой громадной суммы денег, ложащейся тяжестью на мужика, и без того всеми обремененного?».

283. ПСС, с. 402. Автографы: ГПБ8; под загл. «Эпиграф» — ГПБ, ПД; под загл. «Предисловие», как эпиграф к тетради эпиграмм «Сатирическая летопись», подаренной К. Д. Кавелину в 1868 г. — ПД; под загл. «В заключенье», последняя в тетради эпиграмм «Сатирическая летопись», подаренной М. Н. Погодину в 1868 г. — ГПБ, ЦГАЛИ.

284. ПСС, с. 403, под загл. «Граф Межеумков-Безбородко». Печ. по ПСС, загл. восстанавливается по автографу ГПБ8. Другие автографы: ГПБ, два — ПД. О Г. А. *Кушелеве-Безбородко* см. примеч. 251. В автографе ПД к загл. примеч. Щ.: «Граф тоже дал блистательный праздник в доме своем на Гагаринской пристани славянам, прибывшим в Россию на этнографическую выставку. Такой же праздник, несколько лет тому назад, он задал и японцам». Описание вечера, устроенного Кушелевым-Безбородко 9 мая 1867 г. участникам Славянского съезда, см. в кн.: А. В. Никитенко, Дневник, т. 3, Л., 1956, с. 84.

285. ПСС (Лон.), с. 403, без ст. 3, 4. Печ. по ИОРЯС, 1909, т. 14, № 4, с. 100. Автограф — ГПБ8.

286. ПСС, с. 403. Автографы: ГПБ8; ГПБ; два, один из которых под загл. «Россия и Европа» — ПД. *С Бисма́рком возятся и галлы, и тевтоны.* Бисмарк Отто Эдуард Леопольд (1815—1898) — государственный и политический деятель Пруссии и Германии, с 1862 г. министр-президент и министр иностранных дел Пруссии, создатель милитаристской Германской империи; с 1871 — германский имперский канцлер. Щ. имеет в виду, во-первых, войны Пруссии с Данией (1864), Австрией (1866), Францией (1867), целью которых было создание единой Германской империи (без Австрии) под гегемонией Пруссии; во-вторых — недовольство прогрессивных кругов Пруссии политикой Бисмарка и, возможно, покушение на него студента Фердинанда Когена, совершенное 7 мая (25 апреля) 1867 г. Об И. А. *Арсеньеве* см. примеч. 270.

287. ПСС, с. 404, с пропуском имени Пыпина. Печ. по ПСС, имя восстанавливается по изд. 1937 г. Черновой автограф — ГПБ8. *Явился «Вестник» к нам, обычно* и т. д. «Русский вестник» — историко-литературный и политический журнал, издававшийся в Москве с 1856 по 1906 г., с момента основания — под редакцией М. Н. Каткова; в первые годы — умеренно-либерального направления; с 1862 г. — крайне реакционного; очередные номера журнала часто выходили с запозданием. *Пыпин* Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы, журналист, с 1866 по 1904 г. — один из членов редакции «Вестника Европы»; в «Русском вестнике» (1867, № 8) помещена отрицательная рецензия на перевод Пыпина совместно с М. А. Антоновичем 3-го издания книги английского ученого В. Юэлла «История индуктивных наук от древнего и до настоящего времени». *Полонский* Яков Петрович (1819—1898) — поэт; в «Русском вестнике» (1867, № 8, с. 378—394) помещена 3-я глава так и не оконченной поэмы Полонского «Братья».

288. ПСС, с. 404, с заменой слова «министры» в ст. 3 на «вельможи» и с пропусками имен Рейтерна и Милютина. Печ. по ПСС с исправлениями по изд. 1937 г., с. 241. Автографы: ГПБ9; с разночтениями — ГПБ; под загл. «Идиллия» — ГПБ; без строфы 3 — ПД; с разночтениями и датой: 27 ноября 1867 г. — ПД. Направлена против либеральных реформ 1860-х годов. *«Злато презренное» Рейтерн извел.* Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890) — министр финансов в 1862—1878 гг. См. также № 289. *Жаждут младенцы у нас революции* — см. примеч. 254. *Поп в нигилисты пошел.* Имеется в виду рост антиправительственных настроений в среде разночинцев. *Милютин* Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — в 1861—1881 гг. военный министр; провел ряд преобразований в русской армии: срок военной службы был сокращен с 25 до 16 лет; улучшен быт солдат, отменены наказания шпицрутенами, ограничено применение розог; 15 мая 1867 г. издан новый военно-судебный устав. *Что уж Бисма́рк из-за Вислы украдкою* и т. д. О Бисмарке см. примеч. 286. Щ. считал, что либеральные реформы 1860-х годов приведут к утрате «национального могущества» России.

289. ПСС, с. 405. Автографы: ГПБ9; два — ГПБ; два — ПД. Катастрофическое падение курса рубля началось еще с ноября 1863 г. после прекращения размена кредитных билетов на золото. Осенью 1867 г. в периодической печати, преимущественно в газете «Голос», появился ряд статей о падении кредитоспособности русского рубля.

290. ИВ, 1891, № 1, с. 64. Автографы — ГПБ9, ГПБ. *Корш* Валентин Федорович (1828—1883) — журналист и историк литературы; в 1863—1874 гг. редактор газеты «С.-Петербургские ведомости» умеренно-либерального направления; вел полемику с реакционной прессой в защиту реформ 1860-х годов.

291. ПСС, с. 405. Автографы: ГПБ9; ГПБ; два — ПД. Ирония над либеральными реформами 1860-х годов; связана, возможно, со статьей великобританского консула в Петербурге Митчела, который писал: «Можно без преувеличения сказать, что казначейство сорвало Государственный Банк, потому что он давно уж не в состоянии вы-

давать за свои билеты звонкую монету и не мог бы возвратить публике ее вкладов...» («Голос», 1867, № 239). См. также примеч. 289.

292. Публикуется впервые по автографу ГПБ8 (черновой). *Константин Палкин* — владелец трактира в Петербурге. Е. Ф. Юнге пишет: «Бывают личности, к которым всю жизнь судьба несправедлива: к таким принадлежал Щербина, и не мудрено, что он сделался мизантропом. Натешивши общество в продолжении целого вечера, вылив в насмешке все свои тайные слезы, иногда набравши в то же время в душу нового негодования, он отправлялся в трактир Палкина и там, одинокий и угрюмый, просиживал до утра; там он работал и читал, а чаще думал свои мрачные думы» (Е. Ф. Юнге, Воспоминания, М., 1900, с. 64—65).

293. ПСС, с. 405, под загл. «Илье», в ст. 2 «достойная» вместо «достигнута». Печ. по ПСС, с исправлениями по автографу ГПБ8. Об И. А. *Арсеньеве* см. примеч. 270. *Зарудный* Алексей Андреевич, вместе с братом Н. А. Зарудным, основал в конце 1864 г. газету «Петербургский листок». И. А. Арсеньев зимой 1865 г. стал редактором газеты и издателем (вплоть до 1867 г.) (см.: «Краткий исторический очерк листка». — «Петербургский листок», 1889, № 72).

294. ПСС, с. 406. Автограф — ГПБ8. *Тотлебен* Эдуард Иванович (1818—1884) — генерал, военный инженер; с 1863 г. товарищ генерал-инспектора по инженерной части.

295. «Биржевые ведомости», 1870, № 68, без загл., в очерке Н. С. Лескова «Загадочный человек. Очерк из истории комического времени на Руси»; ПСС, без имен Ольхина, Черняева, Писарева, Стасова, Муравьева, Некрасова, с опечаткой в имени Каткова; ИВ, 1891, № 1, без имен Ольхина и Стасова. Печ. по ИВ с исправлениями по автографу ГПБ9. Другие автографы: два, один черновой — ГПБ; ПД. *Ольхин* Александр Александрович (1839—1897) — поэт, сотрудник ряда нелегальных изданий; во второй половине 1860-х годов — мировой судья. В автографе ГПБ Щ. делает следующее примеч. к его имени: «Бывший учредитель, распорядитель и секретарь совета известных «воскресных школ 1862 года», по-своему прогрессивнейший, но умственно ограниченный мальчишка, да к тому же еще полуобразованный школьник, верхогляд Александровского лицея, возбуждаемый к деятельности самолюбием, желающий попасть как бы то ни было в храм бессмертия. NB. Матушкин сынок, барчонок и демократ, готовый умереть pour les moujicks из карьеры». *Черняев же от дел отставлен.* Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — генерал, в 1865 г. присоединил к России Ташкент, но был отозван, по-видимому, в связи с происходившим при нем разнузданным грабежом завоеванного края, ставшим достоянием гласности. *Катков преследуем судьбой.* См. примеч. 278. *А Писарев зело прославлен.* Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — критик, революционер-демократ. *Когда стал чином генерал* и т. д. Возможно, речь идет о Стасове Дмитрии Васильевиче (1828—1918) — прогрессивном адвокате и общественном деятеле; в течение многих лет председателе Петербургского совета присяжных поверенных. *И Муравьева воспевал* и т. д. 27 апреля 1865 г. в Петербургском английском клубе на обеде в честь

М. Н. Муравьева, усмирителя польского восстания, тщетно пытаясь спасти от закрытия «Современник», Некрасов прочел приветственные стихи Муравьеву. Этот поступок мучил Некрасова до конца жизни (подробно см. об этом: Б. Я. Бухштаб, О тексте «муравьевской оды» Некрасова. — В кн.: «Библиографические разыскания по русской литературе XIX века», М., 1966, с. 108—116). *Тургеневским рассеясь «дымом».* Имеется в виду роман «Дым», был напечатан в «Русском вестнике» (1867, № 3).

296. ПСС, с. 407. Автографы: ГПБ9; два — ГПБ; два — ПД. *Семь лет тому назад вакансий ряд открылся* и т. д. В 1861 г. новые министры возглавили министерство народного просвещения (А. В. Головнин — см. примеч. 261), внутренних дел (П. А. Валуев — см. примеч. 278), военное (Д. А. Милютин — см. примеч. 288); произошел ряд замен внутри министерств. *Лишь только Здравый Смысл в отставку удалился* и т. д. Ирония над периодом либеральных реформ 1860-х годов.

297. ПСС, с. 408, с купюрой в имени Тютчева и заменой слова «Главном» в ст. 1 на «этом». Печ. по ПСС, с исправлениями по изд. 1937 г., с. 243. Автографы: ГПБ9; два — ГПБ; два — ПД. С 1865 г. Ф. И. *Тютчев* был членом Главного управления по делам печати. По должности ему приходилось участвовать в цензурных репрессиях против газеты «Москва», редактировавшейся И. С. Аксаковым (см. примеч. 269), мужем дочери Тютчева — *Анны* Федоровны Тютчевой (1828—1889). В течение 1867 г. «Москва» получила 8 цензурных предостережений.

298. ПСС, с. 408, с пропуском имени Лермонтова. Печ. по ПСС, имя восстанавливается по автографу ГПБ9. Другие автографы: ГПБ, ПД. О Г. В. *Лермонтове* см. примеч. 272.

***299.** ИВ, 1891, № 1, с. 65, под загл. «Marquis de W ***». Печ. по ИВ, имя в загл. восстанавливается по содержанию. Черновой автограф под загл. «Marquis de ***» — ГПБ9. О министре внутренних дел П. А. *Валуеве* см. примеч. 278. *Рескрипт тринадцатого мая* — см. примеч. 276. *Тиблен* Николай Львович — издатель, владелец типографии в Петербурге, в начале 1860-х годов был связан с «Землей и волей»; в конце 1867 г. получил разрешение на издание журнала «Современное обозрение». *Да поражает он Каткова.* О М. Н. Каткове и его отношениях с Валуевым см. примеч. 278. *Монтаньярская сила.* Монтаньяры — название революционно-демократической группы депутатов Конвента в период буржуазной революции во Франции.

300. ПСС, с. 408. Автографы: сначала под загл. «Загадка» — ГПБ9; ГПБ.

301. ПСС, с. 409, с пропуском имени Валуева. Печ. по ПСС, с исправлением по автографу ГПБ9. Другие автографы: ГПБ, ПД. *Даже к школам не имел призвания.* Речь идет об А. А. Ольхине (см. примеч. 295). К этому стиху в автографе ГПБ примеч. Щ.: «„Воскресным школам 1862 года". NB. Учредители и распорядители этих школ занимают теперь в Петербурге должности мировых судей или значительные, с большим окладом... равно как и многие другие моло-

дые люди и средних лет, заявившие подобного рода направление. Простодушные же и честные юноши из них в опале или в ссылке». *Сам Валуев розы покровительства* и т. д. См. примеч. 278 и 299. *Хохол-сепаратист.* В середине 1863 г. в русской реакционной печати был поднят вопрос об «украинском сепаратизме», под которым подразумевались проявления растущего национального самосознания украинского народа. В центре внимания оказался русско-украинский историк Н. И. Костомаров, отстаивавший, в частности, целесообразность введения в украинских школах преподавания на родном языке. Щ. имеет в виду, возможно, Николая Николаевича Анненкова, с 1862 г. — киевского, подольского и волынского губернатора, которого М. Н. Катков неоднократно обвинял в пособничестве развитию «украинского сепаратизма». См.: А. В. Никитенко, Дневник, т. 2, с. 381, 623.

302. ИВ, 1891, № 1, с. 66, под загл. «XIX век». Печ. по ИВ, загл. восстанавливается по автографу ГПБ9.

303. ИОРЯС, 1914, т. 4, с. 101, под загл. «По государственной логике». Печ. по ИОРЯС, загл. восстанавливается по автографу ГПБ9 (автограф черновой). Другие автографы: ГПБ; под загл. «По государственной логике» — ПД. См. примеч. 255, 296.

304. ИВ, 1891, № 1, с. 64, под загл. «Без названья». Печ. по ИВ, загл. восстанавливается по автографу ГПБ9 (этот автограф сначала имел загл: «Опять тарифная комиссия»). Другие автографы: ПД; два, один из них под загл. «Эпилог», — ГПБ. *Рюрик* (ум. 879) — по летописному преданию, первый русский князь, родоначальник княжеской династии Рюриковичей. *Синеус* (ум. 864) — брат Рюрика. *Тупей тех не было людей* и т. д. См. примеч. 274.

305. РС, 1873, № 1, с. 119. Печ. по ПСС, с. 410. Автографы: черновой, сначала под загл. «Упразднение ведомства» — ГПБ; ПД; два — ГПБ. Написана в связи с оживленной полемикой по поводу реформы школьного образования, готовившейся министерством народного просвещения, возглавляемого с 1866 г. Дмитрием Андреевичем *Толстым* (1823—1889). Основной задачей реформы являлась замена «реального» образования «классическим», с преимущественным вниманием к древним языкам. *Гумбольдт.* Имеется в виду либо Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель и путешественник, либо Гумбольдт Вильгельм (1767—1835) — немецкий филолог.

306. РС, 1873, № 1, с. 119. Печ. по ПСС, с. 410. Автографы: ГПБ9; два — ГПБ; ПД. Автограф ПД со следующим примеч. Щ.: «Один из членов в заседании Комиссии заявил, что так как кофе имеет свойство, по свидетельству Молешотта, развивать умственные способности, то уж по этому одному нужно с кофе сбавить пошлину, в тех видах, что масса народа может от чаю обратиться к дешевому кофе и, таким образом, поумнеет и просветлится». См. № 305.

307. ПСС, с. 410. Автографы — ГПБ6; под загл. «В настоящем» — ПД, ГПБ. См. примеч. 296.

308. ПСС, с. 411. Печ. по ПСС, загл. восстанавливается по автографу ГПБ9. Другие автографы: ГПБ; ПД, последний с примеч. Щ. к загл.: «По поводу их неожиданного товарищеского соединения в 1868-м году, в издании „Отечественных записок“». Об А. А. *Краевском* и отношении к нему Щ. см. № 270 и примеч. к нему. В мае 1866 г. был закрыт «Современник». С 1868 г. под редакцией Н. А. Некрасова стали выходить «Отечественные записки»; уступив все редакционные права Некрасову, Краевский выговорил себе определенный доход с журнала.

309. РС, 1872, № 1, с. 158. Печ. по ПСС, с. 411. Автографы: черновой — ГПБ9; ПД; два — ГПБ, один из них с примеч. Щ., сделанным в 1868 г.: «Вот уже три года, как автор лишился голоса, вследствие хронического катарра дыхательных путей. Марио же, спавши с голоса, был за большие деньги ангажирован на петербургскую оперную сцену». *Марио* (1812—1883) — итальянский певец; жил во Франции; в 1868 г. гастролировал в Петербурге.

310. ПСС, с. 411, с пропуском имени Валуева. Печ. по ПСС, имя восстанавливается по автографу ГПБ9. Другой автограф — ГПБ. *Мадзини* Джузеппе (1805—1872), *Брут* Луций Юний (I в. до н. э.), *Брут* Марк Юний (85—42 до н. э.), *Муций* Сцевола (VI в. до н. э.) — люди высокой гражданской доблести, борцы с тиранией. О П. А. *Валуеве* см. примеч. 278. О Н. Л. *Тиблене* см. примеч. 299. *А кончили вы чем? — изданьем словаря.* Имеется в виду, возможно, предпринятое Тибленом семитомное издание переводов английского философа и социолога Герберта Спенсера (1820—1903).

311. ПСС, с. 411, под загл. «Японской Академии наук по избрании нового члена», без слов «холопей Академия» в ст. 4. Печ. по ПСС (Лон.), загл. восстанавливается по автографу ГПБ9. Автограф под загл. «Академии наук, по избрании в члены В *** » — ГПБ. Министр внутренних дел П. А. *Валуев* (см. примеч. 278) был избран почетным членом Академии наук 29 декабря 1867 г.

312. ПСС, с. 412. Автографы: ГПБ8; под загл. «Мимоходом» — ПД; под загл. «Редактору „Искры“» — ГПБ. Об «Искре», ее редакторах и отношении Щ. к ним см. примеч. 226.

313. ПСС, с. 412. Автографы: ГПБ9, ГПБ, ПД; ЦГАЛИ. См. примеч. 274.

314. ПСС, с. 412, с пропуском имени Рейтерна. Печ. по ПСС, имя восстанавливается по автографу ГПБ9. Автографы под загл. «70 миллионов святых бессребреников» — ГПБ, ПД. В автографе ПД к загл. следующее примеч. Щ.: «Известно, что в богохранимой России 70 миллионов жителей, из коих сидит «кийждо под смоковницею своею». Говорят, что благочестивые и благодарные россияне, в память министерства Рейтерна, повсюду возымели мысль сооружать часовни во имя святых бессребреников Косьмы и Дамиана». *Косьма* и *Демьян* (Дамиан) (III в.) — два брата, медики по образованию; за свои исцеления не требовали другого вознаграждения, кроме веры в Иису-

са Христа, за что были названы бессребрениками. О М. Х. *Рейтерне* см. примеч. 288.

315. ПСС, с. 413, с исправлением в ст. 2 по автографу. Автографы: черновой и беловой (с датой: 7 марта) — ГПБ9; ГПБ. См. примеч. 261, 274 и др.

316. ИВ, 1891, № 1, с. 64. Автограф — ГПБ9. О В. Ф. *Корше* см. примеч. 290.

317. ПСС, с. 413. Автографы: ГПБ9; ПД; под загл. «По прочтении IV тома „Войны и мира"» — ПД. Написана по поводу романа Льва Николаевича Толстого (1828—1910) «Война и мир» (1863—1869). *Вавилон* — здесь: смешение полярных начал. *А в философии бурбон.* Щ. разделял довольно распространенную точку зрения современников на философию истории Толстого как доморощенную.

318. ПСС, с. 413, без строфы 1, под загл. «Заметка»; ИВ, 1891, № 1, с. 63, без строфы 2, под загл. «Северо-западный политик». Полностью публикуется впервые по автографу ГПБ9. Два других автографа — ГПБ, один из них с примеч. Щ.: «По поводу назначения «Северо-западного политика» и тонкого кадетского дипломата». Адресована Потапову Александру Львовичу (1818—1886), генерал-адъютанту, с 1864 г. — помощнику генерал-губернатора Северо-Западного края, с начала 1868 г. — генерал-губернатору. В изд. 1937 г. предполагаемым адресатом эпиграммы ошибочно называется П. Н. Игнатьев, русский посол в Константинополе. *Макиавелли* Никколо ди Бернардо (1469—1527) — итальянский писатель и политический деятель. *Талейран* Шарль Морис (1754—1838) — выдающийся французский дипломат.

319. ПСС, с. 414, без загл., с заменой слова «царского» в ст. 3 на «одного». Печ. по ПСС, с исправлениями по автографу ГПБ9, имя адресата эпиграммы восстанавливается по содержанию. *Адлерберг* Александр Владимирович (1819—1889) — сверстник и друг Александра II, его личный секретарь; в 1860—1861 гг. — член Главного управления цензуры; с 1872 — министр императорского двора. *Лишь для царского кармана* и т. д. Александр II неоднократно оплачивал долги А. В. Адлерберга (см.: С. А. Рейсер, Артур Бенни, М., 1933, с. 107).

320. ПСС, с. 414, с купюрой в имени Якушкина в загл. Печ. по ПСС, загл. восстанавливается по изд. 1937 г. Автограф — ГПБ9. О П. И. *Якушкине* см. примеч. 239. Здесь речь идет о пристрастии Якушкина к алкогольным напиткам.

321. ПСС, с. 414, без загл. Печ. по ПСС, загл. восстанавливается по автографу ГПБ9. Автограф под загл. «Книгопродавец Маврикий (Мошка) Вольф» — ГПБ. О М. О. *Вольфе* см. примеч. 250.

322. ПСС, с. 415, без слов «из Грота» в ст. 7. Печ. по изд. 1937 г., с. 253. Автографы — ГПБ9, два — ГПБ. Щ. издевается над последствиями акцизной реформы, по которой акциз на спиртные напитки заменил собой практику сдачи на откуп права производства вина и

торговли им. Общая акцизная система взимания питейных сборов при посредстве Казенного управления была введена в России с 1 января 1863 г. Вследствие этих преобразований вино значительно подешевело. Ведущим деятелем акцизной реформы был Константин Карлович *Грот* (см. примеч. 274).

323. ПСС, с. 415. Автографы: ГПБ9; два — ГПБ. Направлена против консерваторов дореформенных лет и либеральных деятелей 1860-х годов.

324. ПСС, с. 415. Автографы: ГПБ9; два, один из них с разночтениями — ГПБ. См. примеч. 322.

325. ПСС (Лон.), с. 416, с пропуском имени Грота, без ст. 5; ИВ, 1891, № 1, с пропуском имени Грота. Печ. по автографу ГПБ9. Два других автографа под загл. «Дополнение к „Толковому словарю"» — ГПБ. Эпиграф — неточная цитата из Библии (Псалтирь, псалом 139, ст. 7). *Русский Толковый словарь* — «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1801—1872). О К. К. *Гроте* и акцизной реформе см. примеч. 274.

*** 326.** ПСС, с. 416. Автографы: черновой — ГПБ9; с разночтениями — ГПБ. Судебная реформа была проведена в России в 1864 г.: был учрежден суд, независимый от администрации; разбирательство уголовных дел предоставлялось присяжным заседателям. В данной эпиграмме Щ. имеет в виду, по-видимому, дело братьев Мясниковых, обвинявшихся в ряде подлогов, в отравлении и т. д. Судом присяжных они были оправданы — по слухам, благодаря «тайным проискам» афериста А. А. *Бильбасова* (см.: А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни. Воспоминания, т. 2, М., 1930, с. 287—288).

327. ИВ, 1891, № 1, с. 65. Автограф — ГПБ9. *Зоил* — мелочный и завистливый критик, от имени древнегреческого оратора и критика Зоила (ок. 400 — ок. 330 до н. э.), известного своими насмешками над Гомером. *Какой-то Зет.* Z — псевдоним В. П. Буренина. Об *«Искре»* см. примеч. 226. В ней печатались пародии Д. Д. Минаева на Щ. *«Неделя»* — еженедельная газета, с 1868 г. — демократического направления.

328. ПСС, с. 416. Автографы: черновой — ГПБ; ГПБ9.

329. ПСС, с. 417, без ст. 7, 8. Печ. по РС, 1891, № 3, с. 676. Автографы: ГПБ9, с датой: 11 января 1869 — ГПБ.

330. ПСС, с. 417, без имени Лохвицкого. Печ. по ПСС, имя восстанавливается по автографу ГПБ9. Два других автографа с разночтениями — ГПБ; один с датой: 11 января. *Лохвицкий* Александр Владимирович (1830—1884) — юрист, доктор прав; с 1866 г. совместно с А. А. Чебышевым-Дмитриевым — издатель-редактор «Судебного вестника»; с конца 1860-х годов — присяжный поверенный; его адвокатская деятельность была неоднократно предметом оживленной полемики в печати.

331. ПСС, с. 418, без имени Грота в заглавии и без строфы 1; ИВ, 1891, № 1, с. 65, строфа 1, без имени Грота в загл. Печ. полно-

стью впервые по автографу ГПБ9; другие автографы под загл. «Панихида по Гроте (Epicedium)», с разночтениями — ГПБ; с датой: 10 января — ГПБ. См. примеч. 274, 322. *«Мыслете пишет»* — см. примеч. 189.

332. ПСС, с. 418, без загл. и имени «Геннадия» в ст. 4; ИВ, 1891, № 1, под загл. «Паки о ***», без имени «Геннадия» в ст. 4. Печ. по ПСС, с исправлениями по автографу ГПБ9. См. эпиграммы №№ 272, 298 и примеч. к ним.

333. ПСС, с. 419, под загл. «Газете», без слова «Коршева» в ст. 1. Печ. по публикации Р. Г. Магиной в кн.: «Доклады восьмой научно-теоретической конференции», т. 2, Ростов, 1966, с. 101 (Таганрогский пед. ин-т). Автограф — ГПБ9. «Петербургские ведомости» — см. примеч. 290.

334. ПСС, с. 419, с датой: 3 марта 1868. Датируется по черновому автографу ГПБ9. *По высочайшему указу* и т. д. Имеется в виду указ 17 апреля 1863 г. «О некоторых изменениях в существующей системе наказаний уголовных и исправительных», по которому от телесных наказаний освобождались женщины, представители духовенства, интеллигенции, отменялись шпицрутены в армии и т. д.

335. ПСС, с. 420, с датой: 5 марта 1868 г. Датируется по автографу ГПБ9. Отклик Щ. на студенческие волнения петербургской учащейся молодежи в начале 1869 г. Славянский благотворительный комитет был учрежден в Москве М. П. Погодиным в 1858 г. для помощи славянам из добровольно собираемых пожертвований. В 1868 г. был образован петербургский отдел Славянского комитета.

* 336. ПСС, с. 419, под загл. «Проект о кочевниках». Печ. по ПСС, с исправлением опечатки в ст. 2, загл. восстанавливается по черновому автографу ГПБ9. Речь идет о положении 21 октября 1868 г. С целью усиления оседлости местного населения был принят проект «Об учреждении 4-х областей из киргизских степей Оренбургского и Сибирского ведомств и земель Уральского и Сибирского «казачьих войск» — Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» (Голос, 1868, 16 ноября). Осуществление этого проекта должно было завершиться к 1873 г. *Констан* Бенжамен (1767—1830) — французский писатель, публицист и политический деятель, автор ряда работ по конституционным вопросам. *Леру* Пьер (1797—1871), *Кабе* Этьенн (1788—1856) — французские социалисты-утописты.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

337. СО, 1838, № 10, с. 99, подпись: Н. Щербинин; РМ, 1914, № 4, с разночтениями. Печ. по СО. Автографы: ГПБ; с примеч. Щ.: «1838 год. Таганрог. NB. Первое напечатанное стихотворение. — «Сын отечества», 1838 год, № 10, октябрь» — ГПБ1а; без подзаголовка, с датой: 1837, с разночтениями — БЛ. Ср. с элегией «Море» В. А. Жуковского и стих. «Море» В. Г. Бенедиктова.

338. Молодик, 1843, с. 87, дата: 1840. Печ. и датируется по автографу ГПБ1б. Другой автограф — БЛ.

339. ОЗ, 1841, № 5, с. 72. Автографы: ПД, ГПБ, БЛ. Тема освободительной борьбы греческого народа против турецкого господства легла в основу ряда стихотворений Щ. 40-х годов (см. №№ 367, 369) и незаконченной драмы «Ипсара» (см. № 461). См. также в прилож. статью Щ. «Новогреческие песни». *Сантуринское* — вино, которым славился греческий остров Санторин. *Янина* — один из экономических и культурных центров Греции.

340. ОЗ, 1851, № 3, с. 110. Автографы: два, один без посвящения, в другом вместо посвящения подзаголовок «(Вольный перевод из Байрона)» — ГПБ; без подзаголовка, с разночтениями — БЛ. Перевод стихотворения Байрона «Maid of Athens, ere we part» (1810). Ср. с переводом Л. А. Мея «Афинской девушке». 3 апреля 1851 г. Щ. писал В. П. Гаевскому о своем переводе: «Это детская вещь, написанная мною чуть ли не в воротничках à l'enfant. Это подражание, перевод Байроновской или новогреческой песенки» (ГПБ). Лев Иванович *Арнольди* (ум. 1860) — московский знакомый Щ. *Аттика* — см. примеч. 15. *Истамбул* (Стамбул) — турецкое название Константинополя.

341. П, 1841, ч. 1, с. 42, под загл. «Ночь в Венеции. (Посвящ⟨ается⟩ Александру Фомичу Вельтману)», подпись: Николай Щербин ***, ц. р. 26 апреля 1841 г. Печ. по автографу БЛ. Датируется по первой публ. Вельтман Александр Фомич (1800—1870) — писатель; Щ. познакомился с ним в конце 30-х годов в Москве, куда приезжал с намерением поступить в Московский университет. *Торкватова октава.* Тассо Торквато (1544—1595) — итальянский поэт, его поэма «Освобожденный Иерусалим» написана восьмистишной строфой — октавой.

342. Молодик, 1843, с. 179, с подзаголовком «Посвящ⟨ается⟩ брату Владимиру». Печ. по автографу ГПБ1б. Другой автограф — БЛ. На титульном листе тетради автографов с данным стихотворением помета Щ.: «При сем приложены ноты „Колыбельной песни"» (БЛ). Положено на музыку А. А. Киреевым. О В. Ф. Щербине см. примеч. 121.

343. ИВ, 1906, № 10, с. 236; ИОРЯС, без ст. 19—24. Печ. по ИВ. Автографы: с примеч. Щ. к загл.: «Кали-никта-сас — добрая ночь. Приветствие современных греков» — ГПБ1а; БЛ.

344. Молодик, 1843, с. 183, под загл. «„Янинская темница". Греческая песня», с эпиграфом: «'Σ τὰ 'Ιάννινα στὴν φυλαχὴν τὸν εἴδαμεν χλεισμένον. ⟨В Янине мы увидели его запертым в тюрьме. — греч.⟩. Клефтическая песня», ц. р. 10 сентября 1842 г. Печ. по автографу ГПБ1б. Автограф также: БЛ, под загл. «Янинская темница», с указанием автора, из которого заимствован эпиграф, — Асма Трек; после эпиграфа подзаголовок «Посвящ⟨ается⟩ И. Е. Сиоти». *Химет*, Гиметт — горная цепь на юго-востоке Средней Греции. *Тебелин* — Али-паша Тепелинский (1744—1822), с 1788 по 1822 г. управлял Янинским пашалыком. *Аттика* — см. примеч. 15.

345. Молодик, 1843, с. 253, без подписи, ц. р. 10 сентября 1842 г.; РМ, 1914, № 4, в статье А. Кондратьева «Материалы по истории русской литературы и культуры. Молодость поэта Щербины», под загл. «Бывают дни недуга рокового...», со ссылкой на автограф (не сохранившийся?) Румянцевского музея. Печ. по альм. «Молодик».

***346.** Молодик, 1843, с. 340, ц. р. 10 сентября 1842 г.; ИВ, 1891, № 1. Печ. по автографу ГПБ1б. Другие автографы: с разночтениями — БЛ; ст. 1—17 — ГПБ; с разночтениями — ГПБ5.

347. Молодик, 1843, с. 249, подпись: ***, ц. р. 10 сентября 1842 г.; РМ, 1914, № 4. Печ. по автографу ГПБ1б. Другой автограф — БЛ.

348. Молодик, 1843, с. 338, ц. р. 10 сентября 1842 г. Печ. по автографу ГПБ1б. Другой автограф — под загл. «Дон Хуан» — БЛ. Основано на сюжетных мотивах «Каменного гостя» (1830) А. С. Пушкина. *De profundis* — католическая заупокойная молитва. *Алгвазил* — от испанского «alguacil» — полицейский.

349. Молодик, 1843, с. 74, ц. р. 10 сентября 1842 г. Автографы — ГПБ1а; под загл. «Украинская песня XVII века» — БЛ. *Богдан* — Богдан Хмельницкий (1595—1657) — организатор освободительной борьбы украинского народа против шляхетской Польши в 1648—1654 гг., гетман Украины (1648—1657). *Яссы* — город в Румынии; ранее — главный город Молдовы; в 1659 г. под Яссами произошло сражение казаков с турками. *Реки красные пустили* и т. д. Имеется в виду борьба под руководством Хмельницкого в первой половине 1850-х годов с польско-литовскими отрядами, захватившими центральную часть Украины. *Мы на чайках без помехи* и т. д. Речь идет о походах казаков в татарские и турецкие владения по Днепру на лодках (иначе — чайках). *Трапезунд* — торговый порт Турции; в 1616 г. был захвачен казаками под предводительством гетмана Конашевича-Сагайдачного.

***350.** Молодик, 1843, с. 261, ц. р. 10 сентября 1842 г.; ИВ, 1891, № 1, под загл. «Дума доброго молодца». Печ. по автографу ГПБ1б. Другой автограф — БЛ.

351. Молодик, 1843, с. 79, ц. р. 10 сентября 1842 г. Печ. по автографу ГПБ1б. Другой автограф — БЛ. *Иван-озеро*, или Ивановское озеро — в Тульской губернии. *Шат* — река, вытекающая из Иван-озера; впадает в реку Упу. *Авары,* или аварцы — народность, живущая в нагорной части Дагестана. *Дон* — вытекает из Иван-озера; впадает в Азовское море.

352. Молодик, 1843, с. 184, под загл. «Про себя. Перевод с чешского», ц. р. 10 сентября 1842 г. Печ. по автографу ГПБ1а.

***353.** Молодик, 1843, с. 175, ц. р. 10 сентября 1842 г.; ИВ, 1891, № 1. Печ. по автографу ГПБ1а. Написано, по-видимому, под влиянием стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» (1840). *Фонтенбло* — загородная резиденция французских королей, недалеко от Парижа. После своего отречения 11 апреля 1814 г. Наполеон под-

писал в Фонтенбло Парижский договор, по которому получил остров Эльбу и сохранил императорский титул. *Сирийское солнце ту шляпу палило* и т. д. Имеются в виду военные походы Наполеона I в Египет и Сирию в 1799 г. и Отечественная война 1812 г.

354. Молодик, 1843, с. 250, без подписи, ц. р. 10 сентября 1842 г.; РМ, 1914, № 4, в статье А. Кондратьева «Материалы по истории русской литературы и культуры. Молодость поэта Щербины», под загл. «Я не приду на праздник шумный...», со ссылкой на автограф (не сохранившийся?) Румянцевского музея. Печ. по альм. «Молодик».

***355.** Молодик, 1843, с. 331, с подзаголовком «(Посвящается О. О-ой)» и эпиграфом: «Νά 'πῶ τραγούδια θλιβερὰ καὶ παραπονεμένα ⟨Петь ли мне печальные и жалобные песни. — греч.⟩ Греческая песня», с датой: 8 января 1842 г. Печ. по автографу ГПБ1б. Другой автограф — под загл. «Греческая ночь», с указанием автора, из которого заимствован эпиграф, — Асма Трек, без строфы 3, с разночтениями — БЛ. *Аттическая ночь*. Аттика — см. примеч. 15. *Пирейские воды* — см. примеч. 131.

356. Молодик, 1844, с. 85, подпись: Фата-Моргана. Автографы: БЛ, ГПБ1б, ГПБ4; авторизованные копии — ПД, ГПБ5. *То ряд колонн неясною громадой* и т. д. Первое проявление антологических мотивов, занявших столь существенное место в поэзии Щ. 1840—1850-х годов.

357. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 136. Автографы (2) — БЛ. Датируется по наличию одного из автографов в тетради Т3.

358. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 144. Автографы (2) — БЛ. Датируется по наличию одного из автографов в тетради ТБ1.

359. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 135. Автограф — БЛ. Датируется по наличию автографа в тетради Т3.

360. Молодик, 1844, с. 83, подпись: Фата-Моргана. Печ. по РМ, 1914, № 4, с. 123. Автографы — ГПБ1б, два — БЛ. Датируется по наличию одного из автографов БЛ в тетради Т3.

361. Молодик, 1844, с. 63, в цикле «Греческие мелодии», с общей датой: 1843. Автографы — БЛ, ГПБ. Датировка подтверждается наличием автографа БЛ в тетради ТБ1.

362. Молодик, 1844, с. 63, в цикле «Греческие мелодии», с общей датой: 1843. Печ. по ОЗ, 1851, № 1, с. 41. Автографы — ГПБ1б; с эпиграфом:

«Μιὰν ὡραῖαν ἀγαποῦσα,
Καὶ τὸ νεῦμά της ζητοῦσα,
Νὰ μ' ἀφήσῃ να τολμήσω
Μιὰν φορὰν νὰ τὴν φιλήσω

⟨Любящая одну лишь красоту и ее проявлений ищущая, позволит ли она, чтобы я поцеловал ее хоть раз? — греч.⟩. Греческая песня» — БЛ.

363. РС, 1906, № 12, с. 690. Автографы: два — БЛ, ГПБ1б. Датируется по наличию автографов БЛ в тетради Т3 и ТБ1.

364. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 133. Автографы: два — БЛ, один без подзаголовка. Датируется по наличию одного из автографов в тетради Т3.

365. ИВ, 1906, № 10, с. 233. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2. Печ. по ИВ. Автографы: два — БЛ; с разночтениями — ГПБ1б. Датируется по наличию автографов БЛ в тетради Т3 и ТБ1. *Природа воспрянет ото сна* — перефразировка строки из стих. Пушкина «К Чаадаеву» (1818).

366. РС, 1906, № 12, с. 686; ИОРЯС, 1909, т. 14, № 12, без подзаголовка. Печ. по РС. Автографы: два без подзаголовка — БЛ; ГПБ. Датируется по наличию одного из автографов БЛ в тетради Т3. *Ксанф* — крупнейший город области, расположенный в древности на юго-западном побережьи Малой Азии — Ликии.

367. Молодик, 1844, с. 63, под загл. «Моряк. (Посвящается М. Е. Капараки)». Печ. по ОЗ, 1851, № 1, с. 42. Автографы — под загл. «Моряк» — БЛ, ГПБ. Датируется по наличию автографа БЛ в тетради ТБ1. Легло в основу распространенной матросской песни «Кочегар» («Раскинулось море широко. . .»), положенной на музыку А. Гурилевым. М. Е. Капараки — гимназический приятель Щ.

368. ИВ, 1891, № 1, с. 59, под загл. «Пир в Хиосе»; ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 133, под загл. «Пир». Печ. по автографу БЛ. Датируется по наличию автографа в тетради Т3. *Наксос* — остров в Эгейском море, славившийся своим вином; здесь — вино. *Алоэ Индии* — алойное дерево, при сожжении пахнет ладаном. *Хиос* — см. примеч. 23.

369. Молодик, 1844, с. 71, в цикле «Греческие мелодии», с общей датой: 1843. Автограф — ГПБ1б.

370. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 131. Автограф — БЛ. Датируется по наличию автографа в Т3. *Атридов щит* — т. е. щит Агамемнона (см. словарь).

371. Молодик, 1844, с. 90, с пропуском ст. 5, подпись: С. Будимирович. Печ. по автографу БЛ. Датируется по нахождению автографа в тетради Т3. *Ордынка* — Ордынка Большая и Ордынка Малая — московские улицы.

372. ИВ, 1906, № 10, с. 233, без. загл. Печ. по автографу ГПБ4, дата: 1844. Автографы без загл. — БЛ, ГПБ2. Датируется по наличию автографа БЛ в тетради Т3. Посвящено, по-видимому, М. Е. Русовой, юношескому увлечению Щ. (см. также № 378).

373. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 147. Автограф — БЛ. Датируется по нахождению в тетради ТБ1.

374. РС, 1906, № 12, с. 691. Автографы: два с подзаголовком «А. Д. Р.» — БЛ; ГПБ1б. Датируется по наличию автографов БЛ в тетрадях Т3 и ТБ1.

***375.** Молодик, 1844, с. 92, подпись: Щ.; ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 140, под загл. «Голос из гроба». Печ. по автографу ГПБ1. Другие автографы: два, один из них с датой: 3 апреля 1843 г., другой под загл. «Голос из гроба» — БЛ.

376. РС, 1907, № 4, с. 199; ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2. Печ. по РС. Автографы — БЛ, ГПБ1б.

377. Молодик, 1844, с. 93 (строфы 1, 2, 5), под загл. «Современная любовь», подпись: Фата-Моргана. Печ. по РС, 1907, № 4, с. 201. Автографы: без подзаголовка, без строфы 2, с разночтениями, с датой: 1844 — ЦГАЛИ; с датой: 1843 — ГПБ4; два, один из них с датой: 1843 — ГПБ; авторизованная копия строф 3—4 с разночтениями — ПД.

378. Молодик, 1844, с. 91, под загл. «И. Ю. Б — му», без подписи, ц. р. 2 марта 1844 г. Автограф с пометой Щ.: «Читайте слово Р *** ой „под небом Русовой забыл“» — БЛ. Имеется в виду, по-видимому, М. Е. Русова, юношеское увлечение Щ. Иван Юрьевич (Егорович) *Бецкой* (1818?—1890) — издатель «Молодика», на страницах которого в 1843—1844 гг. был опубликован ряд стихотворений Щ. (См. также: В. И. Срезневский. И. Е. Бецкой, издатель «Молодика». СПб., 1900, 32 с.) Бецкой писал М. П. Погодину в 1843 г.: «Щербина еще мальчик, но обещает необыкновенно много. Жаль, что он ровно ничему не учился и знакомство его в Харькове что-то вроде сапожников. Впрочем, истинное дарование возьмет свое; покрой его землею, — оно стряхнет ее и явится на свет...» (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 7, 1893, СПб., с. 136). В 1843—1844 гг. Бецкой способствовал публикации Щ. в «Москвитянине» (см. примеч. 387). *И небо Шиллера и Гёте* — цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Об увлечении поэзией Гёте и Шиллера Щ. писал А. Н. Майкову 13 ноября 1853 г.: «Поэты мне по душе: Лукреций, Катулл, Шенье, Гёте (как пантеист, но не как холодный художник), все страстные поэты и поэты „Ямбов“» (ПД). В этом же письме строку из трактата Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии»: «Красота есть порождение гармонии духа с чувственностью» — Щ. определяет как один из эпиграфов к «тому, что начинал писать».

379. Молодик, 1844, с. 74, подпись: ***. Автографы — БЛ, ГПБ1б.

380. Молодик, 1844, с. 93, подпись: Фата-Моргана. Печ. по РМ, 1914, № 4, с. 139. Автограф — ГПБ1б.

381. Молодик, 1844, с. 82, подпись: Фата-Моргана. Автографы — БЛ, ГПБ1б.

382. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с 151. Автограф — БЛ. Датируется на следующем основании: рукописное наследие Щ., подаренное И. Ю. Бецким Румянцевскому музею (ныне — БЛ), относится к раннему периоду деятельности Щ., с 1837 по 1844 г. включительно. Данное стихотворение входит в число автографов, подаренных Бецким.

383. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 149. Автографы: БЛ, строфы 3, 4 — ГПБ5. Датируется на том же основании, что и № 382. *Твое грядущее темно* — неточная цитата из стих. М. Ю. Лермонтова «Дума» (1838).

384. PC, 1907, № 4, с. 196, с датой: 1 января 1853 г.; ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с подзаголовком «Посвящ⟨ается⟩ И. Ю. Бецкому» и предположительной датой: «позднее 1843—1844 гг.». Печ. по PC. Автографы: с подзаголовком «Посвящ⟨ается⟩ И. Ю. Бецкому» — БЛ; первоначально с подзаголовком «Л. П. Никулиной-Косицкой» и датой: 1 января 1853 г. — ГПБ4. Датируется на том же основании, что и № 382. О Бецком см. примеч. 378. Косицкая Любовь Павловна (по мужу Никулина) (1827—1868) — актриса Малого театра, исполнительница ряда центральных ролей в пьесах А. Н. Островского; с ее мужем — И. М. Никулиным — Щ. познакомился в Одессе в 1850 г.

385. Молодик, 1844, с. 98, подпись: Фата-Моргана. Автограф — ГПБ1б.

386. Молодик, 1844, с. 89, подпись: С. Будимирович. Печ. по автографу ГПБ1б. Другие автографы: БЛ; две авторизованные копии под загл. «Песня женщины» — ПД, ГПБ (на копии ПД неизвестной рукой дата: 1843 г.).

387. ИВ, 1906, № 10, с. 233, опечатки исправляются по автографу ГПБ1. Датируется на основании следующей приписки Щ., заключающей тетрадь ТБ2: «И. Ю.! 3 стихотворения: 1) К сопернику, 2) Песня Паликара, 3) Впечатление, — отосланные Вами в «Москвитянин», если только там не напечатаются, напечатайте их во 2-й части «Молодика». Я их в тетрадь не вписал» (БЛ). *Триаполица*, или Триполица — главный город Мореи.

388. PC, 1906, № 12, с. 691; ИОРЯС, 1914, т. 14, № 2. Печ. по PC. Автографы — БЛ, ГПБ1б. Датируется по наличию в тетради ТБ2.

389. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 139. Автограф — БЛ. Датируется по наличию в тетради ТБ2.

***390.** Молодик, 1844, с. 97, подпись: Фата-Моргана, помета — Харьков; РМ, 1914, № 4. Печ. по беловому слою автографа ГПБ1б.

391. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 141. Автограф — БЛ. Датируется по наличию в тетради ТБ2. О *Бецком* см. примеч. 378.

392. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 148. Автограф — БЛ. Датируется на том же основании, что и № 382.

393. Молодик, 1844, с. 75, подпись: С. Будимирович. Печ. по РС, 1907, № 4, с. 135. Автографы — БЛ, ГПБ1б.

***394.** Молодик, 1844, с. 80, подпись: Фата-Моргана. Печ. по автографу ГПБ1б. Другой автограф — БЛ. *Меотические волны* — т. е. волны Азовского моря.

395. Молодик, 1844, с. 81, подпись: Фата-Моргана; РМ, 1914, № 14. Печ. по автографу ГПБ1б. Другой автограф — БЛ.

396. Молодик, 1844, с. 96, с подзаголовком «Е. А. Броневской», подпись: Фата-Моргана, дата: 1 января 1844. Печ. по РМ, 1914, № 4, с. 140. Автограф — ГПБ1а.

397. ИВ, 1906, № 10, с. 234. Автограф — ГПБ2.

***398.** ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 138, под загл. «Рассказ о жизни». Печ. по автографу ГПБ1а, дата — в автографе. Другой автограф — БЛ. Адресат не установлен.

399. РС, 1906, № 12, с. 686. Печ. по автографу ГПБ1а, дата — в автографе. Другие автографы: с датой: 1844 — ЦГАЛИ; с разночтениями — ГПБ4. Авторизованная копия ПД с пометой неизвестного: 1844 г. — ПД.

400. РС, 1906, № 12, с. 686. Автографы: ГПБ1б, ГПБ2; с датой: 1844 г. — ГПБ4.

401. РС, 1906, № 12, с. 689. Печ. по автографу ГПБ2. Датируется по расположению автографа в тетради.

402. РС, 1906, № 12, с. 687. Автограф — ГПБ2. Датируется по расположению в этой тетради. *Анакреон* — см. примеч. 45.

403. РС, 1907, № 8, с. 259. Печ. по автографу ГПБ2. Датируется по расположению в этой тетради. Перевод стих. Г. Гейне «Erklärung» из цикла «Северное море».

404. Публикуется впервые по сохранившейся части автографа ГПБ2. Датируется по расположению в тетради. Август фон *Платен* (1796—1835) — немецкий поэт; в своих лирических стихах подражал восточной поэзии и античным образцам.

405. СО, 1850, № 7, с. 11. Автографы — ГПБ2, ГПБ4. Датируется по расположению автографа в тетради ГПБ2.

406. Публикуется впервые по автографу ГПБ2. Датируется по расположению в тетради.

407. СО, 1850, № 7, с. 10. Печ. по РС с исправлением опечатки в ст. 17: «Тогда» вместо «Когда». Автограф — ГПБ2. Датируется по расположению в тетради.

408. РС, 1906, № 12, с. 689. Печ. по автографу ГПБ2. Датируется по расположению в тетради.

409. ИВ, 1906, № 10, с. 237, б. д. Автограф — ГПБ2, сначала без загл. Датируется по расположению в тетради. *Дикарь Отаити*. Таити — центральный остров группы островов «Общества» в Тихом океане. *Так в старике Альбиона, который под сенью древесной* и т. д. Альбион — Англия. Имеется в виду Исаак Ньютон (1642—1727), открывший закон всемирного тяготения.

410. РБ, 1914, № 4, с. 8. Черновой автограф — ГПБ. Датируется на основании письма Щ. к В. М. Лазаревскому от 10 декабря 1844 г., в котором Щ. писал: «Теперь буду переводить в стихах трагедию Эсхила: „Прометей“» (РБ, 1914, № 4, с. 11). К образу Прометея Щ. неоднократно возвращался в своем последующем творчестве (см. примеч. 26). *Эсхил* (525—456 до н. э.) — древнегреческий поэт-трагик.

411. РС, 1907, № 4, с. 199. Автограф — ГПБ2. Датируется по расположению в тетради.

412. Публикуется впервые. Автограф сначала под загл. «Хор. Из Софоклова „Царя Эдипа“» — ГПБ. Датируется по расположению в тетради.

413. РС, 1906, № 12, с. 687. Печ. по автографу — ГПБ4. Другой автограф с пометой: «6 февраля» — ГПБ2. Датируется по расположению в тетради ГПБ2.

414. РС, 1906, № 12, с. 690. Печ. по автографу — ГПБ2, дата: 9 февраля 1845 г.

415. Литературные вечера, вып. 2. Одесса, 1850, с. 157, под загл. «Схолия», без ст. 24, дата: 1844; РБ, 1914, № 4, в письме В. М. Лазаревскому от 30 мая 1845 г., под загл. «Песня жизни»; РМ, 1914, № 4, с. 142. Печ. по тексту «Литературных вечеров», в котором более поздняя, чем в автографе, правка Щ. (ГПБ). Автограф под первоначальным загл. «Песня жизни», затем — «Дифирамб» и «Сколия» и пометой «14 февраля» — ГПБ2. Год написания стихотворения определяется на основании письма к Лазаревскому от 30 мая 1845 г.: «Вот вам... мое новое стихотворение» (РБ, 1914, № 4, с. 12). Эта дата подтверждается и расположением в тетради ГПБ2. В этом же письме Щ. писал: «Стремление человека в жизни есть стремление к осуществлению его идеалов. Но как внутренний мир наш выше мира явлений, внешних средств, существенности, то только предполагается в жизни одно стремление к осуществлению наших идеалов, а не самое осуществление их, что горько возмущает наше существование... Слава богу! Я еще не так глуп, чтобы быть когда-либо счастливым, и не так умен (странно было бы сказать — велик), чтоб быть равнодушным к счастию... И лучше уж ничего не желать, чем желать мало, что есть признак самой бедной, самой ограниченной натуры. Я теперь избрал какую-то странную средину между тем и другим, как-то мирю то и другое, не пеняя ни на свет, ни на людей, ни даже на самого себя (хотя бы и следовало). Всё, что есть, было и будет, так должно быть, а не иначе, потому что всё является по необходимости, а не бессознательным случаем. Всё должно быть так, как оно есть... Да, я не пеняю ни на свет (sic), ни на людей, ибо знаю, что мы жалуемся

на бесчувственную и злую толпу, проклинаем равнодушный свет и вредный эгоизм людей, не чувствуя того, что мы для другого индивидуума составляем часть той же толпы, того же света и эгоизма... Я большею частию то горько сознаю свое ничтожество, перестав походить на легкомысленных мальчишек-мечтателей, то не сознаю его, одушевляемый мыслию, что в мире нет ничего ничтожного, в нем всё великое, потому что он сам велик...» (там же). Эпиграф — из 34 гл. «Сатирикона», авторство которого приписывается Гаю Петронию (ум. 66 н. э.), римскому аристократу-эпикурейцу.

416. РС, 1906, № 12, с. 688, под загл. «На отъезд. (Н. Е. О.)». Автограф под загл. «На отъезд *** (Н. Е. О.)» — ГПБ2.

417. РС, 1907, № 4, с. 193. Автограф — ГПБ4.

418. РС, 1907, № 4, с. 192. Печ. по автографу ГПБ4. Другой автограф — ГПБ.

419. РС, 1907, № 4, с. 203. Печ. по автографу ГПБ. *Тройка борзая летит* — неточная цитата из стих. А. С. Пушкина «Зимняя дорога» (1826).

420. ИВ, 1906, № 10, с. 235. Автограф — ГПБ1б. Датируются по наличию в тетради, озаглавленной Щ. «Первоначальные опыты»; в ней находятся стихотворения первой половины 1840-х годов.

421. РС, 1906, № 12, с. 685. Печ. по автографу ГПБ1б. Датируется по наличию в этой тетради, озаглавленной Щ. «Первоначальные опыты» (см. примеч. 420).

422. РС, 1907, № 4, с. 189, без загл. Печ. по автографу ГПБ4. Другие автографы: без загл. — ГПБ3; авторизованная копия, без загл. — ГПБ.

423. РС, 1906, № 12, с. 693. Автограф — ГПБ3.

424. РС, 1906, № 12, с. 693. Автограф — ГПБ3. *Эллада* — древняя Греция. *Каллистрат* (Калликрат) (середина V в. до н. э.) — древнегреческий архитектор, работал в Афинах, совместно с Иктином — создатель Парфенона (447—432 до н. э.). *Полигнот* (V в. до н. э.) — древнегреческий живописец.

425. РС, 1906, № 12, с. 693, дата: 25 апреля 1846 г. Автографы: черновой, с датой: 21 апреля 1846 г. — ГПБ3; с датой: 21 апреля 1846 — ГПБ4.

426. ИВ, 1906, № 10, с. 236, с ошибкой, без загл. Печ. по автографу ГПБ4. Другие автографы: без загл. — ГПБ3; под загл. «Бессонница» — ГПБ; авторизованная копия, с разночтениями, без загл. — ГПБ.

***427.** РС, 1907, № 4, с. 189. Черновой автограф — ГПБ3.

428. РС, 1907, № 8, с. 260. Автограф — ГПБ3.

429. РС, 1906, № 12, с. 694. Автограф — ГПБ3.

430. РС, 1907, № 8, с. 261. Печ. по черновому автографу ГПБ3; датируется по расположению в тетради.

431. РС, 1907, № 4, с. 191. Черновой автограф — ГПБ3.

432. РС, 1907, № 4, с. 200. Автографы — ГПБ3, с датой: 13 июля 1846 — ГПБ4. Е. П. *Макропуло* — по-видимому, один из таганрогских друзей Щ.

433. РС, 1907, № 4, с. 192. Черновой автограф — ГПБ3.

*434. РС, 1906, № 12, с. 695. Печ. по беловому слою автографа ГПБ3.

435. РС, 1907, № 4, с. 203, с ошибкой. Печ. и датируется по автографу — ГПБ. Другой автограф с пометой Щ. «15 декабря» — ГПБ. Перевод стихотворения А. Мицкевича «До Д. Д.» («Moja piesrotka, gdy w wesołej chwili») (1825).

436. РС, 1907, № 4, с. 201. Автографы: черновой под загл. «В. А. Ф. . . .му», с пометой Щ. «19 декабря» — ГПБ; с пометой: «19 декабря» — ГПБ3. Год устанавливается по наличию автографа в тетради ГПБ3.

437. РС, 1906, № 12, с. 695. Автограф — ГПБ4.

438. РС, 1907, № 4, с. 194, с предположительной датой: конец 1840-х годов и пометой: «Тимохино, 13 августа». Автограф с пометой: «13 августа. Тимохино» — ГПБ. Датируется предположительно серединой 1840-х годов на основании содержания, почерка и следующего свидетельства Щ. в письме к В. М. Лазаревскому от 10 декабря 1844 г.: «Я живу со Старовым на одной квартире» (РБ, 1914, № 4, с. 11). Николай Дмитриевич *Старов* (р. 1793) — педагог, в 40-е годы живший в Харькове, в 50-е годы — в Петербурге, где преподавал русский язык в Смольном институте и был одним из воспитателей дочери Ф. П. Толстого — Е. Ф. Толстой (в замужестве Юнге). Щ. познакомился с ним в Харькове в 1843 или 1844 г., жил с ним на одной квартире, впоследствии часто встречался в Петербурге, в доме Ф. П. Толстого.

439. РС, 1906, № 12, с. 696, с ошибкой. Печ. по автографу ГПБ3.

440. РС, 1906, № 12, с. 692. Черновой автограф — ГПБ2. *Гангес* — река Ганг.

441. РС, 1906, № 12, с. 695, дата: 1847 г. Автографы: под загл. «Слава Тебе!», с пометой: «15 декабря» — ГПБ; под загл. «Истина молитвы», с пометой: «1847 г.» — ГПБ4; две авторизованные копии под загл. «Слава Тебе!» — ПД, ГПБ.

442. РС, 1906, № 12, с. 696. Печ. по автографу ГПБ4.

443. РС, 1907, № 4, с. 204. Черновой автограф — ГПБ. Датируется предположительно по расположению на обороте листка со стихотворением 1847 г. (см. № 441). Перевод LXX стихотворения Катулла (см. примеч. 12). Эпиграф — первая строка этого стихотворения.

*444. ОЗ, 1851, № 3, с. 108, без строфы 3; РС, 1906, № 12, с. 697, без загл., дата: 1848. Печ. по автографу ГПБ4. Другие автографы: два — ЦГАЛИ; авторизованные копии — ПД, две — ГПБ.

445. БдЧ, 1851, № 4, с. 82, без загл. и строф 3—4. Печ. по РС, 1907, № 4, с. 204. Автографы: под загл. «Современной женщине», дата: 1848 — ГПБ3, ЦГАЛИ. Щ. писал В. П. Гаевскому 26 апреля 1851 г.: «В «Библиотеке» напечатана другая пьеска: «Современной женщине». Я сам, когда переписал, выпустил из нее лучший куплет; а у вас тоже еще выпустили один, и пьеса без этих двух куплетов стала негодной. Так всегда было с напечатанными в журналах моими стихами, что, не завися от меня нисколько, служит ко вреду моему» (ГПБ).

446. РС, 1907, № 4, с. 202. Автограф — ГПБ4.

447. РС, 1906, № 12, с. 694. Печ. по автографу ГПБ3. В эту тетрадь оно вписано позднее, чем все остальные стихотворения, другими чернилами и почерком более позднего периода. Датируется предположительно концом 40-х годов.

448. ИВ, 1891, с. 62. Печ. по автографу ГПБ4. Автографы: один с подзаголовком: «Посвящ⟨ается⟩ князю Я. Я. Грузинскому» и датой: 25 октября 1850, другой — с пометой В. П. Гаевского: «Представлено в «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩», но запрещено» — ПД; в письме Щ. к В. Н. Репниной от 7 ноября 1850 г. — ЦГАЛИ; с подзаголовком: «Посвящается князю Я. Я. Грузинскому», датой: 25 октября 1850 и примеч. к слову «тине» в ст. 9: «Таганрог» — ГПБ. Тексту этого стихотворения в письме к Репниной предшествуют следующие строки: «Мой внутренний человек с его убеждениями и сердцем, как в задушевной исповеди, высказывается в моих произведениях: вы, вероятно, их читали... Но жизнь еще имеет другие стороны; одна ее сторона моего тяжелого прошедшего и связанного с ним будущего выразилась у меня в следующем стихотворении, написанном мною по приезде в Москву» (ЦГАЛИ). Грузинский Яков Яковлевич (1793—1866) — московский фабрикант, в его доме Щ. проживал в начальный период своего пребывания в Москве.

449. С, 1851, № 3, с. 141, без ст. 6—8, 13—16. Печ. по автографу ГПБ (первоначальное загл. этого автографа — «К музам»), против ст. 6—8, 13—16 пометы Щ.: «не пропущено цензурой». Другой автограф под загл. «Гимн музам» и пометой Щ.: «В „Современник"» — ПД. В письме к В. П. Гаевскому от 10 апреля 1851 г. Щ. писал: «...жаль, что в «Современнике» напечатана была искаженная пьеска «К музам», не надо было ее печатать» (ПД).

450. РС, 1907, № 4, с. 194. Автографы: два, один — черновой, другой — с датой: 13 марта 1853 г. — ГПБ, ПД; копия рукой В. П. Гаев-

ского, с подписью Щ. — ПД. Собираясь опубликовать стихотворение в 1851 г., Щ. писал Гаевскому 3 апреля этого года: «В пьесе «Душа и природа» я исправил уж кое-что, а после совершенно ее переделаю. Я поспешил ее послать, тотчас написанную, и потому она в форме у меня не выработалась. Совершенно переделав, я пришлю ее к Вам вновь» (ПД).

451. РА, 1906, № 5, с. 127. Автограф с разночтениями и датой: 16 августа 1853 — ГПБ. *Уваров* Сергей Семенович (1788—1855) — министр народного просвещения с 1833 по 1849 г., с юности находился в дружеских отношениях с поэтом В. А. Жуковским; с 1815 по 1818 г. оба — члены литературного общества «Арзамас». *Поречье* — имение графа Уварова в Можайском уезде Московской губернии. В августе 1853 г. в Поречье был открыт памятник Жуковскому, выполненный группой художников под руководством А. П. Брюллова. Посылая стихотворение С. П. Шевыреву с просьбой прочесть его на открытии памятника, Щ. писал: «Я воспитан на Жуковском, обязан ему нравственным развитием и поэтическим направлением способностей» (РА, 1906, № 5, с. 128).

452. П, 1854, № 3, с. 7, под загл. «Музыкальное чувство. Посв⟨ящается⟩ кн. Н. Н. В.»; Заря, 1869, № 8, под загл. «Внутренняя музыка». Печ. по автографу ГПБ. Другие автографы: ГПБ; под загл. «Музыкальное чувство. Посвящается княжне Наталье Николаевне Волконской» — ПД. Датируется по наличию автографа ГПБ в тетради под общим загл.: «Стихотворения 1853 г. Село Истопники (июнь — август)». 4 сентября 1853 г. Щ. писал В. Р. Зотову: «. . .„Музыкальное же чувство" (в исправленном уже виде) в таком только случае отдайте в печать, когда вы признаете, что форма ее не требует еще исправления. Вам доставлен исправленный экземпляр его через Н. Д. Хвощинскую» (ПД). Возвращаясь к этому стихотворению в письме от 30 сентября, Щ. просил Зотова: «Пьесу «Музыкальное чувство» уничтожьте: она мне показалась как-то тяжелой, и потому не должна быть пока напечатана» (ПД).

453. РС, 1906, № 12, с. 698. Автографы: два, один — черновой, под загл. «Я не красавица» — ГПБ. Датируется на том же основании, что и № 452.

454. РС, 1906, № 4, с. 196. Автограф — ГПБ. О М. П. *Корниловой* см. примеч. 75.

455. Печатается впервые по автографу ПД. Об А. И. *Толстой* см. примеч. 69.

456. РС, 1907, № 4, с. 196. Автограф — ГПБ. Марья Львовна *Знаменская*, по-видимому, родственница или знакомая семьи Щ.; у нее Щ. жил в Таганроге летом 1859 г.

457. Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины, СПб., 1876, с. 431. Обращено, по-видимому, к графу Федору Петровичу Толстому (1783—1873), вице-президенту Академии художеств, известному скульптору и живописцу, 19 августа 1860 г. уезжав-

шему с семьей на длительный срок за границу. Познакомившись с семейством Толстых в 1855 г., Щ. поддерживал с ним дружеские отношения до конца жизни, бывал частым гостем их дома в Петербурге и Париже, во время своей заграничной поездки 1861 г. В письме к П. А. Радищеву от 25 января 1859 г. Щ. писал: «Я, действительно, состою в самых дружеских отношениях с семейством графа Ф. П. Толстого, которого я люблю, как отца, а графиню, как сестру, и которые ко мне питают те же чувства, но слово «покровительство» так далеко от их благородных чувств, от их нравственного развития и современного взгляда на вещи. . .» (ПД). Ф. П. Толстой — автор ряда иллюстраций к антологическим стихам и драмам Щ. (И, 1858, №№ 1, 2, 11, 15, 25, 30, 35 и др.). Щ. в 1861 г. опубликовал статью «Медальон графа Ф. Толстого в память освобождения крестьян» («Современная летопись», 1861, № 16, с. 10—11; также опубликовано в «Le Nord»). Датируется временем предстоящего отъезда семейства Толстых в Париж. *Авзонийские цветы.* Авзония — юго-западная часть Италии; в поэзии употреблялось как название для всей Италии.

458. Юбилей академика кн. П. А. Вяземского, СПб., 1861, с. 49. Автограф под загл. «1861 год и юбилей князя П. А. Вяземского» — ЦГАЛИ. Прочтено Щ. 2 марта 1861 г. на праздновании 50-летия литературной деятельности П. А. Вяземского. *Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и критик, друг Пушкина, до конца 1820-х годов находился в сфере политических и литературных идей декабристов; впоследствии резко поправел; с 1830 по 1855 г. служил в министерстве финансов, с 1855 по 1858 г. — товарищ министра народного просвещения. Щ. познакомился с Вяземским в Одессе, в 1850 г.; с марта 1855 по 1858 г. служил в Петербурге чиновником особых поручений при кн. П. А. Вяземском. Последний неоднократно принимал участие в судьбе Щ. *В славный год, когда свобода* и т. д. 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест и «Положения» о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.

459. РБ, 1914, № 4, с. 9, под загл. «Набросок». Автограф — ГПБ8.

460. РБ, 1914, № 4, с. 10, со ссылкой на автограф (в альбоме Е. Н. Шубинской). *Шубинская* Екатерина Николаевна, жена Сергея Николаевича Шубинского (1834—1913), историка, с 1880 г. — редактора-издателя, с 1881 г. — редактора «Исторического вестника»; с 1867 по 1870 г. Шубинский служил в чине майора чиновником особых поручений в Главном интендантском управлении.

ДРАМЫ

461. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2, с. 106. Печ. и датируется по автографу БЛ. Другой автограф — ГПБ. Действие драмы происходит в период освободительной борьбы греческого народа 1821—1827 гг. *Ипсара* — остров в Эгейском море и главный город на этом острове. 3 июля 1824 г. Ипсара была захвачена и разорена турками. *Сульйо-*

ты — горное греческое племя, населявшее город Сули и окружавшие его деревни. См. также приложение, с. 456—474. *Дьякос* Афанасиос — паликар, погиб в марте 1821 г. (см.: Греческие народные песни, М., 1957, с. 43—45, 271—272). *Колокотрони* Федор (1770—1843) — командующий греческими войсками под Триполицей (см.: Греческие народные песни, с. 274). *На раздолье небес светит ярко луна* и т. д. — 1-я строфа ст. «Южная ночь» (№ 5, см. примеч. к нему). *Миролог* — см. примеч. 41. См. также примеч. Щ. к драме.

462. М, 1852, № 1, с. 127, с разночтениями и без посвящения. Печ. по С1, с. 108. Автограф — ГПБ. См. примеч. Щ. к драме.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Маяк, 1844, т. 16, № 31—32, с. 32. Печ. по ПСС, с. 183.
2. ГС, с. 91. Автограф — ЦГАЛИ (Зел.).

СЛОВАРЬ

Агамемнон (греч. миф.) — аргосский царь, предводитель греков (ахейцев) в Троянской войне, сын микенского царя Атрея, женат на Клитемнестре — дочери царя Спарты Тиндарея, от которой имел сына Ореста и трех дочерей: Ифигению, Христомиду и Лаодику (у греч. трагиков — Электру). После падения Трои А. вернулся на родину, где был коварно убит Клитемнестрой и ее возлюбленным Эгистом.

Агора — городская площадь, место народных собраний в античной Греции.

Адамант (греч. миф.) — непроницаемая сталь, из которой сделаны ворота ада и самый ад.

Аид (греч. миф.) — преисподняя, царство мертвых, иногда — Тартар, Эреб; также — владыка подземного мира и царства мертвых, иногда — Плутон.

Аканф — декоративное растение с зубчатыми темно-зелеными листьями и белыми, желтыми либо красноватыми цветами; в древней Греции было распространено изображение аканфа на предметах искусства и архитектуры, в частности, два ряда его листьев украшают капитель коринфской колонны.

Акафист — хвалебное песнопение.

Акрополь — укрепленная часть древнегреческого города, обычно находившаяся на возвышении.

Алфей (греч. миф.) — речной бог, преследовал своей любовью речную нимфу Аретузу, которая, спасаясь от него, превратилась в источник. Но А. стал рекою, догнал ее, и его воды соединились с водами Аретузы.

Альцион (Альциона) — самая яркая из звезд группы Плеяд.

Амфора — сосуд особой формы, сужающийся кверху; был распространен в античную эпоху.

Андромеда (греч. миф.) — дочь эфиопского царя Кефея и Кассиопеи; жена Персея; после смерти была превращена в созвездие.

Антигона (греч. миф.) — дочь Эдипа и Иокасты, отправившаяся с отцом в добровольное изгнание; после смерти Эдипа возвратилась в Фивы, где за погребение тела своего брата Полиника была предана смерти.

Аполлон (греч. миф.) — бог света, покровитель поэзии и искусства; в переносном смысле — солнце.

Арей (греч. миф.) — бог войны, сын Зевса и Геры.

Ариадна (греч. миф.) — дочь Миноса и Пасифаи; дав Тесею клубок

ниток, помогла ему выйти из лабиринта, где он должен был убить Минотавра; брошенная Тесеем на о-ве Наксос, она стала жрицей и супругой Диониса. В дар от богов А. получила свадебный венец, помещенный впоследствии среди звезд (созвездие Северной Короны).

Аркада — система арок.

Аркас (греч. миф.) — сын Зевса и Каллисто.

Арматол — командир отряда внутренней стражи в Греции, конца XVII — 1-й трети XIX в., находившийся на службе у турецкого правительства; зачастую арматолы переходили на сторону клефтов (см.).

Арнауты — особый род войска в Турции, стражи из христиан.

Артемида (греч. миф.) — дочь Зевса и Лето, сестра-близнец Аполлона, богиня чистоты и непорочности, покровительница охоты.

Афина (греч. миф.) — богиня неба, повелительница туч и молнии, богиня плодородия, мудрости и мирного труда.

Афродита (греч. миф.) — богиня любви и красоты. В V—IV вв. до н. э. А. стали различать: А.-Пандемос — божество грубой, чувственной любви; А.-Урания — божество возвышенной, идеальной любви.

Ахелой — река в Греции; здесь имеется в виду ее верховье.

Багряница — пряжа или ткань багряного цвета; ткани царского одеяния.

Бахус (римск. миф.) — см. Дионис.

Баядерка — танцовщица.

Борей (греч. миф.) — бог северного ветра, в переносном смысле — порывистый, холодный ветер.

Брамин — жрец, человек, принадлежащий к высшей жреческой касте в Индии.

Брашно — еда, пища, яство.

Бурдюк — мешок, сшитый из шкуры животных и служащий для хранения жидкостей.

Бурмитское зерно — крупная окатистая жемчужина.

Вакханка (римск. миф.) — служительница бога Вакха (у греков Диониса), всюду его сопровождавшая.

Венера Таврическая — Венера (римск. миф.) — богиня супружеской любви, культ которой слился с культом Афродиты. В. Т. — скульптурное изображение богини, хранящееся в Эрмитаже.

Веста (римск. миф.) — у греков Гестия, дочь Крона и Реи, сестра Зевса, Посейдона, Аида, Геры и Деметры; божество домашнего очага и огня. В храме В. поддерживался весталками вечный огонь — Вестин огонь; отсюда брали огонь в новые колонии и поселения.

Весталки (римск. миф.) — жрицы храма богини Весты в Риме; они поддерживали вечный огонь и обязаны были блюсти целомудрие, иначе их ждало жестокое наказание.

Ветрила — паруса.

Виссон — тонкая и мягкая ткань, предмет роскоши.

Внука Леды — Ифигения, мать которой Клитемнестра была дочерью Леды и спартанского царя Тиндарея.

Водолей — одно из 12 созвездий Зодиака.

Галатея (греч. миф.) — нереида, морская нимфа, олицетворение спокойного и блестящего моря.

Галлы — кельтское население Галлии, занимавшее территорию современной Франции, северной Италии, Бельгии, Люксембурга, части Нидерландов и Швейцарии.

Гебр, или *гвебр* — последователь учения Заратустры в Персии; гебры поклонялись солнцу и луне.

Геката (греч. миф.) — богиня земли, моря, неба и человеческих дел, позднее она стала богиней призраков, ночных кошмаров, повелительницей теней в подземном царстве.

Гекзаметр — античный стихотворный размер, шестистопный дактиль; им написаны поэмы Гомера «Одиссея» и «Илиада».

Гермес (греч. миф.) — бог скотоводства, глашатай богов, покровитель путников, купцов и торговли, изобретатель лиры, букв и чисел; воплощение хитрости и сметливости.

Геспер — одно из названий вечерней звезды Венеры.

Гетеры — женщины в Древней Греции, находившиеся на содержании у богатых и знатных граждан и отличавшиеся образованностью и артистическим талантом.

Гефест (греч. миф.) — бог огня и кузнечного ремесла, сын Зевса и Геры, супруг Афродиты.

Гидра — созвездие южного неба.

Гиматий — большой четырехугольный плащ, дважды обертывавшийся вокруг левого плеча.

Гинекей — женские покои в греческом доме.

Грации (римск. миф.) — см. хариты.

Данаиды (греч. миф.) — 50 дочерей Даная — сына греческого царя Бела, бежавшего в Арголиду ради спасения своих дочерей от преследования сыновей своего брата Египта. Но последние, прибыв в Аргос, силой заставили Даная отдать им в жены его 50 дочерей. По приказанию Даная его дочери в брачную ночь убили своих мужей. Лишь одна из них — Гипермнестра — ослушалась отца и пощадила своего мужа. За свое преступление данаиды после смерти были обречены вечно наполнять водой бездонную бочку.

Денница — утренняя заря.

Диана (римск. миф.) — см. Артемида.

Диатриба — речь с желчными нападками личного характера.

Дий — см. Зевс.

Дионис (греч. миф.) — бог растительности, покровитель виноградарства и виноделия.

Дольний — земной.

Дриады (греч. миф.) — нимфы, покровительницы деревьев; лесные нимфы.

Ектения — часть православного богослужения; моления, содержащие различные прошения.

Елена (греч. миф.) — дочь Зевса и Леды, супруги Тиндарея, супруга Менелая, виновница Троянской войны.

Епанча — широкий безрукавый плащ у мужчин; короткая безрукавая накидка у женщин.

Запястье — здесь: браслет.
Зевс, или Зевес (греч. миф.) — верховный бог, царь и отец богов и людей, сын Реи и Крона, управляющий всеми небесными явлениями, прежде всего громом и молнией.
Зело — весьма, очень.

Инах (греч. миф.) — бог одноименной реки в Арголиде, отец нимфы Ио.
Ифигения — см. Внука Леды.

Каймак — сливки с топленого молока.
Калхант (греч. миф.) — прорицатель, сопровождавший греков в Трою.
Камей — камень (часто драгоценный) с выпуклой резьбою; здесь — застежка.
Камка — шелковая китайская ткань с разводами.
Кассиопея (греч. миф.) — супруга эфиопского царя Кефея, мать Андромеды (см.). Ее именем было названо созвездие в Млечном Пути.
Кентавр (греч. миф.) — южное созвездие.
Киприда — см. Афродита.
Киферон — лесистые горы, разделяющие Аттику и Беотиль.
Клефт — см. паликар.
Кратер — чаша.
Козерог — созвездие Зодиака в южном полушарии.
Коцит (греч. миф.) — река в подземном царстве, приток Стикса.
Крон (греч. миф.) — одно из древнейших доолимпийских божеств. К. — Сын Урана (неба) и Геи (земли), младший из титанов, низвергший своего отца. К. было предсказано, что, подобно своему отцу, он будет низвергнут одним из своих детей. Поэтому он проглатывал своих детей. Этой участи избежал Зевс, который впоследствии низверг его.
Кронид (греч. миф.) — см. Зевс.
Кружало — питейный дом; кабак.
Кукона, куконица — боярыня, аристократка в Бессарабии.

Латона (греч. миф.) — см. Лето.
Лета (греч. миф.) — одна из рек подземного царства Аида, дающая забвение всего земного.
Лето (греч. миф.) — титанида, супруга Зевса, мать Аполлона и Артемиды.
Лития — молитва об успокоении души умершего.

Магадева — великий бог, одно из имен бога в индийской мифологии Шивы.
Мастика — дерево с ароматической смолой; часто — просто ароматическая смола; густая масса различного состава, применяющаяся как склеивающее вещество и для изготовления небольших изделий.
Медяница — змеевидная ящерица желтого цвета.
Митра (Мифра) (перс. миф.) — божество света, солнца и добра.

Мойры (греч. миф.) — богини человеческой судьбы, олицетворяющие силу рока (судьбы).

Мурмолка — плоская меховая или бархатная шапка; славянофилы считали ее необходимой принадлежностью национального русского костюма.

Навзикая (Навсикая) (греч. миф.) — дочь царя феаков Алкиноя. Отправившись утром, по повелению Афины, на берег моря с рабынями для стирки одежд, она нашла там потерпевшего кораблекрушение Одиссея, одела его и послала в дом своего отца. Встреча Н. и Одиссея — один из лучших эпизодов поэмы Гомера.

Нереиды (греч. миф.) — нимфы моря, дочери морского бога Нерея и Дориды. Наиболее известны н.: Амфитрита — супруга Посейдона, Фетида — жена смертного Пелея и мать Ахилла.

Никандра — род травянистых растений.

Нимфы (греч. миф.) — многочисленные божества, олицетворявшие силы и явления природы.

Ниобея (греч. миф.) — жена царя Амфиона, мать двенадцати детей, была жестоко наказана Аполлоном и Артемидой за оскорбление их матери Латоны: дети Н. были истреблены, а сама она превращена в камень.

Номады — бродячие кочевые племена.

Океан (греч. миф.) — прародитель всех богов, титанов и олимпийцев, отец Крона, свергнутого Зевсом.

Оле — «о», старославянское междометие.

Омфала (греч. миф.) — лидийская царица, к которой, в наказание за убийство, был отдан в рабство Геракл; по ее прихоти он нарядился в женские одежды и прял шерсть, а О. облачилась в его львиную шкуру и носила его палицу.

Орации — правила красноречия.

Ореады (греч. миф.) — нимфы гор.

Орест (греч. миф.) — сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший свою мать в отмщение за отца.

Орион (греч. миф.) — беотийский великан, охотник, сын Гириея (вариант: Посейдона или Геи). После смерти превращен в созвездие.

Охабень — верхняя долгополая одежда, сермяжный зипун.

Паволока — дорогая бумажная или шелковая ткань.

Паладин — рыцарь чести.

Паликар — паликарами, т. е. удальцами, богатырями, называли себя бойцы греческих отрядов, сражавшиеся против турецкого господства, которых турки окрестили клефтами, т. е. разбойниками.

Парки (римск. миф.) — см. мойры.

Парфенон — храм богини Афины-девы в Афинах; построен на Афинском Акрополе в 447—438 гг. до н. э. Иктином и Калликратом.

Персть — пыль, прах, земля, плоть, материя — в противоположность духу.

Пилад (греч. миф.) — сын царя Строфия, верный друг Ореста (см.) и спутник его во всех злоключениях.

Пифон (греч. миф.) — чудовищный змей, которого убил Аполлон при основании им Дельфийского оракула.
Плутон — см. Аид.
Поволока — ткань.
Померанц — плод померанцевого дерева из семейства цитрусовых.
Портик — крытая галерея со сводом, обычно обрамляет вход в здание; в античную эпоху портики были распространены и как самостоятельные сооружения, служившие местом отдыха.
Посейдон (греч. миф.) — бог морей, сын Крона и Реи, брат Зевса.
Прометей (греч. миф.) — титан, богоборец и защитник людей, научивший их пользоваться огнем. В наказание за это был прикован к Кавказской скале, где каждое утро орел клевал его печень; был освобожден Гераклом.
Психея (греч. миф.) — олицетворение человеческой души; обычно изображалась в виде бабочки или молодой девушки с крыльями бабочки. По Апулею — возлюбленная Эрота (Амура).
Пурпур — здесь: царская одежда.

Рак — созвездие Зодиака в северном полушарии.
Распуколка — цветочная почка.
Рок — см. мойры.

Саламата — еда из муки с салом или маслом; жидкий кисель, кашица.
Селена (греч. миф.) — богиня луны. Один из мифов рассказывает о любви С. к прекрасному юноше Эндимиону (см.).
Семела (греч. миф.) — дочь фиванского царя Кадма, возлюбленная Зевса, мать Диониса.
Сераль — дворец султана, часть сераля составляет гарем — женская половина.
Сикомор — тутовое дерево.
Симпосион, или *симпосит* — у древних греков — званый пир.
Сирена (греч. миф.) — полуптица-полуженщина.

Тамбурин — бубны.
Тантал (греч. миф.) — царь, любимец богов, нанесший им тяжкое оскорбление и наказанный ими: находясь в подземном царстве и испытывая страшные мучения, он, стоя в воде, не мог утолить жажды, так как вода отступала, когда Т. наклонялся; ветви с плодами, окружавшие его, отодвигались, когда он хотел сорвать их.
Тевтоны — немецкие племена.
Тенар (греч. миф.) — пропасть, вход в подземное царство Аид.
Тетрахорда — звуковой ряд из четырех нот. Здесь — музыкальный инструмент.
Тиндариды (греч. миф.) — дети спартанского царя Тиндарея и Леды, — Кастор и Клитемнестра.
Титаны (греч. миф.) — дети Урана и Геи, восставшие против Зевса и побежденные богами.
Торжник — купец, торгаш.
Туника — белая одежда.

Фаэтон (греч. миф.) — сын Гелиоса и океаниды Климены. Умолив отца дать ему на один день управление солнечной колесницей, не сумел справиться с конями; колесница помчалась к Земле; желая спасти Землю, Зевс поразил Ф. молнией.

Феб (греч. «блистающий») — см. Аполлон.

Фелука, или *фелюга* — парусное судно на Средиземном море.

Фиала — у древних греков чаша в виде широкой бутыли с горлышком.

Филомела (греч. миф.) — сестра Прогны, жены фракийского царя Терея. Филомела стала жертвой насилия со стороны Терея. Чтобы отомстить мужу, Прогна убила сына и накормила мужа его мясом. Разъяренный Терей хотел убить сестер, но Зевс превратил их в соловья и ласточку; в поэтическом языке — соловей.

Фокида — область в Средней Греции.

Фрикандо — от французского fricando — название мясного блюда.

Фрикассе — от французского fricasse — название мясного блюда.

Фритредер — сторонник отмены таможенных пошлин, восстановления свободного ввоза и вывоза товаров.

Фустанелла — национальная греческая одежда.

Хариты (греч. миф.) — богини плодородия, красоты, радости, олицетворение женской прелести.

Харон (греч. миф.) — сын Эреба и Ночи, перевозчик, который на челноке переправляет души умерших до ворот Аида и взимает за перевоз плату.

Хиотка — жительница греческого острова Хиоса.

Хрия — термин школьной риторики, означавший совокупность приемов для развития предложенной темы.

Цезура — в метрическом стопном стихе — словораздел, разбивающий стих на два полустишия или три части.

Целовальник — продавец в питейном заведении.

Центавр — см. Кентавр.

Цест — пояс, кушак.

Цианы — род декоративных растений из семейства лилий с голубыми или желтыми цветами.

Цитера (Кифера) — самый южный из Ионийских островов; расположен при входе в Эгейское море.

Цитерна — деревянный сосуд для собирания и хранения воды.

Чекалка — шакал.

Щуры — разновидность певчих птиц.

Эдем — земной рай.

Эдип (греч. миф.) — сын фиванского царя Лайя и Иокасты. Не зная своих родителей, он убил своего отца и женился на матери; узнав о своих невольных преступлениях, Э. ослепил себя и отправился в добровольное изгнание в сопровождении своей дочери Антигоны.

Эклиптика — видимый путь солнца среди звезд, проходящий через 12 созвездий Зодиака.

Элизий (греч. миф.) — место блаженства в загробном мире, куда попадают души праведников.

Элоквенция — ораторское искусство, красноречие.

Эндимион (греч. миф.) — прекрасный юноша, погруженный в вечный сон, возлюбленный богини Селены (или Артемиды).

Эреб (греч. миф.) — олицетворение вечного мрака, сын Хаоса, брат или муж Ночи.

Эрот, или ***Эрос*** (греч. миф.) — бог любви.

Явор — белый клен.

Якета — корсет.

Ятаган — большой кривой турецкий кинжал, отточенный с одной стороны.

СПИСОК СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИХ В ИЗДАНИЕ

1. Бесталанье. ⟨1842⟩. «Молодик», 1843, с. 334.
2. 20 августа. ⟨1843⟩. «Молодик», 1844, с. 84.
3. Окно. ⟨1843⟩. ИОРЯС, 1909, т. 14, № 2. с. 143.
4. Борис Горемыка. ⟨1844⟩. «Молодик», 1844, с. 75.
5. Встреча. ⟨1844⟩. «Молодик», 1844, с. 25.
6. «Мы прожили отраду ожиданья!..». 1844. «Молодик», 1844, с. 83.
7. «Чтобы не быть мне лицемером...». 1844 или 1845. РС, 1906, № 12, с. 689.
8. «Когда много надежд схоронил...». 18 февраля 1845 г. РС, 1906, № 12, с. 688.
9. «Когда постыдные крамолы...». 1859. В соавторстве с В. Г. Бенедиктовым. АИ, с. 183, в сокращении; полностью — ПД.
10. Чернышевский. 9 апреля 1862 г. РС, 1907, № 8, с. 262.
11. Русская современность. 12 апреля 1862 г. ИВ, 1891, № 1, с. 53.
12. Некрасов. 23 апреля 1865 г. ИВ, 1891, с. 63.
13. Русская серия. 4 декабря 1867 г. ГПБ9.
14. Публицист Писарев. 3—7 марта 1868 г. ПСС, с. 413.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Н. Ф. Щербина. Литография П. Иванова с дагерротипа. Конец 1840-х годов. ПД.

2. *С. 85.* Рисунок Ф. П. Толстого к стих. «Купанье». «Иллюстрация», 1858, № 1, с. 9.

3. *С. 103.* Рисунок Ф. П. Толстого к стих. «Туника и пояс». «Иллюстрация», 1858, № 15, с. 1.

4. *С. 105.* Рисунок Ф. П. Толстого к стих. «Ваятель и натурщица». «Иллюстрация», 1858, № 2, с. 20.

5. *Между с. 128 и 129.* Карикатура Н. Степанова на стих. «Письмо» и пародию К. Пруткова «Письмо из Коринфа». ПД.

6. *Между с. 160 и 161.* Н. Ф. Щербина. Литография П. Бореля с фотографии Деньера. Конец 1850-х годов. Там же.

7. *С. 215.* Автограф стих. «Лето на острове Уайте». ГПБ.

8. *С. 251.* Титульный лист «Альбома ипохондрика» в ПСС.

9. *С. 287.* Титульный лист «Сатирической летописи» в ПСС.

10. *Между с. 320 и 321.* Карикатура Н. Степанова, направленная против московских писателей М. П. Погодина, Н. В. Сушкова и Е. П. Ростопчиной. ПД.

11. *На обороте.* Н. Ф. Щербина. Фотография Оже. 1858 г. Там же.

12. *Между с. 352 и 353.* Н. Ф. Щербина. Фотография И. Гоха с дарственной надписью М. И. Семевскому. 1867 г. ПД.

13. *На обороте.* Н. Ф. Щербина. Фотография И. Гоха с дарственной надписью Е. Н. Шубинской. 15 сентября 1867 г. ПД.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

НОВОГРЕЧЕСКИЕ МЕЛОДИИ

ПЕСНИ О ПРИРОДЕ

ЯМБЫ И ЭЛЕГИИ

РУССКИЕ ПЕСНИ НА ЧУЖБИНЕ

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ «ЭФЕМЕРИДЫ»

АЛЬБОМ ИПОХОНДРИКА

САТИРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

ДРАМЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Щербина Николай Федорович

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1970, 648 стр. План вып. 1970, № 330. Редактор *Л. А. Николаева.* Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова.* Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Е. А. Омельяненко.* Сдано в набор 18/III 1970 г. Подписано в печать 14/VII 1970 г. М 32493. Бумага 84×108 1/32. № 1. Печ. л. 20 1/4 (34,54). Уч.-изд. л. 32,87. Тираж 18,500 экз. Заказ № 556. Цена 1 р. 44 к. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28. Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
37	**20 сверху**	**темной**	**темой**

